This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

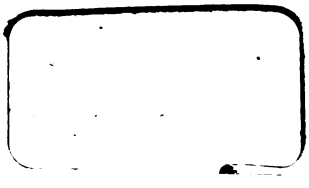
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 475.65

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

8546 .11

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ VIII. ІЮНЬ. 1889 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
I.	Мертвая зыбь. Романъ **К. В. Назарьевой.**	5
II.	Свѣтъ и тьма. Стих. **Л. И. Пальмина**	56
III.	Вѣкъ эпикурейства. (Черты нравовъ въ Россіи XVIII вѣка). **В. О. Михневича.**	57
IV.	Разсвѣтъ. Стих. **О. В. Чюминой**	76
V.	Золотая радуга. Романъ **Давида Мюррея** *(Оконч.)*.	77
VI.	На якорѣ. Повѣсть **Е. О. Дубровиной.** *(Окончаніе).*	125
VII.	Въ альбомъ знакомой болгаркѣ. Стих. **А. В. Круглова**	161
VIII.	Разсказы Гюи де-Мопассана. (Переводъ **П. Лѣтнева**)	162
IX.	М. Е. Салтыковъ. (Опытъ литературной характеристики). **В. В. Чуйко**	188
X.	Завѣтъ отца. (**Изъ Коппе**). Стих. **И. М.**	213
XI.	«Свѣжо преданіе»... (Изъ воспоминаній о старинномъ военномъ бытѣ). **В. Н. Никитина**	219
XII.	На тронѣ. Романъ **Кларисы Лоде**	240

(См. на оборотѣ).

№ 6 «Наблюдателя» вышелъ 15-го іюня 1889 года.

Digitized by Google

Современное обозрѣніе.

стран.

XIII. Очерки иностранной литературы **В. З.** 1

XIV. Политическая хроника. 19

Европейская печать, слѣдящая за петербургскими [redacted] раздниками.—Исторический тостъ и всполошившаяся дипломатія.—Эксъ-король, обличаемый своими эксъ-министрами.—Попытки [redacted]стріи и Гарашанина возбудить волненія въ Сербіи.—Избіеніе напредняковъ въ Бѣлградѣ.—Возвращеніе митрополита Михаила и улучшеніе экономическаго положенія Сербіи.—Паденіе русскаго рубля.—Опытъ практическаго рѣшенія рабочаго вопроса въ Германіи.—Стачка вестфальскихъ углекоповъ.—Посредничество Вильгельма II между рабочими и заводчиками.—Король Гумбертъ въ Берлинѣ.—Во что обходится Италіи союзъ съ Германіей?—Военные праздники въ Берлинѣ.—Поцѣлуй Бисмарка и несостоявшееся посѣщеніе Страсбурга.—Положеніе Франціи.—Столѣтняя годовщина избранія Вашингтона президентомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

XV. Новыя книги: 1) *Эмиль де-Лавелэ.* **Балканскій полуостровъ.** Переводъ съ французскаго, съ примѣчаніями и дополненіями *Ник. Евг. Васильева.* Москва. 1889. 2) **Памяти В. М. Гаршина.** Художественно-литературный сборникъ. Спб. 1889. 3) **Красный цвѣтокъ.** Литературный сборникъ въ память Всеволода Михайловича Гаршина. Спб. 1888. 4) *В. И. Немировичъ-Данченко.* **Очерки Испаніи.** Изъ путевыхъ воспоминаній. Томы I и II. Москва. 1889. 5) *К. С. Баранцевичъ.* **Новые разсказы.** Спб. 1889. 6) **Женитьба Днѣприна,** романъ въ двухъ частяхъ. Сочиненіе *П. Ф. Звѣржинскаго.* Спб. 1888. 34

XVI. Наши внутреннія дѣла. 42

Знаменательная депеша Государя Императора на имя вдовы скончавшагося министра внутреннихъ дѣлъ, графа Д. А. Толстаго.—Общіе контуры многосторонней дѣятельности покойнаго графа.—„Боевой" характеръ послѣдней.—Характеристика мѣропріятій покойнаго, въ качествѣ оберъ-прокурора св. синода.—Улучшеніе быта духовенства.—Преобразованіе учебной системы по духовному вѣдомству.—Дѣятельность графа Толстаго по министерству народнаго просвѣщенія.—Причина его равнодушія къ общественному мнѣнію.—Борьба съ противниками классицизма.—Отрывокъ изъ воспоминаній г. Старчевскаго объ отношеніи графа Толстаго къ реальному образованію.—Вліяніе на покойнаго графа замоскворѣцкихъ классиковъ.—Мнѣніе А. П. Пятковскаго по поводу „борьбы классицизма съ реализмомъ на русской почвѣ".—Какими пріемами удалось московскимъ „классикамъ" выиграть кампанію противъ реалистовъ?—Заслуги гр. Толстаго по народному образованію.—Нѣсколько замѣчаній по вопросу о необходимыхъ измѣненіяхъ въ нынѣшней системѣ преподаванія классическихъ языковъ.—Мнѣніе по этому предмету бывшаго попечителя харьковскаго учебнаго округа, К. К. Фойгта.—Новыя вѣянія въ педагогическомъ мірѣ.—Отзывы гг. Дмитревскаго и Вейсмана о нынѣшнемъ методѣ обученія древнимъ языкамъ.—Дѣятельность графа Д. А. Толстаго по министерству внутреннихъ дѣлъ.—Чего ожидаетъ русское общество отъ новаго министра?—Два слова по поводу назначенія на постъ президента императорской академіи наукъ Великаго Князя Константина Константиновича.

XVII. Фонографъ (фельетонъ **«Наблюдателя»**). Стихотворенія: *Случайнаго поэта и Л. Балалайкина.* 60

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ:

Гг. подписчики, пользующіеся разсрочкою, приглашаются къ немедленной уплатѣ дополнительнаго (майскаго) взноса, во избѣжаніе задержки въ полученіи журнала.

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ИМ. А. БИБЛИОТЕКА г. Свердловск

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

№ 6. ІЮНЬ.

Библиотека ... Инв. № ... при Свердл. Обкоме ВКП(б)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются на углу Стремянной и Владимірской ул., № д. 1—6, кв. 14.
1889.

ТИПОГРАФІЯ С. ДОБРОДѢЕВА, КОВЕНСКІЙ ПЕР., СОБСТВ. ДОМЪ, № 14.

36

Digitized by Google

PSlav 475.65 (1889) 6

ОБЪ ИЗДАНІИ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1889 ГОДУ (ГОДЪ ВОСЬМОЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, И. Д. Ахшарумовъ, Н. Ѳ. Бажинъ, В. П. Безобразовъ, П. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, Максимъ Бѣлинскій, П. В. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій (Буква), П. И. Вейнбергъ, В. Л. Величко, Вологдинъ, Г. А. Мачтетъ (Г*), проф. В. П. Даневскій, баронъ А. Г. Жомини, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, С. Я. Капустинъ, А. В. Круговъ, В. А. Крыловъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Л. И. Пальминъ, Я. Л. Паперъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. Э. Ромеръ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Н. Северинъ, Л. Н. Трефолевъ, проф. А. С. Трачевскій, Н. Флеровскій, Е. В. Чешихинъ, В. В. Чуйко, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ) и др.

«*Наблюдатель*» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ Спб.	13 р.	Съ доставкою въ Спб. .	7 р. 50 к.
Съ пер. въ др. мѣста имперіи	14 р.	Съ пер. въ др. мѣста Россіи	8 р.
Съ пересылкою за границу. .	16 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Годовые подписчики „Наблюдателя“, желающіе получить второе изданіе монографій редактора: „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“, высылаютъ 17 р. 50 к. (копѣйки—марками).

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы допускается: для гг. служащихъ—за поручительствомъ казначеевъ, а для неслужащихъ—по особому соглашенію съ Главною Конторою, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки. . . .	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою. . . .	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою . . .	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за границу .	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель А. П. ПЯТКОВСКІЙ.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 12 MAY 1971

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать *пять* семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается *2 р.*, при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—*1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 30 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами* и бандеролями. Рукописи, принятыя *безъ назначенія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по усмотрѣнію редакціи. Статьи неизвѣстныхъ редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе года со времени напечатанія*, признаются безплатными, если только авторы ихъ не проживали за границею. 7) Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4 часовъ пополудни, *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за ½ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ:* **20 числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

Digitized by Google

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ НОВАЯ КНИГА:

«ИЗЪ ИСТОРІИ

НАШЕГО

ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ».

второе, дополненное, изданіе монографій и критическихъ статей **А. П. ПЯТКОВСКАГО**, въ двухъ частяхъ.

Содержаніе 1-ой части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Д. И. Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и др. предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-ой части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I-го до Александра I-го, съ 1703 г. до 20-хъ годовъ текущаго столѣтія); 2) Журнальный тріумвиратъ (Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) князь В. Ѳ. Одоевскій (литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями); 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

Цѣна **4 р. 50 к.**, съ пересылкою **5 рублей**. Складъ въ главной конторѣ журнала **«НАБЛЮДАТЕЛЬ»** (Спб., Владимірская, № 1—6). Годовые подписчики журнала, желающіе получить эту книгу, высылаютъ **17 р. 50 к.** (копѣйки—марками).

Кромѣ того, въ конторѣ журнала продаются послѣдніе экземпляры историческаго романа **Георга Эберса: СЕРАПИСЪ**. Цѣна **1 р.**, перес. за одинъ фунтъ. Романъ одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для библіотекъ старшихъ классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Digitized by Google

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ.

РОМАНЪ.

VII.

Ремнева въ полномъ смыслѣ наслаждалась тихимъ бытіемъ въ домѣ нѣжной и заботливой тети Даши.

— Не скучно тебѣ будетъ, голубка моя? Вѣдь ты привыкла къ обществу? У дяди-то, я думаю, все генералы да князья. И насчетъ ѣды все, поди, разносолы да анчоусы.

Простодушная старушка считала анчоусы чѣмъ-то крайне дорогимъ и рѣдкостнымъ и, передавая, что кто нибудь живетъ очень богато, неизбѣжно говорила, понижая голосъ: „анчоусы ѣдятъ“...

Анна успокоивала тетю, увѣряя, что не соскучится, что ей давно хотѣлось отдохнуть отъ петербургской жизни, и первые два-три дня съ оживленіемъ разсказывала Лаврентьевой о дядѣ и его женѣ, обо всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, обо всемъ, что могло интересовать Дарью Васильевну. Правда, дѣвушкѣ приходилось нѣсколько фильтровать свои сообщенія и, такъ сказать, прикидывать мысленно: нужно ли и возможно ли посвящать старушку въ тѣ или другія подробности быта ея столичныхъ друзей. Многое несомнѣнно показалось бы тетѣ Дашѣ и дикимъ, и, пожалуй, опаснымъ; многое возбудило бы споры, вздохи, порицанія.

Анна Николаевна пріѣхала въ N. ради полнаго отдыха; ей хотѣлось забыть прошлое, вычеркнуть изъ памяти нѣкоторые эпизоды и, какъ страннику, возвратившемуся съ чужбины, припасть къ родной землѣ, вѣруя, что здѣсь—панацея отъ всѣхъ золъ, что здѣсь найдетъ она душевный миръ.

Домашній строй, нарушенный пріѣздомъ Анны, возстано-

Digitized by Google

вился на слѣдующій же день. Борисовна напомнила барышнѣ разныя, еще съ дѣтства извѣстныя Аннѣ, распоряженія,— чтобы по утрамъ не ходить по цвѣтнику, подъ окнами Дарьи Васильевны; по вечерамъ не открывать балкона и пр., и погрузилась въ свое домоводство. Тетя Даша, вдоволь нацѣловавшись съ Анюточкой и представивъ ее всѣмъ своимъ N—скимъ пріятелямъ, также устала радоваться, и жизнь пошла обычнымъ порядкомъ.

„Жилецъ", Валентинъ Михайловичъ Левшинъ, офицеръ армейскаго полка, стоявшаго въ N., молодой человѣкъ лѣтъ 28—30, оказался очень милымъ собесѣдникомъ. Дѣвушка скоро познакомилась съ нимъ и, благодаря своей сообщительности, своему веселому и независимому характеру, чувствовала себя совершенно свободно и легко. Левшинъ совсѣмъ не походилъ на ея столичныхъ знакомыхъ. Не взирая на красивую форму, высокій ростъ и привлекательную внѣшность, Валентинъ Михайловичъ держалъ себя чрезвычайно скромно, даже робко. Бѣлокурый, съ кротко-ласковымъ и нѣсколько задушевнымъ взоромъ голубыхъ глазъ, съ курчавой густою бородою и правильнымъ, мужественнымъ лицомъ, Левшинъ производилъ очень пріятное впечатлѣніе. Мѣстныя барыни и барышни ретиво охотились за нимъ, тѣмъ болѣе, что Левшинъ обладалъ нѣкоторымъ состояніемъ и стоялъ на хорошей дорогѣ. Онъ готовился къ экзамену въ военную академію и пользовался любовью полковника, освободившаго его отъ обязанностей лагерной жизни, чтобы не отрывать отъ занятій. Цѣлое утро Левшинъ усердно сидѣлъ за книгами и, гуляя по саду, Анна видѣла въ просвѣтѣ двухъ оконъ склоненную голову молодаго человѣка. Послѣ обѣда, когда спадалъ жаръ и тетя Даша сладко спала на пуховикахъ въ темной и прохладной комнатѣ, охраняемой Борисовною, молодые люди сходились въ саду, въ бесѣдкѣ, или шли гулять на откосъ рѣки, или брали лодку и плыли внизъ по теченію, лавируя между грузными расшивами и легкими пароходами.

Левшинъ и Анна оживленно бесѣдовали. Валентинъ Михайловичъ хорошо зналъ Россію и недавно только вернулся изъ Болгаріи, гдѣ ему пришлось пережить много новаго, интереснаго, вызывающаго на размышленія. Онъ охотно разсказывалъ, но никогда не рисовался, не игралъ роль героя. Анна

Digitized by Google

внимала его пріятной и разумной рѣчи, и невольно досадовала. „Въ этомъ человѣкѣ,—думалось ей,—такъ много симпатичнаго и сердечнаго, а между тѣмъ нѣтъ умѣнья показать себя въ болѣе выгодномъ свѣтѣ. Это—алмазъ безъ грани, это—сильный, но необработанный голосъ, и никогда, никогда изъ него ничего не выйдетъ!.. Ему точно совѣстно казаться лучше, и онъ умаляется!..“ По временамъ, эта досада проявлялась въ активной формѣ. Дѣвушка начинала говорить Левшину, что самоуниженіе такой же проступокъ, какъ и тщеславіе; она подчеркивала его энергію и усидчивость, съ похвалой отзывалась объ его начитанности, дѣлала оцѣнку тому или другому изъ его поступковъ, ободряя ихъ, возводя въ заслугу. И этотъ мужественный человѣкъ краснѣлъ, какъ ребенокъ, смущался, какъ подростокъ, и жалобно, точно виновный, опускалъ глаза... Это не была напускная скромность лицемѣра,—нѣтъ! Идеалъ Левшина являлся слишкомъ высокимъ и его собственныя достоинства естественно казались ему такими микроскопическималыми, что всякое одобреніе звучало насмѣшкой и укоромъ. Но Анна не понимала характера Валентина Михайловича. Его прошлое, строй его мышленія, аскетически-чистая натура и рыцарское отношеніе къ людямъ—все было ей и чуждо, и невѣдомо. Неопытной провинціалкой попала она въ столицу и закружилась въ водоворотѣ людей своеобразнаго пошиба, оторванныхъ отъ почвы и живущихъ въ мірѣ искусственно-созидаемыхъ тревогъ, волненій, горестей и восторговъ.

Здѣсь, въ N., Анна съ удивленіемъ встрѣчала людей, *читающихъ* и еще разсуждающихъ объ упраздненныхъ въ столицѣ вопросахъ. Тамъ, среди знакомыхъ Анны, всѣ газеты обязательно *пробѣгались* съ тайной надеждой найти похвалу себѣ, порицаніе—сопернику или крупную перебранку разжирѣвшихъ издателей, доставляющую пищу для разговора. Тамъ читали не книги и не журналы, а краткіе отзывы, помѣщенные въ газетѣ услужливою или вражескою рукою. Тамъ некогда было говорить серьезно, обсуждать, мѣняться мнѣніями. Короткій приговоръ, бранное слово, лестный эпитетъ, и скорѣе—за срочную работу изъ-за всевластнаго „пятачка“, или за винтъ въ клубѣ, или въ Ренесансѣ. Здѣсь—жизнь текла медлительнѣе, но русло ея было глубже. Книжка журнала, полученная съ почты, являлась событіемъ для двухъ-трехъ

Digitized by Google

семействъ, подписавшихся въ складчину. Очередь строго соблюдалась и „на новую книжку“ приглашали, какъ на пульку съ „нужнымъ человѣкомъ“. Ремнева прислушивалась къ разговорамъ и замѣчала, что мысль автора, типъ, изображенный имъ, фабула, взятая изъ жизни или выдуманная—все возбуждаетъ вниманіе читателя. Объ этомъ говорятъ, спорятъ, даже горячатся.

— А у насъ: „почемъ съ листа“...! „Далъ авансъ или нѣтъ“! „Похвалилъ или выругалъ Айдановъ“!—Другихъ интересовъ точно не существуетъ! съ горечью говорила дѣвушка и ей становилось совѣстно, что за литературной работой она забывала о тѣхъ чуткихъ сердцемъ людяхъ, которые еще не разучились и не устали искать въ книгѣ отвѣта на жгучіе вопросы, хотя имъ давно уже даютъ камень вмѣсто хлѣба.

Съ этой стороны Левшинъ особенно интересовалъ Анну. Говорить съ толпою, присматриваться къ ощущеніямъ сотенъ людей—нѣтъ возможности и она смотрѣла на Левшина, какъ на представителя извѣстныхъ воззрѣній, какъ на единицу нравственной и умственной мѣры средняго человѣка. Валентинъ Михайловичъ сначала дичился Анны. Такихъ дѣвушекъ независимыхъ, умныхъ и вдобавокъ талантливыхъ—онъ еще не встрѣчалъ... Къ вымирающему типу „нигилистокъ“ онъ питалъ брезгливый страхъ; къ ученымъ женщинамъ относился съ глубокимъ уваженіемъ, но почти не зналъ ихъ и, впервые познакомившись съ писательницею, чувствовалъ себя какъ-то неловко. Когда улеглось это впечатлѣніе и Левшинъ встрѣтилъ въ дѣвушкѣ милаго, пріятнаго собѣсѣдника, вносившаго въ ежедневныя свиданія короткость добраго товарища съ граціознымъ тактомъ истинно-женственнаго существа, то сталъ поклоняться этому рѣдкому,—какъ ему казалось, — сочетанію. Бывать въ семьяхъ, гдѣ есть молодыя дѣвушки, въ провинціи еще опаснѣе, чѣмъ въ столицѣ... Маменьки, гоняясь за женихами, ищутъ ихъ въ каждомъ холостякѣ, и горе обманувшимъ ихъ ожиданія! Вслѣдъ за угодливостью, слѣдуетъ озлобленіе, и клевета, умѣло пущенная, растетъ, какъ снѣжный комъ, превращаясь даже въ нѣчто чудовищное.

Левшинъ еще недавно переведенъ былъ въ N. и не успѣлъ возбудить ни разочарованія, ни злобы. Имъ увлекались; его лелѣяли; его наперерывъ приглашали на parties de plaisir и

Digitized by Google

именинные пиры. Молодой человѣкъ не умѣлъ отказываться и лгать. Идти въ гости не хотѣлось, но онъ шелъ, скрѣпя сердце, а ночью наверстывалъ безцѣльно убитое время, отнятое отъ занятій.

— А нашъ жилецъ сегодня опять на именины отозванъ,— замѣтила за обѣдомъ тетя Даша.

— Къ кому, тетя?

— Къ ко-му? Развѣ ты не знаешь? протянула старушка.— Сегодня вѣдь Ольги равноапостольной. Ольга Павловна именинница!—причмокивая, добавила она.

— Талецкая?

— Да, да... Балъ такой готовятъ—страсть! Оркестръ будетъ. Одного шампанскаго шесть дюжинъ... фрукты и закуски изъ Москвы... Богатые люди, чего жаться! Дочь—невѣста, надо объ ней думать. Всѣхъ офицеровъ пригласили...

Тетя Даша такъ и сказала: офицерòвъ, дѣлая удареніе на послѣднемъ слогѣ. Анна задумчиво усмѣхнулась.

„Да, тетю *можетъ* занимать этотъ балъ съ выписными фруктами и офицерами, можетъ занимать и барышень, и самихъ офицеровъ,—думала Анна,—но Левшинъ... Вотъ и цѣльная натура, и серьезный человѣкъ, а подобная глупость привлекаетъ“...

Дѣвушкѣ стало какъ-то не весело. Она сошла въ садъ и, дальней алеей, приближалась къ флигелю, намѣреваясь окликнуть Левшина и узнать: пойдетъ онъ на балъ или нѣтъ. Чудный и звучный, за душу хватающій баритонъ пѣлъ:

Гдѣ твое личико смуглое,
Нынче смѣется, кому?

Анна остановилась и жадно слушала. Голосъ былъ не обширенъ, но выраженіе, чувство подкупали и очаровывали.

— Кто же это поетъ? Неужели Левшинъ?

„Эхъ, одиночество круглое
Не посулю никому“—

горькимъ, мучительно-болѣзненнымъ стономъ вырвалось изъ груди пѣвца, и сердце Анны сжалось отъ жгучей боли. Вспомнилось ей ея обманутое чувство, вспомнился позоръ отвергнутаго признанія, и неудержимо-властительно заговорила въ душѣ жажда любви, сердечной ласки, тихаго привѣта. Ей хотѣлось прильнуть къ груди дорогаго человѣка и выплакать

Digitized by Google

накипѣвшія слезы зависти къ тѣмъ, кто пируетъ и живетъ полною жизнью. Ей хотѣлось излить свои мечты и надежды, свои неудовлетворенныя грезы о счастьѣ; ей хотѣлось не отвѣта и не утѣшенія, только понялъ бы ее тотъ, къ кому припадетъ она, какъ жаждущій къ источнику свѣжей воды. Ничего житейски-пошлаго въ ея порывахъ не было. Она жаждала любви, полной, глубокой и беззавѣтной. Ея сердце требовало пищи; ея воображеніе работало слишкомъ сильно, и будничное бытіе не могло удовлетворять бурныхъ запросовъ. А тутъ еще эта пѣсня, полная горькой истомы, смѣсь жалобы и сладкихъ воспоминаній. Анна заломила руки и прислонилась къ стволу старой липы.

— У него хоть прошлое было—а у меня ничего, ничего, ничего!—твердила она.—И не будетъ. Опять также—ха, ха! „Вспышка нервной эмоціи!“ Ахъ, лучше бы и этого не существовало. Старая желчная дѣва. Такъ тебѣ и надо. „И рада, рада ужь была, что вышла замужъ за калѣку!“

Мучительная и разъѣдающая жалость къ себѣ самой переполняла ея сердце. Анна опустилась на траву, положила руки на скамью и, спрятавъ лицо въ ладони, тихо зарыдала. Какъ человѣкъ, только что потерявшій на пожарѣ все свое имущество, она дразнила себя воспоминаніями о тѣхъ людяхъ, которые ухаживали за нею, высказывали симпатію... Одни изъ нихъ исчезли, другіе женились и были счастливы, а она, не умѣвшая оцѣнить ихъ, оставалась одинокая.

— Старая дѣва! Я—буду старой дѣвой!—съ ужасомъ и гнѣвомъ повторяла она, искренно вѣруя, въ это мгновенье, что для нея нѣтъ больше надеждъ на счастье, что она сама оттолкнула его. Она не замѣтила, какъ стихъ голосъ пѣвца, какъ раздались возлѣ нея чьи-то шаги.

— Анна Николаевна! Анна Николаевна! *Вы... вы...* плачете?—съ изумленіемъ спрашивалъ Левшинъ.—Что случилось? Умоляю васъ!... Вѣрно, Дарья Васильевна?..

Глубокая нѣжность слышалась въ его словахъ.

— Ничего... ничего... Ваше пѣніе... Ахъ, какъ хорошо, какъ чудно хорошо вы пѣли!—улыбаясь сквозь слезы, отвѣчала она.

— *Мое* пѣніе?! И вы отъ него такъ?...

Digitized by Google

Левшинъ не договорилъ. Его грудь высоко вздымалась и губы дрожали.

VIII.

Слезы роднятъ людей. Стóитъ разъ только присутствовать при зрѣлищѣ горя взрослаго и сильнаго человѣка; стóитъ разъ видѣть слезы душевнаго страданія—и рыдающій чужакъ становится братомъ.

Левшинъ восхищался Анной, онъ считалъ ее лучшею изъ женщинъ, но за все время знакомства никогда не подмѣчалъ въ ней движеній сердца. Онъ думалъ, что развитіе ума совершалось въ ущербъ сердцу, что сознательная и недюжинная энергія дѣвушки есть результатъ той интеллектуальной жестокости, которую принято называть силою убѣжденій и которая замѣняетъ людямъ логику сердца. Послѣ эпизода въ саду, Анна стала ему еще дороже, еще милѣе. Теперь онъ находилъ ее еще болѣе женственной и, какъ мужественный человѣкъ, восхищался ея мягкостью и чуткостью.

— Ну, что же, весело было на балу?—спросила Анна у Левшина на другой день.

— Кажется, весело... Разошлись въ семь часовъ утра.

— Какъ же это „кажется“—съ досадой переспросила Ремнева.—Я спрашиваю: *вамъ* было ли весело?

— Я не былъ у Талецкихъ, Анна Николаевна,—просто отвѣчалъ онъ.

— Не были? Но у васъ темнота была въ окнахъ... Я думала...

— Я до утра просидѣлъ на Волгѣ... Съ рыбаками кашицу ѣлъ. О послѣдней войнѣ разсказывалъ...

— И пріятно провели время?

— Мнѣ хорошо было.

Анна промолчала.

— Иногда нужно отъ себя отойти въ сторону... поглядѣть на себя, какъ на чужаго человѣка. Помогаетъ...

— *Чему* помогаетъ?

— Развѣ вамъ не случалось, Анна Николаевна, очутиться въ такомъ положеніи, когда теряешь вѣрность глаза, правильность оцѣнки, даже чутье. Видишь только то, что́ хочешь

Digitized by Google

видѣть, и тогда—обмануться легко. А поболтаешь съ рыбаками, и всѣ утраченныя свойства возвращаются.

— Нѣтъ, не испытывала.

Она засмѣялась, но, встрѣтивъ серьезный взоръ Левшина, умолкла. Въ саду, гдѣ они сидѣли на широкой скамьѣ, подъ группой старыхъ липъ, было такъ хорошо. Іюльскій день склонялся къ вечеру и съ рѣки потянуло свѣжестью. Гдѣ-то вдали, то замирая, то разростаясь, пѣлъ хоръ молодыхъ голосовъ. Смутная тревога и жажда движенія охватывали душу Анны. Ей самой хотѣлось и пѣть, и смѣяться, но точно нервная дрожь перехватывала горло. Левшинъ былъ сосредоточенно-задумчивъ. Пытливо и вопросительно, словно любознательный ребенокъ, впервые очутившійся въ кабинетѣ химика и съ безмолвнымъ изумленіемъ наблюдающій интересные процессы, Валентинъ Михайловичъ всматривался въ Анну и, въ то же время, какъ бы прислушивался къ собственнымъ ощущеніямъ. Въ немъ творилось что-то невѣдомое, но жгуче-прекрасное и сладостно-захватывающее.

— Вы, кажется, хотѣли прокатиться на лодкѣ?—вспомнилъ Левшинъ среди разговора.

— Нѣтъ, сегодня не поѣду.

— Жаль.—Славный вечеръ.

— И завтра, и послѣ завтра будетъ такой же.

— Можетъ быть,—но завтра вы не свободны. Вы обѣщали быть у Пименовой.

— Какъ это вы помните, Валентинъ Михайловичъ,—удивляюсь!

— Она и меня приглашала.

— А, и вы будете? Я и не знала.

— Вамъ это непріятно, Анна Николаевна?

— Съ чего это вы взяли?! Какая странная фантазія!—Ремнева напряженно засмѣялась.

— Есть кружки, въ которыхъ мнѣ приходилось встрѣчаться съ такимъ отношеніемъ:—къ офицеру обращаются крайне недружелюбно или,—что еще чаще,—смотрятъ на него, какъ на „танцовальную силу“, какъ на балластъ необходимый, но... обременительный и скучный. Если офицеръ не щеголь и не шаркунъ—его считаютъ михрюткой. Въ немъ даже не захотятъ искать ни ума, ни начитанности. Это—блестящая кукла.

Digitized by Google

Подобное несправедливое отношеніе—наслѣдіе шестидесятыхъ годовъ, но съ тѣхъ поръ вѣдь многое измѣнилось.

— Я не понимаю, зачѣмъ вы это говорите, Валентинъ Михайловичъ? Не думаю, чтобы *къ вамъ* могли такъ относиться! Пименовы и ихъ знакомые отзываются объ васъ съ большимъ уваженіемъ.

— Не въ нихъ дѣло собственно... Мнѣ хотѣлось знать, какъ *вы* сами... Вы, лично, не питаете предубѣжденія?

— Конечно, нѣтъ.

— Но объясните, почему въ литературѣ почти не встрѣчается типъ офицера,—я хочу сказать „положительный“ типъ? Неужели же въ этомъ классѣ такъ-таки и нѣтъ симпатичныхъ лицъ? Или не стоитъ ихъ касаться?

Разговоръ оживился, и молодые люди долго обмѣнивались мнѣніями, переходя съ одного предмета на другой. Анна сознавалась, что каждая бесѣда съ Левшинымъ даетъ ей много новаго и интереснаго, что горизонтъ ея расширяется, и снова удивлялась скромности и непритязательности Валентина Михайловича, какъ бы таившаго отъ людей сокровищницу своихъ думъ, знаній и выводовъ. Ей вспомнились столичные знакомые, такъ усердно раздувавшіе свой малѣйшій успѣхъ и десятки разъ повторявшіе какую нибудь полу-удачную остроту, случайно вызвавшую усмѣшку; она припоминала тѣ ходули, на которыхъ щеголяли столичные интеллигенты, ихъ рисовку, ихъ полуфразы съ многознаменательными пожиманіями плечъ, ихъ художественно-правдивую ложь, въ которую они сами начинали вѣрить, и Левшинъ—простодушный, скромный Левшинъ—являлся какимъ-то героемъ.

Вечеринка у Пименовой очень удалась. Хозяева съумѣли пригласить наиболѣе подходящихъ изъ числа знакомыхъ и, усадивъ почетныхъ людей за винтъ и пикетъ, предоставили молодежѣ полную свободу. Образовались кружки, парочки, и въ тѣнистомъ саду возлѣ дома Пименовыхъ царствовало непринужденное веселье. Пріятельница хозяйки, хорошенькая и кокетливая барынька, Лавинская, мстя за что-то своему мужу, вздумала завладѣть Левшинымъ. Ей это удалось весьма легко, такъ какъ молодой человѣкъ, попавъ въ мало знакомое общество, чувствовалъ себя неловко. Лавинская жила прежде въ К., гдѣ недавно стоялъ полкъ Левшина. У нихъ оказались об-

Digitized by Google

щіе знакомые, общіе интересы, и Валентинъ Михайловичъ разговорился. Возлѣ нихъ составился кружокъ. Смѣялись, шутили, передавали забавныя случайности. Анна Николаевна, въ сопровожденіи двухъ представителей мѣстной интеллигенціи, прокурора и адвоката, изощрявшихся въ остроуміи, не только скучала, но досадовала и завидовала Лавинской. Она слышала похвалы, расточаемыя Левшину, и видѣла, что онъ произвелъ впечатлѣніе.

Это обстоятельство и радовало, и сердило Ремневу. Она привыкла думать, что ей принадлежитъ честь открытія въ Левшинѣ и ума, и сердечности, слишкомъ глубоко скрытыхъ подъ скорлупой застѣнчивой деликатности; она полагала, что только съ нею Валентину Михайловичу и легко, и пріятно. А между тѣмъ онъ имѣетъ успѣхъ въ обществѣ! За нимъ ухаживаютъ... его бесѣдою увлекаются!.. Аннѣ Николаевнѣ казалось, что у нея вдругъ отняли что-то дорогое, исключительно ей принадлежащее, и она стала разсѣянна, нетерпѣлива, съ непріязнью поглядывая туда, гдѣ находились Левшинъ и Лавинская, и гдѣ раздавался хорошій, дружный смѣхъ. Присоединиться къ нимъ—Ремневой было неудобно. Она занимала въ провинціальномъ обществѣ нѣсколько обособленное положеніе, являлась представительницей интеллигенціи, а Лавинская, пикантная и кокетливая барынька, привлекала именно простотою и весельемъ. Съ Анной нѣкоторые боялись говорить, съ Лавинской болтали обо всемъ, и если первая возбуждала уваженіе, то къ послѣдней влекла симпатія.

„Ему пріятнѣе съ Лавинской... Она ему больше по плечу“... подсказывало оскорбленное самолюбіе. „Но, значитъ, и онъ лжетъ, говоря, что ему скучно въ обществѣ, что онъ не умѣетъ быть собесѣдникомъ... Вонъ какъ хохочутъ... Зачѣмъ же онъ отзывается всегда о себѣ съ такою скромностью... Провинціальный левъ, да и только“...

Ссылаясь на головную боль и простившись только съ хозяйкой, Анна уѣхала домой. Сбросивъ плащъ, она закуталась въ бѣлый оренбургскій платокъ и въ изящномъ костюмѣ сѣро-серебристаго цвѣта, съ чайными розами на корсажѣ и въ волосахъ, вышла въ садъ. Она направилась къ своей любимой скамьѣ. Глухое недовольство закипало въ груди дѣвушки. За что́ она сердилась, на кого именно—она и сама не знала. Ей

Digitized by Google

было душно и тяжело, обидно и скучно; она каялась, что пріѣхала въ N., но въ то же время съ ужасомъ вспоминала о послѣднихъ мѣсяцахъ столичной жизни.

— Не скучаю же я по Зарницынѣ?! Нѣтъ и нѣтъ! Вѣдь я его даже не любила!.. Это была блажь, капризъ... кошмаръ, не больше. Еслибы онъ тогда отвѣтилъ на мое дикое признаніе—я бы его возненавидѣла... Я и теперь его ненавижу! Это—разсчетливое, холодное, эгоистическое существо!

Опустивъ руки на колѣни, Ремнева начала думать о Зарницынѣ, шагъ за шагомъ припоминая встрѣчи съ нимъ, краткія бесѣды, многозначительные взгляды, и ей страстно хотѣлось отомстить ему—заставить его полюбить себя и... насмѣяться. Рядомъ съ его образомъ всталъ теперь другой—умиротворяющій—образъ Левшина. „Что это за человѣкъ?—спрашивала она себя.—Я его не понимаю... совсѣмъ не понимаю“...

— Анна Николаевна, вы нездоровы? Мнѣ сказали. Я сейчасъ же бросился, но не могъ догнать... Какъ было ѣхать одной, ночью!..—раздался возлѣ нея взволнованный голосъ Левшина.—Не нужно ли послать за докторомъ?.. Бога ради, не стѣсняйтесь со мною.

Онъ едва переводилъ дыханіе отъ быстрой ходьбы и душевной тревоги. Анна ласково улыбнулась.

— Мнѣ, просто, скучно стало. Головная боль — только предлогъ...

— Скучно?! А я полагалъ напротивъ.

— Вы судили по себѣ, Валентинъ Михайловичъ, и ошиблись. *Вамъ* сегодня было очень весело, знаю!—уколола его дѣвушка.

— Совершенно неожиданно, Анна Николаевна! У насъ съ Лавинской оказалась масса общихъ знакомыхъ, вотъ и перебирали ихъ.

— Непріятная особа—эта Лавинская!

— Отчего? Нѣтъ, она очень милая и неглупая женщина...

— Какъ вы снисходительны, Валентинъ Михайловичъ!—желчно замѣтила Анна, раздражаясь на Левшина, зачѣмъ онъ хвалитъ Лавинскую.

Молодой человѣкъ съ удивленіемъ взглянулъ на Ремневу.

— Я не имѣю права быть слишкомъ требовательнымъ,—тихо возразилъ онъ.

Digitized by Google

— Это почему?

— Я такой плохой собесѣдникъ. Я самъ чрезвычайно мало вношу въ общество... Кромѣ того...

— Что кромѣ того?

Левшинъ смущенно улыбнулся и, какъ бы сознавая неловкость своего положенія, закончилъ скороговоркой:

— Мнѣ такъ рѣдко приходилось встрѣчать доброе, симпатичное отношеніе, что, каюсь, меня подкупаетъ оно. Со всѣхъ сторонъ видишь недружелюбіе, разсчетъ или подозрительность. Такъ устаешь отъ вѣчнаго напряженія, такъ радъ услыхать простое, теплое слово.

Валентинъ Михайловичъ упомянулъ именно о томъ, что постоянно терзало Анну. Значитъ, и онъ, этотъ замкнутый, спокойный человѣкъ, ощущаетъ потребность дружескаго общенія! — подумала Ремнева и, измѣняя прежній тонъ, заговорила о той странной озлобленности, которая замѣчается въ обществѣ, объ отсутствіи дружбы и взаимнаго уваженія, о готовности каждаго подставить ножку ближнему и насладиться горемъ вчерашняго пріятеля.

— Неужели и вы?.. Неужели *вамъ*, Анна Николаевна, приходилось встрѣчаться съ людской злобою? — горячо спросилъ Левшинъ.

— И даже очень часто! Ежедневно... на каждомъ шагу.

— Тамъ, въ столицѣ, среди цвѣта населенія, въ лучшемъ интеллигентномъ кругу? Неужели?

— Тамъ тѣ же люди, тѣ же страсти —грустно отвѣчала Анна, которой было обидно развѣнчивать въ глазахъ Левшина свой кружокъ.

Левшинъ искренно удивлялся. Ему казалось, что образованіе является надежною опорою въ борьбѣ съ дурными страстями, что истинный талантъ и зависть не могутъ уживаться въ одномъ человѣкѣ, что только мелочность интересовъ провинціальнаго быта родитъ интриги и сплетни. Съ увлеченіемъ высказывая завѣтные принципы, молодой человѣкъ заговорилъ о своихъ родителяхъ и раннемъ сиротствѣ, о тѣхъ мечтахъ, что онъ носилъ въ душѣ съ первыхъ дней сознанія и, въ общихъ чертахъ, обрисовалъ пережитыя разочарованія.

— Такіе люди, какъ я, очень и очень скучны,—заключилъ онъ.—Но оно вполнѣ естественно. Мнѣ скоро тридцать лѣтъ,

Digitized by Google

а я еще не видѣлъ даже блѣднаго луча счастья. И такъ пройдетъ вся жизнь!.. Ужасно заглядывать въ будущее.

— Развѣ у васъ не было друзей? Неужели вы не любили, Валентинъ Михайловичъ?—съ участіемъ спросила Анна.

Левшинъ всталъ и началъ быстро ходить по дорожкѣ, озаренный трепетнымъ сіяніемъ луны, сквозившей изъ-за вѣтвей деревьевъ.

— Друзья? Настоящіе? Такіе, которыхъ я бы считалъ друзьями? Нѣтъ, не было, а пріятели—это совсѣмъ не то. Любовь... Да, Анна Николаевна, это чувство я испыталъ. Я любилъ, глубоко любилъ хорошую, славную дѣвушку... Она на моихъ глазахъ умирала отъ чахотки, но и здѣсь я оказался полнымъ неудачникомъ. *Она* любила другаго!.. Она—умирала отъ горя и тоски. Ея избранникъ—женихъ, другъ дѣтства—сталъ мужемъ другой, а бѣдная Вѣрочка не умѣла ни разлюбить, ни пережить своего горя...

Левшинъ остановился подъ деревомъ и крѣпко стиснулъ руки. Сегодня встрѣча съ Лавинской развередила его зажившія раны. Поэтически-милый образъ Вѣры воскресъ передъ нимъ, и онъ съ тихою грустью вспоминалъ ея чистую привязанность къ измѣннику, ея смерть. Лавинская невольно напомнила его собственныя страданія, его—казалось—безъисходное горе, а вотъ прошло нѣсколько лѣтъ, и острое, мучительное чувство отчаянья притупилось, утратило былую горечь.

„Можетъ быть, и она изжила бы свою душевную муку,—думалось ему.—Можетъ быть, она снова полюбила бы, и мы могли бы быть счастливы. Мы?“

Валентинъ Михайловичъ вздрогнулъ: такимъ чуждымъ и далекимъ прозвучало для него это „мы“, еще недавно бывшее дорогимъ и завѣтнымъ. Онъ почти съ испугомъ взглянулъ на Анну. Какъ могъ онъ такъ неделикатно занимать ее *своими* ощущеніями, говорить о *своемъ* прошломъ?!

— Простите меня, Анна Николаевна? Я вамъ надоѣлъ, пожалуй...

— Зачѣмъ вы это говорите! Вы знаете, что это не правда...

— Но какой интересъ можетъ быть для васъ...

— Скажите, Валентинъ Михайловичъ, вы еще все... любите Вѣру? Да? Ея память живетъ въ васъ?

Голосъ Анны дрогнулъ... Какая-то странная и непонятная

Digitized by Google

зависть къ этой чахоточной дѣвушкѣ, съумѣвшей внушить сильное и глубокое чувство, наполняла сердце Ремневой. Она съ волненіемъ ожидала отвѣта Левшина.

— Еще недавно... очень недавно мнѣ казалось, что я продолжаю ее любить,—глухо отвѣчалъ онъ.—Но теперь—нѣтъ... Прошло! Знаете ли, Анна Николаевна, что иногда человѣкъ способенъ искусственно создавать себѣ чувство, раздувать его, лелѣять и холить. *Нужно* же жить чѣмъ нибудь, нужно же имѣть что нибудь дорогое...

— Да, да, мы даже и въ мертвецѣ ищемъ жизни!—съ горечью вымолвила Анна, думая о томъ, какъ красивая, обаятельная внѣшность и оригинальныя манеры Зарницына увлекли ее и какъ больно разочаровалась она, натолкнувшись на холодное, мертвое сердце. Ей вспомнились жестокія слова его, выражавшія полное отрицаніе любви, и она съ нѣжнымъ порывомъ обернулась къ Левшину, сочувствуя его способности относиться къ прошлому съ теплымъ воспоминаніемъ.

— Нѣтъ, Анна Николаевна, — горячо возразилъ онъ,— странное это дѣло, какъ годы уносятъ былое. Сегодня, съ Лавинской, вѣдь мы про *нее*, про Вѣру говорили... Она хорошо знала мою бѣдную... милую дѣвушку. Прежде бывало одно словечко услышишь, и заболитъ, заноетъ старая рана. Теперь—нѣтъ, теперь не то! Во мнѣ уже нѣтъ былаго чувства. Только память да жалость остались.

— Новый кумиръ явился? — стараясь улыбнуться, спросила Ремнева и поднялась со скамьи.

— Вы уже уходите?—тревожно воскликнулъ Левшинъ.— Посидите еще! Ночь такъ хороша... Тишь какая, теплынь.

Анна опустилась на скамью. Ей было холодно, но какъ-то жутко и пріятно.

— Вы озябли, Анна Николаевна?

— Да, немного... у меня руки, какъ ледъ.

— Новый кумиръ,—продолжалъ Левшинъ, поднимая лицо и любуясь звѣздами,—да, вы угадали... У меня теперь есть кумиръ, но, наученный серьезнымъ опытомъ, я не скажу ему ни слова признанія... Нѣтъ, зачѣмъ! Лучше сохранить за собою право мечтать и надѣяться, чѣмъ терзаться, вспоминая рѣзкій отказъ.

— А если?.. Вы такъ увѣрены въ отказѣ? Можетъ быть...

Digitized by Google

— Анна Николаевна, не играйте мною!

— Я и не играю...

Левшинъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Онъ боялся, что не такъ понялъ смыслъ словъ Ремневой и, очарованный, смущенный, не смѣлъ шелохнуться, не рѣшался вымолвить ни одного слова. Прошло нѣсколько мгновеній. Въ безмолвномъ восторгѣ Левшина было столько правдивой, истинной радости, его глаза сіяли такимъ безграничнымъ счастіемъ, что Анна не выдержала.

— Да, я люблю васъ, Валентинъ Михайловичъ. Я буду вашею женою,—рѣшительно и нѣжно вымолвила она.

Съ восклицаніемъ безумнаго и горделиваго счастья Левшинъ упалъ къ ея ногамъ.

IX.

Извѣстіе о помолвкѣ Анны съ Левшинымъ возбудило удивленіе и породило самые разнообразные толки среди знакомыхъ Дарьи Васильевны. Дѣвушки-сверстницы втайнѣ завидовали Ремневой, но высказывали порицаніе и изумлялись, что Анна польстилась на подобную партію.

— Неужели въ столицѣ не было лучшихъ жениховъ!— говорили онѣ.—Армейскій офицеръ... фи!

Мужчины болѣе откровенно выражали свои мнѣнія. Они хвалили Анну, называли ее интересной и пикантной, но въ душѣ рѣшали: „А все таки я бы на ней не женился... Страшно! Больно ужь она умна!..“ Люди практичные и знающіе жизнь авторитетно рѣшали, что подобные браки рѣдко бываютъ счастливыми и, глядя на жениха и невѣсту, твердили:

— Нѣтъ, нѣтъ, они не пара!

Поздравляя Дарью Васильевну съ начатіемъ дѣла и выражая благія пожеланія, партнеры—старики и старушки—освѣдомлялись о планахъ Анны.

— Надо быть, здѣсь молодые поселятся?

— Нѣтъ, не располагаютъ. Валентинъ Михайловичъ въ академію думаетъ поступить, да и Аннѣ тоже удобнѣе въ столицѣ. И то сказать: какое ужь житье молодымъ людямъ въ нашемъ медвѣжьемъ углу!

Digitized by Google

— Такъ-то такъ, оно правильно, а только семейному человѣку въ Петербургѣ не легко. Семь пикъ, Дарья Васильевна.

— Пасъ, я пасъ... Да, не легко, кто говоритъ. Ну, да вѣдь у Левшина состояньице есть. Опять Аня заработываетъ.

— Тоже пасъ! Дѣтки пойдутъ—тутъ не до работы, Дарья Васильевна!

— Пасъ! У меня, вѣрите ли, жена за иголку присѣсть днемъ не можетъ. Положительно, нѣтъ времени. Семья, одно слово! Вашъ ходъ, Павелъ Ивановичъ!

Анна и Левшинъ не заглядывали въ будущее и всецѣло отдавались настоящему. Они бродили рука объ руку по тѣнистымъ аллеямъ стараго сада, уѣзжали на Волгу, въ утлой лодкѣ безъ гребца, или неслись подъ парусами по зеркальной поверхности могучей рѣки, повинуясь направленію вѣтра. Всякое стѣсненіе между молодыми людьми исчезло и, какъ два товарища, встрѣтившіеся послѣ долгой разлуки, они разсказывали другъ другу свое прошлое, сообщали различные эпизоды своей жизни, повѣряли свои планы, надежды, и съ каждымъ днемъ все ближе и полнѣе узнавали другъ друга. Въ отношеніяхъ Левшина, въ его словахъ и взглядахъ выражались такая беззавѣтная привязанность и безграничная вѣра, что Анна могла чувствовать себя польщенной. Правда, Валентинъ Михайловичъ обращался съ невѣстой замѣчательно сдержанно. Онъ еще ни разу не позволилъ себѣ ни малѣйшей короткости съ Анной и даже, въ противоположность большинству жениховъ, не пользовался правомъ говорить „ты“, или, здороваясь, цѣловать ея руку.

„Чудные они какіе-то,—думала тетя Даша, смотря въ окно на прогуливающихся Анну и Левшина.—Точно чужіе совсѣмъ. Въ наше время не такъ было. До обрученья, конечно, соблюдали строгость, а потомъ, какъ ужь это не поцѣловать невѣсту? Да любятъ ли они другъ друга?“

Анна была глубоко признательна Левшину за его почтительную скромность, хотя по странному противорѣчію, присущему женской натурѣ, иногда думала:

„Это оттого, что онъ самъ нѣсколько робокъ и вялъ. Другой на его мѣстѣ не могъ бы быть такимъ... Конечно, я очень

Digitized by Google

рада... Это мнѣ нравится, но... Нѣтъ, и Айдановъ, и Мидасовъ, и Василенко—тѣ изъ другой муки спечены!"

И то, что́ стоило Левшину серьезной борьбы, что́ достигалось путемъ самообладанія и недюжинной силы,—то принималось за выраженіе дряблости, за отсутствіе страстной кипучести.

Прошло около двухъ недѣль. Анна свыклась со своимъ положеніемъ и успѣла признать въ Левшинѣ надежнаго друга. Ей нравились его откровенность, довѣріе, прямота и преданность, но за послѣдніе дни дѣвушка не узнавала Валентина. Онъ казался озабоченнымъ, почти грустнымъ, и глаза его, задумчиво устремленные на Анну, выражали не то упрекъ, не то безмолвную мольбу. Ремнева не понимала причины этой перемѣны, но смутно волновалась, какъ человѣкъ, чувствующій себя несовсѣмъ правымъ.

— Мы пойдемъ въ садъ?—спросилъ Левшинъ послѣ обѣда, когда тетя Даша, сытно покушавъ, отправлялась въ „теплушку", гдѣ такъ сладко спалось въ самые жаркіе дни.—Вы говорили...

— Да, да, непремѣнно пойдемъ. Съ почты принесли новую книгу журнала.

— Вы желаете, чтобы я читалъ вслухъ?

Въ вопросѣ Левшина прозвучала грустная нотка. Анна пытливо взглянула на него.

— Вамъ не хочется читать? Вамъ непріятно?

Заботливость Ремневой вызвала довольную улыбку на губахъ Левшина.

— Зачѣмъ такъ говорить, Анна?! Точно вы не знаете, что ради васъ...

Голосъ молодаго человѣка оборвался. Онъ слишкомъ горячо, слишкомъ пылко хотѣлъ высказать свои отношенія—и смутился. Ему казалось и раньше, но теперь, подъ извѣстнымъ впечатлѣніемъ, еще сильнѣе, что Анна порицаетъ всякія изліянія. Молодой человѣкъ тяготился вынужденною зависимостью, но убѣжденіе, что Ремнева принадлежитъ къ числу холодныхъ и сдержанныхъ натуръ, усвоенное съ самаго начала знакомства, заставляло его побороть въ себѣ кипучую силу страсти и подчиняться режиму, установленному любимою дѣвушкой. Въ минуты тоски, въ моменты властнаго стремле-

Digitized by Google

нія высказать свою горячую привязанность, Левшинъ, какъ солдатъ, надѣющійся быть генераломъ, утѣшался грядущимъ счастьемъ. „Когда мы женимся, когда поймете она, насколько я люблю ее, какъ боготворю—Анна разрѣшитъ мое молчаніе. Она позволитъ мнѣ говорить искренно, она пожалѣетъ о своей строгости, милая, желанная моя... Сколько радости ждетъ насъ!“

Левшинъ и Анна ушли въ садъ, въ бесѣдку. Передъ широкой скамьей стоялъ деревянный столъ съ выцвѣтшей окраской и безчисленными щелями. Ремнева бросила на него зонтикъ, кружевной шарфъ и книжку „Якоря“, еще не освобожденную отъ бумажной бандероли. Валентинъ Михайловичъ началъ просматривать содержаніе журнала.

— Тутъ продолженіе романа „Бѣлая ночь“,—медлительно говорилъ онъ, перелистывая книгу,—потомъ повѣсть: „Цѣлебный источникъ“.

— Кого?

Левшинъ невнимательно отнесся къ вопросу. Онъ любилъ литературу и охотно читалъ новыя вещи, прекрасно изучивъ классиковъ и произведенія 60-хъ годовъ, но, какъ обыкновенный обыватель, болѣе интересовался самою статьею, чѣмъ именемъ автора, и нерѣдко забывалъ его имя и даже названіе вещи, но помнилъ идею, типы и самый сюжетъ. Ремнева, наоборотъ, всегда интересовалась: *кто* написалъ повѣсть, разсказъ или романъ. Личность автора играла для нея главную роль. Одни изъ товарищей по перу были хорошо знакомы, другіе стояли во враждебномъ лагерѣ, третьи—считались друзьями, и, какъ художникъ, успѣвшій сдѣлаться ремесленникомъ, благодаря царящему направленію, она занималась вопросомъ формы, а не сущности.

— Кого? Чье сочиненіе?—нетерпѣливо повторила она.

— Какого-то М—сова.

— Не можетъ быть! Неужели Мидасова? Вотъ новость! Но какъ могъ онъ попасть въ „Якорь“, какими судьбами! Дайте книгу... каковъ, однако, Мидасовъ: скрывалъ ото всѣхъ, что пишетъ. Даже *мнѣ* не сказалъ. Странный человѣкъ! Вѣдь я ему могла помочь. Редакторъ „Якоря“ такъ хорошъ со мною.

Левшину показалось, что Аннѣ было непріятно появленіе повѣсти Мидасова, что въ словахъ ея даже слышалась зависть, но онъ быстро прогналъ эту мысль, считая Ремневу слишкомъ

Digitized by Google

талантливой, чтобъ поддаваться низменному чувству. Началось чтеніе „Цѣлебнаго источника“, — бойко написанной и интересной по сюжету повѣсти. Анна горячо интересовалась ею и поминутно прерывала Левшина, указывая, что тотъ или другой изъ героевъ — лица, вырванныя живьемъ изъ числа общихъ знакомыхъ, что это дѣйствительная исторія, надѣлавшая много шуму въ литературныхъ кружкахъ, года два тому назадъ, и вставляла дополненія.

— Однако, несовсѣмъ-то пріятно, я думаю, этимъ господамъ появиться въ такомъ видѣ,—замѣтилъ Левшинъ, окончивъ повѣсть.

— Жизнь... реальная правда.

— Нѣтъ, Анна, это уже не реализмъ, мнѣ кажется. Разоблачать интимныя тайны, забираться въ спальню...

Поднялся горячій споръ, но Левшинъ скоро сдался. Разница пониманія была слишкомъ велика и путемъ разсужденій—онъ сознавалъ это—достигнуть соглашенія было немыслимо. Кромѣ того, Анна была такъ обаятельна. Глаза дѣвушки блестѣли, щоки разгорѣлись, и она съ небывалымъ оживленіемъ посвящала Левшина въ различныя кружковыя исторіи, передавала слухи, отзывы, даже сплетни, являясь ярымъ союзникомъ одной изъ партій и, слѣдовательно, врагомъ другой. Во всякое другое время, чуткое сердце Валентина Михайловича было бы задѣто и онъ началъ бы защищать отсутствующихъ, но сегодня невѣдомое, но могучее настроеніе овладѣло имъ и онъ пропускалъ мимо ушей самыя горячія тирады дѣвушки. Онъ любовался невѣстой, не отводилъ отъ нея восторженнаго взора, и ея оживленные разсказы мучительно и сладко волновали его кровь. Жаркій день медленно погасалъ, и въ воздухѣ распространился ароматъ отъ сильно нагрѣтыхъ цвѣтовъ, отъ листвы, утромъ вспрыснутой живительнымъ дождемъ. Съ сосѣдняго огорода тянуло запахомъ сѣна, а издали, съ рѣки, вмѣстѣ со свѣжестью, доносились звуки замирающей пѣсни. Надъ багровой полосой заката, тамъ, гдѣ розоватая рябь блѣднѣла, сливаясь съ общимъ тономъ небесъ, сверкнула первая звѣзда. Царственная, поэтически-прекрасная тишина распространялась вокругъ и даже лѣсныя пташки стихли, засыпая, а въ груди Левшина все сильнѣе закипала страсть, все мучительнѣе разгоралось эгоистическое чувство: „Какъ она

Digitized by Google

горячо толкуетъ *объ нихъ!*.. Объ насъ же, о нашемъ будущемъ она уклоняется говорить. Но, вѣдь любить же, любить!" И Левшину вспомнились насмѣшливыя замѣчанія товарищей, что онъ и теперь уже находится подъ башмакомъ будущей жены, что онъ не смѣетъ поцѣловать своей невѣсты, что онъ робокъ, какъ влюбленный гимназистъ, а женщины преклоняются передъ силою, хотя и порицаютъ ее на словахъ...

— Айдановъ извѣстный критикъ, — продолжала Анна съ увлеченіемъ, — и можете себѣ представить: вдругъ Мидасовъ изображаетъ его въ своей повѣсти... Да вѣдь какъ... Разузналъ его тайны.

— Ахъ, Анна, дорогая моя, прекрасная... Какъ я люблю тебя, какъ люблю! — точно стонъ, сорвалось съ губъ Левшина, и, забывая рамки, поставленныя невѣстой, нарушая обычную сдержанность, онъ не только вымолвилъ запрещенное „ты", но порывисто обнялъ дѣвушку, привлекъ къ себѣ и сталъ осыпать горячими, страстными поцѣлуями, повторяя слова любви и нѣжности.

Ремнева была ошеломлена поведеніемъ Левшина. Она вырвалась изъ его объятій и, вся дрожа отъ негодованія, досады и какого-то смутнаго чувства, смотрѣла на него раздраженными злыми глазами. Валентинъ Михайловичъ продолжалъ съ обожаніемъ любоваться Анной. Она стала ему еще дороже, еще милѣе и привлекательнѣе.

— Что это значитъ, Валентинъ Михайловичъ? Я, кажется, не подавала повода!

— Аня! Анюта!

Эта мольба еще болѣе разсердила дѣвушку.

— Вы... вы забылись! Со мною нельзя такъ обращаться, какъ съ Наташей. Я не привыкла къ офицерскимъ манерамъ.

Очарованіе лѣтняго вечера и горделивое упоеніе влюбленнаго, сорвавшаго первый поцѣлуй, исчезли безслѣдно. Левшинъ нахмурился и всталъ. Наступала минута неизбѣжнаго объясненія, котораго Левшинъ и хотѣлъ, и боялся.

— Анна, — началъ онъ обиженнымъ тономъ, — нельзя же такъ поступать... Я... я никогда не смѣю руки поцѣловать.

Ремнева съ вызывающимъ, почти презрительнымъ видомъ обратилась къ нему. Слабый протестъ жениха казался ей дерзостью. Подъ нимъ скрывалось стремленіе къ власти, желаніе

Digitized by Google

заявить свои права, оскорбительныя для женщины, права мужа-собственника, человѣка, позволяющаго себѣ требовать ласки, какъ исполненія долга. Кровь прилила къ головѣ дѣвушки и сердце сжала рѣзкая боль. Ясно и правдиво встало передъ нею сознаніе: „О, еслибы на его мѣстѣ былъ Зарницынъ! Развѣ бы я *такъ* отнеслась!“ Испуганная собственнымъ выводомъ, дѣвушка опустила голову. Изъ обвиняющей она превратилась въ виноватую, и подавляющая мысль обуздала ея гнѣвъ. Левшинъ продолжалъ высказывать свои жалобы, но Анна слушала ихъ, какъ во снѣ. Мелькнувшее сравненіе росло, ширилось и возбуждало упреки совѣсти.

— У насъ установились странныя... оскорбительныя... даже невозможныя отношенія,—дрожащимъ голосомъ говорилъ Валентинъ Михайловичъ.—Я—вашъ женихъ, человѣкъ, котораго вы избираете своимъ мужемъ, я не смѣю сказать ласковаго слова, не смѣю руки поцѣловать!.. Вы не позволяете называть васъ Аней, не хотите быть со мною на „ты“... Это всѣмъ кажется забавнымъ, а для меня... тяжело это для меня!.. Еслибы я меньше зналъ и уважалъ васъ, Анна, я могъ бы подумать, что вы...

Левшинъ замолчалъ. Онъ махнулъ рукой и отвернулся. Въ теченіе послѣднихъ дней, онъ только и думалъ, что о необходимости откровеннаго объясненія, и когда оно наступило—оказалось, что любовь и боязнь потерять Анну парализовали его мужество. Молодой человѣкъ не рѣшался взглянуть на дѣвушку, думая, что кровно обидѣлъ ее, и раскаивался въ своихъ жалобахъ, исподволь накопившихся и бередившихъ его самолюбіе.

„Неужели онъ догадался, въ чемъ суть?..—мысленно спрашивала себя Ремнева.—Да, да, надо разрушить эту несчастную ошибку; надо, не робѣя, выяснить правду“.

— Еслибы вы меньше знали и уважали меня?—вопросительно повторила Анна.—Ну-съ, что же бы вы подумали?

Она прищурила глаза и старалась улыбнуться, но поблѣднѣвшія губы трепетно дрожали. Левшинъ понялъ, что глубоко оскорбилъ гордую дѣвушку.

— Анна, простите меня!..—умоляющимъ тономъ вымолвилъ онъ.

— Докончите вашу фразу, я хочу знать, *что* бы вы по-

Digitized by Google

думали, еслибы я не имѣла чести пользоваться вашимъ уваженіемъ?

Ремнева говорила съ ироніей, но, внутренно желая выясненія ошибки, съ тревогой ожидала рѣзкаго обвиненія отъ Левшина. Ее терзала мысль, что Валентинъ можетъ заподозрить ее въ корыстности, въ стремленіи сдѣлать выгодную партію. „Чѣмъ же инымъ можетъ онъ объяснить мой поступокъ?—съ отчаяніемъ думала она.—Левшинъ не въ состояніи понять и повѣрить, что я искренно ошиблась, что жажду любви приняла за настоящее чувство“...

— Я хотѣлъ сказать...—смущенно отвѣчалъ Валентинъ Михайловичъ.—Только не сердитесь на меня, Бога ради. Это вырвалось случайно... Вы требуете, чтобы я окончилъ фразу... Избавьте меня, Анна!.. Право же, я такъ не думаю...

— Говорите! Я жду!

Честь Анны и ея самоуваженіе стояли на картѣ. Она говорила повелительнымъ тономъ, но, какъ виновная, ожидала приговора.

— Только не сердитесь, дорогая, голубка моя. Простите! За послѣдніе дни, каюсь, мнѣ было такъ грустно... Мнѣ приходило въ голову, что вы... вы кокетничаете со мною... Вы знаете, какъ я глубоко люблю васъ, и хотя сами любите, но... не прочь подразнить. Вѣдь даже умныя, талантливыя натуры не избавлены отъ этого недостатка... Вообще, кокетство... желаніе нравиться такъ естественны... Не сердитесь, дорогая! Прощаете? О, милая моя, милая!.. Ну, подумайте: не ужасна ли подобная строгость? Люди любятъ другъ друга, готовятся жизнь прожить вмѣстѣ, и вдругъ за какой нибудь мѣсяцъ до свадьбы—вы не позволяете руки поцѣловать! Еслибы вы были чопорной святошей—ну, туда-сюда, а то: простая сердечная дѣвушка, и вдругъ подобный капризъ! Право, Анна, тетя Даша была бы добрѣе, еслибы полюбила меня и сдѣлалась моей невѣстой.

Левшинъ засмѣялся, чувствуя необходимость сгладить объясненіе, и пытливо, просительно смотрѣлъ въ глаза дѣвушки. Онъ страстно ждалъ, что Анна протянетъ ему руку и, быть можетъ, позволитъ поцѣловать. Ничего, кромѣ этой цѣломудренной ласки, онъ и не жаждалъ теперь, испытавъ вспышку негодованія Ремневой. Но Анна была ошеломлена. Она ожи-

Digitized by Google

дала серьезнаго обвиненія—а ее укоряли только въ легкомыслiи. Точно камень спалъ у нея съ души. „Я не стану его обманывать,—рѣшила она,—конечно, не стану; что дѣлать, ошиблась... такъ и скажу. Быть его женою, когда влечетъ къ другому, когда ласка будущаго мужа является чѣмъ-то страшнымъ... Нѣтъ, нѣтъ, я откровенно сознаюсь... только не сегодня!“ И, какъ провинившійся ребенокъ, она старалась искупить свой проступокъ, но была какъ бы связана, не ловка. При иныхъ условіяхъ, ей стоило бы только болѣе ласково отнестись къ Левшину и онъ мгновенно забылъ бы всякое неудовольствіе; его ропотъ смѣнился бы восторгомъ, порицаніе—благодарностью. Но могла ли она, смѣла ли, какъ честный человѣкъ, говорить о любви, когда на завтра хотѣла виниться въ ошибкѣ? Она рѣшилась зорко наблюдать за каждымъ словомъ своимъ, за каждымъ взглядомъ, понимая, что всякое ласковое движеніе ея будетъ названо завтра вѣроломствомъ и обманомъ.

— Простите меня, Валентинъ,—кротко сказала она, избѣгая взора жениха.—Я, дѣйствительно, виновата передъ вами.

— Анна! Вы разсердились? Я такъ и зналъ!

— Нисколько, увѣряю васъ! неужели признаться въ своей ошибкѣ—значитъ...

— Ошибкѣ!—прервалъ Левшинъ.—Развѣ вы можете ошибаться!

Каждая женщина была бы польщена горячимъ убѣжденіемъ, звучавшимъ въ его голосѣ, но Анна печально улыбнулась.

— Я была слишкомъ эгоистична... Все время я разсказывала вамъ совсѣмъ неинтересныя исторіи, литературныя дрязги, а вамъ... Вы хотѣли, кажется, прокатиться по Волгѣ... Вамъ было скучно, Валентинъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, Анна, нисколько. Впрочемъ, я почти ничего не слыхалъ изъ того, что вы говорили.

— Не слыхали?

Левшинъ смутился. Онъ не могъ и не смѣлъ сказать Ремневой, что залюбовался ея внѣшностью и оживленіемъ, сверкавшимъ въ ея глазахъ, что онъ мечталъ поцѣлуемъ прервать ея рѣчь, обнять за талію и, привлекая къ себѣ, прошептать: „Оставь, Аня, это все чужое, наносное... У насъ такъ много своего, близкаго и милаго“! Ремнева мило и ко-

Digitized by Google

кетливо упрекнула Валентина Михайловича за невниманіе и прервала его извиненія, измѣнивъ разговоръ. Молодые люди направились къ берегу и спустились къ плоту, весело болтая. Состояніе напряженности разсѣялось, и Левшинъ чувствовалъ себя легко. Дѣлая могучіе взмахи веслами и свободно обгоняя катающихся, Валентинъ Михайловичъ почти не спускалъ глазъ съ Анны. Онъ замѣчалъ въ ней нѣчто новое, казавшееся ему особенно привлекательнымъ. Въ лицѣ дѣвушки замѣчалась тихая грусть, почти тоска, и глаза кротко свѣтились. Свѣжій вѣтерокъ раздувалъ ея волосы и шаловливо игралъ концами шарфа, то причудливо набрасывая ихъ на голову, то обнажая нѣжную шею Анны. Какъ человѣкъ, проводящій послѣдній вечеръ въ обществѣ друга, Ремнева съ особымъ выраженіемъ всматривалась въ загорѣвшее лицо Левшина, въ его мужественныя и въ то же время робкія движенія, въ его глаза глубокіе и блестящіе, но спокойные, дѣтски-чистые глаза. Иной образъ вставалъ передъ Анной и словно заслонялъ физіономію Валентина. Ей вспоминались другіе глаза, неотразимо-властные, гордые и холодные,—глаза, въ которыхъ, уѣзжая изъ Петербурга и послѣдній разъ взглянувъ въ окно, она подмѣтила особое выраженіе... Она заставила себя забыть все, относящееся къ Зарницыну, растравляя перенесенное униженіе, но сегодня, когда Левшинъ впервые позволилъ себѣ пылко поцѣловать невѣсту, когда она поняла, что сама дала ему право надъ собою,—ей стало и жутко, и страшно. „Да, да, это только дружба... только уваженіе,—думала она.—Любовь не то, что я питаю къ Валентину. Еслибы я любила его—я не могла бы оттолкнуть такъ безсердечно!“

— Вамъ надоѣло кататься, Анна? Вы устали?—заботливо спросилъ Левшинъ.

— Нѣтъ. Съ чего вы взяли? Впрочемъ, мнѣ все равно. Хотите—вернемся.

— Вы стали такъ грустны?.. Боюсь, не я ли разсердилъ васъ.

— Вы? Нѣтъ, Валентинъ, вы—очень, очень хорошій человѣкъ... Я не имѣю права сердиться на васъ. Вы достойны самой глубокой, горячей любви.

Она не сказала: „я васъ горячо и глубоко люблю“, но даже уклончивая похвала въ ея устахъ была ему дорога без-

Digitized by Google

мѣрно. Левшинъ покраснѣлъ отъ радости и, сіяющимъ взоромъ глядя на Ремневу, воскликнулъ:

— Экая натура у васъ чудная! Думаетъ: обидѣла и норовитъ вознаградить! Славная вы, Анна... Только... вы умнѣе меня, или... или я несовсѣмъ понимаю васъ. Вы очень сдержанны.

— Если вы относительно той сцены... въ бесѣдкѣ,—быстро прервала дѣвушка,—то погодите, пожалуйста! Завтра мы поговоримъ подробно. Я не хочу отравлять этого чуднаго вечера...

У Левшина екнуло сердце, но онъ покорился волѣ Анны. Остатокъ вечера молодые люди провели очень дружно и хорошо. Валентинъ Михайловичъ пѣлъ, а Ремнева продолжала смотрѣть на него тѣмъ же загадочнымъ, нѣжнымъ взоромъ, какъ глядятъ на безвременно умирающаго или на того, съ кѣмъ разстаются по волѣ судьбы.

Послѣ ужина, обычно подававшагося въ 11 часовъ и, по провинціальному обычаю, состоявшаго изъ полнаго обѣда, всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Пожимая руку Левшина, Анна сказала ему тихимъ просящимъ тономъ:

— Не сердитесь на меня... Повѣрьте, я сама не рада, что все такъ случилось. Вы... вы поймете потомъ.

— Полноте, дорогая, милая... Я виноватъ, *я*, а никакъ не вы!

Онъ не могъ догадаться, на что она намекала, и ушелъ къ себѣ почти счастливый. Такою нѣжною Анна еще никогда не бывала, и влюбленный предался сладкимъ мечтамъ. Ремнева провела мучительную ночь и на утро приняла неизмѣнное рѣшеніе.

X.

Ремнева находилась въ угнетенномъ нравственномъ состояніи.

Вчерашняя вспышка Левшина открыла ей глаза, и то, что она старалась не замѣчать или намѣренно давила въ себѣ—сдѣлалось вполнѣ яснымъ. „Если я дала слово Валентину, если я его невѣста—я не имѣю права держать себя такимъ образомъ... Онъ сталъ моимъ рабомъ, ребенкомъ, боится слово

Digitized by Google

сказать. Послѣ перваго поцѣлуя, вслѣдъ за объясненіемъ, онъ не смѣетъ руки моей поцѣловать, а вѣдь между женихомъ и невѣстой водятся извѣстныя нѣжности... Таковъ обычай!"

Анна глубоко вздыхала; инстинктъ подсказывалъ ей, что суть вовсе не въ обычаѣ. Она снова вспоминала, что *другому* на мѣстѣ Левшина не пришлось бы выманивать этой пустой ласки... Тамъ—она сама заговорила о любви, но ее отвергли; положимъ, деликатно и вѣжливо, но все таки уклонились, ссылаясь на „неумѣнье любить". Ремневой казалось, что она уже помирилась съ перенесеннымъ пораженіемъ. Поѣздка въ N., новыя впечатлѣнія и знакомства, наконецъ, любовная игра съ Левшинымъ,—съ этимъ мужественнымъ и красивымъ человѣкомъ, сохранившимъ чистоту и свѣжесть юноши,—все это заслонило собою печальный эпизодъ, и Анна точно начинала новую жизнь.

Но вчера стоило Валентину проявить слабый намекъ на свои права, и очарованіе исчезло. Ремнева поняла, что не любитъ Левшина такъ, какъ ей хотѣлось любить мужа-властелина, и она съ ужасомъ анализировала свое поведеніе по отношенію къ этому простому, довѣрчивому и безгранично-преданному человѣку.

— Мы должны разстаться!—рѣшила она.—Я не должна, не смѣю его обманывать... Это нечестно, прямо нечестно. Тяжело сознаться? О, еще бы, очень тяжело, унизительно даже... Но—казнь заслуженная. Не кокетничаю же я съ нимъ? Сегодня послѣ обѣда, когда тетя заснетъ, объяснюсь и—конецъ... Надо будетъ завтра же уѣхать. Пора! Наши всѣ собираются. Мидасова пишетъ: осенью кружокъ литературный устраивается. Вотъ и чудесно... Будемъ собираться, читать, бесѣдовать въ своей семьѣ, проживу отлично...

Но странное дѣло, у Ремневой защемило сердце, когда она подумала о пустотѣ, ожидающей ее въ столицѣ, среди „своей семьи", про которую она такъ часто и горделиво упоминала при Левшинѣ, тетѣ Дашѣ и другихъ знакомыхъ. То была блестящая личина, которой могли завидовать люди, знающіе столичную жизнь по наслышкѣ, но для Анны она уже потеряла прелесть новизны... Мелочное самолюбіе, интриги, клеветы и пересуды на литературной почвѣ—господствовали въ этой средѣ. Люди, не взирая на облагораживающую ихъ про-

Digitized by Google

фессію, оставались тѣми же людьми, но, благодаря нервной развинченности, дѣлались еще болѣе чувствительными ко всякому уколу ихъ самолюбія. Тамъ Анна снова затеряется среди „молодыхъ талантовъ", представляющихъ каждый маленькаго „божка" въ своемъ крошечномъ кружкѣ, враждующемъ противъ другаго „идола" и его послѣдователей. Тамъ она сольется съ толпою интеллигенціи и никогда не выдастся изъ ея уровня; тамъ, наконецъ, никто не приласкаетъ ея съ такою старческою безцеремонностью, какъ тетя Даша, совершенно игнорирующая ея литературныя заслуги и вспоминающая при гостяхъ, какіе горячіе шлепки давала она автору „Пучины" за слишкомъ вольное обхожденіе съ одеждой; тамъ всѣ обрадуются ея возвращенію, станутъ посѣщать, будутъ звать къ себѣ, но... никто, ни одна душа не отнесется такъ сердечно и тепло, какъ Левшинъ; никто не въ состояніи такъ безкорыстно и глубоко любить ее.

„Мы должны... должны разстаться",—шептала дѣвушка, стараясь убѣдить себя, что объясненіе и разлука—ея нравственный долгъ, а въ то же время, какъ жителю холоднаго сѣвера, пригрѣтому южнымъ солнцемъ, ей было грустно до боли лишаться бодрящаго вліянія благословенной страны. „О, еслибы можно было пользоваться его любовью, не отдавая себя, а только отплачивая дружескою ласкою за его нѣжную и преданную заботливость... Но кто же согласится брать камень взамѣнъ хлѣба? Конечно, для мужчины дружба является насмѣшкой, если въ сердцѣ его кипитъ молодая страсть". И опять Аннѣ пришло на память собственное отношеніе къ Зарницыну. „А онъ все таки не рѣшился предложить мнѣ дружбу! — почти съ радостью пронеслось въ ея мозгу.—Онъ не обидѣлъ меня этою банальною фразой".

За утреннимъ чаемъ и за завтракомъ, дѣвушка была особенно нѣжна съ тетей Дашей и ея наперсницей, Борисовной. Зная, чѣмъ польстить обѣимъ женщинамъ, она съ увлеченіемъ хвалила „скороспѣлки", сахарныя булочки, поданныя къ кофе, и „сочни" изъ ржаной муки, — коронное произведеніе Борисовны, рецептъ котораго она хранила, какъ устарѣвшая красавица счетъ прожитыхъ годовъ; восхищалась и чистотою двора, и рѣдкою породою куръ, любимицъ тетушки, и горде-

Digitized by Google

ливой походкой пѣтуха, питомца Борисовны, обожавшей своего „старикашку“.

— Право, тетя, вашъ „старикашка“ такой красавецъ, хоть сейчасъ на выставку. Въ Петербургѣ, за него бы медаль выдали.

— Ну, ужь, Аня, напрасно ты его хвалишь,—возразила Дарья Васильевна, оскорбленная невниманіемъ племянницы къ кохинхинкамъ.—„Старикашка“ сегодня глаза выклевалъ молодому пѣтушку.

— Барышня, а на выставку-то,—вы говорите,—гдѣ медаль даютъ, всякому можно? И простому человѣку позволяется, или только для господъ!—робко спрашивала ключница.

— Конечно, всякому, Борисовна! Ни для кого нѣтъ запрета...

— Выдумала тоже: „старикашку“ да на выставку! Я вотъ посмотрю, посмотрю, да и велю заколоть его на жаркое.

— И кушать не станете, матушка Дарья Васильевна!

— Значитъ, и на ѣду-то не годится?—поддразнивала Лаврентьева.

— Поперекъ горлышка станетъ.

— Выдумала тоже: поперекъ горла! Драгоцѣнность какая! Завтра же заколю и паштетъ сдѣлаемъ. Валентину Михайловичу и Анѣ такъ понравится...

Борисовна безмолвно обратилась къ Ремневой. Она боялась: ужь не петербургская ли барышня дала такой жестокій совѣтъ, и готова была возненавидѣть ее за грядущую смерть своего любимца.

— Ахъ, тетя, что вы говорите! Ни за что на свѣтѣ нельзя губить старикашку! Борисовна права: никто въ ротъ не возьметъ. Общій другъ старикашка, красавецъ, умница... понятливый... Да я первая выкуплю свободу его и куплю вамъ на паштетъ десятокъ простыхъ куръ. Вы не умѣете цѣнить такую прелесть, какъ „старикашка“.

Анна говорила горячо. Ей, дѣйствительно, казалось невозможною жестокостью убить ручнаго, всѣми любимаго, пѣтуха, къ которому относились, какъ къ члену семьи, и она удивлялась странному капризу тетки, вздумавшей подразнить свою наперсницу.

Пылкая защита Анны восхитила и Лаврентьеву, и Бори-

Digitized by Google

совну. Обѣ онѣ радостно смотрѣли на дѣвушку, сидѣвшую за столомъ въ широкомъ бѣломъ пеньюарѣ, съ обнаженными красивыми руками, съ милымъ, симпатичнымъ лицомъ. Тетѣ Дашѣ нравилось, что ея Ана не сдѣлалась „матеріалисткой“, а Борисовна восхищалась ея заступничествомъ и благодарно закивала головой, когда Дарья Васильевна вымолвила, точно извиняясь:

— Да вѣдь пошутила я, Господи! Мнѣ самой... Я тоже люблю „старикашку“?

— Ахъ, тетя, эти „сочни“ просто восторгъ!—черезъ нѣсколько мгновеній замѣтила Анна, когда Борисовна принесла новую партію и подвигала Ремневой самые поджаристые.— Вспомнишь ихъ въ Петербургѣ не разъ!

— Барышня, голубушка, вотъ этотъ возьмите... съ картофелинкой свѣженькой... Я сейчасъ барину молодому послала.

— Я полагаю, Аня, что въ столицѣ и творогу, и сметаны такой не найдешь... Вѣдь все у васъ поддѣльное! Слышала, Борисовна, у нихъ яица—и тѣ поддѣлываютъ. Какъ это у васъ тамъ называютъ? Фальсификація, кажется?

Тетя Даша съ трудомъ произнесла длинное слово. Борисовна ахала, слушая объясненія госпожи, только что наканунѣ вычитавшей это сообщеніе. Аннѣ все это было и смѣшно, и какъ-то особенно дорого. Она чувствовала, что снова разстается съ роднымъ домомъ и, какъ это всегда бываетъ, онъ становился для нея болѣе милымъ, чѣмъ за все время пребыванія.

— А я все таки хотѣла бы научить Мидасову дѣлать „сочни“. Она хорошая хозяйка... То-то объѣлись бы всѣ наши, стали бы вездѣ расхваливать, и имя Борисовны прославилось бы навсегда. Скажете мнѣ рецептъ, Борисовна, да?

Ремнева уже не разъ просила ключницу нарушить тайну кулинарнаго творчества, но Борисовна постоянно уклонялась.

— Ужь какое это кушанье, барышня,— скажетъ она.—Въ столицѣ смѣяться станутъ!.. Тамъ у васъ и разносолы, и анчоусы всякіе. Гдѣ намъ учить?

Въ ея представленіи, какъ и въ мнѣніи самой ея патронессы, „анчоусы“ являлись чѣмъ-то сказочнымъ, феноменальнымъ, и она не вѣрила, когда ей говорили, что это—рыба въ родѣ килекъ, не поражающая ни цѣною, ни вкусомъ. Но скромныя

Digitized by Google

возраженія Борисовны выказывали нежеланіе раскрыть свою тайну, и только сегодня, послѣ заступничества Анны за „старикашку“, рѣшимость ея была въ корнѣ подрѣзана.

— Скажу, барышня, голубушка вы моя; *вамъ* — скажу; другому бы ни въ жизнь не объяснила...

— Ловлю моментъ!—вскричала Анна и взялась за карандашъ.—Ну-съ, Борисовна, говорите, я стану записывать.

— Что это, Аня?—спросила Лаврентьева, спустя нѣсколько времени, когда Борисовна стала убирать завтракъ.—Съ чего ты о столицѣ вспомнила? Ужь не вздумала ли уѣзжать?

Старушка хотѣла произнести вопросъ насмѣшливымъ тономъ, но голосъ ея оборвался. Она успѣла снова привыкнуть къ Анѣ за это лѣто и разлука представлялась ей крайне тяжелой.

— Да, тетя, пора... Надо ѣхать!

— Въ самомъ дѣлѣ? Ты... вправду хочешь ѣхать?

— Мнѣ здѣсь очень, очень хорошо, тетя. Вы—такая славная, добрая, но это необходимо. Вѣдь уже два мѣсяца прошло.

— Считать вздумала! Ты вѣрно изъ-за этой... изъ-за свадьбы?—Ремневой еще впервые показалось, что тетя Даша несочувственно относится къ ея браку съ Левшинымъ. Въ другое время это не только огорчило бы ее, но даже раздосадовало; теперь же она ласково смотрѣла на собесѣдницу. Анна такъ нуждалась въ союзникѣ... Она предполагала, что именно тетка отнесется съ порицаніемъ къ нарушенію даннаго слова. Вѣдь въ глазахъ провинціалки разстройство предположеннаго брака—позоръ, законный мотивъ для всякихъ сплетенъ.

— Нѣтъ, голубушка тетя, свадьба тутъ не причемъ! Я и сама еще не знаю, когда это все случится... Ничего не рѣшено, не опредѣлено! Мнѣ надо уѣхать въ Петербургъ, какъ можно скорѣй. Это необходимо во всѣхъ отношеніяхъ.

Если бы Анна взглянула въ это мгновеніе на Лаврентьеву, она бы замѣтила, что старушка шепчетъ: „Дай Богъ! все къ лучшему!“ Но она отвернулась къ окну, мысленно прощаясь съ роднымъ садомъ.

— И скоро хочешь ѣхать, Аня? Поживи еще, милочка!..

— Нѣтъ, тетя, не удерживайте меня. Завтра я вамъ скажу, тогда и вы... вы поймете, что такъ нужно.—Боясь,

Digitized by Google

что тетя Даша можетъ понять слишкомъ многое, дѣвушка добавила торопливо:

— Основывается новый хорошій журналъ, и если я не пріѣду во время, то кружокъ сотрудниковъ будетъ сформированъ, а мнѣ нужно обезпечить себѣ постоянную работу...

— О, конечно, конечно! Ты — умница, Аня!.. Повѣрь, старая тетка кое-что и безъ словъ понимаетъ... Теперь я совсѣмъ успокоюсь, совсѣмъ! — Лаврентьева многозначительно смотрѣла на дѣвушку и, улыбаясь, кивала головой. Между Анной и тетей Дашей устанавливался тайный союзъ, но Ремнева вспыхнула отъ негодованія, сознавая, что поступаетъ нехорошо. Намѣреніе уѣхать, отсрочка свадьбы на неопредѣленное время, наконецъ ея планы относительно будущаго—все это касалось болѣе Левшина, чѣмъ Лаврентьевой, а она такъ некстати разоткровенничалась съ тетей, вмѣсто того чтобы посвятить Валентина въ свои планы.

„Какія глупости я все дѣлаю!—подумала она съ досадой.— Я его постоянно обижаю, не имѣя никакого права. Ну, это послѣдній разъ... послѣдній.“

Анна ушла въ самыя дальнія аллеи сада, стараясь, чтобы Валентинъ Михайловичъ не видалъ ея. Проходя, она замѣтила, что у него открыты окна и онъ сидитъ, склонившись за столомъ.

XI.

Обѣдъ подходилъ къ концу, когда тетя Даша, обращаясь къ Левшину, сказала, какъ бы жалуясь на племянницу:

— А наша-то барышня, знаете, на дняхъ ѣхать собралась? Валентинъ Михайловичъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, но не выдалъ своей тревоги. Онъ вопросительно взглянулъ на Анну, полагая, что старушка пошутила, но смущеніе Ремневой убѣдило въ справедливости словъ Лаврентьевой. Дѣлая надъ собою невѣроятныя усилія воли, молодой человѣкъ скрылъ свои ощущенія и не выказалъ, какъ глубоко огорчила и оскорбила его скрытность невѣсты. Женихъ, близкій, любящій человѣкъ, узналъ такую важную новость изъ устъ другихъ, и Анна даже не спѣшила оправдаться, объяснить причину. Левшинъ шутилъ, смѣялся, но напряженность чуялась въ каждомъ

Digitized by Google

его словѣ и Ремнева съ тревогой замѣчала, что Валентинъ Михайловичъ сильно разстроенъ и его усилія казаться бодрымъ—обходятся не дешево. Дѣвушка раскаивалась въ своемъ поступкѣ. Сообщая о предстоящемъ отъѣздѣ только теткѣ, она заботилась исключительно о себѣ: такъ ей было легче и удобнѣе, а о Левшинѣ она не давала себѣ труда даже подумать.

Бывали мгновенія, когда силы Левшина, казалось, исчезали. Онъ изнемогалъ въ борьбѣ съ захватывающею тоскою и, думая о разлукѣ съ Анною, блѣднѣлъ, какъ мертвецъ. Его глаза становились тусклы и губы дрожали. Анна видѣла эти быстрыя перемѣны и трепетно ожидала вспышки гнѣва. Но Валентинъ Михайловичъ овладѣвалъ собою. Онъ начиналъ разсказывать какой нибудь анекдотъ изъ военной жизни, пустой случай, полутупую остроту товарища и смѣялся надрывающимся, нехорошимъ смѣхомъ. Наконецъ, молодые люди остались одни. Тетя Даша ушла, переваливаясь, какъ досыта наѣвшаяся утка. Левшинъ быстро поднялся съ мѣста.

— Въ садъ?!—почти повелительно вымолвилъ онъ.

— Да, пойдемте въ садъ,—умиротворяющимъ тономъ сказала Анна и медлительной поступью послѣдовала за Валентиномъ Михайловичемъ. Она предчувствовала тяжелое объясненіе и знала, что отодвинуть его нельзя; уклониться — нѣтъ возможности.

Нѣсколько секундъ Валентинъ Михайловичъ молчалъ. Въ его душѣ накопилось столько горечи, такъ много больныхъ, обидныхъ ощущеній, что онъ не зналъ, съ чего начать, и старался овладѣть собою, быть сдержаннымъ, хладнокровнымъ.

Со времени объясненія съ Анною, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ ея женихомъ, въ теченіе этого лучшаго и счастливѣйшаго періода въ жизни влюбленныхъ, Левшину, какъ нарочно, привелось испытывать самыя тяжелыя испытанія. Холодность Ремневой и ея чопорную требовательность онъ приписывалъ цѣломудренности натуры дѣвушки и, въ душѣ ропща на Анну, разсудкомъ одобрялъ ея поведеніе. Но сегодняшній поступокъ глубоко оскорбилъ его. „Она рѣшила уѣхать, а я... я *послѣдній* узнаю это рѣшеніе!“—возмущался онъ. Если между нами такъ мало общаго, если не существуетъ даже простой дружеской откровенности, то къ чему же эта комедія? Не любитъ,

Digitized by Google

пусть откажетъ... Я не въ силахъ переносить подобное обращеніе. Ничьей игрушкой не былъ я и не буду!

Но когда Левшинъ началъ говорить съ Анной, напускное мужество исчезло...

— Вы въ самомъ дѣлѣ уѣзжаете?—спросилъ онъ, бросая быстрый взглядъ на Ремневу и замѣчая ея низко опущенную голову.

— Необходимо! Я получила письмо... Меня зовутъ туда спѣшныя дѣла, требующія моего присутствія. Я много... очень много потеряю, если не поѣду. Мнѣ крайне нужно...

Она говорила слишкомъ торопливо и приводила такъ много доводовъ, что они казались несущественными, даже вымышленными. Левшинъ усмѣхнулся, печально пожимая плечами.

— Развѣ сегодня уже приносили письма съ почты?—просто освѣдомился онъ.

Она видѣла, что Левшинъ не довѣряетъ ей, что онъ проникъ въ ея тайны, и собственное лукавство показалось ей возмутительнымъ.

— Письмо отъ Мидасовыхъ я получила еще вчера,—рѣшительно вымолвила дѣвушка, поднимая голову.

— Вы ничего не говорили, Анна...

— Конечно, не говорила! Странное дѣло, развѣ я обязана разсказывать каждую мелочь, всякій пустякъ?.. Это насиліе надъ моею свободою, насиліе, котораго я не потерплю!

— Анна, вы хотите начать ссору?—тихимъ, печальнымъ тономъ произнесъ Левшинъ, и Ремнева была обезоружена. Кротость Валентина Михайловича въ ту минуту, когда она собиралась нанести рѣшительный ударъ, поражала ее.

Дѣвушка откинулась на спинку скамьи, съ досадой думая, что тягостное объясненіе затянется невыносимо долго, что въ Левшинѣ слишкомъ мало мужества и съ нимъ придется обращаться, какъ со взрослымъ ребенкомъ. Но она ошиблась.

— Итакъ, вы уѣзжаете!—повторилъ молодой человѣкъ.— Этого надо было ожидать. Я слишкомъ отдался настоящему и забывалъ неизбѣжное. Да, да, уѣзжайте, Анна. Вамъ нужно ѣхать и... дай вамъ Богъ счастья!

— Что это значитъ, Валентинъ?—уязвленная его тономъ и словами, спросила Ремнева.

— Я желаю вамъ счастья...

Digitized by Google

— Да, очень благодарна, но все таки...

Левшинъ ходилъ взадъ и впередъ по дорожкѣ, усыпанной краснымъ пескомъ. Косые лучи солнца, пробираясь сквозь листву, дрожащими полосками и пятнами озаряли его лицо, играли на золотѣ погоновъ, на пуговицахъ кителя. Завитки бѣлокурыхъ волосъ падали на высокій лобъ молодаго человѣка и кудрявая борода его пріобрѣла ярко-золотистый оттѣнокъ. Подъ смуглой кожей лица свободно играла, переливаясь, молодая кровь, и Аннѣ вспомнился тотъ вечеръ, когда при лунѣ, въ глубокой тишинѣ іюльской ночи, у нихъ вырвалось взаимное признаніе въ любви. Какъ недавно все это произошло, но какимъ далекимъ казалось теперь!

— Вы меня не любите, Анна! — рѣшительно вымолвилъ Левшинъ, останавливаясь противъ Ремневой.

Дѣвушка придумывала десятки фразъ для выраженія своихъ ощущеній; она заботилась возможно мягче и деликатнѣе коснуться больнаго вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ; собиралась осторожно внести ядъ сомнѣній въ увѣренность жениха, а потомъ, уже изъ Петербурга, написать жестокую правду, но Левшинъ *самъ* шелъ на встрѣчу роковой истины.

Анна смутилась и опустила голову.

— Я хотѣла поговорить съ вами, Валентинъ... Намъ нужно хорошенько, хорошенько выяснить нѣкоторые вопросы. Надо, чтобы между нами не было ничего не договореннаго... неяснаго, потому что...

Она вкрадчивымъ и мягкимъ тономъ высказывала свое желаніе. Левшинъ прервалъ ея рѣчь тѣмъ же полу-вопросомъ, полу-заявленіемъ:

— Вы меня не любите, Анна!

Онъ трепетно ожидалъ отвѣта.

„Если не любитъ, то къ чему же всѣ эти объясненія, разговоры?! Скорѣе узнать рѣшеніе своей судьбы, и конецъ.“

— Какой вы странный, Валентинъ! Объ этомъ и вопроса быть не можетъ! Съ чего вы взяли? Я... я къ вамъ вовсе не измѣнилась!

Валентинъ Михайловичъ вздохнулъ, какъ человѣкъ, избавившійся отъ смертельной опасности. Ремнева пожалѣла о сорвавшихся словахъ, но возвратить ихъ было невозможно.

Digitized by Google

Она видѣла, какъ просіяло лицо Валентина, и въ душѣ ея шевельнулось горделивое, но скорбное чувство.

— Спасибо вамъ, Анна, дорогая, милая моя Анна! Если-бы вы знали, какой тяжелый камень свалился у меня съ души! Мнѣ было невыносимо больно думать, что вы способны на недостойный поступокъ, что вы позволите себѣ...

— Что такое? О чемъ вы говорите?

— Я боялся, что вся эта исторія—плодъ вашего кокетства! Повѣрьте, Анна, потерять право уважать васъ—для меня было бы еще тяжелѣе, чѣмъ потерять ваше расположеніе...

— Почему вы заговорили объ уваженіи? Я не понимаю!

— Анна, помните тотъ вечеръ, вѣрнѣе, ночь, когда мы договорились до объясненія!.. Здѣсь, на этой самой скамьѣ, вы сказали, что любите меня, что хотите быть моею женою?

— Помню,—прошептала Ремнева сдавленнымъ голосомъ.

— Да, я вѣрю, вы помните. Подобные моменты не забываются. Только разъ въ жизни можно испытывать такое состояніе. Одно слово, и мы стали близкими навсегда! Но, Анна, послѣ этого дорогаго вечера, мнѣ пришлось перенести много тяжелаго... Вы позволите мнѣ говорить откровенно? Да, да, позвольте, я умоляю, я такъ измучился за эти дни!

— Говорите.

Левшинъ послѣдовательно и вполнѣ правдиво рисовалъ картину ихъ отношеній. Онъ говорилъ, какое глупое положеніе приходилось выносить ему, благодаря суровой строгости невѣсты. Близкій и любящій человѣкъ, онъ не смѣлъ поцѣловать руки своей избранницы; не смѣлъ сказать ей „ты“. Надъ нимъ смѣялись товарищи и знакомые; его зависимое положеніе давало поводъ къ оскорбительнымъ шуткамъ, но онъ мужественно переносилъ мелочныя непріятности, утѣшая себя сознаніемъ, что Анна любитъ его. Но послѣдніе дни... О, что онъ выстрадалъ за это время! Правда, онъ самъ виноватъ: позволилъ себѣ обнять невѣсту... Но неужели это такое преступленіе? Когда человѣкъ любимъ—подобныя вспышки легко прощаются? Между тѣмъ Анна оскорбилась. Она измѣнила свое обращеніе, и вотъ сегодня совершенно неожиданно онъ узнаётъ объ ея отъѣздѣ... узнаетъ отъ тети Даши, недружелюбно относящейся къ нему! За что такая жестокость? Чѣмъ

Digitized by Google

заслужилъ онъ ее? Развѣ не былъ онъ самымъ покорнымъ и преданнымъ другомъ? Развѣ въ его безграничную любовь перестали вѣрить?

— Неужели же правда, что вы уѣзжаете, Анна?!—дрогнувшимъ отъ душевнаго страданія голосомъ заключилъ онъ и, стиснувъ руки, какъ бы молилъ отрицательнаго отвѣта.

Ремнева заговорила мягкимъ, успокоивающимъ и разсудительнымъ тономъ (больнѣе упрековъ вліявшимъ на сердце Левшина); она просила его не волноваться, не придавать трагическаго значенія обыденному факту. Она выбирала такія уклончивыя, удоборастяжимыя выраженія, что Валентинъ Михайловичъ напрасно напрягалъ свои способности. Онъ слышалъ слова, внималъ звуку ея голоса, но смыслъ рѣчи оставался чуждымъ и непонятнымъ.

„Или я глупъ невообразимо, или... или... она хочетъ сказать что-то ужасное!"—скользило въ мозгу Левшина, но, не желая допускать ни одного изъ этихъ предположеній, онъ продолжалъ жадно отыскивать значеніе и мотивъ ея объясненій.

— Вы думаете обо мнѣ слишкомъ хорошо,—говорила Анна, коснувшись сперва своего знакомства съ Левшинымъ и опредѣливъ, какое впечатлѣніе произвели они другъ на друга.— Да, къ несчастью незаслуженно — хорошо, а между тѣмъ во мнѣ много дурнаго. Подумайте, Валентинъ, мы почти однихъ лѣтъ, а для женщины это уже не пора возмужалости, а близость зрѣлаго возраста. Проживъ до сихъ поръ свободною, какъ птица, я составила себѣ извѣстныя привычки, безъ которыхъ не могу существовать. Это—серьезный вопросъ. Объ немъ стоитъ подумать! Въ самостоятельности женщины лежитъ залогъ ея счастья, но и зародышъ будущихъ несогласій, быть можетъ, ссоръ, дрязгъ... Я люблю, напримѣръ, рано утромъ, чуть не на разсвѣтѣ, бродить по улицамъ Петербурга; я хочу быть одна; я желаю уходить и возвращаться безъ всякихъ предупрежденій, безъ вопросовъ: куда? зачѣмъ? когда будешь дома? Все это, конечно, мелочи, но... изъ нихъ выростаютъ крупныя недоразумѣнія...

— Анна, Бога ради, зачѣмъ вы все это говорите? — не выдержалъ Левшинъ.

— Мнѣ нужно ѣхать въ Петербургъ... Совершенно слу-

Digitized by Google

чайно я раньше сказала объ этомъ тетѣ, чѣмъ вамъ,—продолжала Ремнева.—Вы мнѣ дѣлаете сцену... Вы оскорблены... обижены... Мнѣ приходится оправдываться, чуть не просить прощенья.

— Позвольте, Анна, одно слово... Если вы люб...

— Я знаю,—горячо прервала Ремнева,—по обычаямъ вы имѣете полное право негодовать на меня. Невѣста—почти такое же пассивное существо, какъ жена, но я-то, *я* не могу мириться съ такою ролью. Самостоятельность нужна мнѣ, какъ воздухъ.

— И вы думаете: *я* способенъ лишить васъ ея?

Анна пожала плечами.

— Вступивъ въ извѣстную колею, невольно приходится подчиняться...

Нѣсколько мгновеній Левшинъ молчалъ.

— Я васъ такъ люблю, что ваша воля для меня священна—заговорилъ онъ пылко и убѣжденно.—Семейная жизнь складывается изъ взаимныхъ уступокъ, а тамъ, гдѣ вы захотите выдержать характеръ—я съ радостью уступлю. Это не безцвѣтная покорность мужа подъ башмакомъ... это будетъ жертва на алтарь мира. Вы еще не умѣете любить, Анна... Но вы поймете со временемъ, какое блаженство—умалиться во имя дорогаго человѣка; вы испытаете жгучую радость заслужить благодарную улыбку любимаго существа, вы узнаете, быть можетъ, что даже смерть, — если она принесетъ счастье другому,—можно привѣтствовать съ восторгомъ.

Ремнева была глубоко тронута словами Левшина. Безграничное обожаніе и горячая преданность, звучавшія въ его рѣчахъ, невольно подкупали ее, смягчая недавнюю рѣшимость. Онъ умолялъ ее повѣрить въ его чувство, хотя онъ не обладаетъ силою краснорѣчія. Онъ говорилъ, что вся жизнь его принадлежитъ ей, что безъ нея счастье для него невозможно, что повиноваться ей, угадывать ея желанія—будетъ для него полнымъ блаженствомъ, что никакихъ подводныхъ камней, въ видѣ ссоръ и дрязгъ, онъ не допускаетъ даже въ принципѣ. Тихо догорающій день и ласкающая любовная рѣчь производили могущественное обаяніе. Аннѣ становилось жаль Левшина; совѣсть шептала ей, что она не должна принимать эту глубокую и горячую любовь, что вполнѣ отвѣчать на нее она

Digitized by Google

не можетъ, не умѣетъ. Но разорвать эти узы однимъ словомъ— у нея не хватало силъ. Ей вспоминались злыя насмѣшки Айданова, Мидасовыхъ и другихъ знакомыхъ, острившихъ надъ нѣкоторыми изъ брачныхъ паръ, гдѣ мужъ-писатель имѣлъ жену-модистку, и они говорили на разныхъ языкахъ. Она думала о своей товаркѣ, вышедшей за адвоката, надъ которымъ не острилъ только лѣнивый, хотя это былъ умный и честный человѣкъ. Готовыя фразы объ „языкѣ безъ костей", упреки въ излишней говорливости и намеки на безпринципность, усердно повторялись даже тѣми, кто вполнѣ основательно долженъ бы былъ признавать эти недостатки своими. Но такова сила дисциплины и покорности передъ модой. Острое словечко, брошенное въ печать лгуномъ-репортеромъ, являлось ходячей монетой и всѣ, кому было лѣнь размышлять самостоятельно, принимали на вѣру хлесткій эпитетъ. Но мужъ-офицеръ... мужъ военный! Мужъ, носящій эполеты и мундиръ!.. О, сколько поводовъ для злословія! Анну признавали умной; теперь станутъ говорить, что ее увлекли мишура и блескъ...

— Я боюсь въ будущемъ только одного,—продолжалъ Левшинъ, искренно исповѣдуясь передъ невѣстой,—это вашего общества. Я буду чуждымъ для всѣхъ, неинтереснымъ, пожалуй, даже лишнимъ. Но вѣдь *каждый* изъ насъ сохраняетъ свою свободу, Анна? Вы позволите мнѣ не выходить, когда ваши друзья станутъ навѣщать васъ?..

— Это зачѣмъ? Тотъ, кто не уважаетъ моего мужа, не можетъ быть моимъ другомъ!

— Славный, милый отвѣтъ! Какъ вы впечатлительны, Анна! Но все таки, дорогая моя, я повторяю: позвольте мнѣ быть свободнымъ. Вашъ кружокъ—громкія имена, таланты... Я—скромный человѣкъ... Мнѣ хочется учиться, читать, совершенствоваться и когда нибудь стать достойнымъ васъ.

— Зачѣмъ такое униженіе! Вы лучше меня, Валентинъ; у васъ чудесная душа!

Левшинъ съ восторгомъ глядѣлъ на дѣвушку. Ему казалось, что онъ побѣдилъ ея тайныя сомнѣнія, что любовь ея, ничѣмъ неомраченная, скажется ярко и свободно. Но Анна молчала. Могла ли она признаться ему теперь, послѣ всего выслушаннаго, что не любитъ его; что въ сердцѣ ея растутъ

Digitized by Google

сомнѣнія; что она пришла сюда съ рѣшимостью заговорить о вѣчной разлукѣ? „Я ему напишу... это будетъ легче“!.. подумала она.

— Какъ я терзался мыслью, что вы только кокетничали со мною и что игра завела васъ дальше, чѣмъ вы ожидали. Помните, наше объясненіе началось почти съ шутки. Вы сами знаете: настроенный человѣкъ способенъ подтасовывать факты и мнѣ казалось, что, ставши невѣстой, вы начали раскаиваться. Отсюда—строгость и холодность. Затѣмъ вашъ неожиданный отъѣздъ... Одно къ одному. Но обвинять *васъ* въ кокетствѣ! кому же вѣрить послѣ этого?

Ремнева была пристыжена. Дѣйствительно, ея поведеніе можно было назвать кокетствомъ и она ощущала угрызенія совѣсти. „Ахъ, какое глупое, тяжелое положеніе!“ мучилась она. „Мнѣ его жаль... ужасно жаль, и вмѣстѣ съ тѣмъ я боюсь быть его женою! что же мнѣ дѣлать?“

Съ балкона раздался голосъ тети Даши. Она звала пить чай. Анна быстро встала. Левшинъ нѣжно и почтительно удержалъ ея руку.

— Я только зайду къ себѣ за папиросами и сію минуту явлюсь. Но мы вѣдь еще не окончили разговора, Анна! Да? Послѣ чая, голубка моя, пойдемъ опять сюда и рѣшимъ всѣ вопросы. Помните: ваша воля для меня законъ, и если для вашего счастья нужна будетъ моя жизнь—я отдамъ ее съ радостью!..

Анна растроганнымъ взоромъ смотрѣла ему вслѣдъ. Помимо воли она вѣрила его словамъ; они волновали, они льстили ея самолюбію и, мгновеньями, подъ звуки его страстной рѣчи, ей казалось, что она любитъ Валентина. Образъ Зарницына блѣднѣлъ и стушевывался, а здоровая, сильная привязанность жениха захватывала ее, какъ могучій потокъ.

— Какъ вы долго, Анюта!—упрекнула тетя Даша, когда Ремнева вошла въ столовую.—Ты одна? А гдѣ же Валентинъ Михайловичъ?

— Онъ пошелъ домой,—разсѣянно отвѣчала дѣвушка, садясь къ столу и начиная грызть сахаръ.

Лицо старушки оживилось.

— Анюточка, ты не сердись, я спросить хочу... Твое

Digitized by Google

счастье мнѣ очень, очень близко, дружокъ. Скажи, родная, правда, что ты ему отказала?

Ремнева не слыхала вопроса. Лаврентьева приняла молчаніе племянницы за подтвержденіе.

— Я сейчасъ поняла!—хватилась она.—Вздумала уѣзжать такъ неожиданно. Ясное дѣло: не ловко. Я очень рада, Анюта! совсѣмъ тебѣ не пара Левшинъ, совсѣмъ!

— Съ чего вы взяли, тетя?

— Скрываешь! хочешь меня обмануть! Ужь полно, полно! мнѣ и Борисовна сейчасъ говорила.

— Что говорила?—теряя терпѣніе и раздражаясь на безцеремонное залѣзанье въ ея душу, крикнула Анна.

— Вотъ вы всегда такъ, молодежь!.. Думаете: стараго человѣка обмануть легко. Ошиба-етесь! Мы-то все видимъ, только молчимъ. Развѣ ты держала себя съ Левшинымъ, какъ съ женихомъ? Ни-ни, и очень умно, дружокъ... Я вчера Вѣрѣ Васильевнѣ говорила: писательница, вѣдь... ей все испытать хочется. Пококетничала, а тотъ влюбился безъ памяти. Слава Богу, что во время одумалась. Ужь какая это партія! Говорили: имѣнье—золотое дно, а я на дняхъ случайно съ однимъ господиномъ говорила,—сосѣдъ онъ по уѣзду съ Левшинымъ,—такъ представь себѣ: всего на всего 1200 руб. дохода въ годъ... потомъ спрашивала...

— Тетя! тетя! Какъ вамъ не стыдно?!

Въ дверяхъ столовой появился Валентинъ Михайловичъ.

„Неужели онъ слышалъ слова тети?“—съ ужасомъ подумала Анна.

XII.

Левшинъ поздоровался съ Лаврентьевой. Они ежедневно встрѣчались за обѣдомъ, чаемъ и ужиномъ, и всякій разъ молодой человѣкъ, красиво, по военному, наклоняя только голову, привѣтствовалъ старушку. Онъ ловко щелкалъ шпорами и выжидалъ, пока Дарья Васильевна протянетъ ему руку. Такая церемонія совершалась постоянно и съ перваго дня знакомства подкупила старую дѣву, нѣкогда мечтавшую объ офицерѣ-женихѣ. Теперь тетя Даша нѣсколько смущенно отвѣчала на поклонъ Левшина и, не взирая на свою изумительную

Digitized by Google

словоохотливость, замѣняющую у старыхъ людей остальныя жизненныя функціи, пробормотала какую-то фразу и торопливо схватилась за чайникъ.

Въ первый разъ еще Анна обратила вниманіе на манеры Левшина. Она замѣтила его изящный поклонъ и невольно продолжала наблюденія. Молодой человѣкъ дѣлалъ все какъ-то особенно мягко и красиво, но каждое его движеніе казалось заученнымъ, привитымъ на скамьѣ закрытаго заведенія. Аннѣ стало досадно на Валентина Михайловича.

Она считала его такимъ простымъ, естественнымъ... Склонившись надъ чашкой чаю, она думала и объ немъ, и о словахъ тети, вдругъ обнажившихъ передъ нею душевную пошлость старушки, къ которой она относилась такъ сердечно и тепло.

„Если она такъ думаетъ, то и Валентинъ можетъ вообразить... Къ обвиненію въ кокетствѣ присоединится другое, еще болѣе оскорбительное. Подозрѣвать въ корысти! О, какъ это гадко... гадко! Валентинъ могъ слышать слова тети“...

Пристыженная за Дарью Васильевну, Анна не рѣшалась взглянуть на Левшина. Между нимъ и тетей шелъ какой-то разговоръ. Она слушала машинально, но вдругъ, удивленная звукомъ голоса Валентина Михайловича, быстро подняла голову.

— Я не сталъ бы скрывать правды, Дарья Васильевна,— говорилъ Левшинъ серьезнымъ тономъ.—Но я только сейчасъ получилъ письмо отъ управляющаго. Дѣйствительно, доходъ будетъ гораздо меньше, чѣмъ всегда. Вмѣсто ожидаемыхъ 2,400 р. я получу половину. Разсказывать, что мое имѣніе золотое дно,—если вы потрудитесь вспомнить,—я никогда не позволялъ себѣ.

— Да что вы, что вы, Валентинъ Михайловичъ!.. Развѣ я... я и не думала!.. и не знаю!..

Она также легко отказывалась, какъ клеветала. Ремнева вспыхнула отъ негодованія. Она не спускала глазъ съ Левшина, удивляясь его сдержанности и чувствуя, что сама не стерпѣла бы подобнаго лганья.

— Да и наконецъ,—заключилъ молодой человѣкъ,—я слишкомъ увѣренъ, что мое состояніе не играетъ никакой роли въ глазахъ Анны. Потерять *ея* уваженіе было бы для меня слишкомъ тяжко, но оно не можетъ основываться на деньгахъ.

Digitized by Google

Анна торопливо и весело кивала головой.

Тетя Даша была посрамлена и наказана. Она чувствовала себя неловко и раздражительно относилась къ Левшину. Десятки разъ начиная оправдываться и дѣлать намеки на „другихъ", позволяющихъ себѣ клеветать на нее, она обвиняла тѣхъ, кто подслушиваетъ и, схватывая вершки, обижается. Ремнева громко мѣшала ложечкой въ стаканѣ, какъ бы желая заглушить надоѣдливыя и тягучія объясненія тетки. Вся ея нѣжность къ Дарьѣ Васильевнѣ исчезла. Встрѣчая взоръ Левшина, ясно говорившій: „я переношу все это ради тебя только!" она чувствовала себя растроганной. Ей хотѣлось вознести Валентина и придавить Лаврентьеву за ея злой, нехорошій поступокъ. Удобный случай быстро представился.

Одинъ изъ обычныхъ партнеровъ старушки явился сыграть полдюжинки „королей", и всѣ обрадовались ему, какъ избавителю.

— Борисовна, а, Борисовна, поставь-ка намъ столикъ!— крикнула Дарья Васильевна такимъ ласковымъ и добрымъ тономъ, что, казалось, эта женщина во всю жизнь не сдѣлала ничего дурнаго, что лежала бы укоромъ на ея незлобивой душѣ.

— Какъ поживаете, Анна Николаевна?—спрашивалъ гость, усаживаясь возлѣ дѣвушки.

— Да вотъ на дняхъ уѣзжаетъ въ Петербургъ! соскучилась!—отвѣчала за нее Лаврентьева и мелькомъ взглянула на Левшина.

— Такъ скоро?—удивился гость, хотя это ему было безразлично.—А когда же свадьба?

И простодушный провинціалъ тоже взглянулъ на Валентина Михайловича, а потомъ перевелъ вопросительный взоръ на Ремневу, Ни одинъ мускулъ въ лицѣ Левшина не шевельнулся, но Анна угадала, чего стоило это принужденное спокойствіе, эта показная покорность, когда въ сердцѣ бушевали и любовь, и досада, и горькая тоска.

— Свадьба?! Да, вѣроятно, въ концѣ августа,—рѣшительно отвѣтила Ремнева:—мы еще не успѣли обсудить всѣ вопросы... Валентинъ пріѣдетъ въ Петербургъ къ 15-му, и мы обвѣнчаемся.

Слезы безграничнаго восторга сверкнули на глазахъ Левшина. Онъ усиленно затягивался папиросой и лицо его скры-

Digitized by Google

валось въ густыхъ клубахъ дыма, но Анна чувствовала, какою гордостью и счастьемъ билось его любящее сердце, какою благодарностью переполнялось оно.

— Въ Петербургѣ вѣнчаться?!—съ разочарованіемъ протянула тетя Даша.—Вотъ тебѣ и разъ!.. Это съ чего же? Здѣсь, говорили! А теперь...

— Онъ не хочетъ здѣсь, онъ, мой будущій властелинъ! Я должна повиноваться!—съ шутливой лаской вымолвила дѣвушка, указывая на жениха.

Тетя Даша играла замѣчательно несчастливо. Она проиграла подъ рядъ четыре короля, пока Левшинъ и Анна, гуляя по саду, обсуждали десятки вопросовъ, неожиданно ставшихъ на очередь, благодаря рѣшенію Ремневой.

— Моя голубка, сокровище мое...—шепталъ умиленный Левшинъ, цѣлуя руку невѣсты.—Я точно во снѣ все вижу... Пали запреты, отравлявшіе жизнь! Я могу сказать „ты“, могу цѣловать твои руки... Мнѣ есть объ чемъ мечтать! Желанная, ненаглядная!

Съ дѣтской радостью смотрѣла Ремнева, какъ Валентинъ покрывалъ поцѣлуями ея тонкіе пальцы и блѣдно-розовую ладонь, какъ, захлебываясь отъ счастья, шепталъ отрывистыя фразы и блаженство сіяло въ его глазахъ. Истинная и пылкая любовь обладаетъ могучей силой. Она способна тронуть гордое и холодное сердце, она, какъ властная богиня, привлекаетъ къ своему алтарю. Кровь закипала въ жилахъ Анны. Нервная дрожь пробѣгала по тѣлу, возбуждая смутное томленіе, жажду невѣдомой ласки и стремленіе забыться въ очарованномъ снѣ. Левшинъ говорилъ, не смолкая. Онъ разсказывалъ свои страданія, муки неизвѣстности; онъ говорилъ о своемъ дѣтствѣ, возмужаломъ возрастѣ, не оправдавшемъ мечтаній юности. Онъ приподнималъ завѣсу будущаго и голосъ его становился еще нѣжнѣе и мягче, когда онъ касался грядущаго блаженства. Дружные между собой, близкіе, они будутъ жить вполнѣ счастливо. Приносить жертвы любимому существу—верхъ наслажденія. О, онъ понимаетъ, какое сокровище достается ему! Онъ будетъ лелѣять ея талантъ; станетъ оберегать ее отъ жизненныхъ дрязгъ, онъ готовъ грудью защищать ее; ради ея довольства, онъ готовъ отдать десятокъ жизней—такъ страстно желаетъ онъ видѣть ее счастливою.

Digitized by Google

Точно райская музыка звучали эти фразы любви, ветхія, какъ міръ, и мильоны разъ повторяемыя на всѣхъ концахъ земнаго шара. Но для Анны онѣ были новинкой. Она была подавлена этою кипучею страстью, этою беззавѣтною преданностью.—Самостоятельность, которою она такъ гордилась, независимость, ея девизъ, даже стремленіе побѣдить Кронида Петровича,—все преклонилось передъ могуществомъ любви, и самый образъ Зарницына окончательно стушевался.

„Валентинъ любитъ меня и я люблю... люблю его!“

Тетя Даша успѣла успокоиться. Она отыгралась, задала шлемъ и даже зарѣзала партнера, объявивъ четырнадцать королей, тогда какъ тотъ „разнесся“, желая сохранить четырнадцать валетовъ.

— Эдакая неудача!—воскликнулъ гость, тасуя карты.

— На холоповъ нельзя надѣяться!—разсудительно возразила Дарья Васильевна, озабоченно записывая сумму выигрыша.

Левшинъ и Анна, стоя за окномъ, наблюдали эту сценку. Сотни разъ приходилось имъ видѣть подобные эпизоды, но сегодня все представлялось въ особомъ свѣтѣ. Они переглядывались, улыбаясь, и Ремнева еще крѣпче опиралась на руку жениха. Ихъ тянуло въ глубь сада, на скамью, нѣмую свидѣтельницу зарождавшейся любви; хотѣлось похвастаться передъ старыми липами и дубами, видавшими на своемъ вѣку много счастливыхъ парочекъ и немало горючихъ слезъ; ихъ влекла торжественная тишина іюльской ночи и дивная прелесть, разлитая въ природѣ. Бурныя проявленія страсти улеглись. Молодые люди шли молча, медлительно ступая по песку дорожки и вглядываясь въ безоблачное звѣздное небо, величественнымъ шатромъ раскинувшееся надъ ними.

— Хорошо!.. Ахъ, какъ хорошо!—глубоко вздохнувъ, вымолвилъ Левшинъ.

— Спой что нибудь, Ваня!—едва слышно прошептала Анна, и это первое „ты“, произнесенное дѣвушкой, это ласковое „Ваня“ возбудили взрывъ восторга въ душѣ молодаго человѣка.

Никогда еще не пѣлъ такъ Левшинъ, какъ сегодня. Вся душа его выливалась въ томящихъ, ласкающихъ звукахъ, и Ремнева съ наслажденіемъ внимала имъ. Въ ней творилось

Digitized by Google

что-то невѣдомое, но прекрасное, и, отдаваясь наплыву властительныхъ ощущеній, она склонила голову на плечо жениха.

Болѣе двухъ недѣль состояли Левшинъ и Анна въ положеніи жениха и невѣсты, но только сегодня вошли въ роль близкихъ людей. Ремнева отталкивала отъ себя всѣ думы, воспоминанія и соображенія. Ея сердце давно уже жадно просило любви и она дала ему волю. Разставаясь, Левшинъ спросилъ:

— Твой отъѣздъ рѣшенъ, Аня?

— Да, да, милый... Я отложу его на два дня и это— самое большое,—уже далеко не такимъ рѣшительнымъ тономъ, какъ прежде, добавила она.

Впервые въ это мгновенье поняла Анна, что цѣпи любви, хотя и изъ розъ,—все таки цѣпи.

— Уѣзжай, моя ненаглядная! Уѣзжай! Одно твое слово измѣнило все... Я буду у тебя къ Успенью, а тамъ—твоя воля, радость моя, сокровище мое!

Сладостные сны ласкали въ эту ночь молодую дѣвушку. Она переживала жгучіе моменты безоблачнаго счастья. Сомнѣнія исчезли, какъ предразсвѣтная тьма. Она любила, хотѣла вѣрить, и ничто не смущало ея покоя. Съ тетей Дашей установились натянутыя отношенія. Она дулась на Анну, и ея примѣру слѣдовала Борисовна, надоѣдая вздохами и намеками.

— Вотъ *тоже* одна барышня родителей не послушалась, такъ вѣдь зато ужь и счастья Богъ не даетъ... Всегда такъ бываетъ! Помните, матушка-барышня, Дарья Васильевна, дочку Локтевыхъ? Первенькій младенецъ мертвый родился... второй— калѣка, третій...

— Да, да, а выпросили у матери прощенья, и дѣтки пошли здоровыя. Кровь съ молокомъ...

Анна наскоро завтракала и уходила въ садъ, но и тамъ ее ожидали разочарованія. Суровость Ремневой исчезла, и Левшинъ сталъ смѣлъ и свободенъ. Теперь у него проглядывали военныя ухватки и вырывались такія шутки, отъ которыхъ Анну коробило. Она не смѣялась въ отвѣтъ на его остроты и онъ началъ объяснять ихъ, развивать, удивляясь недогадливости дѣвушки. Ничего пошлаго или двусмысленнаго онъ, конечно, не допускалъ, но есть безцвѣтные и глупые анекдоты, обошедшіе весь свѣтъ и оскорбляющіе именно своею ограниченностью.

Digitized by Google

— Я сегодня встрѣтилъ Пенькова. Потѣшная исторія вышла. Одного изъ нашихъ посадили подъ арестъ... Ха! ха!— смѣялся Левшинъ. — Представь, Аня, Орестъ — подъ арестъ, ха, ха!

Ремнева хмурила брови и едва сдерживала досаду.

— Ты не поняла остроты? Его зовутъ Орестъ... въ этомъ вся штука. Забавныя бываютъ созвучія...

Анна отсрочила свой отъѣздъ на два дня, и это краткое время показалось ей настоящей пыткой. Левшинъ приводилъ своихъ товарищей и знакомилъ ихъ съ Анной, какъ бы поддерживая любовную близость съ невѣстой. Онъ говорилъ ей „ты“, называлъ Асей, голубкой, и даже цѣловалъ руку въ ихъ присутствіи. Ремнева понимала причину такого поведенія. Левшинъ возстанавливалъ свою честь, опровергалъ слухи о своей зависимости и, конечно, былъ правъ съ извѣстной точки зрѣнія. Но эта мелочность въ человѣкѣ, пылко говорившемъ о желаніи пожертвовать жизнью ради счастья любимаго существа, казалась ей несостоятельностью. Она еще не знала, что побѣдить въ себѣ тщеславіе и уступить въ мелочахъ труднѣе, чѣмъ погибнуть на баррикадѣ или на глазахъ милой.

Наканунѣ отъѣзда, когда сундуки и чемоданы были уложены, тетя Даша помирилась съ Анной. Она расплакалась, говорила объ участьѣ, о долгѣ по отношенію къ сиротѣ-племянницѣ, и въ концѣ концовъ заявила, что на завтра назначенъ прощальный обѣдъ и приглашены всѣ знакомые.

— Ахъ, тетя, зачѣмъ?! Не надо, прошу васъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, безъ хлѣба-соли не отпущу! Не басурманка я, слава Богу. У насъ засмѣютъ.

Пришлось покориться провинціальнымъ традиціямъ. Поѣздъ отходилъ въ шесть часовъ вечера, а обѣдъ начался съ двухъ и продолжался нестерпимо долго. Гости ѣли, пили, провозглашали тосты и особеннымъ краснорѣчіемъ отличались товарищи Левшина, явившіеся изъ лагеря.

Какихъ только метафоръ и сравненій не пришлось наслушаться Ремневой, чего-чего не наболтали разнуздавшіеся языки провинціальныхъ Демосѳеновъ! Еслибы Анна была посторонней зрительницей, она восторгалась бы „натурой“ и „человѣческими документами“, но, къ несчастью, ей пришлось быть дѣйствующимъ лицомъ. Каждое пошлое слово, всякая шутка

Digitized by Google

дѣйствовали на нее, какъ щелканье бича передъ породистою лошадью.

— За здоровье жениха и невѣсты! Ура! Ура! — прокатилось по залѣ.

Всѣ столпились вокругъ, протягивая бокалы, высказывая пожеланія. Левшинъ стоялъ возлѣ Анны и радостно принималъ любезныя фразы. Онъ торжествовалъ побѣду; онъ еще впервые въ присутствіи общества пользовался прерогативами жениха. Отставной гусарскій полковникъ въ мундирѣ лихо опрокинулъ бокалъ, провелъ имъ по ряду шнуровъ на груди и, бросая на полъ старинный дорогой хрусталь, крикнулъ:

— Какъ вамъ, господа, не знаю, а мнѣ—горько! Очень горько!

Полковникъ привыкъ играть извѣстную роль на всѣхъ помолвкахъ, свадьбахъ, крестинахъ, и вызывающе взглянулъ на окружающихъ.

— Горько! горько!—подхватили десятки голосовъ.

Левшинъ обратился къ невѣстѣ, съ горделивой улыбкой привлекъ ее къ себѣ и крѣпко поцѣловалъ. Оттолкнуть жениха въ это мгновенье—значитъ сдѣлать скандалъ, но Анна почти съ ненавистью посмотрѣла на безмѣрно счастливаго и довольнаго человѣка.

— Оставьте меня!.. Я васъ не люблю,—улучивъ моментъ, сказала она и ушла къ себѣ, чтобы переодѣться въ дорожное платье.

Молодая дѣвушка горько и порывисто рыдала, упавъ лицомъ въ подушки. Она оплакивала себя саму, свою ошибку, и сознавала, что вернуть сдѣланное нѣтъ возможности.

— Какъ она любитъ Левшина! Экій, право, счастливецъ—говорили его товарищи, когда блѣдная и заплаканная Ремнева прощалась со всѣми.

— Я никогда не видала, чтобы Аня такъ плакала!—вторила тетя Даша.—Да, конечно, любовь... разлука...

— Прощай, моя красавица... мое сокровище... милая моя Ася!—съ беззавѣтнымъ, пылкимъ чувствомъ воскликнулъ Валентинъ Михайловичъ, когда на мгновенье они остались одни.—Ты дала мнѣ столько счастья, столько свѣтлой вѣры въ будущее! Спасибо, желанная... Свѣтлая моя!

Digitized by Google

Анна Николаевна тихо, какъ дождь, зарядившій надолго, рыдала, склонивъ голову.

— Любимая, ненаглядная, да объ чемъ же? Объ чемъ?— обнимая ее за талію, допытывался Левшинъ, не понимая, конечно, мотива вспыхнувшей въ ея душѣ горечи.—Теперь все такъ хорошо... Завтра же я тебѣ напишу. Пріѣдешь—на другой же день тебѣ подадутъ мое письмо. Разъ только установится переписка—сейчасъ легче... Я это испыталъ на себѣ...

— На себѣ?!—повторила Анна, ощущая легкую ревность.— Развѣ тебѣ приходилось *такъ* разставаться.

Валентинъ Михайловичъ самодовольно улыбнулся. Этотъ вопросъ, произнесенный съ тревогою, льстилъ ему.

— *Такъ*—никогда и ни съ кѣмъ! Ни въ прошломъ, ни въ будущемъ у меня ничего не было и нѣтъ, кромѣ тебя, моя дорогая, моя ясочка!

Ремнева склонила голову на грудь Левшина. Его шелковистые усы и борода щекотали ея разгорѣвшуюся щеку. Раздражающій запахъ шампанскаго и гаванской сигары, въ соединеніи съ любимыми духами дѣвушки, ласкалъ и опьянялъ въ одно и то же время. Гости и тетя Даша забыли о женихѣ и невѣстѣ, или, деликатничая, не входили въ эту комнату. Кто-то заигралъ на роялѣ знакомую мелодію, и хоръ гостей дружно подхватилъ пѣснь. Ремнева разсѣянно внимала долетающимъ звукамъ; она не понимала, что творится съ нею, и не умѣла объяснить быстрыхъ перемѣнъ, происходившихъ въ ея душѣ. Полчаса тому назадъ, она почти ненавидѣла Левшина и, злобно рыдая, издѣвалась надъ нимъ, называя куклой на пружинахъ, провинціальнымъ львомъ, мишурнымъ героемъ, а теперь... Страсть кипѣла въ ея сердцѣ и она, какъ очарованная, слушала жениха, съ тоскою сознавая, что чрезъ нѣсколько минутъ они должны разстаться...

— А еще сказала послѣ обѣда: „оставьте меня... я васъ не люблю!“ Голубка, точно я не понимаю: ты слишкомъ живешь нервами! Тебя разсердила глупая фраза полковника... Его нельзя судить строго... Здѣсь такъ принято... Ты и мной недовольна!.. Угадалъ вѣдь? Но, Ася, не поцѣлуй я тебя, опять пошли бы нелѣпыя сплетни... Еслибы ты знала, какъ тяжело слушать порицанія дорогаго существа... Прости, если я...

Digitized by Google

— Полно ты, полно, Ваня! Вѣдь я люблю тебя, милый, люблю! Я знаю... Я вѣрю... Мы будемъ счастливы! Будемъ непремѣнно.

Ремнева убѣждала себя саму въ справедливости сказаннаго. Ей такъ хотѣлось вѣрить и отрѣшиться отъ томительнаго анализа, омрачавшаго каждое мгновенье счастья.

Большинство гостей поѣхало на вокзалъ провожать дѣвушку. Поѣздки на дебаркадеръ и гулянье взадъ и впередъ, вдоль поѣзда—обычное удовольствіе для провинціаловъ. Здѣсь происходятъ любовныя и дѣловыя встрѣчи, здѣсь показываются новые наряды и производятся наблюденія надъ столичными модами туристки. Пассажиры, занимающіе мѣста въ первомъ классѣ, являются идеаломъ для провинціалки и, право, удивительно, какъ не додумались еще обладатели торговыхъ домовъ посылать „живыя рекламы“ въ глушь Россіи?..

Букеты, коробки съ конфектами и съ фруктами загромождали все сидѣнье. Анну провожали, какъ племянницу хлѣбосольной тети Даши и какъ невѣсту, но въ то же время подчеркивали, что Ремнева—писательница, и чуть ли не называли ее гордостью N. Анна устала кланяться, благодарить и пожимать руки. Со вторымъ звонкомъ, дѣвушка вошла въ вагонъ, и началась та тягостная, невыносимо-медлительная истома, когда разговоры прекращаются, но люди стоятъ другъ передъ другомъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ и безплодно ломаютъ головы, придумывая: что бы такое сказать еще? Раздался свистокъ, задребезжалъ разбитый колоколъ и поѣздъ двинулся. Всѣ вздохнули свободнѣе и съ особенною любезностью и оживленіемъ выкрикивали прощальныя фразы. Тетя Даша вытирала слезы, полковникъ сдѣлалъ подъ козырекъ, а Левшина не было видно. Онъ исчезъ въ минуту послѣдняго прощанья.

Но Анна едва успѣла размѣстить груды „приношеній“, какъ дверь вагона растворилась, и передъ нею предсталъ Валентинъ Михайловичъ. Подобное вниманіе тронуло дѣвушку. Да, это была та любовь, объ которой она мечтала, еще не имѣя героя. Въ романахъ и въ жизни, изъ разсказовъ пріятельницъ, охотно хвастающихся тѣмъ, что онѣ доводили своихъ поклонниковъ „до бѣлаго каленія“, что подъ ихъ окнами простаивали всю ночь счастливые, но подозрительные избран-

Digitized by Google

ники—Ремневой болѣе всего нравился такой типъ. Фантазируя о будущемъ, она представляла своего поклонника непремѣнно жгучимъ брюнетомъ, пылкимъ, какъ испанецъ, нѣжнымъ, но ревнивымъ, преданнымъ, но подозрительнымъ, готовымъ на безумныя выходки и въ то же время мудрымъ, какъ змій. Съ годами, благодаря практическимъ вѣяніямъ и знакомству съ дѣйствительностью, фантастическій герой утратилъ свой яркій колоритъ. Ремнева видѣла, какъ оскорбительны и досадны мужья-ревнивцы, какъ надоѣдлива нѣжность въ обыденной жизни, выражающаяся заботами о здоровьѣ, и сама смѣялась надъ мечтами юности.

Но догадливость Левшина, вздумавшаго проводить ее двѣ станціи, его разсказы, какъ онъ едва успѣлъ вскочить въ вагонъ, какъ кондукторъ не хотѣлъ позволить ему войти въ 1-й классъ, какъ онъ откупился отъ суроваго цербера — все это производило пріятное впечатлѣніе. Молодая парочка смѣялась и шутила, представляя себѣ удивленіе тети Даши и остальныхъ гостей, передразнивала Лаврентьеву и Борисовну, вспоминала забавные эпизоды во время обѣда. Точно два школьника, сдавшіе трудный экзаменъ, они вознаграждали себя, безъ умолку болтая, перебивая другъ друга и смѣясь тѣмъ безпричиннымъ звонкимъ смѣхомъ, который замѣчается только у очень молодыхъ или у очень счастливыхъ людей. Полтора часа, проведенные въ пути, пролетѣли, какъ одинъ мигъ. Облачко грусти надвинулось на веселую парочку, и слова замирали на губахъ Анны и Левшина.

Двое пассажировъ, сидѣвшихъ на другомъ концѣ вагона и уже начинавшихъ роптать на шумливыхъ спутниковъ, боясь, что говоръ и смѣхъ помѣшаютъ имъ заснуть—успокоились. Левшинъ поднялся съ мѣста.

— Станція Липки! Двѣ минуты,—прокричалъ кондукторъ.—Поторопитесь, господинъ. N—скій поѣздъ уходитъ!—добавилъ онъ, обращаясь къ Левшину.

Молодые люди крѣпко пожали руки другъ другу. Глаза Валентина были влажны и лицо его выражало глубокую печаль. Левшинъ и Анна не поцѣловались и даже не обмѣнялись ни однимъ словомъ, инстинктивно угадывая, что способны разрыдаться. Новый свистокъ — и поѣздъ медленно двинулся

Digitized by Google

вдоль дебаркадера. Красная фуражка начальника станціи, молодцоватые жандармы и нѣсколько рабочихъ мелькнули въ глазахъ Анны. Но передъ ея умственнымъ взоромъ стоялъ другой образъ, дорогой и милый, успѣвшій вытѣснить всѣ воспоминанія и силою страсти восторжествовать надъ ея сомнѣніями и анализомъ.

К. Назарьева.

(*Продолженіе будетъ.*)

Digitized by Google

СВѢТЪ И ТЬМА.

Съ темною, старою силой коснѣнья,
Труженикъ мысли,—на бой!
Не отступай ты, исполненный рвенья,
Передъ неравной борьбой!
Въ битвѣ, подъ знаменемъ свѣта, со тьмою
Много борцовъ полегло,
Но не смиряйся горячей душою,
Гордо подъемля чело.
Лучшія грезы твои и надежды
Тоже потопчутъ во прахъ,
Будутъ надъ ними глумиться невѣжды
Съ грубымъ оружьемъ въ рукахъ...
Бейся! Но мелкою къ людямъ враждою
Чистой души не скверни:
Эти враги съ ихъ шумящей толпою,—
Стоютъ ли злобы они?
Люди же,—это невольные слуги
Старыхъ кумировъ своихъ...
Люди въ невѣжествѣ, словно въ недугѣ,
Сами же создали ихъ,
Пре́дались рабству духовному сами,
Съ вѣрой своею слѣпой...
Ты же въ бою не съ людьми, а съ вѣками
Идоловъ жги предъ толпой!
Брезгай къ невѣждамъ враждою напрасной,
Выше и чище ихъ будь!
Съ вѣрою высшею, съ вѣрой прекрасной,
Мелкую злобу забудь!
Старыхъ кумировъ же съ гордыхъ подножій
Сталкивай мощью своей,—
Да возсіяетъ свѣтъ истины Божьей,
Да озаряетъ людей!..

Л. Пальминъ.

Digitized by Google

ВѢКЪ ЭПИКУРЕЙСТВА.

(Черты нравовъ въ Россіи XVIII вѣка.

XIII.

О томъ, какъ широко строились и широко жили вельможные эпикурейцы прошлаго столѣтія, мы можемъ судить, отчасти, по сохранившимся до сихъ поръ ихъ палатамъ. Правда, очень немногія изъ этихъ палатъ остались во владѣніи потомковъ своихъ строителей, да, при нынѣшней болѣе скромной, болѣе разсчетливой жизни даже богатыхъ людей и при отсутствіи даровой крѣпостной челяди, пользоваться палатами для жилья прежнимъ порядкомъ было бы въ настоящее время крайне обременительно и просто невозможно. Громадность этихъ домовъ съ обширными службами, раскидывавшимися на пространствѣ цѣлыхъ кварталовъ, была разсчитана для житья на царскую ногу, если сравнивать съ нынѣшнимъ маштабомъ. Таковы были, напр., дома князей Потемкина и Юсупова, графовъ Орловыхъ, Разумовскихъ, Строгановыхъ, Шереметевыхъ, Воронцова, Бестужева-Рюмина и Безбородко; Глѣбова, Гарновскаго, Нарышкина, Яковлева и друг. Хотя многія изъ этихъ хоромъ сохранились по наши дни почти въ первоначальномъ видѣ, но, за рѣдкими лишь изъятіями, остались въ частномъ владѣніи. Надо, вообще, замѣтить, что въ Петербургѣ, какъ и въ другихъ нашихъ городахъ, очень немного имѣется старыхъ фамильныхъ домовъ, наслѣдственно остающихся съ ихъ основанія въ одномъ и томъ же родѣ. Въ нашей столицѣ дома такіе наперечетъ, какъ-то:—великолѣпный домъ графовъ Строгановыхъ, у Полицейскаго моста, построенный по плану Растрелли во второй половинѣ прошлаго столѣтія; домъ графовъ Шереметевыхъ, на Фонтанкѣ, и насупротивъ его—нынѣ пустующій, заброшенный домъ графовъ Шуваловыхъ; домъ князя Юсупова на Мойкѣ и пр. Мы говоримъ здѣсь о домахъ, которымъ вѣку болѣе ста лѣтъ и они неизмѣнно остаются во владѣніи однихъ и тѣхъ же

Digitized by Google

фамилій. Большинство же огромныхъ барскихъ хоромъ, построенныхъ въ прошломъ столѣтіи, съ теченіемъ времени перешло въ казенное владѣніе. Нѣкоторыя изъ нихъ обращены въ императорскіе дворцы—Аничкинъ (принадлежавшій графу Ал. Разумовскому), Мраморный (построенный для гр. Г. Орлова), Таврическій (кн. Потемкина). Другія отведены подъ государственныя и общественныя учрежденія:—домъ, бывшій гр. Воронцова, занятъ Пажескимъ корпусомъ, а домъ гр. Безбородко—почтамтомъ; главный корпусъ Воспитательнаго Дома, на Мойкѣ, былъ домомъ графа Кирилла Разумовскаго; сенатъ помѣщается въ домѣ, принадлежавшемъ гр. Бестужеву-Рюмину; домъ князей Юсуповыхъ съ обширнымъ («Юсуповскимъ») садомъ принадлежитъ нынѣ министерству путей сообщенія; въ домѣ, бывшемъ Державина, помѣщается римско-католическая коллегія; сосѣдній съ нимъ громадный домъ потемкинскаго приспѣшника Гарновскаго, въ оправданіе державинскаго пророчества, что его «жестоки времена и строги во стойла конски обратятъ», дѣйствительно, обратился въ артиллерійскія конюшни и казармы. Вотъ, кстати, цѣны за нѣкоторые барскіе дома, купленные государствомъ въ разное время, но не позднѣе, впрочемъ, прошлаго столѣтія. Домъ гр. Воронцова былъ купленъ за 217,000 руб. Кириллъ Разумовскій продалъ казнѣ свой домъ (нынѣ Воспитательный Домъ), въ концѣ 90-хъ гг., за 300,000 руб., не смотря на то, что, по его же словамъ, «онъ уже сталъ валиться» и готовъ былъ «сдѣлаться совершенной развалиною». Казна, конечно, на это не посмотрѣла, потому что покупки барскихъ домовъ на государственный счетъ были въ то время однимъ изъ видовъ монаршей щедрой милости. Разоряющіеся баре кланялись и клянчили объ этомъ, а когда добивались благоизволенія на покупку, то не церемонились заламывать такія цѣны, которыхъ въ частной продажѣ, разумѣется, имъ никто бы никогда не далъ. Особенно прибыльный оборотъ сдѣлалъ кн. Потемкинъ со своимъ Таврическимъ дворцомъ. Вначалѣ онъ построилъ на его мѣстѣ, сравнительно, небольшой домъ. Въ отсутствіе хозяина, Екатерина приказала архитектору Старову перестроить и расширить этотъ домъ, сдѣлавъ его подобіемъ Пантеона, украсить всячески и омеблировать, конечно, на казенный счетъ. Въ этомъ новомъ, сюрпризномъ видѣ Потемкинъ успѣлъ продать свой дворецъ въ казну за 460,000 руб., но вскорѣ послѣ того опять получилъ его въ подарокъ отъ тароватой государыни. При императорѣ Павлѣ, съ этимъ дворцомъ случилось то же, что и съ домомъ Гарновскаго: онъ былъ конфискованъ, обращенъ въ казармы, а его великолѣпная концертная зала превратилась

Digitized by Google

въ манежъ. Впрочемъ, нѣсколько ранѣе, его чудовищно ограбилъ тотъ же Гарновскій, тотчасъ послѣ смерти Потемкина, еще во дни Екатерины. Пользуясь правами полномочнаго управляющаго покойнаго князя, Гарновскій сталъ вывозить къ себѣ въ домъ цѣлыми барками движимое имущество изъ дворца—мебель, статуи, картины, разную драгоцѣнную утварь,—все, что̀ получше и что̀ можно было стащить. Изъ-за этого, у Гарновскаго съ наслѣдниками Потемкина вышли, по выраженію Державина, многіе «крики и споры». Характеристично, что этотъ завѣдомо нечистый на руку дѣлецъ, нажившійся при Потемкинѣ отъявленнымъ казнокрадствомъ, имѣлъ наглость, уже послѣ смерти своего патрона, просить у императрицы пособія на достройку своего дома, стоявшаго безъ крыши. Недурно съострилъ по этому поводу Державинъ въ слѣдующемъ четверостишіи:

„Воззри, монархиня! на домъ, покрова не имущій,
Въ столицѣ отъ крупицъ царя Тавриды сущій.
Воззри! и украси сей хижиной твой тронъ:
Прибавь къ украденнымъ еще хоть милліонъ!“

Дѣло въ томъ, что Гарновскій, по примѣру современныхъ ему знатныхъ спекулянтовъ, старался сбыть свой домъ, съ барышкомъ, въ дворцовое вѣдомство для какого нибудь изъ подроставшихъ тогда великихъ князей, внуковъ императрицы.

Екатерина почти всѣмъ своимъ любимцамъ, въ счетѣ другихъ богатыхъ подарковъ, жаловала обыкновенно и дома. Такъ, въ концѣ 70-хъ гг., она подарила фавориту Васильчикову домъ на Дворцовой площади и, по ея плану, стали его перестраивать и украшать съ такимъ широкимъ разсчетомъ, чтобы, по величинѣ и роскоши, онъ превзошелъ всѣ частные дома въ Петербургѣ; но, пока домъ строился, Васильчиковъ успѣлъ выйти изъ фавора и домъ былъ купленъ у него въ казну за 100,000 р. Въ щегольскомъ новенькомъ домѣ, когда его отстроили, поселился новый фаворитъ, Римскій-Корсаковъ, но также прожилъ недолго и продалъ его графу Мусину-Пушкину за 200,000 руб. Точно также получили дома фавориты: Ланской, Завадовскій и др. Извѣстному графу Н. И. Панину, воспитателю великаго князя Павла Петровича, по окончаніи его воспитанія, Екатерина предложила на выборъ любой домъ въ Петербургѣ и, кромѣ того, пожаловала на домашнее обзаведеніе 100 т. руб.

Столько же, сколько и Петербургъ,—если еще не болѣе,—щеголяла и Москва огромными барскими хоромами, изъ которыхъ точно также очень немногія остались по наши дни во владѣніи

Digitized by Google

наслѣдниковъ своихъ строителей, а большинство обратилось въ помѣщенія для казенныхъ и общественныхъ учрежденій. Напримѣръ, бывшій домъ Нарышкиныхъ—нынѣ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ; домъ княгини Дашковой—нынѣ музыкальная консерваторія; дома Пашкова и Барятинскаго—нынѣ университетъ; домъ Апраксиныхъ—нынѣ Александровскій кадетскій корпусъ. Нынѣшняя Екатерининская больница принадлежала князьямъ Гагаринымъ, сиротскій домъ—князьямъ Голицынымъ, казенный домъ генералъ-губернатора—графамъ Чернышовымъ, и т. д.

Куда дѣвались всѣ эти «колоссы великолѣпія и азіатской пышности»? «Увы,—восклицаетъ со скорбью одинъ современный намъ поклонникъ доброй старины,—изъ всего этого не осталось ничего, все пошло прахомъ, все разлетѣлось на воздухъ! Немилосердная рука доморощенныхъ архитекторовъ разорила чудныя залы, богатыя гостинныя екатерининскихъ вельможъ... Вельможи... но отъ нихъ осталось одно только имя, одно только громкое преданіе»... Грустная правда!

Въ предшествовавшихъ главахъ мы дали, между прочимъ, общее описаніе внутренняго расположенія и убранства богатыхъ барскихъ домовъ первой половины прошлаго столѣтія; теперь мы заглянемъ въ хоромы екатерининскихъ баръ, неизмѣримо перещеголявшихъ въ роскоши своихъ отцовъ. Какъ на типичныхъ въ этомъ родѣ образцахъ, мы остановимся на петербургскихъ домахъ князя Потемкина и графа Безбородко въ томъ видѣ, въ какомъ они представлялись изумленнымъ и восхищеннымъ очевидцамъ въ концѣ обозрѣваемаго столѣтія.

Одинъ изъ этихъ очевидцевъ, описывая «пространное и великолѣпное зданіе» Таврическаго дворца Потемкина въ 1791 г., говоритъ, что кто хотѣлъ бы «имѣть о немъ понятіе—прочти, каковы были загородные домы Помпея и Мецената». Дѣло въ томъ, что тогда, какъ мы уже замѣтили раньше, въ архитектурѣ и зодчествѣ преобладалъ у насъ довольно безвкусный псевдоклассическій стиль. Входъ во дворецъ покрывала «возвышенная на столпахъ сѣнь», самый входъ представлялъ собою «торжественныя врата, сооруженныя изъ двухъ огромныхъ гранитныхъ и четырехъ яшмовыхъ столповъ, съ позлащенными подножіями и надглавіями». Врата эти вели изъ притвора въ круглый «чертогъ, подобный аѳинскому Одеону». Чертогъ этотъ, т. е. зала, былъ съ обширнымъ куполомъ, поддерживаемымъ восемью столпами, и съ хорами, украшенными баллюстрадами и драгоцѣнными китайскими вазами; на хорахъ помѣщалась музыка и стояли два сплошь вызолоченныхъ органа. Стѣны и куполъ были

Digitized by Google

расписаны «перспективною» живописью; стоявшія по угламъ, изъ какого-то «лазореваго камня», печки украшались статуями и вазами. Раздѣленная колоннадой, громадная зала эта могла вмѣстить пять тысячъ человѣкъ и, когда Державинъ, напр., увидѣлъ ее въ первый разъ, то она внушила ему даже «нѣкій священный ужасъ» своей храмовидной величавостью. «Кажется,—писалъ онъ дальше о своемъ впечатлѣніи,—что исполинскими силами вмѣщена здѣсь вся природа. Сквозь столповъ виденъ обширный садъ и возвышенныя на маломъ пространствѣ зданія. Съ перваго взгляда усомнишься и помыслишь, что сіе есть дѣйствіе очарованія или, по крайней мѣрѣ, живописи и оптики, но, приступивъ ближе, увидишь живые лавры, мирты и другіе благорастворенныхъ климатовъ древа, не только растущія, но иныя цвѣтами, а другія плодами обремененныя [1]). Подъ мирною тѣнію ихъ индѣ, какъ бархатъ, стелется дернъ зеленый; тамъ цвѣты пестрѣютъ, здѣсь излучистыя песчаныя дороги пролегаютъ, возвышаются холмы, ниспускаются долины, протягиваются просѣки, блистаютъ стеклянные водоемы. Вездѣ царствуетъ весна и искусство споритъ съ прелестями природы». Державинъ описываетъ здѣсь зимній садъ.

Въ саду этомъ возвышался подъ особымъ сводомъ, на ступеняхъ, «сквозной алтарь», окруженный яшмовыми вазами. «Алтарь» натурально былъ посвященъ «божеству». «Божество» представляла мраморная статуя Екатерины, поставленная на «алтарѣ», съ золотою надписью отъ хозяина дома: «Матери отечества и мнѣ премилосердой». Т. П. Кирьякъ посмѣялся надъ этой надписью, въ которой онъ не могъ, «по грамматикѣ, найти яснаго смысла». Чудакъ! слѣдовало читать по фонвизиновской «придворной грамматикѣ»,—тогда смыслъ и нашелся бы. «Алтарь» окружался лабиринтомъ, гдѣ были разставлены «жертвенники благодарности и усердія». За «алтаремъ» возвышалась «алмазовидная» пирамида, обдѣланная въ золото и составленная изъ «цвѣтнопрозрачныхъ» граненыхъ каменьевъ; ея вершину вѣнчалъ «лучезарный» вензель имени императрицы. Свѣтъ, не только искусственный, но даже солнечный, падая на это ювелирное сооруженіе, производилъ такое «радужное сверканіе, котораго описать невозможно». Сзади «алтаря» и пирамиды находилась «зеркальная пещера», а внутри ея «водный кладезь и купель,

[1]) Другой очевидецъ подсмотрѣлъ однако, что плоды большею частью были поддѣльные, изъ стекла. Насчетъ фальсификаціи такого сорта, „златой вѣкъ“ не уступалъ нынѣшнему.

Digitized by Google

рѣзная изъ парросскаго мрамора». Надо прибавить, что въ саду пѣли и порхали птицы и, въ общемъ, онъ производилъ такое очарованіе на Державина, что тотъ въ восторгѣ самъ себя спрашивалъ: «не се ли Эдемъ?» Къ главной залѣ примыкала исполинская галлерея, въ семь сажень ширины и въ тридцать длины, въ простѣнкахъ которой стояли «невѣроятной» величины зеркала, въ которыхъ отражались тысячи огней отъ хрустальныхъ люстръ. Галлерея эта назначалась для танцевъ, въ ней были эстрады для музыки и роскошно отдѣланныя ложи для высокихъ гостей.

Гостинные покои, общее пространство которыхъ въ длину измѣрялось 250-ю шагами, приводили въ изумленіе, какъ своимъ множествомъ, такъ и богатымъ убранствомъ. Стѣны ихъ были украшены—гдѣ гобеленами, гдѣ дорогими штофами и парчею, гдѣ твореніями Рафаэля, Гвидо-Рени и иныхъ славнѣйшихъ художниковъ. Они были наполнены изящной мебелью, фарфоромъ, мраморомъ и бронзами. «Тамъ—описываетъ Державинъ эти чертоги—азіатской пышности мягкія софы и диваны манятъ къ сладкой нѣгѣ; здѣсь драгоцѣнные европейскіе ковры и ткани вниманіе обращаютъ; тамъ уединенные покои тишиною своею призываютъ къ себѣ людей государственныхъ бесѣдовать о дѣлахъ, имъ порученныхъ; здѣсь—представляютъ гульбище, гдѣ бы и Платонъ съ удовольствіемъ могъ собирать академію и преподавать свою философію. Словомъ, для всякаго возраста, пола и состоянія находятся чертоги, въ которыхъ, по склонностямъ каждаго, съ пріятностью время препроводить можно.

Таковъ былъ домъ «великолѣпнаго» князя Таврическаго, а вотъ что изображало изъ себя жилище другаго екатерининскаго Сарданапала—графа Безбородко. Жилище это было расположено въ зданіяхъ, занимаемыхъ нынѣ почтамтомъ. Оно поражало своимъ великолѣпіемъ уже при самомъ входѣ, украшенномъ гранитными колоннами, съ бронзовыми вызолоченными основаніями и капителями; сверху, надъ колоннадой, возвышался мраморный балконъ съ золоченой баллюстрадой. Изъ огромнаго числа комнатъ особенно выдѣлялись: парадная зала съ колоннами, отдѣланная подъ каррарскій мраморъ, по плану знаменитаго Гваренги, и украшенная вывезенными изъ Рима громадными мраморными вазами съ рельефными фигурами; танцовальная зала и столовая, а также парадная спальня, сплошь обитая пунцовымъ бархатомъ съ бронзовыми золочеными орнаментами. Всѣ комнаты, блиставшія золотомъ, драгоцѣнными коврами, шолкомъ и бархатомъ, были наполнены рѣдчайшей мебелью, множествомъ кар-

Digitized by Google

тинъ, статуй и цѣннаго фарфора, севрскаго, саксонскаго и китайскаго. Буфеты и этажерки въ столовой ломились отъ необозримыхъ грудъ серебряной и золотой посуды. Даже входныя лѣстницы покрывались дорогими азіатскими коврами, потолки залъ сверкали хрустальными люстрами, а вазы, во время баловъ, наполнялись цвѣтами, осыпанными брилліантами и жемчугомъ. «Это настоящій волшебный дворецъ!»—сказалъ о домѣ Безбородко шведскій король, посѣтившій его во время бала, даннаго графомъ.

Также были громадны, обширны и великолѣпны сельскія жилища и загородныя дачи (увеселительные дома) екатерининскихъ вельможъ. Особенно славились въ этомъ отношеніи подмосковныя помѣстья: напримѣръ, знаменитый «Слободскій дворецъ», какъ переименована была роскошная вилла графа Безбородко, подаренная имъ императору Павлу. Затѣмъ, Петровское-Разумовское (гдѣ нынѣ земледѣльческая академія), принадлежавшее графу Разумовскому, по словамъ видѣвшаго его въ 1778 г. англичанина Кокса, походило скорѣе на городъ, чѣмъ на дачу частнаго лица. Оно состояло изъ 40—50 домовъ, частью каменныхъ, частью деревянныхъ. Въ немъ былъ разведенъ обширный паркъ, оживленный искусственными прудами, которые были выкопаны нарочно для этого пригнанными издалека малороссіянами, конечно, крѣпостными. Весьма интересно и характеристично объясненіе графа Кирилла Разумовскаго, которымъ онъ оправдывалъ подневольный вызовъ хохловъ для исполненія своей затѣи. Сначала онъ увѣрялъ, что они-де лучшіе землекопы, чѣмъ великорусскіе мужики, но потомъ добродушно признавался, что выписалъ ихъ собственно для того только, чтобы имѣть удовольствіе видѣть милыхъ земляковъ и, садясь среди нихъ во время работъ, калякать на родномъ нарѣчіи или слушать родныя «думки». Прихоть добраго барина, по истинѣ, умилительная! Бывали у Разумовскаго прихоти по части строительства, и такого, напр., сорта:—въ Кіевѣ у него былъ оригинальный домъ, сложенный исключительно изъ однихъ дубовыхъ брусьевъ. Живя въ 90-хъ гг. въ Малороссіи, собрался онъ какъ-то провести зиму въ своемъ кіевскомъ домѣ, на который въ это время мѣстныя власти наложили постойную повинность. Эксъ-гетманъ, преисполненный высокаго мнѣнія о своей особѣ и о своихъ правахъ, до того вознегодовалъ на это дерзновенное требованіе, что приказалъ своимъ холопямъ въ двадцать четыре часа разобрать до послѣдней щепки и вывезти свои дубовыя хоромы изъ Кіева въ принадлежавшій ему Яготинъ. Разсказываютъ про самодурство Разумовскаго, въ томъ же родѣ, и

Digitized by Google

еще такой анекдотъ. Разъ, объѣзжая одно изъ своихъ имѣній въ Малороссіи, замѣтилъ онъ стоящую въ полѣ бѣдную хату, которая, на его взглядъ, портила ландшафтъ, и приказалъ ее немедленно перенести на другое мѣсто.

— Это невозможно,—отвѣчалъ ему управляющій:—хата принадлежитъ казаку.

— Такъ купить ее!

— Казакъ слишкомъ дорожится; онъ за свою усадьбу требуетъ три тысячи рублей.

— Ты не умѣешь торговаться, — возразилъ графъ: — пришли его ко мнѣ!

Казака привели и Разумовскій убѣдилъ его, послѣ долгаго торга, сбавить 500 руб. Послѣ этого, графъ вынулъ изъ стола 5,000 рублей и, вручая ихъ казаку, сказалъ:

— Смотри же, чтобы черезъ три дня хаты твоей уже не было на моей землѣ!

Казакъ сталъ возражать, что въ такой короткій срокъ онъ этого сдѣлать не можетъ.

— Ну, это мое дѣло,—сказалъ Разумовскій, и, по его приказанію, хата казака была перенесена въ другое мѣсто на графскихъ земляхъ, притомъ съ двойнымъ надѣломъ противъ купленнаго у несговорчиваго казака.

Графъ Разумовскій, можно сказать, былъ одержимъ страстью къ строительству — страстью, которою искони отличались многіе всесильные эпикурейцы. Это было разорительное и совершенно безсмысленное баловство, не оправдываемое никакими, сколько нибудь толковыми цѣлями. Разумовскій всю жизнь строился, простроилъ громадныя деньги и нагородилъ во многихъ своихъ помѣстьяхъ, а также въ городахъ, гдѣ у него была земля, нелѣпѣйшіе, по своимъ претензіямъ и размѣрамъ, дворцы, виллы и разныя другія затѣйливыя сооруженія. Напримѣръ, въ своемъ малороссійскомъ имѣніи, Бакланѣ, онъ воздвигъ обширную усадьбу, въ подражаніе сельскимъ домамъ въ окрестностяхъ Рима. Въ свое кратковременное потѣшное гетманство, состряпанное также по прихоти, безъ всякаго резона и смысла, онъ началъ строить себѣ въ Батуринѣ гетманскій дворецъ по такому нелѣпо-грандіозному плану, что не въ состоянія былъ его окончить, и постройка эта такъ и была брошена... «И изъ всего этого не осталось ничего, все пошло прахомъ!»

Изъ сохранившихся до сихъ поръ подмосковныхъ Монрепо екатерининскихъ вельможъ, особенной пышностью и затѣйливостью славились Кусково и Останкино графовъ Шереметевыхъ

Digitized by Google

(послѣднее перешло въ ихъ родъ путемъ брака отъ князей Черкасскихъ). Въ обоихъ этихъ имѣніяхъ были обширные, великолѣпные дома съ роскошными садами и парками, но первенствовали, въ этомъ отношеніи, кусковскія хоромы. Онѣ были построены по плану французскаго архитектора Валли. Покои были убраны драгоцѣнными гобеленами, огромными зеркалами, рѣдкими картинами, статуями, яшмовыми вазами, множествомъ бронзы, фарфора и пр. Плафоны были художественно разрисованы лучшими живописцами; стѣны блистали позолотой и причудливой лѣпкой. Комнаты были: — одна изъ сплошныхъ венеціанскихъ зеркалъ, другая — обдѣланная драгоцѣннымъ малахитомъ. Домашній музей былъ переполненъ антиками и рѣдкимъ оружіемъ, въ томъ числѣ множествомъ дамасскихъ клинковъ въ золотыхъ ножнахъ, усѣянныхъ дорогими каменьями. Въ громадномъ саду имѣлось семнадцать прудовъ, обширныя оранжереи, каруселя, гондолы, храмы въ античномъ вкусѣ, руины, итальянскіе и китайскіе домики, нанкинская башня съ колоколами, въ уменьшенномъ видѣ, индѣйскія пагоды, фонтаны, каскады, маяки, гроты, подъемные мостики, и т. д. «Бывало,—вспоминалъ Карамзинъ въ 1803 г., въ своемъ «Путешествіи вокругъ Москвы»,—всякое воскресенье, отъ мая до августа, дорога кусковская представляла улицу многолюднаго города, и карета обскакивала карету. Въ садахъ гремѣла музыка, въ аллеяхъ тѣснились люди, и венеціанская гондола съ разноцвѣтными флагами разъѣзжала по тихимъ водамъ большаго озера. Спектакль для благородныхъ, разныя забавы для народа и потѣшные огни составляли еженедѣльный праздникъ», дававшійся москвичамъ въ Кусковѣ его владѣльцами.

Не менѣе Кускова славились тогда подъ Москвою: Кунцово Нарышкиныхъ, расположенное въ необыкновенно живописной мѣстности, и Архангельское, князей Юсуповыхъ, съ обширными садами, а также и еще болѣе роскошныя императорскія лѣтнія резиденціи—Царицыно, купленное Екатериной у кн. Кантемира, Коломенское и др.

Въ окрестностяхъ Петербурга щеголяла барскими дачами петергофская дорога. По обѣимъ ея сторонамъ, какъ говоритъ г-жа Виже-Лебрёнъ, «тянулись ряды прелестныхъ дачъ, окруженныхъ затѣйливыми садами въ англійскомъ вкусѣ. Чтобы разбить эти сады, дачевладѣльцы воспользовались землею весьма болотистою, осушили ее, прорывъ каналы, перекинули черезъ нихъ мостики и украсили сады всевозможными бесѣдками». Наблюдательная иностранка сожалѣла только о томъ, что «страшная вечерняя сырость совершенно убивала эту восхитительную мѣст-

Digitized by Google

ность». Не менѣе великолѣпныя дачи были и въ другихъ окрестностяхъ Петербурга. Нѣкоторыя изъ нихъ представляли собою цѣлыя обширныя помѣстья. Таковы были, напр., Гостилицы графа А. Разумовскаго, гдѣ любила проводить время лѣтомъ и охотиться съ собаками императрица Елизавета; Славянка, принадлежавшая тому же владѣльцу; Гатчина графа Г. Г. Орлова; Полюстрово графа Безбородко, до сихъ поръ еще сохраняющее слѣды былаго великолѣпія въ обширномъ паркѣ и заброшенномъ, полуразвалившемся дворцѣ; Рябово (за пороховыми заводами) Всеволожскаго, гдѣ въ громадныхъ, нынѣ несуществующихъ, хоромахъ было до 160-ти комнатъ и гдѣ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія по недѣлямъ пировалъ свѣтскій Петербургъ; Шувалово, съ чудеснымъ, до сихъ поръ сохранившимся паркомъ; роскошная дача Строганова на Большой Невкѣ, и проч. Въ екатерининскіе дни особенно славилась Гатчина, созданная съ огромными издержками графомъ Орловымъ. Изъ Петербурга нарочно ѣздили смотрѣть на это чудо. Орловъ выстроилъ, по плану знаменитаго архитектора Ринальди, большой, красивый дворецъ съ башнями, развелъ сады и парки при посредствѣ выписанныхъ изъ Англіи садовниковъ, вырылъ пруды и каналы, воздвигъ роскошныя оранжереи и украсилъ эту свою лѣтнюю резиденцію множествомъ дорогихъ статуй, барельефовъ, картинъ и т. п. Послѣ его смерти, Екатерина купила Гатчину у наслѣдниковъ графа и подарила ее великому князю Павлу Петровичу, которому она очень полюбилась и онъ почти безвыѣздно жилъ въ ней до вступленія на престолъ. Въ концѣ семисотыхъ годовъ, окрестности Петербурга украсились еще однимъ прелестнымъ загороднымъ дворцомъ—Павловскомъ, «обителью Добрады», какъ витіевато назвалъ его Державинъ въ честь основательницы, великой княгини, впослѣдствіи императрицы, Маріи Ѳедоровны. Павловскъ, съ его дворцомъ, обширнымъ паркомъ и разными, украшающими его, сооруженіями, былъ дѣйствительно созданъ Маріей Ѳедоровной, для которой онъ, по ея словамъ, «доставлялъ больше удовольствія, чѣмъ всѣ красоты Италіи».

Виже-Лебрёнъ, какъ мы сейчасъ видѣли, дивилась, какъ могли вырости пышные англійскіе сады на такой зыбкой, неблагодарной почвѣ, какую представляли собою топкія ингерманландскія болота? Надо, дѣйствительно, отдать справедливость нашимъ знатнымъ эпикурейцамъ минувшаго вѣка:—они знали толкъ въ садоводствѣ, а если не они сами, то ихъ крѣпостные садовники. Во всякомъ случаѣ, имъ принадлежала иниціатива въ разведеніи садовъ, они имѣли къ нимъ вкусъ и не жалѣли на это никакихъ

Digitized by Google

издержекъ. Если сравнивать съ нынѣшнимъ временемъ, то садоводство у насъ не только не сдѣлало успѣховъ, по крайней мѣрѣ, количественно, но положительно отстало отъ минувшаго вѣка и находится въ упадкѣ. Довольно вспомнить, что почти всѣ лучшіе, знаменитѣйшіе парки и сады, нынѣ существующіе, часто въ небреженіи и запустѣніи, были заведены и взрощены въ прошломъ столѣтіи представителями власти и частными лицами. А сколько изъ нихъ заброшено и погибло, особенно въ барскихъ дачахъ и помѣстьяхъ со временъ оскудѣнія, возникшаго съ упраздненіемъ крѣпостнаго права! Напримѣръ, по петергофской дорогѣ, восхищавшей Виже-Лебрёнъ «рядами восхитительныхъ дачъ» въ концѣ прошлаго вѣка, и еще процвѣтавшей въ началѣ нынѣшняго, теперь глазъ путника видитъ одни пустыри да развалины, да питейныя заведенія, жестокой ироніей торчащія на этихъ пепелищахъ былаго величаваго барства... «Изъ всего этого не осталось ничего, все пошло прахомъ, все разлетѣлось на воздухъ!»

Чрезвычайно любилъ разводить сады и парки Петръ В., при которомъ, напр., одинъ Лѣтній садъ сдѣлался предметомъ удивленія и восхищенія иностранцевъ. Любили садоводство императрицы: Елизавета, Екатерина и Марія Ѳедоровна, и, благодаря имъ, послѣдовательно, императорскія загородныя резиденціи, какъ напр., Царское Село, Петергофъ и Павловскъ, были доведены до того ослѣпительнаго, почти безпримѣрнаго великолѣпія, въ какомъ онѣ поддерживаются до сихъ поръ. Екатерину, какъ извѣстно, называли сѣверной Семирамидой; она пріобрѣла на это право хотя бы тѣмъ, что, подобно знаменитой ассирійской царицѣ, устраивала *висячіе сады*. Такой садъ, на сводахъ, былъ сдѣланъ при ней внутри зданія ея любимаго эрмитажа. Садъ этотъ имѣлъ 25 саженъ длины и 12 ширины; въ немъ росли большія березы и разныя другія растенія и цвѣты; аллеи были украшены мраморными статуями; въ саду имѣлась оранжерея и содержалось множество кроликовъ, обезьянъ, попугаевъ и другихъ птицъ. Екатерина часто входила даже въ мелочи по садовому дѣлу. Путешествуя по Новороссіи, она выслала изъ Херсона въ Царское Село партію вишневыхъ деревьевъ для посадки и, по возвращеніи, сейчасъ же вспомнила о нихъ.

— Посажены ли мои деревца?—спросила она, гуляя по саду, главнаго придворнаго садовника Буша.

Бушъ смутился.

— Посажены,—отвѣчаетъ,—но пересохли.

— Покажите сухія и то мѣсто, гдѣ были посажены.

Digitized by Google

«Рабъ лукавый», прижатый къ стѣнѣ, вынужденъ былъ сознаться въ своемъ нерадѣніи. Государыня, по разсказу очевидца, такъ «ужасно разгнѣвалась», какъ это съ нею рѣдко случалось. Во всемъ самолюбивая, Екатерина порой находила удовольствіе похвастать своимъ садоводнымъ хозяйствомъ даже передъ такими строгими судьями, какимъ былъ Фридрихъ Великій. Разъ она отправила ему въ подарокъ выращенные въ придворныхъ парникахъ арбузы. Посылка эта совпала съ коронованіемъ польскою короной Понятовскаго, креатуры русской политики. Галантный Фридрихъ, благодаря императрицу за подарокъ, писалъ ей, что она «тою же рукою—однимъ разсылаетъ арбузы, другимъ раздаетъ короны»... Садоводство было тогда въ почетѣ, какъ одна изъ отраслей изящнаго эпикурейства, да еще съ сантиментально-философской подкладкой. Оно было во вкусѣ той приторно-слащавой пасторали, которая царила тогда въ искусствѣ, въ литературѣ, а также во внѣшней обстановкѣ домашней жизни. Его воспѣвали поэты; живописецъ изображалъ красавицу чаще всего въ саду, съ цвѣтами въ рукахъ, а барина-«философа» и Цинцината—съ садовой лейкой, въ моментъ занятія этой потѣшной гортикультурой. Впрочемъ, находились любители, которые со страстью, толково и дѣльно отдавались садоводству. Прочтите въ «Запискахъ» Болотова, какое обаяніе произвело на него чтеніе сочиненій о садахъ, Гиршфельда, и съ какимъ увлеченіемъ занялся онъ разведеніемъ «въ новомъ вкусѣ» дворцоваго сада въ Богородицкѣ. Самые акты садоводства были обращены въ «сюрпризы», въ праздники и торжества. «Посадка новыхъ деревьевъ,—разсказывается, напр., въ «Исторіи Павловска»,—доставляла великой княгинѣ (Маріи Ѳедоровнѣ) удовольствіе сдѣлать сюрпризъ супругу, особенно если деревья эти были любимые имъ клены. Она сама, великій князь и ихъ дѣти собственноручно сажали деревья близъ дворца, и этимъ, въ 1785 г., положено было основаніе *Семейной рощи*; она и розовый кустъ, присланный изъ Монбельяра, были предметами особой заботливости Маріи Ѳедоровны».

Конечно, и въ этомъ дѣлѣ, какъ во всемъ, наши предки рабски подражали иностраннымъ образцамъ, и самобытной русской садовой культуры у насъ не было. Въ допетровское время она была въ зародышѣ, въ примитивномъ состояніи. Даже, въ точномъ смыслѣ, садовъ у старомосковскихъ хозяевъ вовсе не водилось, а были только «огороды». Понятіе *сада* въ художественномъ отношеніи до того было чуждо московскому, даже «лучшему» человѣку, что, когда англійская королева Елизавета

Digitized by Google

приняла пословъ Ивана Грознаго въ своемъ роскошномъ дворцовомъ паркѣ, то они наивно жаловались на то, что аудіенція-де была имъ дана «въ капустномъ огородѣ»—мѣстѣ презрѣнномъ, недостойномъ ихъ высокаго сана. Въ прошломъ столѣтіи, у насъ разводились разнаго рода сады—голландскіе, англійскіе, французскіе, «регулярные», по системѣ Ленотра, и «иррегулярные», т. е., приближавшіеся къ природѣ, въ ея безъискусственной простотѣ. Выписывались изъ-за границы всякія рѣдкія растенія, деревья и цвѣты, приглашались иностранцы-садовники. Прихоть не знала въ этомъ отношеніи никакихъ препятствій, не останавливалась ни передъ какими трудностями и издержками. Въ Кусковѣ и Останкинѣ, у Шереметевыхъ находились, напр., чуть не цѣлыя рощи лавровыхъ, померанцевыхъ и лимонныхъ деревьевъ огромной величины, считавшія уже и тогда нѣсколько столѣтій жизни, хотя они были выписаны съ родины весьма недавно. Что стоили эти маститые исполины и ихъ перевозка!? Чего стоило также другому по этой части прихотнику, кн. Черкасскому, перевезти изъ Сибири въ свою подмосковную виллу цѣлую аллею столѣтнихъ кедровъ? Благодаря, однако, этимъ садоводнымъ барскимъ прихотямъ, русская скудная флора во многихъ мѣстностяхъ обогатилась новыми иноземными растительными видами. Такъ, въ Петербургѣ распространились шведскій дубъ и нѣмецкая липа, выписывавшаяся обыкновенно изъ Любека; въ Малороссіи акклиматизовались каштанъ, грецкій орѣхъ и тутовое дерево. Въ Батуринѣ до сихъ поръ остались слѣды виноградниковъ, разводившихся тамъ въ обширныхъ размѣрахъ графомъ Разумовскимъ. Иноземныя, высшаго качества, плодовыя деревья и другія растенія были распространены повсемѣстно. Графиня Румянцева, въ письмѣ къ мужу въ 1779 г. изъ своего имѣнія Канаржи (по нижегородской дорогѣ), жалуясь на дурное состояніе своего сада, вслѣдствіе нерадѣнія садовника нѣмца, съ завистью сообщаетъ, что одновременно у всѣхъ (сосѣдей-помѣщиковъ) персики тысячами собираютъ. Извѣстная Волкова,—авторъ «Грибоѣдовской Москвы», —утверждаетъ, что подмосковныя вишни изъ барскихъ садовъ въ тѣ времена «бывали величиной въ маленькое яблоко». Ихъ родилось такъ много и онѣ были такъ хороши, что ихъ вывозили даже за границу. У каждаго зажиточнаго и обстоятельнаго барина, кромѣ садовъ, были непремѣнно свои оранжереи, и онъ могъ круглый годъ съ семействомъ лакомиться всевозможными тузенными и заморскими фруктами собственнаго урожая, да еще потчивать ими толпы гостей. Мы уже имѣли случай упоминать объ обильной на этотъ счетъ производительности императорскихъ за-

Digitized by Google

городныхъ садовъ, особенно московскихъ. Садовыми фруктами и разными изъ нихъ консервами и лакомствами вполнѣ удовлетворялись громадныя потребности двора, не взирая на то, что львиная доля этихъ припасовъ, по обыкновенію, разворовывалась.

Любили эпикурейцы «временъ очаковскихъ» и комнатную садовую культуру. Въ числѣ роскошныхъ затѣй въ домахъ русскихъ вельможъ, Виже-Либрёнъ особенно нравились зимніе сады. «Русскимъ,—замѣчаетъ она,—мало, что у нихъ зимою въ комнатахъ весенняя температура; они еще пристраиваютъ къ жилымъ комнатамъ стеклянныя галлереи, наполненныя лучшими растеніями и цвѣтами, какіе у насъ (т. е., во Франціи) появляются лишь въ маѣ мѣсяцѣ».

XIV.

Широкому маштабу жилищъ пышныхъ баловней фортуны соотвѣтствовали, конечно, огромность и роскошь ихъ движимаго домашняго скарба. Въ инвентарѣ этой движимости, если не по цѣнности, то, по крайней мѣрѣ, по естественной іерархіи, первое мѣсто занимали надѣленныя божіимъ образомъ живыя существа. Мы разумѣемъ домашнюю прислугу, челядь, комплектовавшуюся изъ крѣпостныхъ рабовъ. У горделиваго эпикурейца того времени эта *движимость*, подобно всякой другой, не только служила удовлетворенію всякихъ его потребностей и прихотей, но также являлась объектомъ его чванства, вывѣской знатности, важности и богатства. Тутъ играло роль, прежде всего, количество слугъ, которое и было доводимо, изъ барскаго тщеславія и соперничества, до цифръ, сколько неимовѣрныхъ, столько же и безсмысленныхъ, потому что обыкновенно большинство дворни оказывалось на практикѣ ни къ чему не нужнымъ и ни на что негоднымъ контингентомъ дармоѣдовъ и лоботрясовъ. Исторія еще мало оцѣнила это безобразное явленіе нашего крѣпостнаго прошлаго, но можно съ увѣренностью сказать, что происхожденіемъ того жалкаго, деморализованнаго и бездѣльнаго городскаго отребья, которое составляетъ главный элементъ нашего пролетаріата, нынѣ ощутительно дающаго себя знать, Россія обязана былому барству, безмѣрно расплодившему классъ дворовыхъ людей.

Иностранцы, какъ напр., Шторхъ, удивлялись тому, что «у русскаго дворянина въ пять или въ шесть разъ болѣе слугъ, чѣмъ у лицъ равнаго положенія въ другихъ странахъ Европы». Это—вообще; въ частности же, и весьма нерѣдко, цифры выходили изъ рамокъ всякаго сравненія. У первостепенныхъ вель-

Digitized by Google

можъ дворня простиралась нерѣдко до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Графъ Сегюръ свидѣтельствуетъ, что многіе барскіе дома имѣли отъ 400 до 500 чел. прислуги обоего пола. Пятьсотъ человѣкъ дворовыхъ имѣлъ, напр., графъ А. Орловъ; графъ К. Разумовскій держалъ ихъ 300 чел., Л. А. Нарышкинъ 200 чел. и т. д. Князь Меньшиковъ, находясь уже въ опалѣ и отправляясь въ Раненбургъ въ ссылку, былъ сопровождаемъ дворней до 150 чел. Даже средней руки помѣщики, безъ громкаго имени и виднаго положенія, окружали себя толпами слугъ. Напр., нѣсколько уже знакомый намъ Лунинъ, при трехъ тысячахъ душъ крестьянъ, имѣлъ дворовыхъ до трехсотъ человѣкъ—143 мужчинъ и 137 женщинъ. Болѣе богатый помѣщикъ Головинъ содержалъ свыше 300 слугъ. Авторъ извѣстной книги: «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II», В. И Семевскій, высчиталъ приблизительно, что число дворовыхъ у многихъ екатерининскихъ баръ составляло отъ 5 до 10% общей цифры ихъ крестьянъ.

И какихъ только профессій и должностей не было въ составѣ тогдашней барской дворни! Беремъ для примѣра списки дворни графовъ Орлова, Разумовскаго и др. Не считая безчисленныхъ «свисовъ», т. е., швейцаровъ, «афисьянтовъ», лакеевъ, камердинеровъ, поваровъ, кондитеровъ, келермейстеровъ, мундшенковъ, кофишенковъ, пивоваровъ, квасниковъ, медоваровъ, кучеровъ, берейторовъ, конюховъ, садовниковъ, парикмахеровъ, швеекъ, прачекъ, истопниковъ, сторожей и т. д., въ составъ дворни входили также толпы крѣпостныхъ артистовъ и художниковъ: — актеры и актрисы, бандуристы и «воспѣвательницы» (солистки-пѣвицы), живописцы, музыканты, композиторы, чтецы, пѣвчіе, стихотворцы, учителя и учительницы для барскихъ дѣтей, лѣкари, скульпторы, архитекторы, секретари, даже астрономы и т. д. Потомъ слѣдовало множество всякихъ ремесленниковъ и ремесленницъ по всѣмъ статьямъ пышнаго барскаго домоустройства, хозяйства, гардероба, выѣзда и т. д. Для барскаго охотничьяго спорта имѣлись толпы егерей, ловчихъ, «звѣринщиковъ», стремянныхъ, «доѣзжачихъ» и т. д. Для барской представительности и вельможной декоративности, въ дворнѣ находились: «пажи», «гусары», «гайдуки», «казаки», скороходы, «арапы», карлики, «мадамы» и камеръ-юнгферы, дворецкіе и даже свои крѣпостные «полицмейстеры» (напр., у гр. Разумовскаго). Словомъ, бары обставляли себя цѣлымъ дворомъ на широкую и претенціозную ногу какихъ нибудь владѣтельныхъ герцоговъ.

Это была, по справедливому замѣчанію Шторха, чисто азіатская, восточная роскошь, созданная безграничнымъ чванствомъ и

Digitized by Google

разнузданнымъ баловствомъ, вскормленная крѣпостнымъ правомъ и дешевизной человѣка-раба, его личности и его труда. «Въ странѣ, — говоритъ Шторхъ, — гдѣ для услуженія нужно нанимать людей, эта роскошь не могла бы достигнуть такихъ размѣровъ, какъ въ Россіи, гдѣ помѣщикъ, превращая крестьянина въ двороваго, теряетъ лишь небольшой денежный оброкъ или незначительную барщинную работу, и гдѣ содержаніе дворовыхъ ограничивается обыкновенно скуднымъ удовлетвореніемъ самыхъ первыхъ жизненныхъ потребностей». Тѣмъ не менѣе, надо сказать, что роскошь эта, при чрезмѣрной многочисленности дворни, немало содѣйствовала, можно сказать, сплошному разоренію баръ. Хотя, правда, находились догадливые помѣщики, которые возмѣщали на крестьянахъ содержаніе дворни и оброки, которые терялись на ней, хотя, дѣйствительно, дворня содержалась чаще всего чрезвычайно скудно, голодала и ходила въ лохмотьяхъ, не получая отъ господъ ни копѣйки жалованья, но, въ сложности, все таки обходилась не дешево. У нѣкоторыхъ же видныхъ вельможъ, тароватыхъ по природному ли добродушію, изъ просвѣщенной ли гуманности, или же просто по тщеславію, содержаніе дворни обходилось и очень дорого. Напримѣръ, графъ К. Г. Разумовскій одного только денежнаго жалованья платилъ своей (и то лишь петербургской) дворнѣ до двадцати тысячъ рублей въ годъ, не считая платья и продовольствія, обходившихся, надо полагать, не въ меньшую сумму. Прислуга у него щеголяла въ алыхъ, тонкаго сукна, камзолахъ и кафтанахъ, обшитыхъ серебряными позументами и басонами. Лакейскій костюмъ (т. е. пара) стоилъ 45 руб., и по этой цифрѣ можно заключить, во что обходилась графу одна одежда его огромной дворни. Изъ чванства, вельможи и богачи соперничали между собою еще и нарядностью, роскошью ливрей своихъ холоповъ, особенно въ торжественныхъ случаяхъ. Выдумывались для прислуги затѣйливые театральные костюмы, напр., гусарскіе, арнаутскіе, польскіе и т. под., бившіе въ глаза своей яркостью и мишурностью. И, конечно, вся эта, смѣшная и шутовская на современный взглядъ, декоративность поглощала пропасть денегъ, хотя иные изъ щеголявшихъ ею баръ пытались соблюдать, при этомъ, экономію. Гр. Комаровскій разсказываетъ, что, когда однажды ему случилось гостить въ домѣ богатаго барина, гр. Ильинскаго, то все время ему прислуживалъ лакей, чрезвычайно роскошно одѣтый арнаутомъ. Въ день отъѣзда Комаровскаго, этотъ щеголь-арнаутъ явился къ нему просить Христа ради.—«Не судите,—сказалъ онъ ему,—по богатому моему платью: оно господское, и я надѣваю его только, когда гости, а

Digitized by Google

самому мнѣ ѣсть нечего». Такая на этотъ счетъ экономія, а иногда и разореніе, прикрытое лишь претенціозной декораціей, встрѣчались тогда сплошь и рядомъ.

Находились уже и тогда, среди самихъ помѣщиковъ, здравомыслящіе и просвѣщенные люди, которые ясно понимали суетную нелѣпость, экономическій и нравственный вредъ для народа и разорительность для самихъ баръ, проистекавшіе изъ содержанія многочисленной дворни. «Не худо напомнить дворянамъ,—писали, напр., помѣщики Дмитровскаго уѣзда въ наказѣ своему депутату въ комисію новаго уложенія,—о томъ, сколько ихъ разоряетъ содержаніе множества излишнихъ дворовыхъ людей безполезныхъ». Новгородскій губернаторъ, гр. Сиверсъ, противникъ крѣпостнаго права, предлагалъ даже Екатеринѣ законодательнымъ путемъ понудить дворянъ сократить дворню, но, впрочемъ, самъ же оговаривался, что «предметъ этотъ слишкомъ щекотливый», вслѣдствіе господства «азіатскихъ понятій...» Та же, въ сущности, азіатская черта сказывалась и въ поразительной роскоши барскаго домашняго скарба, выставлявшагося на показъ, на удивленіе и зависть общества. Хвастали прежде всего драгоцѣнными металлами, ихъ количествомъ, вѣсомъ и затѣйливостью отдѣлки. Мы здѣсь будемъ говорить пока о столовой посудѣ, о домашней утвари. Добра этого накапливались груды всякими путями и способами. Ужь, конечно, не особенно чистыми способами накопилъ его знаменитый князь Меньшиковъ и когда это имущество было конфисковано, то, по оцѣнкѣ, оказалось его слишкомъ на милліонъ рублей — сумма чудовищная, особенно если взять во вниманіе, что тогдашній (петровскій) рубль стоилъ въ нѣсколько кратъ дороже нынѣшняго. Между прочимъ, въ этотъ счетъ входило сто пять пудовъ золотой посуды; три перемѣны, по 24 дюжины каждая, серебряныхъ тарелокъ и столовыхъ приборовъ, съ соотвѣтствующимъ числомъ другихъ принадлежностей столоваго сервиза, и т. д. Почти также, если еще не болѣе, богаты были драгоцѣнной посудой и утварью Шереметевы, изъ коихъ особенно пріумножилъ это фамильное достояніе петровскій полководецъ, фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, воюя въ Лифляндіи, гдѣ онъ, по признанію самого царя, «славно похозяйничалъ». У современнаго Екатеринѣ II, П. Б. Шереметева, въ его Кусковѣ случалось пировать 2,000 гостей, и—всѣмъ имъ подавалось угощеніе на серебрѣ и золотѣ. У него имѣлся драгоцѣннѣйшій для избранныхъ гостей золотой столовый сервизъ на 60 персонъ, а разъ, угощая императрицу, онъ поразилъ французскаго посланника, графа Сегюра, тѣмъ, что «несмѣтное число

Digitized by Google

хрустальной посуды, покрывавшей весь столъ, за которымъ сидѣло сто человѣкъ гостей, было украшено и обогащено неподдѣльными каменьями разныхъ породъ и цвѣтовъ, чрезвычайно цѣнными». Въ другой разъ, угощая императрицу, Шереметевъ удивилъ всѣхъ очевидцевъ какимъ-то диковиннымъ плато, поставленнымъ передъ высокой гостьей, на возвышеніи котораго красовался громадный рогъ изобилія, а сверху — вензель Екатерины, составленный изъ крупныхъ брилліантовъ. Все это сооруженіе было сдѣлано изъ чистаго золота.

Чрезмѣрная прихотливость, при малоразвитомъ или просто грубомъ вкусѣ тогдашнихъ эпикурейцевъ, разрѣшалась часто измышленіемъ очень странныхъ игрушекъ и куншткоковъ, замысловатыхъ и дорого стоившихъ. Напр., въ московскомъ домѣ князя Гагарина, разбогатѣвшаго ограбленіемъ Сибири и сложившаго впослѣдствіи голову за это, были комнаты со стеклянными потолками, поверхъ которыхъ струилась вода и въ ней плавали живыя рыбы. Это были своеобразные акваріумы. У Шереметева, въ Кусковѣ, въ особомъ павильонѣ, былъ устроенъ столъ на шестнадцать приборовъ, въ которомъ тарелки, по желанію гостей, сами опускались внизъ и на ихъ мѣсто поднимались новыя. Какая могла быть надобность въ такой хитрой механикѣ, когда за столомъ прислуживала господамъ толпа лакеевъ! Впрочемъ, этими механическими столами пользовались иногда въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли оставаться безъ прислуги. Напримѣръ, за такимъ столомъ иногда обѣдала Екатерина у себя въ эрмитажѣ. Въ особой комнатѣ находилось тамъ два такихъ стола, на шесть приборовъ; когда хотѣли ими пользоваться, паркетъ въ комнатѣ снимали и съ полу поднимались вполнѣ сервированные столы, а затѣмъ механически происходилъ обмѣнъ тарелокъ и блюдъ. Кстати будетъ сказать здѣсь, что самые банкетные столы, ихъ очертаніе и формы въ ту пору нерѣдко бывали прихотливы и вычурны до странности. Они разставлялись въ разнообразныхъ сочетаніяхъ, напоминавшихъ своимъ геометрическимъ рисункомъ звѣзды, цвѣты короны и т. под. Возвратимся, однако, къ драгоцѣнной утвари и посудѣ.

Въ прошломъ вѣкѣ были у насъ въ большой модѣ китайскія вещи. Напр., въ домѣ кн. Меньшикова была цѣлая китайская комната, обитая китайской матеріей, уставленная дорогою китайскою мебелью и еще болѣе драгоцѣннымъ фарфоромъ. Послѣдній въ особенности былъ любимъ и распространенъ въ богатыхъ домахъ. Его нагромождали, въ видѣ украшенія, цѣлыя горы, какъ это было, напр., въ палатахъ графа Безбородко, вообще ломив-

Digitized by Google

шихся отъ скопленныхъ въ нихъ драгоцѣнностей. Во многихъ комнатахъ стояли громадныя этажерки въ 6 аршинъ вышины и въ 3 ширины, сплошь уставленныя стариннымъ серебромъ и золотыми сосудами необыкновенной величины. Также много было у графа севрскаго драгоцѣннаго фарфора; находились вазы, стоившія по нѣскольку десятковъ тысячъ рублей. Еще болѣе обиловалъ серебромъ и золотомъ, въ посудѣ и утвари, роскошный домъ кн. Потемкина. Славились также своими необыкновенно богатыми сервизами дома Орловыхъ, Разумовскихъ, Нарышкиныхъ, Строгановыхъ, Апраксиныхъ, Юсуповыхъ и т. д. Своимъ, часто мѣнявшимся, любимцамъ Екатерина дѣлала какъ бы приданое, въ инвентарь котораго входили обыкновенно драгоцѣнные серебряные и золотые сервизы. Такъ, Завадовскому былъ подаренъ сервизъ, стоившій 80 т. руб., Васильчикова наградили сервизомъ въ 50 т. руб., и т. д. Изъ позднѣйшихъ любимцевъ императрицы, всего тароватѣе былъ одаренъ въ этомъ отношеніи Платонъ Зубовъ:— онъ получилъ разной столовой посуды и утвари изъ благородныхъ металловъ на 200 т. руб.

Кромѣ любимцевъ, Екатерина нерѣдко награждала драгоцѣнными сервизами, за особое отличіе, и людей государственныхъ. Такъ былъ награжденъ, между прочимъ, графъ Румянцевъ. Наконецъ, съ учрежденіемъ губерній было постановлено, для сообщенія должнаго престижа губернаторской власти, отпускать губернаторамъ казенные столовые сервизы—довольно цѣнные и значительные, судя по тому, что стоили они тысячъ тридцать каждый, а иногда и дороже.

Вл. Михневичъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

РАЗСВѢТЪ.

(Изъ Лонгфелло).

Пронесся вѣтеръ утренній надъ зеркаломъ морей,
Сказавъ:—«Туманы сизые, разсѣйтеся скорѣй!»—

Окликнулъ онъ кораблики, вздымая парусá:
— «Снимайтеся вы съ якоря; день бѣлый занялся!»—

И къ берегу далекому помчался вѣтерокъ:
— «Вставайте! Алой зорькою забрежжился востокъ»!

Сказалъ онъ бору темному:—«Росники отряхни,
Хоругвь свою зеленую широко разверни!»—

Коснулся онъ до крылышекъ малиновки лѣсной,
И жаворонку раннему сказалъ:—«Проснись и пой!»—

Пронесся по деревнѣ онъ:—«Пастухъ, играй въ рожокъ,
Сзывая стадо къ выгону. День ясный недалекъ!»—

Шепнулъ онъ нивамъ дремлющимъ, колосья наклоня:
— «Проснитесь, поклонитеся зарѣ отрадной дня!»—

И молвилъ онъ, надъ кладбищемъ со вздохомъ проносясь:
— «Покойтеся въ могилушкахъ! Для васъ не пробилъ часъ!»—

О. Чюмина.

Digitized by Google

ЗОЛОТАЯ РАДУГА.

Романъ **Давида Мюррея.**

КНИГА ШЕСТАЯ.

Золотая радуга становится дѣйствительностью.

I.

Мрачная комната съ низкимъ закоптѣлымъ потолкомъ, каминъ—съ заржавленной рѣшеткой, голый полъ и грязные обои на стѣнахъ. Комната, приблизительно, имѣетъ двѣнадцать шаговъ въ длину и десять въ ширину, и вся мебель ея заключается въ кровати съ грязнымъ стеганымъ одѣяломъ, въ грубомъ и неповоротливомъ кухонномъ креслѣ, въ маленькомъ умывальномъ столикѣ, комодѣ — съ обломкомъ кирпича вмѣсто ножки подъ однимъ угломъ и въ осколкѣ зеркала, какъ-то хитро прикрѣпленномъ къ стѣнѣ, рядомъ съ окномъ. На стѣнахъ висѣло безъ рамокъ до полудюжины картинъ, писанныхъ масляными красками, изъ которыхъ, впрочемъ, ни одна не была докончена. На кровати сидѣлъ Клемъ Бечъ и съ задумчивой, грустной улыбкой смотрѣлъ на каминную рѣшетку.

Комната ясно говорила о бѣдности, и личность Клема вполнѣ гармонировала съ обстановкой. Онъ очень постарѣлъ: на вискахъ его были видны сѣдые волосы, на головѣ просвѣчивала лысина. По лбу его прошли морщины, а глаза казались еще больше и блестящѣе, чѣмъ прежде.

Изъ окна были видны крыши домовъ, а надъ ними вдали поднималось громадное зданіе собора. Еще выше разстилалось блѣдно-голубое небо. Солнце стояло высоко и сильно жгло. Черезъ от-

Digitized by Google

крытое окно доносились волны уличныхъ звуковъ, напоминавшія собой ропотъ моря, звучавшія тою же неопредѣленною мелодіей и навѣвавшія тѣ же смутныя мечты, что и плескъ моря.

Клемъ сидѣлъ, съ задумчивой улыбкой смотря на каминъ и сжимая въ рукѣ какое-то письмо. Слабымъ запахомъ розы вѣяло отъ письма, и нѣсколько завядшихъ розовыхъ лепестковъ валялось у ногъ Клема на досчатомъ полу. Въ этомъ запахѣ увядшей розы было что-то грустное, также какъ и въ кроткой улыбкѣ Клема.

Въ ту минуту, на лѣстницѣ послышались шаги и кто-то остановился на площадкѣ. Клемъ прислушался, всталъ съ постели и отворилъ дверь.

— А! Мистеръ Армстронгъ! Войдите, сэръ! Войдите!—ласково проговорилъ онъ.—И вы, Давидъ, здѣсь? Войдите, пожалуйста!

— Давидъ пришелъ повидаться съ вами, Клемъ! — сказалъ Армстронгъ.—Вотъ и ваше новое жилище!—добавилъ онъ, слегка нахмуривъ брови.—Признаться, оно мнѣ не очень нравится...

Давидъ,—человѣкъ съ большимъ носомъ и съ простымъ, добродушнымъ лицомъ,—вошелъ въ комнату и крѣпко пожалъ руки Клему. На немъ было все безукоризненно его сапоги, шляна, пальто и перчатки были черные и лоснящіеся. Хотя день былъ жаркій, но Давидъ глядѣлъ свѣжимъ и бодрымъ; на улицахъ было пыльно, но платье его оказывалось совершенно чисто. Его кроткіе голубые глаза походили на глаза Вильяма Армстронга, только въ нихъ не просвѣчивало той мечтательности и той разсѣянности, какія отражались въ глазахъ старика. Онъ осмотрѣлъ комнату и вполнѣ согласился съ мнѣніемъ отца.

— Я также не могу сказать, чтобы мнѣ нравилась ваша комната!—промолвилъ онъ.

— Я немного думаю о ней!—съ усмѣшкой отозвался Клемъ.—Чѣмъ меньше думать объ этомъ, тѣмъ лучше. Комната удобна для меня, больше ничего и не надо!

— Это еще вопросъ: удобна ли она?—замѣтилъ Армстронгъ.

— Я доволенъ ею!—настойчиво подтвердилъ Клемъ.

— Ну, Клемъ... Будьте же разсудительны, дружище! Я не предлагаю вамъ жить у насъ безплатно. Мы дадимъ вамъ комнату чище и лучше меблированную, чѣмъ ваше теперешнее жилье, а вы намъ станете платить столько же, сколько платите здѣсь. И въ заключеніе мы будемъ очень благодарны вамъ, если вы перейдете къ намъ на житье. Не такъ ли я говорю, Давидъ?

— Если онъ въ полномъ разсудкѣ, то, конечно, перейдетъ къ намъ!—сказалъ Давидъ.—Эта комната—какая-то канура!

Digitized by Google

— И заживемъ отлично, какъ старые друзья!—продолжалъ Армстронгъ.—Лавка наша теперь пошла лучше. Жена Давида—женщина положительно неоцѣненная... Мы уже приготовили для васъ комнату. Не огорчайте же насъ, дружище! Идемъ!

— Это очень похоже на васъ, Армстронгъ!—отвѣтилъ Клемъ.—Вы очень добры... Но я, право, не могу перейти къ вамъ. Я не могу быть въ тягость своимъ друзьямъ.

— Да вѣдь я же вамъ говорю, пріятель, что вы станете платить намъ!—вскричалъ съ жаромъ Армстронгъ.

— Я не могу заплатить вамъ, сколько слѣдуетъ!—настойчиво возражалъ Клемъ.—Еслибы вы и Давидъ были люди богатые, тогда—другое дѣло... но вѣдь вы не богаты. У васъ достаточно своихъ заботъ и безъ меня... Не упрашивайте меня напрасно! Не думайте, что я отказываюсь отъ вашего предложенія изъ чувства гордости или по недостатку дружбы. Но я вамъ говорю сущую правду... Вы и сами очень хорошо знаете, что вы также бѣдны, какъ я.

— Давидъ! Растолкуй же ему, въ чемъ дѣло...—сказалъ старикъ.

— Если вы—человѣкъ съ разсудкомъ, то не будете упрямиться...—заговорилъ Давидъ.—Странно намъ было бы гордиться другъ передъ другомъ... Вотъ видите, Клемъ! Я заработываю въ недѣлю 35 шиллинговъ; лавка намъ приноситъ 9 шиллинговъ; братъ мой, получаетъ до 7 пенсовъ. Въ семьѣ у насъ: отецъ, жена моя, я и четверо дѣтей. Значитъ, семь человѣкъ. Слѣдовательно, на семерыхъ приходится 51 шиллингъ, 4 пенса съ дробью... около двухъ седьмыхъ пенса... Еслибы кто нибудь вздумалъ присоединиться къ намъ и внести въ нашу общую кассу 7 шиллинговъ и 4 пенса съ половиной, то мы считали бы его своимъ благодѣтелемъ!

— Удивительныя способности для цифровыхъ выкладокъ!—въ изумленіи проговорилъ Армстронгъ.—Я полагаю: ты наслѣдовалъ эту способность отъ твоей матери, во всякомъ случаѣ не отъ меня. Я, конечно, знаю, что въ пятифунтовомъ билетѣ—множество полупенсовъ, но сколько ихъ именно,—мнѣ не сосчитать и въ часъ...

— 2400!—быстро проговорилъ Давидъ.

— Замѣчательная способность! удивлялся Армстронгъ.

— Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго!—замѣтилъ Давидъ.—Каждый смышленый мальчикъ-лавочникъ не затруднится отвѣтить вамъ: сколько полупенсовъ въ пяти фунтахъ.

— У меня нѣтъ способности къ ариѳметикѣ!—задумчиво про-

Digitized by Google

молвилъ старикъ.—Цифры рѣшительно не удерживаются у меня въ головѣ. Разсказъ, стихи, игру въ шахматы и тому подобные пустяки я хорошо и легко запоминаю...

— Разсказы и стихи вовсе не удерживаются у меня въ памяти!—отозвался Давидъ.—Если я сосчитаю слова въ книгѣ, то и черезъ двѣ недѣли еще буду помнить ихъ, а если прочитаю книгу, то черезъ недѣлю окончательно забуду ее.

— Вздоръ!—вскричалъ Клемъ.—Когда я былъ мальчикомъ, вы разсказывали мнѣ различныя интересныя исторіи.

— Когда я былъ ребенкомъ,—серьезно возразилъ Давидъ, — тогда я думалъ и говорилъ по ребячьи, но теперь, когда я сталъ взрослымъ человѣкомъ, ребячество пришлось бросить. Теперь, Клемъ, житейскія дѣла у меня на рукахъ...

— Да! Семь ртовъ каждый день просятъ ѣсть! — сказалъ Армстронгъ.—И у меня, Давидъ, въ свое время бывали на рукахъ такія же дѣла.—Нѣтъ ли, Клемъ, письма отъ кого нибудь изъ Кастль-Барфильда? — спросилъ старикъ, круто перемѣняя разговоръ.

— Есть! Отъ Сары!—отвѣтилъ Клемъ, все еще вертя въ рукахъ конвертъ.

— Я ужь догадался по этимъ розовымъ лепесткамъ!—сказалъ Армстронгъ, указывая на полъ, гдѣ у ногъ Клема валялись завядшіе лепестки розы.

Клемъ съ улыбкой, молча, кивнулъ ему головой. Кустъ розановъ, посаженный въ десятую годовщину дня рожденія Сары у Конакъ-Коттэджа и все еще росшій тамъ, назывался «розовымъ кустомъ Клема».

— Здорова ли она?—продолжалъ старикъ.

— Она пишетъ, что здорова!—отвѣчалъ Клемъ.—Но старый Роундъ—бѣдняга—очень разстроенъ. Теперь, когда дѣло ихъ кончилось, онъ остался ни съ чѣмъ. Онъ все потерялъ, все—до послѣдняго пенни...

— Не потеря имущества его разстраиваетъ,—замѣтилъ Армстронгъ,—но сердце его разбито.

— Мой отецъ тоже умеръ съ горя!—промолвилъ Клемъ, вставая съ постели и подходя къ открытому окну.

— И все это—дѣло рукъ Виттеккера!—послѣ непродолжительнаго молчанія началъ старикъ.—Онъ причинилъ ужасное горе своей старой матери, онъ чуть не свелъ въ могилу лучшую дѣвушку во всемъ приходѣ, убилъ ея отца и разорилъ двухъ почтенныхъ людей, имѣвшихъ несчастіе довѣриться ему...

— Большой ошибкой было со стороны вашего отца, Клемъ,

Digitized by Google

и со стороны стараго Роунда—начинать дѣло!—замѣтилъ Давидъ. Преступленіе было очевидно, и посредники покончили бы дѣло въ недѣлю. Какъ пайщики, они были отвѣтственны, по закону, за всѣ продѣлки Виттекера,—и сами могли бы легко видѣть, что дѣло ихъ проиграно...

—Ну, что жъ!—отозвался Клемъ.—Днемъ позже—днемъ раньше, законъ получилъ свои 15 тысячъ фунтовъ. Мы заплатили сполна.

— А тотъ негодяй, я полагаю, все еще тамъ, куда его сослали!—сказалъ Армстронгъ.—Если въ Новомъ Южномъ Валлисѣ много такихъ молодцовъ, какъ онъ, то, признаться, Южный Валлисъ—мѣсто, не особенно пріятное для житья... Но хотѣлось бы мнѣ знать: ради чего онъ отважился на это преступленіе!

— Богъ знаетъ!—промолвилъ Клемъ.—Вѣроятно, бѣдный нашъ Іовъ мѣшалъ ему.

— Неужели онъ надѣялся, что Сара проститъ ему мошенническія продѣлки съ копями?

— Вѣроятно, онъ на это разсчитывалъ. Вѣдь онъ былъ также глупъ, какъ и золъ.

— Глупъ ли онъ?—это еще вопросъ...—возразилъ Армстронгъ. Во всемъ этомъ дѣлѣ, Клемъ, скрывается какая-то тайна и никто изъ насъ не въ состояніи разгадать ее. Разумѣется, нельзя довѣрять словамъ этого бездѣльника, но вы помните: онъ постоянно утверждалъ, что хотѣлъ только усыпить его... Вѣроятно, мы никогда не узнаемъ: зачѣмъ ему нужно было усыпить Іова Роунда,—но все таки ясно, какъ божій день, что та доза, которую онъ далъ, не произвела бы роковыхъ послѣдствій, еслибы несчастный Іовъ не страдалъ болѣзнью сердца, о чемъ никто не зналъ, кромѣ васъ. И кто бы могъ представить, что у такого атлета былъ порокъ сердца!.. Ахъ! Я потерялъ въ немъ лучшаго друга въ мірѣ...

— Только мы съ вами да Сара вполнѣ знали его!—молвилъ Клемъ.

— Я былъ многимъ обязанъ ему!—говорилъ Армстронгъ.—Но, какъ ни горько, все таки надо признаться, что онъ умеръ вовремя... Ему удалось улизнуть отъ судейскихъ ищеекъ!

— Ничья смерть не огорчила меня такъ глубоко, какъ смерть Іова!—съ тихою грустью отозвался Клемъ.

— Клемъ!—вдругъ измѣнившимся голосомъ вскричалъ Армстронгъ—такъ что молодой человѣкъ невольно обернулся къ нему.—Соединяли ли вы когда нибудь съ воспоминаніемъ о смерти Іова представленіе о томъ матросѣ, помните?.. Его звали Боулингомъ?

Digitized by Google

— Нѣтъ!—въ изумленіи отвѣтилъ Клемъ.—А что такое?

— Мнѣ пришла въ голову догадка...—говорилъ старикъ.—Я все думаю о мотивахъ преступленія... Теперь, Клемъ, обратите вниманіе вотъ на что... Виттекеръ былъ арестованъ въ то время, какъ готовился плыть въ Марсель. Зачѣмъ—въ Марсель? Передъ нимъ нашли разложенной подробную карту Турціи. Почему именно Турціи?.. А гдѣ находились зарытыя сокровища Боулинга? Въ Турціи, въ Балканскихъ горахъ...

— Вы полагаете, что у Іова была тайна, и его отравили затѣмъ, чтобы овладѣть этой тайной?

— Дружище!—вскричалъ Армстронгъ такимъ голосомъ, что слушатели его невольно вздрогнули:—вы угадали!... До сихъ поръ мнѣ въ голову не приходило такое предположеніе...

— Но что̀ за дуракъ этотъ Виттекеръ!—замѣтилъ Давидъ.—На прошлой недѣлѣ я читалъ въ газетахъ объ одномъ дѣлѣ и невольно припомнилъ его... Человѣкъ купилъ какого-то ядовитаго снадобья для отравленія крысъ. Черезъ нѣсколько дней, жена его умерла отъ яду. Снадобье для отравы нашли въ ящикѣ, а ключъ отъ ящика оказался въ карманѣ мужа. За три недѣли до того, онъ уговорилъ жену застраховать свою жизнь и уплатилъ за нея первый взносъ... Всѣ улики на лицо! Видно, что человѣкъ былъ не уменъ... На мѣстѣ убійцы я былъ бы осторожнѣе.

— Злодѣи глупы!—сказалъ старикъ.—Ну, возьмите хоть этого Виттекера. Онъ покупаетъ морфій—и Іовъ Роундъ въ тотъ же день умираетъ отъ морфія. Вечеромъ онъ заходитъ въ Барфильдскій Гербъ купить бутылку водки и въ это время видятъ у него въ рукахъ морфій. Бутылку съ водкой, смѣшанной съ морфіемъ, онъ оставляетъ на столѣ, какъ будто нарочно для того, чтобы показать всѣмъ, а какъ происходило дѣло... Такія роковыя ошибки почти всегда путаютъ преступниковъ и доводятъ ихъ до висѣлицы!

— Оставимъ этотъ разговоръ!—вмѣшался Клемъ.—Поговоримъ о чемъ нибудь другомъ.

— Пожалуй! Какъ вамъ угодно...—согласился Армстронгъ.—Но теперь я стану видѣть это дѣло въ новомъ свѣтѣ, какой вы бросили на него... Ну, перейдемъ отъ непріятной темы къ темѣ болѣе пріятной! Скоро ли же вы уложите свои пожитки, дружище, и готовы будете переѣхать къ намъ?

— Надо перемѣнить и эту тему разговора!—сказалъ Клемъ.—Этотъ вопросъ уже рѣшенъ.

— Нѣтъ, пріятель!—возразилъ Армстронгъ.—Этотъ вопросъ не рѣшенъ и останется открытымъ до тѣхъ поръ, пока вы будете жить здѣсь.

Digitized by Google

Клемъ съ грустной рѣшимостью покачалъ головой.

— Упрямы же вы, дружище!—угрюмо проворчалъ старикъ.— Ну, что вы будете дѣлать здѣсь?

— Буду отлично жить!—отвѣчалъ Клемъ.—Я уже продалъ нѣсколько восковыхъ цвѣтовъ, надѣюсь и еще продать... Притомъ, отъ крушенія у меня уцѣлѣли еще кое-какія крохи... Буду жить по своимъ средствамъ.

— Восемь цвѣточковъ въ недѣлю,—итого 20 фунтовъ 16 шиллинговъ въ годъ!—считалъ Давидъ.

И напрасно отецъ съ сыномъ уговаривали Клема; не смотря на всѣ ихъ убѣжденія, онъ оставался непреклоненъ.

— Ну, вы должны узнать всю правду!—сказалъ онъ наконецъ.—Старымъ друзьямъ я могу открыть ее... Мнѣ удобнѣе жить одному, потому что иногда на меня находятъ мрачныя минуты. Оставьте же меня здѣсь! Право, мнѣ здѣсь лучше...

Онъ, повидимому, говорилъ съ трудомъ и съ большою неохотой.

— Что же это за мрачныя минуты? — грустно спросилъ его старикъ.

— Давидъ, ступай—походи пока по улицѣ!

— Минутъ черезъ десять я возвращусь! — сказалъ Давидъ, уходя.

— Что съ вами, Клемъ?—заговорилъ Армстронгъ.—Мы, кажется, ужь давно знаемъ и любимъ другъ друга... Зачѣмъ между нами заводить секреты? Какія такія мрачныя минуты бываютъ съ вами?

— Такія минуты, когда я страшно хандрю и не могу никого видѣть!—отвѣчалъ Клемъ, опираясь локтями на комодъ и отворачиваясь отъ своего собесѣдника. Не упрашивайте меня болѣе! Предоставьте самому себѣ!

— Эхъ, дружище!—съ горечью промолвилъ старикъ, кладя руку ему на плечо.—Я скорблю о васъ отъ всей души...

— Не жалѣйте меня!—прошепталъ Клемъ.—Ради Бога, не жалѣйте!.. Только злые люди способны возмущаться... Я долженъ терпѣливо нести свой крестъ. Есть въ мірѣ настоящіе страдальцы... А я что жъ! Я еще не могу роптать... Мильоны людей живутъ несчастнѣе меня—въ холодѣ, голодѣ, изнываютъ въ тяжкихъ болѣзняхъ...

— Дружище, переселяйтесь къ намъ и дѣлите съ нами свои мрачныя и свѣтлыя минуты!—настаивалъ Армстронгъ.

Клемъ ничего не отвѣтилъ. Онъ не могъ высказать своего горя... Жизнь Сары была загублена, для Сары не было радости,—вотъ

Digitized by Google

въ чемъ заключалось его горе... Его душевное спокойствіе и довольство было тѣсно связано со счастіемъ этой дѣвушки. Клемъ зналъ, что она теперь бѣдна, и это сознаніе мучило его больнѣе, чѣмъ собственные матеріальные недостатки. Его собственныя несчастья исчезли для него, когда онъ думалъ о томъ, что Сара безутѣшна, что сердце ея разбито злымъ человѣкомъ и она должна проводить свои дни въ тоскѣ. Онъ страдалъ потому, что она страдала, и успокоился бы лишь тогда, когда она стала бы счастлива. Онъ былъ весь поглощенъ горемъ Сары и ему некогда было думать о себѣ,—только по своему характеру онъ предпочиталъ лучше казаться горюющимъ надъ своимъ горемъ, чѣмъ выдать тайну, которую считалъ священной для себя.

— Мнѣ очень прискорбно думать, что вы не довѣряете моей дружбѣ—и остаетесь въ этой жалкой канурѣ!—помолчавъ, заговорилъ Армстронгъ.

Клемъ возразилъ, что онъ никогда не сомнѣвался въ искренности его дружбы.

— Обѣщайте же, по крайней мѣрѣ, Клемъ, что въ случаѣ нужды въ деньгахъ вы обратитесь ко мнѣ!—настойчиво проговорилъ старикъ.

— Едва ли мнѣ понадобятся деньги...—сказалъ Клемъ.—Но вѣрьте, что я былъ бы очень, очень радъ, еслибы могъ жить съ вами и сознавать, что я вамъ не въ тягость... Не думайте обо мнѣ слишкомъ дурно... А вотъ и Давидъ возвращается сюда!

Онъ отворилъ дверь и прислушивался къ шагамъ, раздававшимся на лѣстницѣ.

— Это не Давидъ!—замѣтилъ Армстронгъ, но Клемъ, стоявшій въ дверяхъ и глядѣвшій на площадку, повидимому, не слыхалъ его словъ.

Дѣйствительно, не Давидъ поднимался по лѣстницѣ, а какой-то человѣкъ въ матросской шляпѣ. Этотъ человѣкъ, проходя по площадкѣ, замѣтилъ Клема. И самъ онъ, и Клемъ, и Армстронгъ вздрогнули и пристально посмотрѣли другъ на друга. Человѣкъ въ матросской шляпѣ, перейдя площадку, отперъ дверь противоположной комнаты, еще разъ оглянулся назадъ и затѣмъ заперъ дверь.

— Вы узнали его?—шопотомъ спросилъ Армстронгъ.

— Да!—отвѣтилъ Клемъ.—Это—Боулингъ.

Digitized by Google

II.

Клемъ помнилъ, что лѣтъ шесть тому назадъ Боулингъ не мало потѣшалъ его; Клемъ не зналъ за нимъ ничего особенно дурнаго, кромѣ того, что Боулингъ былъ упрямый мечтатель, разскащикъ всякихъ небылицъ, въ послѣднее время своего пребыванія на фермѣ не разъ напивавшійся допьяна. Пьянство въ средѣ кастль-барфильдскихъ рабочихъ было такое обычное, заурядное явленіе, что сынъ фермера Беча не могъ возмущаться и приходить въ негодованіе при видѣ пьянаго человѣка. Боулингъ, въ глазахъ Клема, былъ ничуть не хуже своихъ товарищей. Онъ былъ чудакъ, и еслибы въ эти печальные дни нашъ маленькій поэтъ могъ надъ чѣмъ нибудь смѣяться, то, конечно, обрадовался бы появленію на сцену такого добродушнаго малаго, какъ Боулингъ.

Теперь Клемъ сталъ составлять о Боулингѣ иное мнѣніе и такое лестное для этого джентльмена, что еслибы кто нибудь прежде высказалъ его, то Клемъ первый же, вѣроятно, разсмѣялся бы. Разумѣется, Клемъ желалъ вездѣ видѣть хорошее, но онъ вовсе не ожидалъ встрѣтить утонченную деликатность чувствъ въ Боулингѣ. Однако теперь, послѣ встрѣчи на площадкѣ лѣстницы, въ головѣ его начала слагаться характеристика Боулинга именно въ такомъ направленіи...

День былъ жаркій; солнце сильно накалило лондонскія улицы и дома, но къ вечеру легкій сѣверо-западный вѣтеръ потянулъ надъ городомъ, принося съ собой свѣжесть и прохладу. Клемъ сидѣлъ у своего открытаго окна и задумчиво смотрѣлъ на разстилавшуюся передъ его глазами обширную пустыню домовыхъ крышъ, изъ-за которыхъ поднималось громадное зданіе собора, тяжелою массою рисовавшееся на блѣдно-пурпуровомъ фонѣ вечерняго неба; перелетный вѣтерокъ какимъ-то чудомъ донесъ до него струю свѣжаго полеваго воздуха и напомнилъ ему о тѣнистыхъ деревьяхъ, о зеленой травѣ, о поляхъ и цвѣтущихъ сельскихъ садахъ. Клемъ грезилъ наяву и мыслью уносился въ свой милый Стаффордширъ. До него уже не достигалъ уличный лондонскій гулъ; онъ слышалъ карканье грачей и звонъ колокольчиковъ деревенскихъ стадъ, пасшихся на выгонѣ за церковью,— и видѣлъ онъ теперь передъ собой не пустыню лондонскихъ крышъ, а мирные холмы, возвышавшіеся надъ Лѣстницей Іакова, и разстилающійся вокругъ нихъ прелестный ландшафтъ. Онъ видѣлъ Іова Роунда здороваго и сильнаго, какимъ тотъ былъ въ

Digitized by Google

давно минувшіе дни, видѣлъ Сару во всемъ блескѣ юности и красоты и самъ ощущалъ въ себѣ прежнее душевное спокойствіе и довольство. Онъ совершенно отрѣшился отъ окружавшей его дѣйствительности...

Стукъ въ дверь заставилъ его очнуться, и онъ опять увидалъ себя въ грязной каморкѣ. Въ дверяхъ сначала показались голова и плечи Боулинга, а затѣмъ появился въ комнатѣ и весь Боулингъ, отдавая честь по военному.

— Мое почтеніе, капитанъ! — почтительно заговорилъ онъ, входя въ комнату.—Если вы курите, то вотъ— пачка хорошихъ сигаръ... Не угодно ли? Я случайно пріобрѣлъ ихъ въ докахъ... Но я люблю курить табакъ въ трубкѣ или жевать, а дымъ сигары для меня слишкомъ слабъ...

Говоря такимъ образомъ, онъ, скрипя сапогами, на цыпочкахъ прошелъ по комнатѣ и протянулъ Клему пачку очень темныхъ сигаръ... Борода Боулинга совершенно посѣдѣла, а на головѣ блестѣла широкая лысина, окаймленная на вискахъ и на затылкѣ, какъ бахрамой, жидкими прядями волосъ. Вслѣдствіе контраста съ сѣдой бородой, его смуглое загорѣлое лицо казалось еще темнѣе прежняго.

— Очень благодаренъ вамъ!—проговорилъ Клемъ.—Я не курю... А вы вспомнили меня?

— Еще бы!—промолвилъ Боулингъ, вздохнувъ и оглянувшись по сторонамъ.—Вы не разъ давали мнѣ шиллинги, когда я исполнялъ кое-какія ваши порученія...

Онъ снова вздохнулъ и снова оглянулся вокругъ съ видомъ сожалѣнія.

— Вы живете въ Лондонѣ?—спросилъ Клемъ.

— Такъ точно, капитанъ!—отвѣчалъ Боулингъ, почтительно поднося правую руку ко лбу.—Я работаю въ докахъ, здѣсь—по близости, и живу, можно сказать, хорошо... Я сдѣланъ теперь надсмотрщикомъ!

— Очень радъ слышать это!—отозвался Клемъ.—А вы давно живете въ этомъ домѣ?

— Не могу сказать, чтобы давно...—проговорилъ Боулингъ.—Я только что вчера сюда переѣхалъ. Отсюда мнѣ близко ходить на работу...

— Вы все время и жили здѣсь, послѣ того какъ оставили Кастль-Барфильдъ?—продолжалъ Клемъ.

Онъ вовсе не интересовался этимъ вопросомъ, но матросъ, повидимому, желалъ быть любезенъ съ нимъ,—и Клемъ не могъ холодно отнестись къ нему.

Digitized by Google

— Да, съ тѣхъ поръ я и живу въ Лондонѣ!—говорилъ Боулингъ.—Мнѣ живется хорошо, капитанъ, но иногда, признаться, бываетъ жаль, что я покинулъ Кастль-Барфильдъ. У меня есть склонность къ сельскимъ занятіямъ, и теперь мнѣ очень прискорбно, что пришлось оставить ихъ... Смѣю спросить васъ: какъ поживаетъ мой старый хозяинъ?

— Отецъ?—переспросилъ Клемъ, на что Боулингъ молча кивнулъ ему головой.—Мой отецъ умеръ годъ тому назадъ.

— Онъ казался такимъ бодрымъ и здоровымъ, что могъ бы прожить сто лѣтъ!—съ чувствомъ промолвилъ Боулингъ.—А другой джентльменъ, съ которымъ вы были въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ... Помните? Вы еще не разъ посылали меня къ нему съ письмами и зато снабжали шиллингами...

Матросъ склонилъ голову на бокъ и, съ задумчивымъ видомъ взявшись за подбородокъ, какъ будто бы старался что-то вспомнить...

— Да... этотъ джентльменъ былъ Іовъ Роундъ, эсквайръ,—если не ошибаюсь!—заговорилъ онъ.—Такъ точно... Джентльменъ высокаго роста, еще любившій посмѣяться...

— И Роундъ также умеръ! — отвѣтилъ Клемъ, начиная уже стѣсняться назойливой болтливостью Боулинга, но по своей кротости и добротѣ не желая круто оборвать его.

— Что-о-о?—изумленнымъ тономъ вскричалъ матросъ.

Клемъ въ ту минуту невольно взглянулъ на него.

— Умеръ?—шопотомъ пробормоталъ тотъ.—Такой здоровый джентльменъ... Умеръ!... Извините, капитанъ: отъ какой же болѣзни онъ умеръ?

— Онъ былъ отравленъ!—отвѣтилъ Клемъ, въ волненіи вставая съ мѣста.—Не говорите со мной объ этомъ, пожалуйста! Или лучше уходите... Этотъ разговоръ слишкомъ тяжелъ для меня...

— Отравленъ!—вскричалъ Боулингъ.—Кто же отравилъ его?

— Право, я не могу говорить съ вами объ этихъ вещахъ... сказалъ Клемъ, нервно ломая руки.

Странное предположеніе Армстронга, показавшееся ему сначала несбыточнымъ и совершенно неосновательнымъ, теперь вдругъ пришло въ голову.

— Отравленъ!—повторилъ Боулингъ.—Но кто же отравилъ его? И по какой причинѣ? Для чего?.. Можетъ быть, онъ самъ отравился?

— Нѣтъ! Его отравилъ Виттекеръ!—отвѣчалъ Клемъ.

— Боже мой! Виттекеръ? Молодой Виттекеръ!—вскричалъ Боулингъ, отступая шагъ назадъ и смотря на Клема.

Digitized by Google

— Да! Но уходите, пожалуйста...—сказалъ Клемъ.—Я не могу говорить объ этомъ... Этотъ разговоръ меня мучитъ... Уходите!

Онъ взялъ матроса за руку и заставилъ его удалиться.

— Приходите въ другое время... Теперь я не могу... Идите!—говорилъ онъ ему на прощанье.

Боулингъ, странно смотря на него, позволилъ выпроводить себя изъ комнаты, и когда Клемъ затворилъ за нимъ дверь, онъ все еще оставался съ широко-раскрытыми глазами и съ очевиднымъ ужасомъ на лицѣ. Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ Клему удалось подавить душевное волненіе, вызванное въ немъ разспросами Боулинга и, затѣмъ, усиліями выжить его изъ комнаты. Успокоившись, онъ невольно задалъ себѣ вопросъ: почему онъ такъ сильно встревожился? Это была уже старая исторія; онъ слышалъ ее уже много разъ. Еще сегодня, незадолго передъ тѣмъ, онъ самъ говорилъ о ней... Но онъ разговаривалъ со своими старыми друзьями, раздѣлявшими его горе, а не съ постороннимъ человѣкомъ, изъ праздная любопытства, грубо потревожившимъ его душевную рану. Ему припомнилось странное выраженіе въ лицѣ Боулинга, когда тотъ въ полусвѣтѣ стоялъ передъ нимъ на площадкѣ лѣстницы,—и опять несбыточное предположеніе стараго Армстронга пришло ему въ голову. Предположеніе было безумное, фантастическое,—онъ не давалъ ему ни малѣйшей вѣры, отгонялъ его отъ себя, но, не смотря ни на что, это неосновательное предположеніе не выходило у него изъ головы. Онъ удивлялся, что Армстронгъ, человѣкъ умный, могъ выдумать такой вздоръ, и удивлялся самому себѣ, что онъ раздумываетъ надъ подобными пустяками. А мрачные взгляды и ужасъ, выразившіеся въ лицѣ Боулинга, по всему вѣроятію, были созданіемъ его собственнаго разстроеннаго воображенія... Такъ думалъ Клемъ.

Онъ легъ спать и всю ночь видѣлъ во снѣ, что Боулингъ съ Ааропомъ Виттекеромъ подливали какую-то отраву въ питье для Іова Роунда. Поутру эти ночныя тяжелыя грезы разсѣялись... Клемъ позавтракалъ чашкой дряннаго лондонскаго молока и черствымъ хлѣбомъ, купленнымъ за полцѣны, и затѣмъ вынулъ изъ комода свои акварельные рисунки. Онъ отобралъ нѣкоторые изъ нихъ и рѣшился поискать на нихъ покупателя. Онъ не однажды хотѣлъ возвратиться назадъ, такъ какъ въ первый разъ отваживался на подобное дѣло: онъ сомнѣвался въ достоинствѣ своихъ рисунковъ и ему было чрезвычайно стыдно нести ихъ на продажу. Онъ долго странствовалъ и подолгу стоялъ у оконъ магазиновъ, со своей папкой подъ мышками, но не осмѣлился войти

Digitized by Google

ни въ одинъ магазинъ и, унылый, измученный, возвратился вечеромъ домой. Онъ самъ наказалъ себя за малодушіе и, вмѣсто обѣда, въ тотъ день посадилъ себя на хлѣбъ, на воду, а потомъ прилегъ на кровать и вздремнулъ. И опять тягостныя грезы мучили его во снѣ... Клемъ былъ болѣе утомленъ, чѣмъ думалъ, и проспалъ до поздняго вечера. Пробудившись, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ огни въ окнахъ противоположныхъ домовъ и нашелъ свою комнату погруженною въ сумракъ. Окно его комнаты выходило на западъ, вечеръ на тотъ разъ былъ темный, ненастный. Холодный вѣтеръ и густыя облака, несшіяся по небу, грозили дождемъ.

Клемъ затворилъ окно, присѣлъ къ нему и сталъ разсѣянно смотрѣть на темное небо и на яркіе огни, зажигавшіеся тамъ и сямъ на землѣ. И опять, какъ наканунѣ, Боулингъ постучалъ въ его дверь и вошелъ въ комнату.

— Мое вамъ почтеніе, капитанъ!—проговорилъ онъ.—Извините, если я осмѣлюсь предложить вамъ... Сегодня мнѣ подарили бутылку прекраснаго хереса, но такое вино, смѣю доложить, не для нашего брата... Позвольте мнѣ, капитанъ, оставить эту бутылку вамъ!

Онъ поставилъ бутылку на комодъ и хотѣлъ уйти, но Клемъ остановилъ его. Этотъ человѣкъ, повидимому, желалъ сдѣлать ему пріятное, но Клемъ не могъ принимать подачекъ, хотя бы и предлагаемыхъ въ самой деликатной формѣ.

— Вы очень добры... но я не пью вина!—проговорилъ онъ. За послѣдніе два года онъ, дѣйствительно, ничего не пилъ.

— Я не могу взять ее... право, не могу!—сказалъ Клемъ, беря бутылку и передавая ее Боулингу.—Вполнѣ цѣню вашу доброту, но не предлагайте мнѣ подобныхъ вещей,—прошу васъ! Я вовсе не нуждаюсь въ нихъ...

— У васъ здѣсь темно, капитанъ!—вмѣсто отвѣта промолвилъ Боулингъ.—Я сейчасъ схожу за свѣчей!

— Благодарю васъ. Мнѣ не нужно огня!—сказалъ ему Клемъ.

— Капитанъ!—немного погодя, опять заговорилъ Боулингъ, слегка дотрогиваясь до него бутылкой.—Я схожу за свѣчей, и если вы удостоите выпить стаканчикъ вина со старымъ знакомымъ, то я вамъ буду очень благодаренъ. Я человѣкъ одинокій, и вы также одиноки... Разопьемъ по стаканчику!

Матросъ говорилъ такъ убѣдительно, что у Клема не достало духу разомъ отдѣлаться отъ него. И что за бѣда, если этотъ человѣкъ съ полчаса покалякаетъ съ нимъ? Пусть его!.. А Боулингъ, не встрѣчая съ его стороны дальнѣйшаго сопротивленія,

Digitized by Google

поставилъ опять бутылку на комодъ и, удалившись на минуту изъ комнаты, возвратился со свѣчей, воткнутой въ горлышко пивной бутылки, и поставилъ ее на каминъ. Онъ также принесъ съ собой стаканъ, старательно вытеръ его концемъ своего шейнаго платка и поставилъ рядомъ съ бутылкой. Затѣмъ, онъ досталъ карманный ножъ и остріемъ его ловко откупорилъ бутылку. Когда же онъ налилъ стаканъ и предложилъ его Клему, тотъ вѣжливо, но рѣшительно отказался. Поэтому Боулингъ самъ опорожнилъ стаканъ и затѣмъ, безъ приглашенія, присѣлъ на край кровати.

— Не позволите ли, капитанъ, сдѣлать вамъ два вопроса?—заговорилъ онъ.

— Какіе же это вопросы?—отозвался Клемъ.

— Если, дѣйствительно, молодой Виттекеръ отравилъ Іова Роунда, эсквайра, то узнали ли: чѣмъ онъ отравилъ его и по какому поводу?

— Мнѣ очень непріятно отвѣчать на такіе праздные вопросы!—промолвилъ Клемъ.—Но я отвѣчу, если у васъ есть какія нибудь основанія разспрашивать объ этомъ дѣлѣ...

И опять ему пришло на умъ дикое предположеніе старика Армстронга.

— Повѣрьте, что у меня есть для этого основанія—замѣтилъ Боулингъ.

— Чѣмъ онъ отравилъ,—извѣстно, но никто не знаетъ: почему онъ это сдѣлалъ...—сказалъ Клемъ.

— Чѣмъ же отравилъ?

— Онъ употребилъ для этого морфій и далъ его Роунду въ стаканѣ водки!

— Морфій—въ стаканѣ водки!—задумчиво пробормоталъ Боулингъ.—Вѣдь морфій, капитанъ, кажется, употребляется, какъ усыпляющее средство... Такъ, по крайней мѣрѣ, я слыхалъ...

— Да! Какъ усыпляющее...—отозвался Клемъ.

Боулингъ, наклонившись впередъ, подперъ рукой подбородокъ, уткнулся локтемъ въ колѣно и въ глубокомъ раздумьѣ смотрѣлъ на щелеватый полъ.

— Онъ, значитъ, далъ этого морфія болѣе, чѣмъ слѣдовало, и человѣкъ уже не проснулся! Такъ ли?—медленно проговорилъ онъ.

— Такъ!—подтвердилъ Клемъ.

Онъ не догадывался, что́ могло выйти изъ этихъ разспросовъ, но тонъ и обращеніе Боулинга показались ему въ высшей степени серьезны. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ: что̀ будетъ дальше...

— Его схватили?—послѣдовалъ затѣмъ вопросъ.

Digitized by Google

Клемъ, молча, кивнулъ головой.

— Судили?

Клемъ опять кивнулъ.

— Нашли виновнымъ?—продолжалъ Боулингъ, наклонившись впередъ и сверкнувъ глазами.

Въ третій разъ Клемъ кивнулъ головой.

— И повѣсили?—вскричалъ Боулингъ, поднимаясь съ мѣста.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ Клемъ.—Онъ сосланъ въ каторжныя работы на четырнадцать лѣтъ!

Боулингъ опять опустился на край кровати съ глубокимъ подавленнымъ вздохомъ и опять принялъ прежнюю позу.

— И никто не догадался, что̀ побудило его совершить преступленіе?—спросилъ матросъ, посмотрѣвъ на Клема изъ подъ своихъ нависшихъ бровей.—Неужели никто не догадался? Неужели ни у кого не явилось и тѣни догадки?

Клемъ при каждомъ вопросѣ отрицательно кивалъ головой и, наконецъ, промолвилъ:

— Никто не могъ найти причины этого преступленія!

— Никто не могъ... А не оказалось ли при этомъ дѣлѣ какой нибудь потери?

Клемъ опять отрицательно покачалъ головой.

— Ничего, рѣшительно, не было потеряно? Постарайтесь припомнить, капитанъ!..

— Ничего не было потеряно, сколько мнѣ извѣстно!—отвѣчалъ Клемъ.

— Такъ таки ничего!.. А какъ скоро послѣ смерти Іова Роунда, эсквайра, былъ арестованъ молодой Виттекеръ?

— Дня черезъ три или черезъ четыре.

— Гдѣ онъ былъ арестованъ?

— На пароходѣ, отправлявшемся въ Марсель.

— Въ Марсель?—откликнулся, какъ эхо, Боулингъ.—Вы увѣрены въ этомъ, капитанъ? Именно—въ Марсель, а не въ Константинополь? Не въ Варну? Не въ Таганрогъ?..

— Нѣтъ! Въ Марсель!—повторилъ Клемъ, чувствуя, что онъ какъ будто начинаетъ грезить.—Впрочемъ, можетъ быть, онъ и намѣревался отправиться въ одинъ изъ тѣхъ городовъ, о которыхъ вы упомянули, потому что, когда его арестовали, передъ нимъ была развернута карта Турціи.

— Онъ разсматривалъ карту Турціи?—пробормоталъ Боулингъ, съ мрачной улыбкой посматривая на полъ.—И вы увѣрены, капитанъ, что у Іова Роунда ничего не пропало?

Digitized by Google

— Рѣшительно ничего, насколько мнѣ извѣстно!—повторилъ Клемъ.

Ему не хотѣлось разспрашивать матроса о томъ: что̀ зналъ онъ о драмѣ, разыгравшейся въ Кастль-Барфильдѣ пять лѣтъ тому назадъ, но было очевидно, что онъ что-то зналъ о ней... И Клемъ думалъ, что, еслибы Боулингъ участвовалъ въ преступленіи, то, конечно, первый не заговорилъ бы объ этомъ дѣлѣ и вообще постарался бы не упоминать о немъ.

— И часы не пропали?—спросилъ Боулингъ, посмотрѣвъ на Клема и встрѣтивъ его взглядъ, полный недоумѣнія.—И часы оказались при Іовѣ Роундѣ, когда нашли его мертвымъ? Кто первый увидѣлъ его мертвымъ?

— Я первый его увидѣлъ!—сказалъ Клемъ, но въ ту же минуту спохватился.—Впрочемъ, нѣтъ... До меня еще тамъ были солдаты...—глухимъ голосомъ пробормоталъ онъ.—Часовъ не оказалось при немъ... часовъ не было! Да!.. Я помню... Въ то время я еще подумалъ, что ихъ, вѣроятно, украли солдаты... «Что̀ за тайна скрывалась во всемъ этомъ дѣлѣ и что̀ зналъ о ней этотъ человѣкъ?»—спрашивалъ себя Клемъ.

— Такъ, часовъ не оказалось!—вывелъ его изъ раздумья голосъ Боулинга.—А гдѣ нашлись часы, когда арестовали молодаго Виттекера?

— Никто даже и не полагалъ, что часы у него! — отвѣтилъ Клемъ.—Я думаю, что они остались въ рукахъ полиціи.

— Вѣроятно!—подтвердилъ и Боулингъ.—Еще одинъ вопросъ, капитанъ... У Іова Роунда была дочь. Не знаете: много ей досталось денегъ отъ отца?

— Ей ничего не досталось!—грустно отозвался Клемъ.—Она теперь живетъ въ бѣдности...

— Такъ деньги все еще лежатъ тамъ! — вскричалъ матросъ, съ проклятіемъ поднимаясь съ мѣста.

Тайна не разъяснялась пока, но ключъ къ ней, очевидно, находился въ предположеніи Армстронга. Клемъ также всталъ и схватилъ за руку собесѣдника.

— Что̀ вы знаете о смерти Іова Роунда?—прошепталъ онъ.—Вы принимали участіе въ этомъ дѣлѣ? Да?.. Скажите же мнѣ!

Боулингъ въ изумленіи посмотрѣлъ на него, и Клемъ еще крѣпче схватилъ его за руку.

— Я скажу вамъ... Вы—добрый малый! — проговорилъ Боулингъ.

Клемъ опустилъ его руку, но все еще былъ блѣденъ и слегка дрожалъ отъ волненія.

Digitized by Google

— Постойте!—внушительно промолвилъ матросъ, кладя ему руку на плечо.—Я вамъ желаю добра... Я, можетъ быть, скажу вамъ что нибудь такое, что составитъ для васъ большой интересъ. Погодите! Дайте мнѣ сообразить...

Теперь, при мерцаніи одинокой свѣчи, со своимъ мрачнымъ взглядомъ изподлобья и съ рубцомъ на смугломъ лицѣ, онъ показался страшенъ Клему.

— Кажется, мнѣ не найти лучшаго товарища,—сказалъ онъ, взглядывая на Клема.—Какъ вы думаете: еслибы вы пошли въ полицію, гдѣ хранятся всѣ вещи арестованныхъ, то могли ли бы вы узнать часы Іова Роунда?

— Зачѣмъ вы меня спрашиваете объ этомъ?

— Могли ли бы вы узнать часы? Да или нѣтъ?

— Полагаю, что могъ бы, еслибы только зналъ: для чего мнѣ нужно видѣть ихъ...

— Хорошо! Подождите минуту!.. Я сейчасъ возвращусь сюда и скажу вамъ кое-что очень интересное... Я укажу вамъ возможность добыть 25 тысячъ фунтовъ золотомъ. Вы спросите: почему я это дѣлаю? Почему я хочу облагодѣтельствовать васъ? Просто потому, что желаю добра себѣ и вамъ, капитанъ! Безъ союзника мнѣ нельзя приняться за это дѣло... Я беру васъ въ товарищи, потому что вы, надѣюсь, не захотите обмануть и подвести меня. Но все таки, прежде всего, я потребую отъ васъ клятвы!

Клемъ опустился на стулъ у окна, а Боулингъ тяжелою матросскою поступью вышелъ изъ комнаты. Ему казалось, что матросъ былъ, просто, сумашедшій, да и самъ онъ, какъ будто, начиналъ сходить съ ума или бредить... Боулингъ вскорѣ возвратился со старой истрепанной книгой въ рукѣ и предложилъ Клему поклясться почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ нѣкогда Аарону Виттекеру, и Клемъ поклялся поступать всегда добросовѣстно въ отношеніи Вильяма Дэна, иначе называемаго Томасомъ Боулингомъ. Боулингъ для большей точности упомянулъ еще нѣсколько псевдонимовъ, но Клемъ былъ такъ пораженъ всѣмъ происшедшимъ, что для удивленія уже не оказывалось на этотъ разъ и мѣста.

Затѣмъ, Боулингъ заперъ дверь, спустилъ штору у окна и шопотомъ передалъ Клему ту же исторію, которую онъ разсказывалъ въ саду Конакъ-Коттэджа—лишь съ той варіаціей, что теперь онъ прямо называлъ по имени Іова Роунда. Потомъ онъ разсказалъ,—насколько, по его мнѣнію, было нужно,—о своемъ знакомствѣ съ Ааромомъ Виттекеромъ и высказалъ притомъ

Digitized by Google

свое сожалѣніе о смерти Роунда. Онъ настойчиво утверждалъ, что даже и не подозрѣвалъ: какимъ опаснымъ средствомъ вздумалъ воспользоваться Виттекеръ,—онъ только зналъ, что Виттекеръ намѣревался ночью пробраться въ домъ Роунда и, пользуясь удобнымъ случаемъ, списать тѣ знаки, какіе находились на медали.

— Теперь, капитанъ, я долженъ сознаться... — заключилъ онъ.—Я желалъ захватить болѣе, чѣмъ приходилось на мою долю—и зато ничего не получилъ, вотъ, кромѣ этого!.. — Онъ провелъ пальцемъ по шраму. Молодой Виттекеръ, въ свою очередь, также вознамѣрился захватить все, и вы знаете, чѣмъ онъ кончилъ... Теперь я дѣлаю еще одну попытку, предупреждаю: мы достанемъ эти деньги лишь въ такомъ случаѣ, когда будемъ вѣрны другъ другу... Я стану вполнѣ довѣрять вамъ и отъ васъ ожидаю того же!..

Этотъ матросъ, по его собственнымъ словамъ, оказывался мошенникомъ и сознательно или безсознательно участвовалъ въ убійствѣ лучшаго друга Клема, въ убійствѣ отца той дѣвушки, за которую онъ самъ готовъ былъ пожертвовать жизнью. Союзъ съ подобнымъ человѣкомъ—для отысканія денегъ, добытыхъ весьма сомнительнымъ путемъ и запятнанныхъ кровью (если только справедливъ разсказъ Боулинга) нуждался, такъ сказать, въ освященіи. И это освященіе дала ему любовь Клема... Онъ хотѣлъ отыскать эти богатства для того, чтобы передать Сарѣ. Свѣтъ и радость ея жизни лежали зарытыми въ землѣ, въ нѣдрахъ далекихъ горъ. Онъ, слабый, хилый и немощный, готовъ былъ пойти туда хоть одинъ и вырвать у горъ тѣ таинственныя сокровища, которыя въ теченіе столькихъ лѣтъ лежали подъ спудомъ...

III.

Клемъ и Боулингъ просидѣли до глубокой ночи, разсуждая о средствахъ для достиженія намѣченной цѣли. Если они узнаютъ надпись на медали, то могутъ добыть 50 тысячъ фунтовъ. Это только легко сказать... Вѣдь эти богатства отъ нихъ далеко, очень далеко, а у нихъ въ настоящее время не было въ карманѣ и 30 шиллинговъ. Какъ тутъ быть? Послѣднія крохи отцовскаго наслѣдства доставляли Клему 8 шиллинговъ въ недѣлю; значитъ, все это наслѣдство, приблизительно, могло быть оцѣнено въ четыреста фунтовъ; если же его реализовать поспѣшно, то за него нельзя было получить болѣе двухсотъ фун-

Digitized by Google

товъ... Такой суммой, конечно, можно было бы пожертвовать въ виду будущихъ великихъ благъ, но вопросъ въ томъ: достаточно ли будетъ этихъ денегъ?

Постарѣлъ ли Боулингъ, или лишился прежней вѣры въ свою счастливую звѣзду, въ точности неизвѣстно, но только теперь онъ уже не проявлялъ того энтузіазма, какой сказался въ немъ по поводу успѣшнаго ограбленія Іова Роунда. Онъ торжественно выпилъ стаканъ вина за успѣхъ дѣла и затѣмъ съ самымъ рѣшительнымъ видомъ закупорилъ бутылку.

— Я много пожилъ на свѣтѣ, капитанъ, и знаю, что чашка не всегда доходитъ до рта! Одинъ разъ золото уже было у меня въ рукахъ или, вѣрнѣе сказать, мои руки были по локоть въ золотѣ. Я могъ бы купаться въ немъ, могъ бы на немъ плясать, кататься... Но никто не знаетъ будущаго!..

Клемъ смотрѣлъ на матроса и видѣлъ, какъ глаза его горѣли алчностью. И самъ онъ мечталъ о зарытыхъ богатствахъ. Но между Боулингомъ и Клемомъ была громадная разница: одинъ думалъ только о себѣ, а другой о себѣ вовсе не помышлялъ. Деньги должны принадлежать Сарѣ, разсуждалъ онъ. Рука, всегда готовая протянуться на помощь ближнему, не должна оскудѣвать. Сара желала путешествовать и видѣть всѣ чудеса міра; она любила музыку, картины, книги, и все это должно быть у нея. Ея жизнь должна быть свѣтла и ясна; для нея— радость, цвѣты и улыбки, и счастье, какое только доступно на землѣ... Клемъ мысленно благословлялъ ее отъ всего сердца...

— Вотъ ужь никогда бы не подумалъ, что Іовъ Роундъ оставитъ въ землѣ эти богатства и не рѣшится возвратиться за ними,—промолвилъ Боулингъ.

И въ то же мгновенье всѣ надежды Клема обратились въ прахъ и пепелъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ не подумалъ объ этомъ ранѣе? Конечно, нелѣпо было бы предполагать, что Іовъ Роундъ, зная о существованіи этихъ сокровищъ, допустилъ бы ихъ лежать въ землѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ. Вся радужная, блестящая перспектива разлеталась, какъ дымъ, какъ сонъ...

— Вы, кажется, не въ духѣ, капитанъ?—спросилъ Боулингъ, замѣтивъ, что лицо его вдругъ омрачилось.—Выпейте хересу!— Онъ налилъ стаканъ и подалъ его Клему.—Хлебните, капитанъ. Вино—первый сортъ... Оно почти также крѣпко, какъ водка!

— Можетъ быть, денегъ тамъ ужь нѣтъ... — проговорилъ Клемъ.—Да, разумѣется, ихъ нѣтъ тамъ... навѣрное нѣтъ! Какъ я глупъ, что раньше не подумалъ объ этомъ... Еслибы Іовъ

Digitized by Google

Роундъ зналъ объ нихъ, то, безъ сомнѣнія, воспользовался бы ими. Все это—вздоръ, фантазія...

— Вотъ объ этомъ-то я и хочу поговорить съ вами!—спокойно возразилъ Боулингъ, закупоривая бутылку. — Деньги по сіе время лежатъ тамъ, приблизительно въ двухъ миляхъ разстоянія отъ мѣстечка Стригли, въ Балканскихъ горахъ. На подробной картѣ вы найдете это мѣсто... Стригли!.. Вы говорите: денегъ тамъ уже нѣтъ... Я вамъ сейчасъ объясню: почему Іовъ Роундъ не взялъ ихъ оттуда... Сколько лѣтъ его дочери?

— Двадцать пять! — отвѣтилъ Клемъ.

— Хорошо!—продолжалъ Боулингъ. — Она родилась черезъ годъ послѣ свадьбы, а посватался онъ, приблизительно, за полгода до женитьбы. Итого—составится 26 лѣтъ съ половиной. Значитъ, 30 лѣтъ съ половиной прошло послѣ того...

— Послѣ «чего?»—перебилъ его Клемъ.

— Послѣ...—замялся Боулингъ.—Ну, однимъ словомъ, послѣ того, какъ деньги были найдены и мы принуждены были скрываться отъ преслѣдовавшихъ насъ злодѣевъ. Въ ту пору мы, то есть я и Іовъ Роундъ, скитались въ горахъ, какъ дикіе звѣри. Вся страна была противъ насъ, но мы успѣли улизнуть.

— Почему же вся страна была противъ васъ?

— Очень просто... потому что каждому хотѣлось узнать: гдѣ зарыто золото...

— Они могли бы пойти и найти его!—замѣтилъ Клемъ.

— Это легко сказать!—со смѣхомъ возразилъ собесѣдникъ.

— Вы начали говорить объ Іовѣ Роундѣ...

— Да! Именно о томъ: почему онъ не возвратился *туда*?—сказалъ Боулингъ.—Я вамъ это объясню... Его дочери, вы говорите, 25 лѣтъ. Задолго ли до женитьбы онъ возвратился домой? Вы не знаете? Не помните навѣрное? Ну, положимъ: мѣсяцевъ за шесть. 26 лѣтъ съ половиной вычтемъ изъ 30 лѣтъ съ половиной,—останется четыре года. Въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ онъ рѣшительно не могъ возвратиться за деньгами. Это дѣло у всѣхъ еще было свѣжо въ памяти, его узнали бы непремѣнно... Значитъ, ему нужно было подождать. А онъ могъ ждать спокойно, сколько угодно. Вѣдь, кромѣ него, никто не зналъ мѣста и къ тому же золото такой предметъ, что мыши его не сгрызутъ. Значитъ, ему нечего было бояться... А далѣе, что вышло? Онъ женился, получилъ наслѣдство послѣ смерти дяди и катался, какъ сыръ въ маслѣ. Потомъ у него родилась дочь; онъ полюбилъ дѣвочку. Живя на вашей фермѣ, я не однажды слыхалъ, какъ говорили, что Роундъ «бережетъ свое дитя, какъ

Digitized by Google

зѣницу ока». Потомъ, у него умерла жена, дѣвочка осталась на рукахъ и тутъ ужь онъ никакъ не могъ оставить ее. Онъ думалъ: «Придетъ время, выростетъ дочь, выдамъ ее замужъ за хорошаго человѣка и тогда отправлюсь за своими деньгами!» Вотъ какъ было дѣло, капитанъ!

— Но почему же вы знаете, что Роундъ не возвращался *туда* за деньгами?—спросилъ Клемъ.—Онъ могъ взять ихъ оттуда и лишиться вслѣдствіе какихъ нибудь неблагопріятныхъ обстоятельствъ...—Вы мнѣ высказываете только свои догадки, предположенія!

— Нѣтъ, не предположенія!—возразилъ Боулингъ. — Онъ мнѣ самъ сказалъ: «Деньги все еще лежатъ тамъ; я не воспользовался ими!—Не хотите ли узнать широту и долготу, взять заступъ и порыться *тамъ?*»...—Нѣтъ, капитанъ! Не безпокойтесь... Это вѣрно! Деньги—тамъ!.. Постарайтесь завтра же достать часы и взглянуть на нихъ...

Увѣренность Боулинга произвела на Клема такое сильное впечатлѣніе, что онъ съ бо́льшимъ жаромъ, чѣмъ прежде, принялся строить воздушные за́мки. Но всѣ эти за́мки предназначались для той женщины, которую онъ любилъ, для того прелестнаго созданія, которое теперь было такъ несчастно и такъ достойно лучшей участи. Для Клема деньги были не нужны; онъ только хотѣлъ передать ихъ Сарѣ—для того чтобы она могла благотворить, дѣлать добро, помогать бѣднымъ. Онъ желалъ, чтобы всѣ благословляли ее. Какими бы путями ни были добыты тѣ деньги—все равно: она очиститъ ихъ своимъ прикосновеніемъ, а то употребленіе, какое она сдѣлаетъ изъ нихъ, окончательно освятитъ эти деньги.

Оставшись одинъ, Клемъ погрузился въ мечты. Онъ прислушивался къ шуму дождя—и ему представлялось, что дождь шелъ и въ тѣхъ отдаленныхъ горахъ. Онъ видѣлъ сквозь ночной сумракъ темныя, безмолвныя массы этихъ горъ, онъ проникалъ въ ихъ тайну и зналъ: гдѣ лежатъ въ землѣ зарытыя сокровища. Во снѣ въ ту ночь ему грезилось лицо Сары—такое же свѣтлое и веселое, какимъ онъ видалъ его въ прежніе годы. Она, какъ кроткій ангелъ, съ сіяющимъ лицомъ, мерещилась ему изъ-за темныхъ скалъ, надъ зіяющими безднами...

— Я иду на работу!—говорилъ Боулингъ, заглядывая поутру въ его комнату.—Я довѣряю вамъ, капитанъ! Я не пойду съ вами. Въ обѣденный часъ, по обыкновенію, я возвращусь домой... Если вы узнаете что́ нибудь, сообщите мнѣ по телеграфу.—Черкните только: «Все благополучно!» Это будетъ сто́-

Digitized by Google

ить пустяки... Помните же свою клятву. Но я вѣрю вамъ вполнѣ и безусловно!

— Будьте увѣрены, что я стану поступать добросовѣстно!— просто сказалъ Клемъ.

Боулингъ ушелъ на работу въ шестомъ часу. Для Клема было еще рано отправляться въ походъ и онъ до 8 часовъ оставался дома въ лихорадочномъ нетерпѣніи, колеблясь между страхомъ и надеждой. Въ 8 часовъ онъ отправился въ Скотландъ-Ярдъ; ему такимъ образомъ приходилось сдѣлать около шести миль. Онъ былъ не особенно хорошій ходокъ, но, когда здоровье позволяло—онъ могъ весь день быть на ногахъ и притомъ чувствовалъ себя сильнѣе, чѣмъ могли думать посторонніе, смотря на его жалкую, хилую фигуру. Маленькій горбунъ шелъ по улицамъ, и ни одна живая душа не обратила на него ни малѣйшаго вниманія, но у этого несчастнаго существа въ тотъ день были такія радужныя, блестящія надежды, какихъ не было ни у кого во всемъ Лондонѣ. Нашъ маленькій голодный поэтъ грезилъ о богатствѣ, но безъ всякихъ эгоистическихъ побужденій. Иногда, изрѣдка, на него нападали сомнѣнія, но черезъ минуту надежды снова разгорались, сердце начинало биться такъ учащенно, что у него духъ захватывало... И Клемъ вынужденъ былъ останавливаться и, ничего не видя, глядѣть въ окна магазиновъ.

Наконецъ, онъ дошелъ до Скотландъ-Ярда. Здѣсь очень вѣжливо отвѣтили на всѣ его вопросы, но—къ сожалѣнію—чиновникъ, къ которому онъ обратился, могъ только указать ему путь для наведенія нужныхъ справокъ.

— Медаль находилась при часахъ,—говорилъ Клемъ,—и на медали была надпись, указывавшая мѣсто, гдѣ спрятаны большія суммы денегъ.

— Ничего страннѣе этого я во всю жизнь не слыхалъ!—пробормоталъ чиновникъ.—Гдѣ же былъ арестованъ этотъ человѣкъ?

Клемъ сказалъ ему.

— Ну, въ такомъ случаѣ вамъ нужно обратиться въ ближайшее къ тому мѣсту полицейское управленіе. Тамъ хранится списокъ всѣхъ вещей, отобранныхъ у арестанта, и тамъ же вамъ скажутъ: гдѣ находятся эти вещи.—Гдѣ судился этотъ человѣкъ?—Въ Стаффордѣ?—Вамъ, можетъ быть, укажутъ обратиться туда...

Клемъ взялъ адресъ, данный чиновникомъ, и направился въ обратный путь. Полицейское управленіе оказалось въ двухъ ша-

Digitized by Google

гахъ отъ дома, гдѣ жилъ Клемъ. Былъ уже полдень, и Клемъ страшно вспотѣлъ и усталъ.

Въ комнатѣ, куда вошелъ онъ, было прохладно. За небольшой конторкой сидѣлъ полицейскій офицеръ, а въ углу комнаты въ рѣшетчатой клѣткѣ, какъ дикій звѣрь, какой-то пьяный матросъ бурлилъ и ревѣлъ.

— Чѣмъ можемъ служить вамъ? — спросилъ офицеръ Клема.—Да уймите же кто нибудь этого пріятеля! Изъ-за его рева вѣдь ничего не слышно...

Клемъ сталъ разсказывать свою исторію; офицеръ разсѣянно слушалъ его до тѣхъ поръ, пока рѣчь не зашла о часахъ и о медали съ надписью. При этомъ офицеръ улыбнулся и, взявъ трубу, проговорилъ что-то въ нее; потомъ приложилъ ее къ уху и, наконецъ, опять что-то проговорилъ въ трубу.

— Продолжайте!—сказалъ онъ съ улыбкой.

Клемъ сталъ продолжать и когда дошелъ до конца своей исторіи, за конторкой явился констэбль съ большими рыжими усами.

— Вы посылали за мной, сэръ?—спросилъ констэбль.

— Да!—улыбаясь, отвѣтилъ начальникъ.—Не приходилось ли вамъ слыхать о часахъ, къ которымъ была привѣшена турецкая монета?

Клемъ замѣтилъ, что и констэбль при этомъ улыбнулся, и затѣмъ оба они—инспекторъ и подчиненный—громко расхохотались. Полицейскій офицеръ былъ человѣкъ довольно полный, очевидно, любившій позабавиться и хорошо пообѣдать...

— Ну, разскажите этому джентльмену все, что вы знаете объ этомъ дѣлѣ!—сказалъ онъ констэблю.

— То есть, о томъ человѣкѣ, который пытался повѣситься въ пятомъ номерѣ, сэръ?—спросилъ тотъ.

Офицеръ кивнулъ головой и, подвинувшись впередъ, очевидно, готовился быть зрителемъ потѣшной сцены.

— Вѣдь это было давно, лѣтъ 6 или 7 тому назадъ!—началъ констэбль, покручивая рыжіе усы. Меня извѣстили, что этотъ человѣкъ взялъ билетъ на пароходѣ «Ориноко»—я это очень хорошо помню—и мнѣ поручено было арестовать его. Я пришелъ на пароходъ и нашелъ этого господина въ каютѣ... Передъ нимъ была развернута карта...

— Карта Турціи?—спросилъ Клемъ.

— Да! Именно такъ!—отвѣчалъ констэбль.—Какъ только онъ увидалъ меня, такъ и повалился безъ чувствъ... Видно, былъ слабенекъ!.. Отворяя дверь въ его каюту, я замѣтилъ, что онъ

Digitized by Google

совалъ руку подъ постель. Но потомъ, знаете, произошло замѣшательство, онъ упалъ въ обморокъ, пароходъ готовился сняться съ якоря, меня заторопили... совсѣмъ изъ головы у меня вылетѣло это обстоятельство, и я забылъ обыскать постель... Когда же мы доставили его сюда и онъ пришелъ въ себя, то поднялъ такой гвалтъ изъ-за этихъ часовъ и изъ-за медали, что просто и разсказать нельзя. Человѣкъ совсѣмъ съ ума сошелъ...

— Такъ часовъ и не нашли?—спросилъ Клемъ.

— Нѣтъ! Часы пропали безъ вѣсти...—отвѣчалъ констэбль.

Клемъ вдругъ почувствовалъ такую слабость и головокруженіе, что на минуту долженъ былъ прислониться къ конторкѣ. Всѣ его мечты разлетѣлись, какъ дымъ... Онъ замѣтилъ, что инспекторъ и констэбль смотрѣли на него съ любопытствомъ,— и постарался оправиться, сколько возможно.

— Не могу ли я спросить васъ: почему эти часы съ медалью имѣютъ такую большую цѣнность? — обратился къ нему инспекторъ.

— На медали находилась надпись, по которой можно было найти спрятанныя деньги!—коротко отвѣтилъ ему Клемъ.

— И большія деньги? — спрашивалъ инспекторъ.

— Да!—сказалъ Клемъ.—Пятьдесятъ тысячъ фунтовъ.

Полицейскіе выразительно переглянулись и, пожавъ плечами, тихо присвистнули.

Клемъ медленно поплелся домой, если только можно было назвать «домомъ» то мѣсто, гдѣ онъ прозябалъ. Боулингъ уже поджидалъ его и, услыхавъ разсказъ о пропажѣ часовъ, разразился такими ругательствами и проклятьями по адресу Виттекера, что Клемъ заткнулъ уши и выбѣжалъ на площадку лѣстницы.

И прежде жизнь его была безрадостна, а теперь—послѣ того какъ надежда улыбнулась ему—жизнь стала еще печальнѣе. Грустно, однообразно тянулись дни... Армстронгъ посѣщалъ его разъ въ недѣлю и находилъ что онъ болѣе и болѣе погружался въ унынiе, съ которымъ, повидимому, у него уже не доставало силъ бороться. Онъ относилъ на продажу свои рисунки, статуэтки, восковые цвѣты, съ трудомъ находилъ для нихъ сбытъ и перебивался кое-какъ... Надежда его жила недолго, не дольше дня, но все таки послѣ ея исчезновенья Клему стало еще тяжелѣе. Для него было такъ отрадно надѣяться, что онъ можетъ осчастливить любимую дѣвушку,—и вдругъ надежда и всѣ блестящія мечты пропали и мракъ гуще прежняго окуталъ его...

Боулингъ иногда заходилъ къ нему потолковать о завѣтномъ кладѣ, не дававшемся ему въ руки. Клемъ едва слушалъ его и,

Digitized by Google

разумѣется, не находилъ особеннаго удовольствія въ его компаніи. А все таки онъ почувствовалъ себя еще болѣе одинокимъ, когда однажды вечеромъ матросъ, придя къ нему, объявилъ, что уходитъ въ море.

— Эти каменныя городскія громады давятъ, душатъ меня!— говорилъ ему Боулингъ.—Я могу жить въ деревнѣ, въ полѣ, но не въ этихъ мрачныхъ склепахъ. Я собрался въ море... Я хотя и старъ, но еще довольно крѣпокъ и силенъ, и могу не хуже молодаго человѣка управляться съ корабельными снастями. Къ тому же море—моя стихія, а я уже въ теченіе девяти лѣтъ былъ разлученъ съ нимъ. Завтра въ шесть часовъ утра я отправляюсь, капитанъ. Итакъ, примите послѣднее прощанье Томаса Боулинга!

Клемъ пожалъ ему руку и матросъ своею тяжелою поступью вышелъ изъ комнаты. Клемъ еще съ минуту слышалъ на лѣстницѣ его шаги... И Боулингъ исчезъ съ его горизонта...

Прошло лѣто и осень уже близилась къ концу...

Клемъ въ послѣднюю субботу каждаго мѣсяца ходилъ въ контору стряпчаго за своими 32 шиллингами. Однажды онъ въ обычное время, то есть въ четыре часа, пришелъ въ контору.

— Мистеръ Найтъ ушелъ по дѣлу!—заявилъ ему клеркъ.— Вамъ придется прійти въ семь часовъ. А, можетъ быть, онъ воротится еще позже,—не лучше ли вамъ прійти въ понедѣльникъ?

Клемъ колебался, не зная, какъ ему лучше сдѣлать.

— Теперь вамъ нечего дожидаться, Бечъ!—замѣтилъ клеркъ.— Я кончилъ свое дѣло и ухожу сейчасъ—и вамъ нельзя здѣсь оставаться.

Клемъ покорно удалился изъ конторы и сталъ бродить по Флитъ-Стриту. Онъ былъ голоденъ, утомленъ и оставался безъ гроша. Онъ разсѣянно, безъ цѣли бродилъ по улицѣ. Сталъ накрапывать дождь; Клемъ застегнулъ пальто. Его мысли и чувства были въ какомъ-то оцѣпененіи. Наступилъ вечеръ, а онъ все бродилъ по Флитъ-Стриту. Вѣтеръ дулъ ему въ лицо, обдавалъ его холодомъ, дождь мочилъ, не переставая; прохожіе толкали его...

Часы пробили шесть. Усталость и голодъ томили его. Въ магазинахъ зажглись огни, и Клемъ иногда останавливался передъ ихъ освѣщенными окнами. Проходила минута за минутой,—часы пробили четверть, полчаса и три четверти. Дождь пошелъ сильнѣе. Клемъ наглухо закутался въ свое пальто и, наклонивъ голову противъ вѣтра, медленно брелъ по тротуару.

— Осталось, вѣроятно, минуты двѣ-три!—сказалъ онъ про

Digitized by Google

себя, останавливаясь передъ освѣщеннымъ окномъ лавки и ожидая, когда часы пробьютъ семь.

Онъ стоялъ теперь передъ лавкой закладчика и, смотря на разныя вещицы, выставленныя въ окнѣ, задумался на мгновенье надъ своею горькой участью... Вдругъ онъ вздрогнулъ, сердце его учащенно забилось и потомъ какъ будто замерло.

За окномъ, прямо передъ его глазами висѣла завѣтная медаль Іова Роунда и при ней билетикъ съ надписью: «Восточный Куріо.—Гвинейское золото. 2 фунта, 5 шиллинговъ».

IV.

Эзекіиль Роундъ сидѣлъ въ Конакъ-Коттэджѣ, въ креслѣ передъ каминомъ—въ той же комнатѣ и въ томъ же самомъ креслѣ, въ которомъ умеръ Іовъ Роундъ. Старый Эзекіиль, ни о чемъ не думая и ни на что не глядя, курилъ трубку. Глаза его были тусклы, голова наклонилась впередъ съ такимъ видомъ, какъ будто онъ былъ готовъ вступить въ споръ съ кѣмъ нибудь и его красные жилистые кулаки были крѣпко сжаты, словно въ ожиданіи предстоящей схватки.

Сара сидѣла въ той же комнатѣ съ шитьемъ у окна. Порой она оставляла иголку и, положивъ работу на колѣни, грустно смотрѣла сквозь сѣтку дождя въ садъ и на поля, разстилавшіяся за садомъ. Былъ одинъ изъ тѣхъ дней въ концѣ лѣта, когда дождь наводитъ болѣе унынія, чѣмъ въ какое нибудь другое время года, и когда атмосфера, какъ губка, вся пропитывается водой. Погода была довольно холодная, и пріятный огонекъ горѣлъ въ каминѣ. Въ домѣ было тихо, только мѣрно тикали стѣнные часы. Вслѣдствіе тишины, царствовавшей въ комнатѣ, шумъ дождя и завыванье вѣтра въ вѣтвяхъ деревьевъ слышались также явственно, какъ слышатся въ ночномъ безмолвіи.

Горе одухотворило красоту Сары. Дѣвушка стала еще прелестнѣе, еще симпатичнѣе, хотя и пропалъ ея юношескій блескъ. Лицо ея было теперь серьезно, задумчиво, и люди близкіе, любившіе Сару, подмѣчали грусть на ея лицѣ.

— Трубка моя не курится!—вдругъ проговорилъ Эзекіиль.

Его голосъ отъ старости сдѣлался рѣзче, но злая насмѣшка по прежнему звучала въ немъ.

— Вамъ нужно огня, дѣдушка?—спросила Сара.—Или нужно набить трубку?—Набить?—Да?

Дѣвушка осторожно взяла трубку, набила ее и подала

Digitized by Google

ему съ зажженной бумажкой. Старикъ сердито принялся раскуривать. Со своей лысой головой и съ краснымъ, гладко выбритымъ лицомъ, онъ напоминалъ большаго ребенка, явившагося въ міръ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ—ничѣмъ не оставаться довольнымъ.

— Ты помнишь моего сына Іова?—немного погодя, заговорилъ онъ, посмотрѣвъ на внучку старческими тусклыми глазами.—Онъ казался королемъ посреди прочихъ людей... мой сынъ Іовъ! Онъ продолжалъ расти до двадцати двухъ лѣтъ. Да!.. Онъ, какъ Саулъ, былъ выше всѣхъ головой... Я дурно поступилъ съ нимъ. Я прогналъ его изъ дома и съ родной стороны,—и теперь мнѣ иногда кажется, что онъ когда нибудь возвратится ко мнѣ. Онъ хотѣлъ жениться на дочери Армстронга—на дѣвушкѣ съ Верхней улицы. Вотъ за это-то я и заставилъ его удалиться отсюда на чужбину... Я зналъ, что онъ не покорится мнѣ. Я былъ упрямъ и глупъ. Еслибы я не былъ глупъ, то развѣ довѣрилъ бы свои деньги молодому Виттекеру!—Ты знала молодаго Виттекера? Такихъ негодяевъ, какъ онъ, еще не бывало у насъ въ Кастль-Барфильдѣ... Нѣтъ! Прежде люди были лучше... Прежде все было лучше!.. А трубка моя опять погасла!

Дѣвушка уже привыкла къ старческой болтовнѣ, не обращала на нее особеннаго вниманія и даже почти не огорчалась, когда старикъ дотрогивался до ея сердечныхъ ранъ. Она опять встала, подала старику огня раскурить трубку, а затѣмъ опять принялась за свое шитье и погрузилась въ думы.

Эзекіиль еще нѣсколько времени продолжалъ разговаривать самъ съ собой, потомъ опять попросилъ огня и наконецъ, какъ будто бы, задремалъ...

Въ комнатѣ было два окна; одно выходило на поле, а другое въ садъ—на дорожку, ведшую къ дому, въ концѣ которой была видна калитка. Боковое окно было заслонено деревьями и въ этотъ ненастный день тусклый свѣтъ скупо пробивался въ него. Сара собрала свое шитье и сѣла на кушетку къ другому окну. Усѣвшись поудобнѣе, она прилежно занялась шитьемъ. Дѣдушка Роундъ иногда позволялъ себѣ кое-какую роскошь и Сара должна была жертвовать для того частью своихъ небольшихъ достатковъ; она едва сводила концы съ концами, и ей нерѣдко приходилось прибѣгать къ помощи иголки для пополненья хозяйственныхъ пробѣловъ, которые въ противномъ случаѣ могли бы разростись до серьезныхъ размѣровъ. Сара спасала фамильную честь отъ позорнаго банкротства... Она была довольно искусной швеей

Digitized by Google

и своей ручной работой болѣе помогала себѣ и своему больному дѣдушкѣ, чѣмъ думали нѣкоторые.

Она погрузилась въ раздумье, въ то же время не переставая работать. Ей припомнилось теперь, какъ однажды въ прелестный лѣтній день Клемъ читалъ ей свои стихи неподалеку отъ Лѣстницы Іакова, а отецъ ея лежалъ тутъ же у изгороди. И вспомнилось ей стихотвореніе, которое тогда читалъ Клемъ...

„Поля цвѣтущія и лугъ
Вечернею прохладою объяты,—
И тихій колокольный звукъ
Проносится надъ мирной стороною"...

Вдругъ она услыхала стукъ калитки. Этотъ стукъ нынѣ рѣже раздавался, чѣмъ въ былые дни. Сара посмотрѣла въ окно и слегка вскрикнула... Подъ напоромъ вѣтра и подъ проливнымъ дождемъ, шелъ по дорожкѣ къ дому дѣдушка Армстронгъ, котораго она считала за сотни миль отъ себя.

— Дѣдушка Армстронгъ!—вскричала она, отворяя дверь.—Какими судьбами?—Какой добрый вѣтеръ занесъ васъ сюда?

Она втащила его въ комнату и крѣпко поцѣловала. Онъ взялъ ее за руки и задушевно, дружески пожалъ ихъ. Лицо его покраснѣло отъ вѣтра, и онъ сильно задыхался отъ ходьбы.

— Думаю, что добрый вѣтеръ занесъ меня, моя дорогая!—сказалъ онъ.—Ну, что, Роундъ?—спросилъ онъ, оставляя руки внучки и подходя къ Эзекіилю.—Какъ поживаете? Узнаете меня, старина?.. А?.. Я полагаю, Сара, что онъ узнаетъ меня?

— Узна́етъ... вспомнитъ понемногу!—отвѣтила дѣвушка.—Онъ иногда спитъ вотъ такъ—съ открытыми глазами... Бѣдный дѣдушка Роундъ!.. Позвольте же мнѣ снять съ васъ мокрое пальто и повѣсить его—посушиться въ кухнѣ передъ очагомъ! Откуда вы?

— Сегодня утромъ изъ Лондона, и прямо пришелъ сюда повидаться съ вами!—отвѣчалъ Армстронгъ.

— Повидаться со мной? переспросила она, стоя съ мокрымъ пальто въ рукахъ.—Вы говорите: повидаться со мной?

— Ну, да! Но вы сначала отнесите пальто, а потомъ мы съ вами поговоримъ! Добрый вѣтеръ занесъ меня сюда... Отнесите же пальто—и потолкуемъ!

Сара черезъ минуту возвратилась въ комнату.

— Мой сынъ Іовъ,—заговорилъ старый Роундъ,—былъ самый красивый мужчина въ Кастль-Барфильдѣ. Онъ много путешествовалъ въ свое время и говорилъ на иностранныхъ языкахъ—по французски, по нѣмецки, по цыгански... Да!

Digitized by Google

— Онъ нынче только и говоритъ объ отцѣ!—отвѣтила Сара на молчаливый вопросъ, выражавшійся въ глазахъ Армстронга.— Онъ совсѣмъ ослабѣлъ...

— А не жалуется онъ ни на какую болѣзнь?—шопотомъ спросилъ Армстронгъ.

— Нѣтъ!—сказала Сара.—Докторъ по старому знакомству иногда навѣщаетъ его, но не находитъ у него никакой болѣзни. Онъ говоритъ, что у дѣдушки просто старческая дряхлость.

— Вѣдь ему ужь скоро стукнетъ 85 лѣтъ!—сказалъ Армстронгъ. Эхъ, бѣдняга!.. Житейскія тревоги сломили его, и я сомнѣваюсь, чтобы онъ увидалъ лучшіе дни... Сядемъ, дѣвица! Мнѣ нужно кое-что сказать вамъ...

Взявшись за руки, они рядомъ сѣли на кушетку. Онъ съ веселымъ и довольнымъ видомъ смотрѣлъ на нее, а она никакъ не могла догадаться о причинахъ его посѣщенія и такого веселаго настроенія духа.

— Прежде всего, я долженъ сказать вамъ,—началъ Армстронгъ,—что мой Давидъ служитъ клеркомъ въ конторѣ биржеваго маклера на одной изъ лондонскихъ улицъ, на Котгэлль-Стритѣ. Недавно одинъ джентльменъ обратился къ маклеру съ запросомъ: не покупалъ ли черезъ его посредство, лѣтъ девять или десять тому назадъ, его дядя какихъ-то цѣнныхъ бумагъ— ежегодной правительственной ренты что ли, ужь не знаю хорошо. Я не дѣловой человѣкъ, и вы не дожидайтесь, чтобы я разсказывалъ о такихъ вещахъ съ знаніемъ банкира, но я все таки постараюсь быть толковымъ, насколько возможно. Цѣль запроса этого джентльмена, какъ я понялъ, заключалась именно въ томъ, чтобы добыть изъ англійскаго банка какую-то сумму денегъ, помѣщенныхъ туда его дядей. Ясно ли я выражаюсь, моя дорогая, или, можетъ быть, не совсѣмъ понятно? Я иногда путаюсь, когда дѣло доходитъ до подробностей, но пока, кажется, все еще ясно.

— Я поняла все!—сказала Сара, не соображая: къ чему ведетъ такое вступленіе.

— Ну, хорошо. Подводные камни, можетъ быть, еще впереди, но пока мы плывемъ благополучно!—продолжалъ Армстронгъ.— Джентльменъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ послѣ дяди и по какой-то записи, найденной въ дядиныхъ бумагахъ, имѣлъ основаніе думать, что его дядя именно такимъ образомъ распорядился своими деньгами. Онъ попросилъ Давида навести справки по его дѣлу. Давидъ принялся рыться въ книгахъ, въ которыя заносились всѣ дѣла его хозяина за указанный періодъ времени, и напалъ на запись, по которой оказывалось, что этотъ джентль-

Digitized by Google

менъ могъ получить что-то около пяти тысячъ фунтовъ... Такая добрая дѣвушка, какъ вы, конечно, порадуетесь за этого господина?

Старикъ засмѣялся и крѣпко пожалъ ей руки.

— Конечно!—съ улыбкой отвѣтила она.—Надѣюсь, что этотъ джентльменъ отлично устроитъ свои дѣла! Но почему это вамъ такъ пріятно? Ужь не вы ли—этотъ господинъ? Впрочемъ, у васъ нѣтъ дяди!.. Не Давидъ ли? Нѣтъ! И у него нѣтъ дяди... Ахъ, дѣдушка! Ужь это не Клемъ ли? Вотъ бы я порадовалась за него!..

— Нѣтъ!—отозвался Армстронгъ.—Я никогда не слыхалъ ранѣе фамиліи этого джентльмена... Мы совсѣмъ не знаемъ этого человѣка, но все таки дай Богъ ему счастья!

— Разумѣется!—проговорила дѣвушка, въ недоумѣніи смотря на него.

— Пересматривая книги, Давидъ вдругъ увидалъ знакомое имя...—продолжалъ Армстронгъ.—Знаете, моя дорогая... Вы, кажется, будете очень богатой женщиной!

— Я?—переспросила Сара.

— Да!—отвѣтилъ старикъ. — Давидъ нашелъ въ книгѣ фамилію вашего отца. Тамъ ясно значилось: «Іовъ Роундъ изъ Конакъ-Коттэджа, Кастль-Барфильдъ»... Оказывается, что вашъ покойный отецъ при жизни сдѣлалъ переводъ изъ-за границы какихъ-то цѣнностей и помѣстилъ ихъ въ банкъ. Только дѣло въ томъ, что вы теперь же, немедленно, не можете получить этихъ денегъ... Не сильно ли я взволновалъ васъ, моя дорогая?

— Нѣтъ!—сказала Сара, съ удивленіемъ взглянувъ на него.—Отчего же мнѣ волноваться?

— Ну! На вашемъ мѣстѣ многіе потеряли бы голову!—замѣтилъ Армстронгъ—Впрочемъ, вѣдь вы никогда не интересовались мірскими благами... Безсребренница! Вы даже не спросите: какъ велика та сумма денегъ, о которой я вамъ говорю...

— Что жъ,—большая сумма?—спросила она.

Ея голова была занята совсѣмъ другими помыслами. Клемъ и дѣдушка Армстронгъ не должны болѣе ни въ чемъ нуждаться. Вѣдь ужь ей сказали, что она будетъ богата... Чего жъ еще ей болѣе!

— Я вамъ скажу, какъ велика эта сумма...—сказалъ старикъ, выпуская ея руки и роясь въ карманѣ сѣраго сюртука.—Давидъ мнѣ выписалъ всѣ цифры... Вотъ онѣ!.. Сумма, переведенная вашимъ отцомъ въ банкъ, равнялась 97,567 фунтамъ. Проценты, наросшіе на этотъ капиталъ, по словамъ Давида, составляютъ 19,563 фунта,—итого 117,130 фунт., а ежегодный доходъ съ нихъ

Digitized by Google

равняется 3,513 фунт., 18 шиллингамъ. Честное слово, даже трудно выговорить подобныя цифры! Во всю дорогу изъ Лондона сюда я чувствовалъ себя съ этими цифрами въ карманѣ, какъ будто уполномоченнымъ Ротшильда! Ну, поцѣлуйте же меня, дѣвица! Вотъ такъ!.. Да благословитъ васъ Богъ!.. Я радъ, моя милая, за васъ. Радъ отъ всего сердца...

— Какимъ же образомъ отецъ обладалъ такимъ богатствомъ?— съ удивленіемъ спрашивала Сара.—Откуда взялись эти деньги? И почему онъ ничего не говорилъ о нихъ?

— Ну, насчетъ этого ужь я ничего сказать не могу, да и едва ли кто нибудь въ состояніи будетъ отвѣтить на эти вопросы!— промолвилъ Армстронгъ.—Давидъ говоритъ, что деньги лежатъ уже въ теченіе двадцати одного года. Іовъ возвратился на родину изъ чужихъ краевъ 27 лѣтъ тому назадъ и, вѣроятно, тогда онъ привезъ съ собой деньги. Потомъ еще, можетъ быть, онъ счастливо пускалъ ихъ въ обороты и увеличилъ свой капиталъ...

— Вы говорили объ этомъ Клему?

— Ни слова!.. Дѣло, конечно, вѣрное, но надо еще исполнить нѣкоторыя формальности... Надо дѣлать все по порядку. Сначала вамъ слѣдуетъ обратиться къ юристу и сообщить ему всѣ данныя—имена и цифры. Въ банкѣ потребуютъ удостовѣренія вашего имени, и вы должны будете достать отъ администраціи удостовѣреніе о вашей личности и о состояніи вашего покойнаго отца. Послѣдній документъ вы получите изъ того учрежденія, которое завѣдываетъ дѣлами о наслѣдствахъ,—при этомъ, конечно, вы уплатите всякія пошлины и проч. Затѣмъ, всѣ эти удостовѣренія вы представите въ банкъ, а банкъ съ своей стороны сдѣлаетъ объявленіе въ газетахъ о вашемъ наслѣдствѣ—въ видахъ того, что кто нибудь можетъ заявить притязаніе на эти деньги. Банкъ назначитъ извѣстный срокъ, и если въ этотъ срокъ никто другой не явится, кромѣ васъ, капиталъ достанется вамъ...

— А какъ долго протянется вся эта процедура?—спросила Сара.—Еслибы только я была въ состояніи помочь Клему!

— Ну! денегъ у васъ на это хватитъ,—отозвался Армстронгъ,—но я боюсь, что бѣдный Клемъ не воспользуется вашею помощью!

Сильное удивленіе отразилось на ея лицѣ и она въ смущеніи посмотрѣла на Армстронга.

— Это почему? Клемъ откажется отъ моей помощи? Почему вы такъ думаете?—спросила она.

— Трубка моя потухла!—забормоталъ Эзекіиль, пробуждаясь изъ полубезсознательнаго состоянія.

Digitized by Google

Сара подошла къ нему, не переставая вопросительно смотрѣть на Армстронга.

— А кто тутъ?—говорилъ Эзекіиль.—Это ты, Армстронгъ? Ты пришелъ поиграть въ шахматы съ Іовомъ? Сара, голубушка, дай мнѣ сапоги!

— Позвольте мнѣ, дѣдушка, набить вамъ трубку!—сказала Сара.

— Не нужно мнѣ трубки! Подай мнѣ сапоги.

— Зачѣмъ вамъ сапоги?—возражала Сара.—Идетъ дождь... Вамъ нельзя выйти изъ дома,

— Можетъ быть, нельзя, а, можетъ быть, и можно...—настойчиво проговорилъ старикъ.—Дай же мнѣ сапоги!.. Армстронгъ! Ты помнишь Билля Гайнса, слѣпаго скрипача!—спросилъ Эзекіиль.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ Армстронгъ.—Я только слыхалъ объ этомъ человѣкѣ, но онъ умеръ ранѣе, чѣмъ я поселился въ Барфильдѣ.

— Теперь мнѣ 85 лѣтъ...—бормоталъ старикъ.—Да!.. Это было лѣтъ 60 тому назадъ... Въ ту пору я былъ парень шаловливый и гораздъ на всякія выдумки... На хвостъ его собаки однажды я привязалъ колокольчикъ... Собака бѣжитъ, а Билль за ней,—просто, ты умеръ бы со смѣху, еслибы увидалъ. Потомъ я далъ Биллю шесть пенсовъ, но онъ все таки не простилъ мнѣ этой шутки. И каждый разъ, какъ только, бывало, заслышитъ мой голосъ, сейчасъ и начнетъ напѣвать: «Эзекіиль Роундъ, ты умрешь въ сапогахъ, въ сапогахъ, въ сапогахъ!» Мы ужо посмѣемся съ Биллемъ, когда встрѣтимся... Дай же, Сара, мнѣ сапоги! Будь умная дѣвочка! Я хочу, чтобы исполнились предсказанія Билля...

— Дѣдушка! Вы не должны говорить такимъ образомъ!—перебила его Сара.—Вотъ ваша трубка! Возьмите же ее, пожалуйста... Будьте такъ добры!

— Мнѣ нужны сапоги!—повторялъ Эзекіиль.—Я получу свои сапоги,—или въ противномъ случаѣ долженъ буду узнать: кто здѣсь хозяинъ?

— Дайте ему сапоги, моя дорогая!—вмѣшался Армстронгъ.—Вѣдь это же ему не принесетъ вреда.

Сара подала сапоги и старикъ настоялъ на томъ, что ему нужно натянуть сапоги на ноги. Эта операція сильно утомила его, но онъ улыбнулся, когда дѣло было кончено, и пробормоталъ:

Digitized by Google

— Мы скоро увидимся съ Биллемъ—и тогда посмѣемся съ нимъ!

— Его странныя слова меня безпокоятъ...—замѣтилъ Армстронгъ.

— Онъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ не приходитъ въ разсудокъ!—отозвалась дѣвушка.—Теперь онъ, кажется, засыпаетъ... Что вы такое сказали мнѣ о Клемѣ?

— Мнѣ вовсе не слѣдовало бы ничего говорить, но, впрочемъ, вы и сами убѣдитесь въ истинѣ...—отвѣчалъ Армстронгъ.—

— Въ какой же истинѣ, дѣдушка?.. Неужели Клемъ ненавидитъ меня?—спросила она.

Лицо ея затуманилось и поблѣднѣло, и прелестная грудь высоко поднималась подъ тканью платья.

— Если я не могу помочь ни вамъ, ни Клему, то въ такомъ случаѣ зачѣмъ мнѣ деньги!.. Да почему же Клемъ откажется принять отъ меня помощь?

— Предоставьте мнѣ устроить это дѣло съ Клемомъ, моя дорогая! Вотъ и все!.. Больше я ничего не скажу!—проговорилъ Армстронгъ.

— Но вы, дѣдушка, должны сказать,—право, должны... Что я такое сдѣлала Клему?

— Ничего, моя дорогая,—рѣшительно ничего! Онъ вполнѣ дружески расположенъ къ вамъ... Оставимъ теперь это!.. И я—старый дуракъ—сунулся не въ свое дѣло... Ни слова болѣе, моя дорогая!

Сара даже заплакала при мысли, что Клемъ ничего не захочетъ взять изъ ея рукъ. Она всегда такъ любила Клема...

— Дѣдушка, скажите же мнѣ всю правду! Скажите!—жалобнымъ тономъ заговорила она, кладя руку ему на плечо.

Армстронгъ видимо сдѣлался безпокоенъ, замѣтивъ слезы на ея глазахъ.

— Скажите: почему Клемъ откажется отъ моей помощи, если я буду въ состояніи предложить ее?—продолжала Сара.

— Ну!—со вздохомъ промолвилъ старикъ. Онъ возьметъ ваши деньги только вмѣстѣ съ вами,—не иначе... Понимаете? Онъ не приметъ милостыни отъ любимой дѣвушки!

Если мы скажемъ, что Сара удивилась, то не выразимъ и половины того, что въ эту минуту почувствовала дѣвушка. Она вспыхнула и закрыла лицо руками, но, впрочемъ, вскорѣ отняла ихъ.

— Зачѣмъ вы, дѣдушка, вбиваете мнѣ въ голову такія глупости!—пробормотала она.

Digitized by Google

— Что жъ дѣлать, милая!—отозвался старикъ. Я не мудрецъ... Но все таки вижу, что у меня происходитъ передъ глазами... Уже лѣтъ 8 или 9 онъ влюбленъ въ васъ... Вы, конечно, поможете Клему, но вы должны для этого придумать средство... Я знаю этого молодца и вполнѣ убѣжденъ, что онъ не возьметъ отъ насъ милостыни.

— Клемъ не имѣетъ права считаться со мной!—почти съ горечью сказала Сара,—и если не захочетъ раздѣлить со мной деньги, то я скажу ему, что не дотронусь до нихъ. Желала бы я знать: какъ онъ смѣетъ запретить мнѣ распоряжаться деньгами по своему усмотрѣнію...

Эта женская логика, очевидно, забавляла Армстронга. Онъ съ улыбкой смотрѣлъ на свою внучку.

— Ну! Я надѣюсь: вы какъ нибудь поладите между собой!—сказалъ ей старикъ.—Теперь у насъ дѣло болѣе серьезное на рукахъ. Не сходить ли мнѣ къ стряпчему отъ вашего имени? Здѣсь легче найти порядочнаго адвоката,—къ тому же здѣсь васъ знаютъ всѣ... Не нужно тратить дня напрасно:—чѣмъ скорѣе примемся за дѣло, тѣмъ скорѣе кончимъ его.

— Не нужно ли мнѣ сходить съ вами?—спросила она.

— Пока не надо,—отвѣтилъ Армстронгъ.—Да вамъ и нельзя теперь оставить старика одного. Черезъ часъ я возвращусь и тогда попрошу у васъ чашку чая.

Онъ надѣлъ пальто, взялъ зонтикъ и вышелъ. Сара принялась за шитье, но, сдѣлавъ два-три стежка, оставила работу. Странныя новости принесъ ей нынѣшній день... «Сердце Клема для любящей женщины стоитъ дороже всякихъ сокровищъ!» думала она.

Сара всегда любила его, но никогда не думала о немъ, какъ о женихѣ. А если Клемъ, въ самомъ дѣлѣ, согласится быть богатымъ лишь съ однимъ условіемъ? А если ни на какомъ другомъ условіи онъ не согласится раздѣлить съ нею и бѣдность?.. Она вспыхнула, опять закрыла лицо руками и погрузилась въ думы.

А дѣдушка Роундъ крѣпко спалъ передъ каминомъ...

V.

Медаль висѣла бокомъ въ окнѣ, и Клемъ могъ видѣть ее съ обѣихъ сторонъ. Онъ вытеръ рукавомъ мокрое стекло и пытался разобрать надпись, но освѣщенная поверхность медали такъ блестѣла, что Клемъ ничего не могъ разглядѣть на ней, кромѣ

Digitized by Google

слова: «Скала» и цифръ: «42°49'». Но относительно медали ошибки не могло быть. Іовъ, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, не однажды бралъ Клема къ себѣ на колѣни, когда тотъ былъ еще ребенкомъ, и Клемъ не однажды держалъ въ рукахъ эту блестящую вещицу. Іовъ разсказывалъ ему интересныя исторіи, а Клемъ игралъ его медалью. Ему не надо было долго разсматривать медаль. Клемъ скоро узналъ ее, какъ узнаютъ, обыкновенно, лицо друга послѣ продолжительной разлуки.

Клемъ переродился. Мрачный Флитъ-Стритъ исчезъ для него; клерки, бѣжавшіе по своимъ дѣламъ, толкали эту маленькую сгорбленную фигуру. На мгновенье бѣднякъ перенесся мысленно ко днямъ ранняго дѣтства, въ Кастль-Барфильдъ: онъ видѣлъ солнышко, свѣтившее надъ мирными полями; мычанье стадъ вдали явственнѣе слышалось ему, чѣмъ стукъ и грохотъ кэбовъ и омнибусовъ, катившихся по мостовой,—и прелестное личико низко наклонялось къ нему. Отъ мрачнаго отчаянія онъ перешелъ опять къ самымъ радужнымъ надеждамъ.

Послѣ первыхъ порывовъ душевной бури, Клемъ ощутилъ спокойствіе—то спокойствіе, которое дается человѣку съ рѣшительно принятымъ намѣреніемъ. Въ тѣ минуты онъ совсѣмъ не думалъ о себѣ; онъ думалъ только о Сарѣ...

Вдругъ одна ужасная мысль обдала его холодомъ. Въ Лондонѣ не было ни одного милліонера, который, узнавъ то, что́ зналъ Клемъ, не пожелалъ бы съ радостью заплатить 20 тысячъ фунтовъ за эту маленькую медаль... И вотъ эта медаль виситъ въ окнѣ лавки, въ самомъ центрѣ торговаго Лондона, и каждый прохожій, заглянувшій въ окно, можетъ всякую минуту купить ее изъ любопытства, ради курьеза, или же какъ нибудь догадавшись объ ея настоящей стоимости. Онъ порывался отойти отъ окна и все медлилъ. Конечно, онъ уйдетъ только на короткое время, ненадолго, и немедленно возвратится сюда съ деньгами, чтобы пріобрѣсти эту драгоцѣнную медаль. Но онъ смертельно боялся, чтобы въ то время, пока онъ ходитъ за деньгами, кто нибудь не купилъ ея... Когда онъ такимъ образомъ волновался и не зналъ, что ему дѣлать,—часы пробили семь. Обуреваемый страхомъ, онъ чуть не бѣгомъ побѣжалъ въ контору нотаріуса.

Весь дрожа и задыхаясь, дошелъ онъ до двери конторы и съ большимъ трудомъ овладѣлъ настолько своимъ волненіемъ, чтобы быть въ состояніи явиться передъ нотаріусомъ.

— Я могъ бы оставить ваши деньги клерку для передачи вамъ,—сказалъ ему нотаріусъ,—но мнѣ нужно было лично повидаться съ вами. Стряпчіе съ той стороны—Гудсонъ, Сонъ и

Digitized by Google

Кэфъ—сообщаютъ мнѣ изъ Кастль-Барфильда, что ихъ кліенты готовы выкупить залогъ.

— Отлично!—отозвался Клемъ, держась за спинку кресла, чтобы не упасть.—Это-то мнѣ и надо! Я хочу попросить у васъ сегодня два фунта десять шиллинговъ. Если вы сами пожелаете выкупить залогъ, то я уступлю вамъ 50 фунтовъ—только съ тѣмъ условіемъ, что вы мнѣ выдадите чекъ на понедѣльникъ. Я уѣзжаю за границу. У меня есть очень важное дѣло, не терпящее отлагательства. Я не могу промедлить ни одного дня...

— Дайте мнѣ время подумать!—промолвилъ стряпчій.

— Я полагаю, вамъ не часто приходится заработывать по 50 фунтовъ въ день!—говорилъ Клемъ.—Сдѣлайте переводъ—и я вамъ скину 50 фунтовъ. Я буду у васъ въ понедѣльникъ. А еще бы лучше, еслибы можно было завтра же устроить это дѣло!

— Что съ вами, Бечъ? Ужь не хотите ли вы обокрасть банкъ!—шутливо замѣтилъ нотаріусъ.

— У меня очень спѣшное дѣло за границей!—отвѣчалъ Клемъ.—Такъ желаете ли вы выкупить залогъ на тѣхъ условіяхъ, какія я предлагаю вамъ, или мнѣ обратиться въ другое мѣсто?

— Вы уплатите расходы по переводу. Извольте, я согласенъ!

— Когда же мнѣ прійти? Въ понедѣльникъ утромъ, въ десять часовъ? Дайте же мнѣ теперь пять фунтовъ, вмѣсто двухъ, которые я у васъ просилъ! У меня есть кое-какіе долги, и если я уплачу ихъ завтра, то въ понедѣльникъ у меня однимъ дѣломъ будетъ меньше...

— Вы сильно возбуждены, Бечъ!—замѣтилъ нотаріусъ —Въ чемъ дѣло? Ужь вы не имѣете ли въ виду разбогатѣть?

— Я ѣду за границу за полученіемъ 50 тысячъ фунтовъ!—дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Клемъ.

Нотаріусъ вытаращилъ глаза.

— Не задерживайте меня, пожалуйста! Время для меня дорого... просилъ его Клемъ. Позвольте мнѣ получить пять фунтовъ!

— Все это—очень странно, конечно! Распишитесь и получите деньги. У меня есть обезпеченіе. Намъ безпокоиться не о чемъ...

Клемъ расписался, получилъ деньги и направился къ лавкѣ закладчика, замирая отъ страха при мысли, что медаль уже исчезла изъ окна. Но медаль оказалась на своемъ мѣстѣ и вскорѣ очутилась у него въ рукахъ. Онъ крѣпко прижалъ ее къ груди обѣими руками и пошелъ домой сквозь дождь и вѣтеръ съ такою легкостью, съ какою душа, освободившись отъ земныхъ оковъ, перелетаетъ небесныя пространства. Желтые огни газовыхъ фонарей мерцали во мракѣ, какъ поминутно смежающіеся глаза

Digitized by Google

пьянаго; прохожіе, сновавшіе по скользкому тротуару, то и и дѣло толкались но въ душѣ его было тепло, свѣтло, спокойно...

Придя въ свою грязную каморку, онъ зажегъ свѣчу, сѣлъ и сталъ разсматривать медаль. Онъ поцѣловалъ ее и подъ вліяніемъ воспоминаній о минувшихъ лучшихъ дняхъ заплакалъ надъ нею... Затѣмъ онъ горячо возблагодарилъ Бога за Сару. Онъ долго разсматривалъ медаль со всѣхъ сторонъ—такъ что выучилъ наизустъ всѣ слова и знаки, какіе были вырѣзаны на ней. Вотъ что было начертано на этой роковой медали:

«42° 49¹ широты; 21° 32¹/₂ долготы».

Ниже значилось изображеніе скалы очень странной формы и надъ нею надпись: «Скала». Рядомъ съ этимъ изображеніемъ была какая-то неправильная фигура и внутри ея слово «Озеро», а рядомъ—опять маленькій рисунокъ скалы. Въ самомъ центрѣ медали была начертана довольно большая неправильная фигура и подъ нею надпись: «Гора Баба - Конакъ. Озеро у подошвы. Югъ— и еще ниже слова: «Между озеромъ и скалой. По прямой линіи». (Всѣ эти надписи были на французскомъ языкѣ).

Клемъ опять вышелъ изъ дома, крѣпко зажавъ руку со своимъ сокровищемъ и опустивъ ее въ карманъ. Въ воображеніи его невольно создавались ужасныя картины всевозможныхъ случайностей, при которыхъ онъ могъ потерять свою завѣтную медаль. Но въ глубинѣ души онъ былъ увѣренъ, что провидѣніе предназначило ему быть вѣстникомъ радости для Сары. Онъ купилъ чернилъ, бумаги и, придя домой, сѣлъ писать.

Онъ рѣшился записать все, что́ зналъ о таинственныхъ богатствахъ, и кстати разсказать о своей удивительной находкѣ. Онъ ничего не зналъ и поэтому ничего не могъ сказать о томъ, откуда взялись эти деньги первоначально, ибо Боулингъ, по инстинкту самосохраненія, совершенно умолчалъ о чудовищномъ мошенничествѣ, устроенномъ въ Дель-Оро. Клемъ только зналъ, что партія искателей приключеній зарыла деньги гдѣ-то въ Балканскихъ горахъ, много лѣтъ тому назадъ, что эти искатели приключеній были преслѣдуемы шайкой еще болѣе отчаянныхъ сорванцовъ и для спасенія своихъ сокровищъ вынуждены были зарыть ихъ въ землю, что впослѣдствіи, когда они возвратились къ своему кладу, на нихъ напала стража, и имъ опять пришлось бѣжать, а деньги остались въ землѣ. Послѣ того, Клемъ записалъ какъ новая шайка, къ которой принадлежалъ и Іовъ Роундъ, уже спустя много времени, провѣдала объ этой тайнѣ, но какимъ образомъ она проникла въ эту тайну,—Клемъ опять таки ничего не зналъ и не могъ ничего сказать по этому поводу. Двое изъ

Digitized by Google

этой шайки принуждены были оставить свою долю добычи,—и она по сіе время лежитъ тамъ. Онъ самымъ подробнымъ образомъ описалъ медаль и пояснилъ, что даетъ это описаніе въ видахъ того, что его предпріятіе можетъ не удаться, такъ какъ онъ человѣкъ слабый, хворый, хотя и вѣритъ, что провидѣніе поможетъ ему и будетъ его руководителемъ и хранителемъ до конца.

Составленіе этого меморандума заняло часа три. Закончивъ его, Клемъ приписалъ еще слѣдующія строки:

«Если это дѣло мнѣ не удастся покончить, то Сара найдетъ болѣе сильнаго и способнаго человѣка для доведенія этого предпріятія до конца. Но я прошу васъ—именемъ нашей старой дружбы—не безпокоить ея ни единымъ словомъ по поводу этого дѣла до тѣхъ поръ, пока я не извѣщу васъ о результатахъ или—вообще—ранѣе трехъ мѣсяцевъ. Вы можете говорить ей, что получаете отъ меня извѣстія самаго успокоительнаго свойства, что я уѣхалъ за границу по очень важному и интересному для меня дѣлу. Если я не возвращусь,—хоть я этого не думаю, но въ мірѣ все возможно,—тогда вы скажите ей, что я сдѣлалъ для нея все, что могъ, что я всю жизнь хотѣлъ посвятить ей. Если я смогу выполнить свое дѣло, то буду счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ, а если меня постигнетъ неудача, то это будетъ только значить, что дѣло оказалось мнѣ не по силамъ, но въ желаніи и въ доброй волѣ у меня нѣтъ и не будетъ недостатка, потому что я иду впередъ съ мыслью о ней»...

Онъ старательно запечаталъ свою рукопись, адресовалъ ее Армстронгу и заперъ въ комодъ. Затѣмъ онъ снялъ жилетъ, распоролъ подкладку и зашилъ туда медаль. Съ тѣхъ поръ какъ Клемъ поселился въ Лондонѣ, онъ научился шить и самъ чинилъ себѣ платье. Онъ положилъ жилетъ подъ подушку и легъ спать. Сердце его было спокойно: въ мечтахъ онъ уже достигъ своей цѣли. Хотя въ письмѣ онъ и говорилъ о возможности неудачнаго исхода своего предпріятія, но въ душѣ онъ не допускалъ подобной возможности и глубоко вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду. Послѣ смерти Іова и бѣгства Аарона Виттекера, причинившаго ему немало горя, тревогъ и заботъ, онъ еще ни разу не спалъ такъ спокойно, какъ въ эту ночь, когда подъ подушкой у него лежала завѣтная медаль.

На утро погода была ясная, вполнѣ гармонировавшая съ душевнымъ настроеніемъ Клема. Армстронгъ—также веселый и сіяющій—явился къ нему, по обыкновенію, со своимъ воскреснымъ визитомъ.

Digitized by Google

— Клемъ, дружище! Вы совсѣмъ преобразились!—сказалъ онъ, увидавъ на лицѣ Клема выраженіе радостной рѣшимости.

— Да! Я преобразился!—отозвался тотъ.—Провидѣніе вело меня неисповѣдимыми путями до сего времени... Теперь, кажется, скоро кончатся темные дни. Господь сжалился надо мной...

Армстронгъ крѣпко пожалъ руку Клему и весело кивнулъ головой.

— И у насъ тоже хорошія новости... сказалъ онъ.—Недѣли черезъ двѣ—можетъ быть и ранѣе—я сообщу ихъ вамъ и вы порадуетесь вмѣстѣ со мной. Вы теперь не должны спрашивать меня, потому что я подъ честнымъ словомъ обязался молчать. Мнѣ и самому хотѣлось бы немедленно разсказать вамъ эту новость, но я связанъ теперь... А ужь порадовалъ бы я васъ!

— Едва ли ваша новость поразительнѣе моей!—возразилъ Клемъ.—Но я пока также умолчу о своей новости...

— Побьюсь объ закладъ, что ваша новость не можетъ идти и въ сравненіе съ моей, какъ муравей не можетъ идти въ сравненіе со слономъ!—вскричалъ съ жаромъ Армстронгъ.—Но, Бога ради, перемѣнимъ разговоръ! Я боюсь, чтобы мнѣ какъ нибудь не проговориться...

— Я радъ, что у васъ такія хорошія новости...—съ недовѣрчивой улыбкой промолвилъ Клемъ,—и затѣмъ перемѣнилъ разговоръ.

Они весело, дружно побесѣдовали, и Клемъ на прощанье крѣпко обнялъ и поцѣловалъ старика. Кто знаетъ: можетъ быть, они болѣе не увидятся!

Остальное время дня Клемъ провелъ спокойно; ночь, какъ и наканунѣ, спалъ отлично. Поутру, уплативъ свои небольшіе долги и уложивъ пожитки, онъ нанялъ кэбъ и поѣхалъ къ нотаріусуНайту, взявъ съ собой и письмо къ Армстронгу. Онъ намѣревался послать его не ранѣе, какъ съ дороги.

Найтъ уже поджидалъ его съ готовымъ документомъ, и Клемъ, подписавъ его и получивъ чекъ, отправился за деньгами въ банкъ. Затѣмъ онъ купилъ лучшую карту Балканскихъ горъ, какую только могъ найти, пріобрѣлъ револьверъ, карманный компасъ и турецкій словарь. О Турціи вообще у него было немало свѣдѣній, ибо Боулингъ часто говорилъ съ нимъ объ этой странѣ; онъ зналъ, напримѣръ, какъ далеко внутрь страны проникаютъ дороги, какимъ образомъ удобнѣе тамъ странствовать и въ какое время года Балканскія горы становятся недоступными для путешественника.

Digitized by Google

Запасшись теплой, зимней одеждой, Клемъ отправился въ путь. Онъ никогда еще не уѣзжалъ изъ Англіи и теперь, очутившись въ Кале, гдѣ нѣсколько часовъ приходилось ждать поѣзда, Клэмъ, бродя по улицамъ, къ удивленію сознавалъ, что этотъ первый иностранный городъ гораздо менѣе казался ему иностраннымъ, чѣмъ онъ предполагалъ. Отсюда онъ послалъ письмо Армстронгу. И здѣсь—бродилъ ли онъ по люднымъ улицамъ, стоялъ ли на берегу канала, задумчиво смотря на волны, плескавшіяся у его ногъ—мечта о зарытыхъ богатствахъ не покидала его ни на мгновенье. Онъ отправился далѣе,—но теперь душевное спокойствіе, не оставлявшее его до тѣхъ поръ, стало мало по малу заволакиваться какъ бы туманомъ, сквозь который онъ рѣшительно не могъ ничего ясно различать. Золото, зарытое въ далекихъ горахъ, начало казаться ему единственнымъ дѣйствительно существующимъ предметомъ въ мірѣ. Кельнъ, Франкфуртъ, Вѣна промелькнули передъ нимъ какъ призраки, какъ тѣни. Рейнъ, о которомъ онъ такъ давно мечталъ, показался ему также призрачнымъ, хотя онъ видѣлъ его теперь во всемъ блескѣ осеннихъ прелестей. Въ стукѣ и грохотѣ вагоновъ Клему постоянно слышались все одни и тѣ же слова: «Золото зарыто въ горахъ. Ура! впередъ! впередъ! Золото, золото!» Ему даже стало чудиться, что и другіе пассажиры, ѣхавшіе вмѣстѣ съ нимъ, могли также явственно, какъ онъ, слышать эти слова. И, наконецъ, эти слова все яснѣе и яснѣе стали слышаться ему и во снѣ, и наяву. Когда онъ поплылъ по Дунаю въ Никополь, колеса парохода, взбивая и пѣня волны, казалось, глухо говорили ему: «Золото зарыто въ горахъ! Впередъ! Ты его найдешь!» И въ плескѣ морскихъ волнъ, и въ уличномъ городскомъ шумѣ, и въ грохотѣ вагоновъ—повсюду Клему слышался одинъ и тотъ же напѣвъ. Колеса той телѣги, на которой онъ ѣхалъ въ Плевну, наскрипывала тотъ же мотивъ. Изъ Плевны онъ поѣхалъ на югъ,—и тѣ же слова, тѣ же напѣвы слышались ему въ мѣрномъ шагѣ его лошади.

Жители той страны встрѣчали его повсюду хотя не съ изысканной вѣжливостью, но постоянно радушно и гостепріимно... Въ ту пору начались дожди и дороги превратились въ болота и трясины. Для предохраненія отъ дождя, Клемъ купилъ кожаный плащъ и такую же шапку. Недостаточное знаніе языка послужило ему въ пользу, избавивъ отъ излишнихъ разспросовъ и отвѣтовъ. Но онъ хорошо зналъ, что опасности еще—впереди... Страна волновалась; тамъ и сямъ вспыхивало пламя

Digitized by Google

возстанія, а правительство дѣлало опыты, нельзя ли потушить пожаръ.

Ни начинавшееся броженіе въ странѣ, ни собственная физическая слабость не останавливали Клема. Сила любви—могущественна... Зарытыя богатства только и ожидали того, чтобы рука Клема извлекла ихъ на свѣтъ изъ мрачныхъ нѣдръ земли. Эти деньги принадлежали *ей* и могли порадовать ее. Клемъ могъ дать ей все то, что́ она любила, къ чему уже привыкла съ дѣтства; Клемъ могъ дать ей возможность заниматься музыкой, литературой—и, наконецъ, возможность помогать бѣднымъ... Эта мысль одушевляла его, дѣлала сильнымъ, мужественнымъ, вселяла въ него духъ героя.

Клемъ безостановочно, день за днемъ, подвигался впередъ—все далѣе на югъ. Наконецъ, дождь пересталъ и ясное небо—предвѣстникъ приближавшейся зимы—опять засіяло надъ головой путника. А онъ все ѣхалъ, почти вовсе не обращая вниманія на происшедшую перемѣну. Онъ, наконецъ, добрался до Орханіэ и тутъ узналъ, что былъ уже близко къ цѣли своего путешествія. Крытая желѣзомъ, кровля сельской церкви блестѣла почти рядомъ съ бѣлымъ минаретомъ мусульманской мечети, и голосъ муэззина слышался издалека. Высокія горы громоздились за Орханіэ, озаренныя послѣдними лучами заходящаго солнца.

Клемъ остановился на небольшомъ постояломъ дворѣ. Поутру онъ опять сѣлъ на лошадь й отправился по направленію къ горамъ, привязавъ мотыку и заступъ къ лукѣ сѣдла. Дорога въ Ташкисенъ вилась передъ нимъ, поднимаясь все выше, и чѣмъ далѣе онъ ѣхалъ, тѣмъ горы становились суровѣе и мрачнѣе. Сѣрое, свинцовое небо и пронзительный вѣтеръ предвѣщали снѣгъ.

Проѣхавъ миль шесть, Клемъ увидѣлъ, что дорога круто поворачивала къ западу, и догадался, что онъ достигъ мѣста, гдѣ нужно сойти съ дороги и углубиться въ горы. Влѣво по скату горы вилась тропинка. Клемъ соскочилъ съ сѣдла и повелъ свою лошадь по этой узкой и чрезвычайно неудобной дорожкѣ. Онъ страшно волновался, нѣсколько разъ принужденъ былъ останавливаться, чтобы перевести дыханіе, и только чрезъ часъ поднялся на самую вершину горы, гдѣ представилась ему картина дикаго, грознаго величія... Здѣсь онъ помедлилъ нѣсколько минутъ, какъ бы собираясь съ силами, и въ то же время подумалъ о томъ, что черезъ нѣсколько дней, можетъ быть, станетъ разсказывать Сарѣ о своихъ теперешнихъ приключеніяхъ.

Внизу, въ долинѣ блестѣло небольшое озеро, и никакой дру-

Digitized by Google

гой воды въ окрестностяхъ не было видно, хотя Клемъ могъ видѣть на много миль вокругъ. Онъ уже различалъ формы горы Баба-Конакъ и видѣлъ за озеромъ скалу, всю поросшую мохомъ и соотвѣтствовавшую по виду изображенію, вырѣзанному на медали. Онъ пришелъ на это мѣсто и привязалъ свою лошадь къ небольшому корявому деревцу. Вообще, зелени и кустарниковъ здѣсь было мало. Мѣстность была дикая и пустынная. Клемъ взялся за заступъ и на половинѣ разстоянія между озеромъ и скалой принялся рыть.

Силы не позволяли ему запускать глубоко заступъ въ землю, но все таки онъ работалъ съ такимъ жаромъ, съ какимъ работаетъ человѣкъ, когда дѣло идетъ о жизни и смерти. Вдругъ заступъ его ударился обо что-то твердое и Клемъ невольно шатнулся впередъ. Онъ ступилъ ногой въ вырытую яму, расчистилъ землю и увидалъ два сундука, связанные кожанымъ ремнемъ. Теперь онъ принялся работать, какъ изступленный, хотя силы его съ каждой минутой ослабѣвали все болѣе и болѣе. Наконецъ, одинъ изъ ящиковъ былъ отрытъ, и Клемъ сталъ вынимать его изъ ямы, гдѣ тотъ лежалъ многіе годы, но отъ слобости и волненія уронилъ его, ящикъ раскололся и крышка слетѣла съ него. Клемъ заглянулъ въ сундукъ и ничего не нашелъ тамъ, кромѣ земли. Онъ опустился на колѣни и сталъ шарить въ сундукѣ. Въ немъ оказалась только земля и больше ничего!... Съ отчаяніемъ принялся онъ вырывать другой сундукъ и, весь дрожа и замирая, открылъ его. И въ этомъ сундукѣ—только одна земля...

Внизу оказались еще два маленькихъ ящика, также перевязанныхъ кожанымъ ремнемъ. Надежда опять пробудилась въ сердцѣ Клема... но и въ этихъ послѣднихъ ящикахъ онъ ничего не нашелъ, кромѣ земли... Ничего, ничего нѣтъ! Что жъ это такое?.. Только одна англійская гинея блестѣла на землѣ—въ видѣ злой насмѣшки.

Клемъ въ безсиліи опустился на краю ямы, склонилъ голову и закрылъ лицо руками... Снѣжные хлопья кружились въ холодномъ воздухѣ. Лошадь сорвалась съ привязи и бродила по долинѣ, щипля скудную сухую траву, пробивавшуюся изъ земли. Клемъ сидѣлъ неподвижно, ни на что не обращая вниманія. А снѣгъ валилъ все сильнѣе и заносилъ его.

Digitized by Google

VI.

Грекъ, содержавшій грязный постоялый дворъ въ Орханіэ, стоялъ у своей двери, засунувъ руки въ рукава теплой мѣховой одежды, и смотрѣлъ на небо, покрытое сѣдыми облаками.

— Аѳанасій! А вѣдь сегодня будетъ снѣгъ!—замѣтилъ онъ своему фактотуму.

— Непремѣнно!—отозвался тотъ.—Снѣгу выпадетъ столько, что онъ сравняетъ весь Буюкъ-Балканъ...

— Кто жъ это ѣдетъ? На тройкѣ... Да!—говорилъ хозяинъ, смотря по улицѣ вдаль.—Бѣги скорѣе! Затопи каминъ, подбрось побольше дровъ... да зажги лампу въ комнатѣ! Шевелись же! Ты ползаешь, какъ червякъ...

Экипажъ, запряженный тройкой, съ шумомъ катился по изрытой мостовой. Извощикъ-турокъ, съ пистолетами и съ кинжаломъ за поясомъ, сидѣлъ на козлахъ. Въ экипажѣ сидѣли двое мужчинъ и одна женщина. Одинъ изъ путниковъ былъ молодой, довольно полный мужчина, другой—сѣдой старикъ съ морщинистымъ лицомъ. Женщина была молода и красива.

— Спросите: не проходилъ ли онъ здѣсь?—сказалъ старикъ по англійски.

— Стой!—крикнулъ по турецки его спутникъ,—и кучеръ разомъ осадилъ лошадей передъ дверью постоялаго двора.

Затѣмъ, сразу угадавъ національность хозяина постоялаго двора, переводчикъ обратился къ нему по гречески:

— Не былъ ли здѣсь сегодня одинъ англичанинъ?.. Небольшаго роста, горбатый человѣкъ?..

— Онъ уѣхалъ отсюда сегодня утромъ!—отвѣчалъ хозяинъ, снявъ почтительно шапку.—Онъ отправился въ Ташкисенъ. Теперь онъ ужь тамъ!

Толстякъ быстро перевелъ отвѣтъ по англійски. Старикъ и его спутница выразительно переглянулись.

— Слава Богу! Мы поспѣли во время!—сказала молодая женщина.

— Спросите: не знаетъ ли онъ гору Баба-Конакъ?—продолжалъ старикъ.

Да! грекъ зналъ ее очень хорошо и показалъ рукой по направленію къ горамъ.

— Спросите: не знаетъ ли онъ озера къ югу отъ этой горы?

Да! Онъ зналъ и это озеро.

— Узнайте: какъ далеко отсюда это мѣсто?

Digitized by Google

— Восемь миль, но часа четыре очень труднаго пути!—отвѣчалъ переводчикъ.

— Намъ нужно сейчасъ же отправиться туда!—сказала старику его спутница.—Начинается мятель... Онъ можетъ погибнуть въ горахъ!

— Не хотите ли вы быть нашимъ проводникомъ?—спросилъ хозяина переводчикъ.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ тотъ.— Сегодня будетъ снѣгъ... Видите, онъ уже идетъ! Черезъ два часа наступитъ ночь... Нѣтъ, я не пойду!

— Сара, дорогая моя! Намъ все таки надо ѣхать...—сказалъ старикъ, когда переводчикъ передалъ отвѣтъ грека.—Вѣдь дѣло идетъ о его жизни и смерти...

— Да! Мы должны ѣхать!—отозвалась та.—Здѣсь, вѣроятно, найдутся желающіе проводить насъ въ горы.

— Еще бы! хоть сотня человѣкъ...—сказалъ переводчикъ.

— Достаньте намъ людей, пожалуйста!—съ умоляющимъ видомъ обратилась къ нему путница.—Достаньте факеловъ, фонарей и дровъ,—мы возьмемъ дрова къ себѣ въ экипажъ, чтобы тамъ на мѣстѣ развести костеръ. Далеко ли мы можемъ ѣхать въ экипажѣ къ озеру, у подошвы Баба-Конакъ?

— Часа полтора пути!—уныло отвѣтилъ грекъ, разсчитывавшій на посѣтителей и, вмѣсто того, вынужденный только отвѣчать на вопросы.

— Дорога хороша?

— Довольно сносная...

— Скажите ему,—проговорилъ старикъ,—чтобы онъ нашелъ намъ человѣкъ шесть сильныхъ, здоровыхъ проводниковъ. Обѣщайте каждому изъ нихъ по лирѣ. Скажите ему, что если черезъ 20 минутъ онъ устроитъ это дѣло, то и на его долю достанется лира!

Переводчикъ передалъ эти слова греку, только замѣнивъ лиру другою, болѣе мелкою монетой, равнявшейся по стоимости четверти лиры. Грекъ, сломя голову, бросился исполнять порученіе.

— Вы останетесь здѣсь, дѣдушка, и подождете насъ!—сказала Сара.—Мы найдемъ его.

— Я не останусь здѣсь, а пойду съ вами!—возразилъ Армстронгъ.—Неужели вы думаете, что я не въ силахъ пройти часа два по холоду?

— Дѣдушка! Вамъ будетъ трудно идти...

— Трудно или не трудно, а я все таки пойду!—настойчиво

Digitized by Google

говорилъ Армстронгъ.—Когда я почувствую себя не въ силахъ, тогда остановлюсь, а пока могу—не отстану отъ васъ... Нужно найти его живаго или мертваго!

— Какова дорога къ озеру, у подошвы Баба-Конакъ?—спросилъ переводчикъ.

— Сквернѣйшая!—отвѣтилъ тотъ.

— Онъ говоритъ, что дорога очень дурна!—промолвилъ переводчикъ, обращаясь къ путникамъ,—и затѣмъ, опять спросивъ, передалъ старику:—Для леди дорога не будетъ слишкомъ тяжела.

— Сегодня, впрочемъ, женщинѣ не дойти туда,—замѣтилъ грекъ.—Черезъ часъ, снѣгу нападетъ на аршинъ.

Переводчикъ промолчалъ, не находя нужнымъ передавать эти слова путникамъ.

— Мистеръ Брюисдаль! Вонъ идутъ люди!—вскричала Сара.—Нельзя ли достать поскорѣе дровъ? Да еще хорошо бы добыть теплыя одѣяла. Они могутъ понадобиться...

— Все будетъ исполнено по вашему желанію!—отозвался переводчикъ.

Хозяинъ постоялаго двора привелъ шесть человѣкъ турокъ, изъ которыхъ одинъ несъ зажженный факелъ, хотя были еще сумерки, а остальные держали факелы наготовѣ. Послѣднія приготовленія были кончены, переводчикъ прыгнулъ въ экипажъ—и отрядъ тронулся въ путь. Снѣгъ валилъ густыми хлопьями и скоро покрылъ дорогу, какъ бѣлою мягкою скатертью; только по звону колокольчиковъ, привязанныхъ къ шеѣ лошадей, можно было догадываться, что экипажъ подвигался впередъ. Черезъ полчаса стемнѣло, и люди, покрытые снѣгомъ, медленно, молча двигавшіеся посреди вихря снѣжныхъ хлопьевъ, крутившихся въ воздухѣ, при красноватомъ свѣтѣ факела,—представляли странную, фантастическую картину, словно вырванную изъ призрачнаго міра мечтаній и грезъ...

Наконецъ, отрядъ достигъ тропинки, по которой восемь часовъ передъ тѣмъ проходилъ Клемъ. Экипажъ остановился.

— Вы здѣсь долго пройдете пѣшкомъ!—сказалъ извощикъ.—Лошади мои продрогнутъ на холодѣ. Я возвращусь въ Орханіэ, но—если будетъ возможность—пріѣду за вами...

Драгоманъ перевелъ путешественникамъ его слова. Армстронгъ и Сара очень хорошо понимали всю опасность своего положенія.

— Дѣдушка! Возвратитесь назадъ!—упрашивала Сара.—Я—

Digitized by Google

молода и сильна, и съ этими людьми мнѣ бояться нечего. Это—храбрые люди, по глазамъ видно... Они хорошо знаютъ горы...

— Я пойду съ вами!—настойчиво проговорилъ Армстронгъ.

Но тутъ переводчикъ пришелъ на помощь къ Сарѣ.

— Этотъ старикъ мужественъ, какъ левъ, — сказалъ онъ проводникамъ по турецки,—но онъ не въ состояніи карабкаться по горамъ. Женщина способна идти также хорошо, какъ любой изъ насъ. Посмотрите на нее! И она пойдетъ. Но вы должны удержать старика. Скажите ему, что вы не возьмете его съ собой!..

Тогда турки въ одинъ голосъ заявили, что они не могутъ взять съ собой старика,—и драгоманъ перевелъ ихъ слова.

— Ну, въ такомъ случаѣ, идите съ Богомъ—и оставьте меня здѣсь!—промолвилъ Армстронгъ. — Ступайте! Только прикажите этому черномазому разбойнику съ пистолетами и кинжалами—развести огонь. Я останусь здѣсь, и назадъ все таки не поѣду. Я стану молиться—въ ожиданіи васъ... Вы можете оставить со мной этого язычника, если хотите... но я во всякомъ случаѣ остаюсь! Со мной ничего дурнаго не случится...

Сара не настаивала на томъ, чтобы онъ возвратился въ Орханіэ; приходилось довольствоваться тѣмъ, что старикъ отказался отъ своего намѣренія взбираться на гору. Безъ сомнѣнія, онъ страшно измучился бы и только обременилъ бы проводниковъ. Для охраны его оставили одного турка и тотъ сообща съ извощикомъ разложилъ скоро большой костеръ. Старикъ, насколько возможно, удобно помѣстился передъ огнемъ. Когда костеръ разгорѣлся, извощикъ пустился въ обратный путь, и звонъ его колокольчиковъ мало по малу замеръ посреди ночнаго безмолвія и мрака.

— Очень любезно съ вашей стороны, Брюисдаль, что вы пошли со мной!—сказала Сара переводчику, пробираясь по тропинкѣ въ гору.

— Очень радъ, что могу быть полезенъ вамъ!—отозвался Брюисдаль.—Я никогда еще не видалъ такой храброй леди!

— А найдутъ они дорогу?—спросила она. — Я рѣшительно ничего не вижу...

— Я, по крайней мѣрѣ, навѣрное нашелъ бы дорогу, если-бы хоть разъ бывалъ здѣсь!—проговорилъ Брюисдаль.—Эти люди только потому не горцы, что въ ихъ странѣ нѣтъ настоящихъ горъ. Я родился по сосѣдству съ Маттергорномъ, и Балканы послѣ нашихъ Альпъ кажутся не болѣе, какъ холмами. Прежде, чѣмъ я отправился въ Вѣну служить курьеромъ, я былъ на ро-

Digitized by Google

динѣ проводникомъ. Теперь я нѣсколько толстъ для этого, но черезъ Балканы перейти могу...—Вы знаете дорогу?—спросилъ онъ по турецки одного изъ проводниковъ.

— Тому, кто не знаетъ дорогу, лучше повѣситься, чѣмъ въ такую ночь идти на Баба-Конакъ!—отвѣтилъ турокъ.

Дѣйствительно, только какимъ-то чудомъ они находили дорогу. Три факела разливали вокругъ неровный, красноватый свѣтъ, но, внѣ озареннаго ими небольшаго пространства, мракъ былъ такъ непроницаемъ, что путники могли видѣть передъ собой не далѣе, какъ на два шага.

— Вы устали? Не остановиться ли? — спросилъ Брюисдаль.

— Нѣтъ! Идемъ!—сказала Сара.—«Я не должна уставать до тѣхъ поръ, пока мы не найдемъ его!»

— Мы дошли до вершины?—спросилъ Брюисдаль проводника.

— Да!—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Спускъ будетъ легче?

— Да! Теперь дорога пойдетъ ровнѣе.

И люди продолжали медленно пробираться впередъ. Сара не могла отдать себѣ отчета въ томъ: долго ли они шли и велико ли разстояніе прошли... Всѣ чувства ея, казалось, также, какъ и глаза, были ослѣплены. Ея смокшая одежда отяжелѣла, но она не чувствовала усталости и неудобства. Въ ея душѣ не было ни сомнѣній, ни надеждъ, ни страха. Она шла, какъ во снѣ,—и горящіе факелы, и бѣлые хлопья снѣга, кружившіеся въ воздухѣ, на черномъ ночномъ фонѣ, и странныя фигуры, двигавшіяся передъ нею—все ей казалось какимъ-то горячечнымъ бредомъ...

— Близко?—спросилъ переводчикъ.

— Близко!—отвѣтили ему.

Затѣмъ они шли, молча, какъ вдругъ одинъ изъ проводниковъ остановился и крикнулъ:

— Недавно разрытая земля!

Онъ наклонилъ факелъ и сталъ озираться кругомъ. Въ эту минуту Сара увидала Клема, полузанесеннаго снѣгомъ, съ крикомъ бросилась къ нему и старалась приподнять его съ земли.

— Клемъ! Клемъ!—взывала она.

Но Клемъ былъ безъ чувствъ. Она схватила его за руки, руки—холодны, но не смертельнымъ ледянымъ холодомъ. Она прижала его къ своей груди и старалась согрѣть, укачивая его, какъ дитя, и плакала надъ нимъ, и шептала: «Клемъ, Клемъ! И ты такъ любилъ меня... Ты—такой слабый тѣломъ и такой храбрый и сильный духомъ!.. И какъ же ты любилъ меня!..»

Digitized by Google

Мужчины взяли Клема, раскрыли ему грудь и руки и терли ихъ снѣгомъ до тѣхъ поръ, пока не согрѣлась кожа.

— Дайте ему выпить каплю!—сказалъ Сарѣ Брюисдаль, передавая фляжку съ водкой.

Сара опустилась на колѣни передъ Клемомъ и влила ему въ ротъ немного водки. Слабый румянецъ заигралъ у него на щекахъ,—и онъ тихо вздохнулъ... Проводники съ Брюисдалемъ отошли въ сторону, Сара наклонилась надъ Клемомъ.

— Золотая радуга!—прошепталъ онъ.

— Нѣтъ! Ты принесъ сюда лучшее сокровище, чѣмъ то, какое надѣялся найти здѣсь!—сказала Сара, нѣжно обнимая его...

Турокъ, остававшійся съ Армстронгомъ, не однажды подкладывалъ дровъ въ костеръ. Медленно проходила минута за минутой, и время ожиданія казалось старику дольше всей его прошлой жизни. Снѣжная буря бушевала съ такой силой, какъ будто для міра наступилъ послѣдній день. Вдругъ молчаливый товарищъ дотронулся до его плеча и указалъ на тропинку. Вдали слышался звонъ колокольчиковъ... Проводникъ снова тронулъ его за плечо и указалъ на гору.

— Голоса! Слышите? Они идутъ!—сказалъ турокъ.

Армстронгъ понялъ его тонъ и жестъ—и вскочилъ на ноги. Черезъ минуту показался изъ мрака Брюисдаль и крикнулъ Армстронгу:

— Нашли! Живъ и невредимъ!...

Ни одинъ изъ нихъ—ни Клемъ, ни Сара, ни Армстронгъ—во всю жизнь свою не могли позабыть этого путешествія посреди ночнаго мрака и завываній снѣжной бури.

— Я умеръ,—и теперь очнулся на небесахъ! шепталъ Клемъ на ухо Сарѣ.

Снѣгъ шелъ еще въ теченіе нѣсколькихъ дней, и богатая англійская наслѣдница со своимъ женихомъ должна была жить это время въ неудобномъ болгарскомъ каравансараѣ. Но, впрочемъ, женихъ и невѣста не могли быть счастливѣе и въ Елисейскихъ поляхъ...

По возвращеніи въ «веселую, старую Англію», Клемъ женился на дочери своего незабвеннаго друга, Іова Роунда.

Люди говорили, что такая красавица, какъ Сара, да къ тому же съ сотней тысячъ фунтовъ приданаго—и дома могла бы найти себѣ мужа получше, и не зачѣмъ ей было ѣздить такъ далеко... Но Армстронгъ постоянно утверждалъ, что Клемъ былъ вполнѣ достоинъ такой жены, какъ его прелестная внучка.

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

НА ЯКОРѢ.

V.

Прошло пять лѣтъ.

Долгій срокъ, много воды утекло, многое забылось, многое замѣнилось другимъ! Но въ „Зеленомъ“ все осталось по прежнему. Только избы крестьянъ покосились еще больше, лѣсъ порѣдѣлъ, да кладбище раздвинулось. Буря сломала крестъ, къ которому припадала Аглая въ припадкѣ блажнаго отчаянія, и вязъ, скрывавшій ее отъ глазъ прохожихъ, вырванъ съ корнемъ тою же самою бурею. Прасковья Борисовна по прежнему задаетъ балы и обѣды, и панъ Гржибовскій теперь уже безвыѣздно сидитъ въ „Зеленомъ“, въ качествѣ друга дома и вѣрнаго рыцаря. Роль эта несовсѣмъ ему по сердцу, и онъ не разъ предлагалъ обмѣнять ее на роль мужа; но Прасковья Борисовна—умная женщина, и очень хорошо понимала, что для нея вѣнецъ будетъ не колыбелью, а могилой любви. Поэтому она не ловилась ни на какія удочки хитраго пана, особенно съ тѣхъ поръ, какъ узнала, что имѣніе его готовилось къ продажѣ съ молотка.

Немного народу собралось въ маленькую сельскую церковь, посреди которой стоялъ гробъ, крытый бѣлымъ глазетомъ. Худенькая женская фигура стояла на колѣняхъ подлѣ этого гроба и глухо, громко рыдала. „Надгробное рыданіе, послѣднее цѣлованіе“,—монотонно неслся по церкви унылый напѣвъ и синія волны ладона мягко слоились въ горячихъ лучахъ заходящаго солнца, врывавшагося въ узкое полуразбитое окно. „Послѣднее, послѣднее цѣлованіе! Мама! моя родная, моя голубушка!!“ Точно каленымъ желѣзомъ выжигались эти слова въ возбужденномъ мозгу Аглаи. Эта „мама“, что столько за нее вынесла, что дѣлила съ ней всякое горе, всякую радость, теперь лежитъ безучастная, равнодушная... О! мама, мама моя!

Все вспомнилось, все:—какъ терзалась эта родная старушка, узнавъ, что Андрей Круцкій,—этотъ человѣкъ, на котораго

Digitized by Google

она смотрѣла, какъ на идеалъ,—предлагалъ ея дочери стать его любовницей, и какъ радостно согласилась ѣхать въ эту глушь съ дочерью, лишь бы избавить ее отъ того, что считала грѣхомъ и позоромъ. И какъ мирно, тихо пошла ихъ жизнь! Аглая учила крестьянскихъ дѣтей, училась и читала сама; мать хозяйничала, старалась такъ устроить, чтобы дочь не знала лишеній, получая небольшое жалованье, и ей удалось это. Богъ ее знаетъ, какъ она изворачивалась, но изворачивалась. Можетъ быть, сама не доѣдала, не досыпала, а у дочери всегда былъ вкусный обѣдъ и сытный завтракъ. „Мама, голубушка, прости, прощай". Она припала прощальнымъ поцѣлуемъ къ мертвому сморщенному личику, и крупныя слезы, одна погоняя другую, смачивали бѣлую кисею савана. Долго всматривалась она въ это дорогое лицо. Даже смерть не уничтожила въ немъ доброты и какой-то голубиной кротости. Слова любви и ласки такъ и дрожали на языкѣ Аглаи; ей хотѣлось бы прокричать ихъ на весь міръ и всѣ они заключались въ одномъ коротенькомъ словѣ: „мама". Ей казалось, что въ этомъ коротенькомъ словѣ воплотилась вся эта нѣжность, которую когда либо носило въ себѣ человѣчество, и что нѣтъ другаго слова, которое бы вмѣщало въ себѣ такую массу горячей, беззавѣтной любви. Но вотъ къ гробу, одинъ за другимъ, начали подходить крестьяне, и у Аглаи какъ-то мигомъ высохли слезы и душу охватило чувство восторженнаго благоговѣнія. Когда сердце слишкомъ переполняется чувствомъ—этому чувству нѣтъ наружнаго выраженія: изъ переполненнаго графина вода льется труднѣе, чѣмъ когда онъ налитъ до половины. Она видѣла, какъ искренно вздыхали эти простые сѣрые люди, осѣняясь широкимъ крестомъ и припадая благоговѣйнымъ поцѣлуемъ къ трупу ея матери.

„И они любили тебя, святая моя". Ей стало стыдно своихъ слезъ, точно онѣ оскорбляли память усопшей. Она умерла такъ тихо, покойно, съ такой непоколебимой, глубокой вѣрой въ лучшую жизнь. Смерть не страшна тому, кто свято прожилъ, а на ея жизни не было ни одного пятнышка. О другихъ пеклась, за другихъ хлопотала, пока была въ силахъ. За себя только хлопотать не умѣла и осталась нищей подъ старость.

Твердой рукой бросила Аглая въ раскрытую могилу горсть сухой земли, и вернулась домой, спокойная, серьезная, безъ гнетущей тоски на душѣ.

Черезъ день она уѣхала въ Петербургъ. Видъ этого города напомнилъ ей старое,—и желаніе видѣть Андрея показалось такимъ законнымъ, что надъ этимъ и размышлять не стоило.

Digitized by Google

Она пріѣхала утромъ, а вечеромъ отправилась къ нему. Образъ покойной матери не покидалъ ея ни на минуту.

„Никогда я не сдѣлаю того, чего бы ты не разрѣшила мнѣ“, думала она, поднимаясь на ярко освѣщенную, устланную краснымъ трипомъ, лѣстницу и разсѣянно разглядывая золотые багеты, и узорныя панели, и разставленныя на площадкахъ статуи. У нея вдругъ сжалось сердце: чѣмъ-то непривычнымъ, чужимъ пахнуло на нее отъ этой богатой обстановки; стало такъ непріютно, холодно. Однако она пожала электрическую пуговку дубовой двери, украшенной тонкой рѣзьбой, и внимательно прочла рукописную перламутровую надпись на черной бронзовой доскѣ: „*А. Б. Круцкій*“.

Дверь отворилась, изъ комнаты вырывались звуки моднаго вальса, звонъ шпоръ и шелестъ шлейфовъ. Аглая подалась было назадъ: ей хотѣлось бѣжать. Но длинная фигура во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ уже стояла въ дверяхъ, почтительно давая ей дорогу.

— Нельзя ли вызвать ко мнѣ Андрея Борисовича?—робко шепнула она, не снимая калошъ и шубы.—Мнѣ нужно его по дѣлу на одну минуту.

— Вамъ не угодно войти?

— Нѣтъ... я къ нему по дѣлу,—повторила она тѣмъ же тономъ.

Этотъ робкій тонъ гостьи и ея потертая шубка заставили лакея нѣсколько повысить тонъ.

— Врядъ ли они примутъ васъ,—сказалъ онъ съ оттѣнкомъ наглости:—у нихъ профессоръ Б., князь В. и графъ Ш. сидятъ въ кабинетѣ.

— „Какой прогрессъ!—промелькнуло въ умѣ Аглаи,—сначала упомянулъ профессора, а потомъ уже князя и графа.“

— Можетъ быть, онъ и не приметъ меня, а вы все таки доложите.

— Да я, право, не смѣю... лучше ужъ завтра...

— Идите и доложите сейчасъ, — почти надменно сказала Аглая и сѣла на стулъ.

Лакей ушелъ. Аглая вслушивалась въ оживленный говоръ, долетавшій до нея изъ залы, и все тѣснѣе сжималась ея грудь. Какой вздоръ говорился тамъ и съ какимъ непонятнымъ одушевленіемъ! Злословіе, намеки, пересмѣшки—все такое недоговоренное, заставляющее скорѣе догадываться, чѣмъ понимать. Аглая въ первый разъ слышала такіе разговоры.

„Я бы никогда не съумѣла ихъ вести,—подумала она,—и была бы неинтересна, скучна въ ихъ обществѣ. „Пять лѣтъ тому назадъ и Андрей скучалъ бы съ ними, а теперь...“

— Аглая Яковлевна! Какъ я радъ васъ видѣть! Но какъ

Digitized by Google

же это вамъ не стыдно? точно чужая, ждете въ передней, не входите безъ доклада.

Изящная фигура съ неуловимымъ ароматомъ какихъ-то тонкихъ духовъ, съ сіяющими глазами, стояла передъ Аглаей и развязывала ей концы башлыка.

— Постойте, Андрей Борисовичъ... я не пойду туда... я лучше въ другой разъ приду...

— И въ другой разъ придете, и сегодня останетесь. Подумайте, я не видалъ васъ цѣлыхъ пять лѣтъ. Надолго вы въ Петербургъ? Одна, или съ...

Онъ остановился, слегка поблѣднѣвъ. Шубка была разстегнута и густая креповая рюшка бросилась ему въ глаза.

— Я одна... совсѣмъ одна. Мама умерла. Нѣтъ... пустите меня... тамъ веселье у васъ... идите туда.

Она почти вырвалась изъ его рукъ и, торопливо схвативъ башлыкъ, набросила его на шею. Эти два слова: „мама умерла“ были послѣдней каплей, переполнившей ту неопредѣленную, глухую тоску, которая билась въ ней съ самой минуты прихода. Она часто *думала* о томъ, что „мама умерла“, но вслухъ произнесла это въ первый разъ, и самый звукъ этихъ страшныхъ словъ какъ будто усилилъ въ ней сознаніе горя.

— Я приду послѣ... когда нибудь! — крикнула она изъ дверей и быстро сбѣжала съ лѣстницы.

Слезы такъ и лились по ея лицу. Она быстро шла по направленію къ Знаменской улицѣ, свернула направо, потомъ налѣво, опять направо и вошла, наконецъ, въ плохо освѣщенную улицу съ деревянными домиками и массою трактировъ и кабаковъ. Въ сердцѣ ея такъ и кипѣла обида и злоба.

„Говорилъ, что душу отдастъ за меня, и вотъ... я одна, безпріютная, почти нищая, а онъ... у него пиръ, веселье, роскошь“.

Отворивъ калитку миньятюрнаго сѣраго домика, Аглая вошла въ тѣсный чистенькій дворъ.

Хозяйка встрѣтила ее, принаряженная, съ бѣлой кружевной косыночкой на головѣ.

— Ну, вотъ, я очень рада, что вы рано вернулись, моя милая барышня,—привѣтливо сказала она.—Ко мнѣ милости просимъ на чашку чаю.

— Какъ, и у васъ тоже пиръ, Клавдія Петровна?

— Какъ же, вѣдь сегодня мои именины, шестое ноября.

— Ахъ, вы именинница? Поздравляю. Хорошо, я приду.

Аглая поспѣшила уйти, чувствуя, что у нея подкашиваются ноги.

„Именины Клавдіи,—повторяла она,—такъ вотъ почему у

Digitized by Google

него балъ. Значитъ, *она* вернулась... вернулась... спѣлись, примирились. Ну, что жъ, совѣтъ да любовь!"

На минуту она остановилась и стиснула руками голову.

„Ну, такъ лучше! Теперь, по крайней мѣрѣ, не будетъ упрека, что я его вѣкъ заѣла. Ахъ, мама, мама моя! Какъ хорошо ты знала людей!"

Аглая присѣла къ столу и закрыла руками лицо. Ей живо вспомнился тотъ вечеръ, когда они вернулись съ Андреемъ въ Петербургъ изъ Зеленаго. Это былъ ясный вечеръ начинающейся осени. Яркое пламя заката освѣщало багровыми лучами подчищенный, прибранный городъ. Потухающей звѣздой горѣлъ куполъ Исакія и такая же золотая свѣтлая точка мелькнула съ другой стороны, на фонѣ лазурнаго потемнѣвшаго неба, съ высокой Александровской колонны. Мать Аглаи выбѣжала къ нимъ на встрѣчу съ живостью молодой дѣвушки. Дочь предупредила ее телеграммой о своемъ пріѣздѣ, и она приготовила имъ чай на террасѣ, выходящей въ густой, красиво распланированный садъ. Вечеръ прошелъ тихо, мирно и дружно. А когда Андрей ушелъ, мать вошла въ комнату Аглаи и робко, издалека начала съ ней разговоръ объ Орѣшниковѣ.

— Напрасно, голубушка, отказала ему, коли нравился; сама говоришь—человѣкъ хорошій. Я бы умерла спокойнѣе, зная, что не одинокой тебя оставляю.

— Развѣ я могла за него выйти, мама? Нравился онъ мнѣ, да; но вѣдь этого же мало. Андрей меня любитъ, хлопочетъ о разводѣ, а я такъ вѣроломно, такъ предательски разбила всѣ его надежды. Нѣтъ, мама, я буду или женой Андрея, или ничьей.

— Я бы не желала тебѣ лучшаго мужа, но. . сбудется ли это, моя милая?

— Почему же не сбудется, мама? И что это у тебя за манера—всегда все видѣть въ дурномъ свѣтѣ.

— Ну, какая тамъ еще манера, ты вотъ посмотри-ка лучше, почитай вотъ это.

Старушка вынула изъ кармана какую-то бумажную трубочку и подала ее дочери.

— Что это?

— Письмо отъ жены Андрея.

— Отъ... жены? къ тебѣ?

— Да, ко мнѣ.

Аглая быстро развернула письмо и перегнула его въ обратную сторону.

„Считаю долгомъ заявить вамъ,—прочла она,—что я никогда не соглашусь на разводъ съ мужемъ и не доставлю торжества вашей дочери. Мои добрые друзья предупредили меня

Digitized by Google

о вашихъ интригахъ и происках. Я не боюсь ихъ; они погубятъ васъ самихъ и, въ концѣ концовъ, я все таки останусь побѣдительницей и вернусь въ домъ моего мужа, какъ любимая и уважаемая жена."

Аглая опустила руку съ письмомъ и долго сидѣла неподвижно, опустивъ глаза.

— Я не рѣшилась безъ твоего вѣдома показать то письмо Андрею,—сказала мать.

— Андрею? Неужели же ты хоть одну минуту могла думать—показать ему это письмо? О, мама! Или мы въ самомъ дѣлѣ интриганы? Да пусть ихъ мирятся, соединяются и живутъ душа въ душу. Я не умру отъ горя и рукъ не опущу. Хочешь, я завтра же напишу Орѣшникову, что выхожу за него замужъ? Знаю я, кто эти друзья, друзья! Это, конечно, Прасковья Борисовна. „Интриганки!" Пусть же увидятъ онѣ, что эти интриганки умѣютъ забыть себя и уйти съ чужой дороги. Говорить Андрею объ этомъ письмѣ, мама, значитъ вооружать его противъ жены. Мы съ тобой этого не сдѣлаемъ. Да и какъ знать, не упрекнулъ ли бы онъ насъ когда нибудь за это?

Аглая на минуту остановилась, потомъ продолжала, волнуясь и вспыхивая:

— Не онъ бросилъ жену, а она его. Онъ ее любилъ, я это знаю. Вернется она—и онъ полюбитъ снова. Я поговорю съ нимъ завтра же, но о письмѣ не скажу ни слова. На разводъ трудно разсчитывать, особенно послѣ угрозы его жены, а... любовницей его я не стану, не могу стать.

— Аглая, что такое ты говоришь?

— Что ты испугалась, старушка моя? Слова не страшны, дѣло страшно.

— Я бы лучше въ могилу легла, чѣмъ...

— Чѣмъ видѣть меня чьей нибудь гражданской женой? Ну, вотъ то-то и есть.

Она обняла мать и сказала громко, торжественно:

— Никогда, мама, никогда я не сдѣлаю ничего такого, что́ могло бы заставить тебя страдать.

На этомъ воспоминанія Аглаи оборвались приходомъ хозяйки, приглашавшей ее пожаловать поскорѣе.

— У меня сидитъ одинъ нотаріусъ, которому нужна конторщица,—пояснила она свое нетерпѣніе.—Это племянникъ мой. Онъ очень торопится домой и ждетъ только васъ. Я ему сказала, что вы барышня и ищете занятій. Приходите скорѣй, Аглая Яковлевна, а то онъ уйдетъ.

Аглая очень обрадовалась такой неожиданной удачѣ и не замедлила явиться въ маленькую гостинную хозяйки, съ чинно разставленной по стѣнамъ мебелью. Ей приходилось бывать и

Digitized by Google

въ барскихъ гостинныхъ, и въ гостинныхъ средняго чиновничества, но никогда еще не приходилось видѣть ничего такого, что́ она увидала здѣсь. Сразу ей даже показалось, что она попала въ театръ маріонетокъ и что всѣ эти „дамы“, одѣтыя въ пестрыя шолковыя ткани, съ цвѣтными наколками на завитыхъ, сильно напомаженныхъ головахъ, приклеены къ своимъ стульямъ и не могутъ отдѣлиться отъ нихъ. Онѣ сидѣли, вытянувшись въ струнку, сложивъ руки на животикахъ, говорили другъ съ другомъ, процѣживая слова сквозь сложенныя сердечкомъ губки, и почти не поворачивая головы. И сама гостинная показалась ей тоже какъ бы склеенною акуратной рукой: такая необыкновенная симетрія царила въ ней. Стулья стояли на геометрически правильномъ разстояніи одинъ отъ другаго, и углы бѣлыхъ вязаныхъ салфеточекъ спускались со стола такъ равномѣрно, точно аршиномъ мѣрили разстояніе ихъ отъ пола. Аглаю такъ смутилъ этотъ необычайный безжизненный порядокъ, что она растерялась, сѣла на кончикъ стула и невольно потрогала рукой бантикъ, приколотый ею сбоку лифа, чтобы скрасить свой скромный туалетъ. Ей вдругъ показалось, что его надо было приколоть посрединѣ, у горла, и что теперь онъ нарушаетъ общую гармонію.

— Вотъ, Аглая Яковлевна, Константинъ Александровичъ Прѣсновъ желаетъ познакомиться съ вами,—выручила Аглаю хозяйка, подводя къ ней тучнаго брюнета съ восточнымъ типомъ лица.

Аглая слегка привстала, подавая ему руку, и, случайно взглянувъ въ ту сторону, гдѣ пестрымъ ожерельемъ размѣщались неподвижныя мѣщаночки, замѣтила, какъ онѣ переговаривались между собой и еще крѣпче поджимали губки.

— Моя милая родственница,—началъ Прѣсновъ съ невыносимымъ восточнымъ акцентомъ,—сказала мнѣ, что вы ищете занятій. Правда это?

— Совершенная,—отвѣтила Аглая.

— А это очень хорошо, когда хорошенькая барышня хочетъ трудиться. Ваши родители живы?

— Нѣтъ,—отрывисто отвѣчала Аглая,—у меня никого нѣтъ, я сирота.

— А-а! И въ такой большой городъ пріѣхали? Да вѣдь здѣсь хорошенькимъ барышнямъ бѣда.

„Дуракъ“,—подумала Аглая и сухо сказала:

— Я и здѣсь буду жить такъ, какъ жила въ провинціи, и не понимаю, о какой бѣдѣ вы говорите. Клавдія Петровна передала, что вамъ нужна конторщица?

— Да, да, непремѣнно, непремѣнно нужна. Вотъ я вамъ оставляю свою карточку и буду васъ завтра до двухъ часовъ

Digitized by Google

дожидаться. Мы съ вами тамъ уговоримся. Я за жалованьемъ не буду стоять; если кто угодитъ мнѣ—золотомъ осыплю; это вамъ всякій скажетъ. Вотъ спросите тетушку,—кивнулъ онъ на подошедшую къ нимъ хозяйку.

— Ахъ, ужь правда, правда,—нараспѣвъ подтвердила Клавдія Петровна:—никто изъ служащихъ у Костеньки лихомъ его не помянетъ. Милости прошу въ столовую, Аглая Яковлевна, чайку покушать, да мадерцы рюмочку за мое здоровье.

— Ну, а я ужь поѣду, мнѣ пора,—вставая, пробасилъ Прѣсновъ.—Такъ завтра въ ожиданіи?—вопросительно обратился онъ къ Аглаѣ.

— Не знаю... благодарю васъ... можетъ быть,—нерѣшительно отвѣчала Аглая и поспѣшила уйти въ сосѣднюю комнату. Прѣсновъ не понравился ей.

VI.

Но на другой день, въ часъ пополудни, она все таки пошла къ Прѣснову, рѣшивъ, что къ чистому грязное не пристанетъ и что работать можно вездѣ, лишь бы работать честно. Обычная уловка тѣхъ бѣлоручекъ, которые хотятъ, чтобы ихъ рабочій путь былъ усѣянъ розами и чтобы трудъ былъ только развлеченіемъ.

Прѣсновъ встрѣтилъ ее, какъ элегантный кавалеръ встрѣчаетъ даму своего сердца, и сразу перешелъ въ дѣловой тонъ, увидавъ, что это „барышня серьезная, за которой надо походить да и походить“, какъ онъ самъ объявилъ черезъ недѣлю своему пріятелю, принявши ее къ себѣ на службу. Она ему очень нравилась и онъ не прочь былъ „походить“ за нею. До сихъ поръ онъ встрѣчался или съ глупыми, или съ пошлыми женщинами, тяготѣвшими къ его кошельку и видѣвшими въ немъ какого-то золотаго тельца. Аглая была совсѣмъ въ другомъ родѣ: живая, кокетливая, она умѣла остановить однимъ взглядомъ всѣ его претензіи; быстро овладѣла той ролью, которую возложили на нее, и стала настоящей хозяйкой ввѣреннаго ей дѣла. И чѣмъ дальше держала она себя отъ Прѣснова, тѣмъ больше его тянуло къ ней. Это былъ для него какой-то запретный плодъ. Идя crescendo, онъ почувствовалъ наконецъ, что просто не можетъ жить безъ нея; не будь онъ женатъ, онъ бы добился ея руки. Теперь же надо было ждать и опутать ее сѣтями лести, вниманія, обожанія.

Время шло. Аглая невольно начала поддаваться вліянію

Digitized by Google

Прѣснова; иначе она не была бы женщиной. Одинокая, разочаровавшаяся въ Андреѣ, которому она безгранично вѣрила, Аглая чувствовала невольную признательность за ту теплоту, за то уваженіе, которыя оказывалъ ея хозяинъ. Онъ часто жаловался ей на одиночество: жена его бросила, другимъ женщинамъ онъ не вѣрилъ, зная, что онѣ возлѣ него только пока онъ богатъ. По его словамъ выходило, что это богатство было его несчастіемъ. Аглая старалась, какъ умѣла, разувѣрить его въ пессимистическомъ взглядѣ на жизнь и людей, и они подолгу бесѣдовали, раскрывая другъ передъ другомъ лучшія стороны своего внутренняго міра. Аглая начинала почти дружелюбно относиться къ Прѣснову и берегла его интересы, какъ свои собственные.

— Какой онъ странный, — говорила она хозяйкѣ, — то съ ума сходитъ отъ тоски, то вдругъ въ него точно бѣсъ вселится: начинаетъ хохотать, балагурить и говорить, что глупо вѣшать носъ, что жизнь дана для наслажденій и радостей, и что только дураки выдумываютъ себѣ всякія невзгоды. Вообще онъ ужасно неровенъ, и нѣтъ человѣка, который предсказалъ бы объ немъ сегодня, что онъ способенъ сдѣлать завтра.

— По моему, онъ въ васъ влюбленъ,—просто объяснила хозяйка.

Аглая краснѣла и увѣряла, что это только дружба, только признательность за то, что она такъ хорошо ведетъ его дѣла. Но въ душѣ она не разъ повторяла себѣ слова хозяйки и не могла сказать, чтобы они были ей непріятны. Любовь, отъ кого бы она ни исходила, оскорбляетъ женщину только тогда, когда переходитъ въ пошлость; иначе же это для нея праздникъ даже тогда, когда женщина не отвѣчаетъ сама. Однако Прѣсновъ былъ не такой человѣкъ, чтобы долго держаться на высотѣ платоническаго чувства. Въ одинъ чудный весенній вечеръ, когда Клавдія Петровна была на какой-то свадьбѣ и даже прислуга была отпущена, Аглая лежала на окнѣ, любуясь заревомъ заката. Ея окно выходило во дворъ, и она не слыхала стука экипажа, мягко подкатившаго къ подъѣзду по немощеной улицѣ. Сильный, порывистый звонокъ привелъ ее въ себя; она выбѣжала въ переднюю, открыла дверь и отступила съ крикомъ: предъ ней, едва переступивъ порогъ, хлопнулась на колѣни высокая черная фигура и крѣпко обняла ея ноги.

— Пустите!.. Вы съ ума сошли!.. пустите!..

Она съ силой вырвалась и бросилась къ окну.

— Я крикну дворника... Вы или пьяны, или больны...

— Да... я боленъ,—задыхаясь, проговорилъ Прѣсновъ, грузно поднимаясь съ колѣнъ.—Я боленъ любовью къ вамъ...

Digitized by Google

Простите... я не могъ выдержать... Я не могъ дольше скрывать это.

Онъ опустился въ кресло и прикрылъ рукой глаза. Аглая хотѣла подойти къ нему, успокоить его; ей казалось, что ея маленькая ласка, ея доброе слово будутъ для него облегченіемъ. Но въ это время онъ отнялъ руку отъ лица, взглянулъ на нее, рванулся съ кресла и подошелъ къ ней такъ рѣшительно, что она попятилась назадъ.

— Милая моя! чудная моя! На рукахъ я унесъ бы тебя отсюда, осыпалъ бы золотомъ, забаюкалъ бы ласками. Ну, будь же моей, будь моей! Я люблю тебя, не могу жить безъ тебя.

— Здѣсь живетъ Аглая Яковлевна? — раздался изъ передней голосъ, отъ котораго у Аглаи застыла кровь.

— Здѣсь... войдите,—сказала она, едва переводя дыханіе, и, отойдя отъ Прѣснова, прижалась къ стѣнѣ, чтобы не упасть.

— Мы не заперли дверь,—шепнулъ ей Прѣсновъ.

Она посмотрѣла на него почти съ ненавистью и направилась къ дверямъ.

— Андрей Борисовичъ! какъ это вы меня вспомнили? Сколько времени прошло, не навѣстили ни разу.

Ея голосъ дрожалъ, лицо было блѣдно. Андрей крѣпко сжалъ ей руку и съ недоумѣніемъ посматривалъ на Прѣснова, снова усѣвшагося въ кресло.

— Не навѣстилъ по очень простой причинѣ, Аглая Яковлевна, — спокойно сказалъ онъ.—Въ это время я былъ за границей. Жена писала, что очень больна, звала проститься,—какъ-то вскользь прибавилъ онъ.—Но тревога оказалась фальшивой,—она здоровѣе насъ съ вами.

— Да?—машинально спросила Аглая, чувствуя, что вся кровь бросилась ей въ лицо.—Развѣ... ваша жена за границей, а не здѣсь?

— Здѣсь... какимъ образомъ? Конечно, нѣтъ.

— Вотъ что... А я думала... у васъ такая семейная обстановка.

— Да, обстановка у меня семейная. Что хотите: noblesse oblige. Я занимаю профессорскую каѳедру, мнѣ нельзя жить кое-какъ. А теперь, кромѣ того, у меня поселилась одна овдовѣвшая родственница съ восьмилѣтней дочкой, и я пріѣхалъ предложить вамъ переселиться ко мнѣ....

Прѣсновъ, до сихъ поръ сидѣвшій молча, насупился и какъ-то странно крякнулъ. Аглая повернулась къ нему, сообразивъ, что не догадалась даже представить другъ другу гостей. Она

Digitized by Google

хотѣла уже исправить свою оплошность, но Прѣсновъ порывисто всталъ съ кресла и подошелъ къ Андрею.

— Аглая Яковлевна имѣетъ занятіе,—проговорилъ онъ,— и оно, вѣроятно, больше даетъ ей, чѣмъ дали бы какіе бы то ни было уроки.

— Да, но вѣдь я не законтрактована и могу бросить это занятіе, когда мнѣ вздумается, — сказала Аглая сердитымъ и капризнымъ тономъ.—Напротивъ, Андрей Борисовичъ, ваше приглашеніе является какъ нельзя болѣе кстати: я и такъ хотѣла отказаться отъ мѣста, которое занимаю теперь.

— Это какъ вамъ будетъ угодно, — сухо отозвался Прѣсновъ. — Но вы прежде должны найти вмѣсто себя другую и сдать ей ваши обязанности.

— Другую или другаго?—насмѣшливо спросила Аглая.

— Все равно.

— Ну, такъ я поищу другаго. Мужчинѣ у васъ удобнѣе.

Прѣсновъ хотѣлъ было спросить объясненія ея словъ, но она уже обернулась къ Андрею и разговаривала съ нимъ полушопотомъ. Ей очень хотѣлось остаться съ Круцкимъ одной и разспросить его обо всемъ; присутствіе Прѣснова стѣсняло ее, а онъ, какъ на зло, сидѣлъ, не обращая вниманія на ея дерзкія выходки, точно хотѣлъ во что бы то ни стало пересидѣть Андрея.

— Я возьму съ собою нѣкоторыя ваши вещи,—предложилъ Андрей,—какъ залогъ того, что вы непремѣнно ко мнѣ пріѣдете. Въ контору можете ходить и отъ насъ, пока не найдете кѣмъ замѣнить себя. Ну, давайте вещи.

Аглаю пугала мысль, что Андрей уйдетъ и снова оставитъ ее съ Прѣсновымъ. Она на минуту задумалась, потомъ сказала весело и рѣшительно:

— Да я и сама поѣду съ вами — познакомиться съ моей будущей питомицей.

— Какъ, теперь, вечеромъ?

— Да, а что же такое?

— Ничего, конечно, это отличная мысль, — обрадовался Андрей.

— Несовсѣмъ-то отличная,—язвительно замѣтилъ Прѣсновъ.— Врядъ ли Аглая Яковлевна можетъ оставить пустую квартиру.

— Да, это правда,—согласилась Аглая,—я дѣйствительно не могу уѣхать теперь, но еслибы вы подождали, Андрей Борисовичъ, возвращенія служанки, я рѣшилась бы поѣхать съ вами, въ которомъ бы то ни было часу.

— Даже ночью?—насмѣшливо спросилъ Прѣсновъ.

— Съ Андреемъ Борисовичемъ я поѣхала бы на край свѣ-

Digitized by Google

та, будь то ночью, днемъ, утромъ, вечеромъ—все равно. Такъ вы подождете, да?

Андрей понялъ, что Аглая не хочетъ остаться одна съ этимъ господиномъ, такъ нагло на нихъ поглядывавшимъ, и согласился ждать.

Прѣсновъ всталъ.

— Такъ завтра вы будете въ конторѣ въ обычный часъ. Не такъ ли?—сухо спросилъ онъ.

— Непремѣнно-съ.

Аглая вѣжливо, но очень церемонно подала ему руку. Андрею Прѣсновъ даже не поклонился.

— Что это за гусь? спросилъ Андрей по уходѣ гостя.

— Хозяинъ, у котораго я работаю.

— Онъ, кажется, очень дорожитъ вами.

— Черезчуръ дорожитъ. Вотъ въ этомъ-то и бѣда моя.

Она разсказала Андрею сцену, только что происшедшую. Онъ вздрогнулъ и задумался.

— Да, сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія,—незавидная доля остаться одинокой. Ну, а что Орѣшниковъ?

— Почемъ же я знаю?—отвѣчала Аглая и въ тонѣ ея невольно зазвучало раздраженіе.—Мы съ нимъ не переписываемся. Хорошій онъ человѣкъ, хотѣла бы я его видѣть.

— Вы этимъ какъ будто упрекаете меня въ томъ, что я васъ увезъ отъ него.

— Если хотите, да—упрекаю. Съ нимъ я была бы счастлива.

— Ну, это вопросъ.

— Во всякомъ случаѣ, я была бы счастливѣе, чѣмъ теперь. Это ужь не подлежитъ сомнѣнію,—горько и рѣзко сказала Аглая.—Но зачѣмъ намъ поднимать этотъ старый хламъ? Я работница, одинокая, никому не нужная и, право, это очень хорошо, когда никто за тебя не страдаетъ, никто о тебѣ не заботится.

Она сидѣла у окна, облокотившись на него, и луна обливала серебрянымъ свѣтомъ ея похудѣвшее лицо, окруженное, какъ ореоломъ, прозрачными кудрями. Темные глаза сіяли мягкимъ, задумчивымъ свѣтомъ.

Андрей взялъ стулъ и сѣлъ напротивъ нея.

— А меня вы забыли, моя милая?—спросилъ онъ съ укоризненной лаской.

— Васъ? Нѣтъ, не забыла. Вы мнѣ добрый другъ, я это знаю; но... у васъ своя жизнь, а у меня своя. Уѣзжай я отсюда, умри я—въ вашей жизни пробѣла не будетъ.

Три года тому назадъ, Андрей нашелъ бы, что возражать ей на это. Теперь онъ молчалъ, сознавая, что она права, что

Digitized by Google

ихъ жизни дѣйствительно раздѣлились и слить ихъ вмѣстѣ уже нельзя. Отвыкъ онъ отъ нея за эти три года, а — главное— вступилъ съ торной дороги труда на новый путь,—опошляющій путь славы, моды и блеска. Какъ прежде, главной причиной его разрыва съ женой была ея пустота, свѣтскость и тщеславіе, такъ теперь Аглая казалась ему неподходящей подругой именно по отсутствію въ ней этой свѣтскости и пустоты. Онъ уже громко говорилъ о томъ, что женщина должна ограничиваться гостинной и дѣтской, и что рабочей силой въ семьѣ долженъ быть мужъ. Сознавая однако, что дольше молчать неловко, онъ взялъ руку Аглаи и крѣпко поцѣловалъ ее.

— Нѣтъ, моя голубушка, я въ самомъ дѣлѣ ужасно вамъ преданъ,—сказалъ онъ, еще разъ прижимаясь губами къ ея рукѣ.—Что бы ни случилось, вы всегда, всегда во мнѣ найдете искренняго сердечнаго друга.

Аглая горько усмѣхнулась.

— Да... я это знаю... я въ этомъ увѣрена,—съ усиліемъ сказала она.

Ей хотѣлось разрыдаться, и тутъ же, рядомъ съ глубокой печалью, разроставшейся въ ея осиротѣлой душѣ, поднялось горячее желаніе хоть чѣмъ нибудь, хоть немножко отплатить ему, этому „идеальному человѣку“; за глубокій, черствый эгоизмъ, скрытый подъ наружной мягкостью.

— Знаете... иногда мнѣ ужасно жаль, что я не вышла за Орѣшникова. Онъ дѣйствительно любилъ меня, да и кромѣ того...

Андрей выпустилъ ея руку, брови его насупились.

— Кромѣ того?—сухо повторилъ онъ.

— Кромѣ того... ему можно было вѣрить: онъ человѣкъ сложившійся, а такіе люди цвѣтовъ не мѣняютъ. Жили бы мы себѣ въ деревнѣ...

— Ѣли, пили, спали, ѣздили по гостямъ,—желчно перебилъ ее Андрей.—Да, завидная жизнь! Вы сбѣжали бы отъ нея черезъ три дня.

Онъ принялся краснорѣчиво доказывать, что такая жизнь была бы для нея хуже смерти. Изъ его словъ выходило такъ, что она должна была благодарить его за то, что онъ это разстроилъ. Но Аглая этой благодарности не чувствовала и сидѣла молчаливая, скучная, прислушиваясь къ мягкимъ переливамъ милаго голоса и думая о томъ, какъ хорошо научился онъ говорить, какъ уменъ сталъ и изворотливъ.

— Не о себѣ я думалъ, увозя васъ изъ Зеленаго,—лилась гармоничная рѣчь,—а о васъ: васъ жалѣлъ, за васъ болѣлъ сердцемъ.

Digitized by Google

Въ душѣ Аглаи вдругъ зашевелилось какое-то злобное чувство. Она засмѣялась и посмотрѣла ему въ глаза.

— Какъ красиво вы говорите, Андрей Борисовичъ,—насмѣшливо сказала она:—я совсѣмъ заслушалась, право. Кажется, вопросъ объ Орѣшниковѣ уже исчерпанъ? Не можете ли вы сказать мнѣ теперь: для *себя* или для *меня* вы звали меня „раздѣлить вашу жизнь"?

Андрей смутился.

— Я надѣялся на разводъ съ женою,—наконецъ промолвилъ онъ.

— О, нѣтъ, память вамъ измѣняетъ. Это было именно тогда, когда вы принесли мнѣ извѣстіе о томъ, что жена ваша на разводъ не соглашается. Вы говорили тогда, что не можете жить безъ меня.

Пока Аглая говорила, Андрей успѣлъ уже оправиться.

— Да, теперь я помню,—сказалъ онъ.—А помните ли, что́ вы отвѣчали на это?

— Я ничего не отвѣчала, я просто взяла и уѣхала.

— То-то. Зачѣмъ же будить мертвецовъ? Не я ушелъ отъ васъ, а вы отъ меня. Я долго не могъ помириться съ мыслью, что вы для меня потеряны, и дѣлалъ все, чтобы побороть мое чувство.

— И вамъ такъ хорошо удалось это, что мнѣ остается только радоваться. Ну, и будемъ радоваться. Теперь мы друзья, тѣмъ лучше. Я переселюсь къ вамъ, буду заниматься съ вашей племянницей, вести ваше хозяйство, а потомъ, когда воротится къ вамъ настоящая хозяйка, она, можетъ быть, предложитъ мнѣ сдѣлаться экономкой или горничной. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, это превосходно. Такъ я и проживу у васъ всю жизнь, какъ въ богадѣльнѣ.

Она засмѣялась натянутымъ, хриплымъ смѣхомъ.

— Какъ вамъ не стыдно говорить такой вздоръ! Вы будете жить у меня въ качествѣ моей близкой родственницы. Давнишняя дружба моя съ вашей матерью даетъ мнѣ право не считать васъ чужой. Я васъ такъ долго любилъ, я и теперь такъ безконечно преданъ вамъ. Вы сами оттолкнули меня, а теперь упрекаете.

— Я упрекаю? И не думаю. Ахъ, да, я и забыла: какое же жалованье будетъ получать бонна вашей племянницы?

Андрей сконфузился было, но потомъ оправился и сказалъ, кланяясь:

— Какое она назначитъ сама.

— Браво, Андрей Борисовичъ! Вы перещеголяли Прѣснова въ галантности. Не бойтесь, я не запрошу слишкомъ дорого. Но вотъ что: я пошутила, говоря, что поѣду къ вамъ

Digitized by Google

сегодня: мнѣ просто не хотѣлось оставаться одной съ этимъ господиномъ. Завтра въ шесть часовъ, то есть послѣ службы, я у васъ. А сегодня вы поѣдете одни. Въ залогъ же того, что я пріѣду непремѣнно, можете взять мой чемоданъ. Надѣюсь, у меня будетъ отдѣльная комната?

— Еще бы! У васъ будетъ не комната, а цѣлый садъ.

— Ахъ, это чудесно! Я люблю цвѣты гораздо больше, чѣмъ живыхъ людей; умѣю даже съ ними разговаривать и понимаю то, что они мнѣ лепечутъ.

Андрей просидѣлъ у нея до возвращенія хозяйки, и она все время подсмѣивалась надъ нимъ, была очень весела, шутлива, и говорила ему такія милыя дерзости, къ которымъ нельзя было придраться. А когда онъ уѣхалъ, она подошла къ окну, схватилась руками за голову, и крупныя слезы ручьемъ хлынули изъ ея глазъ. Она полюбила его теперь, когда онъ пересталъ любить ее; полюбила такъ, какъ никогда не любила. О, еслибы знать это раньше! Еслибы можно было предвидѣть эту бѣду, обрушившуюся на нее такъ нежданно, негаданно. Въ одинъ вечеръ свершилось то, чего онъ добивался годами; въ одинъ вечеръ и въ головѣ, и въ сердцѣ ея навѣки запечатлѣлись и это лицо, и этотъ тихій голосъ, и этотъ ласково вкрадчивый взглядъ.

„Будь, что будетъ, а я переѣду къ нему. Каждый день его видѣть, каждый день говорить съ нимъ,—Господи, да чего же еще надо“!—думала Аглая, засыпая, и мысль о томъ, къ чему приведетъ все это, ни разу не пришла ей въ голову. Она видѣла свѣтъ и тянулась къ нему всѣмъ существомъ своимъ, не размышляя о томъ: сожжетъ онъ ее или согрѣетъ. „Онъ привыкнетъ ко мнѣ, онъ увидитъ мое чувство и снова въ немъ вспыхнетъ старая любовь, а теперь я уже не оттолкну его. Хоть день, да мой“!

А мать? А данное слово? Аглая быстро встала съ постели. Сонъ отлетѣлъ мигомъ, точно его сдунуло страшное воспоминаніе.

Что же—точно шепнулъ ей кто-то на ухо:—мать желала тебѣ счастья, а развѣ оно возможно для тебя безъ Андрея? О, да, да, да! Будь что будетъ, лишь бы вернуть его прежнимъ, хоть на одинъ день, хоть на одинъ часъ!

VII.

Прошелъ еще годъ. Снова наступила весна, снова проснулась природа. Овдовѣвшая родственница давно уже переселилась изъ дома Андрея Борисовича въ провинцію, къ роднымъ

Digitized by Google

своего покойнаго мужа, и увезла съ собою дочь, а Аглая все продолжала жить у Андрея. Да и какъ бы она ушла отъ него? Съ каждымъ днемъ глубже погружалась она въ этотъ омутъ, съ каждымъ днемъ сильнѣе чувствовала, что ей изъ него никогда не выбраться. Это было тѣмъ ужаснѣе, что она видѣла, какъ все меньше и меньше дорожилъ ею Андрей.

„Я должна была предвидѣть, что именно такъ, а не иначе, будетъ все это“,—думала она, и ей отчетливо, подробно припоминался тотъ вечеръ, когда она забыла всѣ свои разсужденія, всѣ свои опасенія, побѣжденныя одной мыслью: хоть день да мой! Это было черезъ недѣлю по переѣздѣ ея въ домъ Андрея. Душистая бѣлая ночь глядѣлась къ нимъ въ окна. Аглая сидѣла въ большомъ креслѣ, Андрей помѣстился на скамейкѣ у ногъ ея, держа на рукахъ маленькую племянницу.

— Любишь тетю?—спрашивалъ Андрей, и Аглая почти не слыхала отвѣта малютки, вся замирая подъ чарующей лаской его голоса. Онъ—дядя, она—тетя. Это сближеніе волновало ее до глубины души. Вся подавленная внутренней нѣжностью, она обняла дѣвочку, и рука Андрея, лаская головку малютки, легла на ея руку.

Она вздрогнула отъ этого прикосновенія, взглянула на Андрея и уже не могла оторваться отъ него. Луна освѣщала его мягкимъ свѣтомъ и подъ этими призрачными лучами еще блѣднѣе казалось его лицо, еще теплѣе и задушевнѣе—блескъ голубыхъ глазъ.

— Дѣточка моя милая!

Онъ обнялъ племянницу, положилъ свою руку на обнимавшія ее руки Аглаи, и для нея было слишкомъ ясно, къ кому относились его ласковыя слова. Его голова почти опустилась къ ней на колѣни, и она невольно положила руку на его густыя шелковистыя кудри. Страшенъ первый шагъ подъ гору. Но когда онъ сдѣланъ—остальные являются сами собой, какъ неизбѣжное слѣдствіе, становясь все быстрѣе, такъ что, въ концѣ концовъ, нѣтъ уже силы, которая могла бы удержать ихъ. Эта исторія повторилась и на Аглаѣ: она стремглавъ неслась къ пропасти и упала въ нее, ничего не помня, не сознавая, вся подавленная мощью страсти, нахлынувшей на нее, какъ огненная лава. Она была какъ въ чаду. Отрезвленіе пришло слишкомъ поздно, какъ приходитъ оно всегда.

Большая, изящная квартира на Сергіевской улицѣ была залита огнями и оживилась смѣхомъ и говоромъ гостей, собравшихся на именины Андрея Борисовича Круцкаго. Дѣла его шли блистательно: онъ написалъ выдающуюся диссертацію,

Digitized by Google

поднявшую бурю похвалъ и одобреній въ ученомъ мірѣ. Его пробная лекція прошла превосходно.

Аглая была тутъ же, въ кругу этихъ пышныхъ, нарядныхъ дамъ, такая печальная, постарѣвшая, неловкая и смѣшная въ своемъ простомъ черномъ платьѣ. На блѣдномъ исхудаломъ лицѣ ея только глаза остались по прежнему прекрасными, глубокими, блестящими. Круцкій рекомендовалъ ее, какъ свою родственницу. Жоны и сестры его товарищей не могли бы пріѣхать къ нему, еслибы знали истину ихъ отношеній. Онъ повѣдалъ имъ печальную повѣсть жизни Аглаи и заявилъ, что, кромѣ него, въ ней никто не принимаетъ участія, у нея нѣтъ никого близкаго. И бѣдной родственницѣ простилось то, чего никогда не простили бы свѣтской барышнѣ.

— Она неловкая, бѣдная, совсѣмъ безъ манеръ,—говорили о ней дамы съ манерами.—Но это такъ понятно: бѣдность и одиночество могутъ совершенно измѣнить человѣка и отучить его отъ общества.

— Какая идеальная личность Круцкій, право! Онъ весь чужой, онъ совсѣмъ не живетъ для себя.

— А вѣдь она недурна,—говорили объ Аглаѣ мужчины.

— О, да, у нея очень выразительное лицо,—соглашались дамы, охотно признавая и даже усиливая достоинства этой неловкой, всегда такъ скромно одѣтой, дѣвушки.

Не смотря на такое доброе и скорѣе снисходительное отношеніе, въ этомъ чопорномъ обществѣ Аглая была глубоко несчастлива. Каждый день она повторяла себѣ, что ей надо уйти, и не чувствовала въ себѣ силы на этотъ рѣшительный шагъ. Она отлично видѣла, что прежняя любовь къ ней совершенно исчезла въ Андреѣ и замѣнилась чувствомъ какого-то давящаго нравственнаго долга. Онъ даже пересталъ понимать, какъ могла когда-то такъ сильно привлекать его къ себѣ эта вѣчно печальная, молчаливая женщина; его смущали и бѣсили подчасъ ея строгіе глаза, поднимавшіеся на него съ обиднымъ недоумѣньемъ, когда онъ говорилъ что нибудь такое, что противорѣчило его прежнимъ воззрѣніямъ. Смѣшная, отсталая женщина! Она воображала себѣ, что человѣкъ можетъ оставаться неизмѣннымъ, когда вокругъ него все мѣняется. Она роняла его достоинство, бѣгая по грошовымъ урокамъ и внося въ хозяйство свои жалкіе гроши,—въ его хозяйство, гдѣ сотни тратились въ одинъ вечеръ, на одинъ званый обѣдъ. Онъ сознавалъ, что она любитъ его и изъ великодушія бросалъ ей ласки, увѣряя, что онъ „все тотъ же“, только занятій у него больше прежняго и онъ не можетъ сидѣть постоянно около нея.

„Постоянно“! Ей всего раза два въ недѣлю удавалось обмолвиться съ нимъ нѣсколькими фразами; она и видала-то

Digitized by Google

его урывками, когда онъ забѣгалъ домой переодѣться. И она все таки любила его въ душѣ; любила, какъ мать любитъ больное погибающее дитя свое, болѣя за него ежечасно, ежеминутно. Онъ бывалъ съ нею грубъ, рѣзокъ, не выносилъ ея ревнивыхъ подозрѣній, самъ безпрестанно подавая къ нимъ поводъ, и подъ сердитую руку упрекалъ въ отсутствіи благодарности за тѣ годы, которые онъ истратилъ на любовь къ ней, на тоску по ней. Они помѣнялись ролями. Андрей самъ какъ-то сказалъ ей это, будто шутя. Она все прощала ему за полуласковое слово; надежда оживала въ ней при малѣйшемъ знакѣ его вниманія. Она портилась подлѣ него, путалась въ мелочахъ и сама чувствовала, какъ опускается все ниже и ниже. Въ рѣдкія минуты сознанія она была себѣ отвратительна: ею не разъ овладѣвала мысль о самоубійствѣ, но она гнала ее прочь, боясь, что этимъ испортитъ жизнь Андрея. Она, дѣйствительно, матерински его любила, матерински прощала.

Въ характерѣ Аглаи начали появляться новыя черты: вѣчное недовольство собою, вѣчное раздраженіе; тоска, доходящая до ужаса, сдѣлала ее нервной, капризной, прицирчивой. Андрею это не могло нравиться и она становилась ему еще постылѣе въ сравненіи съ тѣми милыми, любезными дамами, къ которымъ онъ являлся въ качествѣ такого же милаго и любезнаго гостя. *Ихъ* семейный очагъ былъ непоколебимъ и покоенъ; *онъ* устроили свои гнѣзда изысканнымъ образомъ, и такъ ревниво оберегали и лелѣяли покой своихъ доходныхъ мужей. Онъ забывалъ, что у Аглаи не было ничего: ни гнѣзда, которое она могла бы назвать своимъ, ни друга, съ которымъ могла бы раздѣлить свое горе. Что̀ можетъ быть хуже одинокой, безпріютной старости? А она-то именно и предстояла Аглаѣ. Будь у нея ребенокъ—она была бы спасена.

M-me Вроцкая играла на роскошномъ бекштейновскомъ роялѣ венгерскую рапсодію Листа. Былъ вечеръ четверга, когда у Андрея Борисовича собирались всѣ его друзья поиграть въ карты, поболтать, поужинать. Аглая на этихъ вечерахъ играла роль экономки и рѣдко появлялась въ голубой гостинной, освѣщенной матовымъ фонаремъ. Но, услышавъ звуки любимой рапсодіи, она вышла и тихо сѣла въ полуосвѣщенный уголъ.

Ее замѣтили. Черное платье такъ рѣзко выдѣлялось на свѣтломъ фонѣ гостинной, какъ обрывокъ грозовой тучи на голубомъ небѣ. M-me Вроцкая улыбнулась ей. Это была прелестная женщина съ миньятюрнымъ, прозрачнымъ личикомъ и большими синими глазами, жена извѣстнаго ученаго, акуратно посѣщавшая вечера Круцкаго въ сопровожденіи своего пасынка, юнаго студента-юриста. Андрей сильно ухаживалъ за ней,

Digitized by Google

но за глаза подсмѣивался, называя ее: „мать, а не мачиха.“ Андрей тоже замѣтилъ Аглаю. Ему стало какъ будто немножко жаль ея. Блѣдное лицо, опущенныя вѣки съ пушистыми длинными рѣсницами и нервное подергиваніе въ углахъ рта говорили за то, что не весело было у нея на душѣ. Минорные звуки рапсодіи растрогали его. Онъ подошелъ къ Аглаѣ и сѣлъ подлѣ нея.

— Что ты такая скучная?—тихо шепнулъ онъ ей, и что-то похожее на прежнюю ласку дрогнуло въ его голосѣ.

Она испуганно подняла глаза. Какъ давно ужь не слыхала она ничего подобнаго! Эти большіе глубокіе глаза опять взглянули на него съ тѣмъ выраженіемъ пугливаго недоумѣнія, отъ котораго ему всегда становилось не легко.

— Ну, опять!

Онъ махнулъ рукой и подсѣлъ къ роялю. М-me Вроцкая и ему улыбнулась также мило, какъ раньше улыбнулась Аглаѣ, и что-то тихо сказала ему. Аглая незамѣтно вышла изъ комнаты. Вопросъ Андрея растравилъ въ ней все, что̀ такъ давно уже накопилось и только усиліями воли сдерживалось въ извѣстномъ равновѣсіи. Теперь это все закипѣло и колючими слезами подступило къ глазамъ. Она прошла въ свою комнату, сѣла на кровать и горько, мучительно разрыдалась.

— Варенька,—обратилась она къ вошедшей на зовъ ея дѣвушкѣ,—если Андрей Борисовичъ спроситъ, гдѣ я, скажите, что у меня голова болитъ и что я легла. Распорядитесь за меня ужиномъ.

Ложась въ постель, она замѣтила на полу вчетверо сложенный листикъ бумаги.

— Что это, кажется, письмо. Кому? отъ кого?

Она поднесла его къ свѣчкѣ, развернула и прочла слѣдующее:

„Да, я вернусь къ тебѣ, какъ только узнаю, что ты разстался съ нею, я богата и могу обезпечить ее на всю жизнь. Стало быть, съ этой стороны ты можешь быть покоенъ, мой дорогой Андрей. Какъ я счастлива, что ты все еще любишь меня! Я всегда говорила, что людямъ не разлучить того, что благословилъ Богъ“.

Что̀ слѣдовало дальше, Аглая не поинтересовалась узнать. Она взглянула на подпись, тамъ стояло: „Клавдія Круцкая“. Ей стало все ясно, понятно. Но почему бы прямо не сказать, что ея пѣсенка спѣта? Одну минуту она подумала, что Андрей самъ подбросилъ это письмо въ ея комнату, не рѣшаясь на личное объясненіе, но потомъ догадалась, что письмо выпало изъ кармана его пальто, когда оно переносилось въ ея комнату, чтобы освободить вѣшалку въ передней для платья гостей. Въ

Digitized by Google

головѣ ея стоялъ какой-то туманъ; рѣшимость крѣпла, ей страстно хотѣлось покончить все это скорѣй, скорѣй. Она схватила перо и написала въ концѣ письма Клавдіи:

„Будьте счастливы; я ухожу и винюсь, что слишкомъ долго стѣсняла васъ. Обезпечить меня вамъ не придется: дѣтей у меня нѣтъ, руки здоровыя—прокормлюсь какъ нибудь. Аглая".

Никто не видѣлъ, какъ она вышла изъ дому съ узломъ подъ широкой тальмой. Варя накрывала въ столовой ужинъ, а лакей спалъ въ передней. Уходя, она оглянулась и увидала фигуру Андрея въ ярко-освѣщенномъ окнѣ.

— Прощай, милый мой, жизнь моя!

Прошелъ мѣсяцъ, Андрей отыскалъ Аглаю, поселившуюся въ маленькой квартиркѣ на Пескахъ, и объяснилъ ей, что о письмѣ жены не сказалъ потому, что не придавалъ ему никакого значенія, что все это ни больше, ни меньше, какъ интриги Прасковьи Борисовны, желающей, во что бы то ни стало, снова соединить супруговъ. Отъ предложенія вернуться къ нему Аглая отказалась наотрѣзъ: ей было покойнѣе приходить къ нему иногда въ качествѣ гостьи и не чувствовать себя обязанной, не видѣть будень совмѣстной жизни. Дорого стоили ей тѣ дни, когда она его видѣла. Было что-то фатальное, непреоборимое въ ея чувствѣ къ нему, что́ нужно было прятать отъ глазъ постороннихъ и еще больше отъ его глазъ.

— Мы вѣдь друзья, не такъ ли?—спросилъ онъ ее, когда она серьезно и непреклонно заявила ему свое желаніе покончить эти отношенія.

— Конечно, друзья, — спокойно отвѣчала Аглая. — На дружбу эту уже сама давность даетъ намъ право.

А когда онъ уходилъ отъ нея, она думала о немъ, плакала, мучилась. Аглая зарылась въ книгахъ, корпѣла надъ ними, завалила себя работой — ничего не помогало: нужды больше не было, не было, повидимому, и времени для постороннихъ думъ, а между тѣмъ, что́ бы она ни дѣлала, чѣмъ бы ни занялась, образъ Андрея стоялъ передъ нею, какъ живой.

VIII.

Наступила весна. Въ одинъ изъ мартовскихъ дней дождь лилъ, какъ изъ ведра, и вѣтеръ неистово шумѣлъ, срывая шляпы съ прохожихъ.

Аглая шла съ урока, зябко кутаясь въ сѣренькій пледъ, погруженная въ обычныя думы, и при поворотѣ съ Морской на Невскій лицомъ къ лицу встрѣтилась съ господиномъ, схватившимъ ее за иззябшія руки. Она подняла глаза и пугливо

Digitized by Google

отшатнулась: передъ ней стоялъ Орѣшниковъ, постарѣвшій, но все еще статный, красивый, съ прежнимъ добрымъ выраженіемъ глазъ.

— Матушка, родная моя! Да вы ли это? Только чутьемъ и узналъ васъ, угадалъ, такъ сказать. Ай-ай-ай, какъ измѣнились! Зайдемте ко мнѣ, есть время; я тутъ близехонько на Морской живу.

Аглая съ минуту стояла въ нерѣшимости.

— Хорошо... пожалуй, зайдемте. Дома меня никто не ждетъ,—горько прибавила она.

Орѣшниковъ занималъ въ гостинницѣ „Міръ" красивый, уютный номеръ въ двѣ комнатѣ и, проходя коридоромъ, заказалъ кофе и завтракъ. Аглая сѣла въ широкое, мягкое кресло и задумчиво смотрѣла на хозяина, хлопотливо прибиравшаго разныя разбросанныя вещи.

— Извините... безпорядокъ. Жены нѣтъ, некому пріучить къ акуратности. Ну, что вы? Какъ живете-можете? Разсказывайте все подробно. Замужемъ, конечно? счастливы?

Онъ какъ-то нерѣшительно вымолвилъ послѣднія слова, искоса взглянувъ на ея черезчуръ уже скромный нарядъ. По его мнѣнію, человѣкъ, лишенный возможности сытно ѣсть, пользоваться извѣстнымъ комфортомъ и имѣть теплое платье, не могъ быть даже довольнымъ, не только счастливымъ.

Аглая не слыхала его вопроса или, вѣрнѣе, не поняла его. Видъ этого человѣка напомнилъ ей прошлое, не позабытое, но отодвинутое долгими тревожными годами. Рядомъ съ благодушнымъ, сытымъ лицомъ Орѣшникова встало другое лицо съ серебряными нитями въ густыхъ волосахъ, тонкое, изящное, мыслящее.

— Ну, моя милая барынька, разсказывайте же, разсказывайте!

Онъ сѣлъ рядомъ съ нею и сжалъ ея руку въ своихъ мягкихъ широкихъ рукахъ.

— Иззябла, бѣдняжечка! Ручки красныя, какъ гусиныя лапки. Перво-на-перво разскажите мнѣ, какъ это случилось, что вы тогда такъ скоропалительно исчезли? Помните, изъ Зеленаго-то? Злодѣйка, хоть бы разокъ написала! Прасковья Борисовна къ намъ въ тотъ же день пріѣхала свѣженькую новость разсказать. Путала, путала что-то, — я, признаться, ничего не понялъ: какъ обухомъ по головѣ треснула, ошалѣлъ совсѣмъ. Ну, а послѣ ужь неловко было разспрашивать, да и сердить былъ къ тому же. Хотѣлъ слѣдомъ ѣхать, да спасибо скоро опамятовался: что-де чужой вѣкъ заѣдать! Обманула—Богъ ей судья!

— Нѣтъ, я не обманывала, по крайней мѣрѣ, не хотѣла

Digitized by Google

обманывать. Такъ какъ-то... глупо все это вышло... Струсила— и убѣжала.

— Чего же струсила-то?

— Чего струсила? — переспросила Аглая, собираясь съ мыслями.—А вотъ видите ли... показалось мнѣ, что я...

— Ну?

— Близка къ тому, чтобы полюбить васъ.

— Чего же тутъ такого страшнаго? Я-то развѣ не любилъ?

— Не то мнѣ было страшно. Я ошибиться боялась и обмануть васъ невольно, не преднамѣренно. Оно, конечно, такъ бы и вышло: время показало, что я дѣйствительно полюбила васъ, да не такъ, какъ надо. Вотъ какъ потомъ полюбила я и какъ теперь еще люблю—это любовь настоящая, не выдуманная, съ жизнью связанная.

Голосъ у нея дрогнулъ, на глазахъ показались слезы. Орѣшниковъ окончательно растерялся.

— Родная вы моя! Простите меня, дурака, что напомнилъ вамъ это все. Самъ я воленъ вѣкъ его не забыть, а вамъ не резонъ вспоминать,—это точно. Мужу, такъ сказать, въ обиду пойдетъ.

— Я не замужемъ, — тихо проронила Аглая, мучительно вспыхивая.

— Не замужемъ? Да какъ же... какъ же это Прасковья Борисовна сказала тогда, будто за вами женихъ пріѣзжалъ. Наврала, значитъ.

— Нѣтъ, она правду сказала. Но это... разстроилось.

— Тэ-эксъ, — задумчиво протянулъ Орѣшниковъ. — Вотъ она штука-то въ чемъ. То-то и похудѣли такъ, барынька, ну, да и того... постарѣли какъ будто маленько.

Онъ мягко улыбнулся, точно боялся обидѣть ее и участливо заглянулъ ей въ глаза. Аглая отвѣчала ему благодарнымъ, ласковымъ взглядомъ. Она уже отвыкла, бѣдная, отъ доброты и участія.

— Да, постарѣли, маленько есть,—также задумчиво говорилъ Орѣшниковъ, не сводя съ нея глазъ,—а все таки хорошая, милая, глаза-то все тѣ же остались, а вѣдь въ нихъ и была главная красота. Да вотъ что я вамъ скажу, барынька моя милая: выходите-ка вы за меня замужъ. Я вотъ только увидалъ васъ, такъ, кажется, вѣкъ бы не разстался. Станемъ себѣ жить—поживать, да добра наживать.

Аглая вздрогнула.

— Мнѣ выйти замужъ! Теперь? О, да полно же, полно шутить!

Она закрыла рукой глаза.

Digitized by Google

— Шутить? — строго и медленно переспросилъ Орѣшниковъ. — Боже меня избави! Такими вещами шутить не полагается тому, у кого есть Богъ въ душѣ, а у меня Онъ есть. Я не любилъ, кромѣ васъ, ни одной женщины, вотъ вамъ крестъ. Бывало, понравится какая нибудь барыня, подойдешь къ ней, думаешь: дай приволокнусь, а вы ужь тутъ какъ тутъ, стойте это и смотрите такъ строго, печально, — ну, вотъ совсѣмъ какъ теперь. Возьмешь, да и отойдешь поскорѣе. Такъ и порѣшилъ, что не женюсь никогда, что прошло мое время, а бобылемъ жить—смерть надоѣло.

Аглая покачала головою.

— Спасибо вамъ, коли вы серьезно все это говорите, но замужъ я не пойду, не могу идти. А ужь особенно за васъ-то: не смотря на свои сорокъ лѣтъ, вы почти не жили. Я отжила, хотя мнѣ всего тридцать три года; я не умѣла по крупинкамъ отвѣшивать чувство и оно сожгло меня; я развинчена, изломана, у меня мѣста здороваго нѣтъ.

Она разсказала ему всю горькую повѣсть, ничего не скрывая, иногда даже усиливая, подчеркивая. У нея то и дѣло обрывался голосъ, дрожавшій отъ внутреннихъ слезъ. Орѣшниковъ сидѣлъ, не шевелясь, низко опустивъ голову. Она разрыдалась. Онъ тихонько взялъ ея руку и погладилъ, готовый расплакаться самъ.

— Устала, бѣдняжечка, измучилась. Ничего, подлѣ меня отдохнете. Пылинки не дамъ сѣсть на васъ, вѣтру подуть. Забудется это все, перемелется, настануть еще и красные дни.

Аглая смотрѣла на него широко открытыми, недоумѣвающими глазами.

— Какъ, и теперь, послѣ всего, что я говорила вамъ? Да что же это такое? неужели опять непрошенное благодѣяніе?

— Бѣдная, какой недовѣрчивой вы стали. Да что же я-то, весталкою что ли жилъ? Вѣдь не мальчикъ я, чтобы жену себѣ выбирать изъ молодыхъ подросточковъ, да и не люблю я ихъ: тутъ въ прошломъ любовь, а тамъ въ будущемъ жди ее. Подумаешь, какая пріятность! Ну, такъ что же, сударыня моя, говорите, коли согласны, прямо отсюда и подъ вѣнецъ.

Аглая молчала. Ее коробили эти грубыя ласки простаго человѣка; за послѣднее время Андрей пріучилъ ее къ грубостямъ, но тамъ эти грубости проявлялись дикими вспышками, подъ сердитую руку; на смѣну имъ приходила культурная изворотливость, объяснявшая эти вспышки какимъ нибудь высокимъ мотивомъ, и виноватой за нихъ непремѣнно оставалась она, Аглая, выводящая изъ терпѣнія своими капризами человѣка, вся жизнь котораго была цѣпью возвышенныхъ задачъ.

Digitized by Google

Холодная, пустая женщина, она не понимала высоты ответственности, лежавшей на его плечахъ, и приставала съ какимъ нибудь вздоромъ въ то время, когда онъ обдумывалъ или планъ лекціи, или рѣчь, которую долженъ былъ сказать на конференціи по поводу того или другаго вопроса. Все это пробѣжало въ головѣ Аглаи съ быстротою молніи. Поднялось злое желаніе мести и тотчасъ же смѣнилось врожденнымъ чувствомъ благородства и смиренія.

„Нѣтъ... что же, вѣдь и вправду я не умѣла скрасить его жизнь, не умѣла понять его, не умѣла смириться, какъ смиряются сотни другихъ, лучшихъ женщинъ".

— Вы, кажется, обидѣлись на меня за что-то?—прервалъ ея думы Орѣшниковъ.

Аглая подняла голову; она забыла, что онъ тутъ, что онъ ждетъ отвѣта.

— Обидѣлась на васъ? Господи, за что же?

— Не знаю. Я съ женщинами разговаривать какъ-то совсѣмъ не умѣю. Тонкостямъ меня не учили, а что душа во мнѣ есть, такъ ужь это вѣрно-съ. Такъ какъ же, сударыня вы моя, не ужь-то опять откажете мнѣ, какъ тогда?

Аглая подняла глаза и встрѣтила его добрый, ласкающій взглядъ.

„А что же я ему дамъ за это? — шевельнулся гнетущій вопросъ.—Приму ли я все пережившую любовь его, сама переполненная любовью къ другому? О гадость, гадость!

— Да, опять откажу, но для васъ же, для васъ, помните это.

Орѣшниковъ поблѣднѣлъ.

— На горе мы съ вами встрѣтились. Помните, я вамъ сказалъ, что полюбилъ на всю жизнь, такъ оно и вышло. Ну, что же, Богъ съ вами. Только... ей богу напрасно вы это дѣлаете. Ну, что за жизнь теперь? Одинокая, измученная, больная. Я вѣдь не требую, чтобы вы любили меня, какъ я васъ люблю; я знаю, что это невозможно. Мнѣ только нужно, чтобы вы были тутъ, подлѣ меня; вы ко мнѣ привыкнете и привяжетесь, я увѣренъ. Душа-то ваша передо мной, какъ на ладони лежитъ; отъ нея вѣдь свѣтится, тепломъ вѣетъ. Мнѣ это дорого, я это понимаю. Вы и кругомъ-то всѣмъ будете матерью, да и мнѣ добро сдѣлаете. Знаю я, какъ въ Зеленомъ вы грамотѣ всѣхъ ребятъ научили, да лѣчили ихъ всѣхъ; знаю, какъ Настю Простухину отъ смерти спасли, все знаю. А въ Орѣшниковѣ не то еще можете сдѣлать, потому—хозяйкой будете.

Вся кровь бросилась въ лицо Аглаи. Какъ могла она и

Digitized by Google

это забыть? Какъ могла отставить на задній планъ то, что всю жизнь горячо исповѣдывала?

— Да, да и да!—торжественно проговорила она, протянувъ ему руки.

Надежная пристань была найдена; впереди загоралась заря, безцѣльное существованіе подходило къ концу. Она вся дрожала, какъ въ истерическомъ припадкѣ; что-то билось въ ней напряженно, конвульсивно, туманило голову, подкашивало ноги. Она и подъ вѣнцомъ стояла, какъ помѣшанная, и въ дорогу пустилась съ такимъ же отсутствіемъ живой, сознательной мысли.

Только видъ Зеленаго, мимо котораго имъ пришлось проѣзжать, привелъ ее въ себя. Она всплеснула руками и разрыдалась горько, громко, дѣтски-безпомощно. Ночью у нея сдѣлался жаръ и бредъ, и она три недѣли пролежала въ постели, никого не узнавая, плача и припоминая все, что было горькаго въ ея исковерканной жизни. По счастью, она не узнала еще, что во время ея болѣзни отъ Круцкаго пришло письмо, гдѣ онъ въ самыхъ обидныхъ выраженіяхъ разрѣшалъ и благословлялъ ея бракъ.

„Вы бросили меня,—писалъ онъ,—отнявъ у меня лучшіе годы жизни, испортивъ, извративъ эту жизнь. Ну, что же, исполать вамъ, будьте счастливы, если можете".

„Она ему жизнь испортила",—горько думалъ Орѣшниковъ, прислушиваясь къ безсвязному бреду, долетавшему до него изъ спальни жены.

IX.

Какимъ-то давящимъ, тяжелымъ ярмомъ повисла надъ Аглаей безсонная ночь. Не первая была эта ночь, когда сонъ упорно бѣжалъ отъ нея, но такъ тяжело ей еще никогда не было. Свистъ вѣтра въ трубѣ раздавался въ ушахъ ея щемящими, за душу берущими нотами. Маятникъ часовъ выбивалъ свои „тикъ-такъ" монотонно и вяло, какъ бы заканчивая жизнь. Голову осаждали мучительныя думы, тревожныя воспоминанія, безнадежные итоги. И—въ довершеніе всего—этотъ ужасный храпъ, отъ котораго хочется въ землю зарыться, лишь бы не слыхать его.

Къ этому прійти и этимъ закончить! Да зачѣмъ же было мучиться, проходить черезъ всѣ мытарства, отщепенства, черезъ всѣ униженія бѣдности? Думала—кончена жизнь, смолкли всѣ личные запросы, можно отдать всю себя на служеніе чужому покою, чужой радости. А эта радость... она была только въ мечтахъ, въ идеалѣ; ее поманили этой радостью, а потомъ

Digitized by Google

сказали: „брось, милая, пустое это дѣло“. Сказали и отняли средства, возможность дѣлать что нибудь. „Не бабья это забота съ мужиками толки вести. Жили до тебя и при тебѣ проживутъ. Ты вотъ сама-то поправляйся, жирку нагуливай; я худыхъ смерть не люблю“.

Господи, какая ужасная роль: худыхъ не любить и потому изволь вести жизнь тетушки Секлетеи Ильиничны, чтобы потолстѣть ему въ угоду.

„И зачѣмъ онъ женился на мнѣ?“ думала Аглая.—„Ѣздить на охоту, проводить тамъ цѣлые дни, пьяный уѣзжаетъ, пьяный возвращается. Добрый онъ, правда, добрый и ласковый, что говорить, да отъ доброты-то этой не легче, а отъ ласки бѣжать хочется. Ужь лучше бы деспотомъ былъ, мучилъ, унижалъ меня... хоть бы страданіе было какое нибудь,—жизнь бы не останавливалась, какъ остановилась теперь. Больше всего возмущала ее мысль, что она обманута. Вѣдь не подножнымъ же кормомъ она плѣнилась, не на него пошла. Идея не отжила, не состарилась, и она надѣялась воплотить ее въ жизни здѣсь, гдѣ десятки лѣтъ тяготѣлъ гнетъ рабства и бѣдности. И вотъ на первыхъ же порахъ она встрѣтила такой отпоръ, какого раньше и представить себѣ не могла въ этомъ покорномъ любящемъ человѣкѣ,—и отпоръ, и смѣхъ надъ блажнымъ ребенкомъ, которому захотѣлось новой игрушки.

„Живешь, какъ какое-то безсмысленное прибавленіе къ домашнему обиходу, ничего не дѣлая, не внося даже въ хозяйство своей доли труда. Поить и кормить ни за что, ни про что, какъ всякое домашнее животное, какъ кошку, собаку; тѣ даже полезнѣе меня: одна мышей истребляетъ, другая домъ сторожитъ“.

Какое-то непобѣдимое озлобленіе поднималось въ душѣ Аглаи, она чувствовала себя одураченной, почти насильно втиснутой въ узкую рамку растительной жизни. Что же дѣлать-то теперь, чтобы хоть сколько нибудь помириться съ нею? Какъ найти хоть проблескъ мысли въ этой мертвящей обстановкѣ? Мужъ, у котораго вся жизнь выливается въ двухъ словахъ: „сонъ и ѣда“; скряга-мать, злорѣчивая сплетница-тетка—вотъ люди, съ которыми надо жить, вѣкъ вѣковать. Ихъ можно прощать, какъ безъ вины виноватыхъ, мириться съ ними, но чтобы полюбить, надо самой спуститься до нихъ. Неужели же *это* надо поставить себѣ задачей? О, Боже упаси! Намѣренно никто еще никогда не падалъ въ помойную яму. Надо устроиться какъ нибудь иначе, надо ждать смерти старухъ, а пока создать свою жизнь, внутреннюю.

Всего пять мѣсяцевъ прошло со дня свадьбы Аглаи, а она уже готова была бѣжать, куда глаза глядятъ, отъ этого сытнаго

Digitized by Google

подножнаго корма. Но куда бѣжать, когда она одна во всемъ свѣтѣ? Она встала, накинула блузу и зажгла свѣчу. Мрачная комната съ сѣрымъ отсырѣвшимъ потолкомъ казалась еще мрачнѣе отъ тусклаго свѣта необгорѣвшей свѣчи. Аглая сѣла къ столу и задумчиво облокотилась на него. Завтра опять начнется бѣготня по крестьянскимъ избамъ съ мазями, травами и пилюлями. А мужъ ея,—этотъ не злой, но себѣ на умѣ здоровенный человѣкъ съ могучимъ храпомъ,—преспокойно встрѣтитъ старосту, когда тотъ принесетъ ему трудовые крестьянскіе гроши. У нихъ послѣднюю овцу сведутъ со двора, а тетушка Секлетея Ильинишна объѣстся пирогами на эти деньги, да и ее угоститъ, любезную невѣстушку. Муженекъ отвѣшиваетъ хлѣбъ по крупицамъ подъ рабочіе дни, а она ходитъ тереть мазями наболѣвшія крестьянскія спины. Комедія, дѣтская безсмысленная самопоблажка! Душу отдавала за бѣдняка и успокоилась на пилюляхъ. Тамъ ѣсть нечего, они золотухой осыпаны отъ грязи и нищеты, а она ихъ начиняетъ лѣкарствами. Кулака ублажать пришла; жизнь посвятить думала на то, чтобы обезпечить ему этотъ сытый храпъ. Вѣдь не легче ей отъ того, что онъ не вѣдаетъ, что творитъ. Сорокъ лѣтъ настилалась кора, теперь ее не проймешь. Звонъ колокольчиковъ оборвалъ думы Аглаи. Она подошла къ окну въ то самое время, когда во дворъ въѣзжала тройка коней, запряженныхъ въ крытую телѣжку. Она посмотрѣла на стѣнные часы. „Безъ четверти два. Кто бы это могъ быть? Съ поѣзда?“ Отворивъ окно, она тотчасъ заперла его снова: вѣтеръ хлеснулъ ей въ лицо крупными каплями дождя. Аглая задула свѣчу и легла въ постель. Кто бы ни былъ этотъ пріѣхавшій, она была ему рада: все же хоть слово живое услышитъ.

— Барыня, а барыня,—шопотомъ окликнула ее вошедшая дѣвушка.

— Что вамъ, Маша? Я не сплю. Кто это пріѣхалъ?

— Бариновъ братецъ, Александръ Васильевичъ съ супругою. Куда проводить ихъ прикажете?

— Ахъ, почемъ я знаю, спросите Матрену Ильинишну.

— Да онѣ меня къ вамъ послали.

— Подумаешь, деликатности какія пошли! Скажите, что не могли добудиться. Можетъ, тамъ надо чай приготовить?

— Да-съ, я ужь и самоваръ поставила. Да вы не извольте безпокоиться, я сама все сдѣлаю.

— Ну, и чудесно. Идите, Маша, я спать хочу.

— Марья, чего ты тамъ, никакъ кто пріѣхалъ?—раздался изъ другой комнаты голосъ Орѣшникова.

— Точно такъ-съ, братецъ вашъ Александръ Васильевичъ пожаловали.

Digitized by Google

— А-а. Чего же ты барыню-то будишь? Дура!

— Да барыня не спали-съ.

Но Орѣшниковъ ужь не слыхалъ этихъ словъ. Кровать затрещала подъ тяжестью повернувшагося на другой бокъ его огромнаго тѣла, и черезъ секунду новый храпъ со свистомъ и прищелкиваньемъ долетѣлъ до ушей Аглаи.

Хотѣла спать Аглая или нѣтъ, торопя уходъ Маши, но она заснула только тогда, когда совсѣмъ разсвѣтало. Вѣтеръ стихъ. Утро стояло ясное и по небу неслись обрывки грозовыхъ тучъ, темно-сизыми штрихами стягиваясь къ западу. Заря занималась яркая, лучезарная. Аглая открыла окно и сладко заснула подъ освѣжающей струей утренняго воздуха.

— Марья, побуди барыню,—долетѣлъ до нея изъ столовой голосъ мужа.—Скажи, что мы ужъ чай отпили, полно ей нѣжиться.

— Мнѣ съ вашей супругой очень лестно познакомиться,— пропищалъ незнакомый Аглаѣ женскій голосъ.—Говорятъ, онѣ образованная дама?

— Да-съ, съ диплономъ, — басомъ отчеканила тетушка Секлетея Ильинишна.

Аглая усмѣхнулась: она какъ будто въ зеркалѣ увидала тетушку Секлетею Ильинишну съ поджатыми губами и свирѣпымъ взглядомъ, искоса брошеннымъ на Дмитрія Васильевича при заявленіи о „диплонѣ“.

— Намъ образованная-то какъ будто и не ко двору,—продолжалъ тетушкинъ басъ.—Скучаетъ съ нами, съ дурами деревенскими. Ну, и опять въ хозяйствѣ тоже; ужь не могу похвалить, не могу-съ.

— А вы ей дасте хозяйничать-то?—сурово остановилъ ее Дмитрій Васильевичъ.

— Ахъ, батюшки свѣты! Чай, не маленькая, не шестнадцати лѣтъ. Сама могла бы понять, что мнѣ трудно одной управляться, а сестрицѣ здоровье не позволяетъ помогать.

— Ужь лучше молчи ты, тетка, не егози! Немало у насъ съ тобой было исторій изъ-за этого: ты вѣдь помрешь, съ ключами не разстанешься.

— А что, братецъ, развѣ ваша супруга уже не въ молодыхъ лѣтахъ?

— Да помоложе васъ, сестрица, много помоложе будетъ,— сухо отвѣчалъ Орѣшниковъ.

— Да ужь я-то что! Я старуха, у меня сыну двадцатый годъ пошелъ, ну а вы-то вѣдь молодые, только жениться успѣли. Говорятъ, изъ себя хороша ваша супруга? До насъ еще въ Москвѣ слухи доходили.

— Худа очень,—брюзгливо вставила Матрена Ильинишна.

Digitized by Google

— Что же, по вашему, красота-то въ жирѣ, что ли? — отрывисто спросилъ Орѣшниковъ, покосившись на тройной подбородокъ невѣстки, и обратился къ брату съ предложеніемъ осмотрѣть садъ и службы.

— Не садъ, а малина, братецъ ты мой! Такіе фрукты, ягоды, какихъ у васъ въ „Охотномъ“ днемъ съ огнемъ не найдешь.

— Дрянь, братъ, сталъ нынѣ нашъ „Охотный“...

Дверь захлопнулась. Аглая такъ и не узнала, за что „Охотный“ попалъ въ немилость къ Александру Васильевичу.

„Рѣшительно Дмитрій лучше ихъ всѣхъ,—подумала она.— Какъ вѣдь вступился за меня, добрый мой“.

До нея долеталъ шопотъ свекрови и тетки, прерываемый по временамъ визгливыми взрывами смѣха Елизаветы Ѳедоровны.

Аглая поняла, что ея косточки перемываются не въ одной водѣ.

— Маша,—крикнула она,—помогите мнѣ одѣться.

Она въ первый разъ обращалась съ такой просьбой къ дѣвушкѣ и та подошла къ ней съ выраженьемъ удивленія на лицѣ. Аглая, смѣясь, кивнула на дверь и тихонько шепнула:

— Позлить ихъ хочу. Дайте мнѣ бѣлое платье, Маша, — важно и громко сказала она.

— Ишь ты фря какая,—донесся до нея шопотъ тетушки.— Фу ты, ну ты, ноги гнуты! Небось, прежде-то...

Дальше Аглая не слыхала, но и этого было довольно, чтобы удовлетворить ее совершенно. Поднялось какое-то глупое, тщеславное желаніе пустить имъ пыль въ глаза. Красивымъ, пышнымъ вѣнкомъ положила Аглая свою густую черную косу; подцвѣтила бѣлое платье пунцовымъ галстучкомъ и внимательно осмотрѣла себя въ зеркало, едва ли не въ первый разъ послѣ замужства.

„Хороша еще, что́ онѣ тамъ ни шипи,—подумала она.— Какъ я, однако, поправилась: десять лѣтъ съ костей долой“.

Она вышла къ гостямъ нарядная, любезная; окончательно очаровала брата и заставила жену его искусать себѣ губы отъ злости. Вечеромъ пріѣхали сосѣди, приглашенные Орѣшниковымъ для увеселенія гостей. Садъ освѣтили фонариками, вынесли на лужайку столъ съ закусками, виномъ и фруктами. Аглая была царицей праздника: она составляла хоры, устраивала игры и, наконецъ, предложила развести костеръ. Мужъ глядѣлъ на нее и радовался: она точно переродилась и совершенно вошла въ ихъ жизнь за одинъ этотъ день. Всѣ усѣлись вокругъ костра. Аглая вполголоса запѣла пѣсенку, мужъ ея взялъ гитару.

Digitized by Google

— Эхъ, тряхнуть стариной, куда ни шло!—сказалъ онъ: „Эй выиды-жъ, выиды-жъ, Серденько Ганю“—запѣлъ онъ мощнымъ, страстнымъ голосомъ, не сводя глазъ съ жены и любовно улыбаясь ей.

Аглаю точно что-то ущемило за сердце.

— Я не люблю этой пѣсни... не пой ея,—глухо оборвала она.

— Не любишь? Ну, такъ вотъ тебѣ удалая:

„Какъ на молодцѣ синь-кафтанъ,

„Опоясочка шолковая!“

— Ой жги, жги, говори...—дружно подхватилъ хоръ.

— Митенька, Митенька! Прасковья Борисовна пожаловали,—прервала пѣсню Секлетея Ильинишна, подходя къ костру со вновь пріѣхавшей гостьей.

— Забыли, забыли меня, Дмитрій Васильевичъ,—обиженно заговорила Прасковья Борисовна, пристально вглядываясь въ сидѣвшую у костра публику.—Аглая Яковлевна! Поздравляю, поздравляю васъ, матушка; очень рада была за васъ, когда услышала. Думала: ко мнѣ соберетесь, посѣтите меня по старой памяти.

Она болтала съ непринужденностью свѣтской женщины, какъ будто не замѣчая вытянувшагося лица хозяина и блѣднаго, какъ воскъ, лица хозяйки.

— Какъ красиво у васъ здѣсь, чудо! Точно цыганскій таборъ, право. Аглая Яковлевна—настоящая цыганка, въ красномъ платкѣ. Какая вы блѣдная, красавица моя. Охъ-хо-хо, вздохнула она:—Да, жизнь пережить—не поле перейти.

На минуту она остановилась, потомъ быстро заговорила опять, точно боясь, что другой кто нибудь заговоритъ вмѣсто нея.

— Мнѣ Августъ Осиповичъ сказалъ, что у васъ гости сегодня, вотъ я и вздумала пріѣхать. Что думаю, за церемонія между старыми пріятелями. А я вѣдь въ Петербургъ уѣзжала, къ брату Андрею погостить. Клавдинька воротилась къ нему, вотъ онъ и пригласилъ меня на радостяхъ. Ужъ и повеселились же мы, нечего сказать. Она вѣдь такая прелестная, наша Клавдинька! Вотъ женщина, господа,—обратилась она къ сидѣвшей вокругъ нея публикѣ.—Для нея всякую бросишь: умна, хороша, образована—ну, вотъ прямо въ душу войдетъ, какъ захочетъ. Дружно живутъ, смотрѣть любо. Ну, а вы какъ поживаете, молодые супруги?

— Мы-то? Да такъ поживаемъ, какъ дай Богъ всякому, и Ивану, и Якову,—отвѣчалъ Орѣшниковъ, приходя, наконецъ, въ себя.—Вотъ на вашей бы свадебкѣ поцировать, Прасковья

Digitized by Google

Борисовна; пора, матушка, и очень даже пора. Чай, давно ужь за сороковушку перевалило. Ась?

Мегче отплатить ей онъ не могъ. Старая дѣва позеленѣла отъ злости.

— Нѣтъ, ужь увольте, сдѣлайте милость; наглядѣлась я досыта, видѣла, какъ нашу сестру-то...

— „Ой жги, жги, жги, говори, рукавички барановыя!“ — загремѣлъ во всю мочь Орѣшниковъ, сильно ударивъ по струнамъ гитары.

Хоръ подхватилъ пѣсню, и фраза Прасковьи Борисовны осталась недоконченной. Съ гитарой въ рукахъ, притопывая и приплясывая, Орѣшниковъ приблизился къ женѣ и сѣлъ подлѣ нея, загородивъ ее отъ Прасковьи Борисовны. Закутанная въ ярко-красную шаль, освѣщенная вспыхивающимъ свѣтомъ костра, Аглая была блѣдна, какъ мертвецъ, и вся дрожала, прислонившись къ плечу мужа.

— Ободрись, моя лапушка, не давай ей радоваться,— шепнулъ онъ ей подъ звуки пѣсни.

Она напрягла всю волю, овладѣла собою и опять стала оживленной и любезной со всѣми, кромѣ Прасковьи Борисовны, которую и она, и мужъ ея старались не замѣчать. Гости уѣхали, когда заря уже занялась, и единодушно рѣшили, что мадамъ Орѣшникова—прелесть-бабенка. А съ мадамъ Орѣшниковой спало оживленіе тотчасъ же послѣ ихъ ухода. Лицо ея опять поблѣднѣло, постарѣло, какъ будто даже осунулось.

— Разстроила тебя эта старая колотовка?—заботливо спросилъ мужъ, нѣжно обнимая ее.

— Нѣтъ, ничего, мой милый. Сначала было неловко какъ-то, а теперь... прошло.

Она нагнулась и поцѣловала его руку. Никого у нея не было, кромѣ этого любящаго, заботливаго друга и никогда онъ не былъ такъ близокъ ей, какъ въ эту минуту.

— Что ты, голубушка? Лучше меня поцѣлуй.

Она прижалась къ нему и поцѣловала его отъ души, искренно, какъ еще ни разу не цѣловала прежде. Орѣшниковъ отправился спать, успокоенный, увѣровавшій, что жена его окончательно излѣчилась отъ любви къ этому „прохвосту“, (мысленно онъ никогда не называлъ иначе Круцкаго) и принадлежитъ ему всей душой Онъ такъ разлѣнился и растолстѣлъ за это время семейнаго счастія, что задумываться надъ тѣмъ, что происходитъ въ душѣ его благовѣрной, было ему уже рѣшительно не въ мочь. Да и она была съ нимъ всегда такъ кротка и уступчива, жизнь ихъ шла такъ тихо и мирно, что трудно было ожидать какихъ нибудь бурь. Онъ не замѣтилъ даже, что, по уходѣ гостей, Аглая не вернулась домой

Digitized by Google

вмѣстѣ съ другими и, не смотря на поднявшійся вѣтеръ, осталась сидѣть у костра, подбросивъ въ него охапку хвороста. Она сидѣла тамъ, сжавъ губы, сурово сдвинувъ рѣзкія черныя брови. Огонь расползался сплошнымъ полукругомъ, какъ жидкая лава надвигаясь на все окружающее. Еще минута—и онъ лизнетъ ея ноги. Она подобрала ихъ, но съ мѣста не сдвинулась: такъ хорошо было смотрѣть, какъ золотистыя струйки бѣгутъ по травѣ, переливаясь трепетнымъ вспыхиваніемъ, какъ золотой цвѣтъ смѣняется чернымъ, трава сжимается въ сѣро-пепельный комочекъ и безсильно прилегаетъ къ землѣ, безжизненная, истлѣвшая.

„Я, кажется, также истлѣла сегодня. „Дружно живутъ“. Ну, что же? совѣтъ да любовь. Андрей, милый ты мой, жизнь ты моя, за что ты мучилъ, за что убилъ меня!“

Она припала къ землѣ горячей отуманенной головкой. У нея не было слезъ, да и слава Богу, что не было: мужъ могъ замѣтить заплаканные глаза, а она не хотѣла огорчать его.

„Истлѣла, да! Восемь лѣтъ горѣть на медленномъ огнѣ; не то, такъ другое, не другое, такъ третье. Господи, жить-то, жить-то какъ я теперь буду?“

Ее охватилъ ужасъ передъ этой жизнью, теперь, когда такъ ясно стало, что прежнее чувство не умерло. Поднявшійся вѣтеръ рванулъ ея красный платокъ и распустилъ длинную черную косу. Она скрутила ее, завязала узломъ и, натянувъ платокъ, заколола его большой булавкой. Еслибы поднялась буря, она и то не ушла бы въ домъ. А вѣтеръ поднялся не на шутку; знойный, удушливый, онъ быстро гналъ грозовыя тучи. Хворостъ догоралъ, и прозрачная сѣть тонкихъ огненныхъ нитей трепетала и вспыхивала подъ взрывами вѣтра. Сверкнула яркая молнія, красиво освѣтила темныя кущи наклонившихся и шумѣвшихъ деревьевъ; прокатился громъ, долгій и оглушительный, съ раздѣльными могучими ударами, точно дѣйствительно гигантская колесница Иліи падала съ выступа на выступъ.

„Хорошо, какъ бы убила молнія“, — подумала Аглая и подбросила еще хворосту. Деревья зашумѣли какъ-то всѣ разомъ; по листьямъ застучали крупныя капли дождя, хлынувшаго внезапно, неудержимо, какъ изъ опрокинутаго резервуара. И вдругъ Аглая вздрогнула всѣмъ тѣломъ: ей послышалось внутри ея какое-то робкое, трепетное движеніе, что-то непонятное, неиспытанное, какой-то судорожный, слабый толчокъ.

„Боже мой, ужь не беременна ли я?“

Она стала прислушиваться, замирая; ощущеніе толчка не

Digitized by Google

повторялось. „Пустяки какіе, въ тридцать три года! Такъ показалось".

Но что-то похожее на блѣдный лучъ надежды освѣтило ея душу, пробудило инстинктъ самосохраненія. Она надѣла на голову платокъ, тихонько вошла въ домъ и сѣла къ окну. Открыть его она *побоялась*. Всю ночь Аглая просидѣла тутъ, ожидая, прислушиваясь. День засталъ ее блѣдною, вялою, скучною. Ливень прошелъ, небо очистилось, какъ наканунѣ.

— Ты бы прилегла, душечка,—предложилъ ей мужъ, подходя къ ней здороваться.—Смотри, какая блѣдная.

— Голова болитъ. Вина вчера выпила, мнѣ это вредно. Но я спать не хочу, лучше пойду выкупаюсь, освѣжить отлично.

— Охъ, милая, лучше бы не ходила теперь. Погоди, пусть немножко пообсохнетъ. Дождь шелъ проливной, размыло такъ, что, поди, и проходу нѣтъ.

— Пустяки, пройду, калоши надѣну.

— Ну, такъ, по крайней мѣрѣ, кругомъ иди. Тутъ обрывъ, долго ли свалиться.

Аглая вздрогнула и на минуту задумалась.

— Прощай, мой милый,—ласково сказала она и протянула мужу руку.

Онъ крѣпко обнялъ ее, довѣрчиво заглянувъ ей въ глаза.

— Добрый ты мой! Спасибо, спасибо тебѣ.

Они прошли въ столовую, гдѣ все общество сидѣло за чайнымъ столомъ. Аглая поцѣловала руку у свекрови, обняла тетку и поцѣловалась съ нею.

— Возвращайся скорѣе, въ лѣсъ за грибами пойдемъ!—крикнулъ ей вслѣдъ, весело провожавшій ее глазами, мужъ.

Она обернулась, послала ему поцѣлуй и быстро пошла черезъ выгонъ.

— Эхъ, баба-то у меня! Золото! — причмокнулъ Дмитрій Васильевичъ, обращаясь къ брату.

— Истинно, что золото,—согласился тотъ.

— А все отчего: въ руки умѣлъ взять! Да, теперь она—воскъ: что хошь, лѣпи. А сначала нравная была, что скрывать! И все вѣдь отъ добраго сердца, все отъ добраго сердца: не смѣй, вишь, крестьянъ обирать, дари имъ недоимки, да школы устрой, да банкъ тамъ какой-то. Книжки съ собой привезла, выгоды стала высчитывать. Я, признаться сказать, ничего не понялъ; да и сама-то она, кажись, мало понимала: сбивалась все, въ книжку заглядывала. А ужь убивалась объ нихъ, страсть! Все, бывало, безнравственностью корила меня. А того не понимала глупенькая, что я имъ теперь даже и не помѣщикъ, а такъ... наниматель. Стало быть, какая же тутъ

Digitized by Google

моя выгода? На всѣ эти затѣи модныя—земство есть. У насъ здѣсь, что ни мужикъ, то пропойца; ты имъ подаришь недоимку, а они ее въ кабакъ сволокутъ. У меня, по крайности, эти деньги въ дѣло уйдутъ, не зря какъ нибудь. Кто достоинъ, тому я и самъ помогу, не скаредъ какой. Да что тутъ! Не бабьяго ума это дѣло, братецъ мой. Вотъ, видишь, теперь сама поняла: потарантила, потарантила, да и смирилась.

Орѣшниковъ на минуту задумался.

— Экій дуракъ я—снова заговорилъ онъ: — проводить ее не пошелъ. Мѣсто у насъ по спуску опасное, того и гляди сорвешься. Надо на встрѣчу пойти.

— Чай, не малый ребенокъ,—отозвалась Секлетея Ильинишна,—кругомъ обойдетъ.

— Такъ-то, такъ... да все же самому спокойнѣе.

X.

— Да, да... такъ нужно,—шептала Аглая, спускаясь къ рѣкѣ.—Все равно, счастья не будетъ и не можетъ быть: люди мы разные. Я вѣдь и тогда ему говорила, стало быть, не обманывала. Сразу не умѣла себя поставить, теперь не вернешь. И все у меня какъ-то глупо и странно выходитъ: распустила всѣхъ, избаловала. Утромъ денегъ имъ дашь, къ вечеру они пропьютъ ихъ, а избы остаются непокрытыми и ребятишки не выходятъ изъ грязи. Господи, да какъ же дѣлать-то такъ, чтобы дѣйствительно толкъ выходилъ? Верхушекъ понахватала, а къ азбукѣ рукъ приложить не умѣю. Счастливицы эти новыя женщины! У нихъ есть и возможность учиться, и опредѣленные идеалы, и какая-то увѣренность въ себѣ.

Аглая прислонилась къ дереву и задумчиво смотрѣла на искрящіяся струйки рѣки. Въ одномъ мѣстѣ струйка эти сходились и закручивались воронкой, образуя углубленіе. „Сюда бы попасть, этотъ омутъ такъ близко къ обрыву. Вотъ эта пристань, дѣйствительно, надежная. Минуты двѣ, три, и все пойдетъ ко дну. Славно!“ Мысль бѣгло, торопливо работала, какъ будто спѣшила свести счеты со всѣмъ міромъ. Но, не смотря на рѣшимость Аглаи покончить съ жизнью, гдѣ-то глубоко, внутри ея, поднималось глухое, почти безсознательное недовольство такимъ исходомъ.

„Отчего бы не обратиться мнѣ къ тѣмъ, кто указалъ начало пути? Они, можетъ быть, скажутъ, что мнѣ дѣлать съ собой, какъ усмирить эту вѣчную, ненасытную тревогу? Вѣдь не могутъ же, не смѣютъ они сказать: „наше дѣло только

Digitized by Google

книги писать, а ты читай и учись". Мало мнѣ этихъ книжекъ, словъ живыхъ хочется, выясненій, доказательствъ".

Она горько усмѣхнулась. Какое дѣло „имъ" до ея мелочнаго дѣла? У нихъ на плечахъ слишкомъ много своихъ заботъ, чтобы водить на помочахъ всѣхъ, подобныхъ ей, старыхъ ребятъ. До того ли имъ, чтобы няньчиться съ ея блажью и стараться разобрать то, что̀ и самой-то ей темно и загадочно, что̀ вѣчно мутитъ ее и толкаетъ на гибель. Нѣтъ, умирать надо! Она сдѣлала шагъ впередъ, и вдругъ вся похолодѣла, оцѣпенѣла. У нея потемнѣло въ глазахъ, она пошатнулась и машинально ухватилась за дерево.

— Да что это я?—почти крикнула она.—Вѣдь ужь рѣшилась, а какъ жизни-то жалко стало!

Она стояла, крѣпко прижавшись къ дереву, въ какомъ-то полуснѣ, какъ послѣ пріема опіума; въ ней постепенно замирала тревога, точно предчувствіе смерти успокоивало, какъ сама смерть. Душу охватило желаніе прощенія и примиренія, въ головѣ шевелились все такія хорошія, смягченныя мысли; вспоминалось дѣтство, мать добрая, заботливая, первые красные дни жизни съ Андреемъ и нѣсколько добрыхъ знакомыхъ, пріобрѣтенныхъ въ крутое время, въ чужой сторонѣ; тамъ особенно цѣнилась ласка безкорыстная, искренняя. Мысль понеслась дальше, коснулась слегка тяжелыхъ послѣднихъ лѣтъ и, будто боясь страданія, быстро перенеслась къ отпустившей все и все пережившей любви Орѣшникова. Какъ онъ тосковать по мнѣ станетъ, бѣдный мой! Ему, впрочемъ, поможетъ религія: будетъ молиться обо мнѣ, служить панихиды. Смерть, конечно, припишетъ случайности: кто же можетъ предположить, чтобъ въ могилу я шла, какъ на праздникъ.

— Аглая Яковлевна—а!—донесся до нея голосъ мужа, и его высокая, плотная фигура показалась на окраинѣ горы.

Увидавъ жену, онъ на минуту остановился и началъ спускаться внизъ по извилистой узкой тропинкѣ. Аглая вскрикнула, закрыла глаза, простерла впередъ руки съ твердой рѣшимостью броситься внизъ,—и вдругъ отшатнулась назадъ и крѣпко ухватилась за дерево, вся замирая, прислушиваясь. Глаза ея вспыхнули радостью, румянецъ загорѣлся на блѣдныхъ щекахъ: ея порывистое движеніе вызвало то, чего она тщетно ждала цѣлую ночь; она знала теперь, что будетъ матерью и что „материнство" дастъ ей новую жизнь, полную интереса, смысла и живыхъ радостей. Внутри ея широко разросталось сознаніе силы и законнаго права на участіе въ жизни мужа. Если жена была трутнемъ, то мать не будетъ имъ и сдѣлаетъ для своего ребенка все, для того чтобы онъ

Digitized by Google

шелъ прямымъ, желаннымъ путемъ. Чего не достигла сама, того, конечно, достигнетъ дитя ея!

Она повернула къ мужу просвѣтленное лицо и осторожно пошла ему на встрѣчу, придерживаясь за деревья, чтобы не поскользнуться на мокрой травѣ.

Е. Дубровина.

Digitized by Google

ВЪ АЛЬБОМЪ ЗНАКОМОЙ БОЛГАРКѢ.

Нѣтъ, я горячихъ слезъ твоихъ не осмѣю
И не сочту тоски за малодушье:
Стыда въ томъ нѣтъ, что ты за родину свою
Скорбишь душой; постыдно—равнодушье!

Пусть радостью блеститъ у ренегата взоръ,
Пусть чернь шуту восторженно внимаетъ...
Кто любитъ родину—тому ея позоръ
На части сердце разрываетъ!

А. Кругловъ.

Digitized by Google

РАЗСКАЗЫ ГЮИ ДЕ-МОПАССАНА.

(Переводъ П. Лѣтнева).

I. Отецъ и сынъ.

I.

Передъ дверью дома, имѣвшаго видъ не то фермы, не то замка, собаки, привязанныя къ деревьямъ на дворѣ, лаяли, выли и скакали, при видѣ охотничьихъ сумокъ, надѣтыхъ на сторожѣ и мальчишкахъ. Въ большой кухнѣ-столовой, Готó-отецъ, Готó-сынъ, Бермонъ, учитель, и Мондарю, нотаріусъ, закусывали и пили водку, передъ тѣмъ какъ отправиться на охоту.

Готó отецъ заранѣе расхваливалъ дичь, какая водится на его землѣ. Онъ былъ крупный нормандецъ, сангвиникъ, силачъ, поднимавшій пуды на плечахъ. Сына своего Сезара онъ отдалъ въ училище, но изъ третьяго класса взялъ опять къ себѣ, боясь, чтобъ онъ не отвыкъ отъ дома. Сезарь Готó такой же высокій, какъ отецъ, но гораздо худѣе его, былъ добрый сынъ, послушный, всѣмъ довольный и чрезвычайно почтительный къ отцу. Мнѣніе отца было для него закономъ. Бермонъ, учитель, низенькій толстякъ съ краснымъ, круглымъ лицомъ, спросилъ, прожевывая редиску:

— А зайцы есть?

Готó-отецъ отвѣчалъ:

— Сколько угодно. Особенно въ ложбинахъ.

— Оттуда и начнемъ,—сказалъ нотаріусъ, охорашиваясь въ своемъ новомъ охотничьемъ костюмѣ.

Готó-отецъ всталъ. За нимъ встали и всѣ, взяли свои ружья, осмотрѣли курки и вышли на дворъ. Собаки поднялись на заднія лапы, натянувши привязь, и заголосили. Отправи-

Digitized by Google

лись въ ложбину. Она вся была прорыта ямами и поросла кустарникомъ. Охотники размѣстились по порядку; Готó-отецъ по правую сторону, Готó-сынъ по лѣвую, а два гостя—посрединѣ; сторожъ и прислуга съ сумками—сзади. Это была та торжественная минута, когда ожидаютъ перваго выстрѣла, когда сердце бьется и рука невольно ощупываетъ курокъ. Внезапно этотъ выстрѣлъ раздался. Его сдѣлалъ отецъ-Готó. Всѣ остановились и увидѣли, какъ куропатка, отдѣлившись отъ своей стаи, упала въ яму, поросшую кустарникомъ. Возбужденный охотникъ побѣжалъ, перескакивая черезъ валежникъ, и исчезъ въ ямѣ за своей добычей.

Почти тотчасъ же раздался второй выстрѣлъ.

— Каковъ!—закричалъ Бермонъ:—онъ навѣрно нашелъ тамъ еще зайца.

Всѣ ждали, но изъ ямы ничего больше не было слышно. Нотаріусъ, приложивъ обѣ руки ко рту въ видѣ рупора, крикнулъ:

— Нашли куропатку?

Отвѣта не было, и Сезаръ сказалъ сторожу:

— Поди, Жозефъ, помоги ему выбраться.

Жозефъ тотчасъ пошелъ спускаться въ яму, ощупывая ногами неровности почвы, скрылся въ кустахъ и закричалъ оттуда:

— Идите, идите сюда!.. случилось несчастье.

Всѣ бросились. Готó-отецъ лежалъ на боку безъ чувствъ, держась обѣими руками за свой животъ, изъ котораго лилась кровь на траву. Нагнувшись, чтобъ поднять мертвую куропатку, онъ выронилъ ружье, которое, ударившись о сучья, выстрѣлило самó, и весь зарядъ попалъ въ него... Его вытащили изъ ямы, раздѣли и увидали страшную рану, черезъ которую выходили внутренности. Тогда, перевязавши рану, какъ умѣли, понесли старика домой и послали за докторомъ и священникомъ.

Докторъ, взглянувъ на больнаго, покачалъ головою и сказалъ рыдающему Сезару:

— Мой бѣдный другъ, дѣло плохо.

Когда перевязка была окончена, раненый зашевелился, открылъ глаза, осмотрѣлся мутнымъ взглядомъ и пробормоталъ:

— Кончено!.. все кончено!..

Digitized by Google

— Нѣтъ, вы можете поправиться,—утѣшилъ было докторъ, но Гото́ продолжалъ:

— Сынъ... гдѣ сынъ?.. мнѣ надо съ нимъ поговорить...

Сезаръ подошелъ и, хныкая, какъ маленькій, повторялъ:

— Папа́... папа... бѣдный папа́!..

Но отецъ возразилъ болѣе твердымъ голосомъ:

— Полно, не плачь. Слушай, что́ мнѣ надо тебѣ сказать. Подойди поближе. А другіе пусть выйдутъ.

Всѣ вышли, оставивъ отца съ сыномъ вдвоемъ.

— Слушай, Сезаръ,—началъ Гото́:—тебѣ двадцать четыре года, тебѣ можно все сказать. И, притомъ, тутъ нѣтъ никакой тайны. Ты знаешь, что твоя мать умерла семь лѣтъ тому назадъ, и что мнѣ всего только сорокъ пять лѣтъ. Не такъ ли?

— Да, это такъ,—пробормоталъ сынъ.

— Итакъ, я съ тридцати семи лѣтъ вдовѣю. Какъ тебѣ кажется: можетъ человѣкъ въ эти года жить безъ женщины, скажи?

— Не можетъ,—отвѣтилъ Сезаръ.

Отецъ, задыхаясь, блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, продолжалъ:

— Ну, ты это понимаешь. Человѣкъ не созданъ, чтобъ жить одному, но я не хотѣлъ жениться во второй разъ, потому что обѣщалъ твоей матери... Итакъ, я взялъ одну дѣвушку въ Руэнѣ... милую, добрую дѣвушку... Она была мнѣ настоящей вѣрной женой... Ты слушаешь, Сезаръ?

— Слушаю, отецъ.

— Ты понимаешь, что, если я умру, я долженъ ее обезпечить. Такъ ли?

— Такъ.

— Говорю тебѣ, что это славная дѣвушка, и еслибъ не ты... еслибъ не воспоминаніе о твоей матери... я бы женился на ней... Я могъ бы сдѣлать завѣщаніе, да боялся, что выйдетъ путаница, придирки... тебѣ будетъ непріятно... Я подумалъ, что лучше я на словахъ попрошу тебя не оставить мою бѣдняжку; я тебя знаю, у тебя доброе сердце и ты не скупъ. Ее зовутъ Каролина Донэ, живетъ она въ Руэнѣ, въ улицѣ Эперланъ, 18, третій этажъ. Не забудь. Потомъ, слушай еще. Поѣзжай къ ней тотчасъ, какъ только я умру, и дай ей что нибудь, въ память обо мнѣ... Я оставлю тебѣ достаточно.

Digitized by Google

Только помни, что ее можно застать лишь въ четвергъ; остальные дни она работаетъ въ магазинѣ. А четвергъ—это мой день. Вотъ уже шесть лѣтъ, какъ она меня ждетъ въ это время. Бѣдняжка, какъ она будетъ плакать!.. Я говорю тебѣ все это, потому что знаю тебя хорошо, сынъ мой. Эти вещи не разсказываются ни священнику, ни нотаріусу. Всѣ это дѣлаютъ, но никто объ этомъ не говоритъ явно. Понимаешь ты меня?

— Понимаю, батюшка.

— И обѣщаешь?

— Обѣщаю.

— Прошу тебя, заклинаю, сынъ мой, исполни это, не забудь. Поѣзжай къ ней самъ.

— Поѣду, батюшка.

— Я вѣрю тебѣ. Обними меня, Сезаръ. Прощай. Я скоро протяну ноги. Теперь позови всѣхъ опять сюда.

Сезаръ Гото́ обнялъ отца со слезами и, всегда послушный, отворилъ дверь. Въ нее вошелъ священникъ, весь въ бѣломъ, со святыми дара́ми. Но умирающій закрылъ глаза и не пошевелился. Онъ былъ такъ утомленъ разговоромъ съ сыномъ, что совсѣмъ изнемогъ. Притомъ, на сердцѣ у него было теперь спокойно, и ничего больше не нужно. Какая была ему необходимость исповѣдываться священнику, когда онъ уже покаялся во всемъ своему сыну?

Его причастили, разрѣшили отъ грѣховъ, хотя онъ не дѣлалъ ни малѣйшаго движенія. Всѣ присутствующіе молились на колѣняхъ. Къ полночи онъ умеръ.

II.

Его похоронили въ среду, на третій день. Сезаръ Гото́, воротившись съ похоронъ, плакалъ цѣлый день, почти не спалъ ночь и, проснувшись на другое утро, почувствовалъ такую тоску, что спрашивалъ себя, какъ онъ будетъ теперь жить? Весь день онъ думалъ о томъ, что завтра ему надо будетъ исполнить послѣднюю волю отца и ѣхать въ Руэнъ, къ этой дѣвушкѣ, Каролинѣ Донэ. Онъ машинально твердилъ ея имя и адресъ, чтобъ не забыть, и языкъ у него до того примололся, что онъ и во снѣ продолжалъ бормотать.

На другое утро, въ восемь часовъ, онъ велѣлъ заложить тильбюри и отправился крупной рысью по дорогѣ въ Руэнъ.

Digitized by Google

На немъ были черный сюртукъ, съ панталонами того же цвѣта, и большая новая шляпа. Въ десять часовъ онъ пріѣхалъ въ Руэнъ и сталъ отыскивать улицу Эперланъ, боясь спросить у кого нибудь, чтобъ его не узнали и не вывели какихъ нибудь заключеній. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, онъ рѣшился обратиться къ прохожему, и ему указали улицу.

До этой минуты, Сезаръ машинально и безсознательно повиновался волѣ отца; но тутъ на него нашло колебаніе. Онъ чувствовалъ себя смущеннымъ, оскорбленнымъ, униженнымъ при мысли увидѣть лицомъ къ лицу эту женщину, — бывшую любовницу его отца. Всѣ нравственныя понятія, переходящія къ намъ по наслѣдству отъ дѣдовъ и прадѣдовъ; все, чему его учили: инстинктивное презрѣніе къ женщинамъ дурной жизни, вся его буржуазная честность — возмущались противъ этого. Но онъ подумалъ: „Я обѣщалъ отцу; нельзя не исполнить.“ И, войдя въ домъ, поднялся въ третій этажъ, увидѣлъ дверь и позвонилъ. Звонъ этотъ заставилъ его самого содрогнуться. Дверь отворилась и онъ увидѣлъ передъ собою молодую женщину, очень хорошо одѣтую, съ темными волосами и яркимъ румянцемъ. Она смотрѣла на него съ изумленіемъ. Онъ не зналъ, что ей сказать, а она, видя передъ собой незнакомаго и ожидая другаго, не приглашала его войти. Такъ они смотрѣли другъ на друга съ полминуты. Наконецъ, она спросила:

— Что вамъ угодно?

— Я Гото-сынъ, — пробормоталъ онъ.

Она какъ будто вздрогнула, поблѣднѣла и прошептала:

— Господинъ Сезаръ?

— Да.

— Что же вамъ угодно?

— Я по порученію моего отца.

— Боже мой! — тихо проговорила она, и посторонилась, чтобъ дать ему войти.

Въ комнатѣ онъ увидѣлъ сидящаго на полу четырехъ или пятилѣтняго мальчика, который игралъ съ кошкой. Въ печи стояли блюда, распространявшія отъ себя вкусный запахъ.

— Сядьте, — сказала она.

Онъ сѣлъ и молчалъ. Она спросила:

— Ну, что же?

Онъ не рѣшался начать и сидѣлъ, устремивъ глаза на

Digitized by Google

столъ, накрытый на три прибора. Одинъ изъ стульевъ стоялъ спинкой къ печкѣ. Это было мѣсто его отца! Вотъ его тарелка, приборъ, бутылка краснаго вина, ломоть хлѣба съ обрѣзанной коркой, такъ какъ у Гото были плохіе зубы.

Молодая женщина еще разъ повторила:

— Что же, господинъ Сезаръ?

Лицо ея было смертельно блѣдно, руки дрожали. Сезаръ собрался съ духомъ.

— Вотъ что,—сказалъ онъ:—папа умеръ въ воскресенье; онъ на охотѣ выстрѣлилъ въ себя.

Она была такъ поражена, что окаменѣла на мѣстѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, она пролепетала едва слышнымъ голосомъ:

— Быть не можетъ!..

Вдругъ слезы хлынули изъ ея глазъ; она закрыла лицо руками и зарыдала. Тогда мальчикъ, увидѣвъ слезы матери, тоже расплакался, и, догадавшись, что всему виною этотъ незнакомый гость, бросился на Сезара и началъ съ ожесточеніемъ бить его по колѣну. Сезаръ, растерянный, растроганный горестью дѣвушки, не зналъ, что ему дѣлать, и чуть самъ не заплакалъ. Чтобъ немного оправиться, онъ заговорилъ и началъ разсказывать подробно, какъ случилось несчастье. Въ это время мальчикъ не унимался и продолжалъ бить его руками и ногами. Каролина сначала не слушала его, предаваясь своей горести, потомъ стала внимательнѣе, просила повторить, и, содрогаясь отъ ужаса, воскликнула: „О, Боже мой!“

Окончивъ разсказъ, Сезаръ сказалъ:

— Теперь мы устроимъ все, какъ онъ желалъ. У меня есть состояніе; онъ все оставилъ мнѣ. Я не хочу, чтобъ вы могли жаловаться...

Но она прервала его:

— О, господинъ Сезаръ, не сегодня, прошу васъ... Я не могу теперь... Въ другой разъ когда нибудь... Если я приму отъ васъ помощь... послушайте, я не для себя, нѣтъ!.. Я для этого ребенка... Пусть все будетъ сдѣлано на его имя...

— Такъ это его ребенокъ?—пробормоталъ Сезаръ, сконфузившись.

— Разумѣется,—отвѣчала она.

Digitized by Google

Гото посмотрѣлъ на своего брата съ сильнымъ и тяжелымъ волненіемъ. Каролина плакала.

Послѣ долгаго молчанія, Сезаръ сказалъ:

— Если такъ, то я теперь уйду. Когда же мы съ вами будемъ опять говорить объ этомъ?

Она вскричала:

— О, нѣтъ, не уходите, не оставляйте меня одну съ Эмилемъ. Я умру съ горя. У меня теперь никого нѣтъ. О, какое это несчастье! Садитесь пожалуста, г. Сезаръ. Разскажите мнѣ еще про него.

Сезаръ сѣлъ, по привычкѣ къ повиновенію. Она также сѣла, взяла мальчика на колѣни и стала опять разспрашивать о катастрофѣ. Сезаръ добросовѣстно повторилъ все, и оба они заплакали; потомъ Сезаръ наклонился къ ребенку и поцѣловалъ его въ голову.

Мать прошептала, всхлипывая:

— Теперь онъ сирота.

— И я также,—возразилъ Сезаръ.

И они замолчали.

Но скоро практическій инстинктъ хозяйки пробудился въ молодой женщинѣ.

— Вы ничего еще не кушали сегодня?—спросила она у Сезара.

— Ничего.

— Вы вѣрно голодны, и покушаете у меня.

— Благодарю, я не голоденъ; горе отбило у меня апетитъ.

Она возразила:

— Все равно, жить вѣдь надо. Не откажите мнѣ, останьтесь закусить. Я не знаю, что со мной и будетъ, когда вы уѣдете.

Онъ уступилъ, сѣлъ напротивъ нея на мѣсто отца, поѣлъ жареной рыбы и выпилъ рюмку краснаго вина. Потомъ онъ всталъ и сказалъ на прощаніе:

— Такъ когда же мы будемъ говорить о дѣлѣ?

— Если вамъ можно, то въ слѣдующій четвергъ. Я всегда свободна по четвергамъ.

Сезаръ ушелъ, поцѣловавъ еще разъ маленькаго Эмиля и пожавъ руку Каролинѣ.

Digitized by Google

III.

Недѣля показалась очень длинною Сезару Готé. Никогда еще онъ не жилъ одинъ, и это уединеніе казалось ему невыносимымъ. Онъ всегда и всюду слѣдовалъ за отцомъ, какъ тѣнь; по вечерамъ они сидѣли вмѣстѣ у очага, курили трубки и говорили о хозяйствѣ.

Теперь Сезаръ блуждалъ одинъ по дому, по двору и по полю; отъ тоски онъ заходилъ къ сосѣдямъ разсказать еще разъ про катастрофу и, возвращаясь отъ нихъ, садился на дорогѣ, спрашивая себя, долго ли продлится такая жизнь. Часто онъ думалъ о Каролинѣ Донэ. Она ему понравилась; именно показалась ему доброй, честной, славной дѣвушкой, какъ говорилъ о ней отецъ. Онъ рѣшился не скупиться и предоставить ей 2000 франковъ годоваго дохода, переведя капиталъ на имя ребенка. Ему было даже пріятно думать, что въ четвергъ онъ поѣдетъ туда и устроитъ это дѣло; тамъ было какое-то подобіе семьи, гдѣ онъ не будетъ чувствовать себя столь одинокимъ. Въ четвергъ утромъ, онъ съ облегченнымъ сердцемъ сѣлъ въ тильбюри и покатилъ въ Руэнъ. Войдя въ квартиру Каролины, онъ увидѣлъ столъ, накрытый, какъ и въ тотъ разъ, на три прибора, съ тою только разницею, что корка съ хлѣба не была срѣзана. Онъ пожалъ руку молодой женщинѣ, поцѣловалъ Эмиля и сѣлъ съ такимъ чувствомъ, какъ бы у себя дома. Ему показалось, что Каролина похудѣла и поблѣднѣла; вѣроятно, она много плакала. Они сидѣли долго за завтракомъ, разсуждая о дѣлахъ. Она отказывалась отъ такой большой суммы денегъ, увѣряя, что заработываетъ достаточно, и ей хочется только обезпечить Эмиля. Но Сезаръ настаивалъ на своемъ и даже прибавилъ ей тысячу франковъ въ подарокъ на траурное платье.

Послѣ кофе, она спросила:

— Вы курите?

— Да... Со мной трубка.

Но трубки въ карманѣ не оказалось; онъ забылъ ее взять. Тогда Каролина вынула изъ шкапа трубку его отца и предложила ему. Онъ взялъ ее, узналъ, понюхалъ, похвалилъ, набилъ табакомъ и закурилъ. Потомъ посадилъ Эмиля верхомъ

Digitized by Google

къ себѣ на колѣни и игралъ съ нимъ въ лошадки, пока Каролина перемывала посуду и снимала со стола.

Въ три часа Сезаръ всталъ съ сожалѣніемъ: ему не хотѣлось уѣзжать.

— Ну, прощайте,—сказалъ онъ.

Она стояла передъ нимъ взволнованная, покраснѣвшая, и думала о Готó—отцѣ.

— Развѣ мы больше не увидимся?—спросила она.

— Если желаете, то почему же намъ не видѣться?

— Конечно, конечно. Нельзя ли вамъ бывать у меня по четвергамъ?

— Очень можно.

— И завтракать у меня въ эти дни.

— Такъ рѣшено: въ будущій четвергъ, въ 12 часовъ, какъ сегодня. Такъ ли?

— Такъ, такъ. До четверга.

II. Мечта холостяка.

Выйдя изъ душной залы собранія, баронъ Мордіанъ распахнулъ шубу, но, когда уличный вѣтеръ пахнулъ на него, его пробрала холодная, непріятная дрожь, нагоняющая хандру. Притомъ онъ немного проигрался, и, кромѣ того, желудочная боль съ нѣкотораго времени мѣшала ему ѣсть съ апетитомъ. Подходя къ дому, онъ вспомнилъ о своемъ одинокомъ кабинетѣ, объ ожидавшемъ его камердинерѣ, объ огромной, старинной, похожей на катафалкъ, кровати, и тягостная дрожь—уже не отъ одного холоднаго воздуха,—проникла ему въ самое сердце.

Уже нѣсколько лѣтъ надъ нимъ тяготѣло бремя одиночества, гнетущее старыхъ холостяковъ. Въ молодости онъ былъ силенъ, бодръ и веселъ, и не отказывалъ себѣ ни въ чемъ. Съ годами онъ отяжелѣлъ и почти ни въ чемъ не находилъ удовольствія. Движеніе утомляло его, обѣды разстраивали желудокъ, женщины прискучили. Одни и тѣ же вечера въ собраніи, въ обществѣ однихъ и тѣхъ же друзей, вѣчные разговоры объ одномъ и томъ же, злословіе, плоскія шутки, дешевое остроуміе, всегда одинаковое,—все это до того ему опро-

Digitized by Google

тивѣло, что у него мелькала даже мысль о самоубійствѣ. Онъ не былъ въ состояніи продолжать эту пустую банальную жизнь, такую легкую и вмѣстѣ тяжелую; онъ желалъ чего нибудь спокойнаго, освѣжающаго, комфортабельнаго, самъ не зная чего. О женитьбѣ онъ не думалъ; у него не хватало мужества осудить себя на скуку супружескаго ярма, на ужасную совмѣстную жизнь двухъ существъ, заранѣе угадывающихъ каждый жестъ, каждое слово другъ друга. Онъ мечталъ пріютиться въ чьей нибудь чужой семьѣ, и снова пробудилось въ немъ воспоминаніе о сынѣ, уже съ годъ неотступно преслѣдовавшее его. Этотъ сынъ напоминалъ ему одинъ изъ драматическихъ эпизодовъ его молодости. Тотчасъ по рожденіи отправленный на югъ, онъ былъ воспитанъ близъ Марсели, не зная имени своего отца. Баронъ впослѣдствіи щедро обезпечилъ его и слышалъ, что мальчикъ вышелъ понятливый, хорошо образованный, женился на дочери архитектора, сдѣлался помощникомъ своего тестя и зарабатывалъ много денегъ.

Почему бы ему не поѣхать провѣдать этого неизвѣстнаго сына и познакомиться съ нимъ? Кто знаетъ? можетъ быть, при случаѣ онъ нашелъ бы спокойный пріютъ въ его семьѣ? Желаніе ѣхать на югъ овладѣло имъ съ новой силой, преслѣдовало его, какъ зудъ. Старый холостякъ приходилъ въ эгоистическое умиленіе, представляя себѣ свѣтлый, уютный домикъ, молодую хорошенькую невѣстку, внучатъ, протягивавшихъ ему ручонки, и сына, который напомнилъ бы ему умершую возлюбленную. Онъ жалѣлъ только о томъ, что сынъ его хорошо обезпеченъ, и ему нельзя явиться въ роли благодѣтеля. Уткнувшись въ свой мѣховой воротникъ, онъ раздумывалъ обо всемъ этомъ, и внезапно его осѣнила рѣшимость. Придя домой, онъ сказалъ отворившему ему камердинеру:—Луи, мы ѣдемъ завтра въ Марсель, и пробудемъ тамъ можетъ быть около двухъ недѣль. Приготовь все нужное.

Поѣздъ мчался мимо долинъ, холмовъ и рѣкъ, по живописной горной странѣ. Мордіанъ, проснувшись на другой день въ спальномъ вагонѣ, грустно посмотрѣлся въ маленькое дорожное зеркало, отразившее въ себѣ, при яркомъ свѣтѣ южнаго солнца, его лицо, изборожденное рѣзкими морщинами, о которыхъ онъ не подозрѣвалъ въ полумракѣ своего парижскаго кабинета. И еще съ бо́льшей силой пробудилось въ немъ

Digitized by Google

желаніе отдохнуть и поняньчить своихъ внучатъ. Около часу пополудни, онъ подъѣхалъ въ ландо, нанятомъ въ Марсели, къ бѣленькому деревенскому домику въ концѣ платановой аллеи. „Очень мило!“—подумалъ онъ, улыбаясь и идя по аллеѣ. Вдругъ изъ за куста появился мальчуганъ лѣтъ пяти и уставился на него своими круглыми глазами.

— Здравствуй, дружокъ!—сказалъ онъ и наклонился поцѣловать его, но тотчасъ же отшатнулся, задохнувшись отъ нестерпимаго запаха чесноку, которымъ ребенокъ казался весь пропитанъ. „Это вѣрно сынъ садовника“,—подумалъ онъ, направляясь къ дому. На веревкѣ у дверей сушилось бѣлье: рубашки, салфетки, тряпки, фартуки, простыни; цѣлое окно было занято ворохомъ носковъ, вывѣшенныхъ въ рядъ, какъ сосиски въ дверяхъ колбасной.

Барону отворила служанка, чистокровная южная служанка, грязная и нечесаная, съ висящими по лицу прядями волосъ, въ платьѣ, до того испещренномъ жирными пятнами, что первоначальнаго цвѣта его нельзя было разобрать.

— Дома г. Дюшу?—освѣдомился Мордіанъ.

— Вамъ кого?—переспросила служанка.

— Г. Дюшу.

— Онъ дома, планы чертитъ въ залѣ.

— Скажите ему, что г. Мерленъ желаетъ его видѣть.

— Что говорить-то? Входите, коль вамъ его нужно.

Баронъ вошелъ въ большую полутемную залу, до половины закрытую ставнями, и смутно увидалъ какихъ-то людей и предметы, показавшіеся ему очень неопрятными. Стоя у стола, заваленнаго всякимъ хламомъ, маленькій лысый человѣчекъ чертилъ линіи на огромномъ листѣ бумаги. Отложивъ работу, онъ ступилъ два шага впередъ. Его разстегнутый жилетъ и засученные рукава рубашки доказывали, что ему очень жарко, а на башмакахъ виднѣлись слѣды давнишней грязи.

— Съ кѣмъ имѣю честь?—спросилъ онъ съ сильнымъ южнымъ акцентомъ.

— Мерленъ... Я пріѣхалъ посовѣтоваться съ вами насчетъ покупки мѣста подъ постройку.

— А! а! понимаю!

И Дюшу обернулся къ женѣ, что-то вязавшей у окна:— Очисти стулъ, Жозефина.

Digitized by Google

Мордіанъ увидѣлъ молодую женщину, казавшуюся почти старухой. Въ провинціи женщины старѣются въ двадцать пять лѣтъ, за недостаткомъ косметиковъ и тщательно обдуманнаго туалета. На плечахъ ея небрежно была завязана косынка, и кое-какъ свернутые густые черные волосы, очевидно, были давно не чесаны. Своими жесткими, грубыми руками она придвинула гостю стулъ, предварительно снявъ съ него дѣтское платье, ножикъ, обрывокъ веревки, пустой цвѣточный горшокъ и грязную тарелку. Мордіанъ сѣлъ и тутъ только замѣтилъ, что на рабочемъ столѣ Дюшу, кромѣ книгъ и бумагъ, находились два только что срѣзанные пучка салата, лахань, платяная щетка, салфетка, револьверъ и нѣсколько немытыхъ чашекъ.

— Извините,—сказалъ архитекторъ, улыбаясь:—маленькій безпорядокъ... Это все дѣти... Такъ вы ищете купить землю въ окрестностяхъ Марсели?—продолжалъ онъ, придвигаясь къ своему кліенту.

И до барона снова донесся запахъ чеснока, который изливаютъ южные жители, какъ цвѣты—благоуханія.

— Это вашего сына встрѣтилъ я здѣсь возлѣ дома? — спросилъ Мордіанъ.

— Да, втораго.

— У васъ ихъ двое?

— Трое. Каждый годъ по ребенку, — съ гордостью отвѣчалъ Дюшу.

„Нечего сказать, хороша семейка, пропитанная этакимъ букетомъ!“—подумалъ баронъ и сказалъ вслухъ:—Да, я ищу небольшаго мѣстечка, живописнаго уголка на морскомъ берегу.

Дюшу принялся объяснять, что онъ можетъ ему предоставить сколько угодно такихъ мѣстечекъ во всякую цѣну и на всякій вкусъ. Онъ говорилъ безъ умолку, улыбаясь, очевидно довольный собой, покачивая своей круглой лысиной.

А Мордіану припоминалась въ это время эфирная блондинка съ грустнымъ взглядомъ, такъ нѣжно шептавшая ему: „Мой дорогой, мой возлюбленный!“ Она страстно любила его въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ; затѣмъ, сдѣлавшись беременной въ отсутствіи мужа и обезумѣвъ отъ ужаса и отчаянія, она скрылась гдѣ-то въ глуши, до рожденія ребенка, котораго Мордіанъ унесъ въ одинъ лѣтній день, и съ тѣхъ поръ они

Digitized by Google

его больше не видали. Она умерла въ чахоткѣ три года спустя, и вотъ теперь передъ нимъ ихъ сынъ, который, разводя руками, говорилъ ему: „Совѣтую вамъ купить, г. Мерленъ. Такого случая больше не представится“...

И Мордіану слышался другой голосъ, легкій, какъ дуновеніе вѣтерка:—„Мой возлюбленный, мы болѣе не разстанемся“... Онъ припоминалъ глубокій любящій взглядъ ея голубыхъ глазъ, глядя въ круглые, тоже голубые, но ничего не говорящіе глаза этого смѣшнаго человѣка, походившаго однако на свою мать. Да, онъ съ каждой минутой все болѣе и болѣе походилъ на нее, походилъ интонаціей, жестами, манерой, походилъ, какъ обезьяна походитъ на человѣка. Это былъ несомнѣнно ея сынъ, заимствовавшій отъ нея тысячу черть, искаженныхъ, раздражающихъ до боли, возмутительныхъ... Баронъ страдалъ невыносимо, преслѣдуемый, какъ кошмаромъ, этимъ ужасающимъ сходствомъ, доводившимъ его почти до безумія.

— Когда же мы соберемся осмотрѣть вмѣстѣ это мѣстечко?—спросилъ онъ.

— Да завтра, если хотите.

— Хорошо, завтра. Въ которомъ часу?

— Въ часъ.

Въ дверяхъ показался мальчуганъ, крича:—Эй, отецъ!

Ему не отвѣчали. Мордіанъ рванулся къ дверямъ, охваченный бѣшенымъ желаніемъ бѣжать хоть на край свѣта, провалиться сквозь землю. Слово „отецъ!“ поразило его въ самое сердце. Оно относилось прямо къ нему, онъ былъ отецъ этого пропитаннаго чеснокомъ человѣка. А какимъ тонкимъ ароматомъ вѣяло отъ его умершей возлюбленной!

— Это вашъ собственный домъ?—спросилъ Мордіанъ у провожавшаго его Дюпу.

— Да, я купилъ его недавно, и горжусь этимъ. Я не скрываюсь: вѣдь я незаконнорожденный, зато могу похвалиться, что всѣмъ обязанъ самому себѣ.

Снова послышался призывъ ребенка:—Эй, отецъ!

Мордіанъ, какъ ужаленный, подъ вліяніемъ паническаго страха, бѣжалъ, какъ бы спасаясь отъ страшной опасности. „Ну, какъ онъ меня угадаетъ, признаетъ!—думалъ онъ:—Ну,

Digitized by Google

какъ онъ бросится ко мнѣ на шею и съ крикомъ: „отецъ!“ поцѣлуетъ своими чесночными губами?!“

— До завтра, г. Мерленъ!

— До завтра, въ часъ.

— Извощикъ, на желѣзную дорогу!—закричалъ баронъ, кидаясь въ ландо, преслѣдуемый двумя голосами: одинъ, тихій и нѣжный, шепталъ ему: „мой возлюбленный!“ другой, рѣзкій и пронзительный, кричалъ: „отецъ!“ какъ кричать вслѣдъ убѣгающему вору: „стой! держи его!“

На слѣдующій день, когда онъ входилъ въ залу собранія, графъ д'Этрельи замѣтилъ ему:—Васъ не видно было цѣлыхъ три дня. Гдѣ это вы пропадали?

— Я былъ боленъ. По временамъ, я страдаю мигренями.

III. Умершая.

Я безумно любилъ ее! Зачѣмъ на свѣтѣ бываетъ любовь? Не странно ли во всемъ мірѣ видѣть только одно существо, имѣть въ головѣ одну мысль, въ сердцѣ одно желаніе, на губахъ одно имя, повторяемое всюду, безпрестанно, какъ молитва? Не стану разсказывать исторію моей любви. Онѣ всѣ одинаковы. Я встрѣтилъ ее и полюбилъ. Вотъ и все. И я прожилъ цѣлый годъ ея любовью, ея ласками, въ ея объятіяхъ, упиваясь ея взглядами и словами, опутанный, связанный ею до того всецѣло, что не различалъ дня отъ ночи, не зналъ, живъ я или умеръ, на землѣ ли я, или въ другомъ какомъ мѣстѣ.

И вотъ она умерла. Какъ? Почему? Не знаю, ничего не знаю... Она вернулась, вся промокшая, въ одинъ дождливый вечеръ; стала кашлять и на другой день слегла. Что было потомъ? не знаю... Доктора приходили, писали, уходили. Приносили лѣкарства, давали ей. Руки у нея были горячія, голова тоже, глаза блестящіе и печальные. Я говорилъ съ нею, она отвѣчала. О чемъ мы говорили?.. Не знаю, ничего не знаю... все, все забылъ! Она умерла, я очень хорошо помню ея короткій, слабый послѣдній вздохъ. Сидѣлка сказала: „кончено!“ Я все понялъ. Болѣе я ничего не зналъ, ничего.. Пришелъ священникъ и, говоря о ней, выразился: „Ваша

Digitized by Google

любовница". Мнѣ показалось это оскорбительнымъ. Она умерла, и никто не имѣлъ права судить ее. Я прогналъ его. Пришелъ другой... Тотъ былъ кротокъ и добръ. И я плакалъ, когда онъ сталъ говорить мнѣ о ней. Со мной совѣтовались насчетъ похоронъ. Не знаю, что я отвѣчалъ... Помню гробъ, стукъ молотка... Ахъ, Боже мой!.. И ее зарыли, зарыли въ сырую, холодную яму! Приходили знакомые, пріятельницы... Я бѣжалъ, долго блуждалъ по улицамъ... На другой день уѣхалъ путешествовать.

Вчера я вернулся въ Парижъ. Сиова увидавъ мою комнату,—нашу комнату, нашу кровать, нашу мебель, весь этотъ домъ, гдѣ остался на всемъ ея отпечатокъ,—я почувствовалъ такой сильный приливъ отчаянія, что чуть не выбросился изъ окна. Я не могъ оставаться тутъ, въ этихъ стѣнахъ, гдѣ она жила, гдѣ въ невидимыхъ скважинахъ сохранились тысячи атомовъ всего ея существа. Я схватилъ шляпу и бросился къ дверямъ. И вдругъ я остановился передъ большимъ зеркаломъ въ прихожей, которое она велѣла поставить тутъ, чтобъ, уходя, видѣть себя всю съ ногъ до головы, въ полномъ туалетѣ. Я остановился передъ этимъ зеркаломъ, такъ часто отражавшимъ ее, такъ часто, что на немъ долженъ былъ отпечататься ея образъ, какъ живой.

Я стоялъ, весь дрожа, устремивъ глаза на стекло, гладкое, глубокое, безотвѣтное стекло, заключавшее въ себѣ ее всю, также всецѣло, какъ она заключалась въ душѣ моей. Мнѣ казалось, я любилъ это зеркало. Я дотронулся до него. Какое оно было холодное! О, воспоминаніе жгучее, живое! зеркало роковое, ужасное! пытка невыносимая! Счастливы тѣ, у кого въ сердцѣ, какъ въ зеркалѣ, безслѣдно отражаются и исчезаютъ впечатлѣнія, и мгновенно забывается то, что прошло, что составляло жизнь и радость. Я вышелъ, и невольно, самъ не зная какъ, добрелъ до кладбища. Безъ труда нашелъ я ея простую, незатѣйливую могилу, съ мраморнымъ крестомъ и надписью: „Она любила, была любима и умерла". И она лежала тутъ, добычею тлѣнія. Ужасъ! я рыдалъ, припавъ головой къ землѣ.

Я оставался долго, долго... Съ наступленіемъ вечера, мной овладѣло странное, безумное желаніе,—желаніе отчаяннаго влюбленнаго провести послѣднюю ночь возлѣ нея, плача на

Digitized by Google

ея могилѣ. Но меня увидятъ, прогонятъ... Какъ быть? Я прибѣгнулъ къ хитрости, всталъ и началъ ходить изъ конца въ конецъ по этому городу мертвыхъ. Какъ онъ малъ, въ сравненіи съ тѣмъ другимъ,—городомъ живыхъ! А между тѣмъ, насколько мертвые многочисленнѣе живыхъ! Намъ нужны высокіе дома, улицы, пространство, а имъ, всѣмъ этимъ поколѣніямъ мертвецовъ, этой нисходящей до насъ человѣческой лѣстницѣ,—имъ ничего, почти ничего не нужно. Нѣсколько десятинъ земли—и только! Земля принимаетъ ихъ въ свои нѣдра, и забвеніе тотчасъ же вступаетъ въ свои права.

Въ концѣ новаго кладбища находилось старое, заброшенное, съ поломанными памятниками и мертвецами, почти уже превратившимися въ прахъ, кладбище, поросшее кустами дикаго шиповника и старыми кипарисами,—цѣлымъ садомъ всевозможной растительности, удобренной человѣческимъ прахомъ. Я былъ одинъ, совершенно одинъ. Забившись въ густую листву дерева, я спрятался за его вѣтвями и ждалъ, прижавшись къ стволу. Когда насталъ полный мракъ, я покинулъ свое убѣжище и началъ медленно ходить по землѣ мертвыхъ, отыскивая ея могилу. Я бродилъ долго, безконечно долго, натыкаясь на памятники руками, ногами, грудью, даже головой, и все не находилъ. Я, какъ слѣпой, ощупывалъ камни, кресты, желѣзныя рѣшетки, увядшіе вѣнки, водилъ пальцами по надписямъ. Какая ночь! какая ночь! Ни искры свѣта. Мѣсяца не было. Мною овладѣлъ страхъ, ужасный страхъ на этихъ узкихъ тропинкахъ, посреди двухъ рядовъ могилъ. Могилы, могилы, всюду могилы,—направо, налѣво, предо мною, вокругъ меня. Я сѣлъ на одну изъ нихъ; у меня подкашивались ноги... Я слышалъ біеніе моего сердца, и, кромѣ того, еще что-то другое! Что? Какой-то смутный, непонятный шумъ. Слышался ли этотъ шумъ въ моей обезумѣвшей головѣ, или во мракѣ ночи, или въ таинственныхъ нѣдрахъ земли, усѣянныхъ человѣческими трупами?

Я осмотрѣлся вокругъ. Сколько времени я тутъ оставался, не знаю... Страхъ, ужасъ парализовалъ меня... И вдругъ мнѣ показалось, что мраморная плита, на которой я сижу, движется. Да, движется, какъ будто ее поднимали изнутри. Однимъ скачкомъ я очутился на сосѣдней могилѣ и увидалъ,—да, увидалъ, какъ камень приподнялся и изъ него появился

Digitized by Google

обнаженный скелетъ съ согнутой спиной. Я видѣлъ, очень хорошо видѣлъ это, не смотря на окружавшій меня мракъ. Я прочелъ на крестѣ: „Здѣсь покоится Жакъ Оливанъ, умершій пятидесяти одного года. Онъ любилъ своихъ родныхъ, былъ честенъ и добръ, и умеръ въ мирѣ". Скелетъ тоже прочелъ эту надпись, затѣмъ поднялъ камешекъ на дорогѣ, маленькій острый камешекъ, и принялся тщательно стирать имъ свою эпитафію. Онъ стеръ ее совершенно безслѣдно, глядя пустыми глазными впадинами на то мѣсто, гдѣ она была, и костлявымъ концомъ указательнаго пальца написалъ яркими буквами слѣдующее: „Жакъ Оливанъ умеръ пятидесяти одного года. Онъ ускорилъ своимъ жестокимъ обращеніемъ смерть своего отца, чтобъ получить послѣ него наслѣдство, мучилъ жену и дѣтей, обманывалъ сосѣдей, воровалъ при случаѣ и умеръ жалкой смертью". Окончивъ свое писаніе, скелетъ неподвижно смотрѣлъ на написанное. И я увидѣлъ, что всѣ могилы разверзлись, что всѣ трупы вышли и стерли лживыя надписи, чтобъ возстановить истину. И я узналъ, что всѣ были палачами своихъ ближнихъ, безчестными лицемѣрами, лгунами, предателями, клеветниками, завистниками; что они обманывали, воровали, совершали самыя позорныя дѣла,—всѣ эти примѣрные отцы, вѣрныя супруги, любящіе сыновья, цѣломудренныя молодыя дѣвушки, честные комерсанты, всѣ эти мужчины и женщины, считавшіеся безупречными. Они писали всѣ въ одно время, на порогѣ своихъ вѣчныхъ жилищъ, писали жестокую, ужасную, святую истину, которую принято утаивать на землѣ. Я подумалъ, что она тоже должна была написать ее на своемъ памятникѣ. И уже безъ всякаго страха, пробираясь между гробовъ и труповъ, я пошелъ, увѣренный, что тотчасъ же найду ее. Я узналъ ее издали, не видя лица закутаннаго саваномъ. И на мраморномъ крестѣ, гдѣ только что прочелъ: „она любила, была любима и умерла", я увидѣлъ: „Она вышла однажды изъ дому, съ намѣреніемъ обмануть своего любовника, простудилась подъ дождемъ и умерла".

Меня подняли безчувственнаго на разсвѣтѣ, возлѣ какой-то могилы.

Digitized by Google

IV. Въ одинъ вечеръ.

Пароходъ присталъ къ берегу, и я съ восхищеніемъ любовался на живописный заливъ Бужи, открывшійся передъ нами. Высокія горы, увѣнчанныя лѣсами; море, охваченное, точно золотистымъ поясомъ, наносами желтаго песку; ослѣпительное африканское солнце, изливавшее огненные потоки на бѣлые домики маленькаго городка,—все это представляло восхитительное зрѣлище. Отъ всего этого пейзажа вѣяло зноемъ пустыни, ароматомъ таинственнаго континента, почти неизвѣстнаго жителю сѣвера. Уже три мѣсяца, какъ я странствовалъ по этой фантастической землѣ страусовъ, верблюдовъ, газелей и гориллъ, видѣлъ арабовъ, носящихся верхомъ, какъ вѣтеръ пустыни, и ночевалъ въ ихъ палаткахъ.

Опьянѣвши отъ свѣта, фантазіи и необозримаго пространства, я не могъ освоиться съ мыслью, что мнѣ придется вернуться во Францію, снова увидѣть Парижъ, городъ вѣчнаго шума, пустой суеты и безчисленныхъ рукопожатій, и проститься со всѣмъ тѣмъ заманчивымъ, новымъ, къ чему я еще не успѣлъ привыкнуть. Цѣлая флотилія лодокъ окружала пароходъ, я вскочилъ въ одну изъ нихъ и вскорѣ очутился на набережной. Пока я стоялъ, пораженный удивленіемъ, глядя на этотъ морской берегъ, единственный въ своемъ родѣ, на этотъ горный кряжъ, омываемый голубыми волнами, чья-то тяжелая рука опустилась мнѣ на плечо. Я обернулся. Передо мной стоялъ высокій мужчина съ длинной бородой, пристально всматриваясь въ меня своими голубыми глазами.

— Позвольте узнать, не вы ли мой школьный товарищъ?— проговорилъ онъ.

— Очень можетъ быть.—Какъ ваше имя?

— Тремулэнъ.

— Неужели?—Мой сосѣдъ по школьной скамейкѣ?

— Я сейчасъ же узналъ тебя, старина!

И онъ прижался своей длинной бородой къ моимъ щекамъ. Онъ казался такъ искренно обрадованъ, что я съ удовольствіемъ пожалъ ему обѣ руки. Тремулэнъ былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ моихъ друзей, котораго я потерялъ изъ виду уже нѣсколько лѣтъ.

Digitized by Google

— Что ты здѣсь дѣлаешь?—вскричалъ я.

— Я здѣшній поселенецъ, развожу виноградъ и выдѣлываю вино.

— Вотъ какъ! И хорошо идетъ?

— Очень хорошо. Ты гдѣ намѣренъ остановиться? Въ отелѣ? Перебирайся-ка лучше ко мнѣ. Неси это, Али!—закричалъ онъ своему негру, указывая на мой багажъ.

Али, подхвативъ мой багажъ, умчался, какъ вихрь, прибивая пыль своими черными пятками. Мы съ Тремулэномъ послѣдовали за нимъ. Его домъ—старинное мавританское жилище безъ оконъ на улицу, съ террасой, выходящей на заливъ, на лѣса и горы.

— Ахъ, какъ здѣсь хорошо!—вскричалъ я:—это настоящій востокъ. Какія чудесныя ночи ты долженъ проводить на террасѣ! Ты тутъ ночуешь?

— Да, лѣтомъ. Мы взберемся туда сегодня вечеромъ. Любишь ты рыбную ловлю?

— Какую ловлю?

— Ловлю съ факелами!

— Еще бы!—это очень интересно.

— Ну, такъ мы отправимся послѣ обѣда, а по возвращеніи я угощу тебя шербетомъ на террасѣ.

Выкупавшись, я обошелъ вмѣстѣ съ нимъ прелестный городъ, — настоящій каскадъ бѣлыхъ домиковъ, скатывавшихся внизъ къ самому морю. Мы вернулись съ наступленіемъ сумерекъ и, послѣ превосходнаго обѣда, спустились на набережную. Виднѣлись только огни на улицахъ и крупныя, яркія звѣзды на африканскомъ небѣ. Въ углу пристани насъ ожидала лодка съ однимъ гребцомъ. Мы сѣли въ нее и тихо отчалили, пока Тремулэнъ приготовлялъ костеръ, который намѣревался зажечь.

— Ты вѣдь знаешь, что рыбъ ловятъ вилами,—сказалъ онъ мнѣ:—и я въ этомъ очень искусенъ.

Мы въѣхали въ небольшую бухту, окруженную высокими утесами, тѣни которыхъ походили на башни, построенныя въ водѣ. Тутъ я замѣтилъ, что море вокругъ лодки отливаетъ какимъ-то удивительнымъ фосфорическимъ свѣтомъ. При каждомъ мѣрномъ взмахѣ веселъ, вода сверкала страннымъ трепещущимъ блескомъ, оставлявшимъ за собой далекій слѣдъ. Накло-

Digitized by Google

нившись, я всматривался въ эту полосу блѣднаго, холоднаго свѣта, то вспыхивавшую, то потухавшую во мракѣ. Куда мы ѣхали? Я не видѣлъ моихъ сосѣдей, не видѣлъ ничего, кромѣ блестящей полосы и водяныхъ брызгъ отъ веселъ. Въ воздухѣ было душно, какъ въ раскаленной печи. Чѣмъ-то таинственнымъ вѣяло отъ этого плаванія въ ночной тиши. Худыя арабскія собаки, съ рыжей шерстью, острыми мордами и блестящими глазами, лаяли издали, и на ихъ лай отвѣчали лисицы, шакалы, гіены, а, можетъ быть, и какой нибудь одинокій левъ въ горахъ Атласа? Внезапно гребецъ остановился. Послышалось легкое чирканье. Вспыхнулъ огонекъ отъ спички, и я увидѣлъ руку, поднесшую этотъ огонекъ къ желѣзной рѣшеткѣ, висѣвшей на кормѣ въ видѣ пловучаго костра и наполненной хворостомъ. Сухія вѣтки тотчасъ затрещали, и во мракѣ душной ночи вдругъ запылалъ яркій огонь, освѣтившій лодку, стараго гребца-матроса и Тремулэна съ его длинной бородой.

— Впередъ!—сказалъ онъ.—И мы снова поплыли при свѣтѣ пламени, подъ навѣсомъ движущейся тѣни. Тремулэнъ безпрестанно подбрасывалъ сухихъ вѣтвей, и костеръ горѣлъ ярко, какъ зарево пожара. Я наклонился къ водѣ и увидѣлъ дно морское,—странный водяной міръ, населенный растеніями и животными. По временамъ, мы скользили по цѣлыхъ лѣсамъ удивительной растительности всѣхъ цвѣтовъ,—рыжей, розовой, зеленой, желтой. Отражаясь въ водѣ, какъ въ зеркалѣ поразительной чистоты и прозрачности, все это казалось какимъ-то фантастическимъ, волшебнымъ зрѣлищемъ, смутнымъ и таинственнымъ, какъ сновидѣніе. Иногда травы всплывали на поверхность подобно волосамъ, слегка колеблемымъ медленнымъ движеніемъ лодки. Посреди нихъ скользили тонкія серебристыя рыбки, то появляясь, то исчезая; тамъ и сямъ мелькала голубоватая прозрачная медуза,—настоящій блѣдно-лазуревый водяной цвѣтокъ; затѣмъ дно исчезало въ туманѣ зеленыхъ порослей, и смутно виднѣлись только очертанія утесовъ и темныхъ впадинъ при слабомъ освѣщеніи костра. Тремулэнъ стоялъ у носа, наклонившись съ длиннымъ, острымъ трезубцемъ въ рукахъ, который называютъ вилами, и съ видомъ охотника, подстерегающаго добычу, всматривался въ утесы, травы и измѣнчивое морское дно. Вдругъ онъ тихимъ и быстрымъ движеніемъ опустилъ свой трезубецъ въ воду и пой-

Digitized by Google

малъ одну изъ мимо плывущихъ рыбъ. Съ радостнымъ восклицаніемъ поднялъ онъ вилы надъ огнемъ, и я увидѣлъ извивающагося молюска, проткнутаго желѣзными зубьями. Это былъ угорь. Подержавъ его минуту надъ пламенемъ, Тремулэнъ откинулъ его въ глубину лодки. Ловля шла успѣшно. Мой пріятель на каждомъ шагу съ удивительной ловкостью подхватывалъ кого нибудь изъ водяныхъ жителей. Между тѣмъ, вокругъ насъ слышались безпрестанно какіе-то странные шипящіе звуки.

— Что это такое?—спросилъ я.

— Это уголья падаютъ въ воду.

Въ самомъ дѣлѣ, костеръ усыпалъ море цѣлымъ дождемъ огненныхъ обломковъ, падавшихъ съ тихимъ шипѣньмъ, будто жалоба или призывъ. Наконецъ, когда весь запасъ хвороста истощился, Тремулэнъ толкнулъ костеръ въ воду, и мы погрузились въ непроглядную ночь. Вскорѣ мы выѣхали въ пристань, и мой пріятель спросилъ:

— Тебѣ хочется спать?

— Нисколько.

— Ну, такъ пойдемъ поболтаемъ на террасѣ.

Въ ту минуту какъ мы всходили на террасу, рогъ молодаго мѣсяца выплылъ изъ-за горъ. Листья колыхались подъ теплымъ вѣтромъ, напоеннымъ невидимыми ароматами, которые какъ бы неслись сюда со всѣхъ садовъ Африки. Вокругъ насъ бѣлые дома съ четырехъугольными кровлями спускались къ морю, и на этихъ кровляхъ виднѣлись цѣлыя семьи, въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, вышедшія отдохнуть отъ дневнаго зноя. Я чувствовалъ себя какъ бы переродившимся; въ меня будто переселилась поэтическая душа первобытнаго человѣка. Библейскія повѣствованія смѣшивались со сказками „Тысячи и одной ночи“. Я слышалъ вѣщіе глаголы пророковъ; я видѣлъ, на террасахъ дворцовъ, принцессъ въ шолковыхъ шароварахъ, посреди благоуханій серебряныхъ курильницъ и услужливыхъ геніевъ, являвшихся по мановенію руки.

— Тебѣ хорошо здѣсь живется?—спросилъ я.

— Меня привелъ сюда случай.

— Случай.

— Да, случай и несчастіе.

Digitized by Google

И въ голосѣ его зазвучало столько скорби, что у меня защемило сердце.

— Я, пожалуй, разскажу тебѣ мое горе. Можетъ быть, это облегчитъ меня.

— Разскажи, сдѣлай одолженіе.

— Ты помнишь, что въ школѣ я былъ чѣмъ-то въ родѣ неудавшагося поэта. Я мечталъ сдѣлаться писателемъ и пробовалъ осуществить мою мечту, выйдя изъ школы. Но мнѣ это не удалось. Я издалъ томъ стихотвореній, затѣмъ романъ, оба оставшіеся нераспроданными, и—наконецъ—театральную пьесу, которая не была представлена. Тогда я влюбился. Не стану описывать мою страсть. Возлѣ насъ жилъ портной съ дочерью. Я полюбилъ ее. Это была довольно развитая дѣвушка, кончившая курсъ въ какомъ-то пансіонѣ, съ живымъ, острымъ умомъ, гармонировавшимъ со всей ея миньятюрной, граціозной особой. Она была жива, гибка и невѣроятно дѣятельна. Я страстно въ нее влюбился. Припоминаю двѣ или три прогулки въ Люксембургскомъ саду, возлѣ фонтана Медичи,—эти лучшіе часы въ моей жизни. Испыталъ ли ты чувство безумной нѣжности, когда постоянно думаешь только объ одномъ предметѣ, и ничто остальное для тебя не существуетъ?

Мы вскорѣ сдѣлались женихомъ и невѣстой. Я сообщилъ ей мои проэкты на будущее, но она не одобрила ихъ. Она не вѣрила моимъ литературнымъ способностямъ и считала, что лучше всего заняться торговлей. Вмѣсто того, чтобы сочинять книги, я началъ продавать ихъ, и для этого завелъ въ Марсели книжный магазинъ. Мы очень хорошо прожили три года. Нашъ магазинъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ литературной гостинной, гдѣ собиралось избранное общество. Самыми частыми посѣтителями были: нѣкто Монтина, богачъ, красивый брюнетъ съ черными огненными глазами, два комерсанта и генералъ, маркизъ де-Флешъ, семидесятилѣтній старикъ, предводитель роялистской партіи. Дѣла шли хорошо, и я былъ очень счастливъ. Въ одинъ день, около трехъ часовъ, возвращаясь откуда-то и проходя по улицѣ Ферреоль, я увидалъ выходящую изъ воротъ одного дома молодую женщину, до того похожую на мою жену, что непремѣнно принялъ бы за нее, еслибъ не оставилъ ее дома, немного больную, часъ тому назадъ. Она быстро шла впереди меня, не оборачиваясь. И я невольно послѣдо-

Digitized by Google

валъ за нею, удивленный и встревоженный. Я говорилъ себѣ: — Это не она. Нѣтъ, это невозможно; у нея мигрень. И что ей дѣлать въ этомъ домѣ? Желая узнать что нибудь навѣрное, я рѣшился догнать ее. Почувствовала ли она, угадала ли мои шаги? не знаю, только она быстро обернулась. Это была она. Она сильно покраснѣла, увидя меня, и сказала, улыбаясь: — Каково! это ты?—У меня сжалось сердце:—Да! Такъ ты вышла! А твоя мигрень?

— Мнѣ стало лучше, и захотѣлось пройтись.

— Куда же?

— Къ Лакоссаду, за карандашами.

— Она смотрѣла мнѣ прямо въ лицо, уже не краснѣя, но скорѣй немного блѣднѣя. Ея ясные глаза,—ахъ, вѣроломные женскіе глаза!—казались такъ правдивы, но я смутно чувствовалъ, что за ними кроется ложь. Я стоялъ передъ ней, болѣе смущенный и взволнованный, нежели она сама, не смѣя явно подозрѣвать, но увѣренный, что она лгала. Почему, я самъ не зналъ. Ревновалъ ли ты когда нибудь? Знаешь ли ты, что такое ревность? Какъ огненная струя, упала она мнѣ на сердце. Я не предполагалъ ничего опредѣленнаго, ничему не вѣрилъ; я зналъ только, что она солгала. Подумай, что каждый вечеръ, когда мы оставались вдвоемъ, я открывалъ ей мою душу, всѣ мои мысли, любилъ ее; она была частью меня самого, моей радостью... Въ первые дни сомнѣнія и тревоги, когда подозрѣніе еще не наросло и не созрѣло, я чувствовалъ себя просто больнымъ; у меня былъ постоянный ознобъ, я не ѣлъ и не спалъ.

— Зачѣмъ солгала она? Что дѣлала она въ этомъ домѣ? Я разспрашивалъ привратника и не могъ напасть ни на какой слѣдъ. А всетаки она входила туда и скрыла отъ меня. Значитъ, тутъ существовала какая нибудь тайна. Какая? Неужели каждый не можетъ имѣть своихъ маленькихъ невинныхъ тайнъ, не отдавая въ нихъ отчета? — вправѣ ли мужъ требовать отъ жены полной откровенности, и неужели супружество лишаетъ всякой свободы дѣйствій? Однако всѣ эти разсужденія не успокоивали меня. Я продолжалъ ревновать... Смутное подозрѣніе, что у жены моей есть любовникъ, леденило меня. Это было нелѣпо, невозможно, а между тѣмъ... фигура красавца Монтины безпрестанно проходила передъ моими глазами. Я видѣлъ

Digitized by Google

этого великолѣпнаго брюнета, съ самодовольной улыбкой наклоняющагося къ ней, и говорилъ себѣ:—Это онъ!—Съ невыразимыми терзаніями слѣдилъ я за каждымъ ихъ шагомъ, и для этого запасся обувью съ каучуковыми подошвами, чтобъ ходить безъ шума. Весь день проводилъ я, спускаясь и поднимаясь по лѣстницѣ, въ надеждѣ застать ихъ врасплохъ, но все было напрасно. Ночью было еще ужаснѣе. Она лежала возлѣ меня съ закрытыми глазами. Спала ли она, или только притворялась спящей? Не знаю. Все было—ложь! Сколько разъ мнѣ приходило большое желаніе схватить молотокъ и однимъ ударомъ размозжить ей голову, чтобъ видѣть, что тамъ внутри? И все-таки я ничего бы не узналъ, ничего не увидалъ, кромѣ смѣси мозга съ кровью. Невозможно узнать! А глаза?.. Мной овладѣло бѣшенство, глядя въ ея глаза, — свѣтлые, ясные глаза, — и фальшивые, фальшивые, фальшивые! Невозможно узнать, что за ними кроется! Какъ мнѣ хотѣлось проткнуть, просверлить эти фальшивыя зеркала! Ахъ, какъ я понимаю инквизицію. Я бы изломалъ ей руки въ желѣзныхъ наручникахъ, сдавилъ горло, чтобъ она не могла дышать, жегъ бы ей пальцы на медленномъ огнѣ... Говори, говори... признавайся... Не хочешь?.. Я бы держалъ ее на угольяхъ, пока бы она не заговорила...

И Тремулэнъ, сжимая кулаки, почти кричалъ. Вокругъ насъ, на сосѣднихъ кровляхъ, тѣни поднимались, прислушивались, возмущенныя въ своемъ покоѣ. Поглощенный интересомъ разсказа, я видѣлъ передъ собой, какъ живую, эту маленькую блондинку, это хитрое, вѣроломное существо съ дѣтски-наивнымъ видомъ, съ кукольной душой. Наравнѣ съ моимъ другомъ, я подозрѣвалъ ее, проклиналъ и ненавидѣлъ. Успокоившись, онъ продолжалъ:

— Не знаю, зачѣмъ разсказываю тебѣ все это. Я никому объ этомъ не говорилъ... да я почти никого и не вижу. Очень ужъ у меня накипѣло на сердцѣ... Ну, видишь ли, я ошибся: оказалось хуже, чѣмъ я думалъ, хуже всего! Слушай. Я пустилъ въ ходъ извѣстное средство—притворныя отлучки. Каждый разъ какъ я уходилъ изъ дому, жена моя завтракала въ ресторанѣ, въ отдѣльномъ номерѣ. Я подкупилъ одного изъ служителей, чтобъ поймать ее. Онъ долженъ былъ отпереть мнѣ дверь ихъ комнаты, и въ назначенный часъ я явился съ

Digitized by Google

непреклонной рѣшимостью убить ихъ обоихъ. Я заранѣе переживалъ въ воображеніи всю драму. Вхожу. Она и Монтина сидятъ оба за столикомъ, уставленнымъ бутылками, рюмками и тарелками. При моемъ видѣ, ужасъ и изумленіе приковываютъ ихъ на мѣстѣ. Я, не говоря ни слова, опускаю трость со свинцовымъ набалдашникомъ на голову Монтины. Онъ сразу падаетъ мертвый, лицомъ на скатерть. Затѣмъ я обертываюсь къ ней, и жду нѣсколько секундъ, наслаждаясь мщеніемъ... Со злобной радостью представлялъ я себѣ ея безумный растерянный взглядъ, протянутыя руки, блѣдное искаженное лицо... О, я не убилъ бы ея съ перваго раза... Ты назовешь это звѣрствомъ, ты не знаешь, что я выстрадалъ... Думать, что женщина, любимая жена или любовница, отдается другому точно также, какъ и мнѣ, дѣлить между нами обоими ласки и поцѣлуи... Нѣтъ, это пытка невыносимая!.. Я описалъ тебѣ то, что рисовалось въ моемъ воображеніи. На самомъ дѣлѣ, вотъ что произошло. Я пришелъ въ ресторанъ, спросилъ у подкупленнаго служителя:—Тутъ они?

— Здѣсь, отвѣчалъ онъ, указывая на дверь.

— Сжимая трость, какъ въ желѣзныхъ тискахъ, я вошелъ. Минута была хорошо выбрана. Они обнимались. Но то былъ не Монтина. То былъ де-Флешъ, семидесятилѣтній генералъ. Я такъ былъ увѣренъ найти того, другаго, что отъ изумленія у меня опустились руки... И потомъ... потомъ... самъ не знаю, что со мной было... При видѣ Монтины, меня охватила бы ярость. Но, при видѣ этого дряхлаго семидесятилѣтняго старика, съ огромнымъ животомъ и отвислыми щеками, я задохся отъ отвращенія. И она,—на видъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка,—отдалась этому толстяку только потому, что онъ былъ маркизъ, генералъ, другъ и представитель изгнанныхъ королей. Самъ не знаю, что я думалъ и чувствовалъ... Рука моя не поднималась на старика. У меня явилось желаніе убить не одну мою жену, но всѣхъ женщинъ, способныхъ на такую низость. Ревность во мнѣ исчезла передъ ужасомъ того, что я видѣлъ!.. Пусть говорятъ, что хотятъ, о мужчинахъ, но они далеко не такъ низки. На мужа или любовника, купленнаго старухой, указываютъ пальцемъ, его считаютъ презрѣннѣе всякаго вора. Въ насъ есть хоть капля стыда, а женщины, женщины! Онѣ равно отдаются всѣмъ, старымъ и молодымъ,

Digitized by Google

изъ-за самыхъ презрѣнныхъ причинъ. Это ихъ профессія, ихъ призваніе, единственное дѣло ихъ жизни. Это—вѣчныя, безсознательныя проститутки, смотрящія на свое тѣло, какъ на товаръ, и безъ разбора продающіяся безсильному старцу за горсть золота, или какой нибудь дряхлой знаменитости ради почета.

Какъ древній пророкъ, бѣшено громилъ Тремулэнъ, подъ звѣзднымъ небомъ, прославленный позоръ знаменитыхъ куртизанокъ и дѣвственницъ, выходящихъ замужъ за стариковъ. И, какъ бы по его зову, возставали передъ нами изъ мрака вѣковъ, посреди душной восточной ночи, красавицы всѣхъ странъ и временъ, рабыни патріарховъ, воспѣтыя библіей, Агарь, Руфь, дочери Лота, смуглая Авигея, суннамская дѣвственница, оживлявшая умирающаго Давида, всѣ—продажныя самки или безгласныя рабыни.

— Что же ты сдѣлалъ? спросилъ я.

— Уѣхалъ, просто отвѣчалъ онъ:—и вотъ поселился здѣсь.

Мы еще долго сидѣли на террасѣ молча, погруженные въ думы.

Отъ этого вечера у меня осталось неизгладимое впечатлѣніе. Все, что я видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, угадывалъ,—рыбная ловля, пронзенныя трезубцемъ, умирающія рыбы, и этотъ патетическій разсказъ посреди бѣлыхъ призраковъ на сосѣднихъ кровляхъ,—все сильно взволновало меня. Нѣкоторыя встрѣчи, нѣкоторыя случайныя столкновенія, не отличающіяся, повидимому, ничѣмъ особеннымъ, содержатъ въ себѣ бо́льшее количество жизненной квинтъ-эссенціи, нежели цѣлый рядъ безцвѣтныхъ будничныхъ дней.

Digitized by Google

М. Е. САЛТЫКОВЪ.

(Опытъ литературной характеристики).

Странная судьба постигла М. Е. Салтыкова во второй и послѣдній періодъ его литературной дѣятельности. Въ этотъ періодъ времени онъ занялъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ среди русскихъ писателей, сдѣлался, такъ сказать, корифеемъ литературы, но—странное дѣло!—въ то время какъ росло значеніе Салтыкова, русская критика блѣднѣла, сохла и, наконецъ, совсѣмъ засохла, съузившись до рамокъ простаго газетнаго отчета. Въ «Наблюдателѣ», помнится, мнѣ уже случалось говорить объ этой несчастной судьбѣ русской критики, но въ настоящемъ случаѣ я вовсе не хочу сказать, будто бы увеличеніе значенія Салтыкова имѣетъ какое либо непосредственное отношеніе къ ослабленію критики: такое явленіе можетъ быть простымъ совпаденіемъ, но оно, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно знаменательно. Необходимымъ слѣдствіемъ этого совпаденія,—если предположить, что это только совпаденіе,—является то обстоятельство, что въ послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни Салтыковъ успѣлъ вырости въ первокласснаго писателя, а критика, между тѣмъ, *не успѣла* еще обстоятельно заняться имъ и не опредѣлила до сихъ поръ ни характера его таланта, ни соціально-литературнаго значенія его сатиры. Онъ *обойденъ* русской критикой, не потому, что не заслуживаетъ самаго старательнаго критическаго анализа, а потому, что критика чрезвычайно съузила свои рамки и, благодаря этому обстоятельству, не могла умѣстить въ эти рамки сатирика. Отсюда—явленіе, почти небывалое въ исторіи литературы: передъ нами первоклассный писатель, котораго, однако же, не успѣли опредѣлить критики въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ. Такія *случайности* бываютъ, надо признаться, только въ русской литературѣ.

Правда, о Салтыковѣ писалось много, пространно, детально (можетъ быть, даже слишкомъ детально), но все таки какъ-то вскользь, безъ малѣйшаго желанія проникнуть въ своеобразный организмъ его таланта. Писаревъ, какъ извѣстно, совершенно отрицалъ въ немъ сатирика и,

Digitized by Google

кажется, весьма серьезно совѣтовалъ ему заняться популяризаціей естественно-научныхъ сочиненій. Салтыковъ, конечно, не внялъ этому совѣту и хорошо сдѣлалъ. Но если до самой своей смерти этотъ талантливый сатирикъ составлялъ такую загадку для критики, то въ этомъ, во всякомъ случаѣ, нельзя винить одну лишь критику. Критика могла слабѣть и сохнуть, съуживать свои рамки и даже грубо ошибаться по отношенію къ сатирику, но самъ сатирикъ, нужно сознаться, нисколько не облегчалъ дѣла критики. Онъ все больше и больше окружалъ себя туманомъ фразы и, въ концѣ концовъ, усвоилъ себѣ такой странный языкъ, состоявшій сплошь изъ однихъ только намековъ, что разглядѣть изъ подъ маски этого языка настоящую мысль сатирика сдѣлалось, подъ конецъ, дѣломъ крайне труднымъ. Вслѣдствіе этой трудности, по отношенію къ Салтыкову возникло какое-то своеобразное недоразумѣніе,—и въ обществѣ, и въ литературѣ. Одни (большинство) считали Салтыкова геніальнымъ прорицателемъ и видѣли въ каждомъ его словѣ какой-то необыкновенно глубокій смыслъ; другіе рѣшительно отказывали ему въ талантѣ сатирика и, хотя не повторяли ему наивнаго совѣта Писарева, тѣмъ не менѣе, раздѣляли этотъ совѣтъ. Смерть Салтыкова не разсѣяла этого печальнаго недоразумѣнія; въ некрологахъ, въ печатныхъ соболѣзнованіяхъ, въ попыткахъ хотя бы наскоро опредѣлить значеніе сатиры Салтыкова, на каждомъ шагу мы встрѣчались съ этимъ страннымъ явленіемъ. Одни, не мудрствуя лукаво, прямо произвели его въ геніи (excusez du peu!), съ какимъ-то умысломъ закрывая глаза на самые явные его недостатки; другіе, вмѣсто всякой спокойной оцѣнки, просто стали ругаться съ какимъ-то непонятнымъ и неприличнымъ озлобленіемъ передъ свѣжей, еще открытой могилой. Какъ это всегда у насъ бываетъ (это тоже одна изъ своеобразностей русской культуры), эти два противорѣчащихъ другъ другу мнѣнія сосредоточились въ двухъ враждебныхъ литературныхъ лагеряхъ: либеральная часть нашей печати принадлежитъ къ безусловнымъ поклонникамъ Салтыкова, консерваторы же рѣшительно не признаютъ его. Почему Салтыковъ попалъ въ любимцы либераловъ и внушаетъ ненависть консерваторамъ,—понять довольно трудно: какъ мы увидимъ ниже, онъ никогда не высказывался опредѣленно въ этомъ отношеніи, никогда не выступалъ съ извѣстнымъ знаменемъ, никогда не формулировалъ своей программы. А все то, что можно усмотрѣть въ немъ, какъ опредѣленное стремленіе, какъ опредѣленное чувство,—гуманность, напримѣръ, жажда добра, негодованіе передъ зломъ,—въ одинаковой степени принадлежитъ какъ ему, такъ и другимъ крупнымъ русскимъ писателямъ, — между прочимъ, Достоевскому, столь любезному «консерваторамъ». Какъ бы то ни было, но нельзя не видѣть, что къ такимъ разнорѣчивымъ сужденіямъ давалъ поводъ,—по крайней мѣрѣ, отчасти,—самъ Салтыковъ, благодаря той за-

Digitized by Google

гадочной, неопредѣленной художественной формѣ, которую онъ усвоилъ себѣ. Вспомнимъ, напримѣръ, его помпадуровъ. Съ легкой руки Салтыкова, слово помпадуръ сдѣлалось типическимъ, ходячимъ выраженіемъ, нарицательнымъ названіемъ извѣстнаго типа нашихъ администраторовъ; оно имѣло въ русскомъ обществѣ самый необыкновенный успѣхъ и сдѣлалось чуть ли не любимымъ выраженіемъ, а между тѣмъ оно, въ дѣйствительности, не заслуживаетъ такого почета. И въ самомъ дѣлѣ, какъ типическое выраженіе, долженствующее вмѣщать въ себѣ опредѣленіе цѣлаго типа,—оно почти лишено смысла: неизвѣстно, на какомъ основаніи г-жа Помпадуръ, знаменитая любовница Людовика XV, можетъ или должна служить прототипомъ нашихъ администраторовъ, и какое существуетъ отношеніе между красавицей-маркизой XVIII вѣка и Ѳеденьками русской администраціи XIX столѣтія? Прибавьте къ этому еще и то важное обстоятельство, что сами Ѳеденьки въ сатирѣ Салтыкова совершенно не типичны, не рисуются воображенію читателя живыми лицами, не представляютъ собою что-либо конкретное; они играютъ роль простыхъ манекеновъ, или чучелъ, надъ которыми издѣвается сатирикъ, придумывая имъ смѣшныя клички и приписывая совершенно безсмысленныя дѣйствія. Но Салтыковъ въ такой совершенной степени обладаетъ тѣмъ, что̀ французы называютъ verve satyrique, что все это издѣвательство надъ довольно фантастическими администраторами принимается за чистую монету поклонниками сатирика; смѣхъ, возбуждаемый авторомъ, покрываетъ или, вѣрнѣе, скрываетъ недостатки опредѣленной мысли и художественной красоты, и обусловливаетъ иллюзію какой-то необыкновенно глубокой сатиры, значенія которой, однако же, не признаютъ люди, не обольщаемые комическою внѣшностью.

Думаю, что не будетъ слишкомъ рискованнымъ предположить, что всѣ эти недоразумѣнія происходятъ, главнымъ образомъ, отъ слишкомъ большой неопредѣленности языка, отъ той художественной туманности, въ которой формы сливаются въ какое-то безпредметное *нѣчто*, отъ манеры Салтыкова постоянно говорить «притчами», злоупотреблять эзоповскимъ языкомъ, слѣдуя его собственному выраженію. «Представьте себѣ,—говоритъ онъ, между прочимъ, въ одной изъ своихъ сатиръ («Монрепо—усыпальница»),—что вы нечаянно попали въ комнату, наполненную баснописцами. Собралось множество Эзоповъ, которые ведутъ оживленный разговоръ,—и все притчами! Ясно, что тутъ можно сойти съ ума!» Выражаясь такъ, Салтыковъ намекаетъ на печальное положеніе русскаго человѣка, имѣющаго право, будто бы, говорить лишь «эзоповскимъ» языкомъ, но фраза Салтыкова точно также можетъ быть примѣнима и къ самому сатирику. Развѣ онъ не находился въ такомъ положеніи, когда нельзя «ни жить, ни наблюдать жизнь»? Развѣ онъ не сознавалъ въ самомъ себѣ безвыходнаго положенія такого человѣка? Развѣ

Digitized by Google

онъ и самъ не пришелъ къ убѣжденію, подобно своему герою, что «умирать пора»? «Не умереть, а именно умирать,—прибавляетъ онъ,—освобождаться отъ жизни постепенно, не постыдно, сладко. Среди всегдашней суматохи, гдѣ слышатся голоса только безчисленнаго множества темпераментовъ, гдѣ нападающіе не знаютъ, на кого они нападаютъ, а защищающіеся,—отъ кого они обороняются, гдѣ нѣтъ рѣчи объ идеалѣ и мечется въ глаза только обнаженный фактъ борьбы,—въ такой суматохѣ ничего лучше не придумаешь, какъ схорониться въ скромное мѣсто, а тамъ—начать умирать».

Эта особенность говорить иносказательно, эзоповскимъ языкомъ, не есть органическая черта, свойственная таланту Салтыкова. Въ началѣ своей литературной дѣятельности, въ эпоху «Губернскихъ Очерковъ» и «Невинныхъ разсказовъ», эта особенность не замѣчается у Салтыкова: тогда онъ просто является послѣдователемъ Гоголя и пытается создать не политическую, а художественную сатиру. Но затѣмъ, сдѣлавшись однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ журнала, далѣе ставъ во главѣ его и, такимъ образомъ, какъ бы невольно занявъ воинствующую роль журналиста, Салтыковъ мало по малу начинаетъ усвоивать себѣ этотъ иносказательный языкъ, который, въ концѣ концовъ, становится его привычкой, второй натурой, однимъ изъ элементовъ его юмора. Языкъ этотъ довольно трудно характеризовать. Онъ не связанъ тѣсно съ талантомъ, не образуетъ одной изъ формъ, въ которой этотъ талантъ обнаруживается; онъ—нѣчто внѣшнее, несущественное, даже лишнее. Но, при всемъ томъ, этотъ языкъ производитъ несомнѣнно комическое, своеобразное впечатлѣніе, вслѣдствіе чего Салтыковъ не только употребляетъ его, но впослѣдствіи и злоупотребляетъ имъ. Все дѣло сводится не на своеобразныя формы рѣчи, не на то, что́ обыкновенно называется *стилемъ*, а на какія-то неожиданно смѣшныя клички, на выраженія, намѣренно не соотвѣтствующія дѣйствительности, о которой говоритъ сатирикъ, на чисто внѣшній контрастъ между содержаніемъ и формой. Къ несчастію, этими пріемами Салтыковъ всегда пользуется и, такимъ образомъ, испещряетъ свою рѣчь самыми странными выраженіями, для которыхъ нужно составить особый объяснительный словарь. «Пѣнкоснимателъ», «ташкентецъ приготовительнаго класса», «не умѣть совладать съ разнузданностью въ похвалахъ», «прожекты (вмѣсто проэкты), удручающіе провинціала и заставляющіе его искать убѣжища у Палкиныхъ», «Помпадуръ борьбы», «несогласномыслящій» (никогда не опредѣляя, съ кѣмъ несогласно), «оглушеніе въ смыслѣ временнаго усыпленія чувствъ», «департаментъ оздоровленія началъ», «департаментъ всеобщихъ умопомраченій», «привлечь къ отвѣтственности по юбилейной части», «министерство препонъ и неудовлетвореній», «реформа клозетовъ»... все это слова, выраженія и клички сами по себѣ лишенныя значенія, но именно

Digitized by Google

поэтому они и производятъ комическое впечатлѣніе, когда употребляются сатирикомъ для характеристики извѣстнаго явленія.

Принято думать, что этотъ, по истинѣ «эзоповскій» языкъ, которымъ такъ странно злоупотреблялъ Салтыковъ, есть вынужденный пріемъ, извѣстная условная форма, безъ которой русская сатира немыслима. Такъ объясняетъ свой языкъ и самъ Салтыковъ, давая понять, что русская сатира можетъ говорить только иносказательно. Если мы даже согласимся, въ общемъ, съ такимъ утвержденіемъ, то все таки нельзя не видѣть, что Салтыковъ слишкомъ, и безъ всякой нужды, злоупотребляетъ этой иносказательностью. Гоголь осмѣивалъ не менѣе глубокія язвы русской дѣйствительности, не менѣе глубоко запускалъ свое сатирическое жало, а между тѣмъ находилъ же онъ возможность выражаться совершенно ясно, не прибѣгая къ эзопству и къ притчамъ. Говоря о губернаторѣ, онъ не находилъ нужнымъ называть его, изъ желанія скрыть, о чемъ онъ говоритъ, помпадуромъ или какою нибудь другою странною кличкой. Даже для усиленія комическаго эффекта такой пріемъ не казался ему нужнымъ,—онъ могъ обходиться и безъ него. У него достало бы настолько комическаго воображенія, чтобы выдумать смѣшную кличку, но къ этому средству онъ не прибѣгалъ, справедливо думая, что *комическое*, достойное этого имени, не должно основываться на случайной и внезапной нелѣпости, имѣющей чисто внѣшній характеръ, что комическій контрастъ долженъ гнѣздиться въ содержаніи, а не во внѣшности. И Гоголю, конечно, случалось прибѣгать къ комическимъ выраженіямъ, но онъ создавалъ ихъ по другому шаблону. Напримѣръ: «дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ и дама просто пріятная», «съ ловкостью почти военнаго человѣка»; въ этихъ выраженіяхъ нѣтъ никакой внѣшней комичности, но является комическое представленіе. Комическій пріемъ Салтыкова Гоголь заранѣе опредѣлилъ словами Жевакина въ «Женитьбѣ»: «Бывало ему, ничего больше, покажешь этакъ одинъ палецъ,—вдругъ засмѣется, ей богу, и до самого вечера смѣется. Ну, глядя на него, бывало, и самому сдѣлается смѣшно, и смотришь, наконецъ, и самъ точно, этакъ, смѣешься!»

Съ цѣлью точнѣе выяснить юмористическій пріемъ Салтыкова, я принужденъ сдѣлать выписку, прося читателя обратить особенное вниманіе на слова, поставленныя курсивомъ: «Сколько лѣтъ мы сознаемъ себя *негодующими*, и все таки, вмѣсто *увлеченія*, вращаемся въ пустотѣ! сколько лѣтъ собираемся одолѣть свое безсиліе,—и ничѣмъ, кромѣ доказательствъ своего безсилья, не ознаменовываемъ своей дѣятельности! Но даже въ самыхъ *дорожныхъ*, близкихъ нашему сердцу вещахъ,—въ сферѣ *благочинія*, и тутъ мы ничего не достигли, кромѣ сознанія полной безпомощности. А вѣдь у насъ только и словъ на

Digitized by Google

языкѣ: погодите, дайте управиться! Вы думаете, что, можетъ быть, тогда потечетъ наша земля млекомъ и медомъ?—То-то и есть, что не потечетъ, и не потому не потечетъ, что ни млека, ни меда у насъ нѣтъ,—это вопросъ особливый,—а потому, что нѣтъ и не будетъ *конца краю самой управы*. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что процессъ *вколачиванія «штуки»* уже совершилъ свой *циклъ*; что общество окончательно само себя *провѣрило*, что всѣ *извѣщенія* сдѣланы, что плевелы вырваны и истреблены, что околоточные и участковые пристава, наконецъ, свободно вздохнули. Спрашивается: ну, а потомъ? Какое органическое, возстановляющее дѣло можемъ мы предпринять? знаемъ ли мы, въ чемъ оно состоитъ? имѣемъ ли мы для него достаточную подготовку? Наконецъ, имѣемъ ли мы даже поводъ желать, чтобы процессъ вколачиванія «штуки» во истину совершился и вмѣсто него воскресло *начало, возстановляющее дѣло*? Ахъ, тетенька! Вотъ то-то и есть, что никакихъ подобныхъ поводовъ у насъ нѣтъ! Не забудьте, что даже *торжество умиротворенія*, если оно когда нибудь наступитъ, будетъ принадлежать не *Вздошникову*, не *Распротакову*, и даже не намъ съ вами, а все тѣмъ же *Амалатъ-Бекамъ* и Пафнутьевымъ, которые будутъ *лакать* шампанское и испускать побѣдные клики (однако же, не безъ угрозы), но никогда не поймутъ и не скажутъ себѣ, что *торжество обязываетъ*. Обязываетъ къ чему?—Вы только подумайте объ этомъ, милая тетенька! Обязываетъ къ возстановленію поруганной человѣческой совѣсти, обязываетъ къ пробужденію сознательной дѣятельности, обязываетъ къ признанію права на завтрашній день... и вы хотите, чтобы эта программа осуществилась! Совѣсть, сознательность, обезпеченность! Да вѣдь это то же самое и есть, что́ на конкахъ, въ трактирахъ и въ *хлѣвной* литературѣ извѣстно подъ именемъ *«потрясенія основъ»*! Еще не все шампанское выпито, по случаю *прекращенія опасностей*, какъ самое прекращеніе уже представляетъ настороженному до болѣзненности воображенію цѣлый рядъ новыхъ *самостоятельныхъ опасностей*! Бой кончился, но не успѣли простыть бойцы, какъ уже имъ предстоитъ готовиться въ новый бой!.. Идеалъ современныхъ *провѣрителей общества* (я не говорю о герояхъ ко́нокъ и трактирныхъ заведеній) въ сферѣ внутренней политики, очень простъ: *чтобъ ничего не было*. Но какъ ни дисциплинирована и ни обезличена наша дѣйствительность,—даже она не можетъ вмѣстить подобнаго идеала. Нельзя, чтобъ ничего не было. До такой степени нельзя, что даже доказывать эту истину нѣтъ надобности. А такъ какъ «провѣрители» отъ своихъ идеаловъ никогда не отступятъ, такъ какъ они на томъ и будутъ настаивать, чтобы ничего не было, то ясно, что и междоусобіямъ не предвидится конца!»—Прочитайте внимательно этотъ отрывокъ и попробуйте отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что́ хотѣлъ

Digitized by Google

сказать сатирикъ? какое явленіе жизни онъ бичуетъ? Даже просто: о чемъ говоритъ? Едва ли нужно прибавлять, что на эти вопросы вы не получите никакого отвѣта. Но, читая отрывокъ, вы получали впечатлѣніе чего-то несуразнаго, какъ люди мечутся изъ угла въ уголъ, не зная, что̀ имъ дѣлать, и такъ какъ, къ тому же, сатирикъ употребляетъ самыя неожиданныя выраженія: «вколачиваніе штуки, Амалатъ-Бекъ, увѣченіе, самостоятельная опасность, лакать, провѣрители общества»,— то, въ общемъ, получается что-то смѣшное, комическое.

Это позволяетъ намъ перейти къ характеру того *комическаго*, которое характеризуетъ талантъ Салтыкова уже помимо его языка. Почти всякій сатирикъ, въ то же время, и юмористъ. Имѣя дѣло съ отрицательными явленіями жизни, онъ принужденъ ихъ вышучивать, рельефно показывать ихъ несостоятельность, ихъ нелѣпость, ихъ вредъ. Онъ относится къ нимъ насмѣшливо, съ высоты имѣющагося у него идеала. Но насмѣшка можетъ принимать самыя разнообразныя формы, согласно характеру и основнымъ психологическимъ даннымъ таланта сатирика. Вольтеръ пускаетъ въ ходъ свое неистощимое остроуміе, ѣдкую насмѣшку, безъ всякой примѣси того, что̀ въ англійскомъ смыслѣ называется юморомъ; онъ не юмористъ, а просто остроумный человѣкъ. Поль-Луи Курье скорѣе насмѣшливъ, чѣмъ остроуменъ. Ѣдкимъ, кровавымъ сарказмомъ отличается насмѣшка Свифта; чистыми юмористами можно считать Шекспира, Гейне, Стерна, Жанъ-Поля Рихтера. Салтыковъ отчасти примыкаетъ къ нимъ, но только отчасти. Онъ юмористъ не столько въ содержаніи,—въ сопоставленіи комическихъ явленій,— сколько въ выраженіи,—въ сопоставленіи комическихъ формъ рѣчи. Къ тому же, его комическое воображеніе направлено не къ созданію насмѣшки, а къ представленію забавныхъ положеній, которыя зачастую превращаются въ простую буфонаду, въ шаржъ; въ такихъ случаяхъ Салтыковъ забываетъ свои политическія цѣли и увлекается потокомъ шутовскихъ образовъ, вызванныхъ его воображеніемъ. Однимъ словомъ, онъ скорѣе фельетонистъ, чѣмъ сатирикъ. Какъ у сатирика, такъ и у фельетониста, насмѣшки и преувеличенія безспорно играютъ первенствующую роль; у перваго, однако, цѣль серьезна, потому что существуетъ серьезное міровоззрѣніе, а у втораго—одна лишь цѣль: посмѣяться и позабавиться, безъ всякихъ другихъ намѣреній. Сообразно съ этими разными цѣлями, и средства они выбираютъ разныя. Сатирикъ, безъ сомнѣнія, будетъ преувеличивать, но это преувеличеніе вызоветъ не смѣхъ и веселое расположеніе духа, а горькое чувство негодованія. Для своей сатиры онъ будетъ выбирать черты самыя обидныя, самыя оскорбительныя, способы, которые болѣе другихъ могутъ извѣстнымъ тенденціознымъ образомъ освѣтить уродливое явленіе, освѣтить его именно съ той точки зрѣнія, съ которой сатирику

Digitized by Google

хочется, чтобъ оно было освѣщено. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и у Салтыкова—цѣль та же, съ тою однако разницей, что средства, употребляемыя имъ, зачастую не соотвѣтствуютъ цѣли. Довольно часто Салтыковъ поступаетъ именно такъ, какъ поступаетъ фельетонистъ. Фигуры, въ освѣщеніи его сатиры, являются не отвратительными, внушающими ужасъ или презрѣніе, а просто до уродливости смѣшными, которыя, кромѣ безобиднаго, безпредметнаго смѣха, ничего другаго вызвать не могутъ. Читая, напримѣръ, рѣчь Накатникова о «principe du télègue russe», мы смѣемся также добродушно, какъ добродушно смѣемся, читая о помпадуршѣ, которая гарцовала, подобно Іоаннѣ д'Аркъ, на ворономъ конѣ, «призывая всѣхъ къ покаянію и къ борьбѣ противъ матерьялизма». Но какимъ образомъ рѣчь Накатникова или наша русская Іоанна д'Аркъ могутъ вызвать негодованіе? Это—просто уродливыя фигуры, которыя уже потому не могутъ быть вредными, что онѣ слишкомъ необычайно уродливы, и что ихъ уродливость возбуждаетъ безотчетный смѣхъ, добродушный, подобно всякой карикатурѣ, имѣющей цѣлью не обнаруженіе извѣстнаго порока, а лишь уродливую, нелѣпую утрировку. И вотъ, читая очеркъ Салтыкова, всѣ смѣются отъ мала до велика, всѣ покатываются со смѣха и всѣмъ становится необыкновенно весело. Тотъ же самый помпадуръ или та же самая Іоанна д'Аркъ, изъ всей текущей русской литературы, выбираютъ Салтыкова, какъ писателя, значительный талантъ котораго даетъ много матеріала для легкаго и веселаго препровожденія времени. И думаете ли вы, что они не понимаютъ намѣреній сатирика? Отлично они ихъ понимаютъ, но черты ихъ собственнаго портрета до такой степени уродливо преувеличены и, вслѣдствіе этого, до такой степени добродушно-безобидны, что всякое негодованіе стихаетъ въ самомъ началѣ, подобно тому, какъ вы ни въ какомъ случаѣ не можете сердиться на выпуклое стекло, которое передаетъ ваше лицо въ уродливо-искаженномъ видѣ. Зеркальное отраженіе, дѣйствительно, уродливо и комично, но оно «комично», а не зло; не недостатки этого лица оно выдвигаетъ на первый планъ, а просто искажаетъ очертанія и формы въ комическомъ видѣ. Вамъ «смѣшно» видѣть себя такимъ образомъ искаженнымъ, но нисколько не обидно. И тутъ-то, мнѣ кажется, скрывается существенный недостатокъ сатиры Салтыкова: она смѣшитъ, но не вызываетъ негодованія или оскорбленія. Нельзя сказать однако, чтобы сатира Салтыкова вертѣлась въ безвоздушномъ пространствѣ; напротивъ, Салтыковъ, съ необыкновенной проницательностью крупнаго таланта, умѣетъ схватывать теченія минуты, злобу дня,—все, словомъ, чѣмъ питается общественная молва, чѣмъ живетъ въ данную минуту общество. Для сатиры, это матеріалъ необыкновенно богатый, способный затрогивать общество самымъ живымъ образомъ, поддерживать въ немъ

Digitized by Google

жизнь и сознаніе. А между тѣмъ, развѣ такое впечатлѣніе производитъ сатира Салтыкова? Его очерки читаютъ всѣ нарасхватъ,—помпадуры, бюрократы и простые смертные. Но черты рисуемой имъ дѣйствительности до такой степени преувеличены, шаржированы и комично-нелѣпы, этикеты и ярлыки до такой степени неожиданны, что является неудержимое желаніе хохотать, и сатирическія фигуры скорѣе возбуждаютъ симпатію, чѣмъ чувство негодованія. Такое странное явленіе встрѣчается часто въ литературѣ, и мы даже имѣемъ въ этомъ отношеніи великій примѣръ. Это—Фальстафъ у Шекспира. Читая похожденія Фальстафа въ «Виндзорскихъ кумушкахъ», въ «Генрихѣ IV», мы очевидно чувствуемъ къ нему непозволительную слабость, закрывая глаза на его пороки и безобразія, и помня только привлекательныя стороны его натуры. Не то ли самое, только въ микроскопическомъ видѣ, совершается и съ героями Салтыкова? Нравственной красоты въ нихъ, безъ сомнѣнія, очень мало. Всю современную мерзость сатирикъ выливаетъ на нихъ цѣлыми ушатами, въ этой грязи они копошатся и кривляются до такой степени, что возбуждаютъ хохотъ. Но сами по себѣ, независимо отъ своихъ поступковъ, ужь будто бы они до такой степени мерзки и отвратительны? Нисколько. Они даже оригинальны, своеобразны, и съ этой стороны они намъ даже нравятся. Возьмите для примѣра хотя бы Ѳеденьку Кротикова. Проникнувъ въ извѣстныя сферы, изъ коихъ, какъ изъ нѣкоего водохранилища, изливается на Россію многоводная рѣка помпадурства, Ѳеденька сболтнулъ хлесткую фразу, въ родѣ того, что Россію губитъ излишняя централизація, что необходимо децентрализировать, т. е. эмансипировать помпадуровъ, усилить ихъ власть. Сболтнулъ и понравился: понравился и былъ признанъ способнымъ уловлять вселенную. Ѳеденька началъ держаться либерализма, которому не только не служило помѣхою отсутствіе мудрости, но, напротивъ того, сообщало какой-то ликующій характеръ. Онъ писалъ самые разнообразные циркуляры, приглашалъ, побуждалъ, увѣщевалъ, но изъ всѣхъ либеральныхъ затѣй достигъ относительнаго успѣха лишь по части пресѣченія бунтовъ и взиманія недоимокъ. Тогда наступилъ второй періодъ Кротиковскаго либерализма, либерализма меланхолическаго, жалующагося, укоряющаго. Разославъ циркуляръ о мѣрахъ противъ обмеленія рѣки, онъ написалъ своему другу: «Ты видишь, я еще бодрюсь; но если и засимъ наше судоходство останется въ прежнемъ жалкомъ состояніи, тогда,—ma foi,—я не остановлюсь даже передъ экзекуціей». Судоходство, конечно, осталось въ прежнемъ состояніи,—и Ѳеденька сдѣлался консерваторомъ. Окраска его консервативной дѣятельности была предрѣшена тѣмъ, что въ версальскомъ національномъ собраніи какъ разъ въ это время была провозглашена политика борьбы. Подобно Макъ-Магону, онъ очистилъ

Digitized by Google

персоналъ администраціи, потомъ устроилъ облаву на «несогласномыслящихъ» и, наконецъ, рѣшилъ торжественно отречься отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его, какъ это только что сдѣлали въ Паре-ле-Моньялѣ французскіе приверженцы «нравственнаго порядка». Многіе либералы подверглись заточенію, а многіе распороли себѣ животы, предпочтя напрасную смерть постыдному «фюить», которое раздавалось въ ихъ ушахъ, безпрерывно угрожая ихъ существованію. Доведенный до такой степени комизмъ помпадурства, приправленный такимъ гомерическимъ фарсомъ,—перестаетъ возмущать, онъ просто дѣлается милъ. Надъ комическимъ положеніемъ Ѳеденьки мы смѣемся; онъ, конечно, дуракъ и прохвостъ, но въ то же время настолько своеобразенъ въ своей глупости и недомысліи, что внушаетъ даже своеобразную симпатію. Изъ-за этого фарса дѣйствительныя черты помпадурства какъ-то исчезаютъ, уходятъ въ какой-то неясный туманъ; остается лишь любопытная фигура Ѳеденьки, похожая на какого нибудь Квазимодо и настолько фантастическая, что у самого читателя сознаніе дѣйствительности, иногда горькое и вообще неприглядное, мало по малу исчезаетъ, теряясь въ уродливыхъ очертаніяхъ фантазіи. Такимъ образомъ, впечатлѣніе, полученное отъ очерка Салтыкова—не сатирическое; это скорѣе впечатлѣніе сказки Гофмана, гдѣ все фантастично, даже сама дѣйствительность. Если справедливо, что литература—отраженіе общества, то, безъ сомнѣнія, и произведенія Салтыкова дадутъ богатый матеріалъ. Будущій историкъ не посмотритъ на картины Салтыкова, какъ на снимки или отраженія дѣйствительности; онъ въ нихъ, какъ и мы, увидитъ блестящую фантазію, которая жила, питалась и обогащалась явленіями жизни и выродилась въ чудесный фарсъ, въ которомъ, однако, также было бы безполезно искать дѣйствительности, какъ и въ сказкахъ Гофмана. Въ исторіи русской литературы Салтыковъ займетъ особенное, ему лишь принадлежащее мѣсто,—мѣсто не сатирика, а фантастическаго, блестящаго писателя, который вышивалъ фантастическіе узоры, иногда необыкновенной красоты, на канвѣ, даваемой ему непосредственной дѣйствительностью.

Фарсъ, принимающій чисто фантастическіе размѣры, превращающійся въ уродливую, невозможную фантасмагорію,—вотъ обычная сатирическая манера Салтыкова. Въ этомъ отношеніи, онъ—единственный сатирикъ въ исторіи всемірной литературы. Вспомните, напримѣръ, жизнь и карьеру нѣкоего Саши Ненарочнаго, описанныя Салтыковымъ. «За обѣдомъ,—разсказываетъ онъ,—мы опять сошлись и бесѣда возобновилась.—Надѣюсь, что ты не вмѣшиваешься во внутреннюю политику?—спросилъ я.—Я, дяденька, всегда старался стоять въ сторонѣ отъ обольщеній, и до сихъ поръ Богъ помогалъ мнѣ въ этомъ. Тѣмъ не менѣе, не смѣю не сознаться передъ вами, что однажды и я чуть-чуть на каторгу не

Digitized by Google

попалъ.—Я даже подскочилъ при этомъ извѣстіи: Что ты?!!!—Мнѣ было тогда тридцать лѣтъ и вдругъ одинъ изъ товарищей, Сайко, говоритъ: пойдемъ, Саша, Селаксу волновать—это село такъ называется, недалеко отъ Пензы. Конечно, я, по неопытности, согласился. Купили мужицкіе портки, бороды подвязали—отправились волновать. И только что, знаете, приступили, какъ намъ сейчасъ же руки назадъ и—маршъ къ становому. Ну, разумѣется, становой зналъ папеньку и отправилъ меня домой.—Ахъ, бѣдный ты, бѣдный! Хорошо, что Богъ спасъ!—Я, дяденька, въ то время такъ испугался, что человѣкъ съ пятьсотъ оговорилъ. Даже маменьку назвалъ-съ!—Да!—Разумѣется, маменька легко оправдались, но нѣкоторые, какъ я потомъ освѣдомился, получили достойное возмездіе.—Правильно!—Я, дяденька, объ этомъ такъ разсуждаю: кто что посѣетъ, то и пожнетъ. Никто не вправѣ претендовать на судьбу, ибо люди, будучи одарены отъ Бога свободною волею, суть сами единственные виновники тѣхъ злоключеній, которыя ожидаютъ ихъ въ сей жизни и въ будущей.—Однако, вотъ ты ходилъ волновать Селаксу, а вывернулся все таки.—Я, дяденька, потому вывернулся, что чистосердечно все разсказалъ-съ. А, сверхъ того, всякій очень хорошо понималъ, что и папенька не оставитъ безъ взысканія.—А больно папенька высѣкъ?—Это случилось тому назадъ пять лѣтъ, и папенька такъ милостивъ, что никогда не напоминаетъ мнѣ объ этомъ. Я же съ своей стороны могу сказать одно: съ тѣхъ поръ я никогда въ политику не вмѣшиваюсь. При такихъ условіяхъ, конечно, Саша Ненарочный далеко пойдетъ,—это было ясно. Слава его проникла даже за предѣлы Пензенской губерніи. По пріѣздѣ въ Рязань, напримѣръ, онъ хотѣлъ взять билетъ для дальнѣйшаго слѣдованія, какъ вдругъ подходитъ къ нему начальникъ станціи и спрашиваетъ: «Не вы ли тотъ благородный молодой человѣкъ, который, по словамъ «Справочнаго Листка», будучи высѣченъ папенькой, откровенно разсказалъ, какъ было дѣло?» И когда Саша отвѣчалъ утвердительно, то онъ продолжалъ: «Въ такомъ случаѣ, не трудитесь брать билетъ! Мы за особую честь сочтемъ доставить васъ въ Москву безплатно!»—Настоящая овація ожидала его въ Демидронѣ, куда отправился Саша со своимъ дядей. Имъ дали безплатные билеты. Офиціанты въ бѣлыхъ галстукахъ, взявшись за руки, стояли шпалерой и сдерживали напоръ публики; оркестръ гремѣлъ маршъ изъ «Чижика»; нѣсколько поодаль виднѣлась, освѣщенная бенгальскимъ огнемъ, живая картина, изображавшая аллегорическія фигуры «Родительскаго сѣченія», «Раскаянія» и «Откровенности», у ногъ которыхъ корчилось и издыхало на смерть пораженное «Обольщеніе», а вверху парилъ геній «Благонравія». Не успѣли они сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ на встрѣчу имъ вышелъ содержатель сада, въ сопровожденіи дѣвицъ Филиппо и Сальпасъ (обѣ были, на «сей только разъ», одѣты въ трико) и прочиталъ

Digitized by Google

Сашенькѣ адресъ. Въ этомъ адресѣ, разсказавъ подробно причину сѣченія и его благотворныя послѣдствія, г. Егаревъ объявилъ, что Демидронъ считаетъ себя счастливымъ, поднося Сашенькѣ дипломъ на званіе почетнаго гражданина этого заведенія. Когда же рѣчь зашла о спасительной строгости, то дѣвица Филиппо такъ выразительно хлопала себя по ляжкѣ, что публика просто на просто выла отъ удовольствія. Всѣ эти овація и торжества подѣйствовали на Сашу очень сильно; онъ сталъ до такой степени *самонадѣянъ*, что въ концѣ концовъ сказалъ:—«Знаете ли, какая у меня теперь мысль? Давайте-ка вмѣстѣ издавать газету!» Дядя, кажется, онѣмѣлъ отъ неожиданности, но Саша продолжалъ:—«Теперь самое время. Я популяренъ и газета моя будетъ покупаться нарасхватъ. А за мною и вы незамѣтно пройдете».—Лишнимъ было бы описывать другіе тріумфы Саши. Городская дума прислала Сашенькѣ патентъ на званіе почетнаго члена трактирной депутаціи. Государственный банкъ далъ знать, что ежели у Сашеньки имѣются ветхія ассигнаціи, то онъ во всякое время можетъ перемѣнить ихъ на новенькія, причемъ присовокупилъ, что по предъявленіи таковыхъ выдается изъ размѣнной кассы банка соотвѣтствующее количество рублей серебряною или золотою монетою. Общество взаимнаго кредита увѣдомило, что Сашенькины деньги могутъ быть безъ опасенія помѣщены на текущій счетъ, такъ какъ отнынѣ растраты перестали быть для общества обязательными. Изъ участка пришелъ запросъ: не приметъ ли Сашенька мѣсто паспортиста? Словомъ сказать, депутаціи смѣняли одна другую и всякая выражала Сашенькѣ свое удивленіе и благодарность за то, что онъ, бывъ высѣченъ папенькой, навсегда отказался отъ внутренней политики. Къ сожалѣнію, по мѣрѣ того какъ росла Сашенькина слава, самъ онъ становился все болѣе и болѣе самонадѣяннымъ. Нельзя уже его критиковать, а развязность дошла до того, что онъ началъ требовать отъ депутатовъ какихъ-то статистическихъ свѣдѣній, и когда они, натурально, не могли удовлетворить этому требованію, то онъ откровенно назвалъ ихъ фофанами. И къ довершенію всего, мысль объ изданіи газеты не только не оставила его, но даже вполнѣ въ немъ созрѣла, такъ что однажды онъ совсѣмъ уже грубо сказалъ дядѣ:—«Что же, дядя? Надумались вы насчетъ газеты? Предупреждаю васъ, что если вы будете мямлить, то я рѣшусь издавать одинъ!» —Тогда дядя понялъ, что времена созрѣли, и, призвавъ на помощь всю силу родственной любви, на которую было способно его сердце, онъ воскликнулъ: «Ну, Саша, воля твоя, а, въ видахъ твоего же собственнаго спасенія, я долженъ высѣчь тебя».

Не напоминаетъ ли вамъ только что разсказанная эпопея Салтыкова французскій водевиль добраго стараго времени? Рецептъ для составленія такого водевиля перьобытно простъ, но необходимо имѣть особенно направленное воображеніе, чтобы удовлетворительно выполнить его. Фран-

Digitized by Google

цузскій водевилистъ беретъ какое нибудь простое жизненное положеніе между двумя-тремя лицами, и не задаваясь никакими цѣлями, кромѣ желанія посмѣшить публику, выводитъ съ прямолинейной логикой различныя комическія послѣдствія изъ такого положенія. Эти комическія послѣдствія имѣютъ особенный характеръ; при богатомъ логическомъ воображеніи, автору водевиля легко громоздить нелѣпость на нелѣпость; онъ не стѣсняется логикой вещей и явленій, онъ только озабоченъ логикой словъ; ему нѣтъ никакого дѣла до вѣрнаго изображенія дѣйствительности, онъ занятъ лишь тѣмъ, чтобы положенія, столкновенія, событія выходили по возможности смѣшнѣе и остроумнѣе. Въ цѣломъ получается какая-то удивительная нелѣпость, но эта нелѣпость невольно смѣшитъ. При талантѣ и нѣкоторомъ умѣніи,—такъ какъ въ основѣ этой нелѣпости все таки лежитъ вѣрное жизненное положеніе,—въ общемъ водевиль можетъ показаться сатирой на извѣстное соціальное явленіе; но въ дѣйствительности эта сатира—только въ словахъ, а не въ соодержаніи. Не то же ли самое можно сказать буквально объ разсказанной нами эпопеѣ Салтыкова и о большинствѣ его сатирическихъ очерковъ? Безпорно, эта эпопея чрезвычайно талантливо написана; въ основѣ она, можно даже сказать, затрогиваетъ самыя больныя струны нашей дѣйствительности и опредѣляетъ характеръ нашего толченія воды. Но неясность выраженій, неопредѣленность образовъ и тутъ поражаютъ вниманіе читателя; кажется, что авторъ намѣренно избѣгаетъ говорить прямо и поминутно обращается къ метафорамъ, къ страннымъ изворотамъ мысли. Безъ всякаго сомнѣнія, такой характеръ русской сатиры отчасти, по крайней мѣрѣ, объясняется не только индивидуальными свойствами сатирика, но также и общими условіями русской дѣйствительности, которая накладываетъ на писателя извѣстную печать, сѣрый тонъ, туманныя, неопредѣленныя краски. Съ другой стороны, русская сатира,—самымъ выдающимся представителемъ которой въ наше время является Салтыковъ,—характеризуя этимъ эзоповскимъ пріемомъ русскую дѣйствительность, ограничивается общими положеніями, общими выводами, общими мѣстами, что̀ придаетъ ей еще бо́льшую неопредѣленность и неясность, и никогда не касается конкретныхъ явленій. Если въ этой сатирѣ являются «герои», то опять таки въ формѣ и въ характеристикѣ общихъ типовъ, а не конкретныхъ изображеній и характеровъ,—въ противоположность англійской сатирѣ, которая тщательно избѣгаетъ общихъ мѣстъ, отвлеченностей, а прямо и смѣло указываетъ на лица. Но, конечно, заявлять русской сатирѣ такія же требованія, какія мы заявляемъ сатирѣ англійской, было бы нелѣпо и несправедливо Требовать, чтобы Салтыковъ говорилъ тѣмъ же языкомъ, какимъ говорилъ Свифтъ, значитъ не принимать во вниманіе условій русской дѣйствительности; а какова эта дѣйствительность—ясно видно

Digitized by Google

изъ сопоставленія двухъ эпохъ и двухъ цивилизацій. Свифтъ писалъ въ XVIII столѣтіи, въ царствованіе королевы Анны и Георга II, въ эпоху полнѣйшей реакціи. Салтыковъ, слава Богу, писалъ въ концѣ XIX вѣка, писалъ во время и послѣ величайшихъ реформъ въ Россіи, реформъ, какими рѣдко ознаменовывалась исторія Европы. И, при всемъ томъ, Салтыковъ выражался эзоповскимъ языкомъ, хотя еще полтораста лѣтъ тому назадъ Свифтъ нисколько не стѣснялся говорить языкомъ человѣческимъ! Этого сопоставленія, думаю, достаточно, чтобы освѣтить надлежащимъ свѣтомъ русскую дѣйствительность и англійское прошлое. И какую картину рисуетъ намъ Салтыковъ? Не дополняетъ ли онъ этого сопоставленія?.. «По крайней мѣрѣ, мнѣ лично,—говоритъ онъ,—по временамъ начинаетъ казаться, что я стою у порога какой-то загадочной храмины, на дверяхъ которой написано: «галиматья». И стою я у этихъ дверей, какъ прикованный, и не могу отойти отъ нихъ, хотя оттуда такъ и обдаетъ меня гнилымъ позоромъ взаимной травли и междоусобія. Тамъ, за этими дверьми, мечутся обезумѣвшія отъ злобы сонмища добровольцевъ-соглядатаевъ, пугая другъ друга фантастическими страхами, стараясь что-то понять и ничего не понимая, усиливаясь отыскать какую-то мудреную комбинацію, въ которой они могли бы утолить гнетущую ихъ панику, и ничего не обрѣтая. Злые сердцемъ, нищіе духомъ, жестокіе, но безразсудные, они признаютъ только требованія своего темперамента, но не могутъ выяснить ни объекта своихъ ненавистей, ни способовъ отмщенія. Все въ этомъ соглядатайственномъ мірѣ загадочно: и люди, и дѣйствія. Люди—это тѣ же камни, которые когда-то сѣялъ Девкаліонъ, и которые, на зло волшебству, какъ были камнями, такъ и остались ими. Дѣйствія этихъ людей—каменные осколки, невѣдомо откуда брошенные, невѣдомо куда и въ кого направленные. Въ пустотѣ родилась ихъ злоба, въ пустотѣ она и потонетъ. Но—увы!—не потонетъ смута, которую ея безсмысленное шипѣніе внѣдрило въ человѣческія сердца!»—Такова картина, представляющаяся нашему сатирику. Не провѣрять ее мы можемъ, а лишь сознавать и чувствовать по гнетущему насъ состоянію, и если краски ея нѣсколько и шаржированы, то общій тонъ, несомнѣнно, вѣренъ дѣйствительности. Но, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ ли удивляться великому таланту, который, среди подобной дѣйствительности, не имѣя привилегій современнаго англійскаго общества, и даже временъ Свифта,—такими рѣзкими эскизными чертами, съ такимъ глубокимъ пониманіемъ характеризуетъ цѣлую общественную эпоху?

Конечно, такъ, и въ этомъ отношеніи мы причисляемъ себя къ самымъ искреннимъ поклонникамъ Салтыкова. Но здѣсь мы ведемъ рѣчь не о русской дѣйствительности, а о русскомъ сатирикѣ. На его талантъ русская дѣйствительность могла такъ или иначе вліять, могла напра-

Digitized by Google

вить его въ ту или другую сторону, но, тѣмъ не менѣе, этотъ талантъ имѣетъ свои основныя особенности и ихъ-то именно мы стараемся здѣсь выдѣлить. Мы уже указывали на эти особенности, но не коснулись еще самой существенной черты таланта Салтыкова. Эта черта сдѣлается ясной, благодаря сравненію. Почти двѣсти лѣтъ прошло со смерти величайшаго англійскаго сатирика,—Свифта,—а и теперь еще нельзя безъ особеннаго волненія читать его «Сказку о бочкѣ», «Путешествіе Гулливера», его мелкихъ памфлетовъ, его «Скромнаго предложенія». Въ чемъ заключается механизмъ, если можно такъ выразиться, шутки Свифта? Эта шутка—ничто иное, какъ совершенно научное и серьезное опроверженіе или доказательство ad absurdum. Такъ, напримѣръ, его «Искусство проваливаться въ поэзіи» имѣетъ всю внѣшность хорошаго руководства къ риторикѣ: принципы установлены, раціональность подраздѣленій доказана, примѣры приведены метко и доказательно; это—совершеннѣйшій трезвый разумъ, отданный въ услуги сумасбродству. Нѣтъ ничего сильнѣе и доказательнѣе, какъ разсужденіе, въ которомъ Свифтъ доказываетъ, что одна изъ шутокъ Попе есть кровавый памфлетъ на религію и государство. Его «Искусство лгать въ политикѣ»—полный дидактическій трактатъ. «Въ первой главѣ этого превосходнаго трактата,—говоритъ Свифтъ въ предисловіи,—авторъ разсматриваетъ философически натуру человѣческой души и тѣ свойства, которыя дѣлаютъ ее способной ко лжи. Онъ предполагаетъ, что душа похожа на speculum или плоско-цилиндрическое зеркало, въ которомъ плоская сторона представляетъ предметы такими, каковы они въ дѣйствительности, цилиндрическая же сторона, согласно законамъ катоптрики, должна представлять истинные предметы ложными, а ложные—истинными. Во второй главѣ онъ говоритъ о натурѣ лжи политической. Въ третьей—о законности лжи политической. Четвертая глава почти цѣликомъ посвящена вопросу: право создавать политическую ложь принадлежитъ ли исключительно одному правительству?» Читатель видитъ, что пріемъ Свифта—тотъ же пріемъ, который употребляетъ Салтыковъ. И нашъ сатирикъ сплошь и рядомъ прибѣгаетъ къ опроверженію ad absurdum. Разница замѣчается только въ томъ, что у Свифта этотъ пріемъ вытекаетъ непосредственно изъ склада ума, а у Салтыкова онъ выработался медленно, благодаря извѣстнымъ внѣшнимъ побужденіямъ. Отсюда разница и во впечатлѣніи. Положительный умъ Свифта слишкомъ солиденъ, чтобы быть просто веселымъ. Когда онъ встрѣчаетъ смѣшное, то не развлекается имъ, не забавляется тѣмъ, чтобы задѣть его слегка, а изучаетъ серьезно, по всѣмъ законамъ индуктивнаго метода, и на основаніи вполнѣ вѣрнаго силлогизма выводитъ всѣ нелѣпыя или отвратительныя заключенія, какія только могутъ быть сдѣланы. Напротивъ того, умъ Салтыкова настроенъ поэтически, его воображеніе не довольствуется логическими вы-

Digitized by Google

водами. Вслѣдствіе этого, сатира Свифта безпощадна, неумолима; у Салтыкова,—она слаба, недостаточно опредѣленна, или превращается въ буфонаду, которая болѣе смѣшитъ, чѣмъ возмущаетъ. Вспомните, напримѣръ, его: «Игрушечныхъ дѣлъ людишки». Этотъ очеркъ задуманъ по методу Свифта: шутка, сведенная на опроверженіе ad absurdum, но нашъ сатирикъ не совладалъ съ этой формой, которая требуетъ такого положительнаго англійскаго ума, какой былъ у Свифта. Салтыковъ на половинѣ принужденъ былъ оставить форму и просто разсказать нѣсколько шутовскихъ сценъ, гдѣ дѣйствуютъ коллежскіе ассесоры и подьячіе. Впечатлѣніе, такимъ образомъ, получается слабое, скорѣе веселое, чѣмъ возмущающее душу,—тѣмъ болѣе слабое, что сатирикъ оставляетъ въ концѣ концовъ даже простую беллетристическую форму и принимается разсуждать, т. е. объяснять читателю значеніе своей сатиры.

Въ англійскомъ смыслѣ слова, юморъ есть способность создавать драму изъ однихъ лишь комическихъ деталей. Тэнъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ юморъ: «Этотъ талантъ (талантъ юмориста), между прочимъ, основанъ на предрасположеніи къ контрастамъ. Свифтъ издѣвается съ самымъ серьезнымъ видомъ и развиваетъ съ невозмутимо-серьезной миной самыя нелѣпыя предположенія. Гамлетъ, въ отчаяніи, подъ давленіемъ ужаса, придумываетъ самыя смѣшныя шутки. Гейне издѣвается надъ своими собственными чувствами, въ ту самую минуту, когда сознаётъ ихъ въ себѣ. Юмористы любятъ переодѣваніе, напяливаютъ тогу на смѣшныя мысли и шапку арлекина на явленія самыя серьезныя... Особенной чертой юмора является возникновеніе самой внезапной смѣшливости, погребенной, такъ сказать, подъ цѣлой кучей печали. Является цинизмъ. Физическая природа, скрытая и подавленная привычкой къ грустнымъ размышленіямъ,—на секунду совершенно разоблачается: вы видите гримасу, жестъ уличнаго мальчишки; потомъ все исчезаетъ подъ приличной серьезностью. Прибавьте къ этому взрывы богатой творческой фантазіи. Въ юмористѣ всегда кроется поэтъ...» Карлейль, съ своей стороны, говоря о Жанъ-Поль-Рихтерѣ, даетъ нѣсколько другое опредѣленіе юмора: «Настоящій юморъ, юморъ Сервантеса и Стерна, исходитъ больше изъ сердца, чѣмъ изъ головы... Это—точно бальзамъ, накладываемый великодушнымъ человѣкомъ на язвы жизни. Такимъ образомъ понимаемый юморъ можетъ существовать рядомъ съ самыми возвышенными, съ самыми трогательными чувствами, или, вѣрнѣе, онъ не можетъ существовать безъ этихъ чувствъ... Какой нибудь нелѣпый случай останавливаетъ ваше вниманіе: вы улыбаетесь, глядя на него, но улыбкой болѣе грустной, чѣмъ слеза, и эти нѣсколько словъ безъ всякой претензіи глубже проникаютъ въ нашу душу, чѣмъ цѣлые томы пошлой чувствительности. Любимые герои Жанъ-Поль-Рихтера всегда нѣсколько пошловаты, въ ситуаціяхъ ли, или по харак-

Digitized by Google

теру; очень часто это люди заурядные, тщеславные, невѣжественные, слабые, и мы не знаемъ, за что́ ихъ любимъ, но, тѣмъ не менѣе, любимъ. Они, такъ сказать, влѣзаютъ въ наши привязанности; въ сердцѣ своемъ мы удѣляемъ имъ мѣсто болѣе интимное, чѣмъ многимъ знаменитымъ героямъ трагедій и исторіи; въ этомъ и заключается особенность настоящаго юмора». Мнѣнія Тэна и Карлейля не исчерпываютъ всей сущности юмора, но указываютъ на существенную черту его. Этой чертой объясняется отчасти и манера Салтыкова: онъ юмористъ, но далеко не въ полномъ значеніи этого слова. Онъ, подобно всякому юмористу, любитъ логическіе контрасты, комическія сопоставленія; его воображеніе, какъ мы видѣли, зачастую настолько разыгрывается, что переходитъ въ фарсъ, въ буфонаду; къ тому же, опять таки, какъ и всякій юмористъ, онъ отчасти циникъ; но въ немъ нѣтъ теплоты, сердечности чувства, возвышенной любви къ людямъ; онъ вышучиваетъ холодно, сухо, въ его ненависти нѣтъ элемента любви. И въ этомъ отношеніи онъ—не полный юмористъ, какимъ былъ, напримѣръ, Гоголь.

Остановимся, однако, на чертѣ юмора, о которой я только что упомянулъ и которая существуетъ также и у Салтыкова: на цинизмѣ. По временамъ онъ—циникъ, и циникъ довольно откровенный, но его цинизмъ имѣетъ своеобразный оттѣнокъ. Прежде, однако, чѣмъ указать на этотъ оттѣнокъ, я принужденъ привести образчикъ манеры Салтыкова. У нашего сатирика есть очень талантливый разсказъ подъ заглавіемъ «Рѣшеніе». Салтыковъ описываетъ судьбу двухъ сестеръ-дѣвицъ, вышедшихъ изъ помѣщичьей среды и сдѣлавшихся провинціальными актрисами. Любинька гораздо скорѣе поддалась соблазнамъ, чѣмъ Аннинька. Зато авторъ весьма подробно разсказываетъ исторію паденія Анниньки; можно даже сказать, что весь разсказъ заключается въ исторіи этого паденія. И какими красками оно описано! Какъ мелокъ и наивенъ показался бы въ сравненіи съ этимъ разсказомъ любой романъ Золя! Замѣтивъ роскошь Любиньки, Аннинька разсердилась; на нее начало находить нѣчто въ родѣ отчаянія, тѣмъ болѣе, что въ ея номеръ каждый день таинственная рука подбрасывала записку одного и того же содержанія: «Перикола! Покорись! твой Кукишевъ». И вотъ въ эту тяжкую минуту къ ней совершенно неожиданно ворвалась Любинька.—«Скажи на милость, для какого принца ты свое сокровище бережешь?» спросила она коротко. Аннинька оторопѣла. «Прежде всего, ее поразило, что и Вопланскій батюшка, и Любинька въ одинаковомъ смыслѣ употребляютъ слово сокровище. Только батюшка видитъ въ сокровищѣ «основу», а Любинька смотритъ на него, какъ на пустое дѣло, отъ котораго, впрочемъ, «подлецы-мужчины» способны доходить до одуренія. Затѣмъ она невольно спросила себя: что́ такое въ самомъ дѣлѣ это сокровище и сто́итъ ли беречь его?—и увы! не нашла на этотъ вопросъ удовлетво-

Digitized by Google

рительнаго отвѣта. Съ одной стороны, какъ будто совѣстно остаться безъ сокровища, а съ другой... ахъ, чортъ побери! да неужели же весь смыслъ, вся заслуга жизни въ томъ только и должны выразиться, чтобы каждую минуту вести борьбу за сокровище?» Передавать дальше разсказъ, думаю, будетъ излишне. Нельзя, однако, не замѣтить, что откровенность Салтыкова и откровенность Золя нѣсколько различны. Салтыковъ гораздо рѣже употребляетъ циническія выраженія, чѣмъ Золя,—въ этомъ надо отдать ему полную справедливость. И въ самомъ дѣлѣ: что такое слова: сокровище или лахань, взятыя сами по себѣ? Ничего циничнаго эти слова не представляютъ. Не то у Золя: французскій романистъ то и дѣло употребляетъ грязныя выраженія, именно грязныя, и до такой степени неприличныя, что въ переводѣ приходится устранять ихъ. Но, затѣмъ, *разсказъ* Золя нисколько не циниченъ: онъ только реально описываетъ жизнь, какою она является въ дѣйствительности, нисколько не желая украшать описаній или придавать имъ соль, не имѣющую ничего общаго съ реалистическимъ направленіемъ. Салтыковъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ: грязныхъ выраженій онъ, правда, употребляетъ мало; зато всѣ его описанія такъ игривы, въ нихъ такъ много соли, что описаніе возбуждаетъ не ужасъ, не отвращеніе, какъ у Золя, а просто сладострастную улыбку. Разсказъ построенъ на трагической нотѣ. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ быть трагичнѣе и печальнѣе постепеннаго паденія молодой дѣвушки,—паденія грязнаго, унизительнаго, безъ идеаловъ, безъ порывовъ, безъ увлеченій, изъ-за куска хлѣба или нѣсколькихъ кредитныхъ билетовъ? А между тѣмъ этотъ трагизмъ нисколько незамѣтенъ въ разсказѣ Салтыкова; до такой степени нашъ сатирикъ разсказываетъ не реалистически-правдиво, а игриво, съ цѣлью при случаѣ двусмысленно сострить.

Къ тому же порядку «откровенныхъ» произведеній принадлежатъ и «Андроны» Салтыкова. Въ свое время «Андроны» даже вызвали въ русской журналистикѣ нѣкоторый протестъ и именно вслѣдствіе непристойности ихъ содержанія. Нашего сатирика обвиняли въ безнравственности и цинизмѣ, въ томъ, что онъ низводитъ свой крупный талантъ на степень порнографическаго шаржа. Все это можно было бы, до извѣстной степени, объяснить простымъ лицемѣріемъ, которымъ русское общество страдаетъ не меньше, чѣмъ англійское во время лорда Байрона. Но какъ объяснить «патріотическое» возбужденіе, вызванное Салтыковымъ? Зачѣмъ, спрашивали, Салтыковъ принялся сочинять скабрезные анекдоты? Что̀ руководило имъ? Онъ говоритъ: «по Сенькѣ шапка». Кто жъ, по его мнѣнію, является въ данномъ случаѣ Сенькою? Русское общество, — не такъ ли? Значитъ, русское общество достойно только скабрезнаго анекдота, до него только оно и доросло? Такимъ образомъ, становясь на эту точку зрѣнія, вопросъ объ «Андронахъ» выросъ до

Digitized by Google

степени вопроса государственнаго, и Салтыкова обвиняли чуть ли не въ государственномъ преступленіи. Его обвиняли, во всякомъ случаѣ, въ неуваженіи къ русскому обществу, въ пренебрежительномъ отношеніи къ нему, въ желаніи уязвить бездушіе и апатію этого общества. Обвиненія этого, однако, Салтыковъ не испугался. Не испугался онъ его, между прочимъ, по той причинѣ, что грѣхи эти водились за нимъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ взялъ перо въ руки. Онъ всегда былъ безпощаднымъ сатирикомъ русскаго общества. Въ предисловіи ко второму «Пошехонскому» вечеру, Салтыковъ писалъ: «Съ легкомысліемъ, достойнымъ лучшей участи, я указывалъ на мздоимство Фейера, хищничество Дерунова и Разуваева, любострастіе майора Прыща, безсмысленное злопыхательство Угрюмъ-Бурчеева и проч. и, сознаюсь откровенно, почти никогда не приходило мнѣ на мысль, что рядомъ съ Фейерами, Прыщами, Угрюмъ-Бурчеевыми существуютъ Правдины, Добросердовы и Здравомысловы. Не потому не приходило, чтобы я игнорировалъ или презиралъ этихъ людей, но потому, что мнѣ всегда казалось, что они и сами на себя смотрятъ какъ-то сомнительно, какъ будто не знаютъ, дѣйствительно ли они люди, а не призраки. Говорить начнутъ—словно ихъ тошнитъ; къ дѣлу приступятся—словно веревки во снѣ вьютъ. Но въ особенности меня ставило втупикъ ихъ роковое отношеніе къ населяющимъ землю Простаковымъ и Скотининымъ, отношеніе, не выразившееся не только ни однимъ горячимъ поступкомъ, но и ни однимъ искреннимъ словомъ. Вѣдь эти Правдины, говорилъ я себѣ, не какіе нибудь обдѣленные, которымъ протесты не такъ-то легко сходятъ съ рукъ, а такіе же сильные міра, какъ и Скотинины. Какимъ же образомъ они могутъ смотрѣть на всевозможныя безчинства и даже злодѣйства необузданныхъ дикарей и ограничиваются только тѣмъ, что пробормочутъ въ сторону номенклатуру происходящихъ передъ ихъ глазами гнусностей! Какъ хотите, а это неестественно; а потому мнѣ казались сомнительными и самые Праздины, хоть я и зналъ, что они не только существуютъ, но и пользуются особымъ отъ начальства довѣріемъ. Они никого не трогаютъ,—вотъ ихъ главное право на почетную роль въ обществѣ и, въ то же время, ихъ жизненный девизъ. Они добродѣтельны, правдивы и здравомысленны—для себя, другимъ же отъ такихъ похвальныхъ ихъ качествъ ни тепло, ни холодно. И бродятъ они безъ пользы по свѣту, получая присвоенные никого не трогающимъ людямъ чины и ордена».—Это настоящая profession de foi писателя, который тутъ со свойственнымъ ему остроуміемъ объясняетъ свои всегдашнія отношенія къ тому, что онъ, въ другомъ мѣстѣ, называетъ «порядкомъ вещей». Но и помимо этого запоздалаго сознанія, вырвавшагося изъ подъ пера Салтыкова, всякій читатель, слѣдившій за литературной дѣятельностію его, могъ давно уже догадаться, что значеніе его сатиры

Digitized by Google

заключается именно въ этомъ, а не въ чемъ либо другомъ. Болѣе тридцати почти лѣтъ Салтыковъ неутомимо издѣвался надъ Правднымъ, въ такой же мѣрѣ, какъ и надъ Скотининымъ. Но въ этой неутомимой дѣятельности поражаетъ одна особенность, едва ли имѣвшая мѣсто въ жизни и дѣятельности какого либо другаго сатирика. Долгое время Салтыковъ былъ, можно сказать, любимцемъ русскаго общества; онъ читался не только съ интересомъ, но съ участіемъ; между русскимъ обществомъ и Салтыковымъ образовалось нѣчто въ родѣ entente cordiale дипломатовъ; всѣ принимали на вѣру сатирическія выходки Салтыкова, не подвергая сомнѣнію правдивость его изображеній. Даже Скотинины и Разуваевы, надъ которыми изощрялъ свое остроуміе сатирикъ, не только не сердились, но даже не будировали его; они первые смѣялись самымъ добродушнымъ образомъ надъ своими собственными изображеніями, и не обижались на сатирика. Салтыковъ, такъ или иначе, разгонялъ русскую скуку и тоску, и никто не хотѣлъ понять, какъ много желчи и негодованія скрывалось подъ этимъ остроуміемъ. Я уже указывалъ на эту особенность. И дѣйствительно, нельзя не замѣтить, что сатирикъ, возбуждающій одинъ только взрывъ добродушнаго хохота,—уже не сатирикъ, а просто добродушный юмористъ. Возьмите хоть бы тѣхъ же «Андроновъ». Въ самомъ дѣлѣ, что такое эти разсказы, эти скабрезные анекдоты, какъ не взрывъ добродушнаго смѣха надъ собой и надъ обществомъ, взятымъ en masse? Но странно то, что ни Прыщи, ни Угрюмъ Бурчеевы, ни Помпадуры, ни Ѳеденьки, изображаемые Салтыковымъ, прежде не возбуждали ничего, кромѣ смѣха, даже сдѣлали Салтыкова популярнымъ, а «Андроны», въ которыхъ Салтыковъ дѣйствительно хотѣлъ только посмѣяться, возбудили вдругъ, ни съ того, ни съ сего, взрывъ негодованія. Какъ это объяснить, если не лицемѣріемъ самаго дурнаго тона? Эти разсказы, или анекдоты, созданы тѣмъ же самымъ творческимъ пріемомъ, который всегда замѣтенъ у Салтыкова. Это—фантастическіе разсказы, несомнѣнно взятые изъ самой непосредственной дѣйствительности, выполненные съ мастерствомъ, по временамъ поразительнымъ. Но если въ нихъ трудно замѣтить сатиру, то тѣмъ не менѣе, въ нихъ ярко выступаетъ вышучиваніе. Именно вышучиваніе, а не насмѣшка. Салтыковъ иронизируетъ въ нихъ не надъ русскимъ обществомъ, а надъ нѣкоторыми русскими умственными привычками, и это ему лучше извѣстно чѣмъ всякому другому русскому писателю. Въ «Андронахъ», на мой взглядъ, выразился довольно ярко художественный темпераментъ Салтыкова. Этотъ темпераментъ дѣлаетъ его однимъ изъ лучшихъ и оригинальнѣйшихъ юмористовъ въ русскомъ смыслѣ, но умаляетъ его значеніе, какъ сатирика. Для того чтобы быть настоящимъ сатирикомъ, ему (за весьма рѣдкими исключеніями) недостаетъ ѣдкости и,—скажемъ прямо,—негодованія на отрицательныя

Digitized by Google

стороны жизни. Онъ недостаточно спокоенъ, чтобы быть внимательнымъ изслѣдователемъ «язвъ», онъ слишкомъ поэтъ и художникъ, чтобы быть только моралистомъ и,—какъ это ни кажется страннымъ,—слишкомъ благодушенъ по натурѣ, чтобы быть сатирикомъ. Воскресите въ памяти всѣ, наиболѣе удавшіеся, типы Салтыкова, типы прокуроровъ, адвокатовъ, чиновниковъ, «помпадуровъ», «ташкентцевъ», Разуваевыхъ, Удавовъ и Дыбъ,—что̀ въ концѣ концовъ найдете вы въ нихъ подъ толстой скорлупой невѣжества, дрянности, пошлости и наивности?—Вы найдете добродушіе и наивность, свойственныя по преимуществу натурамъ не культивированнымъ, первобытнымъ, творящимъ зло, не вѣдая того, что̀ творятъ, «непосредственно» ворующимъ, потому что плохо лежитъ, «непосредственно» берущимъ взятки, потому что даютъ, и т. д. Это ли настоящая сатира, претендующая на практическое, морализующее вліяніе? Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что Салтыковъ не столько сатирикъ, сколько каррикатуристъ. Настоящая сатира, сарказмъ, серьезная насмѣшка всегда вызываетъ чувство негодованія, разочарованія. Свифтъ, Ювеналъ, Поль-Луи Курье, Жанъ-Поль-Рихтеръ также желчны, какъ Фильдингъ или Байронъ. Конечно, картины и изображенія ихъ вызываютъ громкій смѣхъ, но не тотъ добродушный и невинный хохотъ, которымъ смѣется публика пале-роялскаго театра. За сатирическимъ хохотомъ всегда скрывается горькое чувство постыдной или позорной дѣйствительности. Въ сущности, между карикатурой для карикатуры и настоящей сатирой разница заключается лишь въ томъ, что чрезмѣрно увеличенная черта дѣйствительности, давая слишкомъ большую волю фантазіи, этимъ самымъ уменьшаетъ впечатлѣніе, которое карикатуристъ желаетъ произвести. Все вниманіе читателя или зрителя устремлено на преувеличенный уродливыми формами контрастъ, возбуждающій безотчетный смѣхъ, такъ что объектъ художника уходитъ на второй планъ и теряется въ этихъ уродливыхъ формахъ. Между тѣмъ, болѣе сдержанный, менѣе возбужденный сатирикъ, никогда не упуская изъ виду своей цѣли, преувеличиваетъ лишь настолько, насколько это ему нужно. Для того чтобы сдѣлать рельефнѣе или ярче смѣшную или позорную черту, онъ въ извѣстной мѣрѣ преувеличиваетъ ее, въ извѣстной мѣрѣ искажаетъ отношенія, но лишь настолько, насколько это нужно, чтобы изобразить черту во всей ея непосредственности. Такимъ образомъ смѣхъ, возбужденный сатирикомъ, не есть смѣхъ для смѣха, а является результатомъ серьезнаго, иногда мрачнаго отношенія къ дѣйствительности.

Салтыковъ только отчасти выполняетъ эти требованія настоящей сатиры. Въ его сатирахъ слишкомъ много преувеличеній, шаржа, даже шутовства. Читая Салтыкова, по временамъ кажется, что мы присутствуемъ на представленіи водевиля въ пале-роялскомъ театрѣ, когда и авторы, и актеры задались исключительною цѣлью смѣшить

Digitized by Google

публику во что бы то ни стало: они махнули рукой на правдоподобіе и на правду, они не стѣсняются противорѣчіями или невѣроятностями, они нагромождаютъ нелѣпость на нелѣпость, придумываютъ невозможныя положенія, шутовскія выходки, комическіе контрасты, — и все это съ единственною цѣлью посмѣшить добродушныхъ буржуа. Но изъ-за всего этого выдѣляется общій фонъ картины, въ сущности вѣрно схваченный. Существуетъ, однако, разница между французскимъ водевилемъ и сатирическимъ очеркомъ Салтыкова. Оба возбуждаютъ смѣхъ, беззаботный и безотчетный, менѣе всего желчный и злобный, а между тѣмъ французскій водевиль имѣетъ цѣлью лишь смѣшить, въ то время какъ Салтыковъ имѣетъ цѣли сатирическія и желалъ бы возбудить скорѣе негодованіе, чѣмъ смѣхъ. Къ тому же авторъ водевиля, въ качествѣ легкомысленнаго француза, смотритъ на жизнь радостно, весело, безъ заднихъ мыслей, безъ злобы, находя, по примѣру Вольтера, что въ этомъ лучшемъ изъ міровъ все идетъ къ лучшему. У Салтыкова, наоборотъ, взглядъ по преимуществу пессимистическій, который укладывается однако жъ въ водевильныя формы.

И дѣйствительно, *Салтыковъ—пессимистъ*; эта его черта была, какъ кажется, мало подмѣчена, а между тѣмъ она составляетъ существенную особенность его таланта. Салтыковъ—безнадежный пессимистъ, безъ всякихъ горизонтовъ, безповоротный пессимистъ, у котораго нѣтъ и не можетъ быть никакихъ идеаловъ. Русскую исторію онъ осмѣялъ въ «Исторіи одного города», извѣстную часть русской администраціи—въ «Помпадурахъ»; извѣстные типы, въ изобиліи производимые русскимъ обществомъ, въ «Ташкентцахъ приготовительнаго класса»; адвокатовъ и адвокатуру—въ разнаго рода Балалайкиныхъ. Даже женскаго вопроса не обошелъ онъ молчаніемъ. Наконецъ, все русское общество огуломъ было осмѣиваемо имъ въ массѣ очерковъ и сатиръ; онъ даже остроумно посмѣялся надъ самимъ собой или, вѣрнѣе, надъ культурнымъ русскимъ человѣкомъ сороковыхъ годовъ, живущимъ устарѣлыми, нѣсколько сантиментальными идеалами, человѣкомъ, который съ недоумѣніемъ видитъ свое безпомощное, одинокое положеніе среди всякаго рода Разуваевыхъ и Колупаевыхъ, являющихся съ ихъ кровожадными инстинктами на смѣну его,—носителя гуманныхъ идеаловъ, хотя и съ примѣсью сантиментализма. Еще ярче этотъ пессимизмъ выступилъ въ его очеркахъ: «За рубежемъ». Тутъ Салтыковъ говорилъ проще, яснѣе, безъ обычныхъ его метафоръ и иносказаній. Словомъ, Салтыковъ всегда смотрѣлъ на русское общество съ большимъ пессимизмомъ, если не съ полнѣйшей безнадежностью. Если его взглядъ очистить отъ сатирическихъ и водевильныхъ выходокъ и беллетристическихъ прикрасъ, то въ концѣ концовъ останется взглядъ человѣка, извѣрившагося до полнѣйшей утраты всякой надежды на болѣе радостное будущее. Не благодаря

Digitized by Google

ли этому безнадежному пессимизму, въ послѣднихъ произведеніяхъ Салтыкова выступала все ярче и ярче трагическая нота? Говоря о его разсказѣ «Рѣшеніе», я уже упомянулъ объ этой чертѣ. Развязка разсказа въ высшей степени трагична: обѣ сестры кончаютъ жизнь самоубійствомъ. Заключительная сцена написана поразительно-талантливо. Эта трагическая нота, въ особенности въ послѣдніе годы жизни Салтыкова, все больше и больше выступала, покрывая его остроуміе какимъ-то траурнымъ флеромъ. Въ этомъ отношеніи, нашъ сатирикъ представляетъ крайне любопытное явленіе. Я бы прямо сказалъ, что ни у одного другаго русскаго писателя не замѣчается такой рѣзкой трагической струны. Не смотря на свой неистощимый юморъ, не смотря на постоянное вышучиваніе, доходящее зачастую до самаго разнузданнаго фарса и шаржа, Салтыковъ на жизнь смотритъ чрезвычайно мрачно, не только не ожидая ничего отъ настоящаго, но не возлагая даже никакихъ надеждъ на будущее. Въ «Рѣшеніи» эти особенности чрезвычайно рѣзко выдѣляются. Идея о саморазрушеніи, о смерти, на каждой строчкѣ присутствуетъ въ этомъ разсказѣ, производя какое-то безотрадное и совершенно неизгладимое впечатлѣніе. «Съ какой стороны ни подойди, всѣ разсчеты съ жизнью кончены. Жить — и мучительно, и не нужно; всего нужнѣе было бы умереть, но бѣда въ томъ, что и смерть нейдетъ. Есть что-то измѣннически-подлое въ этомъ озорливомъ замедленіи умиранія, когда смерть призывается всѣми силами души, а она только обольщаетъ и дразнитъ...» Эта черта трагизма, омрачавшая своимъ траурнымъ свѣтомъ душу потухавшаго Салтыкова, виднѣлась и прежде, — въ «Невинныхъ разсказахъ», напримѣръ,—но выступила она на первый планъ только подъ конецъ жизни сатирика. Присутствіе этого трагизма не легко объяснить. Является ли онъ результатомъ или выводомъ изъ русской жизни, или же это—субъективное настроеніе, присущее натурѣ Салтыкова? Или, вѣрнѣе, не есть ли этотъ трагизмъ только окончательный плодъ его пессимизма? Пессимизмъ, по существу своему, есть такое міровоззрѣніе (или настроеніе), которое не допускаетъ никакого положительнаго, опредѣленнаго идеала. Слѣдствія такого настроенія, если оно органически связано съ натурой и темпераментомъ, понятны: безъ идеальныхъ стремленій нельзя жить, а если жить приходится, то неизбѣжно является трагическій строй чувства. Такъ было со Свифтомъ; въ меньшей степени то же повторилось и съ Салтыковымъ. Дѣйствительно, онъ былъ чистокровный пессимистъ, это видно вполнѣ ясно и въ «Господахъ Головлевыхъ», и въ «Исторіи одного города», и въ лучшемъ предсмертномъ его произведеніи, въ «Пошехонской Старинѣ». Какіе идеалы найдете вы во всѣхъ этихъ и другихъ его произведеніяхъ? Во имя какого начала онъ казнилъ и вышучивалъ? Съ какими требованіями онъ выступалъ передъ русскимъ обществомъ? На всѣ эти вопросы, по здравомъ размышленіи, приходится

Digitized by Google

отвѣчать отрицательно. Правда, въ русской критикѣ (въ особенности послѣдняго времени) указывалось на идеалъ Салтыкова: консерваторы видятъ въ немъ какого-то систематическаго ихъ противника, во имя освободительныхъ принциповъ; поклонники—указываютъ на его любовь къ народу и къ молодежи. Едва ли нужно говорить, до какой степени всѣ эти мнѣнія и противорѣчивы, и не выдерживаютъ критики.

Обратите вниманіе, что сатира Салтыкова захватила почти такой же широкій кругъ явленій, какъ и сатира Свифта. Подобно Свифту, онъ, конечно, не вышучивалъ ни науку, ни искусство, ни религію, ни человѣчество; но онъ относился отрицательно, съ сарказмомъ, ко всѣмъ, безусловно, явленіямъ русской жизни. Не однихъ помпадуровъ и ташкентцевъ онъ хлесталъ своимъ сатирическимъ бичемъ; этотъ бичъ былъ направленъ и противъ другихъ явленій, къ какой бы категоріи соціальныхъ началъ эти явленія ни принадлежали. Точно также въ сатирѣ Салтыкова не замѣчается никакихъ положительныхъ требованій, которыя бы сатирикъ предъявлялъ русскому обществу. Салтыковъ, въ этомъ отношеніи, былъ не только скептикъ, но видимо не различалъ, по ихъ практическимъ слѣдствіямъ, самыхъ враждебныхъ началъ. Извѣстно, что въ комисіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ графа Валуева для пересмотра законовъ о печати, Салтыковъ, приглашенный въ качествѣ «свѣдущаго человѣка», сказалъ: «*Судебные* скорпіоны могутъ оказаться горше скорпіоновъ *административныхъ*». Изъ этихъ словъ легко сообразить: имѣлъ ли Салтыковъ какую либо опредѣленную политическую программу. Не тотъ же ли скептицизмъ и безнадежное равнодушіе звучатъ въ слѣдующихъ словахъ предисловія Салтыкова къ «Благонамѣреннымъ рѣчамъ»: «Я родился въ атмосферѣ обузданія, я таинственною пуповиной прикрѣпленъ къ людямъ обузданія. Отъ ранніхъ лѣтъ дѣтства я не слышу иныхъ разговоровъ, кромѣ разговоровъ объ обузданіи (хотя самое слово «обузданіе» и не всегда въ нихъ упоминается) и полагаю, что эти разговоры проводятъ меня въ могилу. Все, относящееся до обузданія, вошло, такъ сказать, въ интимную обстановку моей жизни, примелькалось, какъ плоскій русскій пейзажъ, прислушалось, какъ сказки старой няньки, и этого, мнѣ кажется, совершенно достаточно, чтобы объяснить то равнодушіе, съ которымъ я отношусь къ той обуздывательной средѣ и къ вопросамъ, ее волнующимъ. Я до такой степени *привыкъ* къ нимъ, что, право, не приходитъ даже на мысль вдумываться, въ чемъ собственно заключаются тѣ тонкости, которыми одинъ обуздательный проэктъ отличается отъ другаго такого же. Спросите меня, что либеральнѣе: обуздать ли человѣчество при помощи земскихъ управъ или при помощи особыхъ о земскихъ повинностяхъ присутствій,—клянусь, я даже не найдусь отвѣтить на этотъ вопросъ»...

Также мало состоятельно мнѣніе и о любви Салтыкова къ народу и

Digitized by Google

къ молодежи. Салтыковъ былъ слишкомъ умный человѣкъ, чтобы заниматься нелѣпымъ сантиментализмомъ. Народъ, какъ нѣчто отвлеченное, какъ принципъ, нельзя любить, можно любить только людей, — тѣ или другія индивидуальности; точно также нельзя любить *вообще* молодежь, потому что среди молодежи есть люди всякаго сорта, и худые и хорошіе; но можно любить того или другаго молодаго человѣка, если онъ симпатиченъ, если онъ достоинъ любви. Такъ бы могъ отвѣчать Салтыковъ, еслибы его спросили: любитъ ли онъ молодежь и народъ? Въ своихъ сатирическихъ очеркахъ онъ не разъ вышучивалъ и горько осмѣивалъ и такъ называемый «народъ», и такъ называемую «молодежь». И, конечно, былъ правъ,—пора, давно пора, разъ навсегда покончить съ этими псевдо-либеральными вокабулами, которыя только затемняютъ ясное пониманіе дѣйствительности.

Но если Салтыковъ не выступалъ съ какимъ нибудь опредѣленнымъ знаменемъ, не несъ съ собой никакого положительнаго идеала, осуществимаго и близкаго, то въ его сердцѣ, тѣмъ не менѣе, ярко горѣло природное, непосредственное чувство добра, красоты, правды, гуманности,— какъ и у всякаго великаго писателя. Въ этомъ и заключается его «направленіе». Этимъ онъ будетъ дорогъ русскому народу.

В. Чуйко.

Digitized by Google

ЗАВѢТЪ ОТЦА.

(L'épave) [1])

Стихотвореніе Коппэ.

Бретани берегъ; рядъ камней,
Межъ нихъ избушка выступаетъ;
Вдова и мальчикъ у дверей;
Ихъ горе — трауръ обличаетъ.
То море, что̀ небесъ лазурь
Тéперь спокойно отражало,
Въ пору́ осеннихъ прошлыхъ бурь
Судовъ десятки разбросало.
Тамъ, гдѣ рыбачій ботъ скользитъ,
Весломъ зыбь моря разсѣкая,
Зефиръ чуть парусъ шевелитъ, —
Всталъ океанъ, все разрушая,
Бросалъ суда на кряжи скалъ...
Рядъ жизней сгубленъ былъ волною...
Такъ сдѣлалась жена — вдовою
Ребенокъ сиротою сталъ.

---

[1]) L'épave — обломокъ судна, выброшенный моремъ.

Digitized by Google

Вдову видъ моря не прельщаетъ
И отуманенъ взоръ слезой.
Не въ радость ей въ струяхъ играетъ
Заката солнца лучъ златой.
«Самъ виноватъ»—проговорила
Она ребенку—«твой отецъ,
«Что смерть его не пощадила,
«Что Богъ послалъ такой конецъ.
«Похвально къ ближнимъ состраданье,
«Но жизнью такъ своей играть —
«Лишь Провидѣнье искушать;
«Такъ поступать нѣтъ оправданья! —
«Онъ возвратился; у причала
«И барка ужь его стояла,
«Затѣмъ окончилъ онъ обѣдъ.
—«Кому въ грѣхахъ бы дать отвѣтъ,
«Того бы развѣ Богъ послалъ
«Въ такое море!» — онъ сказалъ.
«Потомъ онъ трубку закурилъ
«И на крыльцѣ,—какъ съ нимъ бывало, —
«О томъ, что̀ кругъ нашъ занимало,
«Въ бесѣдѣ время проводилъ».

«Вдругъ передъ нимъ бригъ трехмачтовый...
«Несетъ его на камни валъ.
«И мигъ одинъ—ударъ волнъ новый...
«И подъ скалою бригъ лежалъ...
—«Скорѣе ботъ»—такъ оживленно
«Кричитъ отецъ: «Пловцовъ спасать!» —
«Его старались удержать
«Отъ мысли жизнью рисковать
«Въ борьбѣ съ стихіей разъяренной.
«Онъ не хотѣлъ словамъ внимать;
«Твердилъ одно:—«Пускай стыдится

Digitized by Google

«Со мной на помощь кто нейдетъ.
«Мы жъ ботъ беремъ—мой ботъ годится;
«Онъ волнъ и вѣтра не боится».—
«Недаромъ названъ онъ: «Впередъ».
«Та рѣчь безумцевъ убѣдила...
«Ихъ всѣхъ пучина поглотила».

«И хоть бы разъ съ отливомъ волнъ
«Когда дно моря обнажилось,
«Далъ о себѣ знать бѣдный челнъ —
«Его обломковъ не являлось!»
«Такъ видишь сынъ»,—мать продолжала —
«Ты помни, что̀ мнѣ обѣщалъ:
«Не знай ты моря, и сначала
«Что̀ ты избралъ, то продолжай.
«Тебя нашъ любитъ настоятель.
«Ты, стало, мысль о морѣ кинь...
«Я такъ боюсь его... Создатель!
«Учи обѣдню и латынь,
«Пойдешь духовною чредою,
«Я жъ буду при тебѣ слугою».
Ребенокъ слушалъ, но мечтой
Иною въ мысляхъ увлекался:
Предъ нимъ, несомый въ даль волной,
Друзей ботъ рѣзвый рисовался...
И вотъ, когда они стрѣлой
Летѣли въ лодкѣ удалой,
Забывъ про штормъ и непогоду,
И океанъ родной хваля, —
Не смѣлъ онъ, матери въ угоду,
Весла коснуться иль руля.

Digitized by Google

Когда жъ, покончивши съ урокомъ,
Онъ отъ латыни отдыхалъ,
Сынъ моряка, влекомый рокомъ,
Ко взморью путь свой направлялъ.
Но брызги волнъ здѣсь ощущать,
Ходить босымъ, гдѣ ни попало,
Иль волнъ удары наблюдать —
То̀ смѣльчака не занимало.
Корзину раковъ тутъ набрать,
Иль подъ скалой, гдѣ пріютился
Омаръ, добычу ту поймать,
Иль рыбу—мальчикъ не стремился:
Не то онъ занялъ отъ отца...
Бригъ двухмачтовый, блокъ скрипучій,
Балластъ изъ валуновъ морскихъ,
Порой волны ударъ могучій,
Ходъ быстрый парусовъ лихихъ;
И море, море безъ конца...
Вотъ это—жизни наслажденье...
И ждать его былъ верхъ мученья.

Но бурямъ срокъ опредѣленъ.
Вновь осень; море вновь метется;
И бурей снова сокрушенъ
Ужь бригъ другой о скалы бьется.
«Давайте ботъ. Тамъ смерть въ виду».
Кричалъ народъ. Ботъ снаряжали,
Причемъ невольно вспоминали
Минувшей осени бѣду.
«Ты не пойдешь? Ты не пойдешь?»
Тревожно сыну мать шептала.
«Ты слово далъ», и прибавляла:
«Его назадъ ты не возьмешь?»

Digitized by Google

Стоялъ сынъ мрачный, молчаливый,
Одинъ безъ дѣла. Суетливо
Другіе съ ботомъ хлопотали...
А волны дальше все хлестали...
И шелъ за валомъ новый валъ,
И берегъ пѣной обдавалъ.
И шлетъ волна,—вдругъ видитъ онъ,—
Доски обломокъ полъ-истлѣвшій,
Покрытъ онъ плѣсенью насѣвшей,
Давно, знать, моремъ поглощенъ...
Что̀ море прежде съ нимъ творило—
Въ своихъ ли нѣдрахъ берегло,
Иль по волнамъ его носило,
Оно отчета не дало.
Но—кто судьбы законъ поймет̀ъ?—
Виднѣлась надпись здѣсь: «*Впередъ*».
«То мнѣ отца—отца завѣтъ»—
Вскричалъ сынъ. «Вотъ отца велѣнье»!
Пловцы готовы. Что до бѣдъ!
И онъ ужь въ морѣ, чрезъ мгновенье...

За ними взоры всѣхъ слѣдятъ,
Всѣ къ небу шлютъ о нихъ моленья.
«Смотрите, волны ботъ крутятъ.
«Погибли! Боже, нѣтъ спасенья!»
Но смѣло ботъ въ волнахъ ныряетъ
И корабля онъ достигаетъ.
Здѣсь, брошенный на камней кряжъ,
Корабль чуть на водѣ держался...
Но вотъ спасенъ весь экипажъ—
Спасителямъ тріумфъ достался...
Назадъ несутся молодцы;
Вновь трудный путь одолѣваютъ.
Вотъ пристань. «Эй! крѣпи концы!

Digitized by Google

«Спасли всѣхъ». Храбрыхъ поздравляютъ:
Всѣ счастьемъ, радостью объяты;
Привѣтъ пловцамъ восторга полнъ...
И, вмѣстѣ съ шумомъ грозныхъ волнъ,
Ура сердечнаго раскаты!

Вотъ, переполненный водой,
Покинутъ весело пловцами,
И съ нихъ бѣжитъ вода струями...
Въ числѣ пловцовъ и нашъ герой.
Къ нему мать радостно спѣшитъ.
Она въ слезахъ... гнетъ чувствъ неволенъ...
«Мать не сердись», онъ говоритъ:—
«Отецъ навѣрно мной доволенъ!»

И. М.

Digitized by Google

„СВѢЖО ПРЕДАНІЕ“... [1])

(Изъ воспоминаній о старинномъ военномъ бытѣ).

„Мало словъ, а горя рѣченька,—
Горя рѣченька бездонная“...
(„Орина, мать солдатская“).

Н. А. Некрасовъ.

I.

Всѣ воспоминанія начинаются съ родителей. Сдѣлаю и я то же самое. Мои родители формально были приписаны къ городскому мѣщанству, а жили за городскою заставою, гдѣ содержали плохенькій постоялый дворъ, въ которомъ приставали прохожіе и проѣзжіе простолюдины. Дохода съ постояльцевъ не хватало и на скудное прожитіе нашей семьи, т. е. отца, матери, меня и стряпухи; поэтому отецъ скупалъ еще, изъ первыхъ рукъ, деревенскія произведенія и сбывалъ ихъ, съ нѣкоторою для себя выгодою, городскимъ чиновничьимъ семействамъ. Отъ безпрерывныхъ сношеній съ ними отецъ обзавелся, въ этой средѣ, не только знакомыми, но и «духовными» родственниками: моими воспріемниками были *господа*, а какіе именно—узнаете своевременно. Отецъ и мать были, на свое несчастіе, «старовѣрами». Оттого и сдружились они съ какимъ-то проходимцемъ, который совратилъ ихъ въ какую-то зловредную секту, а они, въ свою очередь, увлекли за собою немало другихъ, себѣ подобныхъ, темныхъ людей. Начальство объ этомъ дозналось, арестовало моихъ родителей, осудило, наказало ихъ плетьми и сослало въ Сибирь. Вотъ все, что́ я помню, да и то больше по слухамъ, о

---

[1]) Въ книгѣ: „*Многострадальные*“, изданной въ 1872 году, я исчерпалъ бытъ бывшихъ кантонистовъ. Кантонисты, по достиженіи 16—20-лѣтняго возраста, назначались, изъ существовавшихъ для нихъ заведеній, частью въ фельдшерскіе ученики, цейхдиперы, цейхшрейберы и въ рядовые бывшихъ учебныхъ карабинерныхъ полковъ, а преимущественно въ писаря во всѣ учрежденія вѣдомствъ: военнаго, морскаго и путей сообщенія. Настоящій трудъ служитъ одновременно и прямымъ продолженіемъ „Многострадальныхъ“, и совершенно самостоятельнымъ произведеніемъ, имѣющимъ автобіографическій характеръ. *Авторъ.*

Digitized by Google

своихъ родителяхъ. Никакихъ вѣстей ни я отъ нихъ никогда не получалъ, ни имъ о себѣ не подавалъ, потому что не зналъ, гдѣ и какъ ихъ разыскивать.

Семилѣтнимъ ребенкомъ сдали меня въ батальонъ кантонистовъ, которые набирались съ борку да съ сосенки: изъ сыновей солдатъ (законно и незаконно прижитыхъ), бѣднѣйшихъ дворянъ, духовенства, финляндцевъ, цыганъ, польскихъ мятежниковъ и шляхтичей, не доказавшихъ своего дворянскаго происхожденія, раскольниковъ, малолѣтнихъ рекрутъ изъ евреевъ, бродягъ, преступниковъ и безпріютныхъ.—Воспитаніе наше заключалось въ такомъ суровомъ физическомъ и нравственномъ муштрованьѣ, что изъ 10-ти человѣкъ едва лишь 2—3 выходили неисключенными изъ «живодерень», какъ назывались a parte эти якобы—учебныя заведенія.

Къ числу счастливыхъ исключеній принадлежалъ и я, не смотря на то, что пробылъ восемь лѣтъ въ «живодернѣ», именовавшейся «неранжированнымъ батальономъ учебнаго полка». Меня мучили несравненно меньше другихъ, собственно потому, что я имѣлъ значительную, въ своемъ родѣ, протекцію,—въ лицѣ крестнаго отца. Онъ происходилъ тоже изъ кантонистовъ, прослужилъ въ томъ же батальонѣ 20 лѣтъ, учителемъ унтеръ-офицерскаго званія, потомъ получилъ классный чинъ и управлялъ дѣлами полковаго хозяйственнаго комитета. «Крёстный» часто освѣдомлялся у моего непосредственнаго начальства о поведеніи крестника, о моихъ успѣхахъ въ наукахъ, просилъ, кого слѣдовало, не обижать меня и пускать къ нему со двора. Все это безпрекословно исполнялось,—разумѣется, изъ чувства самосохраненія: для моихъ начальниковъ письмоводство оказывалось великою премудростью, а крёстный всегда могъ, — еслибы пожелалъ,—напакостить любому изъ нихъ. Въ угоду крёстному, меня и отличали далеко не по заслугамъ: я былъ, напр., и капральнымъ ефрейторомъ, и ординарцемъ, и знаменщикомъ, а это очень много значило: такихъ мальчиковъ знало лично все полковое, да и высшее начальство.

Наши главныя науки, т. е. фронтовыя, я отъ всей своей дѣтской души ненавидѣлъ, а начальства—боялся. Крёстный принадлежалъ къ числу нашего начальства, почему и его я, по меньшей мѣрѣ, остерегался. Это происходило главнымъ образомъ отъ того, что онъ видѣлъ меня только въ своей квартирѣ, по праздникамъ, часа по два въ недѣлю, да и тогда онъ, вѣчно занятый, просто, кажется, не догадывался, что я страдалъ. Впрочемъ, еслибъ онъ и хотѣлъ заглянуть мнѣ въ душу, то едва ли бы успѣлъ въ этомъ: выразить ему, начальству, то, что во мнѣ творилось,—я ни за что не рѣшился бы, изъ опасенія прогнѣвить его. Я и ходилъ къ нему не съ радостью, какъ ходятъ школьники въ отпускъ, а нехотя, даже по неволѣ. Войду, бывало, крадучись, въ переднюю, переминаюсь съ ноги на ногу, громко—нарочно—кашляну, чтобы услышали, и начну охорашиваться.

— Это ты, Петя?—спроситъ, бывало, крёстный, сидя въ залѣ,

Digitized by Google

съ газетою въ рукахъ. Я ужь понялъ, что ты: кромѣ тебя, никто такъ осторожно не пробирается.

— Я-съ,—отвѣчаю сквозь зубы, помаленьку выдвигаясь въ залу, и неловко киваю головою, въ видѣ поклона.—Съ праздникомъ-съ, честь им-мѣю поздравить.—Послѣднія слова я договариваю уже тихонько и краснѣю.

— Спасибо, Петя, спасибо. Былъ ты сегодня у обѣдни?

— Былъ-съ... Точно такъ-съ...

— Садись: въ ногахъ правды нѣтъ.

Сажусь на краешекъ кушетки и лихорадочно жду, что̀ будетъ дальше?

— Если ты былъ у обѣдни, то отъ какого, скажи-ка мнѣ, святаго евангеліе читали?

Религіознымъ предметамъ насъ совсѣмъ почти не учили; поэтому я и не зналъ, что̀ отвѣчать, а заявить объ этомъ открыто не хватало смѣлости.

— Что жъ: отъ Ѳомы, Луки, или отъ Матѳія?—настаивалъ онъ.

— Отъ Матвѣя,—наугадъ отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, братъ, ошибаешься.

— Точно такъ-съ,—сознаюсь я, какъ солдаты передъ начальникомъ.

— Благодарю за откровенность. Ну, а какъ ты поживаешь, учишься грамотѣ, фронтовымъ наукамъ?

— Ничего-съ, понемногу-съ...

— Жаль, что не помногу. А какъ ты, посмотримъ, одѣтъ?

И вся моя обмундировка подвергалась тщательному осмотру, когда и отъ казарменныхъ смотровъ душа и тѣло постоянно ныли, болѣли.

— Маршируешь ты, говорятъ, хорошо, а командуешь взводомъ не форсисто, пенялъ мнѣ намедни твой ротный командиръ. Старайся: безъ умѣнья командовать—въ унтеръ-офицеры не попадешь.

— Перестань, Иванъ Ивановичъ, надоѣдать ему пустяками,—вмѣшивалась, бывало, жена крёстнаго, женщина пожилая и почти постоянно больная.—Всѣ эти фронты, право, противны. Скажи лучше, Петя, отчего ты насъ никакъ не называешь? Ни папашей, напр., ни мамашей? Своихъ дѣтей у насъ, голубчикъ, нѣтъ и мы вѣдь тебя считаемъ за роднаго?

Я окончательно конфужусь и упорно молчу.

— Говори намъ, пожалуйста, откровенно все, что̀ чувствуешь, думаешь. О чемъ ты, напримѣръ, постоянно грустишь, хмуришься? Плохо жить что ли?

— Такъ-съ... не знаю-съ...—лепечу я безсознательно, хоть и чувствую, что наступила самая удобная пора прямо высказаться, но не могу одолѣть своей робости, забитости.

— Онъ здоровъ, сытъ, одѣтъ и обутъ прилично, обижать его никто не смѣетъ, значитъ и грустить ему не о чемъ,—врачевала крёстный сразу и жену, и меня.—Вотъ, ежели бы онъ былъ кантонистомъ въ наше время, ну, тогда точно было о чемъ горевать!.. А теперь, да еще подъ моимъ покровительствомъ,—ему

Digitized by Google

не отъ чего носъ вѣшать, быть пентюхомъ. Впрочемъ, это со временемъ пройдетъ: въ дѣтской натурѣ много есть неразгаданнаго.

— Давай Богъ, чтобъ прошло, а то его хмурость меня серьезно безпокоитъ: онъ можетъ сдѣлаться меланхоликомъ.

— И полно, матушка, пустяки-то говорить. Вели-ка, Петя, лучше пирогъ подавать; червячка до обѣда заморимъ и повеселѣемъ.

Я бѣгу въ кухню уже развязнѣе: кухарка Марѳа—моя ровня. Пообѣдавши, процѣживаю сквозь зубы благодарность и сажусь къ окну глазѣть на прохожихъ и проѣзжихъ, а хозяева начинаютъ читать: крёстный—«Московскія Вѣдомости», а жена его—какую-то книгу. Желая скорѣе вырваться изъ гостей,—я временами громко зѣваю, вздыхаю.

— Хочешь, вѣрно, гулять?—спрашиваетъ крёстный, догадываясь, что́ значатъ мои вздохи.

— Да-съ, позвольте...

— Дай, матушка, Петѣ гостинцевъ и пусть себѣ идетъ съ Богомъ,—предлагаетъ крёстный женѣ.

— Возьми, Петя, вонъ на буфетѣ узелочекъ, я тебѣ приготовила. Пожалуйста, не грусти: въ твои лѣта неприлично быть букой.

Я вполнѣ сознаю свою виновность, внутренно казнюсь за свою робость, мѣшающую открыться, что мнѣ жутко, противно жить взаперти, но языкъ прилипаетъ къ гортани, и я отмалчиваюсь.

— Если завтра увидишь ротнаго командира,—нарушаетъ крёстный молча ie,—то скажи, что я ему кланяюсь. Слышишь?

— Слушаю съ.

— Какими же ты словами это скажешь?

Я смущаюсь.

— Крёстный приказалъ, молъ, вамъ кланяться,—подсказывала мнѣ его жена.

— Нѣтъ, матушка, онъ долженъ вмѣсто «вамъ» сказать «вашему благородію», чтобъ не придрались къ слову: оно противно дисциплинѣ.

— Да въ его командирѣ благородства нѣтъ, кажется, никакого, и я удивляюсь, какъ это ты, Иванъ Ивановичъ, возишься съ этими оболтусами.

— Оболтусъ онъ, какъ человѣкъ,—не спорю, а какъ офицеръ—онъ благороднымъ называется и я ему кланяюсь по пословицѣ: «съ волками жить—по волчьи выть». Петя же подчиненный—обязанъ почитать своего начальника, кто бы онъ ни былъ. И напрасно ты, матушка, внушаешь ему вольныя мысли: онѣ могутъ ему повредить. Ты, Петя, смотри: почитай своихъ начальниковъ, веди себя смирно, учись хорошенько, чтобы тобой всѣ были довольны; въ этомъ прямая твоя польза. Ступай,—заключаетъ крёстный,—а въ слѣдующее воскресенье одѣнься почище и сходи къ крестной: она, а—главное—ея генеральша давно уже тебя не видали, а это нехорошо.

Digitized by Google

Я лепечу: «прощайте» и удаляюсь въ кухню, гдѣ узелокъ мой полнѣетъ, и отправляюсь бродить по улицамъ, до сумерекъ, а потомъ — восвояси, съ тою же грустью и съ тѣмъ же страхомъ передъ вопросомъ: минуютъ ли меня въ теченіе предстоящей недѣли, по крайней мѣрѣ, хоть розги? Къ зуботычинамъ мы всѣ привыкли также, какъ къ гречневой кашѣ.

Крёстная (въ то время красивая, рослая и молодая барышня) была дочь «бѣдныхъ, но благородныхъ родителей» и получила воспитаніе у богатой, знатной и чванной генеральши Глуховой. Генеральша занимала огромный домъ на краю города, чтобы ѣзда ее не безпокоила. Окружали ее почти безотлучно: братъ-старикъ, двѣ барышни-воспитанницы, человѣкъ 20 прислуги и стая собакъ, а знакомство водила она исключительно съ губернскими сановниками, да и тѣ относились къ ней почтительно, ради ея связей въ Петербургѣ. О моемъ приходѣ крестная узнавала во время исполненія порученій генеральши, внѣ ея кабинета. Обходилась крестная со мною дружески, но упрочить наше взаимное расположеніе—мѣшало собственно то, что болѣе получасу мы никогда не разговаривали, не оставались безъ посторонихъ. Она же представляла меня генеральшѣ, которую я всегда заставалъ полулежавшею въ широкихъ, высокихъ креслахъ, точно на тронѣ. Противъ ея кресель, въ нѣкоторомъ отдаленіи, помѣщались, что называется на чеку, на стульяхъ, обѣ воспитанницы; дальше въ углахъ: въ одномъ, въ креслахъ же—старикъ, съ книгой въ рукахъ, а въ другомъ, на бархатныхъ подушкахъ — лежали двѣ мохнатыхъ огромныхъ собаки. Я входилъ въ кабинетъ, вытягивался въ струнку и начиналъ пугаться: темносиніе обои комнаты, полумракъ отъ опущенныхъ сторъ, ворчанье собакъ, перешептыванье воспитанницъ, перемигиванье съ ними старика и изможденная восковая фигура дремавшей старухи, — все это наводило на меня уныніе и страхъ.

— Ахъ, да, я и забыла про него,—процѣживала старуха, послѣ неоднократнаго напоминанія обо мнѣ.—Подойди-ка сюда—мальчикъ; я издали плохо тебя вижу: глаза слабы.

— Здравствуйте, ваше превосходительство,—рапортую я, приближаясь къ ней.—Съ праздникомъ позвольте поздравить васъ...

— Здравствуй, здравствуй, мальчикъ,—прошамкивала она, укладывая на подставленную подушку свою руку, для моего цѣлованія. Чѣмъ ближе подходилъ я къ ней, — тѣмъ усерднѣе собаки ворчали и пугали меня. Я торопливо цѣловалъ ея костлявую морщинистую руку и отскакивалъ назадъ.

— Ой, больно!—чуть не вскрикивала она — точно піявка въ руку впиваешься. Потрите скорѣй мнѣ руку одеколономъ, чтобы не распухла.

Я злобно смотрю въ полъ и пячусь все дальше къ двери, подъ ворчанье старухи и ея собакъ, а крестная краснѣетъ за меня.

— Не сердитесь, пожалуста, сестрица: это вамъ вредно,—вмѣшивался старикъ. — Онъ цѣлуетъ, я увѣренъ, отъ души, а его

Digitized by Google

неловкость происходитъ отъ непривычки къ этикету, да отъ застѣнчивости предъ вами.

— Можетъ быть, ты, Сержъ, и правъ, но вѣдь онъ мнѣ причиняетъ боль, да и долженъ же онъ пріучаться къ порядку? А то смотритъ изподлобья, отвѣчаетъ невпопадъ, спотыкается о ковры, не имѣетъ никакого такта!..

— Будьте, сестрица, снисходительны къ нему: доля его сиротская, а вы сиротамъ всегда вѣдь покровительница.

— Я, и не сержусь, а только напоминаю ему объ его обязанностяхъ. Подойди, мальчикъ, еще разъ ко мнѣ, подойди поосторожнѣе.

Я приближаюсь къ ней; она погладитъ меня по головѣ, прошепчетъ: «Бѣдный сиротка... я ужо похлопочу объ тебѣ», велитъ дать мнѣ гостинцевъ, и я переселяюсь въ людскую. Однажды я, въ присутствіи губернатора, свитскаго генерала князя Удусова, нечаянно опрокинулъ стулъ. Генеральша обратила мой поступокъ въ шутку, а потомъ произнесла:

— Вы, губернаторъ, прикажите-ка учить ихъ деликатнымъ манерамъ, а то они невозможны въ хорошемъ обществѣ.

— Я такъ внимательно слѣжу за ихъ воспитаніемъ, что право не заслуживаю вашего упрека,—отозвался онъ, хотя бывалъ у насъ въ казармахъ буквально *разъ* въ году, по *одному* часу, да и то только въ полковой праздникъ, на парадѣ.

— Еслибы вы слѣдили за ихъ воспитаніемъ, они были бы развязны, а не забиты. Сравните-ка его съ Полемъ (ея племянникомъ) и увидите всю разницу въ ихъ обхожденіи со старшими.

— Разница эта вполнѣ натуральна: Поль воспитывается въ пажескомъ корпусѣ, подъ надзоромъ лучшихъ въ Россіи учителей и гувернеровъ, а кантонистамъ дядекъ даже и изъ солдатъ не полагается.

— И напрасно, князь, не полагается: въ казенныхъ заведеніяхъ все *должно* полагаться, а чего недостаетъ — обязанность губернатора выхлопотать...

— Ходатайствовать о назначеніи имъ гувернеровъ—я, къ сожалѣнію, не могу-съ: въ департаментѣ военныхъ поселеній,—куда я долженъ бы объ этомъ писать,—меня назовутъ сумашедшимъ, и основательно: гувернеровъ для кантонистовъ?! Да это, помилуйте, притча во языцѣхъ!..

— Вы, князь, вѣчно остерегаетесь и Богъ съ вами!.. Я ужо сама напишу князю Чернышеву (вѣдь еще онъ, кажется, военнымъ-то министромъ?) и вы покаетесь: я васъ всѣхъ аттестую по заслугамъ.

Я, крадучись, ретировался въ переднюю. Туда же вскорѣ вышелъ и губернаторъ, въ сопровожденіи старика и моей крестной.

— Мнѣ изъ-за тебя выговоръ сдѣлали, такъ за это я, братецъ, велю тебя выпороть,—заявилъ мнѣ губернаторъ.

— Ради Бога, князь, не дѣлайте этого, заступилась крестная.

Digitized by Google

Кантонистамъ такъ плохо живется, ихъ такъ сильно обижаютъ, что они жалости достойны, а не бо̀льшихъ еще мученій.

— Лена правду, говоритъ, и вы, князь, примите лучше участіе въ этихъ несчастныхъ сиротахъ,—поддержалъ старикъ.—Прибавлю вамъ, что̀ сестра не разъ покушалась писать объ этомъ князю Чернышеву, да я все отговаривалъ ее, чтобы вамъ не сдѣлать непріятностей.

— Гм... Какъ гость,—дѣлаю угодное вамъ, хозяевамъ; но... ахъ, да, вотъ что: я пришлю за тобой и ты мнѣ разскажешь про ваше житье-бытье.

— Вотъ за это вамъ спасибо,—весело сказала крестная.—Я очень рада.

— Ваше разумное рѣшеніе и сестрѣ понравится, — прибавилъ старикъ:—я передамъ это ей.

Губернаторъ записалъ себѣ на память, какъ меня зовутъ, изъ какой я роты, и уѣхалъ. Въ людской, гдѣ я потомъ обѣдалъ,—прислуга отсовѣтовала мнѣ заявлять въ казармѣ объ обѣщаніи губернатора призвать меня къ себѣ, чтобы не нажить за это бѣды отъ начальства, да, пожалуй, еще и даромъ: губернаторъ,—увѣряли меня,—часто зря болталъ, что̀ ему на умъ взбредетъ, а на этотъ разъ форсилъ, вѣроятно, своей мнимой добротой предъ крестною. Я послѣдовалъ совѣту прислуги и цѣлую недѣлю томился сомнѣніемъ: какъ бы губернаторъ самъ не открылъ начальству, какъ я при немъ стулъ свалилъ, и тогда... о тогда бы мнѣ жестоко за это попало!..

Въ слѣдующее воскресенье, когда я стоялъ во фронтѣ въ полковой церкви, у обѣдни фельдфебель вдругъ вызвалъ меня въ коридоръ. Тамъ я увидѣлъ молодаго, красиваго офицера, окруженнаго нашими баталіоннымъ и ротными командирами. Это былъ губернаторскій адьютантъ. Онъ спросилъ меня: тотъ ли я, кого губернаторъ видѣлъ у генеральши Глуховой? Я признался.

— О чемъ его сіятельство изволили тебя спрашивать? — озадачилъ меня майоръ Брюшковъ:—отчего ты объ этомъ скрылъ?

— Мнѣ недосугъ слушать ваше разбирательство: князь ждетъ меня вмѣстѣ съ нимъ, и я беру его съ собой,—перебилъ адьютантъ.

— Безъ разрѣшенія полковаго командира,—извините меня, г, поручикъ!—я затрудняюсь отпустить его, тѣмъ болѣе, что онъ проштрафился. Въ билетахъ пишется: «если высшее начальство встрѣтитъ отпущеннаго со двора и что нибудь спроситъ или прикажетъ,—отпускной, по возвращеніи въ казармы, долженъ тотчасъ же объ этомъ отрапортовать», а онъ все утаилъ. Я тебѣ ужо̀ зад-дамъ!—прибавилъ онъ мнѣ, понизивъ тонъ.

— Ждать, г. майоръ, покамѣстъ вы получите разрѣшеніе,—мнѣ не приходится. Я дѣйствую именемъ губернатора; кто я—вы знаете; не исполнить приказанія князя и полковой вашъ командиръ не вправѣ, слѣдовательно, намъ нечего болѣе и разсуждать. Что онъ не доложилъ вамъ о свиданіи съ княземъ, тоже не важность: онъ, вѣроятно, не умѣетъ еще даже и про-

Digitized by Google

честь содержаніе вашего билета. Наконецъ, стращать его, да еще при мнѣ,—я вамъ не совѣтую: я могу это передать князю...

Начальство струсило, шопотомъ посовѣщалось между собою и упросило адьютанта подождать, покуда я, по крайней мѣрѣ, хоть одѣнусь получше. Мой ротный командиръ и фельдфебель опрометью побѣжали со мною въ казармы, гдѣ я переоблачился съ ногъ до головы во все самое форменное, новенькое, выслушалъ наистрожайшій наказъ: всѣхъ и все непремѣнно хвалить предъ губернаторомъ, вернулся въ церковь и подвергся въ ней внимательнѣйшему осмотру майора.

— Смот-три!—грозно шепнулъ онъ мнѣ въ заключеніе.

Съ этого момента я перешелъ во власть адьютанта. Онъ велѣлъ мнѣ сѣсть съ нимъ въ коляску, и мы поѣхали.

— Васъ, дѣйствительно, за всякій вздоръ порятъ, какъ сидорову козу? освѣдомился адьютантъ дорогою.—Отъ вашихъ бурбоновъ больше, впрочемъ, и ждать нечего,—продолжалъ онъ,—они, не правда ли, всѣ вѣдь мерзавцы?

— Точно такъ-съ!—сорвалось у меня съ языка, сто разъ на дню трещавшаго это «точно такъ-съ».

Онъ похвалилъ меня, разсмѣялся, потомъ спросилъ: видѣлъ ли я въ комнатѣ крёстной кого нибудь изъ мужчинъ; хвалила ли она при мнѣ кого нибудь изъ посѣщавшихъ домъ генеральши, не слыхалъ ли: кого она любитъ и какъ отзывается о губернаторѣ? Путнаго я, разумѣется, ничего ему не отвѣчалъ, потому что и самъ ничего не зналъ. По пріѣздѣ въ губернаторскій домъ, онъ ввелъ меня въ пріемную и исчезъ, а, немного погодя, лакей провелъ меня въ кабинетъ губернатора. Губернаторъ ласково произнесъ мнѣ: «здравствуй, дружокъ»; я гаркнулъ: «здравія желаю, ваше сіятельство», и онъ велѣлъ мнѣ отодвинуться въ сторону. Оправившись отъ смущенія, я увидѣлъ, что губернаторъ, въ генеральскихъ эполетахъ, помѣщался на стулѣ; противъ него почти лежалъ, съ ногами на диванѣ, старикъ въ перепачканномъ, грубомъ мужичьемъ кафтанѣ; въ креслахъ же сидѣли: статскій генералъ со звѣздою на груди, а рядомъ съ нимъ, въ формѣ, нашъ учитель, унтеръ-офицеръ, который, какъ и губернаторъ, курилъ сигару. Это панибратство губернатора съ мужикомъ, а мало того и съ солдатомъ, поразило меня.

— За потягиванье эфтого зелья—который уже разъ говорю я вамъ, ребята!—каленымъ желѣзомъ рты на томъ свѣтѣ выжигать станутъ, а вамъ все неймется,—молвилъ старикъ.—И выжиганіе эфто тебѣ, князь, жутче покажется: и сильнѣй, чѣмъ ему, жечь станутъ, да и нѣжнѣй ты по природѣ по своей.

— А тебя, Егоръ Спиридоновичъ, чѣмъ жечь станутъ за твое скопидомство?—въ свою очередь спросилъ губернаторъ.—Впрочемъ, что тамъ будетъ, еще неизвѣстно, а вотъ кантонистамъ здѣсь,—какъ всѣ говорятъ мнѣ со всѣхъ сторонъ,—очень плохо приходится.

— Вѣстимо, плохо; это всѣ давно—предавно уже знаютъ. Для чего жъ ты, князь, мальчонку-то призвалъ?

— Да разспросить его, чѣмъ именно плохо?

Digitized by Google

— И чтобъ его за розсказни потомъ отпороли?—Не резонъ, право не резонъ.

— Почему ты это полагаешь?

— Да доказчику всегда первый кнутъ. Коли ежели ты,— какъ и я знаю, — не воленъ прогнать все ихнее командерство и поставить хорошее—нечего тебѣ и мальчонку подъ розги подводить. Ей, ей такъ.

— Но князь можетъ донести высшему начальству, а оно распорядится улучшить бытъ кантонистовъ,—вставилъ статскій генералъ.—Съ своей стороны, и я готовъ содѣйствовать этой прекрасной цѣли, насколько могу.

— Доносите, доносите, господа, сколько хотите: у командерства и въ Москвѣ, и въ Питерѣ есть за денежки заступа, стало быть, изъ всего этого одинъ только пустой переполохъ выйдетъ. Я на своемъ вѣку все это уже стократъ видывалъ,—увижу, значитъ, и сто первый разъ.

— Егоръ Спиридоновичъ отчасти, позволю себѣ доложить, правъ,—поддержалъ унтеръ.—Прикажутъ изслѣдовать дѣло, о пріѣздѣ слѣдователя сообщатъ нашимъ тайно или явно, но заблаговременно, а они примутъ всѣ мѣры къ тому, чтобы оправдаться. Самую систему воспитанія слѣдуетъ измѣнить.

— Въ такомъ случаѣ, составь, пожалуйста, Николай Павловичъ, объ этомъ проэктъ, и я его представлю, а какъ поѣду въ Петербургъ, лично тамъ похлопочу объ утвержденіи проэкта.

— Съ удовольствіемъ, князь, составлю, если его превосходительство не откажутся проредактировать проэктъ: просвѣщенность ихняя—всей Россіи извѣстна.

— Охотно готовъ быть вашимъ сотрудникомъ,—отозвался статскій генералъ.

— Всѣ ваши писанія вздоръ, коли въ людяхъ ни Бога, ни чести, ни разума нѣтъ,—возразилъ старикъ.—Вотъ меня, примѣрно сказать, никто ничему не училъ, мужикомъ я и таперя числюсь. Тебя, Миколай Павлычъ, шлифовали въ той же «живодернѣ», ты и доселѣ въ ней ундеромъ еще болтаешься, а все таки мы съ тобой молодцами вышли: я—за капиталъ, а ты—за свой разумъ: оба мы въ княжескихъ хоромахъ прохлаждаемся, когда иные полковники дальше передней не попадаютъ. Вотъ оно что значитъ Богъ.

— «На Бога надѣйся, да и самъ не плошай»,—замѣтилъ генералъ.—Кстати, отчего вы, Егоръ Спиридоновичъ, не выпишетесь въ купцы, а остаетесь крестьяниномъ?—спросилъ онъ старика.

— Я крестьянинъ царскій, а не барскій, стало быть, меня никто тронуть напрасно не смѣетъ; по капиталу же я выше первогильдейскаго купца: меня всѣ почитаютъ, а больше мнѣ ничего и не надо. Одначе, пора и ко щамъ.

— Позавтракай съ нами!—княгиня этого желаетъ.

— Спасибо, князь, не могу: меня семья ждетъ обѣдать. А прикажи-ка ты, князь, мальчонку покормить, да отослать въ казарму съ вѣстью, что онъ распрекрасный есть человѣкъ, а отъ меня вотъ тебѣ, паренёкъ, на орѣхи семитку. Прощайте.

Digitized by Google

Онъ всталъ, далъ мнѣ 2 копѣйки, пожалъ руку генералу, ундеру и удалился съ княземъ.

— Если не секретъ,—соблаговолите, князь, пояснить: изъ-за чего вы возитесь съ Бобровымъ?—освѣдомился генералъ, по возвращеніи губернатора.

— Во-первыхъ—люблю слушать его меткія обо всемъ сужденія; во-вторыхъ—онъ помогаетъ мнѣ своими совѣтами лучше управлять и собственными, и общественными дѣлами, въ третьихъ—я подбиваю его построить и пожертвовать городу каменный театръ, вмѣсто настоящаго, деревяннаго: при его милліонномъ состояніи бросить 20—30 тысячъ—пустяки.

— Да вѣдь онъ, раскольникъ, считаетъ театральныя представленія тяжкимъ грѣхомъ?

— Это ничего: онъ поддается, и я, съ помощью княгини, добьюсь, кажется, толку. Просилъ же у меня одинъ сумасбродъ разрѣшенія вызолотить крышу своего дома и ограду около него, а какъ я его пугнулъ за это, такъ онъ богадѣльню выстроилъ.

Всѣ трое пошли завтракать. Ввели и меня въ столовую. Тамъ, вокругъ стола, сидѣли мужчины и женщины, а въ числѣ ихъ адьютантъ и нашъ ундеръ. Губернаторша пристально оглядѣла меня, губернаторъ назвалъ «молодцомъ» и отослалъ въ людскую, гдѣ меня отлично накормили и увѣрили, что унтеръ, какъ учитель дѣтей князя, въ большой милости у него и у княгини, а потому считается домашнимъ человѣкомъ.—Въ казармы я вернулся съ чиновникомъ, который передалъ дожидавшемуся меня майору, что губернаторъ остался мною очень доволенъ. Тѣмъ не менѣе, нѣсколько сутокъ сряду меня терзали безпрерывными разспросами обо всемъ, что́ я слышалъ во «дворцѣ». Зная по опыту, къ чему все это клонилось,—я именно утаилъ это «все». Тогда вспомнили о моемъ сокрытіи первой встрѣчи съ губернаторомъ, и изъ мщенія, проманежили меня на часахъ всю ночь напролетъ.

Жизнь моя текла обычнымъ чередомъ. Я росъ подъ гнетомъ окружавшаго и сокрушавшаго насъ мрака, со звѣрствомъ пополамъ. Научился я читать съ прописи, писать, и, — по примѣру товарищей съ протекціями,—сталъ мечтать, какъ бы перебраться въ полковую канцелярію: тамъ занималось 30—40 человѣкъ кантонистовъ, и имъ,—какъ мнѣ издали казалось, — привольно жилось. Просить объ этомъ мнѣ предстояло, конечно, крестнаго. Но покуда я собирался съ духомъ — мое желаніе осуществилось. У крестнаго меня нерѣдко видалъ и ласково со мной обходился полковой казначей, поручикъ Курочкинъ (тоже изъ кантонистовъ), человѣкъ простой, добрый и женатый на богатой помѣщицѣ. Формально онъ считался начальникомъ крестнаго, но частно велъ съ нимъ знакомство домами и дружбу. Я хаживалъ къ нему отъ крестнаго съ бумагами и газетами. Однажды онъ и спросилъ меня: хочу ли я въ писаря въ его канцелярію? Я отвѣтилъ, разумѣется, утвердительно.

— Ладно. Никому объ этомъ, покамѣстъ, ни гу-гу. Сдѣлаемъ папашѣ сюрпризъ.

Digitized by Google

II.

Чрезъ нѣсколько дней, Курочкинъ отыскалъ меня въ классѣ, сказалъ что-то инспектору, древнему чиновнику Романову, велѣлъ мнѣ идти за собою и привелъ въ полковую канцелярію.

— Вотъ вамъ, Иванъ Ивановичъ, новый писарь,—прошу любить и жаловать,—заявилъ Курочкинъ крестному;—а тебѣ, Петя, честь и мѣсто,—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Научишься писать—чиновникомъ, какъ папаша, либо и офицеромъ, какъ я,—будешь.

Я то краснѣлъ, то блѣднѣлъ отъ волненія, но не находилъ слозъ для выраженія благодарности.

— Исполнишь, что̀ Петръ Петровичъ тебѣ сказалъ—счастливъ будешь, а нѣтъ—въ роту назадъ прогонимъ,—шутливо предупреждалъ меня крестный.

Оба поговорили между собою, подозвали къ себѣ писаря въ галунахъ, потолковали и съ нимъ; наконецъ, за кѣмъ-то послали. Явился красивый, здоровенный фельдфебель.

— Здравствуй, Алексѣевъ,—привѣтствовалъ его Курочкинъ. Не въ службу, а въ дружбу — прими, пожалуйста, къ себѣ на жительство вотъ этого молодца. Заниматься онъ будетъ здѣсь, у насъ, а на житье рѣшили мы помѣстить его къ тебѣ, за твое прекрасное поведеніе.

— Не откажитесь, пожалуйста, Алексѣевъ, исполнить нашу общую просьбу,—прибавилъ крестный. Петѣ нуженъ именно такой руководитель, какъ вы.

— Слушаю-съ. Въ точности исполню угодное вашимъ благородіямъ,—отвѣтилъ Алексѣевъ обоимъ сразу.

— И отлично. Такъ иди, распорядись встрѣтить гостя,—заключилъ Курочкинъ.

Алексѣевъ ушелъ. Меня отправили съ запискою и съ солдатомъ въ роту. Тамъ я сдалъ бывшія у меня смотровыя вещи, а будничныя и собственныя солдатъ принесъ со мною къ Алексѣеву. Онъ занималъ совершенно отдѣльную квартиру, возлѣ канцеляріи.

— Вотъ, Гавриловъ, онъ здѣсь будетъ жить,—заявилъ Алексѣевъ своему служителю, когда я явился съ моимъ скарбомъ.—Обижать его не смѣй: онъ крестникъ Палова и любимецъ казначея. Ты же, Петя, если будешь смиренъ и дружелюбенъ съ нами—во всемъ выгадаешь, а нѣтъ—прогадаешь,—продолжалъ онъ мнѣ. Главное—когда бы и кого бы ты тутъ ни видалъ, что̀ бы ни слыхалъ, никому объ этомъ ни слова; точно также крестному, либо казначею, не «сучить» (сплетничать). Смекаешь?

— Все по вашему стану дѣлать, только не обижайте меня: я и безъ того измаялся въ «живодернѣ»... Я чуть не заплакалъ, при одномъ воспоминаніи о ротѣ.

— Ты, я вижу, славный малый, пойдемъ со мной обѣдать.

Онъ показалъ мнѣ свои три комнаты, по барски меблированныя и убранныя, попотчивалъ меня мадерой и такими же тремя

Digitized by Google

вкусными кушаньями, какія я ѣдалъ у крестнаго, вывѣдалъ у меня все, что́ я зналъ про житье крестнаго и казначея, указалъ поставленную для меня въ передней кровать, снабженную всѣмъ нужнымъ, и разрѣшилъ мнѣ отдохнуть «послѣ трудовъ праведныхъ», что́ я охотно исполнилъ. Я проснулся уже въ сумеркахъ и услыхалъ говоръ:

— Пора, Анюта, тебѣ и домой: девять часовъ,—говорилъ Алексѣевъ.

— Ты, Гриша, другую, вѣрно, ждешь, что меня выпроваживаешь?—шутя, спрашивала женщина.—Нарочно ночевать останусь.

— Неловко, право, Анюта, неловко: онъ, по глупости, можетъ проболтнуться, а тогда....

— Коль скоро онъ постоянный твой квартирантъ, то не сегодня, такъ завтра, чрезъ день, чрезъ недѣлю—все равно пойметъ: шила въ мѣшкѣ не утаишь. Если онъ намъ помѣха, — ты бы отказался брать его къ себѣ.

— Этого-то и нельзя было сдѣлать: начальники выбрали изъ всѣхъ «штабныхъ» именно меня, оба просили, а просьба начальниковъ—приказаніе, которое надо исполнить. Къ тому жъ, чрезъ эту оказію я дознался, что состою на отличномъ счету у начальства, стало быть, меня и зачислили въ фельдфебеля не для чего другаго, какъ для производства, потомъ, прямо въ подпоручики, а не въ прапорщики, какъ изъ унтеръ-офицеровъ.

— Ну, ладно. Пусть и волки будутъ сыты, и овцы цѣлы. Приголубимъ мальчугана, онъ бываетъ въ благородныхъ домахъ, значитъ, съумѣетъ разсудить, что́ для него пріятно да полезно. Позови его сюда и посмотри, какъ я съ нимъ сразу полажу.

— Изволь. Эй, Гавриловъ. Разбуди-ка Петю; скажи ему, чтобъ пришелъ сюда чай пить.

Заслышавъ шаги Гаврилова, я притворился спящимъ, но, какъ только онъ меня окликнулъ, я вскочилъ, одѣлся, причесался и явился на зовъ.

— Здравствуй, Петя,—ласково привѣтствовала меня щегольски одѣтая, красивая, молодая блондинка, окинувъ пристальнымъ взглядомъ.—Извини, дружокъ, ежели тебя потревожили; мнѣ очень хочется подружиться съ тобой; не знаю только, согласишься ли ты на это.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ я, такъ какъ она сразу мнѣ понравилась простотою обращенія и добродушнымъ выраженіемъ лица.

— Я такъ и думала: ты, какъ слышно, умный, хорошій мальчикъ. Садись вотъ сюда, поближе ко мнѣ на диванъ, бери чай, булки и кушай на здоровье.

Я не заставилъ себя упрашивать.

— Есть у тебя мать?—начала она со мной разговоръ.

— Родная мать куда-то сослана, а крёстная, хотя и живетъ здѣсь въ городѣ, да она барышня, и у нихъ всегда бываетъ начальство. Я и хожу къ ней рѣдко,—откровенничалъ я.—А мнѣ скучно, ахъ, какъ скучно да тяжело, не съ кѣмъ бываетъ и слова по душѣ сказать...

Digitized by Google

— Я замѣню тебѣ мать: мнѣ жаль тебя, сироту.

— Въ матери ты, Анета, ему не годишься: молода больно,— перебилъ Алексѣевъ.

— Такъ считай меня, Петя, своею старшею сестрою, будь со мной во всемъ откровененъ: все, что тебѣ понадобится, говори мнѣ и тотчасъ же получишь. Словомъ, заживемъ, припѣвающи.

Я поблагодарилъ ее за участіе. Она долго пробесѣдовала со мною, пересмотрѣла мои скудные пожитки, наказала Алексѣеву— дать мнѣ изъ цейхгауза всякаго бѣлья, одежды и обуви по пяти паръ, а служителю, — чтобы мое бѣлье отдавалъ мыть прачкѣ Алексѣева; наконецъ, увѣрила меня, что я ни въ чемъ нуждаться не буду. Часовъ въ 11-ть, я съ ними поужиналъ и мы разошлись по своимъ мѣстамъ.

Стряхнувъ съ себя казарменный гнетъ, я захрапѣлъ богатырскимъ сномъ. Рано утромъ, Анна Михайловна, послѣ чаю, который я съ ними пилъ, совсѣмъ одѣлась и подарила мнѣ цѣлковый,—капиталъ, какой я впервые считалъ своимъ. Я поцѣловалъ ей за это руку, она мнѣ отвѣтила поцѣлуемъ въ щеку, наказала ждать ее чрезъ день, вечеромъ же, и ушла, вмѣстѣ съ Алексѣевымъ, къ себѣ домой. Послѣ ихъ ухода, мнѣ вдругъ взгрустнулось: я вспомнилъ, что пора идти въ канцелярію, а тамъ сидѣть между начальствомъ; оно же меня не приголубитъ такъ, какъ Анна Михайловна приголубила. Я даже прослезился... Уныло побрелъ я въ канцелярію и пробрался въ комнату, гдѣ былъ наканунѣ. Въ ней помѣщались казначейская и квартирмейстерская части. Было еще только 8 часовъ утра, но кантонисты уже писали. Одинъ изъ нихъ, молча, положилъ предо мной очиненное гусиное перо, нарафленный карандашемъ, чистый листъ бумаги, и отличнымъ почеркомъ написанный рапортъ,—какъ теперь помню,—инспектору учебныхъ полковъ. Я вопросительно взглянулъ на распорядителя.

— Списывай съ этого вотъ рапорта слово въ слово, букву въ букву и какъ можно красивѣе,—нехотя растолковалъ онъ мнѣ, ткнувъ пальцемъ въ бумагу.—Но Боже тебя сохрани замарать подписанный рапортъ: за это дёрка попадаетъ,—прибавилъ онъ, сѣлъ на свое мѣсто и заскрипѣлъ перомъ.

— Дёрка-то можетъ попасть тебѣ, Сергѣевъ, но никакъ не ему, хоть бы онъ и закапалъ рапортъ,—молвилъ кто-то съ другаго стола.—Не давай новичку важныхъ бумагъ.

— И то на чужомъ пиру, пожалуй, придется опохмѣляться,— спохватился Сергѣевъ, подскочилъ ко мнѣ, взялъ рапортъ, кинулъ мнѣ испорченный журналъ и велѣлъ съ него списывать.

Я принялся за работу, пыхтѣлъ, потѣлъ, но напрасно: я капалъ чернила, вралъ грамматически, пропускалъ цѣлыя строки, сбивался съ графъ и т. д. Сергѣевъ нѣсколько разъ всматривался въ мой трудъ, находилъ его никуда негоднымъ, вырывалъ у меня запачканные листы, совалъ мнѣ вмѣсто нихъ чистые, но я и ихъ портилъ.

— Да ты точно курица по бумагѣ бродишь,—сердито замѣ-

Digitized by Google

тилъ онъ.—Если такъ будешь пакостить—на тебя вѣдь и бумаги не напасешься. Тебѣ не писаремъ, а водовозомъ быть: азбуки толкомъ не знаешь.

Всѣ подняли головы и насмѣшливо переглянулись, а я покраснѣлъ со стыда, нагнулся къ самому столу и молчалъ. Я сознавалъ, что Сергѣевъ правъ.

— А ты, Сергѣевъ, некстати его распекаешь: за это тоже бѣду наживешь,—напомнилъ ему другой.—Знаешь, чай, почему онъ сюда попалъ? Ну, и остерегайся.

— Да онъ, ей-ей, въ буквахъ путается,—оправдывался Сергѣевъ,—а туда же въ канцелярію приползъ!..

— Съ его протекціей и безъ азбуки легко черезъ годъ надѣть галуны, а съ твоимъ и превосходнымъ почеркомъ 10 лѣтъ рядовымъ пробудешь.

— Галуны этимъ прихвостнямъ нужнѣе, чѣмъ намъ; мы ихъ и не заслуживаемъ скоро, хоть будь семи пядей во лбу.

Послышался скрипъ сапогъ и все смолкло. Вошелъ писарь въ галунахъ и красивомъ сюртукѣ изъ тонкаго сукна. Всѣ встали, поклонились ему и сѣли. Это былъ старшій казначейскій писарь Григорьевъ, лѣтъ 30-ти на видъ, средняго роста, гладко выбритый, но съ длинными бѣлокурыми волосами, зачесанными назадъ. Онъ приблизился ко мнѣ, взглянулъ на мою пачкотню и покачалъ головою.

— Плохонько, братъ, пишешь,—мягко замѣтилъ онъ мнѣ:—старайся хорошенько, чтобы папашѣ не конфузно было: онъ самъ, посмотри, какъ еще красиво пишетъ,—прибавилъ онъ, показавъ мнѣ въ дѣлѣ какую-то бумагу, и оставилъ меня въ покоѣ.

Къ 9-ти часамъ галунниковъ набралось 5-ть человѣкъ, и каждый изъ нихъ подходилъ ко мнѣ, морщился, совѣтовалъ внимательно вглядываться въ пропись, а я по прежнему продолжалъ портить листы, которые Сергѣевъ подавалъ мнѣ со сдержанной злобою. Еслибъ онъ имѣлъ право, онъ бы непремѣнно поколотилъ меня. Потъ градомъ катился съ моего лица, руки мои дрожали, въ глазахъ рябило. Я готовъ былъ сквозь землю провалиться со стыда. Одинъ изъ галунниковъ понялъ мученія и велѣлъ мнѣ отдохнуть. Я прислушался къ его бесѣдѣ съ товарищемъ, тоже въ галунахъ.

— Сегодня у насъ опять будетъ баталія: Ѳеоктистовъ вчера попался полковнику въ сѣронѣмецкой шинели,—сообщалъ одинъ другому.—Врядъ ли проститъ, нѣмчура проклятая!..

— Н-да, онъ изъ насъ душу хочетъ вымотать за наши египетскіе труды въ его пользу. Вспомнишь, сто разъ вспомнишь прежнихъ командировъ: къ генералу Биркову ходили мы на домъ въ тонкихъ шинеляхъ, которыя и шили намъ, по его приказанію, на казенный счетъ; къ праздникамъ награды намъ давалъ, офицерамъ запрещалъ придираться къ намъ, свободы нашей не стѣснялъ, все потому, что тогда всѣ нами дорожили. Генералъ открыто, помню, говаривалъ: «писаря для меня дороже всѣхъ: все управленіе въ ихъ рукахъ и я спокойно сплю, когда они

Digitized by Google

всѣмъ довольны». Полковникъ Наскинъ тоже обходился съ нами деликатно, объявлялъ: «пусть ходятъ, въ чемъ хотятъ, лишь бы дѣломъ усердно занимались». Нѣмчурѣ же все нипочемъ: дерюгу носить приказываетъ, розги на насъ распространилъ...

— Надо Готову написать, чтобы заступился за насъ.

— Писать-то, къ несчастію, опасно: почтмейстеръ, за подарки отъ нѣмчуры, задерживаетъ всѣ письма на имя Готова и передаетъ ихъ ему для прочтенія. Приходится ужь терпѣть до пріѣзда Готова съ инспекторомъ, и здѣсь попросить.

— А покуда Ѳеоктистовъ, человѣкъ чахоточный, беззащитенъ. Жаль, отъ души жаль мнѣ его: полвѣка убавятъ ему, бѣднягѣ.

— Кстати, знаете каптенармуса 3-й роты, Иванова?

— Какъ же! Разумный человѣкъ! только отъ долгаго хлопанья ружьемъ—грудь себѣ разбилъ. Самъ инспекторъ приказалъ его уволить изъ фронта и сдѣлать каптенармусомъ за долголѣтнюю службу. Ивановъ—кандидатъ изъ отказавшихся отъ офицерства, ему теперь до отставки со 120 рублями пенсіи осталось, кажется, не больше года.

— Такъ вотъ этотъ-то Ивановъ и приказалъ долго жить... отъ розогъ, давеча сказывалъ фельдшеръ.

— Какъ такъ? Кандидаты по закону избавлены отъ тѣлеснаго наказанія.

— Для нѣмчуры законы въ пользу подчиненныхъ не писаны. Ивановъ шелъ на прошлой недѣлѣ въ сумеркахъ въ баню, въ тулупѣ, чтобы не простудиться, и наткнулся на нашего звѣря. Онъ его узналъ, отправилъ на гауптвахту, а на утро приказалъ отсчитать сотню горячихъ. Ему доложили, что Ивановъ кандидатъ. Тогда онъ велѣлъ Иванову выбрать любое: или быть представленнымъ къ разжалованію въ рядовые, или добровольно получить сто розогъ. И батальонный, и квартермистръ упрашивали пощадить пожилаго, больнаго Иванова, да нѣмчура уперся на своемъ. И Ивановъ, испугавшись, какъ бы не потерять всю 24-лѣтнюю службу (въ рапортѣ вѣдь, что угодно, можно написать: бумага все стерпитъ) предпочелъ розги, получилъ ихъ сотню, переправился въ лазаретъ, а тамъ и умеръ...

— Нѣтъ, лучше ужь я сожгу калоши, а шинель продамъ кому нибудь изъ гарнизонныхъ писарей: они носятъ безпрепятственно.

— А я такъ хочу перевестись въ гарнизонъ для «совмѣстнаго жительства» съ братомъ и матерью. Знакомый отчасти и вамъ, писарь Петровъ обѣщалъ просить свое начальство и назваться братомъ, благо мы однофамильцы и оба незаконнорожденные.

— Ну, а какъ вмѣсто перевода, по бывшимъ уже примѣрамъ, взбучку получишь?

— Гм... И это можетъ статься. Тьфу ты, пропасть! Кхе... Кхе...—Галунникъ закашлялся.

Вошелъ высокій, весь лысый, пожилой офицеръ Звонаревъ,

Digitized by Google

полковой квартирмейстеръ. Всѣ вскочили. Онъ поклонился направо, и налѣво, и сѣлъ на свое мѣсто.

— Нѣтъ ли, Аѳанасьевъ, чего новенькаго?—дружески спросилъ Звонаревъ своего старшаго писаря.

— Есть, ваше бро-діе, новость, да печальная,—смѣло отвѣтилъ Аѳанасьевъ, мужчина среднихъ лѣтъ.—Очень печальная...

— Какая? освѣдомился Звонаревъ.—Опять...

Аѳанасьевъ разсказалъ ему объ угрожающей Ѳеоктистову бѣдѣ и о смерти Иванова.

— Да, послѣднее и я ужь знаю. Царство ему небесное,—печально проговорилъ Звонаревъ и набожно перекрестился.—Славный человѣкъ былъ Ивановъ: я зналъ его лѣтъ 15 сряду, хотѣлъ тоже заступиться предъ полковникомъ, да онъ меня самого распушилъ. «Мнѣ—говоритъ—не примѣръ генералъ Бирковъ, который занимался только псовою охотою, а полкомъ командовала канцелярія. Я,—говоритъ,—не намѣренъ подражать и полковнику Наскину, за котораго жена командовала полкомъ, съ помощью своихъ любовниковъ. Нѣтъ, я,—говоритъ,—не въ нихъ. Я водворю такой порядокъ, какой мнѣ нуженъ; я заставлю всѣхъ, начиная съ батальонныхъ командировъ и кончая послѣднимъ фурштатомъ, трепетать предо мной. И сами запомните, да и другимъ отъ моего имени все это,—говоритъ,—передайте»... Ради Бога, ребята, бросьте ваши калоши и сѣронѣмецкія шинели, а то и намъ съ вами не сдоброватъ...

— Чѣмъ же, позвольте узнать, ваше бро-діе, противны ему наши шинели?

— А Богъ его знаетъ чѣмъ!.. По моему, тонкія шинели, напротивъ, облагораживаютъ, отличаютъ васъ отъ солдатъ, въ глазахъ толпы. Но коль скоро полковнику неугодно позволять ихъ носить—творите волю пославшаго!

— Помилуйте, ваше бро-діе, вѣдь мы не строевые, чтобы поминутно чиститься, стричься, ходить со двора по билетамъ и проч.

— И намъ, братецъ, не легко съ нимъ служить, право, не легко, да дѣлать нечего: плетью обуха не перешибешь... Утѣшьтесь, покамѣстъ, хоть тѣмъ, что новая метла лишь сначала чисто мететъ. Авось, Богъ дастъ, и онъ уходится, все и возстановится по прежнему.

— Возстановится! надѣйтесь, Николай Григорьевичъ: непремѣнно возстановится!—перебилъ неслышно вошедшій, худой, какъ щепка, старикъ-учитель Шиловъ.—Надежда недаромъ же юношей питаетъ, а старцамъ подаетъ отраду,—прибавилъ онъ, совершивъ рукопожатіе, посмотрѣлъ мою работу, погладилъ меня по головѣ и продолжалъ:

— Однако ты, Петруша, неказисто пишешь и помогать мнѣ не скоро будешь. Впрочемъ ничего, не унывай: только еще начинаешь жить. Папаша ужо самъ тебѣ напишетъ пропись: вѣдь онъ первѣйшій въ мірѣ калиграфъ и по особому высочайшему повелѣнію, да по выбору главнѣйшаго въ Россіи сановника, графа Клейнмихеля, учитъ въ канцелярскомъ училищѣ правописанію

Digitized by Google

сыновей генераловъ и другихъ чиновныхъ лицъ. Вотъ каковъ твой папаша.

Все слышанное очень смутило меня. Я задумался, нечаянно толкнулъ локтемъ Шилова и испугался.

— Осторожнѣе, дружочекъ, осторожнѣе: я вѣдь бѣловую комисаріатскую книгу пишу и могу на нее капнуть, а за это ухъ какая баня постигнетъ насъ съ тобой.

Я окончательно растерялся.

Пришли наконецъ, вмѣстѣ, Курочкинъ и крёстный, поздоровались со всѣми, въ томъ числѣ, кивкомъ головы, и со мной.

— Э-э-э, какъ ты, Петръ, пачкаешь?—серьезно началъ крестный, разсматривая мое писанье.

— Не конфузьте его, Иванъ Ивановичъ,—смѣясь, вмѣшался Курочкинъ,—еще выучится, сидя у васъ подъ рукой. Посмотрите-ка лучше, какъ онъ одѣтъ, причесанъ—прелесть.

— Опрятность—одно, писаніе—другое; вы, если желаете,—можете наблюдать за его обмундировкой, а по ученью позвольте мнѣ ужь распорядиться.

— Все, все, зависитъ безспорно отъ васъ, только, пожалуйста безъ строгостей: я сегодня совершенно случайно встрѣтилъ Петину крестную, она вамъ кланяется, а узнавши, что онъ здѣсь,—просила меня покровительствовать ему; просьбы же хорошенькихъ барышень я всегда исполняю.

— Полковникъ идутъ!—крикнулъ кто-то изъ-за дверей.

Воцарилась тишина. Всѣ охорашивались, застегивались, приглаживались. Послышалось звяканье шпоръ, и средняго роста, рыжій, сухопарый полковникъ Деймарнъ перешагнулъ порогъ нашей комнаты. Всѣ вытянулись въ струнку, а офицеры и чиновники поклонились ему. Онъ вперилъ глаза въ стоявшаго противъ Курочкина—Григорьева.

— Отчего у тебя такіе длинные волосы, какъ у дьячка?—строго спросилъ полковникъ.

— Длинные волосы—его слабость, г. полковникъ,—шутливо отвѣтилъ за него Курочкинъ.

— Эта и другія слабости—вольнодумство, которыя я уничтожу. Отчего вы не смотрите за ними?

— Г. инспекторъ, въ прошломъ году инспектировавшій полкъ и узнавшій лично Григорьева (онъ занимался у него составленіемъ донесенія о состояніи всѣхъ полковъ) самъ изволилъ разрѣшить ему гладко не стричься, во вниманіе къ золотушному состоянію его головы и отличнымъ познаніямъ,—уже серьезно разъяснилъ Курочкинъ.

— Все это вздоръ, выдумки.

— Г. инспектору угодно было лично мнѣ все это выразить. Объ этомъ знаетъ и подполковникъ Гилатовъ, исправлявшій тогда должность полковаго командира.

— Какъ только я замѣчаю безобразія, всѣ они отстаиваются: то—приказаніями инспектора, то—одобреніями его писаря, то—личною извѣстностью бригадному и т. д., безъ конца! Вы, если

Digitized by Google

не ошибаюсь, сами тоже пользуетесь особеннымъ покровительствомъ г. инспектора и дружбою его писаря Готова?

— Да-съ, г. полковникъ, это правда,—съ гордостью признался Курочкинъ,—но я служу какъ слѣдуетъ, иначе все общество офицеровъ не выбирало бы меня три раза единогласно въ казначеи.

— Ваше выборное начало мѣднаго гроша не стоитъ. Остричь его на барабанѣ!

— Золотушность Григорьева, г. полковникъ, подтвердятъ и наши лѣкаря. Наконецъ, волоса его далеко не длинны.

— Что я приказываю, то и исполнять, а не разсуждать! Кто у васъ проставилъ въ требовательной вѣдомости на аммуничныя вещи меньше, чѣмъ слѣдуетъ получить, на пять тысячъ руб.?

— Я-съ ошибся, виноватъ, ваше высокородіе,—плаксиво зарапортовалъ Шиловъ.

— Виноватыхъ бьютъ-съ, дерутъ...

— Я на своемъ вѣку все это уже испыталъ, а отъ этого еле-еле брожу-съ. Повинную голову, смѣю доложить, и мечъ не сѣчетъ, а ваше высокородіе, я увѣренъ, великодушны. Доброта всегда присуща высокообразованнымъ, аристократическимъ начальникамъ, какимъ мы считаемъ васъ.

— Кто же мнѣ заплатитъ пять тысячъ?

— Я, по бѣдности моей, ничего заплатить не въ состояніи. О! еслибъ я имѣлъ не пять, а хоть двѣ только тысячи, я считалъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ и службу бросилъ бы, чтобы денно и нощно не бояться...

— Чего? розогъ, что ли?

— Точно такъ-съ, розогъ. Мы—люди маленькіе, безгласные, гдѣ же намъ защищаться?..

— Слѣдовательно, и васъ, чиновника, выдрать надо за эти пять тысячъ?

— Воля ваша: на то вы и начальникъ, чтобы карать и миловать, но вы—питаю надежду—переложите гнѣвъ на милость и ко мнѣ старику, и къ юношѣ Григорьеву: онъ мой ученикъ и знаетъ теперь все лучше меня. Онъ моя гордость, моя слава.

— Какъ же о пяти-то тысячахъ сдѣлать?

— Какъ вамъ угодно-съ. И безъ нихъ, осмѣливаюсь думать, не обѣднѣете, либо, ежели угодно, въ будущей вѣдомости наверстаемъ эту сумму.

— Я поѣду въ Москву за пріемкой и тамъ, по знакомству со всѣми, устрою въ комиссаріатской комиссіи такъ, что эту сумму довыдадутъ мнѣ,—вставилъ Курочкинъ.

— А если я командирую за пріемкой не васъ, а другаго офицера, тогда что будетъ?

— Тогда 5,000 руб. въ казнѣ и останутся [1]) за ваше, г. полковникъ, недовѣріе ко мнѣ, полковому казначею.

---

[1]) По закону, существовавшему въ то время, къ которому относится разсказъ, за предметы, пропущенные, хотя бы только по ошибкѣ, въ требовательной вѣдомости—казна денегъ не отпускала.

Digitized by Google

— Я отъ васъ эти деньги и потребую!

— А я донесу вамъ рапортомъ, что ихъ, по правиламъ, полку получать и не слѣдуетъ: онѣ неправильно были включены въ черновую вѣдомость.

— Посмотримъ, какъ это вы осмѣлитесь сдѣлать. Впрочемъ... Гм... Н-да,—прибавилъ онъ, какъ бы спохватившись, какъ удобнѣе поступить:—въ 5 часовъ будьте вы и г. Паловъ у меня; мы вмѣстѣ и рѣшимъ. А этотъ клопъ какъ сюда попалъ безъ моего вѣдома?—вдругъ указалъ онъ на меня.

— Извините, г. полковникъ, и меня, и Петра Петровича: мы взяли его пріучить къ писарской должности,—почтительно доложилъ крестный. Онъ, какъ я уже вамъ докладывалъ, мой крестникъ и безродный...

— Напрасно оторвали вы его отъ фронта: онъ, какъ фланговой знаменщикъ, вѣрно держитъ линію, а какъ ординарецъ—правильно рапортуетъ и изъ него выйдетъ хорошій унтеръ-офицеръ. Отдайте его назадъ въ роту.

Приказаніе это покоробило меня, и я чуть не зарыдалъ съ отчаянія.

— Окажите, г. полковникъ, вниманіе къ нашей общей покорнѣйшей просьбѣ, разрѣшите намъ оставить его здѣсь,—поддержалъ Курочкинъ.

— По протекціи генеральши Глуховой, и г. губернаторъ изволилъ имъ заинтересоваться, и не дальше, какъ третьяго дня, напомнилъ мнѣ въ канцелярскомъ училищѣ,—продолжалъ крестный.—Мнѣ заниматься съ нимъ всего удобнѣе, когда онъ ежедневно будетъ около меня. Онъ не чувствуетъ расположенія къ фронту.

— Зато избалуется тутъ.

— Будемъ неупустительно смотрѣть за нимъ.

— Онъ здѣсь,—надѣюсь,—принесетъ пользу,—присоединился къ моимъ ходатаямъ Звонаревъ.—Мальчикъ онъ шустрый, офицеры всѣ его знаютъ, и онъ будетъ разносить журналы и книги къ подписи.

— И моя жена, и его крестная, и генеральша Глухова тоже просили меня держать его при себѣ,—дополнилъ крестный.—Уважьте общее желаніе.

— Дамы, всѣ почтенныя дамы за него, а съ ними не сговоришь,—уже шутилъ Деймарнъ.

— Пусть останется. Въ защитники Шумитина и вы поспѣли, а отчего вы утромъ не доставили мнѣ провіантскихъ требованій?—вдругъ озадачилъ полковникъ Звонарева.

— Опоздалъ-съ: я былъ на отпѣваніи. Извините...

— Кто умеръ?

— Тотъ самый кандидатъ Ивановъ, изъ-за котораго вы изволили разсердиться....

— Гм!.. Деймарнъ вспыхнулъ, вспомнивъ, вѣроятно, что смерть Иванова чернымъ пятномъ легла на его совѣсть.—Вы бы дѣломъ лучше занимались, чѣмъ... чѣмъ... Ахъ, да! Адъютанта сюда!—раздражительно крикнулъ онъ..

Digitized by Google

Красивый и вертлявый, молодой офицеръ Безшабашневъ точно изъ земли выросъ въ нашей комнатѣ.

— Вчера вашъ Ѳеоктистовъ попался мнѣ въ сѣронѣмецкой шинели-съ. Я нѣсколько разъ запрещалъ носить эти шинели, но меня и слушать не хотятъ!... Дать Ѳеоктистову сто розогъ, при всѣхъ писаряхъ, учителяхъ и музыкантахъ, чтобы знали, что то же самое ждетъ каждаго изъ нихъ. Кромѣ того, собрать всѣ писарскія и учительскія шинели и при нихъ же сжечь на кострѣ.

— Сегодня же прикажете?

— Сейчасъ даже!—Онъ круто повернулся и быстро ушелъ, въ сопровожденіи Безшабашнева.

По нашей комнатѣ разнесся тяжелый, долгій вздохъ.

— Я вамъ, Матвѣй Астафьевичъ, очень благодаренъ, что выручили Михановa.

— Я хорошо знаю, что застрахованъ отъ розогъ, потому и принялъ на себя вину Михановa въ пропускѣ 5000 р., а лесть и меня выручила.

— Благодари же, Михановъ, Матвѣя Астафьевича за его доброту: еслибы не онъ, быть бы и тебѣ дранымъ, вмѣстѣ съ Ѳеоктистовымъ.

— Вѣкъ не забуду вашей услуги,—благодарилъ Шилова пожилой учитель, унтеръ-офицеръ Михановъ.

Солдатъ въ каскѣ доложилъ Курочкину и Звонареву, что всѣхъ писарей и учителей требуютъ на гауптвахту, съ ихъ сѣронѣмецкими шинелями.

— Отдайте ваши шинели; мы вамъ заплатимъ, что онѣ стоютъ, я—своимъ, а вы, Николай Григорьевичъ,—своимъ,—утѣшалъ Курочкинъ писарей.

— Разумѣется, лишь бы отъ грѣха дальше,—согласился Звонаревъ.

— Сдѣлайте, ваше бро-діе, намъ за одно ужь еще милость: освободите насъ отъ необходимости присутствовать при экзекуціи, взмолилось нѣсколько голосовъ.—Смотрѣть, какъ будутъ истязать товарища? Да это пытка!

Казначей посовѣтовался съ квартирмейстеромъ и оба отказали просителямъ въ ихъ просьбѣ, изъ опасенія нажить отъ полковника новыхъ непріятностей. Галунники, понуривъ головы, отправились на гауптвахту, откуда вернулись блѣдные, унылые, едва чрезъ часъ.

— Ну, что?—вполголоса спросилъ Михановa Шиловъ.

— Ничего,—мрачно отозвался Михановъ.—Сперва изрѣзали и сожгли 25 шинелей, а потомъ изодрали тѣло и Ѳеоктистову. Онъ, счетомъ, пять разъ замиралъ, ему давали освѣжиться водой, потомъ опять и опять стегали!... Подъ конецъ, онъ и стонать даже пересталъ [1]). А адьютантъ, — онъ распоряжался экзекуціею,— точно лакомился брызгами крови, летѣвшими кусками мяса... Не знаете ли, куда, ваше бро-діе, кинуться отъ этой адской жизни?

---

[1]) Этотъ бѣдняга умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

Digitized by Google

— Ау, братъ! Какъ ни кинь—все клинъ... Гдѣ же Алексѣй Григорьевичъ?

— Пошелъ съ досады домой: его вѣдь, дѣйствительно, на барабанѣ остригли по распоряженію адьютанта. А экзекуція еще продолжается: дерутъ музыканта за то, что гдѣ-то раздобылся запретными, по закону, сѣрными спичками и вздумалъ торговать ими въ казармахъ. Уф-фъ, какъ тошно!...

Открытіе, что писарямъ канцеляріи живется вовсе не привольно,—сильно меня опечалило.

В. Никитинъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

НА ТРОНѢ.

Историческій романъ изъ царствованія Людвига II баварскаго.

Клариссы Лоде.

XIV.

Герцогъ Фердинандъ въ волненіи мѣрилъ шагами свой кабинетъ. Его лобъ былъ гнѣвно нахмуренъ; глаза метали грозные взгляды на сына, который стоялъ у окна, понуривъ голову съ недовольной миной.

— И какъ могъ ты сдѣлать подобную глупость какъ разъ въ такой моментъ, въ такую рѣшительную минуту!—отрывисто говорилъ отецъ тономъ упрека и раздраженія.—Твое легкомысліе дѣлаетъ теперь сомнительной побѣду, подготовленную нами съ величайшими усиліями. Слухъ о скандальномъ происшествіи въ клубѣ дошелъ до принцессы—она страшно оскорблена. Развѣ прилично вести себя такимъ образомъ члену королевскаго дома и отцу семейства, подумай хорошенько! Ты въ такихъ годахъ, когда человѣку уже непростительно оставаться рабомъ своихъ страстей. Право, мнѣ серьезно приходитъ въ голову, что даже злополучный сумасбродъ, занимающій въ настоящее время тронъ Баваріи, при всѣхъ его чудачествахъ, все же достойнѣе своего высокаго сана, чѣмъ мой единственный сынъ, которому я долженъ буду передать послѣ своей смерти королевскую корону!

— Прошу тебя, милѣйшій отецъ, не заходить такъ далеко!—вспыхнулъ въ свою очередь взбѣшенный Генрихъ.—Ей богу, ты видишь вещи въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ. Ну, что такое въ сущности произошло? Клянусь тебѣ, что я не видалъ въ томъ домѣ прелестной маленькой графини, а слѣдовательно и не могъ съ нею говорить, какъ вдругъ совершенно некстати наткнулся на ея мужа. Не моя вина, если графиня Адлерсгорстъ имѣетъ

Digitized by Google

пріятельницъ въ такомъ притонѣ, какъ меблированныя комнаты г-жи Бергеръ, и если она является къ нимъ туда съ визитомъ!

— Пожалуйста, не лукавь и не впадай въ благородное негодованіе!—набросился на сына герцогъ, возмущенный его лицемѣріемъ.—Мнѣ извѣстно все: графиню заманили въ ловушку обманомъ; она получила письмо...

— А я ровно ничего не знаю про это,—настаивалъ принцъ.—Мнѣ только сказали, что Паула тамъ будетъ и—сознаюсь откровенно—я хотѣлъ воспользоваться случаемъ переговорить съ ней наединѣ.

— А кто предупредилъ тебя насчетъ этой счастливой случайности, нельзя ли спросить? Не хочу думать, чтобы аббатъ Эйхфельдъ былъ замѣшанъ въ такомъ некрасивомъ дѣлѣ. Но если онъ вздумалъ выбирать подобные пути, то я ему больше не союзникъ. Можешь передать это почтенному патеру!

Принцъ въ замѣшательствѣ покручивалъ усы.

— Тебѣ лучше самому объясниться съ аббатомъ, папа,—нерѣшительно замѣтилъ онъ, стараясь успокоить гнѣвъ отца.—Эйхфельдъ пріѣхалъ со мной и дожидается въ пріемной въ надеждѣ, что ты его примешь.

— Вотъ какъ!—Значитъ, ты позаботился захватить съ собою адвоката? Однако мнѣ кажется, что духовному лицу несовсѣмъ ловко оправдывать поступки, которые въ моихъ глазахъ не заслуживаютъ ни малѣйшаго извиненія.

Генрихъ не отвѣчалъ ни слова на эту новую вспышку досады разсерженнаго герцога и только замѣтилъ послѣ короткой паузы:

— Повидимому, аббатъ явился къ тебѣ съ важными новостями изъ замка Нейшванштейнъ.

— Тогда зачѣмъ же онъ мѣшкаетъ? Пусть войдетъ! —нетерпѣливо воскликнулъ старикъ.

Принцъ поклонился въ знакъ благодарности.

— А мнѣ ты, конечно, дозволишь удалиться?—Вѣдь я не политикъ и буду совершенно лишнимъ при важныхъ совѣщаніяхъ.

Герцогъ Фердинандъ снова нахмурилъ лобъ съ угрожающимъ видомъ.

— Между тѣмъ, давно бы тебѣ пора заинтересоваться политикой! Впрочемъ, принца Генриха пугаетъ всякое серьезное дѣло. Тогда ужь лучше уходи, но постарайся первымъ долгомъ помириться съ женою; она имѣетъ полное право быть недовольной.

Принцъ вторично раскланялся, не отвѣчая на отцовское наставленіе. По его губамъ скользнула усмѣшка. Онъ отлично

Digitized by Google

зналъ, что кроткая, благородная принцесса давно отказалась отъ супружескихъ правъ на него и требовала только соблюденія внѣшнихъ приличій. Но и это вполнѣ законное требованіе было нарушено принцемъ, слѣдствіемъ чего явился печальный инцидентъ съ графомъ Адлерсгорстомъ. Страсть къ графинѣ Паулѣ, съ одной стороны, и безотчетная ненависть къ ея мужу, съ другой, настолько ослѣпили Генриха, что онъ позволилъ себѣ переступить послѣднія границы благоразумія. Сынъ герцога унизился до грубаго насилія, уронивъ тѣмъ свое достоинство благовоспитаннаго человѣка и высокопоставленнаго лица. Но сдѣланнаго не воротишь! Однако принцъ все таки старался замаскировать свое прямое участіе въ низкой интригѣ, затѣянной аббатомъ. Онъ предоставлялъ другимъ таскать для него каштаны изъ горячей золы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему ни на одну минуту не приходило въ голову великодушно простить своего противника и замять скандальную исторію объ оскорбленіи его августѣйшей особы. Его ненависть къ Адлерсгорсту была непримиримой и носила скорѣе инстинктивный характеръ. Называя графа насмѣшливымъ именемъ «королевскаго любимца» и «временщика», сынъ герцога Фердинанда не могъ простить ему безспорнаго превосходства надъ собою и питалъ къ Адлерсгорсту безсильную злобу пресыщеннаго, изношеннаго кутилы къ человѣку въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья.

Проходя черезъ пріемную, принцъ ласково кивнулъ аббату, съ затаеннымъ нетерпѣніемъ ожидавшему аудіенціи герцога.

— Все идетъ отлично; отецъ ожидаетъ васъ,—бросилъ онъ ему мимоходомъ и такъ быстро направился къ выходу, точно боялся за собою погони.

Поспѣшно спустившись съ лѣстницы, Генрихъ сѣлъ въ карету. Изъ его груди вырвался вздохъ облегченія, какъ послѣ изнурительной работы.

Между тѣмъ аббатъ съ самымъ покорнымъ, заискивающимъ видомъ вошелъ въ кабинетъ герцога, который принялъ его съ нескрываемой холодностью.

— Принцъ сказалъ мнѣ, что вы имѣете сообщить какія-то извѣстія,—обратился онъ къ Эйхфельду.

Тотъ низко поклонился.

— Если вы позволите, ваше королевское высочество...

— Конечно. Говорите!..

— Только тутъ аббатъ позволилъ себѣ выпрямиться.

— Поутру до меня дошла важная новость: его величество намѣренъ сегодня ночью отбыть изъ замка Нейшванштейнъ въ сто-

Digitized by Google

лицу. Я испросилъ отпускъ у ея величества королевы, моей августѣйшей повелительницы, чтобы немедленно предупредить объ этомъ ваше королевское высочество.

— Только этого недоставало!—съ гнѣвомъ воскликнулъ герцогъ, пристально всматриваясь въ лицо аббата.—А кто хвастался нѣсколько дней назадъ, что непремѣнно помѣшаетъ переселенію короля въ Мюнхенъ?

— Ваше королевское высочество,—возразилъ Эйхфельдъ, смѣло поднимая голову и стойко выдерживая проницательный взглядъ старика,—я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ. Графъ Адлерсгорстъ удаленъ отъ короля...

— А!—грозно перебилъ его Фердинандъ,—такъ вы сознаётесь, что это дѣло вашихъ рукъ! Значитъ, это вы, вы...

— Да, я устроилъ такъ, чтобъ одна близкая мнѣ особа пригласила графиню Адлерсгорстъ въ тотъ домъ, и даже болѣе—чтобъ та же самая личность увѣдомила графа объ опасности, угрожающей его супругѣ.

Герцогъ, красный отъ негодованія, набросился на своего черезчуръ предпріимчиваго союзника.

— Нѣтъ, это уже слишкомъ! За такую низость, за такой необдуманный поступокъ, навлекшій позоръ на нашу семью, я привлеку васъ къ отвѣтственности, предамъ суду...

— Я получилъ отъ вашего королевскаго высочества позволеніе дѣйствовать,—хладнокровно отпарировалъ аббатъ вспышку бѣшенства запальчиваго герцога Фердинанда.

Тотъ невольно закусилъ губы.

— Правда, я позволилъ вамъ дѣйствовать, но подъ какимъ условіемъ? Его-то вы и нарушили самымъ дерзкимъ, непростительнымъ образомъ!

— Однако же, не въ такой мѣрѣ, какъ вы, ваше королевское высочество, можетъ быть, думаете въ настоящую минуту,—отвѣчалъ Эйхфельдъ вкрадчивымъ и медоточивымъ тономъ.—Что собственно произошло? Простое столкновеніе между кавалерами въ клубѣ... во время товарищескаго кутежа! Принцъ Генрихъ да и всѣ остальные, присутствовавшіе при этой исторіи, могутъ поклясться, что они не видали графини Адлерсгорстъ до той минуты, когда графъ напалъ на его высочество съ обнаженнымъ оружіемъ. Графиня Паула сама поступила опрометчиво, явившись безъ дальнихъ разсужденій по письму одной близко знакомой ей дамы въ меблированныя комнаты съ дурной репутаціей. И письмо это было не подложное, а написанное рукой той самой особы, о которой идетъ рѣчь.

Digitized by Google

Герцогъ прервалъ Эйхфельда нетерпѣливымъ жестомъ руки.

— Оставимъ это. Мнѣ противно слушать дальнѣйшія подробности гнусной исторіи. Боюсь, что ваша прославленная изворотливость надѣлаетъ намъ только лишнихъ бѣдъ. Сами же вы говорите, что король сбирается сегодня же ночью выѣхать въ Мюнхенъ. Вѣроятно, происшествіе съ его любимымъ адъютантомъ не только не помѣшало осуществленію этого плана, но даже ускорило отъѣздъ его величества.

— Ошибаетесь, ваше королевское высочество, отвѣчалъ аббатъ:— не будь Адлерсгорстъ раненъ, его величество былъ бы уже здѣсь.

Герцогъ вскинулъ голову съ недовѣрчивымъ видомъ. — Это какимъ образомъ?

— Все было уже готово къ тайному переселенію короля въ столицу и, только благодаря посланному мною анонимному письму, Адлерсгорстъ былъ принужденъ покинуть замокъ Нейшванштейнъ, а его величество отложилъ на нѣсколько дней свой отъѣздъ.

Герцогъ пожалъ плечами.

— Что значитъ такая ничтожная отсрочка?

— Если, ваше королевское высочество, вы рѣшитесь воспользоваться инцидентомъ въ клубѣ, то... государь *никогда* не вернется въ Мюнхенъ.

Фердинандъ старался сохранить равнодушную мину на своемъ лицѣ и опустился на стулъ.

— Любопытно послушать, что вы мнѣ посовѣтуете.

— Ваше королевское высочество, конечно, предадите графа военному суду?

— Ни въ какомъ случаѣ. Напротивъ, я рѣшилъ дѣйствовать совсѣмъ иначе. Принцъ былъ самъ виноватъ и, по моему мнѣнію, для обѣихъ сторонъ будетъ гораздо лучше, по возможности, замять это непріятное происшествіе.

Настала очередь аббата изумиться такому рѣшенію.

— Ваше королевское высочество крайне великодушны,—замѣтилъ онъ съ неудовольствіемъ,—но я полагаю, что великодушіе не должно препятствовать разслѣдованію дѣла, такъ какъ его величество съ своей стороны намѣренъ предать его гласному суду.

— И вамъ въ точности это извѣстно, аббатъ?

— Я получаю свѣдѣнія изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ,—отвѣчалъ тотъ съ холодной усмѣшкой.

— Теперь мнѣ понятно, почему вы желали бы избѣжать вмѣшательства уголовнаго суда въ затѣянную вами кутерьму.

— Ошибаетесь, ваше королевское высочество. Я желалъ бы въ настоящемъ случаѣ избѣжать огласки не ради себя, а изъ

Digitized by Google

уваженія къ чести королевскаго дома, репутація котораго должна оставаться незапятнанной.

— Гм!—произнесъ герцогъ, поднимая на говорившаго мрачный взглядъ и подперевъ рукою щеку. Этого, дѣйствительно, слѣдовало бы избѣгнуть всѣми средствами.

— Еще разъ смѣю просить ваше королевское высочество обдумать хорошенько, не лучше ли будетъ обратиться къ военному суду...

— Нѣтъ, нѣтъ,—съ горячностью прервалъ Фердинандъ,—мнѣ противна самая мысль объ этомъ....

— Ну, тогда, по крайней мѣрѣ, не упускайте изъ рукъ возможности прибѣгнуть къ крайнему средству. Предложите его величеству компромиссъ!

Герцогъ быстро вскинулъ глаза на аббата.—Компромиссъ?—повторилъ онъ задумчиво.—Да, пожалуй, здѣсь можно найти выходъ изъ затрудненія... Только вѣдь король не пойдетъ на уступки!

— Не пойдетъ?—возразилъ аббатъ, загадочно улыбаясь.—Вашему королевскому высочеству слѣдуетъ только рѣшительно предъявить свои условія. Если его величество захочетъ настаивать на своемъ переѣздѣ въ Мюнхенъ и на разборѣ дѣла судебнымъ порядкомъ, то ваше королевское высочество, въ качествѣ главнокомандующаго арміей, настаивайте на безпощадномъ примѣненіи своей власти! Искренняя дружба, какую питаетъ король къ графу Адлерсгорсту, заставитъ государя какъ можно скорѣе избавить своего любимца отъ всякихъ непріятностей и душевныхъ потрясеній. Если вашему королевскому высочеству удастся найти надежнаго человѣка, способнаго повести отъ вашего лица переговоры съ королемъ, тогда мы смѣло можемъ разсчитывать на успѣхъ, хотя бы уже въ одномъ отношеніи...

— А именно?

— Мы удержимъ его величество вдали отъ Мюнхена.

Фердинандъ вопросительно взглянулъ на аббата. На его лицѣ выражалось напряженное ожиданіе.

— Я васъ не понимаю.

Голосъ Эйхфельда понизился до шопота.

— Съ этой цѣлью слѣдуетъ только—разумѣется, въ самой деликатной формѣ—сообщить его величеству, къ какому роковому выводу пришли врачи относительно состоянія здоровья августѣйшаго паціента.

— Ни слова болѣе!—воскликнулъ герцогъ, блѣднѣя.—Это было бы жестокостью, на которую я никогда не соглашусь.

Эйхфельдъ смиренно опустилъ голову.

Digitized by Google

— Какъ угодно вашему королевскому высочеству! Однако это дѣло, все равно, не можетъ долго оставаться тайной и, пожалуй, было бы гораздо гуманнѣе подготовить исподволь его величество къ такому печальному открытію. Истина должна обнаружиться передъ нимъ рано или поздно. Узнавъ ее, государь, при его нелюдимости, навѣрно не захочетъ публично показаться въ столицѣ.

Еще мрачнѣе нахмурился лобъ герцога; слова аббата несомнѣнно подѣйствовали на него; Эйхфельдъ убѣдился въ томъ, незамѣтно наблюдая за своимъ собесѣдникомъ изъ подъ полуопущенныхъ вѣкъ.

— А какъ вы думаете,—спросилъ наконецъ старикъ, послѣ нѣкоторой паузы,—кто могъ бы взять на себя такое непріятное порученіе?

— Если ваше королевское высочество позволите мнѣ подать вамъ совѣтъ, то я предложилъ бы графа Гольдберга!—былъ отвѣтъ.

— Какъ! бывшаго друга и повѣреннаго короля? Какой неудачный выборъ!

— Графъ Гольдбергъ, какъ другъ, успѣлъ изучить странности государя и вмѣстѣ съ тѣмъ его чуткую, нѣжную душу. Кто же съумѣетъ взяться за дѣло деликатнѣе его? Съ другой стороны, человѣкъ, добивающійся отличія, долженъ быть готовъ на все, чтобы заслужить благоволеніе и признательность вашего королевскаго высочества!

Герцогъ вскочилъ и принялся мѣрить комнату тревожными шагами.

— Ахъ, какъ все это гадко, отвратительно! — шептали его губы. Зачѣмъ обстоятельства вынуждаютъ меня прибѣгать къ подобнымъ средствамъ? Однако, вы правы, аббатъ. Ни подъ какимъ видомъ нельзя допустить, чтобы король явился сюда. Это послужило бы новымъ поводомъ уронить честь нашей семьи. Подумайте: одинъ изъ членовъ королевскаго дома преданъ уголовному суду! Какой позоръ передъ цѣлымъ свѣтомъ!

— Его величество непремѣнно сдѣлаетъ это; стоитъ ему только явиться въ Мюнхенъ,—перебилъ аббатъ, втайнѣ торжествуя побѣду.—Мнѣ сообщили, что государь, узнавъ о рѣшеніи семейнаго совѣта—лишить его королевской власти, вышелъ изъ себя и грозилъ предать суду своихъ враговъ, «какъ государственныхъ измѣнниковъ, безъ различія званія».

Фердинандъ перемѣнился въ лицѣ и одинъ моментъ смотрѣлъ на Эйхфельда, совершенно растерявшись.

— Онъ, пожалуй, способенъ на это,—прошепталъ герцогъ.—

Digitized by Google

Клянусь честью, подобная трагикомедія окончательно сдѣлала бы насъ посмѣшищемъ народа и всей Европы. Я и теперь вижу, какъ расшатываются твердые устои баварскаго трона, какъ рушится весь государственный строй! А наши враги поспѣшатъ воспользоваться внутренними безпорядками въ странѣ.

— Ваше королевское высочество,—прошепталъ аббатъ, только одно слово, и всякая опасность будетъ устранена.

— Вы ручаетесь мнѣ въ томъ?

— Своею головою!

— Отлично. Тогда я уполномочиваю васъ дѣйствовать. Переговорите съ графомъ Гольдбергомъ. Если онъ согласенъ, то пусть явится ко мнѣ завтра въ пріемные часы.

Фердинандъ сдѣлалъ рукою знакъ, что аудіенція кончена; однако аббатъ медлилъ уходить.

— Что такое еще?—нетерпѣливо спросилъ его герцогъ.

— Я позволю себѣ сдѣлать одинъ вопросъ: не перемѣните ли, ваше королевское высочество, теперь своихъ намѣреній относительно графа Адлергорста? Если онъ вернется къ государю, то мы снова очутимся въ опасности.

Старикъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Вамъ извѣстно уже мое мнѣніе объ этомъ, аббатъ; я не измѣню его. Давъ слово королю освободить графа отъ всякой отвѣтственности, я и сдержу свое обѣщаніе. Адлерсгорстъ будетъ свободенъ, когда выздоровѣетъ.

Съ этими словами, герцогъ повернулъ спину Эйхфельду, склонявшемуся передъ нимъ чуть не до земли; аббатъ молча удалился, не осмѣливаясь на дальнѣйшія возраженія.

Еще долго Фердинандъ расхаживалъ по комнатѣ, мучась самыми противоположными чувствами. При его правдивости, ему было тяжело дѣйствовать окольными путями тамъ, гдѣ онъ гораздо охотнѣе выступилъ бы съ поднятымъ забраломъ. Однако, множество условій заставляло герцога заглушить голосъ своего, въ сущности добраго, сердца. Жребій брошенъ, отступленіе невозможно. То, что послѣ долгихъ лѣтъ нерѣшимости и колебанія, признано наконецъ необходимымъ, должно быть исполнено для блага родины и въ огражденіе чести королевскаго имени. Въ силу роковыхъ обстоятельствъ, герцогъ Фердинандъ стоялъ теперь во главѣ государства и не имѣлъ права поступать малодушно тамъ, гдѣ все было поставлено на карту. Боже! онъ дѣйствовалъ бы совершенно иначе, еслибъ непобѣдимое упорство короля не вынуждало его къ насильственнымъ мѣрамъ, противъ которыхъ возмущалось въ немъ чувство

Digitized by Google

человѣколюбія. Но Людвигъ II былъ душевно боленъ, а, слѣдовательно, невмѣняемъ и неправоспособенъ. Такъ рѣшили врачи. Къ чему же дольше колебаться? Герцогъ Фердинандъ выпрямился, глубоко вдыхая воздухъ, какъ будто хотѣлъ стряхнуть непріятный гнетъ, тѣснившій ему грудь. Но напрасно: у него по прежнему спирало дыханіе. Онъ, наконецъ, понялъ, что его душитъ тяжесть отвѣтственности, заставляющей невольно содрогаться слабую человѣческую природу. Да, страшна отвѣтственность передъ всевышнимъ неподкупнымъ Судіею! Онъ даруетъ власть «царствующимъ и господствующимъ», но въ свое время потребуетъ у нихъ строгаго отчета—и горе тѣмъ, кто злоупотребитъ своимъ могуществомъ!

XV.

Лунная зимняя ночь въ горахъ! Кому по опыту знакомо ея очарованіе, тотъ пойметъ удовольствіе быстрой ѣзды по санному пути, когда фосфорическій свѣтъ мѣсяца прихотливо дробится на поверхности далекихъ горныхъ ледниковъ. Со стремительной быстротой мчатся впередъ, предшествуемыя всадникомъ, легкія санки, въ видѣ золотой раковины. Въ нихъ сидитъ король, спѣшащій въ Мюнхенъ. Художественно выточенная изъ дерева, фигура Фортуны на передкѣ экипажа простираетъ побѣдный вѣнокъ надъ лошадьми. Великолѣпные кони, масти «Изабелла», въ богатой упряжи летятъ, какъ молнія, едва касаясь земли стройными копытами. Дорога пролегаетъ по густому хвойному лѣсу. По обѣимъ сторонамъ ея высятся мощныя ели; ихъ мохнатыя вѣтви осыпаны снѣгомъ. Статуя Фортуны порою скрывается въ тѣни деревьевъ, но потомъ санки выѣзжаютъ на болѣе открытое мѣсто, и лунный свѣтъ отражается на золотомъ вѣнкѣ въ рукахъ богини счастья. Король долго любовался этой прихотливой игрою свѣта и тѣни.

«Такъ было и въ моей жизни,—думаетъ онъ:—безпрерывная борьба между свѣтомъ и мракомъ; наконецъ, мракъ превозмогъ. Такъ *было* въ моей жизни? А развѣ теперь нѣтъ того же самаго? Неужели я отжилъ? Неужели будущность не можетъ больше дать мнѣ вѣнковъ,—вотъ такихъ золотыхъ побѣдныхъ вѣнковъ, какой держитъ передо мной Фортуна?» И внутренній голосъ явственно и неумолимо отвѣчалъ королю Людвигу: «Нѣтъ!» Онъ не могъ уже смотрѣть на жизнь глазами, полными надежды, какъ смотрятъ тѣ, кому улыбается что нибудь впереди. А тому, кто все

Digitized by Google

похоронилъ, нечего ждать отъ будущаго ни цвѣтовъ, ни плодовъ. «Міръ сдѣлался мнѣ чуждъ и я ему также», продолжалъ свои горькія размышленія повелитель Баваріи. «Но моя ли въ томъ вина? Можетъ быть, и такъ. Но гораздо больше виноваты люди, которые обрекли на невольное одиночество мою молодую душу, жаждавшую любви и счастья. А между тѣмъ долгъ снова призываетъ меня обратно къ жизни, въ мірскую суету, въ сумятицу большаго города, на арену дикихъ человѣческихъ страстей. И я спѣшу на этотъ призывъ ради своего единственнаго друга, котораго задумали погубить, именно потому, что онъ мнѣ дорогъ».

При этомъ воспоминаніи, король подался впередъ, сжимая кулаки. Онъ узналъ отъ Георга всю истину. Ему извѣстенъ теперь низкій заговоръ противъ его личности. «Слава Богу», говоритъ про себя Людвигъ, «я пока еще король, я имѣю власть защитить тѣхъ, кто мнѣ дорогъ; и, какъ древній Зевсъ, могу поразить громомъ дерзкихъ, осмѣлившихся поднять руку на мое достояніе. Я *пока еще* король, но надолго ли? Будетъ ли народъ ликовать при видѣ меня, какъ предсказывали мнѣ друзья, или столичное населеніе сбѣжится смотрѣть на своего монарха, какъ на рѣдкаго диковиннаго звѣря, котораго показываютъ на ярмаркахъ? Боюсь, что случится послѣднее. Мнѣ всегда были ненавистны публичныя овація, ликованья безсмысленной толпы. Она и теперь, какъ во времена Спасителя, готова кричать сегодня: «Осанна!» а завтра: «Распни, распни его!» Я всегда жаждалъ сознательной любви; хотѣлъ, чтобъ меня цѣнили по моимъ достоинствамъ, чтобы меня понимали. О, еслибъ я былъ такимъ же, какъ другіе, стоящіе выше остальнаго человѣчества; еслибъ я могъ упиваться поклоненіемъ, забывая обо всемъ въ чаду похвалъ и лести, которыми окружали когда-то юнаго властелина Баваріи; еслибъ я могъ довольствоваться пошлыми наслажденіями и спокойно позволялъ управлять собою тѣмъ, кто былъ готовъ раздѣлить со мной государственныя заботы!.. Да, еслибы!.. Но я всегда былъ черезчуръ самостоятеленъ. Я хотѣлъ и думать самъ за себя, и доискиваться сути вещей, не желая, чтобы другіе втирали мнѣ очки. Впрочемъ, теперь во всякомъ случаѣ слишкомъ поздно поправить прошедшее»!

Король подался впередъ. Небо начинало уже свѣтлѣть. На востокѣ чуть брежжилъ разсвѣтъ, и въ той же сторонѣ, посреди однообразной снѣжной равнины, сверкало что-то похожее на расплавленный свинецъ. То было Тегернское озеро; края его замерзли, а средина осталась свободной ото льда. Между голыхъ

Digitized by Google

деревьевъ королевскаго парка мелькали уже стѣны за́мка Гогеншвангау, гдѣ высокаго путешественника ожидалъ горячій завтракъ. Легкая дрожь пробѣжала по тѣлу короля. Горькія воспоминанія, которыхъ онъ такъ старался избѣгать, хлынули цѣлымъ потокомъ ему въ душу. Здѣсь, въ стѣнахъ этого за́мка, онъ пережилъ и величайшее счастье, и самыя жгучія страданія! Здѣсь протекло его блаженное, хотя и не безоблачное дѣтство. Покойный отецъ воспитывалъ, пожалуй, черезчуръ строго впечатлительнаго ребенка, будущаго короля Баваріи. Но все же то было блаженное время; Людвигъ любилъ учиться, обладая страстной жаждой знанія, и, кромѣ того, здѣсь ему приходилось жить среди природы, которая для него всегда была полна заманчивыхъ тайныхъ откровеній. Вскорѣ онъ перенесъ тяжелую утрату: скончался его строгій, но все таки горячо любимый отецъ. Смерть застигла покойнаго короля слишкомъ рано, когда сынъ еще не успѣлъ достаточно подготовиться къ своему высокому призванію. Такимъ образомъ, Людвигу пришлось взойти на тронъ въ самомъ нѣжномъ юношескомъ возрастѣ. Печаль о потерѣ отца была первымъ серьезнымъ горемъ въ его жизни, и это горе глубоко потрясло молодое сердце. Потомъ настало опять счастливое время первыхъ годовъ царствованія, когда юноша-король стремился осуществить въ дѣйствительности свои дорогіе идеалы; конечно. и тутъ дѣло не обходилось безъ огорченій. Уже и тогда наклонности Людвига вызывали недовольство. Родня и приближенные давали ему это чувствовать; онъ подвергся порицанію, потому что искалъ новыхъ путей, уклоняясь отъ проторенныхъ дорогъ. Однако эти мелкія невзгоды не особенно дѣйствовали на молодаго государя. Онъ былъ король и надѣялся сломить сопротивленіе недовольныхъ, подчинивъ ихъ своей власти. Какая наивность! Ему самому пришлось въ концѣ концовъ сложить оружіе. Его самого согнули—съ нимъ начали играть; его довѣріе къ людямъ обратили въ орудіе обмана. Его горячее сердце сдѣлали мишенью для безжалостныхъ нападеній, чтобъ ему было больно, чтобъ король Людвигъ сталъ также равнодушенъ къ дружбѣ и любви, какъ большинство людей. Дружба и любовь! Какъ сразила его измѣна первой любви! Но тутъ явилась «она», чудное созданіе; ея безкорыстная привязанность исцѣлила всѣ душевныя раны Людвига; заставила его позабыть все, что̀ было выстрадано, вознаградила за всѣ утраты. Онъ былъ счастливъ съ нею въ высшемъ значеніи слова! Многіе ли могутъ сказать это о себѣ? Многимъ ли удалось испытать полноту блаженства, какъ ему? Но это было только одно мгновеніе. Слишкомъ короткое и мимолетное

Digitized by Google

счастье исчезло, какъ сонъ. Короля насильно разлучили и съ другомъ, и съ любимой женщиной, а съ ними вмѣстѣ Людвигъ навсегда утратилъ душевный міръ. Король прикрылъ глаза рукою. Тѣни умершихъ промелькнули передъ нимъ, какъ живые. «Рейнгардъ! Франциска? Вы нашли успокоеніе», прошепталъ онъ: «скоро ли я соединюсь съ вами навѣки?»

Сани остановились. Незнакомое лицо встрѣтило короля на порогѣ зáмка. Старикъ Лауэ также скончался годъ назадъ. Въ уютныхъ комнатахъ, которыя Людвигъ нѣкогда украшалъ съ такою любовью и куда уже много лѣтъ заглядывалъ только по неволѣ, былъ сервированъ завтракъ. Камердинеръ Липпертъ, прибывшій сюда раньше государя, поспѣшилъ снять съ короля верхнюю одежду и хлопоталъ о томъ, чтобы доставить своему августѣйшему господину всевозможныя удобства послѣ утомительнаго ночнаго пути. Добродушныя черты старика выражали тревогу—ясный признакъ, что у него была какая-то недобрая вѣсть. Обыкновенно король примѣчалъ это очень скоро и спрашивалъ любимаго слугу, что̀ съ нимъ. Но сегодня онъ не обратилъ вниманія на старика, поглощенный своими думами, которыя занимали его всю дорогу. Наконецъ, однако, возраставшее съ каждой минутой безпокойство камердинера бросилось въ глаза государю.

— Что̀ случилось, Липпертъ?—спросилъ онъ прямо.

— Ваше величество,—отвѣчалъ тотъ коротко и не задумываясь, потому что король любилъ именно такіе быстрые отвѣты,—господинъ графъ фонъ-Гольдбергъ еще вчера вечеромъ прибылъ сюда съ порученіемъ отъ его королевскаго высочества герцога Фердинанда.

Король вскочилъ съ мѣста.

— Неужели и здѣсь не хотятъ оставить меня въ покоѣ, устраиваютъ мнѣ ловушки? Я не хочу видѣть графа, въ особенности теперь!

— Простите, ваше величество,—осмѣлился возразить Липпертъ,—я слышалъ отъ графа Гольдберга, что здѣсь дѣло идетъ о графѣ Адлерсгорстѣ.

Людвигъ нахмурилъ лобъ. Онъ старался подавить свое отвращеніе къ бывшему любимцу и наконецъ сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ, пусть подождетъ меня въ рабочемъ кабинетѣ. Но пускай не распространяется много и передастъ свое порученіе въ короткихъ словахъ. Я не намѣренъ здѣсь долго оставаться.

У короля мелькнула въ эту минуту страшная мысль: «А что, если Адлерсгорсту хуже, или онъ уже скончался? Развѣ этого

Digitized by Google

не можетъ случиться? Судьба такъ часто была ко мнѣ безжалостна, отнимая у меня то, чѣмъ я дорожилъ». Людвигъ встревожился и поспѣшилъ окончить завтракъ. Съ нервнымъ подергиваньемъ въ мускулахъ все еще прекраснаго лица, онъ взошелъ, нѣсколько минутъ спустя, въ рабочій кабинетъ. Изъ окна этой комнаты, взбѣшенный измѣной принцессы Алисы, своей невѣсты, король выбросилъ когда-то на дворъ замка собственный мраморный бюстъ, подарокъ невѣрной дѣвушки. У того же окна стоялъ теперь графъ Гольдбергъ, его прежній другъ, пользовавшійся долгіе годы неизмѣннымъ расположеніемъ государя, которому понравились въ немъ музыкальный талантъ и любовь къ искусству. Но впослѣдствіи король убѣдился въ полной безхарактерности и ненадежности этого человѣка, всегда готоваго повернуть въ ту сторону, куда подуетъ вѣтеръ. Внѣшность графа была также безупречна, какъ и всегда, его поклонъ почтителенъ и низокъ, однако Людвигъ тотчасъ замѣтилъ, что Гольдбергу предстоитъ исполнить нелегкую миссію; въ красивыхъ, хотя не особенно выразительныхъ чертахъ придворнаго можно было прочесть плохо скрытое безпокойство.

— Вы присланы съ порученіемъ отъ его высочества, герцога Фердинанда, господинъ графъ?—заговорилъ государь, приглашая Гольдберга садиться и самъ опускаясь въ кресла напротивъ, но такъ, чтобы его лицо оставалось въ тѣни. Король не любилъ чувствовать на себѣ испытующій взглядъ во время разговора.

Графъ повиновался и ловко повелъ заранѣе обдуманную рѣчь, предлагая государю отъ имени герцога пойти на взаимныя уступки въ дѣлѣ между принцемъ Генрихомъ и графомъ Адлерсгорстомъ.

— Очень благодаренъ его высочеству герцогу за его старанія оправдать моего адъютанта,—но не могу однако съ нимъ согласиться въ остальномъ. Злокачественные нарывы гораздо лучше вскрывать, чтобы избѣгнуть зараженія крови.

Графъ Гольдбергъ слегка откашлялся.

— Позволю себѣ напомнить вашему величеству, что было бы неловко компрометировать одного изъ членовъ августѣйшей фамиліи... На герцогскій домъ падетъ такое пятно...

— И вполнѣ заслуженно,—перебилъ король.

— Допустимъ такъ,—съ удареніемъ продолжалъ графъ,—но, кромѣ того, здѣсь замѣшана въ дѣло честь женщины, на которую будетъ наброшена тѣнь. Вѣдь нельзя отрицать того факта, что супругу Адлерсгорста застали въ домѣ сомнительной репутаціи.

Людвигъ сдѣлалъ быстрое движеніе рукою.

— Оставимъ это. Вы знаете также хорошо, какъ и я, госпо-

Digitized by Google

динъ графъ, что молодая женщина не виновна. Не трудно распутать нити интриги, затѣянной хотя довольно искусно, но не настолько замысловато, чтобы нельзя было ее разоблачить.

Графъ Гольдбергъ почти растерялся. Значитъ, королю были лучше извѣстны подробности дѣла, чѣмъ онъ могъ предполагать. Оставалось теперь задѣть другія струны.

— Во всякомъ случаѣ, въ видахъ поправленія здоровья графа Адлерсгорста, было бы не лишнимъ избавить больнаго отъ душевныхъ волненій, которыя повлечетъ за собою двойной судебный процессъ, потому что его высочество герцогъ Фердинандъ намѣренъ предать графа военному суду за нарушеніе дисциплины, въ томъ случаѣ, если вашему величеству будетъ угодно привлечь къ отвѣтственности принца.

Людвигъ немного помолчалъ.

— Прошу васъ, будьте откровенны до конца, господинъ графъ!—снова началъ онъ послѣ нѣкоторой паузы.—Конечно, вы прискакали изъ столицы ночью въ замокъ Гогеншвангау и, такъ сказать, накрыли меня здѣсь не для того, чтобы выманить у меня обѣщаніе замять непріятную исторію?

Придворный снова смутился, пораженный замѣчаніемъ короля. Не смотря на свое безспорно болѣзненное состояніе, Людвигъ не утратилъ свойственной ему проницательности, причинявшей столько затрудненій его противникамъ. Онъ обладалъ удивительной вѣрностью взгляда и тотчасъ угадывалъ истину, какъ бы искусно ее ни маскировали. Гольдбергъ не могъ скрыть своего смущенія при такомъ неожиданномъ оборотѣ разговора. Но если отъ него требовали откровенности, то онъ рѣшился высказаться прямо. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ это былъ вѣрнѣйшій путь къ успѣху.

— Вашему величеству угодно знать всю правду? Тогда, всемилостивѣйшій государь, заранѣе прошу прощенія: мои слова могутъ показаться черезчуръ смѣлыми и обидными...

Лобъ короля замѣтно омрачился; однако Людвигъ сдѣлалъ знакъ рукою, приглашая графа продолжать свою рѣчь.

— Вотъ въ чемъ дѣло, ваше величество,—началъ придворный, понизивъ голосъ:—я получилъ тайное порученіе отъ герцога удержать ваше величество отъ поѣздки въ Мюнхенъ, если это возможно.

— Я такъ и зналъ!—съ досадой воскликнулъ Людвигъ.—Между тѣмъ, хоть я и убѣжденъ, что мое присутствіе въ столицѣ не желательно моимъ милѣйшимъ—тутъ онъ горько засмѣялся—почтеннѣйшимъ родственникамъ, но я не думаю отступать отъ

Digitized by Google

своего намѣренія и черезъ нѣсколько часовъ буду въ мюнхенскомъ королевскомъ дворцѣ!

Говоря такимъ образомъ, король вскочилъ; его лицо покраснѣло; въ словахъ и движеніяхъ обнаруживалось сильное волненіе. Графъ также поднялся съ мѣста.

— Въ такомъ случаѣ, я долженъ предположить, что вашему величеству неизвѣстно, насколько рискованно будетъ въ данный моментъ публичное появленіе вашей августѣйшей особы въ столицѣ,—замѣтилъ онъ.—Такой поступокъ можно объяснить только необдуманнымъ порывомъ сангвиническаго темперамента.

— Не ослѣпленіе сангвиника, а чувство дружбы руководитъ мною въ настоящую минуту, графъ,—возразилъ король, багровый отъ гнѣва,—между тѣмъ какъ вашими устами говоритъ коварство моихъ враговъ.

Гольдбергъ поникъ головой, какъ будто подавленный тяжестью этого обвиненія. Въ самомъ дѣлѣ, у него не хватило смѣлости посмотрѣть королю прямо въ глаза, которые въ былое время загорались такою горячей лаской при встрѣчѣ съ нимъ, а теперь метали молніи.

— Если вашему величеству угодно причислять меня къ своимъ врагамъ, я покорно перенесу незаслуженную обиду, какъ подобаетъ вѣрноподданному своего государя. Смѣю однако увѣрить, что только высочайшее почтеніе и любовь къ священной особѣ вашего величества заставляютъ меня повторить свою просьбу. Ваше величество и не подозрѣваете, что̀...

Графъ запнулся, видя, какимъ судорожнымъ движеніемъ король схватился рукою за спинку стула.

— Что̀ придумала противъ меня людская злоба?—договорилъ Людвигъ.—Ошибаетесь, графъ; я знаю все. Семейный совѣтъ постановилъ признать меня неспособнымъ къ управленію государствомъ.

— И вашему величеству извѣстны причины?

— Причины?—Рука короля сильно дрожала, сжимая спинку стула.—Разумѣется, меня упрекаютъ за нелюдимость, за мои расточительныя наклонности. О, я знаю все! Это пустыя слова, не выдерживающія критики. Самыя незначительныя вещи раздуваютъ до ужасающихъ размѣровъ, чтобы увѣрить народъ въ необходимости перемѣны правленія, но все это однѣ выдумки людей, жаждущихъ присвоить себѣ верховную власть. Имъ досадно, что я такъ долго царствую. Однако вамъ суждено ошибиться въ своихъ разсчетахъ. Передайте его высочеству герцогу, моему дядѣ, что я вовсе не расположенъ выпустить изъ рукъ кормило

Digitized by Google

правленія, пока Господь Богъ не отниметъ его у меня, и что я намѣренъ жить еще очень, очень долго, разсчитывая на крѣпость своего организма.

— Господь да сохранитъ ваше величество!—воскликнулъ графъ Гольдбергъ, съ театральнымъ паѳосомъ поднимая руку.—И кто же можетъ желать этого искреннѣе августѣйшаго дяди вашего величества и вѣрноподданныхъ своего любимаго короля? Но именно ради сохраненія драгоцѣнной жизни и возстановленія здоровья вашего величества близкіе люди желаютъ устранить вашу высочайшую особу на нѣкоторое время отъ трудовъ правленія. Только при такихъ условіяхъ окажется дѣйствительной медицинская помощь...

— Медицинская помощь?—повторилъ король, внѣ себя отъ гнѣва, и на его лбу надулись жилы.—Что это значитъ?.. Я здоровъ, я совершенно здоровъ, господинъ графъ!

Гольдбергъ снова поклонился съ почтительнымъ подобострастіемъ.

— Можетъ быть, ваше величество,—продолжалъ онъ сдавленнымъ голосомъ, чувствуя себя очень неловко. Но вся его будущность зависѣла отъ удачи труднаго порученія. Притомъ же король—все равно былъ человѣкомъ погибшимъ. Эта мысль ободрила честолюбиваго придворнаго.

— Къ всеобщему сожалѣнію, созванная королевскимъ семействомъ комисія врачей нашла необходимымъ энергическое лѣченіе,—вымолвилъ онъ съ видимымъ усиліемъ надъ собою.

Король перемѣнился въ лицѣ: страшная блѣдность покрыла его черты.

— Какъ?.. Меня хотятъ... Они думаютъ... не видѣвши меня... объявить больнымъ?.. и даже... даже...

Губы короля отказывались произнести ужасное, убійственное слово. Стулъ съ грохотомъ покатился изъ его рукъ на паркетъ. Государь пошатнулся. Гольдбергъ подскочилъ къ нему, но было уже поздно: Людвигъ упалъ въ обморокъ, стукнувшись со всей силы головой о мебель. Перепуганный графъ бросился къ звонку. Боже сохрани, если король, подверженный частымъ приливамъ крови къ мозгу, неожиданно умретъ отъ удара! Тогда въ этой внезапной катастрофѣ непремѣнно обвинятъ его, графа Гольдберга!

Липпертъ тотчасъ же прибѣжалъ на отчаянный звонъ колокольчика и окаменѣлъ на мѣстѣ, при видѣ безжизненно распростертаго тѣла государя. Къ счастью, лейбъ-медикъ находился недалеко. За нимъ немедленно послали королевскій экипажъ и онъ

Digitized by Google

еще успѣлъ сообщить графу, спѣшившему обратно въ Мюнхенъ, что несчастный случай съ королемъ не угрожаетъ никакими серьезными послѣдствіями. Все дѣло ограничилось ушибомъ головы, который пройдетъ черезъ нѣсколько дней.

Дѣйствительно, короля удалось очень скоро привести въ чувство, послѣ чего онъ заговорилъ совершенно явственно и здраво. Когда лейбъ-медикъ спросилъ, прикажетъ ли его величество приготовить замокъ Гогеншвангау для болѣе продолжительнаго пребыванія, чтобы совершенно поправиться здѣсь,—Людвигъ рѣшительно отвѣчалъ:

— Я ни за что здѣсь не останусь. Мнѣ душно въ этихъ стѣнахъ, какъ будто въ нихъ притаилась смерть и подстерегаетъ меня.

— Рана вашего величества вовсе не такъ опасна, чтобы помѣшать дальнѣйшему путешествію въ столицу,—подтвердилъ врачъ.

Но и на эти слова король отрицательно покачалъ головою съ выраженіемъ досады.

— Теперь, ѣхать въ столицу? Ни за что! Для меня существуетъ только одно мѣсто, гдѣ я могу выздоровѣть и войти въ обычную колею. Везите меня обратно, въ мои любимыя горы, и притомъ немедленно!..

Распоряженіе государя было исполнено и, въ тотъ же вечеръ больной король отправился въ свой уединенный замокъ Нейшванштейнъ.

XVI.

Послѣ необыкновенно суровой зимы, наступила также необыкновенно теплая весна. Природа пробудилась разомъ подъ ласковыми лучами весенняго солнца; ярко зазеленѣла трава; распустились молодые листья на деревьяхъ и зацвѣли первые цвѣты. Швейцарскій домикъ, бывшая королевская резиденція, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ не жилъ никто, кромѣ смотрителя, оживился присутствіемъ новыхъ обитателей; на своемъ высокомъ подножіи изъ обрывистыхъ скалъ хорошенькое зданіе кокетливо поднималось надъ деревней Гольдау и примыкавшей къ ней живописной долиной. Здѣсь, по настоянію короля, поселился мѣсяцъ тому назадъ графъ Адлерсгорстъ со своей молоденькой женой. Горный воздухъ былъ полезенъ его здоровью, пострадавшему послѣ дуэли, и, кромѣ того, въ Швейцарскомъ домикѣ графъ постоянно находился подъ рукою у государя.

Послѣполуденное солнце переливалось всѣми цвѣтами радуги

Digitized by Google

въ брызгахъ фонтана на террасѣ дворца. Тонкая водяная пыль орошала стоявшія въ полномъ цвѣту азаліи, которыми были обсажены края мраморнаго бассейна. Сирень еще не распустилась, но тепличные цвѣты: тюльпаны, резеда, фіалки, въ изобиліи покрывали клумбы. Въ одномъ мѣстечкѣ, защищенномъ отъ рѣзкихъ горныхъ вѣтровъ, стояло даже тюльпанное дерево, осыпанное бѣлыми цвѣтами, прелестное растеніе, съ необыкновеннымъ успѣхомъ акклиматизировавшееся на нашемъ суровомъ сѣверѣ. Изъ открытыхъ стеклянныхъ дверей гостинной вышла на террасу Паула съ широкополой соломенной шляпой, переброшенной черезъ руку. Ея лицо, обрамленное шелковистыми бѣлокурыми локонами, спускавшимися на нѣжный лобъ, казалось нѣсколько похудѣвшимъ и на немъ лежала печать серьезности, даже озабоченности, которыя такъ мало гармонировали съ крайней молодостью графини. По случаю теплой погоды она была одѣта въ легкое свѣтлое платье, ея изящныя ножки чуть касались земли Паула легкой поступью приблизилась къ периламъ террасы и остановилась здѣсь, какъ будто прикованная къ мѣсту красотою разстилавшагося передъ нею ландшафта. Почти у ея ногъ раскинулась хорошенькая деревушка Гольдау съ ея виллами и дачками, выглядывавшими изъ весенней зелени. Глаза молодой женщины съ непонятной грустью слѣдили за извилинами свѣтлаго горнаго потока, пробившаго себѣ русло посреди роскошныхъ зеленыхъ луговинъ до края скалистаго обрыва, съ котораго онъ низвергался шумнымъ, пѣнистымъ водопадомъ. На берегу этого потока стояла дача барона Эберсдорфа, отца Паулы; прошлымъ лѣтомъ она часто любовалась изъ своего сада горнымъ ручьемъ, рядомъ съ ней стоялъ ея обрученный женихъ, и они оба въ блаженномъ упоеніи заслушивались рокота каскада, прыгавшаго въ дикомъ веселье съ одного скалистаго уступа на другой. Какъ много воды утекло съ тѣхъ поръ! Какимъ счастливымъ, невиннымъ ребенкомъ была въ то время Паула! Изъ ея груди вырвался глубокій вздохъ. Какъ скоро неумолимая дѣйствительность разбила ея дѣтскую вѣру въ людей и наивное, свѣтлое міросозерцаніе! Всему этому наступилъ конецъ въ ту ужасную минуту, когда Паула подхватила въ свои объятія раненаго мужа, падавшаго замертво на полъ послѣ роковаго удара на поединкѣ съ принцемъ Генрихомъ. Юное сердце переживаетъ съ острой болью первыя разочарованія и то, что́ позднѣе мы всѣ безъ исключенія научаемся переносить съ покорностью судьбѣ, представляется въ юности непоправимымъ несчастьемъ и надолго нарушаетъ блаженную гармонію души. А, между тѣмъ, какъ еще богата счастьемъ была

Digitized by Google

Паула, не смотря на пережитыя испытанія! Графъ Адлерсгорстъ благополучно перенесъ при ея заботливомъ, нѣжномъ уходѣ нервную горячку, вызванную не раной, которая оказалась незначительной, но душевными потрясеніями, предшествовавшими катастрофѣ. Теперь его здоровье совершенно поправилось; кромѣ того, графъ не былъ преданъ военному суду за нарушеніе дисциплины; герцогъ Фердинандъ сдержалъ обѣщаніе, данное королю, и Адлерсгорстъ остался въ прежнемъ своемъ званіи. Это тяжелое время опасеній и мучительныхъ тревогъ еще тѣснѣе сблизило молодыхъ супруговъ. Паула значительно развилась умомъ; теперь она лучше понимала заботы мужа и успѣшнѣе помогала ему переносить ихъ. Но все таки пережитое горе принесло свои незамѣнимыя утраты, оно вырыло пропасть между нею и близкими людьми, которые были ей дороги. Хотя Паула и простила Эммѣ Вальдовъ, поступившей съ ней такъ низко не по доброй волѣ, а по принужденію, однако прежнее довѣріе къ любимой воспитательницѣ было уже навсегда подорвано. Сама Эмма понимала это и держалась въ сторонѣ отъ графини. Съ отцомъ молодая женщина никогда не была особенно близка, но любила его, какъ дочь, не смотря на очевидныя слабости. Теперь же она убѣдилась въ явномъ малодушіи барона, бывшаго послушнымъ орудіемъ въ рукахъ интригановъ. Такое печальное открытіе уничтожило въ Паулѣ послѣднюю искру уваженія къ нему и она жестоко страдала отъ этого. Мачиха съ самаго начала не внушала ей симпатіи, а когда лицемѣріе баронессы обнаружилось совершенно ясно, падчерица почувствовала къ ней непреодолимое отвращеніе. Какая низкая душа подъ такой блестящей оболочкой обаятельно прекрасной, одаренной столькими талантами женщины! Графиня перебирала въ умѣ все прошедшее Людмилы, мысленно заглядывала въ закулисную жизнь этой красавицы, которая поклонялась только собственному «я» и ради себялюбивыхъ цѣлей затоптала въ грязь свое женское цѣломудріе, свои лучшія чувства. Въ безумной погонѣ за счастьемъ она равнодушно разбила чужую жизнь и, упрямо добиваясь господства, сдѣлалась рабою чужой воли. Но если кто нибудь въ глазахъ Паулы олицетворялъ собою зло, такъ это аббатъ Эйхфельдъ. Онъ устроилъ бракъ ея отца съ графиней Маріо, черезъ посредство принца, подчинявшагося во всемъ хитрому іезуиту; сдѣлавшись послѣ того своимъ человѣкомъ въ домѣ барона Эберсдорфа, аббатъ хладнокровно обрекъ на гибель Паулу, которая не сдѣлала ему ничего дурнаго; но его своекорыстныя цѣли требовали, чтобъ онъ пожертвовалъ ею, и патеръ не задумался совершить величайшую низость. Эмму

Digitized by Google

Вальдовъ, порученную ему набожной королевой, онъ обратилъ въ орудіе своихъ интригъ и сдѣлалъ ее несчастнѣйшимъ созданіемъ, которое изнывало теперь подъ гнетомъ раскаянія и горькаго презрѣнія къ самой себѣ. Насколько дѣтская душа Паулы была способна къ ненависти, настолько она ненавидѣла Эйхфельда, заклятаго врага своего мужа и несчастнаго короля. Дѣйствительно, несчастнаго! До сихъ поръ, съ нимъ не рѣшались пока поступить насильственно; приближающаяся гроза грохотала только издали, но тучи сгущались все больше и больше надъ его головой; каждую минуту могъ разразиться ударъ молніи и поразить беззащитнаго государя, а съ нимъ вмѣстѣ, пожалуй, и всѣхъ, кто его любилъ и оставался ему вѣренъ.

Графиня Адлерсгорстъ давно сошла съ террасы, она подвигалась теперь по горной дорогѣ, обсаженной по обѣимъ сторонамъ громадными елями и спускавшейся отлогими поворотами въ долину. Дойдя до болѣе открытаго мѣста, молодая женщина стала прислушиваться. Издали до нея донесся стукъ подковъ мчавшейся къ ней на встрѣчу лошади. Радостная улыбка освѣтила задумчивыя черты Паулы. Завидѣвъ всадника, она стала махать ему платкомъ и крикнула веселымъ тономъ:

— Наконецъ-то, Альфонсъ! Какъ ты сегодня замѣшкался!

Графъ Адлерсгорстъ остановилъ коня, спрыгнулъ на землю и, намотавъ поводья на руку, пошелъ рядомъ съ женой, обмѣнявшись съ ней крѣпкимъ поцѣлуемъ. Она нѣжно заглянула ему въ лицо, на которомъ выражалась грустная озабоченность.

— Развѣ сегодня случилось что нибудь особенное, что ты вернулся такъ поздно?

— Ничего особеннаго,—отвѣчалъ онъ.—Но и такъ хорошаго мало.

— Какъ чувствуетъ себя король? Ты съ нимъ видѣлся, говорилъ?

— Сегодня—нѣтъ! Вечеромъ мнѣ опять придется ѣхать въ замокъ. Его величество заказалъ мессу въ дворцовой церкви; будетъ исполненъ реквіемъ Моцарта.

— Конечно, съ участіемъ столичныхъ артистовъ?

— Разумѣется. Ждутъ, между прочимъ, фрау Еву; она сама просила позволенія пріѣхать. Я думаю взять тебя съ собою. Король, противъ обыкновенія, распорядился допускать въ церковь всѣхъ желающихъ. Фельдау съ семьей также собирался пріѣхать.

— Реквіемъ Моцарта!—воскликнула Паула. — Какъ странно! Мнѣ всегда казалось, что его величество не любитъ Моцарта.

Digitized by Google

— Для этого король слишкомъ хорошій знатокъ въ музыкѣ,— возразилъ графъ. — Онъ всегда цѣнилъ безсмертнаго маэстро, хотя не отдавалъ ему предпочтенія, считая музыку Рейнгарда послѣднимъ словомъ искусства.

— Но почему же государю вздумалось слушать непремѣнно реквіемъ?—задумчиво твердила Паула.—Пожалуй, его меланхолія еще болѣе усилится отъ этого? А между тѣмъ ему нужна энергія, сила!

Глубокій вздохъ былъ отвѣтомъ графа на слова жены. Онъ провелъ рукою по лбу, какъ будто желая отогнать докучныя мысли.

— Да, энергія, сила,—сказалъ серьезнымъ тономъ Адлерсгорстъ,—еслибъ король, дѣйствительно, могъ найти ихъ въ себѣ! Но ужасное орудіе въ рукахъ враговъ поразило его слишкомъ метко. Съ тѣхъ поръ какъ графъ Гольдбергъ привелъ въ исполненіе адскій замыселъ злодѣевъ и хладнокровно высказалъ ему въ лицо такія вещи, о которыхъ слѣдовало бы умолчать изъ простаго человѣколюбія, король сдѣлался нравственно убитымъ человѣкомъ. Его постоянно мучитъ роковой вопросъ: «Правду ли сказали обо мнѣ доктора? Не боленъ ли я, самъ того не подозрѣвая?» Только на короткое время бѣдному государю удается стряхнуть съ себя этотъ ужасный кошмаръ. Но иногда, среди спокойнаго разговора, на его лицѣ вдругъ появляется выраженіе затаеннаго испуга. Онъ боязливо оглядывается вокругъ, какъ будто его преслѣдуютъ демоны. Недавно король судорожно схватилъ меня за руку и прошепталъ побѣлѣвшими губами: «Адлерсгорстъ, вы мнѣ истинный другъ; отъ васъ я могу требовать искренности: скажите, что́ вы думаете о моемъ состояніи?» — «Ваше величество,— отвѣчалъ я,—вы сами дѣлаете себя больнымъ, потому что не вѣрите въ свое здоровье». Онъ вздохнулъ и сказалъ: «Да, вы правы; я не вѣрю больше въ свое здоровье, въ самого себя, и это губитъ меня окончательно».

— Но, Боже мой,—воскликнула Паула,—что́ же выйдетъ изъ этого?

— Что выйдетъ?—повторилъ графъ.—Моя единственная надежда на то, что въ минуту настоящей опасности государь найдетъ утраченное мужество. Я дѣлаю все, чтобы ободрить его. Но удастся ли мнѣ добиться своей цѣли?

— О, будемъ надѣяться,—перебила Паула, крѣпче прижимая къ себѣ руку мужа.

— Милое дитя, какая печальная тѣнь омрачаетъ твое юное

Digitized by Google

счастье! Еслибъ я могъ предугадать наше будущее, то не рѣшился бы связать твою судьбу съ моею.

— Странныя слова!—возразила графиня, съ досадой тряхнувъ своей бѣлокурой головкой.—Если я страдаю съ тобою, то за хорошее дѣло, и чѣмъ труднѣе тебѣ бороться за короля, тѣмъ больше я горжусь такимъ мужемъ.

— А твои щечки все худѣютъ,—сказалъ Адлерсгорстъ, нѣжно поглядывая на жену.—Но мнѣ, дѣйствительно, нельзя сложить оружія. И что значитъ въ сущности наше горе, хотя бы оно и казалось намъ тяжелымъ, сравнительно съ тѣми нравственными муками, которыя убиваютъ эту благородную, великую душу? Все было бы иначе, еслибъ свѣтъ, гдѣ живемъ мы съ тобою и гдѣ обреченъ вращаться нашъ несчастный король, былъ не такъ испорченъ.

Разговаривая такимъ образомъ, молодые люди дошли до швейцарскаго домика. Конюхъ подскочилъ, чтобы принять поводья изъ рукъ графа. Адлерсгорстъ подалъ руку женѣ и они вмѣстѣ вошли въ просторную залу, веселую комнату съ красивой обстановкой, гдѣ уже былъ накрытъ обѣденный столъ. Солнце бросало вокругъ свои смѣющіеся лучи; въ саду пѣли птицы; фонтанъ журчалъ такъ привѣтливо; все въ этомъ маленькомъ раю манило наслаждаться тихимъ счастьемъ, а между тѣмъ графъ и графиня молча сѣли одинъ противъ другаго съ печальными лицами: до того сильно поглощало ихъ обоихъ искреннее участіе къ чужой трагической судьбѣ. Они не могли не сочувствовать государю, осыпавшему ихъ своими благодѣяніями, но, жалѣя его, какъ человѣка, обреченнаго на глубокое горе, вѣрные друзья въ то же время не могли оставаться равнодушными, видя передъ своими глазами такое грустное паденіе величія.

Графъ, почти постоянно ночевавшій теперь въ замкѣ Нейшванштейнъ, чтобы не оставлять болѣзненно возбужденнаго короля въ одиночествѣ, ушелъ послѣ обѣда отдохнуть къ себѣ въ спальню; а Паула усѣлась съ работой на террасѣ. Веселый ландшафтъ, разстилавшійся передъ виллой, дѣйствовалъ на графиню успокоительно, а молодая женщина старалась поддержать свою бодрость изъ боязни причинить лишнюю заботу мужу. Недаромъ сегодня онъ заговорилъ объ ея похудѣвшемъ лицѣ и упрекалъ себя за то, что связалъ жизнь Паулы со своимъ грустнымъ существованіемъ. Но есть ли на свѣтѣ другая, болѣе завидная доля, какъ быть женою графа Адлерсгорста? Счастье жить возлѣ такого человѣка способно вознаградить за всевозможныя страданія. Если даже случится самое худшее, если

Digitized by Google

враждебная королю партія побѣдитъ и Паулѣ придется раздѣлить изгнаніе со своимъ мужемъ—на что онъ не разъ намекалъ въ своихъ разговорахъ—какъ охотно послѣдуетъ она за нимъ хотя бы на край свѣта! Можетъ быть, имъ предстоитъ переселиться въ какую нибудь отдаленную страну, гдѣ они схоронятъ отъ человѣческихъ глазъ и свое горе, и счастье взаимной горячей любви. Вотъ тогда Паула вполнѣ докажетъ на дѣлѣ свою безпредѣльную преданность избраннику сердца! Нѣтъ, она еще не смѣетъ жаловаться на судьбу.

Ея взглядъ, разсѣянно блуждавшій по долинѣ, вдругъ остановился, какъ прикованный, на одномъ пунктѣ. По довольно крутому подъему отъ деревни Гольдау медленно ѣхалъ экипажъ. Черезъ нѣсколько минутъ графиня, обладавшая острымъ зрѣніемъ, ясно различила вороныхъ лошадей, съ нѣсколько тяжелою поступью, а также ливрею барона Эберсдорфа, своего отца, на кучерѣ и лакеѣ. Въ экипажѣ сидѣла дама. Зачѣмъ это мачихѣ вздумалось пріѣхать къ ней одной? Паула въ волненіи вскочила съ мѣста. Неужели эта женщина, воспитанная въ свѣтскихъ приличіяхъ, не понимаетъ, что ея поступокъ съ падчерицей сдѣлалъ навсегда невозможной прежнюю короткость между ними? Въ теченіе недѣли, съ тѣхъ поръ какъ баронъ Эберсдорфъ переѣхалъ съ женою на свою виллу въ Гольдау, графиня была у нихъ всего только разъ, причемъ дала понять, что сдѣлала визитъ единственно своему отцу. И вдругъ послѣ этого мачиха безцеремонно нарушаетъ ея уединеніе, пожалуй, опять съ предательской цѣлью, желая вывѣдать что нибудь, такъ какъ проницательный Адлерсгорстъ не допускалъ у себя въ домѣ ни одной подозрительной личности, которая могла бы состоять на жалованьѣ у хитраго аббата Эйхфельда.

Но, не смотря на свое негодованіе, Паула не могла однако отказать въ пріемѣ непрошенной гостьѣ; баронесса все таки была женою ея отца и ей слѣдовало изъ одного приличія оказать почтеніе передъ прислугой.

Баронесса, противъ своихъ привычекъ, явилась въ простомъ темномъ туалетѣ. Густая вуаль, откинутая теперь назадъ, прикрывала крошечную шляпу. Когда она сбросила на руки лакею широкій длинный плащъ, окутывавшій всю ея фигуру, Паула съ церемонной вѣжливостью повела мачиху въ гостинную. Только здѣсь ей бросилась въ глаза необыкновенная перемѣна, происшедшая съ Людмилой. Эта женщина, по прежнему славившаяся красотой въ знакомыхъ кружкахъ, страшно постарѣла

Digitized by Google

въ короткое время. Ея прекрасные черные глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ; щоки осунулись и пожелтѣли.

— Графъ дома?—спросила баронесса, усаживаясь на диванъ противъ Паулы.

— Дома, но прилегъ отдохнуть. Его служба нынче такъ утомительна.

Людмила опустила вѣки; ея пальцы судорожно играли вѣеромъ, который она машинально то открывала, то закрывала.

— У меня большая просьба къ нему, къ вамъ обоимъ,— съ усиліемъ вымолвила гостья, не поднимая глазъ.—Вы, конечно, отправитесь сегодня слушать реквіемъ въ королевской капеллѣ? Мнѣ хотѣлось бы присоединиться къ вамъ.

— Тебѣ?!

Паула не могла произнести ни слова больше, пораженная такой неожиданной просьбой, и только смотрѣла на мачиху широко раскрытыми глазами. Та бросила на падчерицу бѣглый взглядъ и продолжала, принужденно улыбаясь:

— Ты говоришь со мною не особенно любезнымъ тономъ, Паула, но я понимаю причину твоего удивленія и все таки позволяю себѣ повторить свою просьбу. Мнѣ ужасно хочется послушать сегодня торжественный реквіемъ, и именно въ вашемъ обществѣ.

— Въ нашемъ обществѣ... Почему же такъ? Дворцовая капелла открыта сегодня для всѣхъ желающихъ, какъ я слышала отъ мужа.

— Правда; я сама слышала, но говорятъ, что простой народъ сильно взволнованъ. Меня могутъ узнать и потому мнѣ необходимо быть подъ защитой графа Адлерсгорста.

Паула съ возраставшей досадой закусила губы.

— При настоящихъ обстоятельствахъ, тебѣ лучше было бы отказаться отъ реквіема. Кромѣ того, не знаю, согласится ли мой мужъ взять тебя подъ свое покровительство.

Между бровей Людмилы образовалась глубокая морщина.

— Твои слова звучатъ очень жестко, Паула!—сказала она, и ея звучный голосъ задрожалъ отъ подавленнаго волненія.—Ты была бы гораздо снисходительнѣе, еслибъ знала истину.

— Я и безъ того знаю все.

Баронесса вскочила; ея темные глаза жадно впились въ лицо графини.

— А если то, что тебѣ сообщили, невѣрно?

— Это не можетъ быть; все, что происходитъ передъ моими

Digitized by Google

глазами, только подтверждаетъ слышанное мною. Ты не станешь требовать, чтобъ я повторяла вещи, непріятныя намъ обѣимъ.

— Значитъ, ты считаешь меня заклятымъ врагомъ короля?— спросила Людмила.

Паула утвердительно кивнула головой.

— И ты права!—воскликнула баронесса въ страстномъ порывѣ.—Я его непримиримый врагъ; я способствовала тому, чтобы низвергнуть съ высоты величія, унизить и погубить этого гордаго человѣка. А между тѣмъ—это, пожалуй, покажется тебѣ непонятнымъ—я изнываю отъ жгучей тоски по немъ: мнѣ такъ хочется еще разъ его увидѣть!

— Не для того ли, чтобы насладиться видомъ его страданій?

Людмила содрогнулась при этомъ справедливомъ упрекѣ, такъ смѣло брошенномъ ей въ лицо.

— Ты женщина, Паула; ты любишь, и можешь говорить подобныя вещи о другой женщинѣ?

— Тебѣ ли толковать о любви, мама? Развѣ ты способна любить кого нибудь, кромѣ себя?

— Да, и я знаю, что́ такое любовь!—воскликнула баронесса, выпрямляясь и сверкая глазами.—Я любила такъ, какъ ты не можешь и никогда не съумѣешь любить: всей душой, всѣмъ пыломъ моего сердца. Но единственный человѣкъ, который могъ бы сдѣлать изъ меня, что угодно, отвергъ мое чувство. А между тѣмъ я была готова пожертвовать ради него и свѣтскимъ блескомъ, и положеніемъ, и даже честью. Этотъ человѣкъ былъ король!

Графиня отвернулась.

— Я слышала о томъ—отвѣчала она съ жесткимъ равнодушіемъ къ непрошенному признанію,—и за то, что онъ не отвѣчалъ тебѣ взаимностью и полюбилъ другую, ты стала преслѣдовать его своей ненавистью...

— Но все таки я не переставала любить Людвига!

— Не говори напрасной лжи!—воскликнула въ свою очередь Паула:—кто любитъ, тотъ не въ состояніи губить предметъ своей любви!

Людмила отрицательно махнула рукой.

— Не суди, дитя мое! Что можетъ знать твоя голубиная душа о настоящей горячей страсти? Въ моихъ жилахъ течетъ другая кровь, чѣмъ у тебя. Ты можешь только любить и неспособна къ ненависти; ты не поймешь, какая мука и въ то же время какое наслажденіе тиранить того, кто нанесъ намъ глубокую сердечную рану. Да, я ненавижу короля; я хочу видѣть

Digitized by Google

его гибель и радуюсь тому, что мнѣ, отвергнутой имъ, удалось способствовать его ниспроверженію; но все таки я люблю его съ прежнимъ пыломъ, какъ и въ тотъ день, когда, млѣя въ блаженствѣ, я склонилась къ нему на грудь, не подозрѣвая, что въ сердцѣ Людвига царилъ другой образъ. И еслибъ онъ еще сегодня пришелъ ко мнѣ и сказалъ:—«спаси меня, разсѣй своей любовью тотъ непроглядный мракъ, въ который ты помогала меня столкнуть», я съ восторгомъ прижала бы къ груди этого развѣнчаннаго короля, этого душевно-больнаго, и посвятила бы себя на то, чтобъ утѣшать его и ходить за нимъ во время болѣзни.

Паулу пробирала дрожь. Ей никогда еще не приходилось заглядывать въ такую мрачную пропасть грѣшныхъ страстей.

— Замолчи, — воскликнула она и въ ея чертахъ отразился невольный страхъ,—довольно! Твои слова настоящее безуміе!

— Считай ихъ пожалуй безуміемъ, но сжалься надо мною! Дай мнѣ возможность еще разъ увидѣть лицомъ къ лицу того, чей образъ наполнилъ собою всю мою жизнь. Я умру, если никогда больше не увижу этого любимаго, прекраснаго лица.

Людмила, внѣ себя, протянула руки съ умоляющимъ видомъ и горячія слезы полились изъ ея глазъ.

— Ради Бога, успокойся!—уговаривала ее дрожащимъ голосомъ совершенно растерявшаяся Паула.—Вотъ, наконецъ, и мужъ!—прибавила она съ облегченіемъ.

Людмила, по прежнему, съ трудомъ переводила дыханіе, но старалась уже преодолѣть себя. Однако графъ Адлерсгорстъ съ перваго взгляда догадался, что между обѣими женщинами произошло что-то особенное. Онъ тревожно обратился къ Паулѣ, спрашивая, не заболѣлъ ли ея отецъ.

Графиня густо покраснѣла. Ея чистая душа возмутилась при мысли о томъ, до какого униженія довела себя мачиха передъ нею. Паулѣ стало больно за нее, какъ за женщину. И съ самоотверженіемъ великодушной натуры она пришла на помощь Людмилѣ.

— Это я виновата во всемъ, Альфонсъ; я разстроила ее непріятнымъ разговоромъ.

— Ты?—съ изумленіемъ спросилъ графъ.

Онъ не повѣрилъ женѣ, но понялъ деликатность Паулы и не сталъ приставать съ дальнѣйшими разспросами.

Нѣсколько времени спустя, графиня замѣтила, что пора ѣхать въ королевскій замокъ и, какъ будто по долгу вѣжливости, пригласила мачиху сопровождать ихъ. Баронесса бросила ей благодарный взглядъ и приняла предложеніе, къ немалой досадѣ

Digitized by Google

Адлерсгорста. Но ему предстояло столько хлопотъ впереди, что онъ не придалъ особаго значенія присутствію тещи на торжественной мессѣ, куда каждый имѣлъ свободный доступъ.

XVII.

Къ королевскому зáмку со всѣхъ сторонъ стекались поселяне, одѣтые по праздничному, въ торжественномъ настроеніи. И хотя ни одинъ изъ нихъ не понималъ, какое великое музыкальное произведеніе услышатъ они сегодня, но съ нихъ было довольно и того, что король самъ назначилъ этотъ необычный праздникъ и появится на немъ наряду со всѣми. Даже изъ окрестностей, куда достигла вѣсть о предстоящемъ церковномъ празднествѣ, сходились люди, сочувствовавшіе королю въ его несчастіи и спѣшившіе доказать ему свою преданность и вѣрность, въ виду угрожавшихъ бѣдствій. Послѣ мессы было положено между нѣкоторыми изъ нихъ устроить сходку въ тавернѣ у стараго трактирщика. Въ ожиданіи этого, сговорившіеся многозначительно пожимали другъ другу руки и благоговѣйно входили черезъ широкія, настежъ растворенныя двери, въ красивую, величественную капеллу, откуда доносились первые аккорды превосходнаго органа. Солнце близилось уже къ закату, но капелла сіяла безчисленными огнями. Вдоль стѣнъ, украшенныхъ мозаичными картинами по золотому фону, шли хоры, опиравшіеся на стройныя мраморныя колонны. Здѣсь находилось задрапированное пурпуровыми занавѣсами мѣсто для короля, куда вела дверь изъ внутреннихъ покоевъ зáмка; напротивъ помѣщался органъ и отведено было мѣсто для пѣвцовъ. Тамъ стоялъ уже капельмейстеръ Альбертъ, окруженный мужскимъ и женскимъ персоналомъ артистовъ, между которыми была и фрау Ева. Всѣ ждали только появленія короля, чтобы начать концертъ. Передъ алтаремъ, украшеннымъ картиной знаменитаго художника:—Богоматерь у креста Спасителя,—отправлялъ службу, по желанію его величества, престарѣлый пасторъ Бернеръ вмѣстѣ съ дворцовымъ капелланомъ. Почти всѣ скамейки внизу церкви и на хорахъ были заняты; Паула съ мачихой едва застали свободныя мѣста наверху, рядомъ съ лѣсничимъ Фельдау и его семействомъ. Здѣсь виднѣлась также мужественная голова старика Вальбурга съ энергичнымъ лицомъ. Онъ сидѣлъ рядомъ съ сыномъ, профессоромъ, нарочно прибывшимъ изъ Мюнхена на крестьянскую сходку. Между молоденькими дочерьми фрау Катерины мелькало красивое, открытое лицо

Digitized by Google

юноши Георга фонъ-Рандау. Недоставало только одной обитательницы охотничьяго зáмка—Эммы Вальдовъ. Гувернантка, еще наканунѣ вечеромъ, со слезами на глазахъ созналась Георгу, что не осмѣлится взглянуть въ лицо королю, сознавая свою непростительную вину передъ нимъ совершонную, хотя она дѣйствовала и не по своей волѣ. Георгъ понялъ ее и молча пожалъ ей руку.

Наконецъ, движеніе въ церкви прекратилось и всѣ глаза обратились къ хорамъ, гдѣ только что отдернули богатую бархатную драпировку, маскировавшую дверь въ покои государя. Наступила полнѣйшая тишина; присутствующіе притаили дыханіе, когда на порогѣ появился король, въ мундирѣ своего полка, въ орденахъ, красивый и статный. Людвигъ приблизился къ периламъ хоръ; за нимъ слѣдовалъ его адьютантъ, графъ Адлерсгорстъ. Ничто не обнаруживало въ немъ слѣдовъ тяжкой болѣзни, которую упорно приписывали ему, исключая поразительной блѣдности и скорбнаго выраженія лица. Людмила, остававшаяся до той минуты подъ вуалью, откинула ее въ порывѣ невольной тревоги, и ей показалось, будто бы горѣвшіе зловѣщимъ огнемъ глаза Людвига остановились на ней съ выраженіемъ строгаго упрека; въ нихъ не было ни угрозы, ни гнѣва, а только читался горькій вопросъ: «что́ сдѣлалъ я тебѣ, что ты всю жизнь преслѣдовала меня своею ненавистью? Развѣ я оттолкнулъ твою любовь съ обиднымъ презрѣніемъ, надругался надъ тобою, чтобъ это могло послужить тебѣ оправданіемъ? Напротивъ, я выказалъ тебѣ почтительную жалость и рыцарскую деликатность. А ты?.. Ты никогда меня не щадила!»

Баронесса закрыла вѣки; ей чудилось, что этотъ скорбный упрекающій взглядъ пронизываетъ ее, какъ кинжалъ, до самаго сердца. Плотно сжавъ губы, точно сдерживая готовый вырваться у нея крикъ невыносимой физической боли, она откинулась на спинку скамьи. Только въ ту минуту, когда начался реквіемъ и голоса пѣвцовъ слились въ стройный хоръ, Людмила осмѣлилась снова поднять глаза. Король сидѣлъ въ своемъ креслѣ, весь обратившись въ слухъ. Не почудилось ли ей, что онъ ее узналъ? Или, пожалуй, то былъ насильственно подавленный голосъ совѣсти, а не взглядъ короля, который грозно обличалъ преступную женщину, волнуя ей холодное, эгоистическое, мстительное сердце? Точно голоса изъ другаго міра, звучали у нея въ ушахъ дивные мотивы погребальной пѣсни, созданной геніемъ умирающаго. Пожалуй, это мастерское произведеніе новѣйшей церковной музыки никогда еще не исполнялось съ такимъ совершенствомъ. И не

Digitized by Google

мудрено: каждый изъ участвующихъ старался вложить всю душу въ свое пѣніе, чтобы какъ можно лучше воспроизвести благородную идею композитора. Едва ли голосъ фрау Евы звучалъ когда нибудь такъ мягко, съ такимъ вдохновеніемъ, какъ сегодня. Она впервые увидала короля вблизи, и его внѣшность произвела на нее, какъ и на всѣхъ присутствующихъ, глубокое впечатлѣніе. Сердце молодой женщины переполнилось жалостью и восторгомъ, и эти чувства изливались въ ея артистическомъ пѣніи. Понялъ ли это король? Ей показалось, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ, что онъ одобрительно кивнулъ головою въ ея сторону, что́ вызвало въ пѣвицѣ новый порывъ энтузіазма. Для нея не могло быть лучшей награды, какъ это гордое сознаніе, что ей удалось, хотя на короткій мигъ, заронить лучъ свѣта въ мрачное существованіе удрученнаго горемъ короля. Теперь она уже не считала униженіемъ искусства пѣть только для *одного* слушателя, который, кромѣ того, прятался отъ взоровъ исполнителей. Одобреніе одного истиннаго цѣнителя искусства льститъ артисту гораздо болѣе, чѣмъ банальныя овація толпы, гдѣ преобладающее большинство составляютъ профаны. Именно сегодня, когда сотни зрителей любовались Евой и заслушивались ея голосомъ, она пѣла только для одного короля.

По окончаніи торжественной мессы, молельщики стали расходиться изъ капеллы, растроганные и серьезные. Король удалился первымъ. Въ прихожей, отдѣлявшей его рабочій кабинетъ отъ галлереи, онъ подалъ руку графу Адлерсгорсту и ласково простился съ нимъ.

— Я чувствую потребность примириться съ моимъ Господомъ,—и пригласилъ пастора Бернера исповѣдать меня сегодня,—сказалъ государь.—Итакъ, до завтра, милѣйшій графъ, до завтра!

Онъ еще разъ привѣтливо кивнулъ адъютанту, съ испугомъ смотрѣвшему на него, и тотчасъ исчезъ въ своихъ комнатахъ. «Чтобы это значило?» — спрашивалъ себя озабоченный Адлерсгорстъ. Сначала реквіемъ, потомъ исповѣдь, между тѣмъ какъ—насколько помнилъ графъ—король никогда не исполнялъ церковныхъ обрядовъ.

Выйдя на площадку передъ капеллой, ярко освѣщенную электричествомъ, Адлерсгорстъ сталъ отыскивать глазами жену и наконецъ замѣтилъ ее въ группѣ дамъ. Но пока ему удалось добраться до графини, кто-то дотронулся до его руки. Обернувшись въ ту сторону, онъ увидѣлъ передъ собою хорошо знакомое лицо лѣсничаго Вальбурга; старикъ почтительно снялъ передъ нимъ шляпу.

Digitized by Google

— На одно слово, ваше сіятельство!—произнесъ онъ.—Пожалуй, вамъ еще неизвѣстно, какія тревожныя извѣстія привезъ сегодня изъ столицы мой сынъ?

— Тревожныя извѣстія? — спросилъ испуганный графъ.—Въ чемъ же дѣло?

Лѣсничій подошелъ ближе.

— Повидимому, въ Мюнхенѣ готовятся къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Мой сынъ подробно сообщитъ въ тавернѣ все, что ему удалось разузнать. Если бы вамъ, господинъ графъ, было угодно явиться на сходку...

— Конечно, я приду, почтеннѣйшій Вальбургъ. Въ которомъ часу назначено собраніе?

— Оно состоится безотлагательно сегодня же. Всѣ присутствовавшіе на богослуженіи, исключая женщинъ, отправляются въ таверну на горѣ, кто на лошадяхъ, кто пѣшкомъ. Только я остался пока здѣсь съ моимъ зятемъ; мы подождемъ пастора Бернера, котораго потребовалъ къ себѣ король. Намъ хотѣлось бы воспользоваться совѣтомъ почтеннаго священника.

— Значитъ, я успѣю проводить домой графиню?

— Разумѣется, господинъ графъ. Сходка соберется еще не сразу и вы успѣете присоединиться къ намъ на своихъ быстрыхъ лошадяхъ.

Адлерсгорстъ поспѣшилъ къ женѣ, которая разговаривала съ Катериной Фельдау и фрау Евой, только что вышедшей въ дорожномъ туалетѣ изъ королевскаго замка. Баронессы не было около графини. Она простилась съ падчерицей и отправилась домой тотчасъ послѣ богослуженія. Хорошенькія дочери — подростки фрау Катерины—держали подъ руки свою мать, напоминая собою розовые бутоны рядомъ съ розой въ полномъ расцвѣтѣ. Адлерсгорстъ невольно залюбовался этой картиной, не смотря на свое тяжелое настроеніе.

Замѣтивъ приближеніе графа, фрау Ева съ живостью обратилась къ нему.

— Здравствуйте, вѣрный стражъ нашего всемилостивѣйшаго короля!—воскликнула она, привѣтливо протягивая свою изящную ручку. — На васъ однихъ покоятся надежды всѣхъ истинныхъ друзей его величества.

— Милостивая государыня,—отвѣчалъ смущенный графъ,—немного пользы могу я принести на своемъ посту! При всемъ своемъ усердіи, я ничего не значу передъ сильными міра сего.

— Слѣдовательно, вы не разсчитываете на успѣхъ?

Адлерсгорстъ съ печальной миной пожалъ плечами,

Digitized by Google

— Еслибъ я потерялъ всякую надежду, то не могъ бы и пережить этихъ дней.

Въ ту же минуту, къ пѣвицѣ подошелъ капельмейстеръ Альбертъ, чтобы вести ее къ придворнымъ экипажамъ, стоявшимъ наготовѣ для пріѣзжихъ артистовъ. Паула и Катерина принялись благодарить его за артистическое исполненіе реквіема, когда онъ раскланивался съ ними съ серьезной миной. Фрау Ева еще разъ обратилась къ графу и сказала ему шопотомъ:

— Въ Мюнхенѣ до меня дошли слухи, будто бы графа Гольдберга посылаютъ сюда съ комисіей. Предупредите его величество, любезный графъ!

— Не можетъ быть!—съ волненіемъ воскликнулъ Адлерсгорстъ.—Какъ осмѣлится графъ Гольдбергъ показаться на глаза его величеству послѣ сдѣланной имъ низости?

— Онъ на все способенъ,—презрительно отвѣчала пѣвица.—Кромѣ того, ему нечего бояться подъ прикрытіемъ комисіи.

— Можетъ быть,—прибавилъ Адлерсгорстъ, — графу хочется убѣдиться собственными глазами въ результатахъ его безчеловѣчнаго поступка съ королемъ? О, какъ жаль, что мои руки связаны и я не могу расправиться съ нимъ, какъ слѣдуетъ, изъ уваженія къ его величеству! Одно имя этого негодяя волнуетъ во мнѣ всю кровь!

— Не заставьте меня раскаяться въ своей откровенности, дорогой графъ. Я высказалась прямо, изъ горячаго сочувствія къ королю. Ради Бога, не проливайте крови. Берегите себя для вашей милой супруги и предоставьте этого безхарактернаго человѣка, недостойнаго вашего гнѣва, суду божію, который не замедлитъ надъ нимъ совершиться. Гольдбергъ—не болѣе, какъ самый обыкновенный льстецъ, готовый пресмыкаться передъ сильными.

Красавица Ева съ умоляющимъ видомъ еще разъ протянула Адлерсгорсту руку, которую тотъ почтительно поцѣловалъ, и пошла легкими шагами вслѣдъ за своимъ провожатымъ, ушедшимъ немного впередъ. Паула, ожидавшая, что ея мужъ останется ночевать въ королевскомъ замкѣ, была пріятно удивлена, когда онъ поѣхалъ ее провожать и объявилъ, что свободенъ отъ службы до завтрашняго вечера. Его дежурства у короля постоянно начинались съ ночи. Фрау Катерина, провожаемая мужемъ и Георгомъ, также сѣла съ дочерьми въ экипажъ, тогда какъ другая охотничья коляска осталась къ услугамъ ея отца и пастора Бернера. Всѣ простились между собою молча, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ неопредѣленной боязни. Даже молоденькая Кетхенъ съ

Digitized by Google

темнорусыми локонами и вѣчно веселая Франциска фонъ-Фельдау чинно усѣлись по своимъ мѣстамъ. Ихъ юныя сердечки также чуяли близость грозы.

XVIII.

Въ дворцовой капеллѣ, по прежнему ярко горѣвшей огнями посреди ночнаго мрака, раздавались тихіе сдержанные аккорды органа, между тѣмъ какъ маститый пасторъ Бернеръ, набожно сложивъ руки, выслушивалъ исповѣдь короля Людвига, колѣнопреклоненнаго передъ нимъ на бархатной подушкѣ съ богатой вышивкой.

— Всѣ мы—грѣшники и не можемъ похвалиться своею праведностью,—произнесъ кроткимъ ободряющимъ тономъ мягкій голосъ старика.

— Въ долгіе дни и тоскливыя безсонныя ночи, я перебралъ въ умѣ всю свою жизнь,—послышался отвѣтъ черезъ окошко исповѣдальни,—и каждая вина, совершенная мною, прочно запечатлѣлась въ моей памяти. Много лѣтъ я не былъ на исповѣди, но не обвиняю себя въ этомъ, потому что, съ тѣхъ поръ какъ я началъ разсуждать, религіозные догматы и церковные обряды казались мнѣ одѣяніемъ, плохо сдѣланнымъ человѣческими руками для божественнаго и непостижимаго. По завѣту Искупителя: «если хочешь молиться, взойди въ комнату твою и запри дверь твою, а не показывай всенародно на улицѣ своей набожности», я уклонялся отъ всякихъ публичныхъ проявленій религіознаго чувства, нося вѣру въ Бога въ сердцѣ, а не на языкѣ. Какъ человѣкъ, я, пожалуй, былъ правъ въ этомъ отношеніи, но, какъ король, грѣшилъ, потому что правитель народа долженъ уважать народную святыню и народъ вправѣ требовать, чтобы король молился вмѣстѣ съ нимъ, соблюдая внѣшнія общепринятыя формы поклоненія Высочайшему Существу. Только теперь мнѣ понятно, какъ много виноватъ я въ этомъ отношеніи, и чистосердечно раскаиваюсь.

— Spera in Deo, (надѣйся на Бога)—серьезно отвѣчалъ пасторъ.—Апостолъ Павелъ говоритъ: «теперь мы видимъ какъ бы въ туманномъ зеркалѣ, въ непонятномъ словѣ; тогда же увидимъ лицомъ къ лицу. Теперь я познаю по частямъ, а тогда узнаю все, подобно тому, какъ самъ узнанъ».

Король склонилъ голову и произнесъ: «аминь»; потомъ снова продолжалъ, послѣ короткой паузы:

Digitized by Google

— Съ самой ранней юности опутывали меня сѣтями, заманивали искушеніями, льстили мнѣ, обманывали, и я сдѣлался самонадѣянъ, потому что мнѣ удавалось иногда разрушать ухищренія враговъ и устоять противъ соблазна. Я сталъ считать себя лучше другихъ, возносясь не только передъ простымъ народомъ, но даже и передъ равными себѣ. Мнѣ хотѣлось царить, какъ божеству, на высокой горѣ, въ туманѣ облаковъ, вдали отъ земной суеты, и оттуда, съ этой невидимой вышины, карать и миловать своихъ подданныхъ. Тяжко согрѣшилъ я такимъ самомнѣніемъ; мнѣ захотѣлось жить, не соприкасаясь съ остальнымъ человѣчествомъ, и я сдѣлался чуждымъ всему міру, который не понималъ меня и котораго я самъ теперь не понимаю. Смиренно приношу покаяніе въ грѣхѣ высокомѣрія передъ всемогущимъ Богомъ, но только передъ нимъ однимъ. Только Господу прилично судить королей, а не людямъ!

Наступило молчаніе; король поднялъ голову, прислушиваясь, что́ скажетъ духовникъ. Наконецъ, пасторъ отвѣтилъ:

— Господь, милующій тебя, говоритъ: «сдвинутся горы съ мѣста и падутъ холмы, но благость моя не отойдетъ отъ тебя».

— Аминь,—вторично подтвердилъ Людвигъ.

— Я стремился ревностно исполнять свой долгъ правителя,—началъ опять король,—но мнѣ слѣдовало трудиться болѣе, служа примѣромъ дѣятельности и энергіи своему народу, тогда какъ я довольствовался исполненіемъ только необходимаго. Меня одушевляло высокое стремленіе создать отечество для благородныхъ искусствъ въ моемъ государствѣ; я жаждалъ противопоставить современному матеріализму идеалъ красоты и радовался, что милостью божіею занимаю тронъ, который даетъ мнѣ возможность воплотить идею, взлелѣянную мною въ сердцѣ. Но человѣкъ, считавшій себя всесильнымъ, долженъ былъ вскорѣ убѣдиться, что его могущество и его дѣла въ сущности ничтожны. Изъ всего, что́ создалось по моей иниціативѣ грандіознаго, блестящаго, невиданнаго до тѣхъ поръ, ничто не соотвѣтствовало идеалу, носившемуся въ моемъ воображеніи. И я съ неудовольствіемъ бросилъ то, что́ стояло передо мною въ осязательной формѣ, продолжая искать все новаго, лучшаго. Королевская казна казалась мнѣ неистощимой, однако вскорѣ я убѣдился въ своемъ заблужденіи. Между тѣмъ, своеволіе и эгоистическая страсть удовлетворять своимъ прихотямъ, забывая о другихъ, толкали меня на новыя непроизводительныя траты. Теперь баварскій народъ обвиняетъ своего короля въ расточительности, зоветъ его

Digitized by Google

пустымъ мечтателемъ, и онъ правъ; приношу покаяніе въ своемъ легкомыслiи.

— А такъ какъ мы сознали это, то насталъ часъ возстать отъ сна,—торжественно произнесъ духовникъ.

Король нѣкоторое время хранилъ молчаніе.

— Я былъ воспитанъ въ уваженіи и любви къ родителямъ и родственникамъ королевскаго дома,—продолжалъ Людвигъ, понизивъ голосъ.—Но никто изъ нихъ не хотѣлъ меня понять, моимъ желаніямъ и наклонностямъ всегда противорѣчили. Отъ этого угасла любовь въ моемъ сердцѣ. Даже отъ священной особы матери отдалило меня различіе нашихъ взглядовъ и чувствъ. Однимъ словомъ, тѣ, отъ кого я былъ вправѣ ожидать содѣйствія, утѣшенія, поддержки на своемъ трудномъ, отвѣтственномъ поприщѣ, стали относиться ко мнѣ враждебно; а когда они посягнули на то, что̀ было для меня всего дороже, мое сердце омрачилось ненавистью къ нимъ и недовѣріемъ. Всякое противорѣчіе себѣ я сталъ считать оскорбленіемъ королевскаго достоинства и, какъ искуситель, приступая ко Христу, нашептывалъ ему: «я сдѣлаю тебя владыкою вселенной!» также сказалъ онъ и мнѣ: «ты имѣешь власть; ты можешь уничтожить все, что̀ тебѣ противится. Растопчи змѣй, лежащихъ на твоей дорогѣ, и ты будешь тѣмъ, чѣмъ былъ: возлюбленнымъ, всемогущимъ владыкой своей страны».

Король умолкъ. Нѣкоторое время молчалъ въ раздумьѣ и маститый священникъ. Наконецъ, онъ спросилъ своимъ мягкимъ, кроткимъ голосомъ:

— Раскаиваешься ли ты въ этомъ, сынъ мой?

Снова наступила продолжительная пауза. Раздался отвѣтъ, звучавшій мрачнымъ упорствомъ:

— Нѣтъ, я не раскаиваюсь, отецъ мой. Развѣ не сказано въ святомъ писаніи: «Око за око, зубъ за зубъ?» Неужели мнѣ позволить безнаказанно растоптать себя?

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди пастора.

—«Любите враговъ вашихъ,—съ умиленіемъ произнесъ онъ,—благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ и гонящихъ васъ». «Подними мечъ справедливости, чтобы покарать беззаконіе, но пускай надъ нимъ сіяетъ солнце милосердія».

— Отецъ мой, ты требуешь многаго. Милосердіе, соединенное со справедливостью на землѣ! Гдѣ же находятся эти добродѣтели? Я не болѣе, какъ человѣкъ, и притомъ съ горячей кровью.

Digitized by Google

Если я подниму мечъ, то онъ начнетъ разить вмѣстѣ съ беззаконными и праведныхъ.

— Избави Богъ отъ этого ваше величество и насъ вмѣстѣ съ тобою!—съ волненіемъ воскликнулъ пасторъ.—О, мой Спаситель и Господь,—прибавилъ онъ,—явись во всеоружіи твоего милосердія и направь наши стопы на путь мира.

— Миръ не обитаетъ на землѣ, мой отецъ. Но слушай далѣе: я стою на распутіи моей жизни. Три дороги лежатъ передо мною и каждая изъ нихъ ведетъ въ темноту и мракъ. Куда мнѣ обратиться? Въ одномъ мѣстѣ кровь и гибель, въ другомъ—невыносимое, ни съ чѣмъ несравнимое бѣдствіе, и лишь въ концѣ третьяго пути виднѣется отдаленная свѣтлая точка: избавленіе, свобода! Отецъ мой, вѣришь ли ты въ загробную жизнь, послѣ того какъ разрушится наша тлѣнная оболочка?

— «Я живъ и всѣ вы должны быть живы»,—говоритъ Господь. Ты христіанинъ, а между тѣмъ сомнѣваешься?

— О, мой отецъ, гдѣ, въ нашъ вѣкъ голаго матеріализма, найти мѣсто, куда не проникло бы сомнѣніе? Только простые люди, «нищіе духомъ», сохранили прежнюю наивную вѣру. Я, властелинъ богато одареннаго, выдающагося въ наукѣ и искусствѣ народа, старался воспользоваться плодами знанія и цвѣтами искусства. Да, мой отецъ, я признаюсь въ своемъ невѣріи. На меня находятъ мрачные, мучительные часы, когда я сомнѣваюсь во всемъ, даже въ Богѣ и справедливости. Тогда все погружается передо мною въ бездну и рука, въ страхѣ ищущая опоры, хватаетъ пустоту.

— «Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію!»—сталъ тихо молиться священникъ.—«Укажи мнѣ пути твои и наставь меня на стезю правды».

Тутъ король еще ближе склонился къ уху пастора.

— А если существуетъ другая жизнь послѣ смерти тѣлесной,—прошепталъ онъ дрожащимъ голосомъ,—то, значитъ, есть и свиданіе за гробомъ? Одна близкая мнѣ душа раньше меня переселилась въ лучшій міръ; ты знаешь это, отецъ мой, какъ и то, что я тяжко согрѣшилъ передъ нею. Ея молодость и красота увяли изъ-за любви ко мнѣ; она умерла въ монастырѣ. Какъ эгоистъ, я захотѣлъ обладать ею; моя душа настойчиво требовала счастія, но у меня недостало силы сберечь его. Тебѣ, отецъ мой, привелось принять послѣднюю исповѣдь несчастной, погибшей черезъ меня, какъ сегодня ты принимаешь мою исповѣдь. Я знаю, ея чистая душа простила мнѣ, но самъ я никогда не могъ простить себѣ своей вины. Страдальческое лицо возлюб-

Digitized by Google

ленной преслѣдовало меня, становилось между мною и всякой радостью, всякимъ новымъ увлеченіемъ. Я искупилъ свою вину еще при жизни; разрѣши меня, отецъ мой, отъ этого страшнаго грѣха.

И снова донеслось до слуха короля, какъ тяжелый вздохъ:

— «Кто много любилъ, тому и простится много».

— Значитъ, я могу спокойно сойти во мракъ могилы?

— Да, когда Господу будетъ угодно отозвать тебя въ иной міръ,—отвѣтилъ серьезнымъ, убѣдительнымъ тономъ священникъ, и его голосъ замѣтно дрожалъ.—Вашему величеству не слѣдуетъ забывать, что одинъ Богъ имѣетъ власть надъ жизнью и смертью. Онъ далъ тебѣ жизнь и ты долженъ хранить ее, пока Отецъ небесный не потребуетъ ее обратно. «Не поддавайся злу, но побѣждай зло добромъ», сказано въ писаніи.

Людвигъ ничего не отвѣчалъ. Бернеръ вполголоса произнесъ обычную формулу отпущенія грѣховъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ глубины его души вознеслась къ престолу Всевышняго горячая мольба за кающагося, который томился въ мракѣ заблужденій и выносилъ жестокія душевныя муки.

— Pax Domini sit semper tecum! (Миръ господень да пребудетъ съ тобою всегда!)—заключилъ онъ, простирая для благословенія руки надъ головой колѣнопреклоненнаго монарха.

— Per omnia saecula saeculorum—Amen! (Во вѣки вѣковъ—аминь!)—отвѣчалъ голосъ государя.

Потомъ все стихло и только замирающіе, тихіе звуки органа отдавались подъ сводами капеллы.

Между тѣмъ старый лѣсничій съ зятемъ, Эрихомъ фонъ-Фельдау, ожидая Бернера въ домикѣ привратника, стали уже терять терпѣніе. У дверей сторожили приходъ пастора кучеръ Мартинъ и Зеппъ, болѣе получаса не спускавшіе глазъ съ крыльца королевскаго замка. Въ комнатѣ молоденькая Бербель приготовила свѣжаго пива для дорогихъ гостей, однако ни одинъ изъ нихъ не притронулся къ угощенію.

— И гдѣ это мѣшкаетъ старикъ Бернеръ?—спросилъ съ возраставшимъ безпокойствомъ Фельдау.—Право, намъ лучше не дожидаться его и открыть сходку. Зачѣмъ понапрасну безпокоить бѣднаго старика? Онъ и такъ порядкомъ усталъ сегодня.

Вальбургъ согласился съ нимъ.

— Но все таки,—замѣтилъ онъ,—мнѣ жаль, что его не будетъ съ нами, Эрихъ. Ты не знаешь, какъ много значитъ для

Digitized by Google

крестьянъ слово нашего добраго Бернера. Ему вѣрятъ, точно какому нибудь пророку.

— А, пожалуй, это и къ лучшему, что онъ не будетъ сегодня на собраньѣ. Служителю алтаря неловко одобрять насильственныя мѣры, безъ которыхъ мы едва ли обойдемся; я серьезно опасаюсь, что дѣло кончится вооруженнымъ сопротивленіемъ.

— Ты опасаешься этого, а я на это разсчитываю, Эрихъ. Мы защищаемъ своего законнаго государя и короля, это нашъ священный долгъ и обязанность, принятая на себя подъ присягой.

— Да, отецъ, до тѣхъ поръ пока Людвигъ II останется на престолѣ. Когда же его удалятъ отъ управленія государствомъ, то всякое фактическое сопротивленіе властямъ будетъ государственной измѣной.

Старый лѣсничій нетерпѣливо откашлялся.

— Неужели дошло до того, что и ты, Эрихъ, только до тѣхъ поръ будешь стоять за короля, пока...

— Пока его не устранятъ по закону отъ королевской власти...

— А когда это сбудется, ты станешь хладнокровно смотрѣть, какъ враги расправятся съ нимъ?

— Развѣ мы можемъ помѣшать этому, отецъ?

Вальбургъ стукнулъ кулакомъ по столу; на лбу у него надулись жилы.

— Да, мы хотимъ помѣшать и помѣшаемъ!—воскликнулъ онъ, внѣ себя.

Фельдау, привыкшій къ постояннымъ вспышкамъ старика, едва только заходила рѣчь о королѣ, съ достоинствомъ отступилъ назадъ.

— Въ такомъ случаѣ, меня не будетъ съ вами,—хладнокровно отвѣчалъ онъ.—Я—отецъ семейства; мнѣ грѣшно рисковать благосостояніемъ жены и дѣтей. Не разсчитывай на меня, если вы затѣваете что нибудь противозаконное.

— Хорошо; тогда ступай отъ насъ,—проворчалъ Вальбургъ.— Я охотно сложу сѣдую голову за своего короля и если за мою вѣрность меня лишатъ насиженнаго угла, гдѣ я провелъ счастливые годы со своей старухой, гдѣ родились наши дѣти, пусть будетъ такъ. И если мнѣ суждено умереть на чужбинѣ, вдали отъ родины, что за важность? Вездѣ можно спокойно лечь въ могилу съ чистою совѣстью.

Фельдау сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, ничего не возражая

Digitized by Google

однако на слова тестя. Въ эту минуту очень кстати Зеппъ просунулъ голову въ дверь, сообщая о приходѣ пастора. Лѣсничій Вальбургъ поспѣшилъ на встрѣчу другу, входившему въ комнату слабыми шагами и съ поникшей головой. Бербель съ чисто женской заботливостью поспѣшила подвинуть стулъ очевидно измученному старику. Тотъ съ тихимъ вздохомъ опустился на сидѣнье.

— Оставьте меня, прошу васъ, оставьте! отвѣчалъ онъ на озабоченные разспросы присутствующихъ.—Мнѣ нужно только отдохнуть нѣсколько часовъ и я снова соберусь съ силами. Поѣзжайте, пожалуйста, безъ меня. Я слишкомъ старъ... моя энергія истощилась. Бербель, вѣроятно, позволитъ мнѣ подождать здѣсь вашего возвращенія?

Жена привратника почтительно присѣла, сіяя отъ радости.

— Какая высокая честь для насъ, господинъ пасторъ!

Лѣсничій обмѣнялся съ зятемъ многозначительнымъ взглядомъ; они молча пожали руку Бернеру и вышли.

Священникъ, склонивъ голову, прислушивался къ стуку удалявшагося экипажа; потомъ его старческія руки, все еще сильно дрожавшія отъ волненія, сложились на молитву и онъ прошепталъ: «Господи Боже мой, умилосердись надъ нашимъ бѣднымъ возлюбленнымъ королемъ!»

XIX.

Профессоръ Вальбургъ съ Георгомъ предпочли пройтись пѣшкомъ до гостинницы на горѣ въ эту прохладную майскую ночь. Большинство молельщиковъ уже исчезло въ чащѣ лѣса, когда они вышли изъ воротъ замка. Оба нѣкоторое время молчали и только на поворотѣ дороги, когда имъ вздумалось бросить послѣдній взглядъ на королевскую резиденцію и полюбоваться ярко-освященнымъ фасадомъ живописнаго зданія, отражавшагося въ темной поверхности озера, профессоръ вдругъ обратился къ молодому Рандау съ неожиданнымъ вопросомъ:

— Не правда ли, милѣйшій Георгъ, вы удивляетесь про себя, встрѣчая во мнѣ такого горячаго сторонника короля Людвига?

И когда молодой человѣкъ съ нескрываемымъ удивленіемъ поднялъ голову, Ромуальдъ быстро прибавилъ:

— Развѣ вы ничего не слыхали въ домѣ моей сестры Катерины о моемъ прошедшемъ, о томъ, что мнѣ пришлось выстрадать и что сдѣлало меня на всю жизнь нелюдимымъ чудакомъ?

Digitized by Google

Георгъ въ порывѣ участія схватилъ руку профессора и крѣпко пожалъ ее.

— Конечно, я знаю объ этомъ и удивляюсь вашему великодушію. Какъ вы могли забыть прошлыя обиды и слушаться только одного голоса справедливости?

Ромуальдъ покачалъ головою.

— Вы ошибаетесь, мой юный другъ. Я ничего не забылъ, но то, что́ я дѣлаю, совершается мною въ память любимой женщины, согласно ея послѣднему желанію, выраженному на смертномъ одрѣ. Вы, можетъ быть, слышали о моей двоюродной сестрѣ Францискѣ, замѣчательной красавицѣ и талантливой артисткѣ, обладавшей превосходнымъ голосомъ? Мы выросли вмѣстѣ и любовь къ ней, развившаяся съ дѣтскихъ лѣтъ, сдѣлалась частью моего существа. Она олицетворяла для меня все чистое, высокое, прекрасное, и сама Франциска отвѣчала мнѣ взаимностью до тѣхъ поръ, пока—тутъ голосъ Ромуальда замѣтно дрогнулъ—пока король Людвигъ не сталъ между мною и моимъ счастьемъ. И, представьте себѣ, Георгъ: даже тогда, когда мои надежды были разбиты въ дребезги, когда я переносилъ муки, не выразимыя никакими словами, любовь по прежнему жила въ моемъ сердцѣ. Я еще и послѣ разлуки Франциски съ королемъ былъ готовъ протянуть ей руку, назвать ее своею и защитить отъ преслѣдованій. Вы назовете это слабостью, недостойной мужчины, но я чистосердечно признаюсь вамъ въ ней. Я съ дѣтства привыкъ смотрѣть на двоюродную сестру, какъ на будущую подругу жизни. Однако она, хотя и сломленная горемъ, доведенная до отчаянья, даже послѣ того, какъ мы съ Бернеромъ едва спасли ее отъ самоубійства, рѣшительно не допустила иныхъ отношеній между нами, кромѣ дружескихъ. Эту дружбу и родственную привязанность несчастная дѣвушка сохранила ко мнѣ до самой смерти. Почувствовавъ приближеніе послѣдней минуты, она пожелала видѣть одного меня. Пасторъ Бернеръ тотчасъ отправился за мною и мы вмѣстѣ пріѣхали въ монастырь. Я съ трудомъ удержался отъ рыданій, взглянувъ на исхудалое, желтое, какъ воскъ, лицо Франциски; отъ нея вѣяло уже могилой. Только дивные глаза горѣли прежнимъ блескомъ, но они были страшно велики и лежали глубоко въ глазныхъ впадинахъ. Все таки Франциска улыбнулась своими безцвѣтными губами и во время нашего разговора ея черты просіяли внутреннимъ свѣтомъ.—«Я причинила тебѣ много горя, Ромуальдъ», кротко сказала она, «и не хотѣла умирать, не сказавши, какъ мнѣ было больно за тебя. Я жажду получить твое прощеніе».—

Digitized by Google

Мое сердце до того переполнилось жалостью, что я не могъ произнести ни слова, а только покрылъ поцѣлуями и слезами руку умирающей.—Добрый, честный Ромуальдъ!—воскликнула она.—Какъ мнѣ благодарить тебя за твою преданность? Скажи: ты не откажешь мнѣ, если я еще разъ обращусь къ твоему самоотверженію? — Говори, отвѣчалъ я, говори откровенно: я готовъ исполнить самую трудную задачу ради тебя.—Да, это будетъ тебѣ нелегко!—произнесла Франциска, отвертываясь въ сторону и украдкой вытирая слезу.—Ромуальдъ,—продолжала она, немного оправившись,—ты долженъ узнать то, въ чемъ я не смѣла признаться даже своему духовнику. Монахиня, старавшаяся забыть прошедшее и доказать себѣ молитвой и умерщвленіемъ плоти грѣховность своей любви, говоритъ тебѣ сегодня передъ лицомъ смерти, что эта любовь была для нея самымъ дорогимъ сокровищемъ на землѣ. Да, и еслибъ мнѣ было возможно начать жизнь съизнова, я не могла бы прожить ее иначе и не отвѣтить взаимностью на пылкое чувство того превосходнаго человѣка, котораго любила всей душой до гробовой доски.—

Франциска опять умолкла. Нашъ разговоръ, повидимому, утомлялъ больную. Хриплый кашель вырвался у нея изъ груди; она умирала легочной чахоткой.

— Я должна высказаться коротко, Ромуальдъ,—съ усиліемъ продолжала умирающая.—Силы меня покидаютъ. Послѣ моего признанія ты поймешь, куда направлены мои мысли въ смертный часъ... Я думаю только о томъ... кого не могла вырвать изъ своего сердца и въ стѣнахъ монастыря! Единственный разъ, онъ случайно встрѣтился со мною, считая меня умершей. Это было въ монастырскомъ саду; я только что приняла постриженіе... у него въ порывѣ отчаянія вырвалось слово упрека, и оно не переставало съ тѣхъ поръ отдаваться у меня въ душѣ и сдѣлалось моимъ жесточайшимъ мученіемъ. Онъ мнѣ сказалъ: «Какъ, ты жива и покинула меня въ одиночествѣ? О, Боже, Боже, что ты надѣлала!» Да, что я надѣлала? Съ каждымъ днемъ мнѣ становилось понятнѣе, что вмѣстѣ со мною изъ жизни этого благороднаго человѣка исчезъ послѣдній лучъ любви. Я поняла слишкомъ поздно, чѣмъ была для него, и горько оплакивала въ своей тихой кельѣ, что не могу по прежнему быть его подругой. Мы жили такъ близко одинъ отъ другаго и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ далеко, разлученные навѣки! Душевныя муки, которыя я переносила во время безсонныхъ ночей, не могутъ быть выражены человѣческимъ словомъ—молитва оказывалась безсильной противъ этой агоніи тоски, и душевный міръ навсегда покинулъ меня.

Digitized by Google

Сомнѣніе въ томъ, хорошо ли я поступила, удалившись отъ свѣта, не давало мнѣ покоя. Я винила себя въ рѣзкой перемѣнѣ, происшедшей съ королемъ, потому что слухи о его возраставшихъ странностяхъ доходили и до нашей тихой обители. О, Ромуальдъ, онъ долженъ быть глубоко несчастливъ и одинокъ, если хватается за такія неблагоразумныя средства разсѣять свою печаль. Я знаю также, что много клевещутъ на него изъ-за этого фантастическаго образа жизни и что положеніе короля становится сомнительнымъ. Онъ окруженъ противниками, предательство подстерегаетъ его на каждомъ шагу и у него такъ мало истинныхъ друзей, честныхъ приближенныхъ, готовыхъ постоять за своего государя! Ромуальдъ, до сихъ поръ ты былъ озлобленъ противъ него, но... выслушай мольбу умирающей: пусть это озлобленіе умретъ и будетъ похоронено вмѣстѣ со мною. Помни съ тѣхъ поръ только о возвышенныхъ и добрыхъ качествахъ короля Людвига, о его несомнѣнныхъ доблестяхъ; повѣрь мнѣ: онѣ только на время омрачились туманомъ фантастическихъ грезъ, которыми несчастный человѣкъ старается обмануть тоску одиночества. Помни, что я его любила до послѣдней минуты, не потому, что онъ король, а потому, что я встрѣтила въ немъ благороднѣйшаго человѣка, какой только существуетъ на землѣ; онъ не виноватъ, если его любовь принесла мнѣ несчастье. Будь ему другомъ, Ромуальдъ, какъ былъ ты мнѣ, не смотря на нашъ разрывъ; будь вѣренъ тому, кто вполнѣ заслуживаетъ вѣрности лучшихъ изъ своихъ подданныхъ. Если короля Людвига предадутъ людскому суду, не допусти, чтобы его несправедливо обвинили, а постарайся привлечь къ нему новыхъ сторонниковъ, и если на него обрушится несчастіе... которое я предугадываю заранѣе—тогда мужественно выступи на защиту священныхъ правъ короля въ память обо мнѣ, потому что мой послѣдній вздохъ будетъ молитвой за него, какъ за лучшаго, честнѣйшаго человѣка, какого я только знавала.

Франциска выпрямилась и смотрѣла передъ собою блестящими глазами, утратившими всякое земное выраженіе. «Обѣщай мнѣ!»—съ мольбой шептали ея дрожащія губы.

— О, Франциска, чѣмъ я, незначительный человѣкъ, могу быть для него, могущественнаго государя?

— Напрасно ты такъ думаешь, Ромуальдъ; впослѣдствіи тебѣ будетъ понятна моя просьба. Твое золотое сердце, твой характеръ, твоя неподкупная честность служатъ мнѣ порукой, что ты можешь пригодиться королю въ критическую минуту, когда онъ

Digitized by Google

будетъ нуждаться въ поддержкѣ. О, не заставляй же меня просить напрасно.

— Она протянула ко мнѣ съ мольбою руки; съ ней сдѣлался приступъ судорожнаго кашля. Больная съ жалобнымъ стономъ опрокинулась на подушки. Я обѣщалъ ей въ ту минуту все, чего она требовала... и въ настоящее время стараюсь исполнить данную клятву. Понимаете ли вы меня, Георгъ?

Георгъ съ глубокимъ участіемъ слушалъ разсказъ профессора, переданный отрывистыми фразами въ очевидномъ волненіи.

— Благодарю за ваше довѣріе, уважаемый другъ,—отвѣчалъ юноша, взволнованный въ свою очередь.—Теперь мнѣ все ясно: я понимаю странную жизнь короля и его постепенный переходъ къ необъяснимымъ чудачествамъ. Пожалуй, умирающая была права. Еслибъ у нея нашлось достаточно силы и мужества пренебречь мнѣніемъ свѣта и не покинуть любимаго человѣка, то король не дошелъ бы до такого положенія и его жизнь сложилась бы удачнѣе.

Профессоръ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Пожалуй... Можетъ быть. Теперь трудно сказать что нибудь опредѣленное. Вѣроятно одно, что мягкое сердце короля требовало любви, что оно мучительно страдало отъ недостатка истинной, серьезной, самоотверженной привязанности и страдаетъ до сихъ поръ. Но могла ли одна Франциска наполнить ему жизнь своею любовью и вознаградить его за всѣ неудачи на тяжеломъ, отвѣтственномъ поприщѣ; съумѣла ли бы наконецъ она сдѣлать изъ мечтательнаго юноши—сильнаго душою, желѣзнаго, непреклоннаго человѣка, какимъ долженъ быть повелитель цѣлаго народа,—въ этомъ я сильно сомнѣваюсь. Моя сестра и сама обладала черезчуръ мягкимъ, уступчивымъ характеромъ; это была натура любящая, но лишенная всякой энергіи. Теперь же и такому энергичному человѣку, какъ графъ Адлерсгорстъ, не удается воскресить парализованной воли государя.

— Да, положеніе дѣлъ очень затруднительно,—задумчиво замѣтилъ Георгъ.—Однако въ рѣшительныя минуты король никогда еще не падалъ духомъ.

— Зато его образъ жизни не достоинъ мужчины съ характеромъ и съ опредѣленнымъ направленіемъ.

— Я не ожидалъ отъ васъ такого суроваго приговора несчастному королю.

— Да, мои слова жестки, но справедливы. Я человѣкъ вполнѣ зрѣлый, Георгъ, и хотя вашъ отецъ часто упрекаетъ меня въ излишней пылкости,—что отчасти основательно,—однако я смотрю

Digitized by Google

на нѣкоторыя вещи гораздо хладнокровнѣе, чѣмъ вы, при вашей молодости, поддающейся первому впечатлѣнію. Сознайтесь, Георгъ, что съ тѣхъ поръ какъ вы лично узнали короля Людвига, вы сдѣлались его поклонникомъ?

— Не стану этого отрицать. Хотя и раньше идеальная личность государя съ его богатыми дарованіями, не смотря на извѣстныя странности, внушала мнѣ восхищеніе, но я полюбилъ его всей душой, только узнавъ плѣнительную ласковость обращенія короля; въ немъ дѣйствительно есть что-то неотразимо привлекательное.

— Не стану отрицать этихъ преимуществъ, потому что они стоили мнѣ счастья цѣлой жизни. Но все это не оправдываетъ ошибокъ короля Людвига, какъ правителя. Кто отдается безъ оглядки игрѣ собственной фантазіи, тотъ не долженъ удивляться, если свѣтъ усомнится въ его здравомъ умѣ и даже заподозритъ въ немъ прямо психическій недугъ...

— Какъ?—прервалъ пораженный Георгъ,—неужели вы допускаете...

— Что приговоръ врачей основателенъ? Любезный другъ, я не медикъ и воздерживаюсь отъ всякаго сужденія, какъ и отъ всякой критики въ настоящемъ дѣлѣ. Могу сказать только одно, что съ королемъ поступаютъ жестоко и что такое обращеніе непозволительно даже и съ несомнѣнно помѣшаннымъ человѣкомъ. Долгъ и гуманность предписываютъ въ данномъ случаѣ величайшую осторожность, тѣмъ болѣе, что король перенесъ много несправедливостей и былъ ожесточенъ ими. Повѣрьте мнѣ, милый Георгъ, что за мнимой заботливостью о здоровьѣ государя скрывается недоброжелательство враговъ; они втихомолку раздуваютъ огонь, который долженъ испепелить его. Не заблужденія короля, а, напротивъ, его хорошія свойства колютъ имъ глаза, мѣшая достиженію ихъ своекорыстныхъ цѣлей. Эти люди ловко оттѣсняютъ на задній планъ порядочныхъ личностей, пользующихся симпатіей народа, а потомъ на нихъ же безсовѣстно свалятъ всю отвѣтственность за собственныя интриги. Дай Богъ намъ своевременно помѣшать злодѣямъ, распутавъ ихъ сѣти, куда они искусно ловятъ и враговъ, и друзей. Во всякомъ случаѣ необходимо оградить короля отъ малѣйшаго насилія, потому что онъ едва ли перенесетъ подобный ударъ. Въ этомъ намъ помогутъ храбрые горцы, съ которыми я и хочу держать совѣтъ сегодня въ домѣ стараго трактирщика. Если даже мы потерпимъ пораженіе, все таки королю будетъ отрадно въ роковую минуту встрѣ-

Digitized by Google

тить въ окрестныхъ жителяхъ такую готовность защитить его, не щадя своей жизни.

Георгъ утвердительно кивнулъ головой.

— То же самое говоритъ и графъ Адлерсгорстъ. Къ сожалѣнію, у него мало надежды на успѣхъ. Послѣ злополучнаго разговора съ графомъ Гольдбергомъ, король впалъ въ страшную апатію, а это—плохое предсказаніе для нашихъ плановъ.

— Низкій мошенникъ! злобно произнесъ профессоръ. Кто бы могъ ожидать такой подлости отъ этого изящнаго кавалера и веселаго свѣтскаго человѣка?

— Я боюсь, тихо замѣтилъ Георгъ,—что графъ Адлерсгорстъ намѣренъ раздѣлаться съ нимъ при первой возможности.

— Вы полагаете, что онъ вызоветъ его на дуэль? перебилъ Ромуальдъ. Ну, я со своей стороны искренно желаю, чтобы дѣло не дошло до этого. Конечно, Гольдбергу туда и дорога, если его постигнетъ справедливое возмездіе, но жизнь нашего добрѣйшаго графа Адлерсгорста слишкомъ драгоцѣнна, чтобы положить ее на одни вѣсы съ участью какого нибудь негодяя. Вообще поединки—нелѣпость. Это остатки отжившихъ средневѣковыхъ предразсудковъ и очень жаль, что лучшая часть нашего дворянства еще придерживается дуэлей. Впрочемъ, извините, Георгъ, вѣдь вы также дворянинъ.

Молодой Рандау только пожалъ плечами. Разговаривая между собою, пріятели незамѣтно достигли гостинницы на горѣ, гдѣ толпилось уже много народу. Слышались горячіе толки и споры. Профессора тотчасъ окружили со всѣхъ сторонъ. Онъ также былъ здѣшній уроженецъ и окрестные горцы видѣли въ немъ человѣка, родственнаго имъ по духу, съ неуклоннымъ, почти упрямымъ стремленіемъ къ справедливости, съ неподкупной, правдивой душой. Здѣсь собрались настоящіе вѣрноподданные короля Людвига, готовые во всякое время, въ случаѣ нужды, пожертвовать имуществомъ и сложить головы за своего законнаго государя и отечество.

Когда, полчаса спустя, на сходку прибыли старый лѣсничій Вальбургъ со своимъ зятемъ, они увидѣли профессора уже на импровизированной каѳедрѣ, говорившаго рѣчь къ собравшейся толпѣ, которая слушала его въ почтительномъ молчаніи.

— Вотъ каково положеніе дѣлъ!—только что заключилъ онъ.— Ну, теперь вамъ все извѣстно. Каждый день можетъ явиться сюда комисія, уполномоченная насильно увезти отсюда короля. Неужели вы спокойно станете смотрѣть, какъ на вашего добраго государя, съ которымъ вы только что молились вмѣстѣ въ церкви,

Digitized by Google

нападутъ, какъ на разбойничьяго атамана, и лишатъ его всѣхъ правъ?

— Ни за что! грянуло энергичнымъ унисономъ со всѣхъ сторонъ, и мускулистые загорѣлые кулаки замелькали въ воздухѣ. Пускай только появятся эти мошенники—мы съ ними расправимся по своему. Не дадимъ увезти отъ насъ нашего короля! Только по нашимъ трупамъ враги проложутъ себѣ дорогу къ его священной особѣ!

Толпа волновалась. Смѣшанный гулъ голосовъ потрясалъ стѣны гостинницы. Въ эту минуту графъ Адлерсгорстъ, незамѣтно вошедшій во время рѣчи оратора, старался протѣсниться впередъ.

— Дорогу, благородному графу!—крикнулъ чей-то голосъ Присутствующіе разступились, замахали шляпами, и оглушительное привѣтствіе дружно огласило воздухъ, такъ что висячій канделябръ подъ потолкомъ большой залы зазвенѣлъ своими цѣпочками и подвѣсками. — Да здравствуетъ графъ Адлерсгорстъ!— Трижды да здравствуетъ!!

Графъ поднялся на трибуну къ профессору Вальбургу, который тотчасъ уступилъ ему мѣсто. Адъютантъ короля остался въ полной парадной формѣ, какъ присутствовалъ на богослуженіи. Онъ окинулъ бѣглымъ взглядомъ собраніе, желая убѣдиться, не замѣшался ли сюда какой нибудь шпіонъ и тайный предатель. Но его колебаніе длилось всего одну минуту, потомъ Адлерсгорстъ поднялъ свое лицо. «Какъ онъ блѣденъ и озабоченъ!» съ участіемъ шептали въ толпѣ. Наконецъ, графъ заговорилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Для меня также было новостью только что сказанное профессоромъ Вальбургомъ. Я не зналъ, что́ намъ предстоитъ.... Благодарю васъ отъ имени его величества за вашу любовь къ нему и вѣрность. Тѣмъ не менѣе, долгъ обязываетъ меня предупредить васъ, чѣмъ вы рискуете, если намъ не удастся отстоять права его величества и ваше великодушное самопожертвованіе окажется напраснымъ. Знайте, что тогда васъ назовутъ бунтовщиками, мятежниками, и привлекутъ къ судебной отвѣтственности, какъ нарушителей общественнаго порядка.

— Пусть будетъ такъ! За нашего короля мы готовы пожертвовать всѣмъ имуществомъ и кровью, жизнью и свободой!

Адлерсгорстъ былъ растроганъ искренностью этого отвѣта, но его лицо не прояснилось.

— Господь да благословитъ васъ за вашу вѣрность!— снова началъ онъ.—Я убѣжденъ: его величество будетъ глубоко тронутъ

Digitized by Google

этимъ. Но приметъ ли онъ вашу жертву, не могу поручиться заранѣе.

Крикъ удивленія раздался въ толпѣ.

— Не приметъ? Онъ долженъ, онъ не имѣетъ права оттолкнуть насъ.

— Что вы дѣлаете, господинъ графъ?—прошепталъ профессоръ на ухо Адлерсгорсту.—Вы запугиваете людей...

— Я не хочу допустить, чтобъ эти храбрецы напрасно пострадали,—также тихо отвѣчалъ тотъ.

Въ залѣ поднялась тревога. Трактирщикъ переходилъ отъ одной группы къ другой, совѣщаясь о чемъ-то съ крестьянами. Наконецъ, онъ почтительно приблизился къ графу.

— Что вамъ нужно, хозяинъ?

— Люди желаютъ знать, какъ вы посовѣтуете поступить при настоящихъ обстоятельствахъ?

— Вы требуете моего совѣта?—громко воскликнулъ Адлерсгорстъ.—Вотъ что я вамъ скажу: изберите изъ своей среды депутацію и сами выскажите свои желанія его величеству.

Всѣ переглянулись между собою. Совѣтъ оказался такимъ простымъ и разумнымъ. Какъ они сами не додумались до этого? Ромуальдъ также улыбнулся и съ удовольствіемъ шепнулъ Георгу, стоявшему около трибуны:

— Отлично, великолѣпно!... Только бы это не подѣйствовало слишкомъ сильно на короля. Нельзя ничего придумать лучше и цѣлесообразнѣе.

Тотчасъ принялись выбирать депутацію. Выборъ палъ прежде всего на восьмидесятилѣтняго крестьянина, державшагося прямо и бодро, не смотря на преклонный возрастъ. Въ своемъ живописномъ костюмѣ горца, онъ смотрѣлъ еще молодцомъ. Потомъ было выбрано нѣсколько человѣкъ изъ наиболѣе уважаемыхъ окрестныхъ жителей, извѣстныхъ своею преданностью королю. Депутаты составили славную группу, которая выстроилась передъ испытующимъ взоромъ Адлерсгорста. Всѣ они смотрѣли серьезно; на ихъ смѣло поднятыхъ лицахъ читалась твердая рѣшимость; глаза горѣли энтузіазмомъ. Старый лѣсничій съ сыномъ, Эрихъ Фельдау и Георгъ ходили по залѣ, слушая толки и давая совѣты. Собраніе порѣшило изъ предосторожности немедленно составить правильно организованный отрядъ, который обязывался держать караулъ вблизи королевскаго замка. Георгъ Рандау былъ выбранъ предводителемъ. Въ пылу переговоровъ никто не замѣтилъ незнакомаго человѣка въ охотничьемъ платьѣ, пробравшагося какъ будто нечаянно въ залу гостинницы. Его глаза, сверкавшіе изъ

Digitized by Google

подъ полей низко надвинутой шляпы, съ любопытствомъ перебѣгали отъ одной группы къ другой. Только въ ту минуту, когда старая Рези отворила дверь кухни, чтобы внести въ комнату, съ помощью служанки, назначенное отъ хозяина угощенье собравшимся сосѣдямъ, обѣ женщины замѣтили незнакомца, торопливо повернувшагося къ нимъ спиной. Но прежде чѣмъ Тереза успѣла указать трактирщику на непрошеннаго посѣтителя, онъ добрался до дверей и исчезъ.

— Шпіонъ, шпіонъ!—пронзительно крикнула старуха, указывая рукой въ ту сторону, гдѣ стоялъ егерь. Нѣсколько молодыхъ парней тотчасъ бросилось за нимъ слѣдомъ. Но бѣглецъ исчезъ во мракѣ лѣса и ночью невозможно было отыскать его слѣдовъ.

— Кто это былъ?—приступали съ разспросами къ Терезѣ.

— Бурдахъ или его призракъ!—простонала она, трясясь, какъ въ лихорадкѣ.

— Ну, вотъ еще! Бурдахъ давно умеръ. Старуха сошла съ ума, хозяинъ; ей вѣрно примерещилось.

Однако ея слова подтвердили и другіе, замѣтившіе незнакомца. Вдругъ Зеппъ ударилъ себя по лбу.

— Какъ это я не призналъ его сразу!—воскликнулъ онъ. Вѣдь это былъ мошенникъ Гельмъ, который хотѣлъ обокрасть его величество и былъ собственноручно побитъ государемъ.

— Какъ, этотъ мерзавецъ, который недавно давалъ главныя показанія противъ короля передъ врачебной комисіей въ Мюнхенѣ, отважился явиться сюда?—спросилъ профессоръ.

— Онъ, какъ слышно, получилъ черезъ посредство аббата Эйхфельда должность егеря въ лѣсномъ участкѣ при замкѣ ея величества, вдовствующей королевы,—замѣтилъ Зеппъ.

— Ну, такъ съ нимъ расправятся!—возвысилъ голосъ старый Вальбургъ.—Предоставьте это мнѣ, дѣти. Шпіонъ не уйдетъ отъ наказанія.

Фонъ-Фельдау крѣпко сжалъ тестю плечо.

— Прошу тебя, отецъ, оставь его въ покоѣ. Какой особенный вредъ въ состояніи принести одинъ человѣкъ?

— Въ худшемъ случаѣ,—вмѣшался графъ Адлерсгорстъ,—его доносъ можетъ ускорить развязку, что въ сущности будетъ лучше для обѣихъ сторонъ, особенно для короля, которому тяжелѣе всѣхъ переносить мучительную неизвѣстность. Кромѣ того,—прибавилъ онъ, наклоняясь къ профессору, одобрительно кивавшему головой,—мы вѣдь всѣ знаемъ, что намъ предстоитъ, и готовы къ отпору.

Фельдау съ нѣкоторымъ безпокойствомъ поглаживалъ бѣлоку-

Digitized by Google

рую бороду. «Да, мы знаемъ, что́ намъ предстоитъ», отозвалось у него въ сердцѣ. «Имѣю ли я право рисковать собою и подвергать риску жену и дѣтей? Вѣдь, все равно, изъ нашихъ усилій ничего не выйдетъ», думалъ онъ про себя.

Оставалось еще назначить время и часъ для созванія депутатовъ. Графъ Адлерсгорстъ взялся представить ихъ королю. Старый лѣсничій также выразилъ желаніе примкнуть къ выборнымъ.

— Его величество долженъ узнать, какъ вѣрны ему до сихъ поръ старые слуги!—воскликнулъ онъ.

Графъ поблагодарилъ старика и обратился къ Фельдау, такъ какъ профессоръ заявилъ, что ему завтра утромъ необходимо вернуться въ Мюнхенъ. На вопросъ адъютанта, желаетъ ли онъ сопутствовать депутаціи, старшій лѣсничій отвѣчалъ отрицательно, отговариваясь неотложными дѣлами по своему вѣдомству.

Графъ тотчасъ понялъ настоящій смыслъ отвѣта Эриха Фельдау и простился съ нимъ довольно холодно. Старый Вальбургъ мрачно нахмурился и когда зять, какъ было условлено между ними раньше, предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ въ охотничій за́мокъ, старикъ рѣшительно объявилъ, что переночуетъ въ гостинницѣ.

— Но Катя ждетъ тебя,—возразилъ пораженный Фельдау.

— Ты утѣшишь ее, если со мной случится что нибудь недоброе.

— Дорогой отецъ, что за мысли! Неужели ты серьезно думаешь, что дѣло дойдетъ до вооруженнаго сопротивленія?

— А ты полагалъ, что мы играемъ комедію? Время слишкомъ серьезно для такой забавы!

Фельдау пожалъ плечами.

— Въ твои годы, по крайней мѣрѣ, ты имѣлъ бы право... Да, наконецъ, это твой долгъ—предоставить открытую борьбу болѣе молодымъ.

— Каждый понимаетъ свой долгъ по своему!—вспылилъ старикъ.—У насъ съ тобою различные взгляды на этотъ предметъ. Иди своей дорогой; я не могу препятствовать тебѣ въ томъ, но и мнѣ предоставь поступать, какъ я нахожу нужнымъ.

Фельдау не сталъ спорить; онъ только сдѣлалъ знакъ Георгу слѣдовать за нимъ. Профессоръ Вальбургъ остался еще недолго, стараясь успокоить разсерженнаго отца, которому Рези второпяхъ приготовляла комнату. Потомъ онъ отправился обратно въ королевскій за́мокъ, чтобы захватить съ собою пастора Бернера и уѣхать съ нимъ въ Гогеншвангау, на Тегернское озеро. Онъ нашелъ священника отдохнувшимъ, но все еще въ тяжеломъ на-

Digitized by Google

строеніи. Бернеръ разспрашивалъ дорогой Ромуальда о результатѣ сходки; тотъ разсказалъ ему все подробно. Пасторъ только вздохнулъ въ отвѣтъ и произнесъ:

— Одинъ Господь наша надежда—да будетъ воля Его!

XX.

Вдовствующая королева провела въ молитвѣ цѣлую ночь. Поутру она вышла изъ своей уборной; ея лицо съ большими темными глазами обрамлялось складками черной вуали; длинная траурная одежда почти подавляла своей тяжестью нѣжную, хрупкую фигуру. Проходя черезъ кабинетъ, она остановилась противъ двухъ портретовъ, писанныхъ масляными красками, въ богатыхъ золотыхъ рамахъ; они составляли единственное украшеніе комнаты, напоминавшей простотою своей обстановки монастырскую келью. Одинъ изъ портретовъ изображалъ покойнаго короля, другой—теперешняго; онъ былъ снятъ съ Людвига II тотчасъ послѣ его восшествія на престолъ. Какъ часто мать съ восторгомъ и гордостью любовалась юношескимъ лицомъ и синими глазами, ласково смотрѣвшими на нее изъ рамы; какія надежды возлагала она на этого сына, такъ щедро одареннаго провидѣніемъ! Когда-то онъ обѣщалъ покрыть новой славой свой древній родъ и придать еще больше блеска своему наслѣдственному престолу—а теперь?

Исхудавшія бѣлыя руки королевы дрожали отъ волненія; она сложила ихъ, какъ на молитву; изъ ея глазъ украдкой выкатилась слеза. Но жизнь требуетъ иногда не человѣческихъ усилій отъ высокопоставленныхъ людей. Королева знала, что должна сохранять свое достоинство даже и въ тѣ минуты, когда сердце разрывалось у нея на части. Она давно изучила трудное искусство владѣть собою. Ей пришлось такъ много выстрадать: бѣдная женщина такъ рано лишилась того, кто былъ ей дороже всего на свѣтѣ: горячо любимаго, благороднаго, великодушнаго мужа; съ его смертью рѣзко измѣнилось положеніе королевы и она не знала больше полнаго счастья. Сколько слезъ втихомолку пролила еще сравнительно молодая вдова о своей печальной участи! Сколько лѣтъ прошло до тѣхъ поръ, пока она окончательно примирилась со своей долей, хотя наружно всегда выказывала христіанскую покорность судьбѣ. Послѣ того, для нея наступили новыя испытанія: сынъ, котораго боготворила одинокая женщина, сталъ болѣе и болѣе отдаляться отъ матери и впадать въ необъяснимыя странности. Давно уже встрѣчи съ нимъ сдѣлались

Digitized by Google

для нея настоящей пыткой; мать и сынъ не понимали болѣе другъ друга, да, можетъ быть, этого пониманія и никогда не существовало между ними. Королева находила единственное утѣшеніе въ религіи; сынъ, какъ свободный мыслитель, не хотѣлъ знать никакихъ стѣсненій и давалъ широкій просторъ своимъ идеямъ и пылкой фантазіи. Для этихъ діаметрально противоположныхъ натуръ не существовало почвы, гдѣ онѣ могли бы прійти ко взаимному соглашенію. А между тѣмъ чувство любви не погасло ни въ томъ, ни въ другомъ, и они оба страдали отъ своей отчужденности.

Королева хотѣла уже идти дальше, но опять остановилась въ нерѣшимости посреди кабинета, прижимая руку къ своему робко бьющемуся сердцу. Она знала, что ей понадобится все ея самообладаніе и выдержка для предстоящихъ переговоровъ съ деверемъ, герцогомъ Фердинандомъ, который увѣдомилъ невѣстку черезъ посланнаго, что имѣетъ къ ней безотлагательное дѣло. Въ залѣ, гдѣ она рѣшилась его принять, королеву встрѣтилъ низкимъ поклономъ ея придворный штатъ. Она обратилась къ каждому изъ присутствующихъ съ привѣтливымъ словомъ и дѣлала видъ, будто бы внимательно выслушиваетъ отвѣты, но ея мысли блуждали далеко. Обстановка обширной пріемной также отличалась простотою; изъ высокихъ оконъ виднѣлись на далекомъ пространствѣ: лѣса и зеленыя луговины по горнымъ уступамъ, прихотливо разбросанные домики и деревеньки, утопавшія въ зелени. Яркое весеннее солнце весело освѣщало живописный пейзажъ. Ясная погода обыкновенно дѣйствовала оживляющимъ образомъ на королеву, но сегодня она была безучастна ко всему. Опустивъ глаза, государыня прошла мимо оконъ, кивнувъ головою аббату Эйхфельду, своему духовнику и неизмѣнному совѣтчику. Тотъ немедленно послѣдовалъ за ней въ сосѣднюю комнату, также не обнаруживавшую никакихъ слѣдовъ роскоши. Здѣсь королева съ тяжелымъ вздохомъ опустилась на стулъ.

— Какія извѣстія имѣете вы изъ замка Нейшванштейнъ, аббатъ?

— Къ сожалѣнію, мало утѣшительныя, ваше величество,— былъ отвѣтъ, произнесенный съ печальной миной и потупленными взглядами.—По прежнему—безпокойство, безсонница, рѣзкія вспышки гнѣва противъ прислуги, но что всего хуже, такъ это внушенія недобросовѣстныхъ лицъ, которымъ хочется принудить его величество къ насилію...

Королева перемѣнилась въ лицѣ.

Digitized by Google

— Къ какому насилію? противъ кого?..—спросила она, выпрямляясь.

— Противъ всѣхъ, кого король безъ всякаго повода считаетъ своими преслѣдователями. Ваше величество понимаете... душевно больнымъ всегда кажется, что ихъ преслѣдуютъ. Таково свойство этой ужасной болѣзни... Между тѣмъ, хитрые приближенные пользуются маніей государя, чтобы возстановить его противъ непріятныхъ имъ лицъ. Они непремѣнно доведутъ короля до бѣшенства и онъ совершитъ какое нибудь преступленіе, если не принять своевременно необходимыхъ мѣръ.

Королева слушала съ возраставшимъ испугомъ. Но пока она успѣла что нибудь возразить на слова аббата, подъ окномъ раздался стукъ экипажа. Въ сосѣдней залѣ поднялось движеніе, мужскіе шаги приблизились къ двери и въ комнату вошелъ герцогъ Фердинандъ. Невѣстка сдѣлала нѣсколько шаговъ къ нему на встрѣчу. Онъ почтительно прикоснулся губами къ ея рукѣ, которую она протянула ему съ граціознымъ наклоненіемъ головы, потомъ посѣтитель подвелъ королеву обратно къ стулу и сѣлъ противъ нея; аббатъ остался стоять возлѣ государыни. Портьеры на дверяхъ были спущены и любопытные глаза придворныхъ не могли видѣть происходившаго въ комнатѣ. Герцогъ былъ видимо разстроенъ. Этотъ пріѣздъ ко вдовѣ брата, и матери несчастнаго Людвига, дѣйствительно, представлялъ для него самый трудный шагъ въ его жизни. Старикъ былъ готовъ отказаться отъ многаго, пожалуй, даже отъ предстоявшей ему верховной власти, которой онъ такъ упорно добивался, еслибъ этой цѣной было можно избѣжать мучительнаго свиданія.

— Я уже готова ко всему,—начала королева, бросая на деверя взглядъ, полный глубокой, невыразимой грусти, отъ котораго у него болѣзненно защемило сердце.—Говорите безъ утайки, Фердинандъ; я знаю, что должна покориться волѣ Всевышняго, который посылаетъ мнѣ новое тяжкое испытаніе.

— Почтеннѣйшая невѣстка,—отвѣчалъ герцогъ голосомъ, дрожавшимъ отъ непритворнаго волненія,—мнѣ тяжела необходимость огорчить васъ. Но обстоятельства требуютъ рѣшительныхъ мѣръ и дальнѣйшее колебаніе было бы грѣхомъ противъ баварскаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ вашего сына, моего племянника.

Герцогъ снова почувствовалъ на себѣ страдальческій взглядъ королевы, вонзавшійся ему въ сердце.

— Я знаю,—тихо отозвалась она.—На чемъ же вы порѣшили насчетъ моего несчастнаго сына?

Digitized by Google

Герцогъ быстро переглянулся съ аббатомъ, молча спрашивая того, насколько посвящена государыня въ ихъ тайны. Эйхфельдъ сдѣлалъ почти неуловимый знакъ головою, и тогда Фердинандъ нерѣшительно произнесъ:

— Разумѣется, нашей первой и главнѣйшей заботой будетъ поручить лѣченіе его величества опытнымъ врачамъ...

— А у васъ есть надежда на его выздоровленіе? — перебила мать, со страхомъ и надеждой ожидая отвѣта.

— А какъ же иначе?—быстро возразилъ ей деверь.—Будьте увѣрены, почтеннѣйшая невѣстка, что все, сдѣланное нами, предпринято именно съ цѣлью возстановить драгоцѣнное здоровье короля. Ради чего же мы хлопочемъ? Всѣ средства будутъ испробованы, чтобы привести Людвига, сына моего возлюбленнаго брата, вашего—блаженной памяти—супруга, къ полному выздоровленію. Тогда онъ снова займетъ свое мѣсто на престолѣ предковъ и не вернется больше къ своимъ болѣзненнымъ грезамъ, заслоняющимъ отъ него въ настоящее время трезвую дѣйствительность.

— И вы исполните мое желаніе, какъ говорилъ аббатъ, и пригласите на консультацію еще одного свѣдущаго психіатра изъ-за границы?

— Какъ только будутъ приняты нѣкоторыя необходимыя мѣры; королю невозможно вылѣчиться при настоящей обстановкѣ. Однако вы должны быть совершенно спокойны, дорогая невѣстка. Имя врача, которому предварительно будетъ поручено наблюденіе за августѣйшимъ паціентомъ, принадлежитъ также къ числу извѣстнѣйшихъ въ наукѣ.

— Я слышала уже объ этомъ, къ моему утѣшенію,—отвѣчала королева, бросая благодарный взглядъ на аббата, который низко поклонился.—Кромѣ того, мнѣ сказали, что королю, по возможности, не будутъ противорѣчить въ его странностяхъ. Напримѣръ, Фердинандъ, вы знаете, какъ мой сынъ боится незнакомыхъ лицъ?

— Конечно, мы оставимъ при немъ нѣсколько слугъ, къ которымъ онъ привыкъ,—поспѣшилъ успокоить невѣстку герцогъ.

— И старика Липперта?

— Безъ сомнѣнія...

— А кромѣ того?

— Пускай его величество самъ рѣшитъ, кому оставаться при немъ изъ его штата. Но, разумѣется, лишнихъ пустозвоновъ, злоупотреблявшихъ слабостью государя въ свою пользу, придется удалить.

Digitized by Google

Королева вздохнула. Ей послышались жосткія ноты въ голосѣ деверя и это ее встревожило.

— А какое мѣстопребываніе назначили вы моему сыну?

Фердинандъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ началъ пощипывать сѣдые усы.

— Этотъ вопросъ будетъ предоставленъ врачамъ, почтеннѣйшая невѣстка. Пока мы думаемъ отвезти больнаго въ замокъ на Тегернскомъ озерѣ.

— Въ Гогеншвангау? — Королева сдѣлала отрицательный жестъ рукою.—Невозможно! Я знаю, сколько тяжелыхъ воспоминаній связано у моего бѣднаго сына съ этимъ замкомъ. Онъ давно уже старался избѣгать его, потому что пребываніе тамъ усиливало въ немъ припадки меланхоліи. Прошу васъ, Фердинандъ, оставьте эту мысль.

Герцогъ безпокойнѣе прежняго задвигался на своемъ стулѣ.

— Конечно, мы примемъ къ свѣдѣнію ваши слова, дорогая невѣстка, но если врачи будутъ настаивать...

— А я все таки подтверждаю свою просьбу!

Королева произнесла эти слова такъ настойчиво, что сама испугалась.

— Вы, конечно, согласитесь со мною... прибавила она, какъ будто извиняясь:—мнѣ, какъ матери, лучше знать, что полезно и что вредно моему сыну. Хотя мы рѣдко видѣлись въ послѣднее время, но я отлично знаю его натуру; каковъ онъ былъ въ дѣтствѣ, такимъ же остался и въ юности, и въ зрѣломъ возрастѣ, и теперь, не смотря на свою болѣзнь.

Герцогъ не могъ скрыть нѣкоторой досады на это непрошенное вмѣшательство королевы въ его распоряженія и потому счелъ нужнымъ положить конецъ непріятному разговору.

— Мнѣ будетъ крайне грустно,—сказалъ онъ съ принужденіемъ,—если обстоятельства заставятъ меня поступить вопреки вашимъ желаніямъ. Впрочемъ, вернувшись въ Мюнхенъ, я распоряжусь еще разъ созвать врачей и вторично представлю на ихъ усмотрѣніе все дѣло.

Съ этими словами Фердинандъ поднялся; разговоръ былъ оконченъ.

Въ столовой высокаго гостя ожидалъ парадный завтракъ; придворный штатъ королевы и адъютантъ герцога также были приглашены къ столу. Послѣ завтрака, его высочество простился съ невѣсткой. Онъ вздохнулъ съ очевиднымъ облегченіемъ, когда фигура королевы скрылась за дверями, которыя вели на ея половину. Герцогъ чувствовалъ себя въ присутствіи несчастной

Digitized by Google

женщины, какъ на горячихъ угольяхъ, и только тогда совершенно оправился, когда Альпійскій замокъ—резиденція вдовствующей государыни,—пропалъ у него изъ виду и Фердинанда пересталъ преслѣдовать ея страдальческій взглядъ. Уже набросивъ на плечи плащъ—необходимый при далекомъ переѣздѣ въ горахъ по свѣжему весеннему воздуху,—онъ еще разъ подозвалъ къ себѣ аббата; они отошли въ сторону и Эйхфельдъ сообщилъ своему патрону о происшествіяхъ вчерашняго дня. Извѣстіе о сходкѣ въ горной гостинницѣ не на шутку перепугало герцога.

— Да это бунтъ!—воскликнулъ онъ, растерявшись.—Настоящее возстаніе!

— Конечно, конечно, — подтвердилъ почтительнымъ тономъ аббатъ:—это будетъ бунтомъ съ того момента, когда рѣшеніе семейнаго совѣта получитъ силу правительственнаго акта.

— Это совершилось уже сегодня поутру!

Аббатъ поклонился еще ниже.

— И графъ Адлерсгорстъ,—прибавилъ онъ съ удареніемъ,—адъютантъ его величества, стоитъ во главѣ бунтовщиковъ. Теперь, ваше королевское высочество, вы видите, какой это опасный человѣкъ. Я былъ совершенно правъ, когда воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы ловко удалить его отъ государя. Но еще и теперь Адлерсгорстъ надѣлаетъ немало хлопотъ вашему королевскому высочеству.

— И вы говорите, что сосѣдніе крестьяне уже запаслись оружіемъ и готовы оказать сопротивленіе?

— Вашему королевскому высочеству должно быть извѣстно упорство здѣшнихъ жителей; горцы—народъ бѣдовый. Имъ натолковали, что его величество терпитъ несправедливыя притѣсненія, и теперь эти люди дадутъ изрубить себя въ куски за короля, если представится надобность.

Герцогъ гнѣвно застучалъ саблей по паркету.

— Значитъ, затѣвается междоусобіе? Еще этого недоставало! Новый позоръ передъ свѣтомъ, новый поводъ къ пересудамъ! А комисія съ графомъ Гольдбергомъ уже на пути въ замокъ Нейшванштейнъ.

— Неужели съ комисіей посланъ графъ Гольдбергъ, одинаково ненавистный и королю, и Адлерсгорсту? Это сильно усложняетъ дѣло и увеличиваетъ опасность. Вы сами должны понять, ваше высочество, чѣмъ можетъ кончиться подобный инцидентъ.

— Но что же предпринять, аббатъ? Теперь ужъ поздно. Посовѣтуйте что нибудь.

— Можетъ быть, ваше королевское высочество, вы еще успѣете

Digitized by Google

повернуть все по своему. Графа Адлерсгорста слѣдовало бы арестовать, не теряя ни минуты. Вполнѣ достаточно отправить телеграмму...

— О чемъ вы толкуете, аббатъ? Собранные графомъ импровизированные тѣлохранители не выдадутъ его и не допустятъ ареста.

Эйхфельдъ задумался.

— Однако другаго исхода не предвидится, ваше высочество,— сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. — Взявшихся за оружіе надо принудить къ повиновенію съ оружіемъ въ рукахъ.

Герцогъ тревожно ходилъ туда и сюда по комнатѣ.

— Ахъ, какъ это скверно, какъ скверно! Мнѣ ужасно противно дѣйствовать такимъ образомъ. Насъ непремѣнно обвинятъ въ насиліи, котораго я желалъ бы избѣжать. Но чѣмъ скорѣе къ концу, тѣмъ лучше.

— И свѣтъ пойметъ, ваше королевское высочество,—поддержалъ его Эйхфельдъ,—что вы не могли поступить иначе при настоящихъ обстоятельствахъ; по крайней мѣрѣ, ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не обвинитъ ваше высочество за то, къ чему васъ принудила крайность.

— Вы всегда правы, аббатъ; къ сожалѣнію, вы всегда правы!

И, протягивая на прощанье руку духовнику вдовствующей королевы, герцогъ очень благосклонно прибавилъ:

— Скоро ли мы будемъ имѣть возможность вознаградить заслуги вѣрныхъ намъ людей... и найдемъ достойное поле дѣятельности для выдающихся способностей, которыхъ до сихъ поръ какъ будто не замѣчали. Будьте увѣрены въ моей признательности, господинъ аббатъ.

Взглядъ іезуита блеснулъ подъ опущенными вѣками радостнымъ торжествомъ. Наконецъ-то онъ достигъ своей цѣли! Теперь ему не нужно больше продолжать интригу, которая велась съ такимъ стараніемъ, пока Эйхфельдъ жилъ при уединенномъ дворѣ королевы. Какъ тщательно приходилось обдумывать каждый шагъ, искусно лавируя между Сциллой и Харибдой, волнуясь вѣчнымъ страхомъ, что опасная игра будетъ обнаружена и онъ лишится своего привилегированнаго положенія. Теперь у него впереди свобода и могущество подъ солнцемъ августѣйшей милости перваго человѣка въ королевствѣ.

Упоенный радужными мечтами о будущемъ, аббатъ отправился на свою половину въ одномъ изъ флигелей замка и былъ немало удивленъ, когда ему доложили о приходѣ какой-то дамы,

Digitized by Google

дожидавшейся въ кабинетѣ. Непріятное предчувствіе заставило Эйхфельда содрогнуться. Онъ быстро распахнулъ дверь.

Женская фигура въ темной одеждѣ поднялась ему на встрѣчу.

— Людмила!—воскликнулъ онъ.—Неужели это вы? Что привело васъ въ мой уединенный скитъ? Надѣюсь, что съ барономъ все обстоитъ...

Онъ не договорилъ. Мрачный блескъ въ глазахъ баронессы и горькая складка вокругъ ея тонко очерченныхъ губъ достаточно краснорѣчиво говорили, что не забота о мужѣ была причиной ея разстроеннаго вида.

— Оставьте свои комедіи наединѣ со мною, аббатъ! Приберегите свое искусство для постороннихъ зрителей,—сухо сказала гостья.

— Ну, въ такомъ случаѣ что же вамъ нужно?—сердито воскликнулъ аббатъ, досадуя, что ему испортили хорошее настроеніе.

— Что мнѣ нужно?..

Она близко подошла къ бывшему опекуну и впилась мрачнымъ вызывающимъ взглядомъ въ его непроницаемые глаза.

— Я хочу принудить васъ исправить сдѣланное зло. Вы насильно заставляли меня...

Аббатъ прервалъ ее смѣхомъ.

— Вы, кажется, въ лихорадкѣ, cara mia? Къ сожалѣнію, я чрезчуръ занятъ, чтобы долго выслушивать фантазіи прелестной женщины, какъ бы ни были они оригинальны и остроумны. Вы крайне меня обяжете, если отложите нашъ разговоръ до болѣе удобнаго времени.

— До болѣе удобнаго времени! — вспыхнула баронесса и ея глаза загорѣлись больше прежняго.—Вы отлично понимаете, о чемъ идетъ рѣчь, и мнѣ нечего вдаваться въ объясненія. Но вы не ускользнете отъ меня сегодня. Я не хочу дольше жить съ этимъ жаломъ въ сердцѣ, слышите ли?.. не хочу. Со вчерашняго вечера, когда я увидѣла короля послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, мнѣ стало ясно, что вы искусственнымъ образомъ зажгли въ моемъ сердцѣ ненависть къ нему. И это злобное чувство сдѣлало меня несчастной, обратило меня въ вашу рабу!

Эйхфельдъ насмѣшливо вздернулъ губы.

— Ахъ, вотъ что, понимаю!—Вчера вы слушали мессу въ королевскомъ замкѣ и малодушная женщина еще разъ не устояла противъ мужественной красоты короля Людвига.

Густая краска залила щеки Людмилы;—она едва сдерживала гнѣвъ.

— Вы оскорбляете меня!—Какъ вы смѣете?..

Digitized by Google

Аббатъ безпокойно осмотрѣлся вокругъ.

— Прошу васъ не выходить изъ себя, — вспомните, гдѣ мы находимся...

— Тогда оставьте вашъ насмѣшливый тонъ:—я не могу выносить его.

— Хорошо!—Поговоримъ хладнокровно. Итакъ, чего вы добиваетесь?..

— Вы уже слышали объ этомъ.—Вамъ слѣдуетъ непремѣнно исправить зло, причиненное королю, помѣшать тиранству надъ нимъ, спасти его.

— Спасти? — повторилъ іезуитъ.—Но, adorata mia,—какой же опасности подвергается король? Я полагаю, что единственная опасность, которая ему угрожаетъ, заключается въ немъ самомъ; а противъ нея-то и нужно принять серьезныя мѣры.

Людмила нервно ломала руки.

— Мнѣ вчера говорили, будто бы короля хотятъ увезти изъ замка Нейшванштейнъ, Умоляю васъ, не лгите, аббатъ, будьте хоть разъ въ жизни искренни со мною!

— Вамъ сказали правду!

— Вотъ какъ! — А я надѣялась, что этого не будетъ... Но что, если король не согласится уѣхать?

Эйхфельдъ пожалъ плечами.

— Тогда, вѣроятно, придется употребить съ нимъ силу.

— Съ нимъ, съ королемъ! И вы полагаете, аббатъ, что это гордое сердце способно пережить такое униженіе?

— Не забудьте, Людмила,—нетерпѣливо прервалъ онъ,—что здѣсь идетъ дѣло о больномъ, у котораго нѣтъ воли и не должно быть.

— Король не боленъ или, по крайней мѣрѣ, не настолько боленъ, чтобы его болѣзнь оправдывала насильственное и жестокое съ нимъ обращеніе; вы сами отлично это понимаете.

— Я основываюсь на мнѣніи врачей.

— О, аббатъ, не станемъ говорить объ этомъ. Вамъ лучше всѣхъ извѣстно, откуда взялись свидѣтельскія показанія, на которыхъ основанъ приговоръ медицинскихъ авторитетовъ. Вы воспользовались документами, полученными изъ рукъ шпіоновъ, вы смѣшивали правду съ ложью, искусно подтасовывали факты, постепенно опутывали своими сѣтями герцога и королеву, пока они не повѣрили вамъ. Вы, аббатъ, вы одинъ погубили короля; вы ненавидите его, потому что для васъ не было надежды достичь во время его царствованія того, къ чему стремилось ваше честолюбіе; потому что проницательный взглядъ Людвига видѣлъ васъ

Digitized by Google

насквозь. Не отпирайтесь, пожалуйста! Но такъ какъ вы были существенной причиной всѣхъ золъ, вы же одни и можете, пока еще есть время, спасти его изъ той бездны, куда вы толкнули несчастнаго. Вы можете, если захотите!

Эйхфельдъ скрестилъ руки и смотрѣлъ на Людмилу насмѣшливыми пронизывающими глазами.

— А какъ же вы представляете себѣ картину этого спасенія?—хладнокровно спросилъ онъ.

— Не спрашивайте меня о томъ. Это ваше дѣло придумывать способы достичь того или другаго. Вы имѣете вліяніе на герцога. Убѣдите же его отмѣнить жестокое рѣшеніе, которое онъ до сихъ поръ колебался осуществить и не осуществилъ бы никогда, если-бы не ваши настоянія. Герцогъ послушается васъ и теперь, наканунѣ исполненія ужаснаго приговора.

— Нѣтъ, теперь поздно,—холодно отвѣчалъ Эйхфельдъ.

Баронесса вздрогнула, точно по ней пробѣжалъ электрическій токъ. Ея рука судорожно схватилась за ручку кресла.

— Поздно, Боже мой, поздно!—тихо прошептала она.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе. Аббатъ украдкой наблюдалъ за своей жертвой съ чувствомъ удовлетворенной жестокости. Противъ приведеннаго имъ послѣдняго аргумента даже Людмила не могла ничего возразить. Но онъ ошибся; она собралась съ силами и снова подняла голову.

— Но послушайте, аббатъ,—начала опять несчастная женщина:—если уже слишкомъ поздно сохранить королю тронъ, то во всякомъ случаѣ можно избавить его отъ лишенія свободы; впечатлительный больной не переживетъ такого удара. Скажите герцогу, что его необходимо щадить, что съ нимъ нужно поступать осторожно. Грубое вторженіе въ уединенную жизнь этого отшельника можетъ кончиться катастрофой. Король, пожалуй, вовсе не такъ боленъ, какъ утверждали ложные свидѣтели. Разъясните все это герцогу; скажите, что вы убѣдились въ ошибочности нѣкоторыхъ слуховъ.

Рѣзкій смѣхъ аббата прервалъ эту страстную рѣчь.

— Иными словами, я долженъ доказать герцогу, что обманывалъ его,—гнѣвно промолвилъ Эйхфельдъ.—Вы, кажется, считаете меня сумашедшимъ, Людмила? Я не сдѣлаю ничего подобнаго и полагаю, что вы сами опомнитесь и поймете, что лучше всего предоставить короля его судьбѣ, если вы не въ силахъ ему помочь. Такъ-то, carissima,—продолжалъ аббатъ, впадая въ заискивающій тонъ и стараясь схватить руку Людмилы, которую та съ отвращеніемъ отдернула отъ него.—Не будьте ду-

Digitized by Google

рочкой. Теперь мы у цѣли, передъ нами открывается блестящая будущность. Я дѣлаюсь довѣреннымъ лицемъ герцога; вы—всесильной подругой принца Генриха.

Итальянка отрицательно махнула рукой.

— Ни слова болѣе! Мнѣ надоѣло носить цѣпи, скованныя вашими руками.

— Это вамъ кажется сегодня! Завтра вы, пожалуй, снова убѣдитесь въ сладости могущества!

— Могущество, достигнутое такими средствами, къ какимъ приходилось прибѣгать намъ съ вами, разсыпается прахомъ, какъ только его коснешься...

— Можетъ быть, въ томъ случаѣ, когда человѣкъ поддался страсти, какъ вы. Впрочемъ, предоставьте мнѣ позаботиться о васъ. Въ моихъ рукахъ съ трудомъ завоеванная власть не разсыплется прахомъ. Я съумѣю удержать ее и воспользоваться плодами своихъ усилій.

Баронесса на минуту выглянула въ окно. Потомъ она снова обернулась съ угрозой къ бывшему опекуну.

— Значитъ, вы отказываете мнѣ во всемъ, даже и въ этой послѣдней просьбѣ?

— Я отказываюсь пожертвовать всѣмъ своимъ прошлымъ пустому женскому капризу...

— А если я вамъ скажу, что спокойствіе моей жизни и сама жизнь зависятъ отъ того, удастся ли мнѣ загладить свою вину?

— Прошу васъ, Людмила, не вдавайтесь въ сантиментальности. Въ настоящую минуту это, право, некстати. Да и притомъ вы слишкомъ любите жизнь и ея наслажденія, чтобы такъ легко отъ нихъ отказаться.

Она ничего не отвѣчала и пошла къ дверямъ.

— Вы уходите, моя дорогая? Тогда я прикажу подать вамъ экипажъ.

— Оставьте меня,—произнесла Людмила съ отрицательнымъ жестомъ,—между нами нѣтъ больше ничего общаго.

— Вы хотите объявить мнѣ войну?

— Принимайте мои слова, какъ угодно.

Аббатъ сдѣлалъ было шагъ къ уходившей баронессѣ, но потомъ остановился и на его губахъ заиграла усмѣшка.

— Вы одумаетесь,—сказалъ онъ:—я твердо разсчитываю на это. До свиданія, bella amica.

Она бросила ему еще одинъ мрачный негодующій взглядъ и заперла за собою дверь. На одно мгновеніе, у Эйхфельда мелькнула мысль броситься за ней, но онъ опять воздержался.

Digitized by Google

— Что мнѣ за дѣло? Чѣмъ она можетъ мнѣ повредить?—задалъ себѣ вопросъ духовникъ королевы.—Мы разстались, по крайней мѣрѣ, безъ ссоры и этимъ я избѣжалъ скандала, который, конечно, могъ подорвать мое вліяніе на герцога въ такую важную минуту.

Онъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть вслѣдъ удалявшемуся экипажу. Но что это значитъ?.. Кучеръ не повернулъ на дорогу въ Гольдау, а поѣхалъ въ противоположную сторону, куда только что направился и герцогъ Фердинандъ—на станцію желѣзной дороги.

«Людмила ѣдетъ въ Мюнхенъ, — соображалъ про себя Эйхфельдъ далѣе,—у нея есть что-то на умѣ». И онъ мысленно взвѣсилъ все, что она могла предпринять для достиженія своей цѣли. Едва ли ей удастся измѣнить что нибудь въ планахъ герцога, но безразсудная женщина могла разоблачить тайныя пружины интригъ аббата и въ послѣднюю минуту, когда онъ мечталъ уже насладиться плодами столькихъ усилій, вырвать у него изъ рукъ побѣду. Но нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ поддаваться малодушному страху! Уже не въ первый разъ Людмила возставала противъ его тираніи, порывалась вступить съ нимъ въ борьбу и кончала опять таки безусловнымъ подчиненіемъ. Кромѣ того, выдать въ настоящую минуту своего сообщника, не значило ли для баронессы выдать саму себя? Нѣтъ, онъ былъ слишкомъ важнымъ колесомъ въ тѣхъ махинаціяхъ, которыя дѣйствовали теперь на всѣхъ парахъ, чтобы союзники могли обойтись безъ него. Это справедливое соображеніе окончательно успокоило іезуита. Онъ вздохнулъ свободнѣе и подсѣлъ къ столу разбирать массу полученныхъ имъ дѣловыхъ бумагъ и писемъ.

XXI.

Георгъ нѣсколько обучилъ военнымъ пріемамъ свой маленькій отрядъ въ Обердорфѣ и указалъ ему, куда явиться вечеромъ, чтобы занять подъ его командой ночной караулъ по близости королевскаго за́мка. Графъ Адлерсгорстъ нашелъ нужнымъ держать втайнѣ отъ короля эту охрану, и потому добровольные ратники должны были дѣйствовать осторожно и незамѣтно. Утомленный ходьбой, съ пылающими щеками и блестящимъ взглядомъ, взошелъ Георгъ въ столовую охотничьяго за́мка и сѣлъ за столъ, гдѣ собралась уже вся семья. Недоставало одной Эммы Вальдовъ. Ея отсутствіе встревожило Рандау, такъ какъ молодая дѣвушка

Digitized by Google

стала часто прихварывать въ послѣднее время. Лѣсничій, ни въ чемъ не стѣснявшій до сихъ поръ своего ученика, бросилъ на него озабоченный взглядъ, но промолчалъ и только послѣ обѣда вызвалъ Георга въ сосѣднюю комнату.

— Вчера на сходкѣ я не возразилъ ни слова противъ предложенія графа Адлерсгорста обучить военнымъ пріемамъ молодыхъ крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень,—началъ онъ.—Но теперь я совѣтую вамъ не вмѣшиваться лично въ это дѣло. Къ моему величайшему прискорбію, я узналъ, что его величество формально устраненъ отъ управленія государствомъ и потому всякое сопротивленіе мѣропріятіямъ, исходящимъ отъ законныхъ властей, будетъ считаться теперь бунтомъ. Мой долгъ напомнить вамъ объ этомъ ради вашихъ родителей и вашей собственной будущности.

Георгъ обомлѣлъ. Сильнѣйшій испугъ отразился въ его чертахъ.

— А г. графъ знаетъ ужасную новость?

Фельдау пожалъ плечами.

— Я получилъ сообщеніе частнаго характера; тѣмъ не менѣе оно вполнѣ достовѣрно.

— Но раньше офиціальнаго обнародованія этого правительственнаго акта, мы не обязаны дѣйствовать согласно ему,—быстро возразилъ Георгъ.

— Мое дѣло было васъ предупредить, г. фонъ-Рандау. Поступайте, какъ знаете сами, только бы вамъ не пришлось раскаиваться въ своей опрометчивости. Я не хочу въ качествѣ начальника запрещать вамъ того, къ чему вамъ подали поводъ, пожалуй, въ моемъ же домѣ. Признаюсь откровенно, что я готовъ бы самъ выступить на защиту правъ короля, еслибъ меня не удерживалъ долгъ по отношенію къ семьѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ жертвы съ нашей стороны будутъ напрасны. Однимъ словомъ, вопреки желанію семьи, не смотря на просьбы и слезы моей жены, готовой, какъ и ея отецъ, жертвовать всѣмъ для короля, я твердо рѣшилъ не принимать участія въ затѣянномъ безразсудствѣ. Мой долгъ—оградить свою семью отъ нищеты и не лишать сына его отечества. Совѣтую и вамъ зрѣло обдумать рискованный шагъ, прежде чѣмъ на него рѣшиться.

Предупрежденіе Фельдау черезчуръ отзывалось желаніемъ извинить собственный эгоистическій образъ дѣйствій, чтобы Георгъ его послушался. Къ тому же, онъ не былъ отцомъ семейства, отвѣтственнымъ за будущность дѣтей; онъ былъ молодъ, свободенъ и цѣлый міръ былъ открытъ передъ нимъ. Можетъ быть также,

Digitized by Google

лѣсничій отговаривалъ его по обязанности старшаго къ подчиненному, вовсе не желая, чтобъ его совѣтъ былъ принятъ.

— Если позволите, г. фонъ-Фельдау,—сказалъ юноша,—я отправлюсь въ швейцарскій домикъ, посовѣтоваться съ графомъ Адлерсгорстомъ.

Лѣсничій охотно согласился.

— Я именно хотѣлъ вамъ это предложить. Кромѣ того, по моему, нужно сообщить графу объ официальной перемѣнѣ правительства.

Послѣ этого, хозяинъ съ Георгомъ вышли въ гостинную, гдѣ на столѣ ждалъ ихъ кофе. Катерина подняла на вошедшихъ встревоженный взглядъ, между тѣмъ какъ Френуль и маленькая Катя шептались съ братомъ, вмѣсто того, чтобы по обыкновенію броситься къ Рандау и начать съ нимъ шалить. Взглянувъ на дѣтей, онъ замѣтилъ, что у всѣхъ троихъ были какъ будто заплаканы глаза. У него тотчасъ мелькнула мысль о нездоровьѣ Эммы Вальдовъ. На его озабоченный вопросъ, хозяйка дома переглянулась съ мужемъ и отвѣчала, что гувернантка укладывается въ своей комнатѣ, такъ какъ завтра утромъ она переѣзжаетъ отъ нихъ въ Мюнхенъ.

— Значитъ, фрейлейнъ чувствуетъ себя нехорошо и не можетъ больше оставаться при дѣтяхъ?—съ участіемъ спросилъ Рандау, соображая, что у Эммы не было другой причины бросить мѣсто.

Но Катерина отвѣчала отрицательно, снова переглянувшись съ мужемъ. Лѣсничій нахмурилъ лобъ и сказалъ, что онъ былъ вынужденъ отказать гувернанткѣ. Георгъ не могъ скрыть непріятнаго изумленія, а дѣти снова расплакались, схватили руки отца и стали просить его:

— Милый, милый папа! оставь у насъ фрейлейнъ. Мы ее такъ любимъ, она такая добрая,—и обернувшись къ Георгу, они прибавили:—о, г. фонъ-Рандау, вы также любите фрейлейнъ Вальдовъ, помогите намъ упросить папу!

Отецъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и кивнулъ женѣ, чтобы она вывела дѣтей. Тѣ, рыдая, вышли за матерью, печально опустивъ головки. Фельдау съ неудовольствіемъ проворчалъ что-то сквозь зубы и, обернувшись къ Георгу, съ досадой замѣтилъ:

— Вы можете себѣ представить, г. фонъ-Рандау, какъ непріятна мнѣ въ это тревожное время такая домашняя передряга, но меня давно уже предупреждали противъ этой молодой особы,—именно мой почтенный тесть, которому казалась крайне подозрительной интимность нашей гувернантки съ аббатомъ Эйх-

Digitized by Google

фельдомъ. Между тѣмъ, сегодня я случайно встрѣтился съ моей кузиной Людмилой; — надо вамъ сказать, — пояснилъ Фельдау, слегка улыбаясь,—что со вчерашняго дня, послѣ реквіема въ королевской капеллѣ, она перешла въ лагерь друзей короля,—я ее встрѣтилъ на дорогѣ въ столицу, куда она отправляется хлопотать въ интересахъ его величества. Увидѣвъ меня, кузина передала мнѣ такія вещи о нашей гувернанткѣ, о ея характерѣ, о ея прошломъ, что мнѣ оставалось только немедленно удалить ее изъ дому. Вы сами, г. фонъ-Рандау, хорошо знаете, какую низкую роль играла эта особа въ грязномъ дѣлѣ, когда принцъ Генрихъ съ помощью аббата покушался на честь графини Паулы. Прошу васъ—продолжалъ Эрихъ, видя, что Георгъ собирается прервать его,—не извиняйтесь; я понимаю ваше молчаніе и уважаю его причину; въ противномъ случаѣ, я еще въ то время постарался бы допытаться у васъ правды. Поведеніе фрейлейнъ Вальдовъ давно было мнѣ подозрительно, но она вполнѣ безупречно держала себя въ нашей семьѣ и мнѣ не хотѣлось поднимать непріятной исторіи, въ надеждѣ, что все обойдется благополучно. Слѣдовательно, вамъ не въ чемъ обвинять себя.

Георгъ повѣсилъ голову. Онъ все таки раскаивался, что не переговорилъ съ Фельдау откровенно тотчасъ послѣ сдѣланнаго имъ открытія объ участіи Эммы въ интригахъ аббата. Пожалуй, лѣсничій тогда же сталъ бы слѣдить за нею, но Эмма такъ умоляла не обнаруживать ея позорной тайны передъ семействомъ, относившимся къ ней съ чисто родственнымъ участіемъ.

— Фрейлейнъ Вальдовъ—безпріютная сирота, осмѣлился вступиться за нее Георгъ.—Куда она дѣнется, неожиданно потерявши мѣсто? Уже изъ одного состраданія....

— Фрейлейнъ сама пожелала немедленно уѣхать,—прервалъ лѣсничій.—Я предлагалъ ей оставаться у насъ до пріисканія новыхъ занятій, но она рѣшительно отклонила это.

Рандау понялъ, что дальнѣйшія возраженія тутъ неумѣстны. Но у него все же явилось невольное чувство досады противъ черезчуръ щепетильнаго хозяина. Ему было жаль Эммы. Поднявшись наверхъ, съ цѣлью сказать ей слово участія, онъ нашелъ дверь ее комнаты отворенной. На половину уложенные чемоданы и разбросанныя принадлежности туалета говорили о торопливыхъ, безпорядочныхъ сборахъ. Одну минуту юноша колебался, войти ему или нѣтъ. Что такое неудержимо влекло его къ этой дѣвушкѣ? Почему предстоящая разлука съ нею такъ щемила ему сердце? Была ли она ему дорога, или онъ чувствовалъ къ ней только жалость и симпатію? Въ первый разъ задавшись такимъ вопро-

Digitized by Google

сомъ, Георгъ постучалъ въ дверь. Отвѣта не послѣдовало. Онъ нерѣшительно вошелъ. Здѣсь никого не было, но Рандау увидѣлъ Эмму черезъ отворенную дверь въ сосѣдней комнатѣ. Она стояла на колѣняхъ передъ выдвинутымъ ящикомъ комода, пристально разсматривая фотографію въ красивой бронзовой рамѣ. То былъ портретъ графини Паулы. Приближеніе молодаго человѣка заставило гувернантку быстро вскочить на ноги. Георгу показалось, что она плакала. Яркая краска бросилась ей въ лицо.

— Г. фонъ-Рандау, это вы?—прошептали ея дрожащія губы.

— Извините меня за непрошенное вторженіе,—произнесъ смущенный Георгъ,—но я былъ такъ пораженъ извѣстіемъ, что вы неожиданно собрались покинуть охотничій замокъ.

— Я должна уѣхать,—отвѣчала Эмма, отвернувшись и стараясь пересилить свое волненіе.—Этотъ быстрый переворотъ въ моей судьбѣ не былъ для меня неожиданностью. Можно было предвидѣть, что г. фонъ-Фельдау рано или поздно узнаетъ о моемъ прошломъ и мнѣ придется оставить его домъ. Но, желая отсрочить неизбѣжную развязку, я просила васъ и Паулу не выдавать меня...

— Баронесса Эберсдорфъ взяла на себя роль доносчицы,— съ волненіемъ перебилъ Рандау.—Судя по тому, что́ я слышалъ отъ г-на фонъ-Фельдау, она поссорилась съ аббатомъ и вздумала сорвать свой гнѣвъ и утолить жажду мщенія на васъ, невиновной...

Молодая дѣвушка махнула рукой.

— Невиновной!.. Да, еслибъ было такъ...

— Вы черезчуръ близко принимаете къ сердцу то, къ чему васъ принудила горькая необходимость. Вы безсознательно подчинились руководству и даже насилію человѣка, котораго привыкли уважать, какъ втораго отца. Но, когда вы поняли его лицемѣріе, то сбросили съ себя ненавистныя цѣпи. Это былъ смѣлый подвигъ, искупающій ваши прошлыя ошибки.

Георгъ говорилъ съ жаромъ убѣжденія. Эмма подняла опущенныя вѣки и ея чудные глаза взглянули на него съ такой восторженной благодарностью, что сердце юноши забилось сильнѣе.

— Вы судите обо мнѣ слишкомъ снисходительно,—въ сильномъ волненіи сказала она,—потому что у васъ доброе, прекрасное сердце. Но я сознаю, что мое малодушное, хотя и недобровольное подчиненіе интригану вырыло глубокую пропасть между мною и честными порядочными людьми. Г. фонъ-Фельдау не могъ оставить меня въ своемъ домѣ. Я не могу и не смѣю требовать довѣрія къ себѣ отъ кого бы то ни было, и если страдаю, то по своей винѣ.

Digitized by Google

Георгъ подошелъ ближе къ дѣвушкѣ и взялъ ея безсильно опущенную холодную дрожащую руку.

— Куда же вы думаете отправиться?—спросилъ онъ.—Какіе у васъ планы на будущее, послѣ того какъ вы не можете больше разсчитывать на поддержку съ той стороны?—заключилъ юноша, не желая произносить даже ненавистнаго имени аббата.

— Планы?—съ горечью повторила Эмма.—У меня нѣтъ никакихъ. Впрочемъ, первое время я перебьюсь какъ нибудь. Одна пріятельница, съ которой мы воспитывались вмѣстѣ въ монастырѣ, служитъ учительницей въ Мюнхенѣ; она беретъ меня къ себѣ.

— Ну, это временное пристанище, а потомъ?

Фрейлейнъ Вальдовъ устремила передъ собою печальный взглядъ.

— Потомъ?.. Г. фонъ Рандау, неужели вы полагаете, что я до того уже недостойна милосердія божія, что Господь покинетъ меня въ нуждѣ? Вспомните, что онъ не отвергаетъ грѣшниковъ.

— Что вы такое говорите, Эмма?

Юноша въ безсознательномъ порывѣ притянулъ ее къ себѣ и прямо заглянулъ ей въ глаза, которые медленно опустились подъ его жгучимъ взглядомъ.

— Вы недостойны милости божіей?!—съ жаромъ продолжалъ онъ.—Вы—бѣдное, обиженное существо, не знавшее счастья въ лучшіе годы жизни! Да, надѣйтесь на Бога, но не отвергайте также и человѣка, который предлагаетъ вамъ свою дружбу. Не самъ ли Господь поставилъ меня на вашей дорогѣ?..

Она вздрогнула при звукѣ этого мягкаго, ласковаго голоса и вырвалась изъ объятій Рандау.

— Оставьте меня, заклинаю васъ! Ради Бога, уйдите отсюда.

Эмма протянула руки съ умоляющимъ видомъ. Все ея тѣло конвульсивно подергивалось нервной дрожью.

Георгъ былъ ошеломленъ этимъ неожиданнымъ взрывомъ страстнаго отчаянья. Въ первый разъ передъ нимъ обнаружилась глубина характера Эммы, умѣвшей скрывать свои настоящія чувства подъ холодной внѣшностью. Она его любила! Это сознаніе обдало Георга горячей волной; онъ задрожалъ въ свою очередь въ приливѣ блаженства.

— Какъ, Эмма, оставить васъ въ эту минуту?—воскликнулъ, внѣ себя, Рандау.—Чего вы требуете отъ меня? Теперь, когда мы только что нашли другъ друга?! Нѣтъ я ни за что не уйду отсюда!

Онъ снова старался привлечь ее къ себѣ.

— Какое безуміе, Георгъ!—отрывисто шептала Эмма, глотая

Digitized by Google

слезы и задыхаясь.—Зачѣмъ вы нарушаете мой душевный миръ, когда я покорилась уже своей судьбѣ? Ахъ, какой борьбы стоило мнѣ это самоотреченіе, а теперь придется начинать все сначала! Зачѣмъ вы искушаете меня, чтобы я приняла новый грѣхъ на душу, и безъ того слишкомъ отягченную прежними ошибками?

— Новый грѣхъ? Эмма! я полюбилъ тебя съ той минуты, когда увидѣлъ въ первый разъ твои дивные, прекрасные глаза. Неужели ты оттолкнешь меня? Пойми наконецъ, что, входя въ эту комнату, чтобы проститься съ тобою, я вполнѣ сознательно почувствовалъ, что не въ силахъ перенести этой разлуки, что для меня немыслимо лишиться тебя.

Юноша удержалъ Эмму за руку и прижался горячими губами къ ея волнистымъ волосамъ.

— Георгъ, что ты дѣлаешь со мною?

— Ты—моя невѣста и я имѣю право заботиться о тебѣ до тѣхъ поръ, пока мнѣ не удастся устроить для тебя домашній очагъ.

Фрейлейнъ Вальдовъ, въ свою очередь, страстно обняла молодаго человѣка и припала къ его плечу.

— Георгъ, возможно ли это?—Но нѣтъ, я не приму твоей жертвы! Отцвѣтшая дѣвушка...

— Перестань, вѣдь ты недавно призналась сама, что моложе меня почти на годъ! Кромѣ того, ты вѣчно будешь въ монхъ глазахъ моложе и прекраснѣе всѣхъ женщинъ, потому что я люблю тебя, потому что ты первая вызвала во мнѣ это сладкое чувство; оно созрѣло въ горѣ и тѣмъ прочнѣе укоренилось въ моемъ сердцѣ.

Изъ груди Эммы вырвался подавленный крикъ восторженной радости, но она тотчасъ сдѣлалась серьезной.

— А твои родители?—со страхомъ произнесла дѣвушка.—Они никогда не одобрятъ твоего выбора и скажутъ, что я погубила ихъ сына. Нѣтъ, въ тысячу разъ лучше умереть, чѣмъ быть причиной твоего несчастья.

— Мои родители?—кротко возразилъ юноша, проводя рукой по волосамъ невѣсты.—Прежде узнай ихъ, а потомъ говори, дорогая Эмма. Они встрѣтятъ тебя, какъ родную, узнавъ, что мы полюбили другъ друга. Ахъ, ты моя одинокая, безпріютная бѣдняжка, моя сироточка! Только въ домѣ моихъ стариковъ ты узнаешь, что̀ значитъ настоящая семейная жизнь; поймешь, сколько любви, снисхожденія и самопожертвованія кроется въ ея благодатной атмосферѣ! Возлѣ моихъ родителей, согрѣтая на груди моей матери, ты совершенно воскреснешь душою; повѣришь въ добро и счастье.

Digitized by Google

— Развѣ ты, Георгъ, намѣренъ ввести меня въ свой домъ?— спросила дѣвушка съ оттѣнкомъ прежняго смущенія.

— Едва только освобожусь отъ занятій и пріѣду въ Мюнхенъ. Въ настоящее время, какъ тебѣ извѣстно, меня удерживаетъ здѣсь священный долгъ.

— Знаю,—серьезно отвѣчала Эмма,—и усердно молюсь за удачу вашего дѣла. Если вы защитите короля отъ притѣсненій, моя совѣсть хоть немного успокоится.

Еще нѣжнѣе привлекъ къ себѣ дѣвушку влюбленный женихъ и покрылъ ея глаза и губы поцѣлуями.

— Итакъ, до скораго, радостнаго свиданія въ Мюнхенѣ. Скажи однако, гдѣ я найду тебя въ столицѣ?

Эмма наскоро написала адресъ и почти насильно вывела Георга изъ комнаты, говоря:

— Не дѣлай мнѣ прощанья слишкомъ тяжелымъ.

Онъ повиновался. Еще одинъ страстный поцѣлуй, и юноша, сдѣлавъ надъ собою геройское усиліе, вырвался изъ объятій невѣсты, чтобы отправиться къ графу Адлерсгорсту. Между тѣмъ взволнованная Эмма опустилась на колѣни, спѣша излить въ горячей молитвѣ свои чувства.

— Отецъ небесный,—молила она,—если это не болѣе, какъ сонъ, прекрасный, дивный сонъ, то пусть для меня не будетъ пробужденія!

Когда гувернантка появилась вечеромъ за столомъ, семейство Фельдау не могло не замѣтить происшедшей съ нею перемѣны. Лицо дѣвушки сіяло тихой радостью; оно напоминало собою бутонъ, которому долго мѣшалъ распуститься суровый холодъ и который вдругъ расцвѣлъ, подъ солнцемъ любви,' женственной красотою.

Передъ сномъ Катерина серьезно сказала мужу:

— Съ фрейлейнъ Вальдовъ случилось что-то нехорошее, только я не умѣю угадать, что̀ именно, какъ ни ломаю голову.

Лѣсничій улыбнулся.

— Женское любопытство!—Благодари Бога, что она уѣзжаетъ отъ насъ радостная, а не убитая горемъ. Вѣроятно, это облегчитъ и твое сердце; ты была такъ сильно огорчена за нее.

Г-жа Фельдау, улыбаясь, кивнула головой.

— Дай Богъ счастья бѣдной Эммѣ!..—Она его заслуживаетъ, не смотря ни на что!

Digitized by Google

XXII.

Въ парадной залѣ замка Нейшванштейнъ, ярко освѣщенной большою люстрой, король принялъ депутацію сельскихъ жителей съ маститымъ земледѣльцемъ и лѣсничимъ Вальбургомъ во главѣ. Великолѣпная комната представляла собою цѣлое море блеска и нѣжныхъ красокъ, со своими мраморными стѣнами, зеркалами и картинами въ золотыхъ рамахъ; съ художественными фресками на плафонѣ, мраморными бюстами на раззолоченныхъ постаментахъ; съ занавѣсами бѣлаго бархата, богато расшитыми шелками и золотомъ. Странно было видѣть посреди этого великолѣпія неловкія фигуры крестьянъ, которые несмѣло ступали по паркету, смущенно повертывая въ рукахъ остроконечныя шляпы, украшенныя перомъ косача. Между тѣмъ король былъ глубоко растроганъ при видѣ этихъ суровыхъ лицъ; въ ихъ глазахъ онъ прочелъ то, чего такъ жадно просила его душа цѣлую жизнь: беззавѣтную преданность, любовь и благоговѣйное почтеніе. Эти простые люди пришли отдать себя въ полное распоряженіе государя и просили его остаться посреди нихъ, такъ какъ они готовы защищать до послѣдней капли крови своего короля ото всѣхъ несправедливостей и притѣсненій.

Людвигъ обернулся къ стоявшему рядомъ Адлерсгорсту и обмѣнялся съ нимъ краснорѣчивымъ взглядомъ. Растроганный до глубины души, съ трудомъ сдерживая овладѣвшее имъ волненіе, онъ кратко и съ достоинствомъ отвѣтилъ депутаціи, но каждый чувствовалъ при этомъ глубокую искренность его словъ. Король благодарилъ крестьянъ за ихъ безграничную преданность, но въ то же время просилъ, чтобы они не дѣлали никакихъ безразсудствъ и не поступали опрометчиво противъ его желанія.

— А если мнѣ придется покинуть васъ,—заключилъ государь,— то сохраните обо мнѣ добрую память и не забывайте, что вашъ король удалился изъ городской суеты, отъ тревогъ большаго свѣта, въ тихое уединеніе посреди горъ и что онъ провелъ между вами счастливѣйшіе часы своей жизни.

Послѣ того, Людвигъ прошелъ по рядамъ депутатовъ и каждому изъ нихъ пожалъ руку, сказалъ привѣтливое слово. Прежде всего онъ обратился къ старому лѣсничему Вальбургу.

— Вы собираете горячіе уголье на мою голову, почтенный старый другъ,—заговорилъ король.—На вашу семью обрушилось столько горя по моей винѣ, а вы стойте во главѣ моихъ защитниковъ въ горькую минуту, когда все мнѣ измѣнило! Вы

Digitized by Google

примкнули къ тѣмъ немногимъ, которые остались вѣрны своему государю.

Старикъ лѣсничій не могъ вымолвить ни слова; крупныя капли слезъ падали ему на сѣдую бороду; Людвигъ поспѣшилъ отвернуться, чтобы скрыть собственныя слезы, подступавшія къ глазамъ.

Потомъ наступила очередь маститаго крестьянина, съ достоинствомъ стоявшаго рядомъ съ Вальбургомъ. Его длинные сѣдые волосы падали по плечамъ; морщинистое лицо хранило сосредоточенное выраженіе. Государь освѣдомился о его дѣтяхъ и внукахъ. Онъ зналъ ихъ всѣхъ по именамъ и о каждомъ сказалъ что нибудь. Такимъ образомъ, король переходилъ отъ одного депутата къ другому, начиная съ перваго до послѣдняго. Потомъ всѣ они повернулись, какъ по командѣ, и въ торжественномъ безмолвіи оставили залу. Нѣкоторые втихомолку вытирали слезы, но на всѣхъ лицахъ была написана твердая рѣшимость постоять грудью за своего короля и защитить его ото всякой опасности.

Завидѣвъ удалой отрядъ крестьянскихъ юношей, толпившихся во дворѣ вокругъ своего предводителя, Георга Рандау, старый крестьянинъ крикнулъ имъ, вспомнивъ слова государя:

— Смотрите, не затѣвать ничего безъ позволенія его величества!—Не смѣйте подымать оружія, пока не получите прямаго приказа!—Обратите вниманіе на мои слова, молодой господинъ фонъ-Рандау; таково распоряженіе государя.

Георгъ обѣщалъ строго исполнить волю монарха и каждый изъ юношей поклялся въ повиновеніи ему, хотя каждому втайнѣ хотѣлось расправиться съ предателями, которые должны прибыть изъ столицы, чтобъ увезти прочь и загубить ихъ короля. Общее настроеніе было таково, что Георгъ не зналъ, какъ удержать въ границахъ своихъ пылкихъ ратниковъ, и поблагодарилъ въ душѣ государя, который даже въ эту критическую минуту съумѣлъ поступить справедливо и благоразумно, чѣмъ далъ ему возможность поддержать порядокъ между добровольцами, не привыкшими къ дисциплинѣ.

Между тѣмъ король, по уходѣ крестьянской депутаціи, обратился къ графу Адлерсгорсту:

— Пойдемте, любезный графъ, со мною!—Сегодня намъ слѣдуетъ хорошенько насладиться очарованіемъ нашего прелестнаго замка Нейшванштейнъ.

Съ этими словами, онъ направился къ уютному мѣстечку въ зимнемъ саду, гдѣ, посреди лавровъ и миртовъ, при мягкомъ свѣтѣ

Digitized by Google

канделябровъ съ фигурами стройныхъ нимфъ, блестѣли серебро и хрусталь на столѣ съ коралловыми ножками; обстановка была та же самая, какъ и наканунѣ свадьбы Адлерсгорста. Сколько перемѣнъ произошло въ такое короткое время; сколько пережито въ нѣсколько мѣсяцевъ страданія и горя! Графъ уже зналъ отъ Георга, что участь короля, задумчиво любовавшагося въ ту минуту созданнымъ по его плану сказочнымъ міркомъ, безповоротно рѣшена. Безповоротно!.. Остается одна надежда спасти для него хоть эти остатки былаго блеска, этотъ фантастическій эдемъ, художественно подражавшій природѣ. Но удастся ли настолько отстоять права несчастнаго государя, чтобы его, по крайней мѣрѣ, оставили въ любимомъ убѣжищѣ посреди горъ, или графъ въ послѣдній разъ сидитъ здѣсь со своимъ высокимъ покровителемъ? Глаза адьютанта вопросительно и робко скользятъ по зимнему саду. На темномъ зеркалѣ искусственнаго озера рисуется фигура золотаго лебедя. Азаліи, рододендроны, глицинiи, въ полномъ цвѣту, образуютъ вдоль береговъ яркую благоухающую гирлянду, а яркая луна льетъ свое сіяніе на этотъ ландшафтъ и горные ледники заглядываются на волшебный уголокъ, гдѣ все напоминаетъ утонченную нѣгу востока. Адлерсгорстъ почувствовалъ приливъ щемящей тоски и отвернулся, Какое горькое противорѣчіе, какая злая иронія судьбы:—онъ видѣлъ передъ собою творца всего этого великолѣпія, человѣка, рожденнаго въ пурпурѣ, который былъ, пожалуй, самымъ несчастнымъ изъ всего баварскаго народа и, главное, пока еще не подозрѣвалъ, что онъ уже лишенъ и власти, и величія; а внизу на дворѣ замка сторожилъ своего развѣнчаннаго властелина маленькій отрядъ крестьянъ, готовыхъ сложить за него головы, въ случаѣ насилія со стороны враговъ.

— Какъ вы задумались, любезный графъ,—послышался голосъ короля, который садился за ужинъ и приглашалъ адьютанта занять мѣсто рядомъ съ нимъ.—Адлерсгорстъ вздрогнулъ.—О чемъ вы думаете?—продолжалъ Людвигъ.—Васъ растрогали, также какъ и меня, эти добрые люди, готовые пожертвовать собою за своего короля? Признаюсь вамъ, никогда еще жизнь не казалась мнѣ такой заманчивой, такой сладкой, какъ теперь, когда она близка къ закату. Значитъ, есть еще на свѣтѣ истинная, неподкупная, безкорыстная вѣрность. На лицѣ каждаго изъ депутатовъ была написана искренность и правда. — Ахъ, еслибъ я зналъ о томъ раньше, еслибъ могъ разсчитывать на такую привязанность мѣстнаго населенія! Ужь ради этихъ немногихъ честныхъ сердецъ, безгранично вѣрившихъ своему государю и возлагавшихъ на него

Digitized by Google

свои лучшія надежды, мнѣ стоило употребить всѣ силы, чтобы отстоять свой тронъ.

Графъ не осмѣлился возражать. И что могъ бы придумать онъ утѣшительнаго? Король взглянулъ на него, какъ бы выжидая отвѣта, потомъ опять погрузился въ молчаніе. Прошло нѣсколько времени, пока онъ заговорилъ снова.

— Сегодня оба мы не веселы, мой милый. Я предвидѣлъ, что застольная бесѣда не будетъ клеиться, и потому пригласилъ для нашего развлеченія музыкантовъ и пѣвцовъ. Мнѣ, котораго часто не удовлетворяли лучшіе артисты, пришла сегодня фантазія послушать простыхъ тирольцевъ. Липпертъ, слышавшій ихъ пѣніе и игру на цитрѣ въ ближайшей деревнѣ, не могъ нахвалиться ими.

Графъ поднялъ глаза на государя съ нескрываемымъ изумленіемъ. Людвигъ, страстный поклонникъ музыки Рейнгарда, не признававшій почти ничего внѣ этого новаго направленія въ искусствѣ, упивался вчера торжественнымъ реквіемомъ Моцарта, а сегодня пригласилъ странствующихъ деревенскихъ музыкантовъ! Вѣроятно, возраставшая душевная тревога заставляла его хвататься за всѣ доступныя средства, чтобы заглушить чувство ужаса и мрачной тоски, все болѣе и болѣе овладѣвавшей имъ. Къ несчастью, всѣ эти попытки отдаться наслажденію минуты и забыть о грозящей бѣдѣ были напрасны: онѣ не могли отвратить ее. Угадывалъ ли король безотрадныя мысли своего друга? Какъ бы то ни было, но онъ старался развеселить любимаго собесѣдника и, поднявъ бокалъ, воскликнулъ со свойственной ему чарующей любезностью:

— Счастье мимолетно; я знаю это, милый другъ, но тѣмъ болѣе должны мы дорожить каждымъ его мгновеніемъ. Судьба пока еще не разлучила меня съ вами, будемъ же наслаждаться нашей бесѣдой! Пью за ваше личное счастье, графъ, и желаю, чтобъ оно было прочно! Вы владѣете имъ въ лицѣ вашей прелестной, молоденькой жены. Какая у ней ангельская наружность! Я любовался вчера ея нѣжной красотой блондинки, которая казалась еще идеальнѣе рядомъ со смуглымъ лицомъ этой сирены, баронессы Эберсдорфъ. Меня, признаться, поразила наглость итальянки: она преспокойно сѣла какъ разъ напротивъ моего мѣста. Вотъ видите, мое нежеланіе показываться въ публикѣ имѣетъ свои основательныя причины.

Графъ нахмурилъ брови.

— Простите, ваше величество, что я не съумѣлъ избавить васъ отъ этой непріятной встрѣчи. Баронесса почти насильно

Digitized by Google

поѣхала съ нами. Занятый множествомъ хлопотъ, я допустилъ то, чего не позволилъ бы при другихъ обстоятельствахъ.

— Вы нисколько не виноваты, милѣйшій графъ,—торопливо прервалъ король:—я и не думалъ на васъ сердиться. Но меня взволновало появленіе этой женщины. Я не могъ оставаться равнодушнымъ, увидѣвъ послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ демонически прекрасное лицо бывшей графини Маріо. Оно вызвало въ моей душѣ самыя счастливыя и самыя мучительныя воспоминанія. Къ тому же, баронесса казалась такой блѣдной, какъ будто истерзанной упреками совѣсти. Да, милѣйшій, что ни говорите, но существуетъ возмездіе и на землѣ. Ревнивая ненависть мстительной баронессы вырыла могилу прелестнѣйшему созданію, какое когда либо существовало на свѣтѣ, но лучше испытать тысячи смертей, чѣмъ носить въ сердцѣ сознаніе вины, которой нельзя ничѣмъ искупить. И развѣ смерть можно вообще назвать зломъ? Она скорѣе наша избавительница отъ всѣхъ страданій; послѣдній другъ, который открываетъ намъ объятія, когда жизнь становится окончательно невыносимой для человѣка. Адлерсгорстъ, мой другъ, счастливецъ, нашедшій отраду въ любви достойной женщины,—выпьемте за послѣднее счастье, доступное мнѣ: за мою быструю, спокойную кончину.

Людвигъ тихо коснулся бокала въ рукѣ графа, который колебался отвѣчать на странный тостъ, и, залпомъ осушивъ свой кубокъ до дна, бросилъ его широкимъ размахомъ прочь отъ себя; стекло ударилось о край мраморнаго бассейна и разбилось въ дребезги.

— Вотъ такъ разбили въ мелкіе осколки мою жизнь,—воскликнулъ король, выпрямляясь и сверкая глазами.—Взгляните, графъ, какъ эти кусочки стекла тонутъ въ водѣ, оставляя послѣ себя легкіе круги на ея поверхности! Такъ и моя гибель ненадолго надѣлаетъ шуму; о ней поговорятъ, потолкуютъ на всѣ лады, а потомъ... король Людвигъ будетъ забытъ... забытъ!

Онъ опрокинулся на спинку стула; его лицо помертвѣло; глаза съ неопредѣленнымъ выраженіемъ устремились въ пространство.

— Нѣтъ, ваше величество, нѣтъ! — горячо возразилъ графъ Адлерсгорстъ, осторожно дотрогиваясь до руки государя. — Существованіе короля не можетъ безслѣдно угаснуть. Если даже его тронъ не устоитъ, то человѣкъ, занимавшій баварскій престолъ съ такимъ величіемъ, останется королемъ и безъ короны, продолжая дѣлать добро въ узкой сферѣ дѣятельности, если широкая арена служенія человѣчеству будетъ для него закрыта.

Digitized by Google

Глаза Людвига съ мрачной пытливостью остановились на графѣ.

— Развѣнчанный король, мой милый, — сказалъ онъ съ разстановкой,—это кукла, которая лучше сдѣлаетъ, если уступитъ дорогу живымъ. Но король, котораго, какъ душевно больнаго, запрутъ, хотя бы и въ золотую клѣтку, можетъ сдѣлаться для каждаго только предметомъ отвращенія и жалости. Не желайте мнѣ ни за что подобной участи.

Графъ хотѣлъ еще что-то возразить, но король рѣзко прервалъ его жестомъ руки.

— Сегодня ни слова объ этомъ больше! Я жажду провести весело хоть одинъ оставшійся мнѣ часъ. Пора послушать нашихъ артистовъ-самоучекъ.

Государь далъ звонокъ, и тотчасъ начался удивительный концертъ. Искусная рука извлекала изъ цитры меланхолическіе звуки; подъ эту музыку стали пѣть, то поочередно, то вмѣстѣ, два голоса: мужской и женскій. Тиролька закончила пѣсню solo:

Еслибъ наши оба сердца колокольчиками стали,
Какъ бы стройно и согласно цѣлый вѣкъ они звучали!
Свѣтлыхъ ангеловъ небесныхъ ты, мой милый, мнѣ дороже.
Въ рай господень я желаю, если ты тамъ будешь тоже.

— «Въ рай господень я желаю, если ты тамъ будешь тоже!» тихо повторилъ король. Значитъ, я счастливъ, потому что *мой* ангелъ ждетъ меня уже въ небесахъ.

— О, ваше величество!—произнесъ адьютантъ, схвативъ руку государя и припадая къ ней губами,—васъ требуетъ къ себѣ не небо, а земля.

Король бросилъ на него быстрый взглядъ.

— Знаю, другъ, знаю. Будьте увѣрены, что въ рѣшительную минуту я не буду малодушенъ, а найду въ себѣ достаточно мужества. Даю слово, что вамъ не придется краснѣть за своего короля.

— Хорошо, но вашему величеству нужно выказать нѣчто болѣе мужества: покорность передъ неизбѣжнымъ.

— Покорность, насколько она согласна съ честью.

Игра на цитрѣ и пѣніе внезапно прекратились. Король и графъ стали прислушиваться, быстро переглянувшись между собою. До ихъ слуха донесся говоръ многихъ голосовъ. Адлерсгорстъ вскочилъ, хватаясь за оружіе. Король также всталъ изъ-за стола.

— Неужели мой часъ пробилъ? — спросилъ онъ поблѣднѣв-

Digitized by Google

шими губами.—Я не ждалъ такой быстрой развязки. Взгляните, милѣйшій графъ, что тамъ такое: кто осмѣлился нарушить спокойствіе этой послѣдней для меня прекрасной ночи?

Адьютантъ былъ уже въ залѣ, примыкавшей къ зимнему саду; тамъ его встрѣтилъ старикъ Липпертъ, у котораго отъ страху подкашивались ноги.

— Они явились...

— Кто?

— Комисія съ графомъ Гольдбергомъ.

— Гольдбергъ?.. И онъ осмѣлился?

Адлерсгорстъ до крови закусилъ губы.

— Чего требуетъ комисія?

— Говорить съ его величествомъ.

— Теперь, ночью?—Это невозможно.

Липпертъ подошелъ ближе къ адьютанту.

— У нихъ съ собою прокламація господина герцога и они требуютъ, именемъ закона, чтобъ ихъ допустили къ государю.

Графъ подумалъ съ минуту и отвѣчалъ:

— Куда вы провели пріѣзжихъ?

— Внизъ, въ пріемную.

— Хорошо; пусть они тамъ дожидаются. Я подготовлю его величество. Но прежде позовите мнѣ г-на фонъ-Рандау.

Глаза камердинера засверкали.

— Какъ прикажете, г. графъ.—И, припадая губами къ рукѣ Адлерсгорста, Липпертъ прибавилъ съ дрожью въ голосѣ:—Побеpегите нашего всемилостивѣйшаго государя, онъ не переживетъ этого, ни за что не переживетъ!

Когда адьютантъ вернулся на террасу, король сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, откинувшись на спинку стула и полузакрывъ глаза. Въ его чертахъ было что-то неподвижное, глаза смотрѣли, какъ будто не видя окружающаго.

— Ну, что же, графъ?—спросилъ Людвигъ.

Адьютантъ со всѣми предосторожностями сообщилъ ему слышанное отъ камердинера. При имени графа Гольдберга, король встрепенулся.

— Такъ это его выбрали, именно его!

И государь крѣпко стукнулъ кулакомъ по столу.

— Введите комисію въ аудіенцъ-залу. Я приму ее; мнѣ нужно убѣдиться, какъ далеко зашла низость враговъ противъ меня.

— Какъ прикажете, ваше величество. А послѣ пріема комисіи...

— Послѣ того, я васъ уполномочиваю поступить по собственно-

Digitized by Google

му усмотрѣнію, любезный графъ. Только, чтобъ не было кровопролитія... Пусть не погибнетъ ни одинъ изъ тѣхъ преданныхъ людей, которые вздумали пожертвовать за меня жизнью.

Адъютантъ удалился съ поклономъ.

Въ залѣ его поджидалъ Георгъ.

— Сколько всего пріѣзжихъ? — торопливо спросилъ Адлерсгорстъ.

— Шесть человѣкъ, вошедшихъ въ составъ комисіи; съ ними прибыла пустая карета, чтобы, какъ я слышалъ, увезти въ ней государя; присланъ также небольшой отрядъ стражи.

— Неужели? Значитъ, дѣло затѣяно не на шутку,—вымолвилъ графъ, едва сдерживая бѣшенство. — Надѣетесь ли вы на свое мужество, г. фонъ-Рандау? прибавилъ онъ, обращаясь прямо къ молодому человѣку.—Рѣшительная минута наступила.

Георгъ былъ блѣденъ, но съ твердостью взглянулъ на графа.

— Я жду вашихъ приказаній.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ, овладѣйте экипажемъ и стражей, пока члены комисіи будутъ въ аудіенцъ-залѣ, а потомъ займите съ двадцатью человѣками коридоръ и арестуйте пріѣзжихъ господъ по выходѣ ихъ изъ залы. Липпертъ укажетъ вамъ комнаты, гдѣ они должны переночевать, запертые на замокъ.

Адъютантъ обмѣнялся нѣсколькими торопливыми словами съ камердинеромъ; Липпертъ вышелъ, многозначительно кивнувъ Георгу.

Немного времени спустя, комисія вступила въ аудіенцъ-залу. При входѣ короля, пріѣзжіе низко поклонились. По знаку его величества, графъ Гольдбергъ, не удостоенный даже взглядомъ со стороны короля, какъ и прочіе посланные, принялся читать вслухъ развернутый имъ объемистый документъ. Графъ былъ страшно блѣденъ и голосъ измѣнялъ ему. Документъ содержалъ прокламацію герцога Фердинанда. Король слушалъ, стоя, какъ бы застывшій въ неподвижности. Только когда Гольдбергъ дошелъ до приговора врачей, объявившихъ болѣзнь государя неизлѣчимой, едва замѣтная дрожь пробѣжала по тѣлу Людвига. Въ заключеніе, графъ потребовалъ именемъ герцога Фердинанда, чтобы король немедленно сѣлъ въ карету и оставилъ замокъ Нейшванштейнъ, такъ какъ врачи, въ видахъ гигіены, избрали его мѣстопребываніемъ замокъ Гогеншвангау.

Людвигъ прервалъ говорившаго гнѣвнымъ движеніемъ руки.

— Ни слова болѣе!—раздался его грозный голосъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ съ поднятой рукой, поочередно взглянулъ на каждаго изъ членовъ комисіи, и наконецъ его глаза

Digitized by Google

съ уничтожающимъ презрѣніемъ остановились на графѣ Гольдбергѣ.

— Государственный измѣнникъ!—прогремѣлъ Людвигъ, такъ что стѣны залы задрожали.—Вонъ отсюда!

И до того повелительна, до того величава была осанка свергнутаго короля, что послушные клевреты герцога Фердинанда, всѣ до одного, покорно склонили головы и повиновались. Людвигъ также повернулся и вышелъ въ свой кабинетъ, сдѣлавъ знакъ подскочившему Липперту, чтобы тотъ уходилъ прочь. Между тѣмъ графъ внимательно прислушивался къ шуму въ коридорѣ.

— Именемъ его величества!—кричали одни.—Именемъ герцога Фердинанда, пропустите насъ!—кричали другіе.

Потомъ наступила тишина и черезъ нѣсколько минутъ на порогѣ появился Георгъ съ рапортомъ:

— Все исполнено, г. графъ!

— Спасибо вамъ, г. фонъ-Рандау.

Адьютантъ пожалъ юношѣ руку.

— Вы имѣете сообщить еще что нибудь?

— Графъ Гольдбергъ желаетъ переговорить съ вами.

— Графъ Гольдбергъ? это очень кстати.—Рука Адлерсгорста машинально схватилась за рукоятку шпаги.—Будьте такъ добры, укажите мнѣ его комнату.

Георгъ пошелъ по коридору впереди графа и указалъ на одну изъ дверей. Она вела въ высокую комнату, освѣщенную висячей лампой, въ такъ называемомъ кавалерійскомъ флигелѣ. Обильный ужинъ, вино и холодное мясо стояли на столѣ. Узникъ только что принялся за ѣду. Когда дверь отворилась, онъ вскочилъ и, узнавъ Адлерсгорста, пошелъ къ нему съ протянутой рукой.

— Милѣйшій графъ!—воскликнулъ Гольдбергъ съ притворной безпечностью.—Что за комедію играете вы съ нами? Мы арестованы; хотя, надо признаться,—добавилъ онъ указывая на столъ,—наши тюремщики довольно предупредительны. Прошу васъ, любезный другъ, подумайте о томъ, что вы дѣлаете.

Графъ Гольдбергъ снова опустился на стулъ и пригласилъ Адлерсгорста движеніемъ руки присѣсть къ столу.

Но тотъ, едва сдерживая гнѣвъ, возразилъ съ оскорбительной холодностью:

— Прежде всего, г. графъ, прошу васъ оставить интимный тонъ, въ которомъ вы заговорили. Я никогда не добивался чести быть вашимъ другомъ, а съ нынѣшняго дня этотъ титулъ кажется мнѣ положительно позорнымъ и я отказываюсь отъ него.

Digitized by Google

Графъ Гольдбергъ безпокойно задвигался на стулѣ; его красивое лицо, обрамленное мягкой бородою, исказилось отъ злобы.

— Вы оскорбляете человѣка, находящагося въ вашей власти, г. Адлерсгорстъ. Это противно рыцарской чести.

Графъ Адлерсгорстъ закусилъ губы.

— Я готовъ каждую минуту, г. графъ, постоять за себя съ саблей или пистолетомъ въ рукахъ, по вашему выбору.

— Значитъ, вы ищете ссоры?

— Я не искалъ ея сегодня, но вы сами позвали меня...

— Я думалъ, что имѣю дѣло съ разумнымъ человѣкомъ, но, конечно, кто постоянно вращается въ обществѣ слабоумныхъ...

— Замолчите!—воскликнулъ Адлерсгорстъ, внѣ себя.—Вспомните, гдѣ вы! Я не потерплю ни одной минуты, чтобы вы оскорбляли въ моемъ присутствіи вашего короля и благодѣтеля!—рѣзко закончилъ онъ.

— Людвигъ II пересталъ быть моимъ королемъ, а также и вашимъ,—настойчиво возразилъ Гольдбергъ.—Вамъ слѣдовало бы сообразить это, прежде чѣмъ оказывать вооруженное сопротивленіе властямъ. Я протестую отъ своего имени и отъ имени своихъ сотоварищей противъ нашего незаконнаго ареста.

— Вы имѣете на это право, такъ какъ и я имѣю право и обязанъ защищать своего короля и государя отъ насилія. Я намѣренъ держать васъ здѣсь въ плѣну вопреки вашему протесту. Вспомните, графъ Гольдбергъ, какимъ довѣріемъ удостоивалъ васъ прежде его величество. Онъ вытащилъ васъ изъ грязи, куда вы попали, благодаря вашей легкомысленной жизни; онъ поправилъ ваши финансы, осыпалъ васъ подарками и другими знаками своей милости. Между тѣмъ вы исполнили уже разъ, въ отношеніи его величества, постыдную роль палача и теперь, не смотря на все это, вы снова осмѣлились явиться передъ оскорбленнымъ вами государемъ съ безбожнымъ порученіемъ отъ герцога Фердинанда. Это наложило такое пятно на вашу честь, что его слѣдовало бы вамъ смыть своею кровью. Простите же меня, если я поступилъ съ вами не по рыцарски; хотя вы находитесь въ моей власти, но я былъ не въ силахъ сдержать свою желчь.

Графъ Гольдбергъ сдѣлался бѣлѣе мѣла.

— Однако же вы берете на себя очень много! Развѣ вы мнѣ судья?

— Ни въ какомъ случаѣ. Я предоставляю васъ праведному суду божію, но въ то же время хочу быть мстителемъ за своего короля и государя, который сдѣлался жертвой низкаго предательства.

Digitized by Google

— Объ этомъ мы поговоримъ, когда я буду на свободѣ.

— Я разсчитываю на ваше вниманіе.

Графъ Адлерсгорстъ вышелъ и заперъ за собою дверь. Ошеломленный Гольдбергъ смотрѣлъ ему вслѣдъ. «Предоставляю покарать васъ Вѣчному Судіѣ». А еслибы и такъ. Въ какомъ преступленіи можетъ онъ меня обвинить? Если я защищаю свою шкуру въ минуту всеобщаго крушенія, то вѣдь и другіе дѣлаютъ тоже. Развѣ можетъ вѣчность, въ которую я не вѣрю, вознаградить меня за все, что я потеряю на землѣ, если стану подражать глупости этого спесивца Адлерсгорста? Недаромъ Фаустъ сказалъ: «Разрушь сначала этотъ міръ до основанія, а потомъ мы посмотримъ, что будетъ дальше!» Ахъ, этотъ прекрасный міръ наслажденій и радостей! Къ чему портить себѣ кровь пустыми бреднями? Вотъ и прелестная Ева отвернулась отъ меня, увлекшись красотою ex-короля Людвига и забывая, что подъ этой красивой внѣшностью скрывается ненавистникъ женщинъ. Тоже глупая мечтательница! Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и мы опять потолкуемъ съ вами, графъ Адлерсгорстъ, авось и вы въ то время подчинитесь игу, котораго дерзко не хотите признавать теперь, и которому подчинился я. Разница только въ томъ, что мнѣ достанутся лучшіе фрукты, потому что я во-время понялъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать».

Съ короткимъ, презрительнымъ смѣхомъ Гольдбергъ снова подсѣлъ къ столу и залпомъ выпилъ стаканъ вина.

XXIII.

Липпертъ поджидалъ графа Адлерсгорста, котораго потребовалъ къ себѣ король.

— Вы посадили мошенниковъ подъ арестъ?—спросилъ Людвигъ адъютанта. Его губы подергивались.

— Точно такъ, ваше величество. Теперь они совершенно въ вашей власти.

Король потупился.

— Въ моей власти? Я могъ бы раздавить этихъ пресмыкающихся, готовыхъ на всякое позорное дѣло, которые ищутъ случая устроить кому нибудь ловушку. Это настоящія исчадія тьмы, посланныя на землю, чтобы искушать сильныхъ. Они подстрекаютъ ихъ къ осуществленію злыхъ умысловъ, когда у тѣхъ не хватаетъ духу нарушить справедливость. Но, если я погублю клевретовъ герцога Фердинанда, что изъ этого выйдетъ? Отпу-

Digitized by Google

стите ихъ на свободу; все равно, Адлерсгорстъ, я человѣкъ погибшій, такъ или иначе.

— Ваше величество, вы не погибли, — осмѣлился замѣтить графъ, приближаясь къ нему съ умоляющимъ видомъ.—Вамъ не слѣдуетъ сдаваться добровольно. Конечно, нечего и думать надолго задержать членовъ комисіи, но это поможетъ намъ выиграть время; мы успѣемъ стать въ оборонительное положеніе. Замокъ Нейшванштейнъ легко обратить, въ случаѣ нужды, въ настоящую крѣпость. Тогда враги по неволѣ будутъ вынуждены сократить свои требованія и поубавить смѣлости.

— Какъ, и ради меня польется невинная кровь?.. Нѣтъ, графъ, я не ожидалъ такого совѣта отъ благороднаго, гуманнаго человѣка. Ну, развѣ это было бы достойно вашего короля укрѣпиться въ своемъ замкѣ, точно въ разбойничьемъ гнѣздѣ, какъ дѣлывали бароны и графы въ средніе вѣка? Тогда ужь я прямо прослыву сумашедшимъ и на меня станутъ указывать пальцами. А кому предстоитъ расплачиваться за все это? Моимъ друзьямъ...

— Существуетъ еще одинъ исходъ, ваше величество,—съ жаромъ настаивалъ, между тѣмъ, Адлерсгорстъ.—Прикажите Липперту собрать необходимыя вещи; кучеръ Мартинъ заложитъ лучшихъ лошадей; на разсвѣтѣ мы переѣдемъ границу и будемъ совершенно свободны.

Король энергично потрясъ головой.

— Бѣжать, Адлерсгорстъ? Вотъ взгляните лучше сюда...

Онъ взялъ со стола письмо и протянулъ его адьютанту.

— Мой двоюродный братъ, принцъ Эдгаръ, давно предлагалъ мнѣ то же средство. Я долго обдумывалъ эту мѣру, и наконецъ рѣшительно отклонилъ ее. Нѣтъ, Адлерсгорстъ, мое намѣреніе непоколебимо: я останусь королемъ или погибну, какъ прилично королю.

Графъ Адлерсгорстъ печально отвернулся. Въ эту минуту послышалось легкое царапанье въ дверь и старикъ Липпертъ вошелъ въ комнату.

— Что тебѣ надо?—съ неудовольствіемъ вскричалъ Людвигъ.

— Депеша г-ну графу.

Адлерсгорстъ разорвалъ конвертъ, прочиталъ и подалъ телеграмму королю, у котораго пробѣжала по губамъ горькая усмѣшка.

— Приказъ военнаго министра немедленно вернуться въ столицу. Отлично! у меня отнимаютъ и послѣдняго друга!

Графъ подошелъ къ королю, взялъ его руку и поцѣловалъ.

— Если позволите, ваше величество, я не двинусь отсюда.

— Какъ, вы хотите противиться приказу министра?

Digitized by Google

— Прежде всего я слуга моему государю.

— Вы рискуете быть выгнаннымъ изъ арміи, а, пожалуй, и того хуже. У васъ молоденькая жена; вы должны быть осторожны ради нея. Нѣтъ, нѣтъ!.. Я не смѣю и не могу принять такой жертвы.

— Но если это не жертва, а мое сердечное желаніе остаться при особѣ вашего величества? Мнѣ хорошо извѣстно, чего меня могутъ лишить и чѣмъ я обязанъ Паулѣ, но она первая готова вмѣстѣ со мною пожертвовать и состояніемъ, и жизнью за нашего возлюбленнаго государя и короля.

Король глубоко вздохнулъ и раскрылъ объятія.

— Дайте прижать васъ къ сердцу, благородный человѣкъ и другъ!

Онъ поцѣловалъ адьютанта въ лобъ.

— Пускай теперь кто нибудь назоветъ меня бѣднымъ, когда я окруженъ такими преданными людьми! Ахъ, Адлерсгорстъ! вашъ король не въ состояніи больше вознаградить вѣрность, но я повторю опять свои слова: существуетъ воздаяніе здѣсь на землѣ, существуетъ божеская справедливость! Будемъ надѣяться на нее!

— О, ваше величество, и это говорите вы, и въ такую минуту!...

— Когда на меня хлынули грозныя волны и разбиваютъ мой корабль?—мрачно добавилъ король.—Да, милый другъ, Господь справедливъ. Онъ нашелъ меня недостойнымъ, и я покоряюсь его мудрому промыслу. Но Онъ будетъ судить также и тѣхъ, которые безжалостно притѣсняютъ меня сегодня и позорятъ сами себя преступнымъ насиліемъ. Однако, вамъ нужно отдохнуть, милѣйшій; ступайте къ себѣ. Завтра мы увидимся. Я велю васъ позвать, чтобы проститься хорошенько.

Графъ молча повиновался. Его глаза были влажны.

Проходилъ часъ за часомъ, а тревожные шаги короля все еще раздавались по комнатамъ. Передъ нимъ безконечной вереницей проносились картины прошлаго; позади него лежала прожитая жизнь, въ продолженіе которой онъ могъ сдѣлать многое. Теперь у него отнята всякая власть; онъ признанъ больнымъ, неспособнымъ къ правленію, и народъ, который его не зналъ, не видѣлъ его цѣлые годы, вѣроятно, думаетъ теперь о своемъ королѣ съ робкимъ недоумѣньемъ. Ахъ, какъ горько раскаивался онъ въ своей близорукости и жалѣлъ, что отдался въ послѣднее время только своимъ причудамъ! Король не забылъ наставленія пастора: «Одинъ Господь, даровавшій тебѣ жизнь, можетъ от-

Digitized by Google

нять ее у тебя».—Но существуютъ условія, при которыхъ продолжать свое существованіе способны только трусы. Ему, королю Людвигу, предстояло съ этихъ поръ влачить жалкую жизнь или, скорѣе, жалкое прозябаніе. Конечно, мы обязаны жить, пока имѣемъ возможность дѣлать добро и подавать хорошій примѣръ, но когда людская злоба старается уронить насъ въ собственномъ мнѣніи, когда королевскую корону замѣняютъ дурацкимъ колпакомъ, прикрывающимъ убогую невмѣняемость, тогда позволительно опередить естественный ходъ вещей и добровольно покончить съ собой.

Эта рѣшимость давно созрѣла въ душѣ короля Людвига. И кого огорчитъ онъ своей смертью? Кто станетъ о немъ печалиться? Его мать? Конечно. Но эта набожная женщина найдетъ утѣшеніе въ религіи, какъ находила его раньше при всѣхъ ударахъ судьбы. Для родныхъ Людвигъ давно умеръ и отчасти по собственной винѣ; онъ сознавалъ это. Для своего народа? Можетъ быть, нѣкоторая часть баварцевъ станетъ оплакивать своего государя... Можетъ быть... Но его смерть не будетъ ни для кого потерей, кромѣ тѣхъ, которые стояли къ нему близко.

Людвигъ въ невольномъ порывѣ схватился за медальонъ, спрятанный у него на груди.

— «До свиданія въ лучшемъ мірѣ». То были твои послѣднія слова, Франциска. Мой часъ наступаетъ, онъ близокъ... близокъ... Тогда мы оба отдохнемъ отъ страданій и пытокъ здѣшней жизни.

Забрежжило утро; свѣтлая полоса показалась на востокѣ. Людвигъ подошелъ къ окну и смотрѣлъ на пробуждавшуюся природу въ ея весенней красѣ, на вершины своихъ любимыхъ горъ.

— Какъ я былъ еще богатъ счастьемъ, когда поселился здѣсь, тихо прошепталъ онъ.—Теперь я нищій и даже хуже того: я—вычеркнутый изъ списка живыхъ, я—морально умершій... А если такъ, то зачѣмъ милосердное божество не сжалится надо мною и не омрачитъ моего разума, чтобы я не могъ, по крайней мѣрѣ, сознавать ужаса своего положенія? Отрадный утренній свѣтъ!... Сколько разъ придется мнѣ еще привѣтствовать тебя, золотая денница?.. Но лучше мнѣ вовсе не видѣть солнца, чѣмъ по неволѣ проклинать его каждое утро, потому что оно будетъ освѣщать мнѣ съ этихъ поръ жалкую, недостойную жизнь. Нѣтъ, обойми меня лучше ты, сладостная ночь; недаромъ твой таинственный сумракъ былъ мнѣ всегда милѣе яркаго дневнаго свѣта, который срываетъ всякій покровъ съ окружающаго, обнажая все, что̀ есть безобразнаго на землѣ, такъ что оно рѣжетъ глазъ своей безпощадною наготою. Я стремлюсь къ мраку ночи, ищу забвенія въ ея объятіяхъ!.. Но какъ?.. какимъ образомъ?.. Можетъ

Digitized by Google

быть, мнѣ преградятъ и этотъ выходъ; мои тюремщики, пожалуй, сочтутъ своей обязанностью слѣдить за каждымъ шагомъ душевно-больнаго, чтобы продлить подольше его ненужное существованіе.

Король снова сталъ мѣрить шагами комнату.

— Это надо устроить, пока я еще здѣсь, а не во власти своихъ враговъ.

Онъ выглянулъ изъ окна и сталъ смотрѣть на башню, поднимавшуюся надъ скалистымъ обрывомъ.

— Одинъ прыжокъ оттуда, и я свободенъ. Но нѣтъ, нѣтъ!... Неужели я такъ плохо отблагодарю за любовь тѣхъ добрыхъ людей, которые хотѣли отдать за меня жизнь, и оставлю такое кровавое воспоминаніе о себѣ на ихъ прекрасной родинѣ?.. А графъ Адлерсгорстъ, благородный, безкорыстный другъ? Какимъ любящимъ и озабоченнымъ взглядомъ постоянно смотрѣлъ онъ на меня! Неужели въ его памяти должна навсегда запечатлѣться ужасная картина: его любимый король, залитый кровью съ раздробленнымъ черепомъ у подножія вонъ той скалы! Непріятно обратиться въ безформенную массу тому, кто поклонялся красотѣ весь вѣкъ, для кого прекрасное составляло жизненную потребность и кто принесъ столько, пожалуй, даже излишнихъ жертвъ своему идеальному культу. Нѣтъ, надо придумать что нибудь другое!...

Вдругъ король почувствовалъ, что у него подгибаются ноги; онъ страшно измучился; имъ овладѣла усталость.

— Мнѣ нужно собраться съ силами. Пускай въ человѣкѣ, убитомъ судьбою, мои подданные по прежнему видятъ своего короля.

Подойдя къ столу, Людвигъ нажалъ пуговку звонка. Немедленно явился Липпертъ, не смыкавшій глазъ всю ночь; старикъ сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ, тревожно прислушиваясь къ тому, что происходило въ кабинетѣ.

— Липпертъ, я хочу спать!

Лицо камердинера просвѣтлѣло. «Слава Богу, онъ хочетъ отдохнуть»,—прошепталъ старикъ.

— А когда я проснусь, пусть отслужатъ обѣдню въ капеллѣ замка.

— Слушаю, ваше величество. Я сейчасъ дамъ знать капеллану.

— Пусть графъ Адлерсгорстъ присутствуетъ при богослуженіи со мной вдвоемъ. Скажите ему, чтобы онъ передъ тѣмъ выпустилъ на свободу заключенныхъ и отослалъ по домамъ добрыхъ людей, сторожившихъ меня въ эту ночь.

— О, ваше величество!

Digitized by Google

Старикъ поднялъ руки съ умоляющимъ видомъ.

— Ни слова болѣе, я такъ хочу!

Былъ уже полдень, когда король проснулся отъ тяжелаго сна. Онъ вскочилъ съ подушекъ и сталъ осматриваться кругомъ. Неужели передъ нимъ все та же знакомая комната, онъ все еще находится между живыми и мрачный часъ у него еще впереди?

Людвигъ торопливо позвонилъ и, когда вошелъ камердинеръ, началъ одѣваться, избѣгая смотрѣть на Липперта, старавшагося скрыть отъ государя свое разстроенное лицо.

Безсвязныя мысли осаждали мозгъ короля. На вопросъ, готовъ ли капелланъ приступить къ богослуженію, старикъ только молча поклонился и отворилъ двери въ кабинетъ. Тамъ, по распоряженію Людвига, долженъ былъ ожидать его графъ Адлерсгорстъ. Но что это значитъ? Вмѣсто своего адъютанта, онъ увидалъ новое лицо. Однако оно показалось ему знакомымъ. Дѣйствительно, передъ нимъ стоялъ тотъ самый юноша, котораго прислалъ Адлерсгорстъ къ королю нѣсколько мѣсяцевъ назадъ съ извѣстіемъ, что онъ раненъ на дуэли. Непріятное предчувствіе овладѣло государемъ, такъ что онъ невольно отступилъ назадъ.

— Г. фонъ-Рандау?—съ видимымъ усиліемъ произнесли его губы.

Георгъ почтительно поклонился. Его красивыя черты носили слѣды безсонной ночи и глубокаго внутренняго волненія.

— Я пришелъ сюда по порученію графа Адлерсгорста,—началъ молодой человѣкъ.

— Графа Адлерсгорста? А почему здѣсь нѣтъ его самого?

Голосъ короля дрожалъ, не смотря на усилія придать ему твердость.

— Ваше величество, графъ Адлерсгорстъ арестованъ сегодня поутру и препровожденъ въ Мюнхенъ.

Подавленный жалобный стонъ вырвался у Людвига.

— Я не увижусь съ нимъ больше въ этомъ мірѣ,—невольно произнесъ онъ.

Государь подошелъ къ окну, прижался лбомъ къ стеклу и долго стоялъ въ такой позѣ.

— Не можете ли вы сообщить что нибудь о графѣ, г. фонъ-Рандау?—обратился онъ наконецъ къ Георгу, смотрѣвшему на него съ сожалѣніемъ.

— Г. графъ покорнѣйше просилъ ваше величество довѣрить мнѣ тѣ порученія, которыя вы желали возложить на него.

— Порученія? Да, да, я вспомнилъ.

Digitized by Google

И, подойдя къ письменному столу, Людвигъ взялъ маленькій запечатанный конвертъ.

— Молодой человѣкъ,—обратился онъ торжественнымъ тономъ къ Георгу,—пріобрѣтя довѣріе графа Адлерсгорста, вы пріобрѣли также и мое. Поэтому передаю въ ваши руки назначенный моему другу послѣдній подарокъ на память отъ его короля; болѣе того: прошу васъ и поручаю вамъ взять заключающееся въ этомъ пакетѣ письмо, адресованное моему августѣйшему дядѣ, и доставить его въ собственныя руки герцога Фердинанда въ томъ случаѣ, если, по прошествіи двухъ дней, графъ Адлерсгорстъ не будетъ отпущенъ на свободу.

Ясные глаза Георга обратились на государя съ выраженіемъ безграничной преданности.

— Въ точности исполню приказаніе вашего величества!—съ жаромъ отвѣтилъ онъ.

— Благодарю васъ,—ласково произнесъ король.—Онъ снялъ перстень съ пальца и, подавая его Рандау, прибавилъ:

— Я слышалъ отъ графа, съ какой готовностью выступили вы на мою защиту. Возьмите это въ знакъ благодарности вашего короля, которому теперь уже невозможно выражать свою признательность инымъ способомъ.

Георгъ поцѣловалъ протянутую ему руку монарха, глотая предательскія слезы.

— Пока я живъ, этотъ даръ будетъ моей святыней,—промолвилъ онъ дрожащими губами.

Король торопливо кивнулъ ему головой.

— Разскажите мнѣ подробности ареста графа Адлерсгорста,—замѣтилъ государь, отворачиваясь въ сторону.

Георгъ повиновался. По его словамъ, адъютантъ только успѣлъ исполнить высочайшій приказъ выпустить на свободу членовъ комисіи и отослать по домамъ крестьянъ, охранявшихъ замокъ, какъ на дорогѣ показался экипажъ, окруженный отрядомъ жандармовъ. Командовавшій ими офицеръ подъѣхалъ къ воротамъ и сталъ требовать пропуска для себя и своихъ подчиненныхъ; однако графъ не позволилъ этого, а вышелъ за ворота самъ для переговоровъ, прося жандармовъ подождать и обѣщая впустить ихъ, когда послѣдуетъ на то высочайшее разрѣшеніе. Между тѣмъ, вновь прибывшіе немедленно окружили и арестовали графа именемъ герцога Фердинанда. Его заставили сѣсть въ приготовленный экипажъ и Адлерсгорсту едва удалось допроситься, чтобъ ему позволили сказать нѣсколько словъ Георгу. Адъютантъ поручилъ молодому человѣку увѣдомить о случившемся его вели-

Digitized by Google

чество, а потомъ отправиться въ швейцарскій домикъ къ молодой графинѣ съ извѣстіемъ о неожиданномъ арестѣ мужа.

Король слушалъ въ неподвижной позѣ. Потомъ онъ обернулся къ Георгу, блѣдный, но спокойный.

— Прошу васъ,—сказалъ государь нѣсколько не твердымъ голосомъ,—исполните послѣднее порученіе графа, не медля ни минуты. Бѣдная графиня, конечно, будетъ очень огорчена; однако успокойте ее: я, кажется, могу смѣло поручиться, что графу Адлерсгорсту не причинятъ ни малѣйшей непріятности.

Рандау молча поклонился; но, когда онъ былъ уже въ дверяхъ, Людвигъ опять окликнулъ его.

— Посланная господиномъ герцогомъ новая комисія находится уже въ замкѣ?

— Нѣтъ, ваше величество; мы строго исполнили приказъ графа Адлерсгорста и ожидаемъ высочайшаго разрѣшенія.

— Тогда прошу васъ, г. фонъ Рандау, распорядиться о немедленномъ пропускѣ пріѣзжихъ. Послѣ обѣдни, я готовъ принять ихъ.

Георгъ взглянулъ на короля испуганнымъ, вопросительнымъ взглядомъ. Но тотъ сдѣлалъ ему знакъ рукою и повернулся, чтобы уйти.

Рандау пошелъ исполнять возложенное на него порученіе со стѣсненнымъ сердцемъ. Людвигъ постоялъ нѣсколько времени на прежнемъ мѣстѣ, опустивъ глаза въ землю.

— Пускай они придутъ надѣть тщательно выкованныя цѣпи своему повелителю, — прошепталъ онъ.—Я смѣюсь надъ ихъ властью. Послѣднимъ подвигомъ короля будетъ то, что онъ раздробитъ эти цѣпи и броситъ къ ихъ ногамъ.

Государь позвонилъ.

Немедленно явился Липпертъ, чтобы отворить двери передъ королемъ. Тихая музыка органа раздавалась въ аванъ-залѣ, куда Людвигъ вступилъ, высоко поднявъ голову, съ благоговѣйнымъ выраженіемъ на лицѣ. Выйдя оттуда прямо на хоры, онъ занялъ обычное мѣсто; тяжелыя бархатныя драпировки задернулись за нимъ; внизу, передъ алтаремъ, придворный капелланъ совершалъ литургію; ему прислуживали двое мальчиковъ. Облака кадильнаго дыма доносились до государя, который, опустившись на колѣни, невидимый никѣмъ, закрылъ лицо руками, по своей привычкѣ, и горячо молился. Король, сильный земли, давалъ отчетъ въ своихъ дѣлахъ всемогущему царю царей, передъ которымъ всѣ земные вѣнцы—одинъ прахъ и ничтожество. Ему вспоминались

Digitized by Google

слова Спасителя, которыхъ не слѣдуетъ забывать властителямъ народовъ: «кому много дано, отъ того много и потребуется».

Литургія давно кончилась; звуки органа, точно далекая небесная музыка, торжественно замирали подъ сводами капеллы. Тогда только Людвигъ поднялся съ колѣнъ. Яркій лучъ солнца, пронизавшій полумракъ на хорахъ, дошелъ до одинокаго государя и коснулся его лба, окруживъ свѣтлымъ ореоломъ голову страдальца. Черты короля просвѣтлѣли; онъ отрѣшился отъ земнаго; его душа была свободна.

Между тѣмъ аванъ-зала верхняго этажа, непосредственно примыкавшая къ капеллѣ и недоступная въ прежнее время для посторонникъ, наполнилась людьми. Солнечный свѣтъ, падавшій изъ оконъ съ тяжелыми бархатными драпировками, игралъ на каскахъ выстроившихся правильными рядами жандармовъ. То была вторая комисія, посланная изъ Мюнхена на этотъ разъ въ сопровожденіи врачей. Она ожидала выхода короля по окончаніи обѣдни. Были приняты всѣ мѣры, чтобы предотвратить вчерашнюю неудачу. Клевреты герцога Фердинанда рѣшились не отступать даже передъ вспышкой гнѣва развѣнчаннаго государя и потому безъ страха готовились встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу.

Старикъ Липпертъ, получившій приказъ сопровождать короля въ замокъ Бергъ на Штарнбергскомъ озерѣ, гдѣ было наконецъ назначено мѣстопребываніе августѣйшему больному, стоялъ у дверей капеллы, дрожа всѣмъ тѣломъ. Онъ судорожно стиснулъ руки, когда послышался шорохъ раздвигаемыхъ портьеръ. Тревожное ожиданіе собравшихся дошло въ ту минуту до высшей точки напряженія. Всѣ были заранѣе увѣрены, что имъ придется вынести бурную сцену. Однако на порогѣ показался не взбѣшенный безумецъ съ дикими взглядами, а совершенно спокойный человѣкъ, внушавшій невольное уваженіе своей благородной, величавой осанкой.

Двое солдатъ тотчасъ подскочили къ нему, чтобы предупредить всякое сопротивленіе. Но онъ остановилъ ихъ повелительнымъ жестомъ руки.

— Назадъ! Я подчиняюсь волѣ герцога Фердинанда!—И онъ кивнулъ членамъ комисіи, чтобы они прошли впередъ. Тѣ невольно опустили глаза передъ его строгимъ взглядомъ и молча повиновались.

Липпертъ подалъ государю плащъ и шляпу.

— Можетъ быть, я долженъ проститься и съ вами, старый другъ?—ласково спросилъ Людвигъ совершенно твердымъ голосомъ.

Digitized by Google

— Слава Богу, ваше величество,—отвѣчалъ вѣрный камердинеръ, благоговѣйно поднимая на короля глаза, какъ на святаго:—мнѣ позволено остаться и на будущее время при вашей высочайшей особѣ.

Король улыбнулся, какъ будто хотѣлъ сказать: «не долго понадобятся мнѣ твои услуги, добрая душа!»

При выходѣ на лѣстницу, онъ обратился къ врагамъ, шедшимъ рядомъ:

— Господа, вы произнесли надо мною свой приговоръ, не зная меня хорошенько, и не прибѣгли даже къ медицинскому изслѣдованію. Современники и потомство осудятъ васъ за это.

Послѣ того, государь спустился внизъ; тамъ его ожидалъ экипажъ. Королевская прислуга, между ними старый кучеръ Мартинъ, Зеппъ со своею Бербель и множество народа, сбѣжавшагося на печальные проводы, жались по угламъ двора, не смѣя подойти близко. Жандармы образовали непроницаемую шпалеру между ними и каретой. Эта предосторожность снова заставила короля горько усмѣхнуться, но на его лицѣ выражалась прежняя покорность судьбѣ, какъ у человѣка, отрѣшившагося ото всего земнаго, котораго ничто уже не въ силахъ ни опечалить, ни обрадовать. Спокойно сѣлъ онъ въ закрытый экипажъ; окна кареты ради безопасности были снабжены желѣзной рѣшеткой. Людвигъ сдѣлалъ видъ, будто бы не замѣчаетъ этого, и безо всякихъ возраженій позволилъ одному изъ врачей занять мѣсто съ нимъ рядомъ. Онъ бросилъ прощальный взглядъ на грандіозный замокъ, на свои любимыя горы, потомъ откинулся на подушки экипажа, чтобы не видѣть больше ничего.

— Съ Богомъ, въ путь-дорогу!—тихо и почти безсознательно прошептали его губы.—Прощай свобода, блескъ и великолѣпіе, прощай прекрасный міръ мечтаній! Господи, тяжела моя расплата за прошлыя заблужденія, но я смирился передъ тобою; не отринь меня, кающагося, и открой мои глаза вѣчному свѣту, гдѣ человѣку нечего больше искать, потому что его ждетъ познаніе.

XXIV.

Герцогъ Фердинандъ, какъ и его сынъ, принцъ Генрихъ, противъ обыкновенія, не выѣзжали пока изъ столицы. Наступавшій государственный переворотъ настоятельно требовалъ ихъ присутствія здѣсь. Герцогъ замѣтно постарѣлъ въ послѣдніе

Digitized by Google

мѣсяцы. Его мучила совѣсть за безчеловѣчный поступокъ съ племянникомъ. Однако онъ твердо рѣшился исполнить то, что считалъ необходимымъ. Дальнѣйшія колебанія должны были только усилить душевныя муки несчастнаго больнаго, и потому старикъ поспѣшилъ положить конецъ неопредѣленному положенію вещей для его же пользы. Только одного не взвѣсилъ онъ заранѣе, и это одно непредвидѣнное обстоятельство, какъ червь, точило ему сердце, нарушало душевное спокойствіе герцога, взявшаго на себя тяжелую отвѣтственность передъ баварскимъ народомъ и цѣлымъ свѣтомъ. Исторія представляетъ, конечно, немало примѣровъ, когда безуміе поражало главу государства, но это несчастіе было обставлено въ тѣхъ случаяхъ совершенно иначе. Сначала родственники государя обыкновенно тщательно скрывали его недугъ и онъ получалъ огласку только въ томъ случаѣ, если оказывался вполнѣ неизлѣчимымъ. Между тѣмъ отрѣшеніе отъ престола короля баварскаго Людвига II было обусловлено многими загадочными обстоятельствами, бросавшими неблаговидную тѣнь на близкихъ ему лицъ. Оно давало обильную пищу сомнѣніямъ, оскорбительнымъ для чести тѣхъ, кому печальная катастрофа сулила несомнѣнныя выгоды. Суровыя мѣры, принятыя относительно августѣйшаго паціента, отзывались возмутительнымъ насиліемъ. Король вовсе не казался съ виду душевнобольнымъ, но хуже всего было то, что значительная часть баварскаго народа рѣшительно не вѣрила въ его умственное разстройство. Не смотря на многолѣтнее отчужденіе государя отъ свѣта и столичной жизни, баварцы не забыли своего прежняго кумира, красавца-юношу, подававшаго имъ такія свѣтлыя надежды въ началѣ своего царствованія. Они не могли примириться съ мыслью, что эта гордость народа мелькнула на ихъ горизонтѣ ослѣпительнымъ метеоромъ, чтобы угаснуть въ цвѣтѣ лѣтъ. Причуды и странности Людвига, послужившія главнымъ поводомъ признать его помѣшательство, были давно извѣстны всѣмъ; баварцы привыкли къ этимъ чудачествамъ и не думали возмущаться ими. Но послѣднія перипетіи неравной борьбы грозили окончательно подорвать популярность герцога: вооруженныя шайки крестьянъ защищаютъ государя отъ членовъ комисіи, посланной герцогомъ; затѣмъ комисію арестуютъ и снова отпускаютъ на свободу, а добровольнымъ защитникамъ велятъ мирно разойтись по домамъ, послѣ того какъ король заклеймилъ людей, пріѣхавшихъ взять его, позорнымъ именемъ государственныхъ измѣнниковъ, оскорбивъ такимъ образомъ въ лицѣ ихъ самого герцога Фердинанда, старшаго въ родѣ и своего преемника.

Digitized by Google

— Вы ужасно неловко взялись за дѣло, графъ,—съ неудовольствіемъ замѣтилъ Гольдбергу герцогъ во время секретной аудіенціи.—Вамъ слѣдовало всѣми силами предотвратить нелѣпую комедію. Вы уронили себя, а что́ еще хуже—меня самого въ глазахъ свѣта.

Графъ Гольдбергъ потупился.

— У насъ не было никакой возможности воспрепятствовать этому, ваше королевское высочество,—оправдывался онъ.—Развѣ мы ожидали встрѣтить вооруженное сопротивленіе со стороны отлично организованнаго войска?

— Хорошо войско!—Очень жаль, что мой племянникъ успѣлъ организовать для себя добровольную охрану и что некому было разбить этихъ выскочекъ-горцевъ. Вамъ слѣдовало бы потребовать военнаго подкрѣпленія.

— Чтобы начать правильную осаду за́мка Нейшванштейнъ?—Не сами ли вы, ваше королевское высочество, приказали мнѣ дѣйствовать мѣрами кротости, избѣгая всякаго насилія?

— До насилія никогда бы не дошло!—Но у васъ просто не хватило храбрости. Мои посланные струсили...

— Ошибаетесь, ваше королевское высочество,—замѣтилъ графъ:—намъ пришлось имѣть дѣло съ людьми, готовыми на крайнія средства. Надо принять также въ соображеніе, что во главѣ ихъ стоялъ такой неустрашимый предводитель, какъ графъ Адлерсгорстъ.

Герцогъ махнулъ рукой.

— Къ сожалѣнію, да.—Я сознаюсь, что погрѣшилъ излишней снисходительностью, но теперь эта отчаянная голова не надѣлаетъ намъ больше хлопотъ: онъ посаженъ у меня за семью за́мками.

Гольдбергъ не могъ скрыть радостнаго изумленія при этомъ извѣстіи.

— Не торжествуйте, особенно заранѣе,—ворчливо оборвалъ его герцогъ.—Если я недоволенъ графомъ Адлерсгорстомъ, какъ глава государства, зато уважаю его, какъ человѣкъ. Онъ выказалъ рѣдкую вѣрность своему государю и я самъ желалъ бы имѣть у себя побольше такихъ неподкупныхъ слугъ.

Графъ Гольдбергъ закусилъ губы.

— Можно позавидовать ловкости графа Адлерсгорста, который позволяетъ себѣ все, не утрачивая однако благосклонности своихъ высокихъ повелителей.

— Я почти опасаюсь, графъ,—рѣзко возразилъ герцогъ,—

Digitized by Google

что вы перешли на нашу сторону не по убѣжденію, а изъ зависти къ сопернику.

Гольдбергъ поблѣднѣлъ.

— Ваше королевское высочество, вы очень сурово караете меня за мою оплошность, если можно такъ назвать нашу неудачу. Но другіе, вѣроятно, будутъ счастливѣе насъ и получатъ благодарность, которой мы рискуемъ лишиться не по своей винѣ.

Герцогъ нѣсколько секундъ мѣрилъ его мрачными взглядами.

— Вы, пожалуй, правы, а я, можетъ быть, не правъ,—сказалъ онъ наконецъ.—Но согласитесь сами, при такихъ чертовскихъ обстоятельствахъ, хоть у кого голова пойдетъ кругомъ. Не принимайте слишкомъ близко къ сердцу моихъ словъ, сказанныхъ съ досады, милѣйшій графъ. Даю вамъ честное слово, что не забуду вашихъ услугъ.

И герцогъ отпустилъ Гольдберга легкимъ наклоненіемъ головы.—Тотъ ушелъ съ затаенной досадой.

— Вотъ благодарность сильныхъ,—пробормоталъ онъ про себя.—А изъ-за этого щекотливаго порученія я рисковалъ получить пулю въ лобъ отъ графа Адлерсгорста, не считая того, что уже навсегда лишился благосклонности очаровательной фрау Евы.—А что, еслибы мнѣ снова перейти въ противный лагерь? Попытаться развѣ вернуть королю потерянный тронъ? Пока Людвигъ живъ, онъ всегда можетъ разсчитывать на возстановленіе своей власти, а тогда, г-нъ герцогъ, мы посчитались бы съ вами за сегодняшнее.

Тотчасъ по уходѣ графа Гольдберга, герцогу Фердинанду доложили, что баронесса Эберсдорфъ, явившаяся во дворецъ уже во второй разъ въ теченіе этого дня, убѣдительно проситъ принять ее.

— Сегодня, кажется, самъ чортъ сорвался съ цѣпи!—проворчалъ герцогъ.—Что нужно отъ меня этой интриганкѣ?—Пожалуй, и она тоже собирается ловить рыбу въ мутной водѣ, какъ другіе.

Впрочемъ старикъ приказалъ впустить Людмилу. Пріятельница аббата имѣла право на вниманіе со стороны его высочества. Она, можетъ быть, даже явилась по его порученію, которое было рискованно довѣрить бумагѣ.

Герцогъ съ любопытствомъ ожидалъ, что скажетъ посѣтительница, и былъ немало удивленъ, увидѣвъ передъ собою блестящую баронессу, одѣтую почти какъ старуха, безъ малѣйшихъ претензій на щегольство. Въ простомъ темномъ платьѣ она казалась

Digitized by Google

еще блѣднѣе; впалые глаза и поблекшія щеки краснорѣчиво говорили о безсонныхъ ночахъ, проведенныхъ въ душевной тревогѣ.

— Какой особенной случайности обязанъ я честью видѣть васъ у себя, баронесса?—спросилъ Фердинандъ, непріятно пораженный убитымъ видомъ итальянки.

Вмѣсто всякаго отвѣта, она упала передъ нимъ на колѣни.

— Что это значитъ?—воскликнулъ герцогъ, отступая назадъ въ невольномъ смущеніи.

— Ваше королевское высочество, — начала Людмила дрожащимъ голосомъ,—я лежу у вашихъ ногъ съ раскаяніемъ въ сердцѣ и молю о прощеніи и милости.

По губамъ герцога скользнула ироническая усмѣшка.

— Прошу васъ прежде всего встать, баронесса, а потомъ мы съ вами потолкуемъ. Проступки прелестныхъ женщинъ обыкновенно не настолько ужасны, чтобы ихъ было трудно простить.

Людмила повиновалась и сѣла въ кресло, указанное герцогомъ.

На лицѣ августѣйшаго хозяина отразилось нетерпѣніе и усталость.

— Итакъ,—сказалъ онъ,—я васъ слушаю.

— Ваше королевское высочество можете быть увѣрены, что я не стала бы отнимать у васъ драгоцѣннаго времени, еслибъ меня не принуждала къ тому крайняя необходимость, — начала посѣтительница, собираясь съ духомъ. —Мнѣ слѣдуетъ сдѣлать вамъ одно важное признаніе, которое удержитъ ваше королевское высочество отъ ужасной, непоправимой ошибки... Говорю прямо: вы были злонамѣренно обмануты и я сама принимала участіе въ этомъ постыдномъ дѣлѣ.

Лобъ герцога нахмурился.

— Вы говорите загадками,—довольно рѣзко замѣтилъ онъ.— Я попросилъ бы васъ объясниться безъ обиняковъ. Въ чемъ заключается обманъ, въ которомъ вы себя обвиняете?

Людмила подалась впередъ; ея темные глаза пытливо впились въ лицо Фердинанда.

— Ваше королевское высочество, — свидѣтельскія показанія противъ короля, представленныя на семейномъ совѣтѣ королевской фамиліи аббатомъ Эйхфельдомъ, частью состоятъ изъ смѣшенія лжи и правды, частью же совершенно подложны: они доставлены подкупленными людьми.

Герцогъ выпрямился, обнаруживая сильное волненіе.

— Опомнитесь, баронесса: — вѣдь вы чернite вашего друга, защитника.

— Который съумѣлъ своимъ дьявольскимъ краснорѣчіемъ скло-

Digitized by Google

нить меня, какъ и многихъ другихъ, къ сообщничеству въ его гнусныхъ дѣлахъ. Его руководство, его совѣты сдѣлали изъ меня то, что́ я есть теперь: презрѣнную женщину, которая стыдится самой себя.

Фердинандъ вскочилъ.—Подойдя къ окну, онъ остановился, погрузившись въ невеселыя думы. Потомъ герцогъ снова заговорилъ съ Людмилой суровымъ, рѣзкимъ тономъ.

— Въ вашихъ словахъ слышится правда, но съ какою цѣлью сообщили вы мнѣ все это теперь, именно теперь?

— Потому что ваше высочество имѣете еще возможность предотвратить зло, происшедшее отъ обмана.

— Кто вамъ сказалъ, что еще не поздно исправить ошибку?— крикнулъ герцогъ, багровый отъ гнѣва.—Если вы хотѣли помѣшать несправедливости, то вамъ слѣдовало высказаться раньше. Теперь ничего нельзя сдѣлать, еслибъ даже я и желалъ.

Итальянка въ отчаяніи заломила руки.

— О, ваше королевское высочество, вы можете сдѣлать еще многое, очень многое,—молила она.—Еслибъ только вамъ было угодно, можно предписать, по крайней мѣрѣ, величайшую осторожность въ обращеніи съ больнымъ... чтобъ его не тревожили напрасно; избѣгали всякаго принужденія, пока врачи не констатируютъ окончательно факта умопомѣшательства, основываясь на личныхъ наблюденіяхъ за августѣйшимъ паціентомъ.

— Объ этомъ, — холодно возразилъ герцогъ,—позаботятся и безъ вашихъ непрошенныхъ разоблаченій.

— Значитъ, ваше высочество, не пошлете въ замокъ Нейшванштейнъ новой комисіи съ приказаніемъ увезти оттуда государя?— спросила баронесса, волнуясь страхомъ и надеждою.

Слова старика немного успокоили ее; она вздохнула съ облегченіемъ.

— Какой странный вопросъ!—продолжалъ между тѣмъ Фердинандъ.—Развѣ вы не знаете, что вторая комиссія давно уже въ Нейшванштейнѣ?

— Нѣтъ, я ничего не знала!—вырвалось болѣзненнымъ воплемъ изъ груди Людмилы.—Но если такъ, то, ради всего святого, верните назадъ этихъ людей, ваше королевское высочество!!

Губы герцога искривились горькой усмѣшкой.

— Вы чересчуръ слабонервны, баронесса. Неужели вы считаете посланныхъ мною чиновниковъ и врачей какими-то злодѣями?

— О, ваше королевское высочество!—оправдывалась она, трепеща отъ страха.—У меня на умѣ совсѣмъ другое: гордая душа

Digitized by Google

короля не вынесетъ такого униженія; онъ скорѣе умретъ, чѣмъ добровольно подчинится насилію.

Настала очередь Фердинанда перемѣниться въ лицѣ.

— Умретъ? — повторилъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Почему вы знаете... съ чего вамъ пришла въ голову такая идея?..

— Мнѣ казалось, что я прочла роковую рѣшимость въ чертахъ короля нѣсколько дней назадъ, когда увидала его въ дворцовой капеллѣ во время торжественной службы.

— Вамъ казалось! — рѣзко оборвалъ баронессу герцогъ, не спуская глазъ съ ея лица, залитаго яркой краской.—А, я теперь припоминаю,—задумчиво прибавилъ онъ,—мнѣ какъ будто говорили, что между вами и королемъ существовала прежде дружеская короткость.

Румянецъ на щекахъ Людмилы сгустился еще больше.

— Король Людвигъ былъ моимъ другомъ! — твердо произнесла она.

— И графиня Маріо не виновата, если онъ не сдѣлался ей еще ближе!—насмѣшливо замѣтилъ старикъ.

Она не опустила рѣсницъ передъ его проницательнымъ взглядомъ.

— Это правда, сознаюсь въ томъ откровенно. Теперь вашему королевскому высочеству понятны тайныя пружины моей ненависти къ королю? Аббату Эйхфельду удалось разжечь жажду мести въ сердцѣ оскорбленной женщины, и онъ искусно воспользовался этимъ для достиженія своихъ цѣлей.

— А къ чему клонились цѣли аббата?..

— Онъ добивался власти, значенія, которыхъ ему никогда не удалось бы достичь, пока царствовалъ Людвигъ II.

— Все это однѣ фантазіи женщины, страстно влюбленной, не смотря на свою мстительность! — вспылилъ старый герцогъ. — Извините меня, но я не могу повѣрить вашимъ словамъ, пока они не подтвердятся вѣскими доказательствами!

Людмила поблѣднѣла.

— Слѣдовательно, ваше высочество хотите предоставить все дѣло на произволъ судьбы?..

— До извѣстной степени, да. По крайней мѣрѣ, для меня немыслимо отмѣнять распоряженія, зрѣло обдуманныя мною. Впрочемъ, будьте покойны. Сомнительныя свидѣтельскія показанія, о которыхъ вы говорили, должны быть во всякомъ случаѣ строго провѣрены на опытѣ. Остальныя ваши опасенія я долженъ приписать излишней женской нервности и забыть о нихъ поскорѣе.

Баронесса откланялась, чувствуя себя совершенно уничтожен-

Digitized by Google

ной. Ей такъ и не удалось ничего добиться отъ герцога! Въ эту минуту Фердинанду подали депешу, такъ какъ онъ распорядился, чтобы ему немедленно вручали всѣ телеграммы и письма, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ посѣтителей. Герцогъ тотчасъ угадалъ, что депеша изъ замка Нейшванштейнъ. Разорвавъ конвертъ дрожащею рукою, онъ быстро пробѣжалъ листокъ и его лицо вдругъ просвѣтлѣло.

— Баронесса!—поспѣшилъ окликнуть Фердинандъ уходившую Людмилу:—подождите еще минуту. Я очень благодаренъ случаю, который помогъ мнѣ доказать вамъ неосновательность вашихъ опасеній относительно моего царственнаго племянника. Простите, что я позволилъ себѣ—несовсѣмъ любезно, каюсь въ томъ—назвать ваши тревоги женскими фантазіями. Вотъ, читайте сами!

Онъ подалъ ей депешу; баронесса Эберсдорфъ торопливо пробѣжала ее, лихорадочно горѣвшими глазами.

«Все исполнено пунктуально и обошлось какъ нельзя лучше»,—говорилось тамъ.—«Его величество безъ малѣйшаго сопротивленія подчинился распоряженіямъ вашего высочества и теперь находится на пути въ замокъ Бергъ. Вообще, все благополучно».

Герцогъ наблюдалъ за Людмилой во время чтенія, подавляя ироническую усмѣшку. Глаза итальянки впились въ депешу и какъ будто не могли отъ нея оторваться.

— Ну, что же вы скажете на это?

— Я тутъ рѣшительно ничего не понимаю.

— Однако вы видите, что вашъ страхъ былъ неоснователенъ? Впрочемъ, во всякомъ случаѣ спасибо за то, что вы открыли мнѣ глаза. Мы, по крайней мѣрѣ, выиграли время и успѣемъ, если окажется нужнымъ, исправить свои погрѣшности. Наблюденія врачей, которымъ препятствовалъ до сихъ поръ замкнутый образъ жизни короля, должны обнаружить истину.

Съ этими словами, герцогъ отпустилъ Людмилу. Она не помнила, какъ спустилась съ лѣстницы и сѣла въ экипажъ, почти готовая упасть въ обморокъ. Неужели предчувствіе обмануло ее, и она прочла на печальномъ лицѣ короля то, чего тамъ не было на самомъ дѣлѣ? Пожалуй, эти чудные темные глаза служили зеркаломъ трусливой души, которая апатично переносила все, даже самый позоръ. Или конецъ трагедіи былъ еще впереди? Глаза баронессы раскрылись отъ ужаса; странные призраки осаждали ее и бѣдная женщина сознавала только одно, что она безконечно жалка и что ей не удалось ничего добиться отъ герцога.

У подъѣзда отеля Эберсдорфъ, баронессу ожидалъ сюрпризъ. Вся прислуга была на ногахъ, бѣгая взадъ и впередъ. На во-

Digitized by Google

просъ хозяйки, что значитъ эта суматоха, ей отвѣчали, что баронъ вернулся въ Мюнхенъ. Жена увидала его въ дверяхъ гостинной; баронъ нервно теребилъ усы и его гнусавый голосъ непріятно раздавался по комнатѣ.

— Наконецъ-то, ma chère, ты вернулась. Я жду тебя цѣлый часъ.

— Какъ ты попалъ сюда?—усталымъ тономъ спросила баронесса.—Что за причина твоего пріѣзда, смѣю спросить?

Онъ притворилъ двери и съ досадой отвѣчалъ:

— Это мнѣ слѣдовало бы спросить тебя, ma bien aimée, какъ ты рѣшилась въ такое тревожное время уѣхать sans façons изъ дому и оставить меня въ Гольдау одного. Я долго ждалъ твоего возвращенія изъ замка королевы, но проходилъ часъ за часомъ, а тебя все нѣтъ. Наконецъ, вернулся пустой экипажъ и лакей подалъ мнѣ твою записку. Въ ней было только сказано: «я ѣду въ городъ», и больше ничего, никакого объясненія! «Хорошо, подумалъ я,—она любитъ дѣлать по своему, не стану ей мѣшать». Но сегодня мнѣ пришлось ужь очень круто. Ты, конечно, узнала отъ твоего аббата, что творится въ высшихъ сферахъ, и сама поспѣшила скрыться въ безопасное мѣсто, а меня оставила одного на жертву всякимъ случайностямъ и передрягамъ. Согласись, вѣдь такая штука можетъ взбѣсить хоть кого угодно!

Голосъ барона сдѣлался скрипучимъ и непріятно рѣзалъ ухо. Людмила пожала плечами, принимаясь возражать ему обычнымъ тономъ холодной небрежности. Иначе она и не говорила со своимъ мужемъ.

— Ничего не понимаю изъ того, что ты мнѣ насказалъ. Объяснись получше.—Въ какой это опасности оставила я тебя?—что за вздоръ?

— Еще бы! Вѣдь ты знаешь, что король увезенъ изъ Нейшванштейна?

— Ну, такъ что жъ изъ этого?

— А то, что тамъ, въ горахъ, самъ чортъ сорвался съ цѣпи!

— Что это значитъ?

— Вся страна возмутилась. Происходитъ настоящій бунтъ. Изъ Верхней и Нижней деревни, изъ Гиршау и Гольдау собираются вооруженные крестьяне; они хотятъ освободить короля и вернуть его въ Нейшванштейнъ. Около нашей виллы также стали бродить цѣлыя шайки бунтовщиковъ, они грозили въ окна кулаками и кричали: «Долой враговъ короля!» Не знаю, что было бы со мною, еслибъ не подоспѣли на выручку Паула и г. фонъ-

Digitized by Google

Рандау, прибывшіе изъ швейцарскаго домика. Молодому человѣку удалось уговорить наглыхъ мужиковъ.

Глаза Людмилы загорѣлись при этомъ неожиданномъ извѣстіи; она почувствовала, будто съ ея души свалился тяжелый гнетъ.

«Значитъ, еще не все потеряно, —подумала баронесса, — и короля еще можно спасти».

— А графъ Адлерсгорстъ?—спросила она, просто желая что нибудь сказать.—Развѣ онъ не сдѣлалъ ничего для твоей безопасности?

Эберсдорфъ выпучилъ глаза.

— Но, ma chère, развѣ ты не слыхала о немъ? Вѣдь Адлерсгорстъ арестованъ!

— Арестованъ?—ужаснулась Людмила.—Такъ, значитъ, и его лишили свободы?

— Да, г. фонъ-Рандау былъ при этомъ и увѣдомилъ Паулу объ арестѣ мужа и о томъ, что король увезенъ изъ замка.

— Какъ она приняла эти вѣсти, бѣдняжка?

— Удивительно спокойно. Повидимому, ее больше разстроилъ инцидентъ съ королемъ, чѣмъ съ мужемъ.

— И Паула осталась въ швейцарскомъ домикѣ?

Настала очередь барона нетерпѣливо пожать плечами.

— Какой нелѣпый вопросъ, ma bonne amie! Я пріѣхалъ сюда вмѣстѣ съ нею. Она хочетъ хлопотать за короля. Но предварительно мы завезли въ своемъ экипажѣ молодаго Рандау въ домикъ лѣсничаго Вальбурга, на Тегернскомъ озерѣ. Онъ хотѣлъ посовѣтоваться со старикомъ, что предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ, такъ какъ твой двоюродный братъ, Фельдау, пожелалъ остаться совершенно въ сторонѣ. Вотъ это—человѣкъ умный, тогда какъ прочіе напрасно подставляютъ шею; короля имъ все равно не спасти. Ужь если онъ разъ попался въ лапы герцога, такъ ему не вырваться изъ нихъ!

Эберсдорфъ хихикнулъ, злорадно потирая руки. Людмила ничего не отвѣчала. Она думала про себя: «Если короля освободятъ, я стану на колѣняхъ благодарить Бога. Это будетъ также и моимъ спасеніемъ—я избавлюсь отъ ужасной вины, тяготѣющей на мнѣ».

Вошелъ слуга съ докладомъ, что обѣдъ поданъ. Людмила бросила ему на руки плащъ и шляпу, которыхъ не успѣла снять при возвращеніи домой. Мужъ подалъ ей руку и они направились въ столовую. Проходя мимо зеркала, баронесса заглянула въ него. Что за комичная пара! Жалкая фигура малорослаго барона съ карикатурной величавостью выступала рядомъ съ

Digitized by Google

нею. Лицо Эбеѳсдорфа, не смотря на косметики, было отвратительно своей обрюзглостью; маленькіе глазки учащенно мигали; рука, унизанная дорогими кольцами, нервно пощипывала жидкіе подкрашенные усы. Красота Людмилы также сильно пострадала отъ времени; большіе глаза, обведенные темными кругами, рѣзко выступали на блѣдномъ лицѣ; на лбу показывались морщины, на вискахъ пробивалась легкая сѣдина—первые признаки приближающейся старости! Невольная дрожь пробѣжала по тѣлу баронессы. Ужасно постарѣть послѣ такой жизни, которая утратила всякій интересъ и оставила по себѣ только одно раскаяніе и горькое разочарованіе во всемъ. Да, Людмилѣ не оставалось ничего болѣе, какъ покорно старѣться рядомъ съ этой размалеванной куклой, носившей имя ея мужа. Какая безотрадная перспектива!

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОЧЕРКИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Столѣтняя годовщина французской революціи и ея значеніе.—Матеріальное развитіе Франціи съ 1789 года.—Сочиненія, вышедшія объ этой эпохѣ.—Что новаго сказала литература о людяхъ и событіяхъ того времени? — Генералы республики. — Настоящая характеристика Лазаря Гоша. — Генералъ Мале.—Дюбуа-Крансе, министръ-карьеристъ.—Проконсулъ Бернаръ де-Сентъ.—Комисары конвента и революціонное правосудіе въ провинціяхъ.—Вандейское возстаніе.—Заговоръ во время террора.—Марія-Антуанета.—Первые шаги генерала Бонапарте на пути карьеризма.—Жизнь и смерть революціоннаго героя Марсо.—Герцогиня Дюрасъ въ тюрьмахъ террористовъ.—Нѣмецкій философъ, уничтожающій Россію.

Съ какими бы предвзятыми идеями ни относились къ Франціи самые заклятые враги ея, они не могутъ не сознаться, что она сдѣлала огромные успѣхи на всѣхъ путяхъ общественнаго развитія со времени революціи 1789 года и имѣетъ полное право праздновать столѣтнюю годовщину этого политическаго и соціальнаго переворота, отозвавшагося во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра. Если, оставивъ въ сторонѣ умственное и общественное развитіе Франціи, мы возьмемъ простыя статистическія цифры двухъ годовщинъ, насъ поражаетъ ихъ громадная разница. Сто лѣтъ назадъ, доходы Франціи не достигали 692-хъ мильоновъ франковъ, теперь они превышаютъ 3 мильярда 12 мильоновъ; одни косвенные налоги, приносившіе въ прошломъ столѣтіи 240 мильоновъ, даютъ теперь 843. Одна почтовая регалія, дававшая 17 мильоновъ, приноситъ теперь 584. Движимая собственность во Франціи оцѣнивалась прежде въ 300 мильоновъ, теперь въ 80 мильярдовъ. Поземельный доходъ удвоился и дошелъ до 2-хъ мильярдовъ 600 мильоновъ. Цѣны на землю возвысились въ четыре раза и даютъ среднимъ чис-

Digitized by Google

ломъ 1,700 франковъ за гектаръ, а 7 мильоновъ гектаровъ, засѣянныхъ хлѣбомъ, даютъ $16^1/_2$ процентовъ на гектаръ, вмѣсто прежнихъ восьми. Торговля приноситъ уже не 1,017 мильоновъ, какъ въ 1789 году, а 9,361 мильонъ (1886). Но цѣны на хлѣбъ не потерпѣли почти никакихъ измѣненій, если не принимать во вниманіе пониженія цѣнности серебра и денегъ: въ 1800 году хлѣбъ въ четыре фунта стоилъ 90 сантимовъ, теперь 85. А быстрота передвиженія и уменьшеніе цѣнъ по желѣзнымъ путямъ!.. Увеличились—только плата извощикамъ да цѣны въ театрахъ. Населеніе страны, въ общей сложности, поднялось на $40^0/_0$, не смотря на губительныя войны двухъ имперій, и дошло до 38 мильоновъ. Увеличеніе городскаго населенія еще значительнѣе: въ Ліонѣ оно утроилось, въ Марселѣ упятерилось, въ Парижѣ съ 600,000 поднялось до 2.340,000.

Остановимся на этихъ цифрахъ, которыя съ гордостью приводитъ французская литература, выпустившая въ свѣтъ, къ празднованію своего столѣтія, множество книгъ, наполненныхъ воспоминаніями о первыхъ годахъ соціальнаго переворота въ странѣ и объ его главныхъ дѣятеляхъ. Бо́льшая часть этихъ воспоминаній относится къ послѣднимъ годамъ прошлаго вѣка. Наполеоновская эпоха уже достаточно разработана, а о болѣе близкихъ къ намъ временахъ нельзя еще дѣлать окончательныхъ выводовъ. Изъ сочиненій же, относящихся къ революціи, теперь уже подробно изслѣдованной, мы остановимся только на тѣхъ, которыя представляютъ новыя изысканія въ области историческихъ фактовъ или рисуютъ въ новомъ свѣтѣ дѣятелей того времени. Партійные интересы до того исказили не только характеристику многихъ изъ этихъ дѣятелей, но даже самыя событія, въ которыхъ они принимали участіе, что не легко добиться правды въ разсказахъ роялистовъ, революціонеровъ, клерикаловъ, бонапартистовъ, соціалистовъ и другихъ партій. Постараемся разобраться въ этой массѣ свидѣтельствъ и приведемъ только тѣ изъ нихъ, которыя кажутся болѣе безпристрастными и справедливыми, оставивъ въ сторонѣ всѣ эксцентрическія попытки обѣленія такихъ лицъ, какъ Робеспьеры и Мараты, или такихъ событій, какъ неистовство и казни эпохи терроризма, который всегда будетъ возбуждать одно негодованіе всякаго историка и мыслителя.

Вотъ книга, по заглавію спеціальная, но заключающая въ себѣ много новаго и любопытнаго: «Этюды военной исторіи во время революціи и имперіи» (Etudes d'histoire militaire sur la révolution et l'empire). Авторъ ея, Альбертъ Дюрюи, задумалъ огромный трудъ—исторію французской арміи въ послѣднее столѣтіе, но смерть не дала ему исполнить этой задачи. Роясь въ національныхъ архивахъ, молодой ученый нашелъ много неизвѣстныхъ фактовъ, относящихся къ людямъ и событіямъ того времени. Не легко было узнать правду въ разсказахъ лицъ,

Digitized by Google

заинтересованныхъ въ томъ, чтобы скрыть ее, но Дюрюи достигнулъ этого, сопоставляя между собою изысканія всѣхъ партій. Историки всѣхъ оттѣнковъ согласны, напримѣръ, въ томъ, что генералъ Гошъ, герой арміи Самбры и Мёзы, умиротворитель Вандеи, принадлежитъ къ числу самыхъ симпатичныхъ личностей революціи. Меланхолическая и строгая фигура побѣдителя при Вейсенбургѣ является, и при свѣтѣ критики, во всемъ своемъ величіи, со всѣми атрибутами генія: храбростью, честностью, добродѣтелью, умѣренностью. «Таковъ приговоръ исторіи, но вполнѣ ли онъ справедливъ?—спрашиваетъ Дюрюи.—До какой степени Гошъ, умершій 29-ти лѣтъ, можетъ служить образцомъ доброты и великодушія?» Дюрюи перечитываетъ всѣ корреспонденціи генерала и находитъ, что его характеристика невполнѣ отвѣчаетъ составившемуся объ немъ понятію. Въ своей перепискѣ, Гошъ является далеко не безупречнымъ идеаломъ, а человѣкомъ нетерпѣливымъ, жестокимъ къ побѣжденнымъ, завистливымъ къ сослуживцамъ, гордымъ и честолюбивымъ. Это, конечно, непріятное разочарованіе, но оно подтверждается документами. Недовольный правительствомъ, онъ интригуетъ противъ него вмѣстѣ съ Баррасомъ, хотя и называетъ его «королемъ гнилыхъ» (roi des pourris), отказывается отъ командованія новою экспедиціей въ Ирландію, боясь, что его хотятъ удалить изъ Франціи. Онъ готовъ сѣсть на лошадь, когда этого потребуетъ Баррасъ, и выбросить въ окно народныхъ представителей. Но Баррасъ опасается такого энергичнаго сообщника и обращается за содѣйствіемъ къ Ожеро, гораздо менѣе опасному честолюбцу. Такихъ образомъ, переворотъ 18-го фруктидора совершается безъ помощи Гоша и онъ дѣлается еще болѣе раздражительнымъ и угрюмымъ, и съ холодною жестокостью выгоняетъ изъ своей арміи всѣхъ противниковъ переворота. Гдѣ же во всемъ этомъ самоотверженность и безкорыстіе? «Цинцинатовъ рѣдко можно встрѣтить между революціонерами,—прибавляетъ Дюрюи,—и въ этомъ отношеніи Гошъ былъ ничѣмъ не лучше Бонапарте». Но этотъ строгій приговоръ не мѣшаетъ автору быть справедливымъ къ генералу. Роялисты, и между ними авторъ книги «Эмигранты во время революціи», обвиняютъ Гоша въ низкомъ поступкѣ съ Киберонскими плѣнниками, но Дюрюи опровергаетъ официальными документами эту клевету. Роялистская армія, прибывшая на полуостровъ Киберонъ на англійскихъ судахъ, окруженная арміею Гоша, принуждена была сдаться, потерпѣвъ сильное пораженіе. Шуанамъ была оставлена жизнь, но что̀ касается эмигрантовъ—законъ былъ неумолимъ: взятые съ оружіемъ въ рукахъ, они судились военнымъ судомъ и каждое утро, близъ Орея, ихъ разстрѣливали десятками, въ теченіе мѣсяца. Такимъ образомъ, погибло 680 человѣкъ. Но роялисты утверждали, что съ ними была заключена капитуляція, подписанная Гошемъ и гарантировавшая имъ сохраненіе жизни. Дюрюи разобралъ подробно это обвиненіе и доказалъ, что ни одно

Digitized by Google

изъ дѣйствующихъ лицъ этой трагедіи ни слова не упоминаетъ о капитуляціи: ни предводитель шуановъ Вобанъ, ни вождь эмигрантовъ Сомбрейль, разстрѣлянный вмѣстѣ съ другими, ни Талліенъ, ни Бладъ, представители правительства, бывшіе свидѣтелями казней. Гошъ донесъ конвенту, что плѣнники сдались безусловно. Онъ бы могъ, конечно, присоединить къ этому просьбу о пощадѣ, и ее бы не отвергнули. Но ни въ его рапортахъ, ни въ письмахъ нѣтъ ни одного слова объ этомъ ничего похожаго ни состраданіе къ несчастнымъ. Безсердечность составляла отличительное свойство характера Гоша.

Другой генералъ, Мале, изображенъ историкомъ въ настоящемъ свѣтѣ и въ попыткѣ этого заговорщика—низвергнуть наполеоновское правительство,—нѣтъ ничего геройскаго; Дюрюи называетъ ее просто сумашествіемъ. Бывшій губернаторъ Парижа, 58-лѣтній авантюристъ, сидя въ тюрьмѣ, куда его посадилъ Наполеонъ, отправляясь въ русскій походъ, задумываетъ безумный планъ: тайно уйдя изъ мѣста своего заключенія, онъ является въ три часа утра въ попенкурскія казармы, велитъ разбудить полковника Сулье и предъявляетъ ему опредѣленіе сената, уничтожающее императорскій режимъ, такъ какъ императоръ убитъ въ Россіи. Мале предлагаетъ полковнику тотчасъ же отправиться со своимъ полкомъ въ ратушу и, занявъ ее караулами, приготовить, вмѣстѣ съ сенскимъ префектомъ, залы для засѣданій временнаго правительства. Сулье тотчасъ же исполняетъ приказаніе неизвѣстнаго ему генерала—за что самъ получаетъ званіе генерала—и водворяется въ ратушѣ, куда въ 10 часовъ пріѣзжаетъ префектъ, графъ Фрошо, видитъ подложное опредѣленіе сената, прокламацію Мале, вѣритъ всему и также занимается приготовленіемъ залы для новаго правительства. Мале, въ это время, съ солдатами Сулье отправляется въ тюрьму Лафорсъ, гдѣ онъ только что сидѣлъ съ двумя своими сообщниками Гидалемъ и Лагори, освобождаетъ ихъ и отправляетъ—арестовать министра полиціи. Лагори схватываетъ герцога Ровиго въ постели и препровождаетъ въ тюрьму Лафорсъ, откуда только что вышелъ самъ, потомъ идетъ къ префекту полиціи, барону Паскье, и сажаетъ его въ ту же тюрьму, а самъ, вернувшись въ домъ герцога, завладѣваетъ его кабинетомъ и начинаетъ разсылать предписанія, какъ министръ полиціи. Другой сообщникъ Мале, Гидаль, продѣлываетъ ту же процедуру съ военнымъ министромъ, герцогомъ фельтрскимъ, арестуетъ его и занимаетъ его мѣсто. Между тѣмъ Мале является къ парижскому коменданту Гюллену, застаетъ его въ постели, разсказываетъ ту же исторію о смерти Наполеона и постановленіи сената, и требуетъ передачи ему, Мале, управленія столицею. Но Гюлленъ оказывается менѣе довѣрчивымъ и сговорчивымъ, чѣмъ другія власти. Онъ отказывается повиноваться, въ свою очередь угрожаетъ Мале, обличаетъ его, и тотъ, видя невозможность сладить со старымъ солдатомъ,

Digitized by Google

въ бѣшенствѣ убиваетъ его выстрѣломъ изъ пистолета. Это отрезвляетъ штабъ коменданта: полковникъ Лаборъ приказываетъ солдатамъ схватить самого Мале—и трагическій фарсъ оканчивается. Лагори захватываютъ въ томъ же креслѣ герцога Ровиго, Гидаля—въ ресторанѣ подлѣ военнаго министерства, гдѣ онъ плотно завтракалъ, произведя себя въ министры. 29 октября 1812 года, Мале разстрѣляли. Наполеонъ получилъ извѣстіе объ этомъ, когда отступалъ отъ Москвы, и оно сильно потрясло его. Онъ говорилъ своимъ министрамъ по возвращеніи въ Парижъ: «государственный преступникъ, освободившись изъ тюрьмы, сажаетъ въ нее префекта, министра полиціи и военнаго, и эти опоры, охраны власти, спокойно позволяютъ арестовать себя. Повѣрили, что я умеръ; но вѣдь у меня есть сынъ, наслѣдникъ. Гдѣ же ваши клятвы, ваша вѣрность престолу, отечеству? Вы заставляете меня бояться за будущее!» Да и было чего бояться: это доказалъ вполнѣ 1814 годъ.

Дюрюи рисуетъ портреты не однихъ генераловъ, онъ представляетъ вѣрную оцѣнку министровъ и членовъ конвента. Такъ, у него характеристика Дюбуа-Крансе является въ новомъ свѣтѣ. Сынъ военнаго комисара, обогатившагося поставками въ казну, онъ въ молодости былъ мушкетеромъ, а въ 1789 году ревностнымъ католикомъ и роялистомъ. Въ 1791 году онъ начинаетъ уже сомнѣваться и вскорѣ дѣлается членомъ клуба якобинцевъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ жирондистомъ, въ 1793—монтаньяромъ и террористомъ: онъ распинается за Марата и требуетъ головы Капета. Это создаетъ ему репутацію между членами конвента, прославляющими его цивизмъ. Его отправляютъ усмирять возстаніе въ Ліонѣ и, возвратившись, онъ хвастаетъ въ клубѣ якобинцевъ, что приказалъ убить шесть тысячъ инсургентовъ и стрѣлять каленными ядрами по городу, въ который вошелъ съ саблей въ одной рукѣ и съ факеломъ въ другой. Но вскорѣ же его начинаютъ подозрѣвать въ «модерантизмѣ», качествѣ, противополагавшемся цивизму, и въ которомъ обвиняли всѣхъ, кто не требовалъ ста тысячъ головъ, какъ Маратъ. По счастію, терроръ кончился 9-го термидора и Дюбуа-Крансе сдѣлался ярымъ противникомъ казненнаго Робеспьера. Во время директоріи, его сдѣлали военнымъ министромъ и, какъ всѣ члены правительства, онъ ничего не подозрѣвалъ, не предвидѣлъ. 18-го брюмера онъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, не отдалъ ни одного приказанія и былъ очень удивленъ, когда Бертье, явившись къ нему, сказалъ, что онъ займетъ его мѣсто. Онъ былъ ни лучше, ни хуже большинства своихъ современниковъ, увлеченныхъ событіями, которымъ они не могли сопротивляться по слабости характера. Почти всѣ эти дѣятели революціи похожи другъ на друга и издали кажутся гигантами, но вблизи—это безхарактерные люди, которые не могутъ стать выше обстоятельствъ своего времени, не имѣютъ силъ направить ихъ не только на прямой путь, но хотя бы

Digitized by Google

не на свою погибель. Дюбуа-Крансе не присоединился, по крайней мѣрѣ, къ побѣдителямъ и не занималъ никакой должности во время имперіи—по своей ли винѣ?—это осталось неразъясненнымъ, но онъ сошелъ съ политическаго поприща и умеръ въ 1814 году, забытый всѣми и ничѣмъ не напоминая о себѣ.

Личность другаго подобнаго дѣятеля революціи возстановляетъ Арманъ Лодъ въ біографіи Бернара де-Сентъ (Bernard de Saintes). Это былъ одинъ изъ суровыхъ проконсуловъ, какихъ конвентъ отправлялъ усмирять возставшіе города и мѣстности. Бернаръ, посланный съ подобною миссіей въ Монбельярское княжество, дѣйствовалъ тамъ безпощадно и жестоко. Но онъ, по крайней мѣрѣ, присоединилъ это княжество къ Франціи, отнявъ его у Вюртембергскаго герцога, впрочемъ, безъ всякаго сопротивленія. По возвращеніи въ Парижъ, онъ былъ президентомъ конвента и палъ вмѣстѣ съ террористами. Арестованный послѣ казни Робеспьера, онъ подвергся продолжительному тюремному заключенію, выпущенный на свободу, не принималъ болѣе участія въ политическихъ событіяхъ и удалился въ частную жизнь. Имперія оставила его въ покоѣ, но реставрація, закономъ 12 января 1816 года лишившая родины всѣхъ членовъ конвента, заставила его покинуть Францію и поселиться на островѣ Мадерѣ, гдѣ онъ умеръ въ неизвѣстности, въ 1819 году.

Объ этихъ народныхъ представителяхъ, отправляемыхъ въ качествѣ уполномоченныхъ комисаровъ, и вообще о революціонномъ правосудіи въ департаментахъ Франціи, Генрихъ Валлонъ издалъ двухтомное сочиненіе (Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements en l'an II). Оно составляетъ продолженіе и дополненіе его прежняго труда: «Исторія революціоннаго трибунала въ Парижѣ». Недостаточно было знать, какъ дѣйствовали парижскіе суды въ эту тяжелую эпоху; надо было изучить революціонное правосудіе и въ провинціи — и въ этомъ отношеніи книга Валлона представляетъ полную и вѣрную картину судебной процедуры того времени, отличавшейся жестокостями и злодѣйствами. Число жертвъ революціоннаго трибунала извѣстно изъ прежнихъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ, и особенно изъ сочиненія Берріа Сенъ-При, но Валлонъ собралъ подробныя свѣдѣнія объ нихъ и въ провинціяхъ. Въ первомъ томѣ онъ изслѣдовалъ значеніе комисаровъ конвента при арміи и въ Вандеѣ. Отправка этихъ уполномоченныхъ оказалась необходимой для провѣрки дѣйствій генераловъ, которымъ было поручено усмиреніе вандейскаго возстанія. Всѣ эти дѣти парижскихъ бунтовъ: Сантеръ. Россиньоль, Лешель, Ронсенъ, являвшіеся героями среди парижской черни, оказывались плохими начальниками въ междоусобной войнѣ: шуаны разбивали ихъ на каждомъ шагу. Но хуже всего то, что и такіе генералы, какъ Клеберъ и Марсо, должны были исполнять нелѣпыя приказанія этихъ импровизированныхъ полко-

Digitized by Google

водцевъ, отличавшихся только жестокостями надъ побѣжденными, а не воинскими подвигами. Понятно, что раздраженные вандейцы платили тою же монетою и война превратилась въ сцены взаимнаго истребленія. Плѣнныхъ шауновъ разстрѣливали сотнями и по приказаніямъ генераловъ, и по приговору военныхъ комисій, и по распоряженіямъ комисаровъ конвента. Были лица, занимавшіяся этимъ разстрѣливаньемъ просто изъ любви къ искусству. Въ августѣ 1793 года былъ назначенъ губернаторомъ Гваделупы Викторъ Гюгъ, бывшій булочникъ въ Сенъ-Доминго. Прибывъ въ Рошфоръ для отправленія къ мѣсту назначенія, онъ побоялся, однако, пуститься изъ гавани, въ виду которой крейсировали англійскіе корабли. Чтобы занять чѣмъ нибудь свое праздное время, онъ принялъ на себя роль публичнаго обвинителя въ судѣ, сначала въ Рошфорѣ, потомъ въ Брестѣ, и отправлялъ на гильотину въ особенности морскихъ офицеровъ. За эти подвиги директорія назначила его губернаторомъ Гвіаны и онъ занималъ эту должность во время консульства и даже въ началѣ имперіи, потому что прислуживался Жозефинѣ Бонапарте, какъ прежде былъ покорнымъ слугою Бильо-Варенна, до тѣхъ поръ, конечно, пока его не отправили въ ссылку. Но чему же удивляться, что губернаторы занимались отправленіемъ на тотъ свѣтъ своихъ согражданъ, когда простой ефрейторъ (brigadier) Мюскаръ и его помощникъ, Беньеверъ, казнили въ трехъ общинахъ болѣе 800 человѣкъ и въ томъ числѣ множество женщинъ? Второй томъ книги Валлона посвященъ восточнымъ и юго-восточнымъ департаментамъ. Тамъ повторялись тѣ же ужасы и произвольныя убійства: въ иныхъ провинціяхъ, какъ въ Нормандіи, нѣсколько меньше; въ другихъ, какъ въ Жирондѣ—съ усиленнымъ безчеловѣчіемъ. Книга Валлона особенно важна, какъ документальное опроверженіе офиціальныхъ сочиненій о томъ же предметѣ. Такъ, начальникъ мѣстнаго архива, Селестинъ Перье, доказывалъ въ своей книгѣ «Анжуйская Вандея» (La Vandée angevine), что ни возстаніе этой провинціи, ни ея усмиреніе не были наполнены тѣми ужасами, о которыхъ сохранились легенды, ничѣмъ не подтверждаемыя—какъ это видно изъ бумагъ архива. Но, при разсказахъ о возстаніяхъ и ихъ укрощеніяхъ, всего меньше можно вѣрить донесеніямъ правительства, всегда заинтересованнаго тѣмъ, чтобы раздуть вину инсургентовъ и представить всѣми средствами свои карательныя мѣры въ видѣ отеческаго наказанія. Начальникъ анжуйскихъ архивовъ правъ только въ томъ отношеніи, что возстаніе въ этой провинціи имѣло не политическій, а скорѣе религіозный и экономическій характеръ. Ни предводители возстанія, какъ Боншань и д'Эльбе, ни духовенство не были противниками реформъ 1789 года и понимали ихъ необходимость. Но когда, вмѣсто предоставленной сначала всѣмъ свободы совѣсти, приказали не вѣрить въ

Digitized by Google

Бога, начали травить и казнить священниковъ, да обременили народъ непомѣрными налогами, онъ поднялся противъ притѣснителей.

Поль Голо (Gaulot) открылъ совершенно неизвѣстную въ исторіи попытку спасти Марію-Антуанету изъ тюрьмы въ Тамплѣ, въ началѣ 1793 года. Его книга «Заговоръ во время террора» (*Un complot sous la terreur*) занимательна, какъ романъ. «Заговоръ» этотъ составилъ кавалеръ Жаржей (Jarjayes), одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ слугъ королевскаго семейства. Сообщникомъ его былъ суровый патріотъ Туланъ, членъ коммуны и комисаръ ея въ Тамплѣ. Заговоръ несомнѣнно удался бы, еслибы другой комисаръ Лепитръ, подкупленный за большую сумму, не измѣнилъ въ рѣшительную минуту. Туланъ поплатился головою за попытку освобожденія королевы, Жаржею удалось бѣжать. Въ книгѣ Марія-Антуанета представлена въ нѣсколько идеализированномъ видѣ. Истинное величіе духа она выказала только передъ смертью. Роялистскіе историки, какъ Монжере, Бабье, Лафонъ, д'Оссонъ, Веберъ, Лемюръ, Вьель-Кастель, братья Гонкуръ, приводятъ ея слова, когда 2-го августа 1793 года ее перевели изъ Тампля въ тюрьму Консьержери: «покрывъ слезами своихъ дѣтей, она прижала къ груди принцессу Елисавету и сказала: прощай, милая сестра, прощай навсегда; мы увидимся съ сыномъ святаго Людовика; поручаю моихъ дѣтей твоей нѣжности». Это не болѣе, какъ легенда, и весьма неправдоподобная. Если священникъ, сопровождавшій на гильотину Людовика XVI, могъ сказать ему: «сынъ святаго Людовика, взойдите на небо!» то повторять вслѣдъ за патеромъ тотъ же эпитетъ Марія-Антуанета не имѣла никакого основанія, не зная еще, чѣмъ кончится ея процессъ. Она, напротивъ, надѣялась на счастливый исходъ ея дѣла, на заступничество за нее иностранныхъ державъ, наконецъ, на человѣколюбіе самихъ судей, на протестъ большинства націи. Чѣмъ долѣе тянулось слѣдствіе,—слишкомъ два мѣсяца,—тѣмъ надежда на спасеніе увеличивалась. Теперь, по документамъ, найденнымъ въ вѣнскомъ императорскомъ архивѣ, по письмамъ королевы, обнародованнымъ Фельє де-Коншемъ и фонъ-Арнетомъ, по запискамъ г-жи Кампанъ, мы знаемъ, что Марія-Антуанета постоянно вела переговоры съ австрійскимъ, испанскимъ и сардинскимъ дворами, составляя планы вторженія иноземцевъ во Францію для спасенія трона и династіи. Но въ то время ея «измѣна Франціи» (въ чемъ ее обвинили на судѣ) оставалась еще лишенною письменныхъ доказательствъ. Королева была очень осторожна и, не подражая въ безпечности своему супругу, задолго до 10-го августа, всякій вечеръ сжигала всѣ получаемыя ею бумаги, могущія компрометировать ее. На судъ не было представлено даже письмо къ ней австрійскаго посланника въ Бельгіи, Мерси, находившееся въ рукахъ слѣдственной комисіи, а въ письмѣ проэктировалось вторженіе иноземныхъ войскъ черезъ Эльзасъ и Страсбургъ, соединенное съ возстаніемъ

Digitized by Google

роялистовъ на югѣ Франціи и въ Бретани. За это уступались: Сардиніи—Женева, земли по Виру, часть Альпъ; Испаніи и Германіи дѣлались также территоріальныя уступки. Но судъ не хотѣлъ представлять присяжнымъ и этого подавляющаго документа. Онъ обвинялъ ее преимущественно въ заговорѣ противъ Франціи, въ измѣнѣ націи, и, объявленная единогласно виновною, Марія-Антуанета была гильотинирована 16-го октября. На судѣ она держала себя съ большимъ достоинствомъ; смѣлые отвѣты ея дышали истиннымъ краснорѣчіемъ. Трагическая судьба женщины, потерявшей мужа, дѣтей, тронъ, заставила забыть всѣ ея ошибки и заблужденія. Большинство націи возмутила жестокость правительства и возбудила новыхъ враговъ. Безчеловѣчіе вызываетъ всегда месть и репрессаліи.

О человѣкѣ, воспользовавшемся революціоннымъ движеніемъ, чтобы захватить власть въ свои руки, мы находимъ немного новыхъ свѣдѣній въ книгахъ Шарля д'Эрико: «La Révolution» и «Histoire anecdotique de la France». Генералъ Бонапарте сдѣлался извѣстенъ только во второй годъ директоріи, начавшійся при блестящихъ успѣхахъ внѣшней политики Франціи, хотя внутреннее положеніе страны и правительства было далеко не прочно. 12-го нивоза, то есть наканунѣ 1-го января 1797 года, директорія, подъ президентствомъ Барраса, при торжественной обстановкѣ, принимала знамена, взятыя при Арколѣ и отправленныя въ Парижъ генераломъ Бонапарте. На церемоніи присутствовали посланники Сардиніи, Испаніи, Соединенныхъ Штатовъ и Туниса. Тогда только заговорили о молодомъ героѣ, прославившемся въ Италіи своими побѣдами. Его мало кто зналъ во Франціи. Сынъ корсиканца, приверженца Франціи, который долженъ былъ бѣжать съ роднаго острова, гдѣ Паоло отстаивалъ независимость страны, молодой Наполеонъ воспитывался на счетъ короля сначала въ Отёнской семинаріи, потомъ въ Бріенскомъ училищѣ, также руководимомъ духовенствомъ, отъ котораго мальчикъ выучился лицемѣрить, выжидать, скрывать все въ себѣ. Сначала его часто наказывали за упрямство, но отъ этого съ нимъ дѣлались эпилепсическія конвульсіи. Четырнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ Парижѣ въ военную школу. Тамъ его поддерживалъ Марбёфъ, комендантъ въ Корсикѣ и покровитель его матери. Но товарищи не любили Наполеона и начальство раньше срока перевело его въ полкъ, стоявшій въ Оссонѣ. Тамъ, послѣ смерти отца, онъ получалъ его пенсію до 1791 года. Біографы Наполеона мало говорятъ о его дѣтствѣ и вовсе не упоминаютъ о томъ, что онъ дѣлалъ отъ 16 до 24 лѣтъ, а между тѣмъ въ эти годы молодой человѣкъ дѣйствуетъ открыто, не старается обманывать. И молодой Наполеонъ былъ такимъ усерднымъ роялистомъ, что король скоро далъ ему чинъ капитана. Капитанъ вернулся въ Парижъ зимою 1793 года. Тамъ уже засѣдало новое національное собраніе, гдѣ въ числѣ членовъ былъ кор-

Digitized by Google

сиканецъ Саличетти. Бонапарте явился къ нему, прося его покровительства, какъ соотечественникъ и членъ клуба якобинцевъ. Саличетти отправлялся осаждать Ліонъ и взялъ съ собой капитана, который началъ свое военное поприще, стрѣляя изъ пушекъ въ роялистовъ. Потомъ, осада Ліона была поручена болѣе надежному патріоту, Колло д'Эрбуа, а Саличетти со своимъ капитаномъ отправились въ Тулонъ. Тамъ Бонапарте былъ сдѣланъ батальоннымъ командиромъ, написалъ брошюру въ честь и защиту Марата, и познакомился съ Баррасомъ. Потомъ, отправленный въ итальянскую армію, гдѣ командовалъ Робеспьеръ-младшій, капитанъ сдѣлался его приверженцемъ. Когда же этотъ покровитель его погибъ, Бонапарте вернулся въ Парижъ и долженъ былъ больше полгода скрываться, чтобы объ немъ забыли, какъ о террористѣ. Въ 1795 году онъ сталъ ходить по всѣмъ канцеляріямъ, прося мѣста. Надо было заручиться покровительствомъ женщинъ, отъ которыхъ тогда, какъ и теперь, многое зависѣло. Ловкій итальянецъ явился къ г-жѣ Тальенъ, какъ отставленный офицеръ, не имѣющій даже возможности сшить себѣ приличный мундиръ. По закону, интендантство давало даромъ сукно офицерамъ, но только состоящимъ на дѣйствительной службѣ. Бонапарте просилъ сдѣлать для него исключеніе. Просьба эта разсмѣшила г-жу Тальенъ и она выхлопотала ему сукно. Бонапарте втерся въ ея салонъ, гдѣ начали появляться и аристократы. Онъ понравился имъ своею услужливостью и тѣмъ, что однажды, разыгрывая роль колдуна и предсказывая гостямъ судьбу ихъ по чертамъ руки, оскорбилъ Гоша, сказавъ, что онъ умретъ въ своей постели. Пробравшись въ топографическое бюро, Бонапарте пробовалъ перейти на службу Турціи, которой предлагалъ переформировать ея артиллерію; но, когда это не удалось, онъ началъ составлять планы, какъ завоевать Италію и даже идти на Вѣну. Питтъ въ это время бросалъ мильоны, чтобы возбудить Австрію противъ Франціи и двухсоттысячная армія австрійцевъ готова была вторгнуться во Францію. Необходимо было сдѣлать диверсію противъ итальянскихъ владѣній Австріи и ея союзника Піемонта. Въ Италіи главнокомандующимъ былъ Шереръ, хорошій генералъ, но не предпріимчивый и остававшійся въ полномъ бездѣйствіи послѣ побѣды при Лоано. Онъ подалъ въ отставку. Надо было назначить ему преемника, который былъ бы въ то же время и администраторомъ, такъ какъ у правительства не было денегъ и армія должна была сама содержать себя въ Италіи. Директоріи оказалъ услугу, въ вандемьерѣ, 27-милѣтній корсиканецъ, подавившій возстаніе въ Парижѣ противъ правительства и сдѣланный за это генераломъ парижской арміи. Ему покровительствовали Баррасъ и Карно—и Бонапарте былъ назначенъ главнокомандующимъ итальянскою арміею. Въ благодарность за это, онъ женился на бывшей любовницѣ Барраса, 33-лѣтней вдовѣ, и черезъ четыре дня послѣ свадьбы уѣхалъ

Digitized by Google

въ Италію. Армія приняла болѣе чѣмъ холодно низкаго, незнакомаго карьериста, получившаго мѣсто черезъ протекцію и женщинъ, тогда какъ были обойдены такіе испытанные генералы, какъ Массена, Ожеро, Клеберъ, Моро, Гошъ. Были даже случаи явнаго неповиновенія цѣлыхъ батальоновъ, но Бонапарте съумѣлъ скоро пріобрѣсти расположеніе солдатъ. Въ первой же прокламаціи онъ сказалъ имъ: вы вступаете въ богатую страну, гдѣ будете имѣть полную власть. Вслѣдъ затѣмъ, онъ началъ наблюдать, чтобы солдатамъ выдавали одинъ день свѣжую, другой соленую говядину, самъ присутствовалъ при взвѣшиваніи хлѣба, сѣна, преслѣдовалъ поставщиковъ, интендантовъ. Первыя военныя дѣйствія новаго главнокомандующаго были, однако, неудачны. Сраженіе при Монтенотте было выиграно только потому, что Массена смѣлою диверсіею поправилъ ошибочныя распоряженія Бонапарте. Въ первомъ же сардинскомъ городѣ Мондови, сдавшемся на капитуляцію, Бонапарте наложилъ контрибуцію въ мильонъ и, въ то же время, извѣщалъ въ прокламаціи къ итальянцамъ: «мы пришли разорвать ваши цѣпи; народъ французскій—освободитель народовъ; идите къ намъ съ полнымъ довѣріемъ». Но король Сардиніи, испуганный первыми побѣдами французовъ, поспѣшилъ заключить перемиріе, отдавъ три большія крѣпости съ военными магазинами и артиллеріей. Обратившись противъ австрійцевъ, Бонапарте и тутъ, дѣйствуя нерѣшительно и не переходя черезъ По, далъ время Больше укрѣпить Мантую и Миланъ, зато взялъ съ герцоговъ Пармы и Модены двадцать мильоновъ контрибуціи. Директорія была недовольна планами генерала и предписала ему—оставивъ верхнюю Италію, идти въ Римъ и свергнуть папу. Но Бонапарте узналъ заранѣе о готовящейся ему полуотставкѣ—и одержалъ блестящую побѣду при Лоди, хотя и не переходилъ по мосту черезъ Адду подъ градомъ непріятельской картечи. Эта побѣда дала ему возможность не исполнить предписанія директоріи и, вмѣсто того, чтобы отправиться къ Риму, онъ написалъ ей: Вся Ломбардія открыта намъ: иду осаждать Миланъ и Мантую. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отослалъ изъ арміи правительственнаго комисара Саличетти, своего друга и покровителя, приставленнаго къ главнокомандующему, чтобы наблюдать за его дѣйствіями. Высылая Саличетти, Бонапарте сказалъ ему: «если испрашивать на каждый шагъ въ военное время разрѣшенія комисара, то нельзя сдѣлать ничего путнаго; командовать долженъ только одинъ человѣкъ и никто не долженъ стѣснять его». Директорія проглотила эту пилюлю и не возражала ни слова. Общественное мнѣніе было на сторонѣ генерала.

Вскорѣ, подъ предлогомъ, что контрибуціи «употребляются неизвѣстно на что» и что «для быстроты движенія необходимо единство военнаго, дипломатическаго и финансоваго управленія», Бонапарте прогналъ изъ арміи всѣхъ комисаровъ, поставщиковъ, интендантовъ и сталъ самъ

Digitized by Google

всѣмъ распоряжаться: наложилъ огромную контрибуцію на Миланъ, не только деньгами, но лошадьми, рубашками, сукномъ, шляпами, ограбилъ Тоскану, Ливорно, вездѣ забиралъ картины, произведенія искусствъ. Но въ Римъ все таки не пошелъ, ссылаясь на жары и взялъ съ папы только двадцать мильоновъ. Директорія продолжала ручаться за патріотизмъ Бонапарте, посылавшаго ей по временамъ крупныя подачки. Иногда онъ посылалъ деньги прямо отъ себя въ рейнскую и альпійскую арміи, далъ мильонъ морскому министру. Солдаты привыкли его считать своимъ благодѣтелемъ. Но первыя военныя дѣйствія Бонапарте въ Италіи были далеко не блестящія. Когда Вурмзеръ со своею арміею вторгнулся въ Ломбардію черезъ Тироль, Бонапарте поспѣшилъ снять осаду Мантуи и хотѣлъ переправиться обратно за По. Ожеро и другіе генералы настаивали, что надо идти на встрѣчу непріятелю. Бонапарте не соглашался и уѣхалъ изъ арміи, передавъ команду Ожеро, а тотъ разбилъ австрійцевъ при Кастильоне, взявъ 15,000 плѣнныхъ. Затѣмъ Массена разбилъ Вурмзера еще въ шести сраженіяхъ. За это Бонапарте отправилъ побѣдителя въ гарнизонъ, въ мѣстность, гдѣ свирѣпствовала болотная лихорадка, и когда Массена протестовалъ, съ трудомъ разрѣшилъ ему отправиться въ Верону. Наконецъ, уже самъ Бонапарте напалъ при Арколи на Альвинци, убѣдившись, что съ австрійцами нетрудно справиться, и разбилъ ихъ, хотя и съ большими потерями.

Таково было далеко не блестящее начало карьеры будущаго императора, гораздо даровитѣе и симпатичнѣе котораго были многіе генералы того времени. Таковъ былъ Марсо, жизнь и переписка котораго по необнародованнымъ документамъ издана теперь Ипполитомъ Мазомъ (Le général Marceau, sa vie et sa correspondence d'après les documents inédits). Это едва ли не самая цѣльная и интересная личность между всѣми дѣятелями той эпохи. Въ немъ были всѣ лучшія качества французскаго народа: пылкость, здравый смыслъ, честность, рыцарская храбрость, веселость, добродушіе. Онъ не успѣлъ ни потерять этихъ качествъ, ни замѣнить ихъ недостатками, можетъ быть, и потому, что умеръ 27-ми лѣтъ, въ полномъ блескѣ своей военной славы, любимый друзьями, уважаемый врагами, оплакиваемый солдатами, незапятнанный никакою жестокостью, всегда державшійся въ сторонѣ отъ всякихъ интригъ, исполненный одного честолюбія: принести своими побѣдами пользу отечеству. Онъ умеръ бѣднякомъ, наканунѣ свадьбы съ бѣдной дѣвушкой, выбранной его сердцемъ. Съ его смертью Франція потеряла своего лучшаго гражданина, свою надежную опору. До сихъ поръ, изъ его жизни знали только его побѣды, да его славную смерть на полѣ битвы, встрѣченную искреннимъ, глубокимъ сожалѣніемъ друзей и непріятелей, даже австрійскихъ генераловъ. Народная гравюра представляла его скачущимъ на конѣ съ открытой грудью, въ шляпѣ съ развѣвающимися перьями,

Digitized by Google

осматривающимъ непріятельское укрѣпленіе въ то время, когда изъ-за окоповъ въ него прицѣливался тирольскій стрѣлокъ. Книга Маза рисуетъ симпатичный образъ этого истиннаго героя, не знавшаго другой политики, кромѣ патріотизма, не мѣшавшагося ни въ какія партіи. Онъ не былъ ни роялистомъ, ни якобинцемъ, ни клубнымъ генераломъ, ни карьеристомъ, искателемъ наживы и власти. Онъ нашелъ возможность быть гуманнымъ даже въ Вандеѣ, быть честнымъ на непріятельской землѣ, милосернымъ къ плѣннымъ, справедливымъ къ врагамъ. Онъ былъ только безпощаденъ къ мародерамъ, грабителямъ, убійцамъ. Ведя самую скромную жизнь въ лагерѣ, не гордясь своими военными успѣхами, онъ достигъ высшихъ званій въ арміи единственно своею храбростью и искусствомъ вести кампанію. Онъ ненавидѣлъ реквизиціи, не разорялъ занятыхъ имъ провинцій и, послѣ блистательныхъ побѣдъ, просилъ у правительства только хлѣба и башмаковъ для своей арміи. Въ письмахъ своихъ, гдѣ нѣтъ ни отдѣлки, ни правописанія, Марсо является вѣрнымъ другомъ, добрымъ товарищемъ генераловъ Клебера и Журдана, нѣжнымъ сыномъ по отношенію къ матери, бросившей его ребенкомъ на произволъ судьбы. Въ этихъ письмахъ, являющихся теперь въ свѣтъ, онъ оплакиваетъ ужасы войны, разбои недисциплинированныхъ волонтеровъ, грабежъ военныхъ комисаровъ и интендантскихъ чиновниковъ, мечтаетъ о томъ, какъ онъ будетъ, по заключеніи мира, жить въ своей деревнѣ съ молодой женою.

Всѣхъ писемъ сохранилось до двухсотъ. Это, большею частью, коротенькія записки къ роднымъ и брату, извѣстному граверу, къ адьютантамъ, съ которыми Марсо поддерживалъ самыя дружескія отношенія. Многописанье не въ характерѣ такихъ лицъ, какъ Марсо. Писали много генералы, занимавшіеся больше политикою, чѣмъ войною, какъ Дюбуа-Крансе, Тюрро, или такія личности, какъ Дюмурье и Моро, съ цѣлью оправдать себя въ томъ, что нельзя оправдать ничѣмъ—въ измѣнѣ отечеству. Сынъ мелкаго писца въ судѣ города Шартра, имѣвшаго десять человѣкъ дѣтей, Франсуа-Северинъ Марсо-Дегравье былъ воспитанъ старшею сестрой, но до десяти лѣтъ жилъ въ деревнѣ у кормилицы, потому что мать, по какой-то странной антипатіи къ сыну, не хотѣла дать ему мѣста въ своей семьѣ. Шестнадцати лѣтъ онъ былъ уже солдатомъ и черезъ семь лѣтъ, въ 1791 году, дослужился до капитана. Производство въ чины шло быстро въ революціонной арміи. Въ слѣдующемъ году онъ защищалъ Вердюнъ противъ прусскаго короля и когда городъ долженъ былъ сдаться, комендантъ его Бореперъ застрѣлился, а Морсо подписалъ капитуляцію съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ II. Потомъ онъ служилъ недолго въ сѣверной арміи Дюмурье, и въ 1793 г. перешелъ кавалерійскимъ офицеромъ въ корпусъ Вестермана, дѣйствовавшій въ Вандеѣ. Заподозрѣнный вмѣстѣ со своимъ генераломъ, Марсо

Digitized by Google

былъ заключенъ въ тюрьму въ Турѣ, но военный судъ оправдалъ его, а блистательныя побѣды, окончившіяся въ ноябрѣ совершеннымъ разбитіемъ инсургентовъ при Шоле, доставили Марсо чинъ бригаднаго генерала, а ему не было еще 25 лѣтъ. Во время взятія Манса Клеберомъ съ Марсо произошелъ романическій эпизодъ, какихъ немало было въ продолженіе этой междоусобной войны. Молодая дѣвушка Анжелика де-Мелье, потерявшая мать и всѣхъ своихъ родныхъ, была захвачена побѣдителями и хотѣла убить себя. Марсо не позволилъ ей сдѣлать этого, охранилъ ее, успокоилъ, сколько могъ, оберегалъ и отправилъ подъ надежной защитой въ Лавань. Самъ онъ долженъ былъ идти сражаться съ инсургентами, но, пока онъ исполнялъ свой долгъ, Анжелика, по доносу негодяевъ, была взята, посажена въ тюрьму и, прежде чѣмъ Марсо могъ обратиться съ просьбою за нее къ парижскому трибуналу, отправлена на гильотину. Дѣвушка вспомнила объ немъ, идя на смерть, и послала ему на память свои часы, единственную вещь, остававшуюся у нея. Марсо долго вспоминалъ о невинной жертвѣ междоусобныхъ раздоровъ. Въ книгѣ Маза приведено предсмертное письмо Анжелики къ своей теткѣ, въ которомъ она съ увлеченіемъ говоритъ о благородствѣ и великодушіи Марсо. Письмо это едва не погубило молодаго генерала и нужны были всѣ усилія Клебера и покровительство Бурбота, чтобы избавить Марсо отъ слѣдствія по обвиненію въ измѣнѣ. Въ концѣ этого года, Марсо, захворавъ отъ утомленія, долженъ былъ лѣчиться въ Шартрѣ, но въ апрѣлѣ 1794 года былъ уже отправленъ въ сѣверную армію, подъ начальство плохаго генерала Шарбонье. Это не помѣшало Марсо отличиться блистательными подвигами храбрости. Онъ былъ однимъ изъ героевъ побѣды при Флерюсѣ и Рурѣ, и близко сошелся съ Журданомъ, что̀ видно изъ ихъ дружеской переписки, продолжавшейся до 1796 года. 19 сентября, прикрывая арьергардъ арміи, Марсо былъ смертельно раненъ близъ Альткирхена тирольскимъ стрѣлкомъ и умеръ 21 сентября 1796 года.

Правдивую и тяжелую картину жизни въ эту эпоху представляютъ мемуары герцогини Дюрасъ и дневникъ ея тюремнаго заключенія во время террора (Mémoires de m-me la duchesse de Duras. Journal de sa prison pendant la terreur). Дочь маршала де-Муши, она вышла за герцога Дюраса, бывшаго также маршаломъ и членомъ академіи. Онъ умеръ наканунѣ революціи, оставивъ вдову и сына, эмигрировавшаго въ Англію. Мать удалилась къ своимъ роднымъ, считая свою жизнь оконченною. Но ей пришлось перенести еще много страданій. Она пишетъ въ своихъ мемуарахъ: «Время, которое я провела въ заключеніи въ разныхъ тюрьмахъ, было такъ тяжело, что мнѣ и на мысль не приходило описывать его. Но когда я свидѣлась снова со своимъ сыномъ, онъ хотѣлъ узнать всѣ подробности моей жизни въ эту эпоху—и это заставило меня написать мой дневникъ». И она составляетъ его, не заботясь объ эффектахъ, ско-

Digitized by Google

рѣе смягчая событія, оправдывая людей, преслѣдовавшихъ ее. Безъ горечи, съ полною откровенностью изображаетъ она состояніе революціонныхъ темницъ. Она могла легко эмигрировать и, въ 1792 году, одна изъ ея родственницъ хотѣла непремѣнно увезти ее съ собою, но герцогиня не хотѣла оставить своего отца и мать, въ ихъ замкѣ, въ департаментѣ Уазы, куда 79-лѣтній маршалъ Муши уѣхалъ изъ Парижа со своей женою, надѣясь въ глуши родоваго имѣнія пережить эпоху революціонныхъ смутъ. Старикъ съ дочерью жили чрезвычайно уединенно, ни съ кѣмъ не видались, надѣясь, что объ нихъ забудутъ. Но въ августѣ 1793 года Коло д'Эрбуа, явившись въ департаментъ, приказалъ, на основаніи закона о подозрительныхъ лицахъ, арестовать всѣхъ аристократовъ и священниковъ. Для захваченныхъ недостало мѣстъ заключенія, и старикамъ позволили остаться въ ихъ замкѣ, подъ стражей, а герцогиню, разлучивъ съ родителями, отвезли сначала въ Бове, потомъ въ Шантильи. Она даже не простилась съ ними, опасаясь послѣдствій тяжелой сцены разлуки. Черезъ нѣсколько дней, въ замокъ явилось человѣкъ 60 вооруженныхъ оборванцевъ съ комисаромъ комитета общественной безопасности. Они обшарили весь замокъ, отъ подваловъ до чердаковъ, и вскрыли даже три свинцовые гроба въ склепѣ капеллы, говоря, что аристократы прячутъ въ гробахъ предковъ свои сокровища. Ничего не найдя, они захватили однако все серебро въ замкѣ, потому что оно съ гербами, а гербы, оскорбляющіе равенство и братство, уничтожены республикою. Уходя, они перепились виномъ изъ герцогскаго погреба. Потомъ и стариковъ увезли въ Парижъ, въ тюрьму Грандъ-Форсъ, гдѣ маршала разлучили съ женою, которую заперли вмѣстѣ съ женщинами, уличными проститутками. Затѣмъ, по особенной милости, стариковъ заперли вмѣстѣ въ Люксембургскую тюрьму, гдѣ они просидѣли пять мѣсяцевъ въ крошечной душной комнатѣ. Дочь ихъ была въ это время въ тюрьмѣ, въ Шантильи, въ большомъ обществѣ, состоявшемъ изъ дворянъ, священниковъ, генераловъ, восьмидесятилѣтнихъ старухъ, молодыхъ дѣвушекъ, дѣтей. Съ ними обращались грубо, но не жестоко, и только кормили очень плохо, такъ что они постоянно голодали. Въ мартѣ 1794 года герцогиня получила наконецъ письмо отъ своей матери, въ которомъ старуха удивлялась, что дочь не проситъ правительственныхъ комисаровъ, чтобы ее отправили въ Парижъ, въ ту же тюрьму, гдѣ ея мать. Герцогиня выпросила это разрѣшеніе, но, по пріѣздѣ въ Парижъ, ее, вмѣстѣ съ другими заключенными, заперли въ тюрьму Плесси, всѣхъ въ одну залу, куда полупьяные тюремщики принесли два ведра, одно съ водой, другое—пустое, сопровождая это циническими остротами. Потомъ плѣнниковъ размѣстили по маленькимъ грязнымъ каморкамъ, кормили гнилыми, вонючими припасами и всякій день увозили десятками въ революціонный трибуналъ, откуда была одна до-

Digitized by Google

рога—на гильотину. Убыль вскорѣ пополнялась новымъ подвозомъ преступниковъ. Однажды привезли разомъ 80 крестьянокъ изъ Виваре, въ живописныхъ праздничныхъ нарядахъ: вина ихъ была въ томъ, что они пошли на пасху въ церковь. Къ довершенію бѣды, между заключенными развилась оспа; ни докторовъ, ни лѣкарствъ не было никакихъ, и захворавшіе гибли безъ всякой помощи. Герцогиня напрасно просила позволенія увидѣть своихъ родителей: на всѣ просьбы получался грубый отказъ—и понятно почему. Незадолго до 9-го термидора, маршала Муши и его жену перевели въ Консьержери, а оттуда отправили на гильотину. Когда ихъ везли въ телѣгѣ на площадь Революціи, изъ толпы одинъ негодяй крикнулъ герцогу: «санкюлоты съѣдятъ твой хлѣбъ и выпьютъ твое вино».—«Дай Богъ, чтобъ у васъ всегда былъ хлѣбъ,—спокойно отвѣчалъ герцогъ—и чтобы вы не были вынуждены ѣсть другъ друга». Стараго маршала съ его женою схоронили у Тронной заставы, гдѣ уже было зарыто 1300 казненныхъ аристократовъ.

Въ дневникѣ своемъ герцогиня описываетъ съ христіанскою кротостью и покорностью провидѣнію, какъ она узнала о смерти отца и матери. Она сама каждый день готовилась умереть, увѣренная въ томъ, что революція не пощадитъ никого изъ дворянъ, оставшихся еще въ живыхъ. Но настало 9-е термидора—слухъ о казни Робеспьера долетѣлъ до тюрьмы въ тотъ же день—и на другой же день растерявшіеся тюремщики сдѣлались гораздо снисходительнѣе и внимательнѣе къ заключеннымъ. Двери тюрьмы отворялись уже только для того, чтобы выпустить осужденныхъ на свободу, а не на гильотину. Но прошло болѣе шести недѣль, прежде чѣмъ начали освобождать аристократовъ. 16-го октября 1794 г. въ тюрьму пріѣхали комисары Бурдонъ и Лежандръ. Когда герцогиню призвали къ допросу и она сказала свое имя, Бурдонъ вскричалъ, что нельзя освободить женщину съ такими титулами и родственными связями; но черезъ три дня ей все таки дали полную свободу. Герцогиня вышла изъ тюрьмы сѣдая въ 49 лѣтъ, и еще долго должна была скрываться и жить въ трудахъ и бѣдности. Дневникъ ея заканчивается 1804 годомъ, когда сынъ ея вернулся изъ Англіи. Въ мемуарахъ очерчено много историческихъ лицъ, приведено много типическихъ сценъ. Кровавая, безумная эпоха терроризма, когда люди превратились въ какихъ-то дикихъ звѣрей, не знавшихъ ни пощады, ни состраданія—является въ запискахъ герцогини во всей ея отталкивающей наготѣ и довершаетъ картину страшнаго времени, о которомъ даютъ достаточно полное понятіе сочиненія, выбранныя нами для его характеристики. Отлагая отчетъ о другихъ замѣчательныхъ явленіяхъ современной литературы во Франціи и другихъ странахъ, мы закончимъ наши очерки нѣсколькими словами о сочиненіи, на которомъ

Digitized by Google

нельзя не остановить вниманія русскаго читателя, хотя оно и не относится къ категоріи книгъ, служившихъ предметомъ нашего обзора.

О Россіи, ея роли и значеніи, высказывали свои мысли иностранные историки, литераторы, критики, публицисты. Теперь объ ней принялись разсуждать и философы—и нельзя сказать, чтобы эти философскіе взгляды отличались особеннымъ глубокомысліемъ, основательнымъ знаніемъ дѣла, вѣрностью сужденій. Извѣстный творецъ «теоріи безсознательнаго», Эдуардъ Гартманъ издалъ книгу, высказывающую весьма малосознательное знакомство съ положеніемъ нашего отечества. Книга носитъ названіе: «Два десятилѣтія нѣмецкой политики и современное положеніе» (Zwei Jahrzehnte deutscher Politik und die gegenwartige Lage). Гартманъ принадлежитъ къ безусловнымъ поклонникамъ германскаго канцлера и давно уже старается въ своихъ философскихъ трактатахъ пропагандировать политику Бисмарка. Книга эта не допущена къ продажѣ и о запрещеніи ея сожалѣетъ не одно «Новое Время», но даже «Гражданинъ». Нашему общественному мнѣнію слѣдуетъ познакомиться съ мнѣніями такихъ представителей «дружественной націи», какъ ея философы и политики. Всегда полезно знать истинныя мнѣнія объ насъ нашихъ «друзей». Гартманъ прежде всего справедливъ къ своему отечеству. Онъ прямо сознается, что Германію всѣ ненавидятъ и прежде всего Франція, никогда не оставляющая мечты о реваншѣ, потомъ Голландія и Бельгія, опасающіяся, что ихъ захватитъ когда нибудь могучая сосѣдка. Въ Австріи сторонники Германіи только правительство, да нѣмецкая протестантская,—но не католическая,—партія, а весь славянскій міръ ненавидитъ ее; даже мадьяры симпатизируютъ болѣе Франціи, чѣмъ Германіи. Въ Россіи ее ненавидятъ всѣ русскіе,—кромѣ либераловъ, прибавляетъ Гартманъ и въ этомъ жестоко ошибается: ни одинъ либералъ не скажетъ добраго слова о теперешней Германіи, угрожающей всему свѣту непомѣрнымъ развитіемъ милитаризма. Но авторъ правъ, сознаваясь, что племенная ненависть въ Россіи будетъ все усиливаться по мѣрѣ развитія самосознанія въ русскомъ народѣ, если только, прибавимъ мы, нѣмцы не откажутся отъ своихъ притязаній на гегемонію надъ другими державами и не займутъ между ними болѣе скромнаго мѣста, не менѣе почетнаго, но далеко не преобладающаго надъ всѣми націями. Всѣ славяне, по мнѣнію Гартмана, непримиримые и прирожденные враги нѣмцевъ и какъ бы ни ссорились между собою славянскія племена, они всегда сойдутся въ общемъ чувствѣ ненависти къ «проклятымъ нѣмцамъ». И это невѣрно, потому что, не смотря на общность ихъ чувства, ссоры и разъединеніе славянъ и помогли ихъ онѣмечить, превративъ поморянъ въ жителей Помераніи, лужичанъ въ Лаузицъ, гусситовъ-чеховъ въ католическихъ богемцевъ и т. д. Гартманъ увѣренъ даже, что еслибы полякамъ пришлось прямо стать на сторону Германіи или Рос-

Digitized by Google

сіи, они примкнули бы къ послѣдней. Эту ненависть къ нѣмцамъ Гартманъ объясняетъ, какъ результатъ сознанія славянами собственнаго ничтожества въ сравненіи съ нѣмцами, но считаетъ невозможнымъ, чтобы славянскій міръ могъ вступить въ союзъ съ разлагающимся романскимъ міромъ противъ Германіи, а если это случится, Германія можетъ погибнуть, такъ какъ союзниковъ у нея нѣтъ, кромѣ Австріи, въ которой всѣ славянскія племена поднимутся противъ нѣмцевъ. Но если къ лигѣ мира присоединятся другія европейскія державы, Россія будетъ побѣждена и должна распасться, такъ какъ очень велика и для нея достаточно владѣній съ 54 милліоннымъ населеніемъ. Гартманъ устраиваетъ такую дѣлежку Россіи: Финляндія должна отойти къ Швеціи, Бессарабія—къ Румыніи; Эстляндія, Лифляндія, Курляндія, губерніи Ковенская и Виленская должны составить отдѣльное, зависимое отъ Германіи прибалтійское королевство; области Днѣпра и Прута — королевство кіевское. Германія и Швеція гарантировали бы неприкосновенность перваго королевства, а Австрія — кіевскаго; къ ней перешелъ бы также и Балканскій полуостровъ. Польша была бы возстановлена въ границахъ 1795 года и Германіи ничего не стоило бы онѣмечить 5 милліоновъ поляковъ. Пріятную перспективу представляетъ Гартманъ для этого славянскаго племени. Французамъ онъ совѣтуетъ отложить всякую мысль о реваншѣ и о томъ, что Россія можетъ чѣмъ нибудь помочь имъ. Онъ подробно разсуждаетъ также о томъ, какъ бы уронить хлѣбную торговлю Россіи. Можно бы посовѣтовать нашимъ государственнымъ людямъ ближе познакомиться съ этою книгою ненавистника Россіи, написанною философомъ-бисмаркистомъ. Это—ключъ ко многимъ дѣйствіямъ германской политики.

Вл. З.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Европейская печать, слѣдящая за петербургскими праздниками.—Историческій тостъ и всполошившаяся дипломатія.—Эксъ-король, обличаемый своими эксъ-министрами.—Попытка Австріи и Гарашанина возбудить волненія въ Сербіи.—Избіеніе напредняковъ въ Бѣлградѣ.—Возвращеніе митрополита Михаила и улучшеніе экономическаго положенія Сербіи.—Паденіе русскаго рубля.—Опытъ практическаго рѣшенія рабочаго вопроса въ Германіи.—Стачка вестфальскихъ углекоповъ.—Посредничество Вильгельма II между рабочими и заводчиками.—Король Гумбертъ въ Берлинѣ.—Во что обходится Италіи союзъ съ Германіей?—Военные праздники въ Берлинѣ.—Поцѣлуй Бисмарка и несостоявшееся посѣщеніе Страсбурга.—Положеніе Франціи.—Столѣтняя годовщина избранія Вашингтона президентомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

15 (3) іюня.

Въ теченіе прошлаго мѣсяца, европейская журналистика особенно усердно занималась Россіею и не только ея международными отношеніями, но и ея внутреннею жизнью, пріѣздомъ августѣйшихъ гостей, петербургскими праздниками, тостами и брачными союзами въ нашей царской семьѣ. Прибытіе въ столицу черногорскаго князя, персидскаго шаха, греческой королевской четы съ невѣстою младшаго брата русскаго монарха,—все это возбуждало коментаріи европейской прессы. Князь Николай, пріѣхавшій къ намъ со своимъ наслѣдникомъ и дочерьми, изъ которыхъ старшая вступаетъ также въ число членовъ нашего царскаго дома, былъ, какъ всегда, желаннымъ гостемъ въ Россіи. На полковомъ праздникѣ въ Петергофѣ, послѣ церковнаго парада, за завтракомъ въ большомъ дворцѣ, государь, поднявъ бокалъ, провозгласилъ тостъ въ честь князя Николая, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «пью за здоровье князя черногорскаго, единственнаго искренняго и вѣрнаго друга Россіи». Эти полныя глубокаго значенія слова, подтвердившія то, что́ давно чувствовала вся Россія и высказывала вся наша печать, произвели сильное впечатлѣніе въ дипломатическомъ мірѣ, особенно, среди нашихъ мнимыхъ друзей, все еще разсчитывавшихъ, что они могутъ отводить намъ глаза увѣреніями въ своемъ расположеніи. Офиціальная и вліятельная журналистика дали неискренніе и сдержанные отзывы объ этомъ тостѣ. Берлинская печать растерялась такъ, что прежде всего заговорила о

Digitized by Google

томъ, что̀ скажетъ Франція. «Особенно горько почувствуется этотъ тостъ во Франціи», говоритъ «Kreuzzeitung». Отчего же не въ Пруссіи? «National Zeitung» замѣчаетъ, что тостъ все таки благопріятенъ европейскому міру, такъ какъ Россія въ союзѣ съ Черногоріей не можетъ замышлять военныхъ предпріятій, при которыхъ она будетъ имѣть противъ себя, по крайней мѣрѣ, двѣ самыя большія военныя державы въ Европѣ. Это хоть откровенно. «Еслибы русская политика была болѣе самоотверженной и миролюбивой, у Россіи было бы больше друзей», говоритъ «Vossische Zeitung». А что же какъ не самоотверженіе проявила Россія, защищая въ послѣднія свои войны Сербію и Болгарію, уничтожая разбои туркменъ, не позволяя въ 1875 году Бисмарку окончательно разгромить Францію? Что же касается до нашего миролюбія, то, кажется, его достаточно доказываетъ наше долготерпѣніе въ болгарскихъ дѣлахъ, въ отношеніяхъ къ Австріи. Вѣнскія газеты даже угрожаютъ князю черногорскому и говорятъ, что если онъ другъ Россіи, то не можетъ быть искреннимъ другомъ Австріи. «Standard» замѣчаетъ, что русскому правительству не только извѣстна оппозиція его политикѣ въ Европѣ, но что оно не намѣрено скрывать это подъ покровомъ дипломатической формы. «Neue freie Presse» находитъ, что Россія чувствуетъ свою изолированность, но не боится ея. По словамъ другихъ австрійскихъ газетъ, въ тостѣ звучитъ какъ бы угроза, хотя онъ имѣетъ элегическій характеръ. «Kreuzzeitung» находитъ, что тостъ составляетъ оскорбленіе, нанесенное Вильгельму II. «Boersen-Courrier» различаетъ не только политическую и личную дружбу государей, но даже признаетъ существованіе особой торговой дружбы, противъ которой недавно воевала Пруссія, находясь въ политической дружбѣ съ Россіей.—Англійскія газеты, въ самый день пріѣзда персидскаго шаха въ Петербургъ, напечатали концессію объ устройствѣ въ Персіи англійскаго банка для разработки всѣхъ богатствъ страны.

Зловѣщая личность отставнаго короля Милана продолжаетъ и во время его отсутствія оказывать гибельное вліяніе на дѣла Сербіи. Въ регентствѣ онъ оставилъ своего alter ego Протича, тормозящаго всякое доброе начинаніе правительства, въ странѣ оставилъ партію напредняковъ, получающихъ изъ Австріи приказанія волновать народъ и не давать ему успокоиваться. Нужды нѣтъ, что Миланъ перессорился со всѣми своими клевретами и приверженцами: они продолжаютъ интриги и козни въ виду своихъ личныхъ интересовъ. Со времени отъѣзда изъ Бѣлграда этого невмѣняемаго правителя, имя его упоминалось въ сербской печати не иначе, какъ въ сопровожденіи какого нибудь скандала. Не говоримъ уже о его похожденіяхъ на Востокѣ,—въ Константинополѣ, Дамаскѣ, Бейрутѣ и пр.,—гдѣ бывшаго вѣнценосца можно было встрѣтить въ увеселительныхъ заведеніяхъ самаго низшаго разряда, въ постоянномъ сообще-

Digitized by Google

ствѣ съ разными пѣвицами и танцорками. Эти вкусы эксъ-короля давно знакомы кафе-шантанамъ Вѣны и Пешта. Но бѣлградскія газеты наполнялись статьями о Миланѣ другаго рода. Такъ, бывшій другъ его и бывшій радикалъ Тодоровичъ напечаталъ въ газетѣ «Малыя Новины» слѣдующее воззваніе: «Требую отъ бывшаго короля Сербіи, Милана Обреновича, заявить, какимъ ему будетъ угодно путемъ, правда ли, что онъ отозвался обо мнѣ въ неприличныхъ выраженіяхъ. Если это не правда, то долгъ его требуетъ опроверженія такой клеветы, въ противномъ случаѣ его величество долженъ представить неопровержимыя доказательства того, что имъ было сказано обо мнѣ. Если онъ полагаетъ, что имѣетъ основаніе называть самымъ гнуснымъ и коварнымъ человѣкомъ того, кому онъ исключительно обязанъ жизнью и тѣмъ, что теперь можетъ спокойно путешествовать на Востокѣ, то пусть онъ объяснится. Мы должны свести наши счеты передъ всей Сербіей и Европой, чтобы всѣ знали, что мы такое и чѣмъ одинъ изъ насъ обязанъ другому. Такъ какъ эксъ-король находится вдали отъ родины, то я ему даю мѣсячный срокъ для объясненій. Молчаніе я почту равносильнымъ подтвержденію того, что Миланъ отозвался обо мнѣ въ неприличныхъ выраженіяхъ». Это необычное объясненіе подданнаго со своимъ королемъ произвело сильное впечатлѣніе въ Бѣлградѣ. Полиція конфисковала нумеръ «Малыхъ Новинъ» на томъ основаніи, что газеты не могутъ полемизировать съ королемъ. Тодоровичъ обратился въ судъ, который постановилъ резолюцію, что полиція неправильно истолковала законъ, и къ Милану, вслѣдствіе его отреченія, непримѣнимы постановленія, относящіяся къ царствующему дому. Публика сочувственно приняла это рѣшеніе и Тодоровичъ продолжалъ сообщать въ газетахъ разныя непривлекательныя черты изъ жизни Милана. Вслѣдъ затѣмъ выступилъ съ разоблаченіемъ и Гарашанинъ. Онъ напечаталъ нѣсколько писемъ, которыми обмѣнялись Миланъ и королева Наталія по бракоразводному дѣлу и которыя не дѣлаютъ чести эксъ-королю. Гарашанинъ обнародовалъ также опроверженіе клеветы, возведенной Миланомъ на королеву, будто она требовала его отреченія, когда онъ вернулся съ войны, разбитый болгарами. Бывшій премьеръ говоритъ, напротивъ, что Наталія отговаривала Милана отъ отреченія, и вдвоемъ съ министромъ имъ удалось успокоить малодушнаго короля.

Но вождь партіи напредняковъ не хотѣлъ примириться съ мыслью, что политическая роль его кончена вмѣстѣ съ отреченіемъ Милана и, побуждаемый интригами Австріи, задумалъ снова захватить власть въ свои руки. Теряя съ каждымъ днемъ прежнее вліяніе въ Сербіи, Австрія попыталась возбудить въ королевствѣ безпорядки, чтобы, воспользовавшись ими, вмѣшаться въ дѣла Сербіи и даже занять часть ея своими войсками, для прекращенія волненій. Съ этою цѣлью, былъ значитель-

Digitized by Google

но усиленъ корпусъ австрійскихъ войскъ въ Землинѣ, насупротивъ Бѣлграда. Особенно безпокоило Австрію предстоящее возвращеніе митрополита Михаила, и вотъ въ началѣ мая, въ газетѣ «Видело», органѣ напредняцкой партіи, явилось на первой страницѣ воззваніе, подписанное Гарашаниномъ и приглашавшее на сходку въ Бѣлградъ, на 14 мая, всѣхъ напредняковъ. Узнали, что Австрія ассигновала на эту сходку 50,000 флориновъ, что участники ея изъ провинцій получаютъ путевыя издержки, гонораръ, и ихъ привозятъ даромъ на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ. Дѣйствительно, три парохода дунайскаго австрійскаго общества привезли до 600 человѣкъ, да сотни 3—4 нашлось напредняковъ и въ Бѣлградѣ, хотя ни одинъ членъ этой партіи не былъ выбранъ въ скупщину, куда не попалъ даже забалотированный избирателями Гарашанинъ. Зато онъ наканунѣ сходки объявилъ въ своей газетѣ, что напредняки снова возмутъ въ свои руки власть и спасутъ Сербію. Сходка собралась въ саду пивной лавки, въ 8 часовъ утра, и открылась рѣчью Гарашанина продолжавшеюся три часа. Въ ней онъ восхвалялъ свою партію, оправдывалъ войну съ Болгаріей тѣмъ, что Сербія должна была поправить дѣло берлинскаго трактата, не съумѣвшаго установить на Балканскомъ полуостровѣ надлежащаго порядка. Въ силу того же трактата Сербія принуждена была принять на себя обязательства, которыя повели къ обремененію ея долгами. Низложеніе митрополита Михаила было заслуженное, такъ какъ онъ отказывался повиноваться законамъ страны. Понятно, что подобная фальсификація историческихъ событій не могла понравиться массѣ слушателей, собравшихся вокругъ сада, гдѣ ораторствовали напредняки, и со стороны лицъ, не участвовавшихъ на сходкѣ, раздались протесты, крики, свистки. Когда же австрофилы крикнули: «живіо Гарашанинъ!» имъ отвѣчалъ ревъ многотысячной толпы: «долой предателя!» Но тутъ произошелъ эпизодъ неожиданный, но очевидно подготовленный заранѣе: члены сходки оказались всѣ вооруженными и бросились на народъ съ ножами и револьверами. Въ напредняковъ полетѣли камни. Ученикъ реальной гимназіи, Михаилъ Мишковичъ, сбилъ шляпу Гарашанину, тотъ ударилъ его кинжаломъ, но промахнулся. Кинжалъ вырвали изъ его рукъ, тогда онъ выхватилъ револьверъ и убилъ наповалъ Мишковича. Разъяренная толпа завязала свалку: убили одного приверженца Гарашанина и вырвали бороду священнику изъ напредняковъ, которые ранили четырехъ жандармовъ и одного убили на мѣстѣ. Только прибытіе эскадрона конницы дало возможность освободить напредняковъ отъ напора толпы. Всѣ они разбѣжались кто куда. Затѣмъ толпа обратилась противъ жандармовъ, громко понося правительство за то, что оно защищаетъ измѣнниковъ и негодяевъ. Масса кинулась въ трактиръ, гдѣ напреднякамъ приготовленъ былъ обѣдъ, уничтожила кушанье, посуду, мебель, даже окна. Вечеромъ

Digitized by Google

народъ бросился въ домъ Гарашанина, гдѣ также перебили всѣ стекла. Самъ виновникъ безпорядковъ спасся, убѣжавъ въ крѣпость, подъ защиту солдатъ, гдѣ его арестовали на другой же день по обвиненію отца Мишковича въ убійствѣ его сына. Въ тотъ же вечеръ, толпа разгромила типографію «Видело», редакторъ которой успѣлъ бѣжать, пока толпа ломала машины и рвала экземпляры газеты. Вѣтеръ разносилъ клочки листовъ, которыми были густо покрыты двѣ улицы и площадь. При разгромѣ трактира, гдѣ была сходка Гарашанина, нашли портреты Милана и королевы Наталіи. Первый былъ разорванъ въ клочки и выброшенъ въ окно, второй выставленъ народу, встрѣтившему его громкими криками: «живіо кральица!» На другой день безпорядки возобновились: народъ ловилъ вездѣ напредняковъ и изувѣчилъ многихъ изъ нихъ, но войска разогнали толпы и волненіе болѣе не возобновлялось.

Черезъ два дня пріѣхалъ въ Бѣлградъ митрополитъ Михаилъ, ночью, и былъ встрѣченъ толпами народа, либералами, духовенствомъ, русскимъ посланникомъ г. Персіани, русскимъ журналистомъ г. Шараповымъ, но не правительствомъ. Утромъ митрополита посѣтили всѣ министры, но не регенты. О возвращеніи королевы—ни слова, и говорятъ, что ему болѣе всѣхъ противится Ристичъ—что́ весьма возможно. Прежде чѣмъ назначить его регентомъ, Миланъ, конечно, заручился всевозможными гарантіями, и не правительству, отъ котораго все еще пахнетъ Миланомъ, вернуть королеву: это сдѣлаетъ скупщина и сербскій народъ, доказавшій въ исторіи съ напредняками, гдѣ лежатъ его симпатіи. Министерство приняло только одну справедливую мѣру: взяло въ казну сербскія желѣзныя дороги, перевозившія даромъ въ Бѣлградъ напредняковъ, чтобы произвести тамъ возстаніе, по счастью, неудавшееся. Уже и теперь доказано, что въ толпѣ, громившей трактиръ, гдѣ собрались клевреты Гарашанина, австрійскіе агенты-подстрекатели подговаривали народъ идти къ дому австрійскаго консульства и разрушить его. Сербскія желѣзныя дороги номинально принадлежали французской компаніи, но орудовали въ ней австрійскіе жиды и довели дороги до такого разстройства, что ихъ необходимо было взять въ казну. Еще прежде правительство взяло въ свои руки отъ австрійской компаніи табачную монополію, также вслѣдствіе злоупотребленій; теперь остается вырвать у нѣмцевъ соляное управленіе и не возобновлять торговаго договора съ Австріей, оканчивающагося въ будущемъ году и приносящаго только убытки Сербіи—и тогда экономическое положеніе страны быстро поправится. Улучшеніе замѣтно уже и теперь, когда только что уничтожено въ королевствѣ зловредное вліяніе напредняковъ.

Пруссія опять объявила намъ финансовую войну. Берлинскіе фрондёры, въ союзѣ съ петербургскими биржевыми патріотами изъ нѣмцевъ, въ

Digitized by Google

одну недѣлю понизили курсъ нашихъ сторублевокъ съ 218 марокъ на 206. Теперь онъ нѣсколько выше, но все таки рубль нашъ упалъ на десять процентовъ. Причина этому—усиленныя вооруженія Россіи, по увѣренію бисмарковскихъ офиціозовъ. Даже нашъ благодушный «Journal de St.-Petersbourg» замѣтилъ, что можно было бы придумать хоть не такой избитый предлогъ для оправданія новаго похода на нашъ кредитъ. Было бы, впрочемъ, несправедливо обвинять одну биржевую спекуляцію на пониженіе нашего курса—въ этомъ упорномъ давнишнемъ стремленіи уронить его сколько можно, стремленіи, по временамъ ослабѣвающемъ, но потомъ съ новою силою осуществляющемъ свою завѣтную, неуклонную цѣль. Такіе систематическіе походы, составленные по глубоко обдуманному плану, не могутъ происходить безъ вѣдома прусскаго правительства, безъ указаній канцлера, когда именно слѣдуетъ начать новый походъ. Вторая конверсія нашихъ прежнихъ займовъ завершилась еще бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ первая; французская биржа совѣтуетъ своимъ согражданамъ пріобрѣтать русскія бумаги вмѣсто итальянскихъ. Къ прусской дружбѣ высказано недовѣріе—сколько причинъ, чтобы снова начать подрывъ нашего кредита! И это еще только начало, которому, впрочемъ и не придвидится конца, пока петербургская биржа не сдѣлается самостоятельной, не перестанетъ быть филіальнымъ отдѣленіемъ, простою агентскою конторою берлинской биржи.

Рабочій вопросъ сдѣлалъ довольно значительный шагъ впередъ, если не въ сторону его разрѣшенія, то, по крайней мѣрѣ, въ сторону временнаго улаженія столкновеній между трудомъ и его эксплуатаціею. Мы говоримъ, конечно, не о законѣ касательно пенсій рабочимъ, принятомъ въ германскомъ рейхстагѣ послѣ безсодержательной рѣчи Бисмарка, наполненной рекриминаціями противъ всѣхъ парламентскихъ партій. Этотъ жалкій плодъ потугъ государственнаго соціализма, ограничившійся полумѣрами и нищенской пенсіею, не далеко подвинулъ впередъ назрѣвшій до боли вопросъ. Гораздо важнѣе было личное вмѣшательство въ него молодаго германскаго императора. Въ угольныхъ копяхъ прирейнской Вестфаліи началась стачка рабочихъ, быстро принявшая огромные размѣры. Сначала бросили работу десятки тысячъ углекоповъ, потомъ число ихъ возросло до ста тысячъ. Движеніе приняло характеръ открытаго возстанія. Двинуты были, конечно, усиленные отряды войскъ; на мѣстѣ стачки близя Глаубека произошло кровавое столкновеніе между рудокопами и солдатами. Послѣ залпа отряда, двое рабочихъ были убиты, многіе ранены, остальные разбѣжались. Въ тотъ же день, въ окрестностяхъ Дортмунда рабочіе убили горнаго инженера Шрадера. Въ другихъ мѣстахъ сдѣланы были попытки поджечь заводы. Близъ Бохума также войска стрѣляли въ рабочихъ. Газовые заводы принуждены были сократить свою дѣятельность, такъ какъ уголь не достав-

Digitized by Google

лялся владѣльцами шахтъ въ прежнемъ количествѣ, даже число поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ уменьшилось по недостатку угля. Офиціальныя газеты, конечно, тотчасъ же обвинили во всемъ соціалистовъ, тогда какъ прежде всего виноваты заводчики, требовавшіе отъ рабочихъ непосильныхъ трудовъ за самую скудную плату. Владѣльцы копей рѣшили не входить ни въ какія сношенія съ рабочими, и тѣ придумали отправить депутацію къ императору. Вильгельмъ II рѣшился принять ее, вмѣсто того, чтобы вести дѣло общепринятымъ порядкомъ, передавъ его министрамъ и компетентнымъ лицамъ, которыя затянули бы безъ конца, если не вовсе запутали, въ сущности очень несложный вопросъ. Вестфальскіе рудокопы получаютъ менѣе трехъ франковъ въ сутки, работая болѣе десяти часовъ въ шахтахъ: прежде самимъ рабочимъ уголь, для ихъ хозяйства, заводы давали даромъ; теперь за него заставляютъ платить по рыночнымъ цѣнамъ, принуждая въ то же время рабочихъ покупать на свой счетъ масло для лампъ, освѣщающихъ шахты и даже порохъ для взрыва подземныхъ глыбъ; за малѣйшій недовѣсъ въ ежедневной добычѣ угля налагается штрафъ. Между тѣмъ цѣна угля, поставляемаго копями въ казну поднялась въ послѣднее время на 50%. Потому рабочіе просили увеличить ихъ задѣльную плату на 10—15% и уменьшить работу въ шахтахъ до 8 часовъ. Заводчики отказали наотрѣзъ, хотя общественное мнѣніе провинціи находило требованія рабочихъ справедливыми и умѣренными.

Такъ взглянулъ на это дѣло и императоръ; онъ упрекнулъ только углекоповъ въ томъ, что они, устраивая стачку, нарушили законъ, обязывающій объявлять за двѣ недѣли о нежеланіи продолжать работу, и что они не имѣли никакого права заставлять всѣхъ участвовать въ стачкѣ, мѣшать своимъ товарищамъ продолжать работу. Вильгельмъ II обѣщался разсмотрѣть просьбы рабочихъ и сказалъ, что правительство «будетъ безпощадно, если рабочіе слѣдуютъ внушеніямъ соціаль-демократовъ, которыхъ онъ считаетъ врагами имперіи и отечества». Черезъ день императоръ пригласилъ представителей владѣльцевъ каменноугольныхъ копей и заявилъ имъ о необходимости покончить какъ можно скорѣе со стачкою. Горнозаводскія общества должны содѣйствовать дѣлу примиренія и поддерживать возможно большее общеніе со своими рабочими, которымъ должна быть дана возможность предъявлять свои желанія. Вильгельмъ, напомнилъ заводчикамъ, что они обязаны заботиться какъ можно больше о благѣ рабочихъ и прежде всего избѣгать того, что̀ можетъ поставить населеніе цѣлой провинціи въ такое затруднительное положеніе, какое произвела стачка въ Вестфаліи. Делегатамъ владѣльцевъ копей не оставалось болѣе ничего, какъ исполнить «наставительные совѣты» императора, въ данномъ случаѣ, равносильные приказаніямъ, и такимъ образомъ прямое вмѣшательство верховной

Digitized by Google

власти имѣло благотворный результатъ,—прекращеніе стачки, которому особенно рады независимыя газеты, прямо утверждающія, что исполнительныя и законодательныя власти приняли бы въ этомъ дѣлѣ сторону заводчиковъ, потому что многіе министры и высшіе чины принадлежатъ къ акціонерамъ обществъ разработки каменнаго угля—и тогда возстаніе рудокоповъ могло бы принять громадные размѣры. И теперь еще нельзя ручаться за то, что стачки не возобновятся, такъ какъ капиталисты неохотно подчинились новому порядку и, при недобросовѣстномъ исполненіи имп своихъ обязанностей враждебныя отношенія легко могутъ возобновиться. Жаднымъ до наживы капиталистамъ надо помнить слова императора, обращенныя къ делегатамъ: «съ человѣческой точки зрѣнія совершенно понятно, что каждый стремится поставить себя въ возможно болѣе благопріятныя жизненныя условія. Рабочіе читаютъ газеты и имъ извѣстно, въ какой пропорціи заработная плата состоитъ къ барышамъ обществъ. Что они домогаются болѣе или менѣе участвовать въ этихъ барышахъ—вещь понятная». Эти простыя слова, вполнѣ отвѣчающія понятіямъ здравой политической экономіи, заставляютъ позабыть слишкомъ рѣзкія фразы, обращенныя Вильгельмомъ къ стачникамъ, которыхъ онъ грозилъ разстрѣлять, если они войдутъ въ сношеніе съ соціаль-демократами. Слишкомъ крутыя мѣры никогда не помогали ни въ какомъ дѣлѣ, да и мудрено разстрѣлять сто тысячъ человѣкъ. И слѣдуетъ ли объявлять всѣхъ соціаль-демократовъ врагами отечества? Вѣдь эта партія имѣетъ своихъ представителей въ парламентѣ и ихъ послали туда сотни тысячъ избирателей. Къ нимъ можетъ относиться съ презрѣніемъ Бисмаркъ, какъ онъ это сдѣлалъ въ своей рѣчи въ рейхстагѣ о страхованіи рабочихъ, замѣтивъ что партія эта находится теперь въ критическомъ положеніи, но когда ему кто-то крикнулъ на это, фуй! канцлеръ такъ обидѣлся, что началъ жаловаться на то, что его оскорбляютъ, ненавидятъ, но что онъ никому этого не проститъ: съумѣетъ дать отпоръ и назвалъ того, кто крикнулъ: фуй! бестыжимъ. Эта раздражительность до того овладѣла въ послѣднее время Бисмаркомъ, что онъ заодно отдѣлалъ въ своей рѣчи всѣ парламентскія партіи, кромѣ правительственной. Свободномыслящихъ онъ сравнилъ съ французами, которые тотчасъ же выступятъ въ походъ противъ имперіи, какъ только почувствуютъ себя достаточно сильными для этого. Прогрессисты и вельфы также хотятъ придать другую форму имперіи, съ другими людьми во главѣ; поляки отвергаютъ всѣ проэкты, направленные къ упроченію имперіи; франкофилы были опрометчиво допущены рейхстагомъ въ его среду. Даже консерваторы не многимъ отличаются отъ соціаль-демократовъ, потому что стоятъ на точкѣ зрѣнія мѣстнаго, провинціальнаго, а не имперскаго парламентаризма. Имперская партія, національ-либералы и центръ—только фракціи консервативной партіи.

Digitized by Google

Изъ-за чего такъ хлопоталъ князь Бисмаркъ, обвиняя чуть не весь парламентъ во враждѣ къ имперіи, заботясь о проведеніи въ немъ своего закона, улучшающаго, правда, немного бытъ нѣмецкихъ рабочихъ, но далеко не удовлетворяющаго самымъ скромнымъ желаніямъ истинныхъ друзей народа? Въ Германіи давно уже существуютъ общества для поданія помощи рабочимъ, лишеннымъ возможности трудиться вслѣдствіе болѣзни, какого нибудь несчастнаго случая или дряхлости лѣтъ. Такихъ обществъ теперь болѣе 60-ти—и главный видъ ихъ: общества страхованія отъ увѣчья и пенсіонныя кассы, изъ которыхъ, по достиженіи извѣстныхъ лѣтъ, рабочіе, дѣлающіе туда извѣстные взносы, получаютъ небольшія пенсіи. Такихъ рабочихъ, застраховавшихъ себя или застрахованныхъ разными корпораціями—до четырехъ мильоновъ, но остается еще болѣе девяти, превращающихся въ голодныхъ пролетаріевъ, какъ только почему либо лишаются работы. Новый законъ заботится преимущественно о пенсіяхъ. Достигнувъ 71-го года, рабочій имѣетъ право получать отъ 72-хъ до 168 марокъ пенсіи, смотря по роду работъ, раздѣляющихся на пять классовъ. Онъ получаетъ ту же сумму, если дѣлается и ранѣе неспособнымъ къ труду, но вносилъ, въ теченіе пяти лѣтъ, опредѣленную сумму въ пенсіонную кассу, такъ какъ треть суммы на составленіе пенсіоннаго капитала вносятъ обязательно сами рабочіе, треть—фабриканты и хозяева промышленныхъ заведеній, и треть—правительство. Женщины получаютъ двѣ трети пенсіи, назначенной мужчинамъ. Еженедѣльный взносъ рабочихъ и хозяевъ установленъ отъ 12-ти до 28-ми пфенинговъ, смотря по роду работъ, и обязателенъ въ теченіе 47 недѣль въ году. Все это еще не богъ знаетъ какое благодѣяніе, и когда черезъ сорокъ лѣтъ составится, изъ всѣхъ этихъ взносовъ и прироста процентовъ, полная пенсіонная сумма, обезпечивающая подъ старость 13 мильоновъ нѣмецкихъ рабочихъ, легко можетъ быть, что число ихъ къ этому времени удвоится, а дороговизна жизненныхъ припасовъ возрастетъ до того, что на полтораста марокъ можно будетъ не жить, а умирать съ голоду. И, потомъ, всѣ цифры новаго закона положительно фантастичны, потому что число возрастанія рабочихъ, какъ число увѣчій, дѣлающихъ ихъ неспособными къ труду, не поддаются никакимъ вычисленіямъ. Въ рейхстагѣ были представлены разсчеты, утверждающіе, что въ пенсіонной кассѣ уже на 17-мъ году будетъ мильярдъ марокъ, причемъ восхвалялась финансовая оборотливость правительства имперіи, у котораго въ 1874 году не было ни копѣйки долгу, благодаря пяти мильярдамъ контрибуціи, выплаченной Франціею, а теперь, черезъ 15 лѣтъ, собственно имперскій долгъ, не считая долговъ отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ составъ имперіи, простирается до мильярда 239 мильоновъ марокъ.

И, не смотря на всѣ старанія канцлера, законъ о рабочихъ прошелъ

Digitized by Google

въ парламентѣ большинствомъ только 20-ти голосовъ (185 противъ 165-ти). Послѣднія пренія были особенно важны и интересны. Бамбергеръ поддерживалъ манчестерскую теорію невмѣшательства государства въ отношенія капитала къ труду. Гельдорфъ доказывалъ, напротивъ, необходимость вмѣшательства, въ виду опасности, возникающей для государства отъ пробужденія сознанія въ массахъ, когда въ Германіи слышатся шаги грядущихъ рабочихъ батальоновъ. Въ рѣчи своей канцлеръ призналъ важность соціальнаго вопроса для всего существующаго порядка. «Мы боремся теперь за государство, созданное медленной тысячелѣтней работой, противъ идеи, пытающейся пересоздать человѣчество на совершенно новыхъ началахъ, и не останавливающейся передъ мыслью, что вмѣстѣ съ современнымъ государствомъ можетъ погибнуть и вся наша культура. Кто хочетъ исполнить свой долгъ, тотъ долженъ смотрѣть прямо въ лицо опасности: нельзя утѣшать себя надеждой, что все само собой измѣнится. Только путемъ реформъ можно предупредить вспышки. Вестфальское движеніе кончилось благополучно, но можно ли поручиться, что будущія стачки будутъ имѣть такой же исходъ»? Ораторъ выразилъ далѣе мнѣніе, что нѣмцамъ, вынесшимъ на своихъ плечахъ реформацію, удастся исполнить и великую общественную реформу. «Въ революціонномъ движеніи конца прошлаго вѣка, празднуемомъ теперь Франціей среди внутреннихъ раздоровъ, рядомъ съ разрушительными и абсурдными стремленіями, были гуманныя, истинно христіанскія идеи, пробивающія себѣ дорогу лишь въ наши дни». Соціалистъ Бебель защищалъ свою партію противъ обвиненій Бисмарка. «Мы сѣемъ неудовольствія среди рабочихъ, — это правда. Но развѣ сознаніе неудовлетворительности своего положенія не составляетъ самаго могущественнаго побужденія къ улучшеніямъ? Еслибы не было партіи соціалистовъ, правительство и не подумало бы о соціальныхъ реформахъ, о своемъ государственномъ соціализмѣ. Побуждая страну къ улучшеніямъ, развивая сознаніе и энергію въ населеніи, соціалисты заслуживаютъ названія истинныхъ патріотовъ, нисколько не меньше людей, стоящихъ у власти». Рикертъ доказывалъ, что новый законъ удовлетворяетъ второстепеннымъ, а не насущнымъ нуждамъ народныхъ массъ, что пенсіи для рабочихъ недостаточны, а способъ распредѣленія ихъ непрактиченъ. Депутатъ замѣтилъ также, что заносчивость Бисмарка, его неприличное отношеніе ко всякому самостоятельному мнѣнію, его диктатура въ послѣднее время сдѣлались невыносимы, но что партія свободномыслящихъ будетъ всѣми силами отстаивать всякую свободу, и ей «не страшны даже десять такихъ канцлеровъ».

Понятно, что такія пренія не могли быть пріятны правительству и оно поспѣшило закрыть парламентъ тотчасъ послѣ утвержденія закона о рабочихъ. Нельзя же было продолжать подобныя парламентскія засѣданія

Digitized by Google

во время пребыванія въ Берлинѣ дорогаго гостя и союзника, итальянскаго короля, пріѣхавшаго отдать визитъ своему могущественному другу. Визитъ этотъ, конечно, предписывался дипломатическою учтивостью, но она вовсе не требовала, чтобы Гумбертъ привозилъ съ собой и своего перваго министра съ его канцеляріею. Поэтому слухи о заключеніи между Германіей и Италіею новой военной конвенціи, безъ участія Австріи, весьма правдоподобны. На банкетахъ и парадныхъ обѣдахъ провозглашалось столько тостовъ во славу храбрыхъ армій обѣихъ державъ, что по неволѣ припомнили, какъ на пиру въ Вѣнѣ, въ отвѣтъ на подобный тостъ Франца Іосифа въ честь храброй нѣмецкой арміи, Вильгельмъ не счелъ нужнымъ упомянуть о храбрости австрійцевъ, правда, неблистательной, но не уступавшей, въ послѣдней войнѣ съ итальянцами, своимъ противникамъ. Вѣдь Италію освободили отъ австрійцевъ все таки французы, и вездѣ, гдѣ регулярная итальянская армія одна встрѣчалась съ австрійской, послѣдняя оставалась побѣдительницею. Но объ Австріи и помину не было на берлинскихъ празднествахъ, хотя о вѣчномъ и тѣсномъ союзѣ говорилось на каждомъ шагу. Только союзъ этотъ явно забывалъ о томъ, что въ него входитъ еще и третья держава. О тройственной лигѣ мира никто и не заикнулся ни на обѣдахъ, ни въ газетахъ. Самый маршрутъ Гумберта, не черезъ Австрію прямымъ путемъ, а черезъ Швейцарію, не говорилъ въ пользу лиги. Зато ее, въ то же время, разомъ отдѣлывали въ трехъ парламентахъ. Въ австрійскомъ—депутатъ Яндо заявилъ, что союзъ съ Германіей обошелся Австріи дороже большой войны. Изъ любви къ союзнику, въ послѣднее десятилѣтіе, Австрія израсходовала на свою армію лишнихъ 800 мильоновъ гульденовъ, да переплатила 440 мильоновъ таможенныхъ пошлинъ за вывозъ къ союзнику своего зернового хлѣба. Это же увеличеніе хлѣбной пошлины повело къ тому, что Франція перестала покупать хлѣбъ въ Венгріи, что замѣтилъ депутатъ Пасманди въ венгерскомъ парламентѣ, и Тисса не отрицалъ этого факта. Въ тотъ же день, въ итальянской палатѣ, депутатъ Имбріани доказалъ, что союзъ съ Германіей и Австріей въ конецъ разорилъ Италію. Въ 1881 году итальянскіе финансы были въ цвѣтущемъ положеніи, доходъ превышалъ расходы на 51 мильонъ франковъ. Въ 1882 году заключена лига мира, и въ семь лѣтъ дефицитъ бюджета Италіи возросъ до 461-го мильона франковъ, а народъ положительно гибнетъ подъ тяжестью налоговъ. Мудрено ли, что въ самый день отъѣзда Гумберта въ Берлинъ, городъ Миланъ послалъ въ Парижъ телеграмму съ заявленіемъ, что итальянскій народъ не придаетъ никакого значенія поѣздкѣ короля, и этотъ актъ простой вѣжливости не долженъ быть смѣшиваемъ съ народнымъ чувствомъ. Во всей миланской провинціи, тотчасъ по отъѣздѣ короля, вспыхнуло сильное аграрное волненіе, разразившееся сценами грабежа и насилій:

Digitized by Google

разгромили нѣсколько усадьбъ, сожгли дома, виноградники. Въ Корбетѣ войска, стрѣляя въ народъ, положили многихъ на мѣстѣ; въ Бореджіо двѣ тысячи крестьянъ двинулись на ратушу съ крикомъ: смерть войскамъ! Бунтовщиковъ разогнали, но съ большими потерями. Такому положенію дѣла не помогутъ никакіе союзы. Симпатіи итальянцевъ, какъ бы ни усердствовало ихъ правительство, принадлежатъ вовсе не нѣмцамъ, а родственной латинской расѣ, французамъ, да и сами нѣмцы, то есть народъ, а не чиновники, не очень сочувствуютъ своимъ заальпійскимъ друзьямъ.

Берлинскій муниципалитетъ хотѣлъ, правда, дать блистательный праздникъ въ ратушѣ въ честь итальянскаго короля и въ присутствіи императора, но Вильгельмъ не захотѣлъ, чтобы его подданные да еще свободномыслящіе,—такъ какъ оберъ-бургомистръ Берлина, Форкенбекъ, и дума столицы принадлежатъ къ этой партіи,—чествовали августѣйшаго гостя. Думѣ разрѣшили только—назначить сумму для украшенія города, да позволили Форкенбеку прибыть на дебаркадеръ для пріема Гумберта. Тогда фрондирующая дума назначила на украшенія улицъ не очень крупную сумму, да и то—большинствомъ только одного голоса и всего за три дня до пріѣзда короля. Надо было торопиться съ устройствомъ тріумфальныхъ арокъ, но тутъ—новое препятствіе: каменщики отказались работать и потребовали увеличенія платы. Изъ затруднительнаго положенія вывело правительство—отправивъ солдатъ строить столбы и арки—и все поспѣло во-время. Праздники носили исключительно военный характеръ. Вотъ что говоритъ объ нихъ одна независимая берлинская газета: «мы не припомнимъ, чтобы когда нибудь, при свиданіи монарховъ, военный элементъ игралъ такую преобладающую роль. Король ѣхалъ по улицамъ между шпалерами солдатъ, за которыми не видалъ народа. На парадѣ въ Темпельгофѣ ему показали тѣхъ же солдатъ—во второй разъ, въ Потсдамѣ—въ третій разъ; на примѣрномъ сраженіи подъ столицей—въ четвертый разъ, на военномъ концертѣ—въ пятый. На обѣды приглашались только военные, въ театрѣ не военнымъ отведено было только десятка два мѣстъ. Даже предсѣдателя рейхстага не пригласили для встрѣчи короля—и всѣ члены рейхстага рѣшили не принимать никакого участія въ торжествѣ. А между тѣмъ римскій сенатъ и палата вмѣстѣ съ городскимъ управленіемъ привѣтствовали германскаго императора, въ моментъ его прибытія въ вѣчный городъ. Въ тостахъ и привѣтствіяхъ монарховъ говорилось объ одномъ войскѣ. Парады представляли чисто театральное зрѣлище. Въ Потсдамѣ полки маршировали даже по деревянному помосту, чтобы пыль, поднятая «шагомъ журавлинымъ», не мѣшала любоваться ихъ театральными костюмами: шапками гвардейскаго полка временъ Фридриха II, въ родѣ нашихъ павловскихъ, мундирами лейбъ-гусаровъ, также похожими на

Digitized by Google

наши, кавалергардами въ черныхъ кирасахъ на бѣломъ мунди рѣ, подаренныхъ Николаемъ I, кирасирами съ серебряными трубами, также подаркомъ русскаго императора. Напрасно берлинскіе офиціозы и газетныя рептиліи изъ кожи лѣзли, чтобы убѣдить публику, что между двумя націями заключенъ братскій, священный, неразрывный союзъ; устроили даже обѣдъ въ честь корреспондентовъ итальянскихъ газетъ и прославляли союзъ на всѣ лады, а итальянцы только кланялись и благодарили. Депутаты правительственной партіи въ рейхстагѣ дали ужинъ въ честь Криспи, и извѣстный Штекеръ произнесъ рѣчь, съ цѣлью разъяснить важное значеніе поцѣлуя, которымъ обмѣнялись Бисмаркъ и Криспи при свиданіи: «поцѣлуй, полученный итальянскимъ президентомъ министровъ отъ канцлера—совсѣмъ особаго рода; онъ данъ въ присутствіи всей публики, его видѣла вся Германія, объ немъ услышатъ въ отдаленнѣйшихъ долинахъ Австріи, въ избирательныхъ округахъ Имбріани, всѣ враги политики Криспи. Это—политическій поцѣлуй громаднаго значенія, хотя о такомъ родѣ поцѣлуевъ не говоритъ литература». Трудно представить себѣ, чтобы такія пошлости говорились и слушались серьезными людьми, еслибы дѣло происходило не послѣ ужина съ обильными возліяніями. Но весь эффектъ раздутаго и взмыленнаго свиданія исчезъ отъ инцидента, которымъ едва не завершился королевскій визитъ: газеты вдругъ разнесли извѣстіе, что императоръ, провожая своего гостя въ обратный путь, заѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ въ Страсбургъ—показать Гумберту новое завоеваніе имперіи. Франція взволновалась при этомъ извѣстіи. Газеты справедливо увидѣли въ этомъ вызовъ, брошенный въ лицо дружественной державѣ. Испугалось и итальянское министерство за послѣдствія такого шага, противъ котораго поднялись голоса и въ Италіи. Кабинетъ объявилъ сговорчивому Криспи, что онъ можетъ сколько ему угодно цѣловаться съ Бисмаркомъ, но что если Гумбертъ пріѣдетъ въ Страсбургъ, всѣ министры выйдутъ въ отставку. Дружба съ Германіей не настолько ослѣпила Гумберта, чтобы онъ рѣшился на окончательный разрывъ съ Франціей—и онъ отказался отъ своего намѣренія. Офиціозы тотчасъ заговорили, что посѣщеніе Страсбурга никогда и не имѣлось въ виду, что слухъ этотъ распространенъ биржевыми спекуляторами. Но эти объясненія явились слишкомъ поздно: французскія газеты успѣли уже высказать нѣсколько горькихъ истинъ королю Гумберту, а нѣмецкія, особенно альзасскія, напечатали уже распоряженія о репетиціяхъ парада страсбургскаго гарнизона, о присылкѣ въ Страсбургъ придворныхъ экипажей и пр. Безтактный проэктъ, хотя и не состоявшійся, еще болѣе обострилъ натянутыя отношенія между правительствами Франціи и Италіи.

Франція продолжаетъ заниматься своею всемірной выставкой, которая все еще не готова и не пополнилась по многимъ отдѣламъ. Не

Digitized by Google

смотря на это, она пользуется огромнымъ успѣхомъ, и въ ней уже теперь перебывало вдвое больше посѣтителей, чѣмъ на выставкѣ 1878 года. Увеселительная часть на нынѣшней выставкѣ преобладаетъ, и парижскіе театры, рестораны, кафе-шантаны подали прошеніе въ министерство, чтобы выставку закрывали по вечерамъ, такъ какъ публика совершенно перестала посѣщать столичныя заведенія. Имъ, разумѣется, отвѣчали отказомъ, такъ какъ они сами не умѣли привлечь публику разнообразіемъ увеселеній или оттолкнули ее дороговизною цѣнъ. Нельзя сказать, чтобы и выставка отличалась дешевизной, но тамъ сосредоточено, по крайней мѣрѣ, столько удовольствій, что всего и не пересмотрѣть. Правительство захотѣло однако доказать, что оно думаетъ и о серьезныхъ вещахъ, и возобновило засѣданія палаты, въ которыхъ начались пренія о бюджетѣ. Прежде, конечно, депутаты сочли нужнымъ, поднять между собою сильную перебранку все изъ-за того же политическаго шарлатана, дѣло котораго все еще изслѣдуетъ сенатъ. Партизаны его начали требовать отвѣта у министерства, почему оно такъ долго затягиваетъ слѣдствіе. Кабинетъ логично отвѣчалъ: спросите объ этомъ у сената. Этимъ, конечно, не могли довольствоваться крикуны палаты и двое изъ нихъ, Лагеръ и Кассаньякъ, наговорили столько любезностей правительству, что ихъ подвергли высшему парламентскому наказанію—цензурѣ, то есть запретили имъ говорить въ теченіе извѣстнаго времени. Кассаньякъ даже и не буланжистъ, а просто захотѣлъ поругаться при удобномъ случаѣ, а Лагеръ доходилъ въ своихъ рѣчахъ до крайнихъ предѣловъ невоздержности. Такъ объясняя, къ счастью, не въ палатѣ, почему «бравый генералъ» долженъ былъ уѣхать изъ Франціи, онъ сказалъ: «мы, друзья его, настояли на этомъ, потому что министры-воры легко могли сдѣлаться и министрами-убійцами». Нельзя не признать такихъ эпитетовъ слишкомъ рискованными. Достаточно и того, еслибъ Лагеръ назвалъ ихъ не болѣе, какъ лгунами, а этого они вполнѣ заслуживали, представляя палатѣ свой бюджетъ, въ которомъ всѣ цифры невѣрны и подтасованы. Министръ финансовъ сравниваетъ бюджетъ Франціи съ бюджетомъ другихъ державъ и находитъ, что она издерживаетъ меньше ихъ, но министръ умалчиваетъ о дополнительныхъ кредитахъ, а они нерѣдко превышаютъ смѣтныя назначенія по всѣмъ министерствамъ. Налоги въ республикѣ меньше, чѣмъ въ монархіяхъ, говоритъ отчетъ, не принимая въ разсчетъ того, сколько податей приходится на долю каждаго гражданина. А между тѣмъ, въ то время, когда нѣмецъ круглымъ числомъ платитъ 20 франковъ податей, русскій 35, австріецъ 50, бельгіецъ 58, итальянецъ 61, французъ платитъ 110 франковъ. Общій оборотъ французской торговли, простиравшійся въ 1880 году до 8 мильярдовъ, теперь составляетъ только $7^1/_4$ мильярдовъ. Государственный долгъ возросъ до 34 мильярдовъ. Развѣ это можно назвать цвѣту-

Digitized by Google

щимъ положеніемъ? Правительство думаетъ не о благѣ страны, а о томъ, какъ бы ему подольше попользоваться властью; палата старается захватить власть въ свои руки, депутаты заботятся только о томъ, чтобы удержать за собою мѣста на осеннихъ выборахъ. Карно разъѣзжаетъ по департаментамъ, вербуя себѣ приверженцевъ. Даже Жюль Ферри, не рѣшавшійся четыре года взойти на парламентскую трибуну, произнесъ рѣчь о пользѣ народнаго образованія, чтобъ этимъ доказать свою благонамѣренность и еще разъ сдѣлаться первымъ министромъ. Всѣ о себѣ и никто о Франціи!

Сѣверо-Американскіе Штаты праздновали, почти въ одно время съ Франціей, столѣтнюю годовщину избранія первымъ президентомъ республики Джорджа Вашингтона. Отчизна его имѣетъ полное право гордиться успѣхами, какихъ она достигла во всѣхъ отрасляхъ культуры, въ теченіе этого столѣтія. Въ то время, когда французская республика перемѣнила въ это время десятка два конституцій и режимовъ, пережила эпоху террора, двухъ имперій, двухъ монархій, множество внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ, республика американская не сдѣлала никакихъ существенныхъ измѣненій въ своей федеральной конституціи, составленной въ Филадельфіи и принятой весьма неохотно. Въ Нью-Гемпширѣ, послѣ двухмѣсячныхъ преній, она была принята большинствомъ только 11-ти голосовъ, въ Массачузетсѣ—19-ью голосами, въ Виргиніи—10-ью, въ другихъ штатахъ и того меньше. Даже когда она вступила въ дѣйствіе въ 1789 году, она не была принята еще Родъ-Эйландомъ и Сѣверной Каролиной, а въ самомъ Нью-Іоркѣ оппозиція ей была такъ велика, что этотъ штатъ не принялъ вовсе участія въ выборахъ перваго президента республики. И между тѣмъ она вышла невредимой изъ всѣхъ испытаній, справилась съ иностранными войнами и страшной междоусобной войной, съумѣла обойти опасность территоріальнаго увеличенія и присоединенія земель съ чуждымъ населеніемъ, избѣгнула двухъ вредныхъ крайностей: стремленія отдѣльныхъ штатовъ къ полной независимости отъ союза, и централизаціи. Наконецъ, поглощая ежегодно до полумильона европейскихъ эмигрантовъ, она быстро умѣетъ превращать ихъ въ самостоятельныхъ гражданъ республики, такъ что теперь эти заатлантическіе республиканцы, хотя и составляютъ менѣе пятнадцатой части населенія земного шара, но производятъ третью часть всего минеральнаго богатства на землѣ, четвертую часть всѣхъ мануфактуръ, пятую часть сельско-хозяйственныхъ произведеній, и владѣютъ шестою частью богатствъ всего міра. Двѣнадцать мильоновъ учащихся посѣщаютъ 365 университетовъ и коллегій (въ томъ числѣ 200—для женщинъ) и 450 высшихъ спеціальныхъ школъ. Три дня, начиная съ 30-го апрѣля, праздновали сѣвероамериканцы свой «Washingtons Centennial» процессіями, балами, иллюминаціями, парадами, на которыхъ

Digitized by Google

участвовало до 52,000 милиціонеровъ, рѣчами, изъ которыхъ многія отличались если не торжественностью, то оригинальностью. Такъ, епископъ Портеръ бросилъ камень въ огородъ президента и всего правительства, сказавъ, что Вашингтонъ назначалъ лицъ на должности въ республикѣ, единственно имѣя въ виду ихъ способности, а теперь это назначеніе дѣлается только въ силу услугъ своей партіи. И если страна ушла далеко впередъ за эти сто лѣтъ, въ матеріальномъ отношеніи, то въ нравственномъ она безспорно пошла назадъ—и это, къ сожалѣнію, правда.

НОВЫЯ КНИГИ.

Эмиль де-Лавелэ. **Балканскій полуостровъ.** Переводъ съ французскаго, съ примѣчаніями и дополненіями *Ник. Евг. Васильева.* Москва. 1889.

Это новое изданіе почтеннаго ревнителя просвѣщенія К. Т. Солдатенкова даетъ гораздо болѣе того, что́ обѣщаетъ его заглавіе. Собственно переводъ сочиненія извѣстнаго бельгійскаго публициста занимаетъ 625 страницъ, но изъ нихъ 212 заняты примѣчаніями переводчика. Затѣмъ слѣдуютъ еще семь отдѣльныхъ приложеній и 21 статья въ дополненіи, занимающія 488 страницъ. Поэтому, изъ 1120 страницъ книги русскому автору принадлежитъ 700, то есть почти двѣ трети. Сочиненіе Лавелэ пользуется большой извѣстностью въ западной Европѣ, хотя уже нѣсколько устарѣло. Оно написано вслѣдъ за окончаніемъ войны 1878 года, а въ десять лѣтъ и политическія событія, и взгляды на нихъ нерѣдко совершенно измѣняются. Путешествіе Лавелэ по Балканскому полуострову написано въ формѣ легкихъ путевыхъ замѣтокъ, хотя и совершалось съ серьезною цѣлью—изученія странъ, только что бывшихъ театромъ военныхъ дѣйствій и политическихъ перемѣнъ. Публицистъ, спустившись по Рейну, отправился черезъ Вѣну въ Боснію. Въ бѣглыхъ замѣткахъ первыхъ главъ, онъ касается однако многихъ важныхъ вопросовъ австрійскаго федерализма, системы графа Таафе и Кальноки, желѣзныхъ дорогъ, австрійскихъ славянъ, хорватской задруги, говоритъ о Кантѣ и Шопенгауерѣ, о Лудвигѣ Нуаре и Гогенцоллернахъ, о вѣнской журналистикѣ и епископѣ Штросмайерѣ. Двѣ обширныя главы посвящены изученію Босніи, ея исторіи, сельскому хозяйству, источникамъ ея богатствъ, характеристикѣ жителей. О Сербіи говорится меньше и свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, болѣе поверхностны и отрывочны. На Болгаріи авторъ дольше останавливается и посвящаетъ ей четыре главы, съ

Digitized by Google

Румеліею и Македоніею. Но здѣсь и начинаются поправки и дополненія переводчика, совершенно необходимыя, такъ какъ Лавелэ нерѣдко высказывалъ совершенно невѣрныя сужденія и дѣлалъ слишкомъ опрометчивые выводы. Г. Васильевъ говоритъ совершенно основательно, что современную исторію болгарскаго княжества многіе излагали гораздо подробнѣе, яснѣе и правдивѣе, чѣмъ Лавелэ. Главная причина невѣрности многихъ изъ его показаній и заключеній—та, что онъ стоитъ за преобладаніе Австріи на Балканскомъ полуостровѣ и поэтому является нашимъ политическимъ недругомъ, нисколько не скрывая этого. Онъ приходитъ въ восторгъ отъ выправки австрійскихъ офицеровъ и очаровательной красоты ихъ мундировъ, распространяется объ упругости мышцъ англійскаго консула и совершенно умалчиваетъ о томъ, что сдѣлали русскіе для полуострова; извращаетъ факты, даже клевещетъ, какъ напримѣръ, по поводу защиты Шипки. На все это указываетъ переводчикъ, опровергая, мѣстами на десяткахъ страницъ, ложь, высказываемую Лавелэ въ десяти строкахъ; приводитъ, въ опроверженіе показаній Левелэ, новыя версіи систовскаго и румелійскаго переворота, отозванія въ Россію генерала Лѣсоваго и русскихъ офицеровъ, о трусости Батенберга подъ Сливницею и бѣгствѣ его изъ арміи въ Софію. Приходится опровергать даже такія свѣдѣнія, сообщенныя Лавелэ, какъ о земледѣліи, ремеслахъ и торговлѣ Болгаріи. Послѣ весьма поверхностной и совершенно фельетонной главы о Константинополѣ и устройствѣ Турціи, г. Васильевъ подробно, на 36-ти страницахъ мелкаго шрифта, излагаетъ содержаніе двухъ статей Лавелэ о Россіи, проникнутыхъ такимъ же недружелюбіемъ къ намъ, какъ и вся его книга. Одна изъ этихъ статей основана на извѣстномъ сочиненіи Ростислава Фадѣева, изъ котораго г. Васильевъ дѣлаетъ обширныя выписки. Послѣдняя глава французской книги посвящена Румыніи. И тутъ необходимо было опровергать автора, особенно по поводу дѣйствительнаго значенія участія румынскихъ войскъ въ восточной войнѣ и о претензіяхъ Румыніи къ Россіи, предъявленныхъ на берлинскомъ конгрессѣ. Въ концѣ книги помѣщены еще обширныя примѣчанія (85 страницъ) по поводу отношеній Лавелэ къ Россіи и отношенія русскихъ писателей къ балканскимъ славянамъ. Здѣсь сгруппированы мнѣнія Достоевскаго, Татищева, Слонимскаго, даже Глѣба Успенскаго, что уже совершенно излишне, такъ какъ изо всѣхъ этихъ писателей только одинъ Татищевъ можетъ быть компетентнымъ судьею въ данномъ вопросѣ. Въ приложеніяхъ помѣщено нѣсколько небольшихъ, но не лишенныхъ интереса статей о старой Сербіи, о задругѣ и происхожденіи болгаръ, положеніи Македоніи, турецкомъ управленіи и пр. Затѣмъ, болѣе 440 страницъ занимаютъ обширныя дополненія. Тутъ помѣщены и «Записки епископа Софронія», и болгарская конституція, и русскія сообщенія, и письма изъ «Правительственнаго Вѣстника», и подробности о

Digitized by Google

сербско-болгарской войнѣ, о финансахъ, учебномъ дѣлѣ, духовенствѣ Болгаріи; приведена характеристика нѣкоторыхъ изъ современныхъ болгарскихъ дѣятелей и пр.—Вообще книга г. Васильева представляетъ большой интересъ, хотя, безъ ущерба для нея, могла бы подвергнуться значительному сокращенію.

Памяти В. М. Гаршина. Художественно-литературный сборникъ. Спб. 1889.

Красный цвѣтокъ. Литературный сборникъ въ память Всеволода Михайловича Гаршина. Спб. 1889.

При взглядѣ на эти два сборника, изданные съ одною цѣлью, посвященные памяти одного и того же даровитаго писателя, прежде всего приходитъ въ голову мысль, что даже и такая благая цѣль не можетъ у насъ соединить въ одно цѣлое литературную братію, заставить ее дѣйствовать единодушно, безъ мелкихъ дрязгъ и безъ личныхъ препирательствъ, разсчетовъ. «Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти В. М. Гаршина,—говорятъ гг. Альбовъ, Баранцевичъ и Лихачевъ, въ предисловіи къ «Красному цвѣтку»,—у насъ возникла мысль почтить его память изданіемъ литературнаго сборника, и съ этою цѣлью мы обратились къ собратьямъ-писателямъ съ просьбою присылать намъ беллетристическія произведенія, воспоминанія о Гаршинѣ, его письма и проч. Призывъ нашъ не остался безъ отзыва: то, что заключается въ сборникѣ, составляетъ лишь незначительную часть полученнаго матеріала. Тѣмъ не менѣе, далеко не всѣ силы русской литературы участвуютъ въ сборникѣ. Произошло это главнымъ образомъ потому, что явилось изданіе другаго сборника съ рѣшительнымъ намѣреніемъ его издателей довести это дѣло до конца отдѣльно отъ насъ, въ строго замкнутомъ кружкѣ. Такимъ образомъ, случилось то, чего мы всѣми средствами старались избѣгнуть, что́ является неизлѣчимой язвой въ литературной семьѣ—явилась рознь и мы остались одни при своихъ слабыхъ силахъ». Все это очень жалостливо, но въ то же время очень неясно: почему произошла рознь? для чего отдѣлились сепаратисты? Неужели нельзя было сговориться даже надъ свѣжей могилой, поступиться своими личными претензіями, мелочными самолюбіями? Прямое, откровенное указаніе на факты было бы приличнѣе этихъ запутанныхъ фразъ, ничего не объясняющихъ. Гг. Альбовъ и Баранцевичъ сочли, кромѣ того, нужнымъ, для оправданія поздняго выхода въ свѣтъ ихъ сборника, пожаловаться еще на какое-то лицо, добровольно принявшее на себя весь матеріальный рискъ изданія, но отказавшееся отъ него въ послѣднюю минуту. «И мы вынуждены были бы сложить оружіе,—говорятъ они съ напускнымъ паѳосомъ,—еслибы землякъ Гаршина, А. Е. Алѣевъ, не явился на помощь и не принялъ на себя неисполненнаго упомянутымъ лицомъ, по отношенію къ намъ, обязательства». Кажется, прежде всего слѣдовало бы позаботиться объ

Digitized by Google

исполненіи обязательствъ передъ семьею покойнаго писателя, передъ публикою, но издатели очень развязно упоминаютъ только объ обязательствахъ по отношенію къ нимъ. Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Посмотримъ теперь на содержаніе сборника «Красный цвѣтокъ». Стоитъ онъ вдвое дешевле перваго, но меньше объемомъ и форматомъ (282 страницы и 330), не говоря уже о томъ, что къ первому приложены 24 отдѣльныхъ рисунка разныхъ художниковъ, между которыми—то есть между рисунками—есть много весьма удачныхъ, хотя бо́льшая часть не имѣетъ никакого значенія и приткнуты тутъ, какъ говорится; ни къ селу, ни къ городу. Художественная часть «Краснаго цвѣтка» ограничивается политипажемъ, изображающимъ Гаршина въ гробу, да довольно аляповатою оберткою съ автографомъ писателя и двумя снимками этого цвѣтка. Вообще мысль—назвать сборникъ именемъ далеко не лучшаго произведенія Гаршина, написаннаго имъ въ состояніи психическаго разстройства—нельзя назвать счастливою. Но въ сборникъ внесли свою лепту сорокъ писателей (въ первомъ сборникѣ ихъ всего 19). Десять человѣкъ прислали свои интимныя и литературныя воспоминанія о Гаршинѣ, и нельзя сказать, чтобы въ нихъ сообщалось что нибудь новое и интересное. Въ біографіи писателя приведены всѣ рѣчи, сказанныя надъ его могилою: это врядъ ли нужно было дѣлать. Въ первыя минуты горя, современниками говорится многое, о чемъ напрасно сообщать потомкамъ. Такъ, г. Баранцевичъ сказалъ, что Гаршинъ писалъ правду—не ту, которую мы видимъ вокругъ себя, а ту, о которой Левъ Толстой сказалъ, что надо писать не то, что́ должно быть, а правду царствія божія, которое близится, но котораго еще нѣтъ». Стало быть, по смыслу этой напыщенной фразы, «Красный цвѣтокъ»,—сказка, правда божьяго царства, котораго еще нѣтъ? И какимъ образомъ Гаршинъ могъ унести въ могилу «хотя частицу страданій міра» — этого мы уже рѣшительно не понимаемъ. Г. Ясинскій говоритъ: «мы хоронимъ нашу славу. Уста нѣмѣютъ передъ громадностью утраты... Горе намъ!» Г. Горбуновъ (не Иванъ Ѳедоровичъ, а какой-то уполномоченной какой-то издательской фирмы) говоритъ: «и теперь уже толпы крестьянъ просвѣтляются свѣтомъ твоей любви и, быть можетъ, проникаются страстнымъ протестомъ противъ торжества братоубійственнаго насилія». Къ чему эти громкія фразы? къ чему до такой крайности раздувать значеніе писателя даровитаго, но только что начинавшаго свое поприще? Далѣе, въ воспоминаніяхъ о Гаршинѣ, г. И. Павловскій ставитъ въ заслугу студентамъ, что они засыпали, когда онъ читалъ имъ «Натана Мудраго»; г. Васильевъ восхищается тѣмъ, что покойный, дерзко оскорбленный постороннимъ лицомъ, безропотно отошелъ и заплакалъ; г. Гаринъ нашелъ, что у Гаршина были

Digitized by Google

«міровые глаза». Неужели подобныя «воспоминанія» необходимы для характеристики покойнаго!

Второй, литературный, отдѣлъ сборника состоитъ изъ множества стиховъ, весьма заурядныхъ, гг. Полонскаго, Майкова, Голенищева-Кутучова, Чюминой, Фруга и др., и изъ прозаическихъ отрывковъ, также ничѣмъ не выдающихся. Издатели сборника должны были бы, по крайней мѣрѣ, внести въ него что нибудь болѣе существенное. Между тѣмъ, г. Альбовъ помѣстилъ «Прологъ романа», гдѣ разсказывается, какъ плѣнительный юноша на василеостровскомъ бульварѣ уговариваетъ чужую жену ѣхать съ нимъ на Минерашки. Она сначала колеблется, потомъ соглашается и онъ нанимаетъ извощика «туда и обратно»,—вотъ и все. Г. Баранцевичъ написалъ фантастическую поэму «Прахъ» въ прозѣ, но четырехъ и трехстопнымъ амфибрахіемъ, безъ риѳмъ и безъ раздѣленія на стихи. Содержаніе ея въ томъ, что сто лѣтъ тому назадъ хоронятъ секундъ-майора, а теперь въ ту же могилу, уже сравнявшуюся съ землею, кладутъ на гробъ воина гробъ съ трупомъ актера, чѣмъ майоръ очень обижается, хоть отъ него остался только черепъ безъ нижней челюсти, да стальная пряжка, попавшая во впадину глаза и зловѣще сверкавшая. Черепъ съ пряжкой на глазу, сверкавшей (какимъ образомъ?) на трехаршинной глубинѣ подъ землею и еще подъ другимъ гробомъ, спрашиваетъ: гдѣ же справедливость, что скомороховъ хоронятъ съ такимъ же почетомъ, какъ храбрыхъ воиновъ. Авторъ отвѣчаетъ ему, что «всѣ лежащіе здѣсь равны одной участью общей».—Сообщивъ эту новость, трупы перестаютъ бесѣдовать. Г. Лихачевъ перевелъ очень туманные стихи Луизы Акерманъ, поэтессы пессимизма. Этимъ ограничивается лепта, принесенная составителями сборника памяти ихъ друга. Произведенія остальныхъ вкладчиковъ, къ сожалѣнію, также напоминаютъ немножко грубую, но полную глубокаго смысла поговорку: «на тебѣ, Боже, что̀ намъ не гоже».

Немногимъ лучше и статьи перваго сборника, гдѣ лицами, принявшими на себя веденіе дѣла, являются гг. Плещеевъ, Гердъ, Абрамовъ, Морозовъ, Малышевъ и Ярошенко. Гг. Плещеевъ, Мережковскій, Михайловскій помѣстили тутъ свои статьи, уже напечатанныя въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», г. Успенскій—въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» г. Сикорскій—въ «Медицинскомъ журналѣ», стало быть внесли свои лепты, уже получивъ лепту съ періодическихъ изданій. Г. Абрамовъ не потрудился даже навести должную справку и утверждаетъ, что извѣстная фраза Гоголя «очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ» находится въ «Горѣ отъ ума», не подумавъ даже о томъ, можно ли эту цитату уложить въ ямбическій стихъ. Послѣднею статьею въ сборникѣ и, разумѣется, первою въ немъ, стоящею неизмѣримо выше всѣхъ этихъ жалкихъ лептъ, является сказка нашего великаго, только что навѣки умолкшаго

Digitized by Google

сатирика Щедрина: «Воронъ-Челобитчикъ». Тутъ столько неподражаемаго юмора, глубокихъ мыслей, блестящаго остроумія, что за одну эту сказку можно отдать всѣ 65 произведеній обоихъ сборниковъ. Передать этотъ великолѣпный разсказъ о томъ, какъ старый воронъ ищетъ защиты у сильныхъ въ мірѣ птицъ, у кречетовъ, ястребовъ и коршуновъ (высказывая имъ правду о гибели вороньяго рода) и какъ старый коршунъ объявляетъ ему, что «хороша правда, дане во всякое время, и не на всякомъ мѣстѣ ее слушать пригоже»,—можно только словами самого сатирика—а сдѣлать этого, въ нашихъ краткихъ отчетахъ о новыхъ явленіяхъ въ нашей литературѣ, мы не можемъ.

В. И. Немировичъ-Данченко. **Очерки Испаніи.** Изъ путевыхъ воспоминаній. Томы I и II. Москва. 1889.

Имя автора, произведенія котораго являются и отдѣльными книгами, и почти во всѣхъ петербургскихъ, московскихъ и провинціальныхъ изданіяхъ, слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы необходимо было говорить о его значеніи. И какъ этнографъ-беллетристъ, и какъ романистъ, онъ давно пріобрѣлъ расположеніе публики, которая охотно читаетъ его произведенія и въ журналахъ, и собранными въ книги. «Очерки Испаніи» были уже напечатаны въ разныхъ газетахъ, и теперь, изданные въ двухъ томахъ, читаются съ тѣмъ же интересомъ и удовольствіемъ, не смотря на то, что занимаютъ болѣе 1000 страницъ. И это еще далеко не вся Испанія, а только три провинціи ея: Кастилія, Леонъ, Аррагонія. Нѣтъ тутъ ни боя быковъ, ни жизни контрабандистовъ, ни испанскихъ пѣсенъ и плясокъ. Все это авторъ обѣщаетъ описать въ слѣдующихъ томахъ, посвященныхъ Андалузіи, Мурсіи, Валенсіи и другимъ провинціямъ. Зато тутъ чрезвычайно подробно описана столица Испаніи, со всѣми ея праздниками, торжествами, процессіями, театрами, уличною жизнью, нищими, женщинами, музеями (музею Прадо и его великимъ художникамъ посвящено болѣе сотни страницъ). Тутъ же очерчена и политическая жизнь страны: палата депутатовъ, парламентскіе дѣятели: Сагаста, Кановасъ, Виллакампо, Кастеляръ, писатели, журналисты. Затѣмъ слѣдуютъ картины отдѣльныхъ городовъ и мѣстностей: Барселоны, Эскуріала, Сеговіи, Вальядолида, Бургоса, Аранхуэса, Толедо и пр. Общій выводъ автора объ этой части внутренней Испаніи далеко не утѣшителенъ. Онъ находитъ, что въ ея душномъ воздухѣ еще чудится дымъ костровъ инквизиціи, который мѣшаетъ остальнымъ ея областямъ занять мѣсто, принадлежащее имъ по праву въ семьѣ европейскихъ народовъ. Обладаніе одною изъ лучшихъ конституцій въ мірѣ—не принесло Испаніи никакой пользы: политическая дѣятельность страны направлена не на благо отечества, а на борьбу даже не партій, а отдѣльныхъ личностей. Невѣжество и разореніе—повсемѣстныя. Вліяніе католическаго духовенства на народъ самое гибельное; военные—заговорщики по ремеслу, чи-

Digitized by Google

новники думаютъ только о наживѣ; безграничная свобода на бумагѣ и безграничный произволъ на дѣлѣ. Г. Немировичъ называетъ прямо Испанію—страною, умирающею въ агоніи, полной печальнаго величія. Не слишкомъ ли уже сгустилъ онъ краски въ своихъ очеркахъ? Все его заключеніе проникнуто самымъ безотраднымъ пессимизмомъ. Будемъ надѣяться, что красоты южной Испаніи, которыя авторъ обѣщаетъ обрисовать въ слѣдующихъ томахъ своего путешествія, дадутъ другое направленіе нерѣдко увлекательнымъ картинамъ, но уже черезъ чуръ увлекающагося автора.

К. С. Баранцевичъ. **Новые разсказы.** Спб. 1889.

Женитьба Днѣприна, романъ въ двухъ частяхъ. Сочиненіе *П. Ф. Звержинскаго.* Спб. 1888.

Четыре года тому назадъ, г. Баранцевичъ издалъ томъ повѣстей и разсказовъ: «Подъ гнетомъ», возбудившій надежды на дальнѣйшее развитіе таланта молодаго автора. Мы признали также этотъ талантъ и дали объ немъ сочувственный отзывъ. Черезъ годъ явились «Порванныя струны и другіе разсказы», но уже слабѣе первыхъ, что не исключало, впрочемъ, надеждъ на возможность усовершенствованія автора. Еще черезъ годъ вышли «Маленькіе разсказы», юмористическій сборникъ, составленный изъ статеекъ, помѣщенныхъ большею частью въ такъ называемомъ сатирическомъ журналѣ «Осколки». Тутъ ужь никакъ нельзя было похвалить автора, явно втянувшагося въ фельетонное борзописаніе и въ газетную поставку столькихъ-то статей, къ такому-то сроку, въ заранѣе опредѣленномъ размѣрѣ. Какое же развитіе дарованія мыслимо при подобныхъ условіяхъ своего рода каторжной работы? Мы указали на невозможность создать что либо выдающееся въ сотнѣ строкъ и на необходимость обратиться къ болѣе обдуманному и отдѣланному роду произведеній. Самъ глава этой отрывочной литературы, несомнѣнно талантливый Н. А. Лейкинъ, въ послѣднее время пишетъ хотя и ежедневно, но большею частью послѣдовательныя сцены, имѣющія связь между собою и соединяемыя потомъ въ цѣлые романы, а даровитѣйшій изъ его послѣдователей, г. Чеховъ, только тогда обратилъ на себя вниманіе публики, когда принялся за обширныя, вполнѣ выдержанныя созданія. Задумалъ и г. Баранцевичъ создать нѣчто цѣлое, обширное и, вмѣстѣ съ фельетонными разсказами, издалъ въ прошломъ году двухтомный романъ «Раба». Но и о длинномъ произведеніи автора, какъ и о его короткихъ статьяхъ, мы принуждены были сказать, что оно очень слабо. Теперь г. Баранцевичъ является съ новымъ томомъ изъ 24-хъ разсказовъ, занимающихъ 440 страницъ слишкомъ. Но и теперь мы не можемъ измѣнить нашего мнѣнія о дарованіи автора, не подвинувшемся впередъ въ теченіе пяти лѣтъ, какъ не подвинулись впрочемъ и его сверстники, выступившіе вмѣстѣ съ нимъ на литера-

Digitized by Google

турное поприще,—гг. Альбовъ, Короленко, Каронинъ и др. Нѣкоторые изъ новыхъ разсказовъ г. Баранцевича напоминаютъ его первые, болѣе удачные очерки, но бо́льшая часть не выдержана и носятъ на себѣ слѣды спѣшной работы, заказанной къ сроку. Такъ, первый и самый обширный разсказъ «Мыши», названный авторомъ «страннымъ происшествіемъ», хотя его вѣрнѣе было бы назвать нелѣпымъ, состоитъ въ томъ, что полоумный чиновникъ видитъ во снѣ мышей, что́ предвѣщаетъ несчастіе, а онъ получаетъ наслѣдство. Этотъ пустой сюжетъ растянутъ неправдоподобнымъ бѣганьемъ героя по городу и бесѣдами съ какимъ-то философомъ, живущимъ на крышѣ. «Друзья»—избитый разсказъ о томъ, какъ изъ двухъ однокашниковъ одинъ превращается въ плута-адвоката, а другой остается прежнимъ честнымъ гимназистомъ; «Машенька»—тысяча первое описаніе Орфеума и погибшей женщины, увлекающей къ себѣ изъ этого вертепа пьянаго гостя. «Навожденіе», «Прощаніе», «Пантомима любви»—все тѣ же истрепанные, надоѣвшіе всѣмъ сюжеты. Есть тутъ и рождественскій разсказъ подъ изысканнымъ заглавіемъ: «Что сдѣлалъ сѣверный вѣтеръ?» есть и элегіи въ прозѣ, изъ которыхъ двѣ смахиваютъ на тургеневскія стихотворенія въ прозѣ, а третья имѣетъ претензію на психическій этюдъ о самоубійствѣ. Но все это такъ блѣдно, жидко, натянуто, вымучено, что становится тяжело за автора. А между тѣмъ можетъ же онъ писать такіе разсказы, какъ «Часы», нѣкоторыя страницы «Двухъ встрѣчъ», «Весны», «Молодежи». Неужели же наша литература никогда не избавится отъ закрѣпощенія ея мелкою прессою? и всѣ беллетристы должны проходить черезъ горнило фельетоннаго борзописанія? Авторовъ, являющихся съ отдѣльнымъ произведеніемъ, не печатавшимся въ журналѣ, у насъ почти вовсе нѣтъ—разумѣется, за исключеніемъ такихъ, которыхъ не допуститъ на свои страницы ни одинъ журналъ. Мы убѣждены, что и «Женитьба Днѣприна» не могла бы явиться въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ; тѣмъ болѣе ее не слѣдовало выпускать въ свѣтъ и отдѣльною книгою. Не говоря уже о совершенно шаблонномъ содержаніи романа, заключающагося въ томъ, что какой-то учитель живетъ сначала съ одной женщиной, потомъ женится на другой—самый слогъ романа доказываетъ полное незнакомство автора съ литературными пріемами и даже, мѣстами, съ основами русскаго языка. Описывая своего героя «происходившаго отъ хорошихъ родителей», тонкаго, гибкаго, «съ осанкой, тянувшейся вверхъ», онъ рисуетъ его Мефистофелемъ, хотя и говоритъ не по русски: «отдаваясь часто весь грозному впечатлѣнію, ему, казалось, недоставало хвостика, чтобы изъ него вышелъ дьяволъ, а, оставаясь подъ вліяніемъ нѣжныхъ чувствъ, ему недоставало крыльевъ, чтобы походить на ангела». Далѣе: «авторъ прошелъ невниманіемъ сказать подробно»; «чтобы не одичать удаленіемъ отъ общества»; «ро-

Digitized by Google

дители обѣщали устроить супружество и различными увѣщаніями, но болѣе угрозами на юную дочь, его достигли, отчего выходъ замужъ для него Ксеніи Павловны вышелъ довольно прозаиченъ». Подобными невозможными фразами испещрены чуть не всѣ страницы романа. Не говоримъ уже о нелѣпыхъ сценахъ его, о претензіяхъ на остроуміе и глубокомысліе. Авторъ оправдывается, что не рисуетъ картинъ природы, не описываетъ женскихъ туалетовъ. «Романъ этотъ,—говоритъ онъ,—написанъ въ 1887 году, когда общество начало требовать отъ писателей повѣстей, въ которыхъ заключалась бы возвышенная цѣль, разумное содержаніе. А потому, увлекаясь современностью, авторъ старается дать въ сжатомъ видѣ, небольшомъ размѣрѣ, какъ можно бо́льшій матерьялъ для размышленія». Дѣйствительно, подобныя фразы и претензіи не могутъ не привести къ мысли о томъ, до какой же степени простирается писательское самомнѣніе и гдѣ граница здраваго сужденія отъ извращенныхъ понятій, переходящихъ въ область психопатическихъ явленій?..

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Знаменательная депеша Государя Императора на имя вдовы скончавшагося министра внутреннихъ дѣлъ, графа Д. А. Толстаго.—Общіе контуры многосторонней дѣятельности покойнаго графа.—„Боевой“ характеръ послѣдней.—Характеристика мѣропріятій покойнаго, въ качествѣ оберъ-прокурора св. синода.—Улучшеніе быта духовенства.—Преобразованіе учебной системы по духовному вѣдомству.—Дѣятельность графа Толстаго по министерству народнаго просвѣщенія.—Причина его равнодушія къ общественному мнѣнію.—Борьба съ противниками классицизма. — Отрывокъ изъ воспоминаній г. Старчевскаго объ отношеніи графа Толстаго къ реальному образованію.—Вліяніе на покойнаго графа замоскворѣцкихъ классиковъ.—Мнѣніе А. П. Пятковскаго по поводу „борьбы классицизма съ реализмомъ на русской почвѣ“.—Какими пріемами удалось московскимъ „классикамъ“ выиграть кампанію противъ реалистовъ?—Заслуги гр. Толстаго по народному образованію.—Нѣсколько замѣчаній по вопросу о необходимыхъ измѣненіяхъ въ нынѣшней системѣ преподаванія классическихъ языковъ.—Мнѣніе по этому предмету бывшаго попечителя харьковскаго учебнаго округа К. К. Фойгта.—Новыя вѣянія въ педагогическомъ мірѣ.—Отзывы гг. Дмитревскаго и Вейсмана о нынѣшнемъ методѣ обученія древнимъ языкамъ.—Дѣятельность графа Д. А. Толстаго по министерству внутреннихъ дѣлъ.—Чего ожидаетъ русское общество отъ новаго министра?—Два слова по поводу назначенія на постъ президента императорской академіи наукъ Великаго Князя Константина Константиновича.

Читатели, безъ сомнѣнія, обратили достодолжное вниманіе на депешу, которую вдова скончавшагося въ прошломъ апрѣлѣ ми-

Digitized by Google

нистра внутреннихъ дѣлъ, графа Д. А. Толстаго, удостоилась получить отъ Государя Императора. Вотъ дословный текстъ этой депеши: «Съ какой страшной скорбью узналъ Я о кончинѣ дорогаго Дмитрія Андреевича! Для васъ это—страшная потеря, но и для Меня она можетъ быть еще тяжелѣе, и въ особенности въ настоящую минуту: *такого преданнаго, благороднаго и стойкаго человѣка и сотрудника замѣнить трудно.* Да подкрѣпитъ Господь васъ въ вашемъ страшномъ горѣ». Въ этихъ немногихъ, но по истинѣ знаменательныхъ словахъ нашего монарха дана уже, съ современной точки зрѣнія, общая характеристика крупной личности и долголѣтней, многосторонней дѣятельности покойнаго графа. Теперь, конечно, еще не наступило и едва ли скоро наступитъ время для полной детальной оцѣнки дѣятельности покойнаго графа Д. А. Толстаго, тѣмъ болѣе, что она захватила не одну какую либо область нашей государственной и общественной жизни, а обнимала собою прямо или косвенно, всю нашу внутреннюю политику, придавъ ей извѣстный, вполнѣ опредѣленный колоритъ. Но и въ настоящее время, кажется, нетрудно уже набросать нѣкоторые правдивые контуры дѣятельности покойнаго графа, которые заставляютъ признать въ немъ крупнаго государственнаго дѣятеля sui generis. Съ нимъ, безъ сомнѣнія, ушелъ съ государственной арены человѣкъ замѣчательно твердаго характера, человѣкъ «боевой», полный энергіи, неуклонно проводившій въ жизнь *свои* воззрѣнія, *свои* убѣжденія, *свою систему*, а потому внушавшій къ себѣ уваженіе даже со стороны тѣхъ, которые являлись *принципіальными* противниками его системы. Мы подчеркнули слово «принципіальными», потому что наше слово о графѣ Д. А. Толстомъ предназначается исключительно для людей съ убѣжденіями, а не для тѣхъ, которые только ради краснаго словца или изъ иныхъ какихъ либо видовъ, по временамъ весьма низменнаго свойства, готовы превозносить до небесъ того государственнаго дѣятеля, который приходится имъ по вкусу, и—наоборотъ—забросать грязью другаго человѣка, который не дѣйствовалъ по ихъ шаблону.

Обширная дѣятельность покойнаго графа Д. А. Толстаго распадается на три части, а именно: какъ оберъ-прокурора св. синода, какъ министра народнаго просвѣщенія, и, наконецъ, какъ министра внутреннихъ дѣлъ. Для бо́льшей ясности мы разсмотримъ каждую изъ этихъ трехъ составныхъ частей въ отдѣльности.

Въ качествѣ оберъ-прокурора синода, покойному графу принадлежитъ прежде всего огромная заслуга въ опредѣленіи гражданскихъ правъ духовенства. Надобно замѣтить, что по отношенію къ духовенству наше правительство издавна держалось правила, по которому выходъ изъ этого званія былъ обставленъ весьма невыгоднымъ условіемъ, состоявшимъ въ томъ, что лицо, пожелавшее выйти изъ духовнаго сословія, должно было избрать себѣ «новый родъ жизни», что́, по нашему закону, значитъ приписаться къ податному состоянію. Такимъ образомъ, дѣти священно-и церковно-служителей, состоя въ духовной службѣ или только причисляясь къ ней, пользовались правами свободнаго

Digitized by Google

сословія (сыновья священниковъ и дьяконовъ принадлежали даже къ личнымъ дворянамъ), но лишь только кто изъ нихъ захотѣлъ оставить родъ службы, къ которой онъ былъ прикрѣпленъ своимъ рожденіемъ, т. е. захотѣлъ перейти въ разрядъ дѣйствительно свободныхъ людей, онъ терялъ всѣ права и преимущества своего прежняго званія и причислялся къ одному изъ податныхъ состояній. Съ назначеніемъ графа Толстаго на постъ оберъ-прокурора св. синода, въ 1865 году, онъ немедленно позаботился объ измѣненіи упомянутаго положенія дѣтей священно- и церковно-служителей по выходѣ ихъ изъ духовнаго сословія. Результатомъ его заботъ явился законъ 1869 года, на основаніи котораго дѣти священно-и церковно-служителей не обязаны болѣе, какъ прежде, избирать себѣ родъ жизни. Они принадлежатъ, по самому праву рожденія, къ потомственнымъ почетнымъ гражданамъ. Дѣти же причетниковъ, не имѣющихъ ученыхъ степеней и званія, по окончаніи полнаго курса въ семинаріи и акаѳеміи, пріобрѣтаютъ права личнаго почетнаго гражданства. Вообще же графомъ Толстымъ, въ бытность его оберъ-прокуроромъ синода, введенъ по духовному вѣдомству цѣлый рядъ реформъ, начиная съ выборнаго начала и кончая мѣрами для улучшенія быта духовенства. Но особенно много полезнаго сдѣлано покойнымъ графомъ для духовно-учебныхъ заведеній. Во время его управленія дѣлами синода, изданы новые уставы всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній: духовныхъ академій въ 1869 г., духовныхъ семинарій въ 1866 г., духовныхъ училищъ въ 1867 г. Духовенство призвано къ избранію членовъ въ училищные совѣты въ духовныхъ училищахъ. То же надо сказать и относительно семинарскихъ правленій. Ректору семинаріи дана новымъ уставомъ, въ значительной мѣрѣ, независимость отъ епархіальной власти, семинарскому правленію—также. Улучшилось и содержаніе учителей семинарій и духовныхъ училищъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ улучшилось и самое преподаваніе. Немало сдѣлано оберъ-прокуроромъ графомъ Толстымъ и для женскихъ епархіальныхъ училищъ. Починъ въ реформированіи духовнаго суда принадлежитъ также покойному, хотя это и не могло быть осуществлено имъ вслѣдствіе разныхъ препятствій, о которыхъ здѣсь не мѣсто долго распространяться. Достаточно сказать только, что графу Толстому, какъ мірянину, трудно было бороться съ противоположнымъ направленіемъ духовныхъ лицъ въ этой области, хотя его сочувствія несомнѣнно принадлежали самымъ широкимъ и плодотворнымъ реформамъ въ сферѣ церковныхъ дѣлъ.

Совсѣмъ другая картина развертывается передъ нами, когда мы приглядываемся къ дѣятельности покойнаго графа въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, на каковой постъ онъ былъ призванъ императоромъ Александромъ II, 14 апрѣля 1866 г. Здѣсь покойный графъ являлся истиннымъ борцомъ за придуманную имъ реформу, неуклонно проводя въ жизнь свою систему средняго образованія, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, вынося тяжелую борьбу съ своими вліятельными противниками, и не взирая даже на то, что, благодаря крайностямъ

Digitized by Google

реформы, онъ терялъ симпатіи общества, вызванныя его дѣятельностью въ церковной сферѣ. Такое равнодушіе къ общественному мнѣнію вытекало изъ цѣлостности характера покойнаго графа. По справедливому замѣчанію одной петербургской газеты, онъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ политическимъ дѣятелямъ, которые, самостоятельно оцѣнивъ потребности времени, «неуклонно работаютъ для этихъ потребностей, вступая въ рѣшительную борьбу со всякимъ противоположнымъ теченіемъ, и не только не подчиняясь такъ называемымъ «вѣяніямъ эпохи», но скорѣе сообщая эпохѣ отпечатокъ своей сильной личности. Такъ называемая *маленькая политика высшихъ бюрократическихъ отношеній* была совершенно чужда ему; во всякомъ дѣлѣ, во всякомъ вопросѣ онъ выступалъ съ твердо обозначенными цѣлями и желаніями, никогда ихъ не маскируя, никогда не пробуя провести одно подъ видомъ другаго, никогда никого не обманывая. Его слово всегда было откровенно и надежно. Онъ не прибѣгалъ къ тому маленькому искусству, которое учитъ *не высказывать мысль до конца, отдѣлываться неопредѣленными обѣщаніями, размѣниваться взаимными уступками* по курсу личнаго вліянія и обстоятельствъ данной минуты, отказывать съ преувеличенною любезностью и сулить съ осторожною уклончивостью, прикидываться сочувствующимъ и драпироваться равнодушнымъ. Графъ Дмитрій Андреевичъ *никогда никого не хотѣлъ обманывать и никому не затруднялся прямо и твердо высказать свое мнѣніе и свои намѣренія.* Его можно было иногда упрекнуть въ излишней, неосторожной прямотѣ, но никогда никто не смѣлъ заподозрить его въ фальшивости». Это былъ надежный сторонникъ и опасный противникъ.

Всѣмъ, конечно, еще памятна ожесточенная борьба, выдержанная графомъ Толстымъ съ противниками классической школы и упорная энергія, съ какою онъ шелъ къ цѣли, не поступаясь ничѣмъ изъ принятой программы. Эта неуступчивость, въ виду тѣхъ трудностей, какими окружены были первые шаги новой школы, вела къ крайностямъ, составлявшимъ больную сторону реформы; но въ этихъ крайностяхъ былъ виноватъ не столько графъ Д. А. Толстой, сколько покойный Катковъ, который, по удачному выраженію В. Я. Стоюнина,—приведенному въ статьѣ А. П. Пятковскаго [1]),—«доходилъ до изступленнаго состоянія классической пиѳіи; вишь-де будетъ хуже мора, потопа, огня, меча, нашествія иноплеменныхъ, если наши дѣти не будутъ учиться по гречески». Далѣе, мы постараемся выяснить, въ чемъ со-

[1]) Статья эта носитъ заглавіе: „Борьба классицизма съ реализмомъ на русской почвѣ". Она была напечатана въ 1868 г. въ газетѣ „Недѣля", а потомъ вошла въ сборникъ статей того же автора: „Живые Вопросы", изданный въ 1870 г. и давно уже составляющій библіографическую рѣдкость, не встрѣчаемую въ обыкновенной продажѣ. Поэтому читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы позволимъ себѣ, въ дальнѣйшемъ изложеніи, воспользоваться нѣкоторыми пространными выписками изъ названной статьи.

Digitized by Google

стояла суть классицизма, который проповѣдывалъ покойный Катковъ. Здѣсь же умѣстно будетъ привести отрывокъ изъ воспоминаній бывшаго редактора «Сына Отечества», А. В. Старчевскаго, о гр. Д. А. Толстомъ, напечатанныхъ въ этой газетѣ за нынѣшній годъ, откуда прямо видно, что гр. Толстой, вдаваясь въ крайности при проведеніи школьной реформы, дѣйствовалъ при этомъ, какъ говорится, à contre cœur. Вотъ этотъ отрывокъ. «Въ маѣ 1866 г.,—пишетъ г. Старчевскій,—чрезъ камердинера министра народнаго просвѣщенія графа Д. А Толстаго, я получилъ приглашеніе побывать у графа. Я никогда прежде не видалъ графа, не былъ съ нимъ въ сношеніяхъ, и такое фамильярное приглашеніе показалось мнѣ особеннымъ: я думалъ, что графъ Толстой, вѣроятно, нашелъ что нибудь въ какой нибудь статьѣ «Сына Отечества», несовсѣмъ ему понравившееся, и желаетъ по этому случаю объясниться со мною лично, не обращаясь къ министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуеву. Я явился къ графу съ нѣкоторымъ смущеніемъ, не подозрѣвая, чѣмъ бы я могъ оказаться передъ нимъ виновнымъ... Графъ принялъ меня радушно, подалъ руку и просилъ извинить, что онъ прибѣгъ къ такому странному способу, нѣсколько безцеремонному, приглашенія къ себѣ редактора распространеннаго и добросовѣстнаго журнала. «Я сдѣлалъ это—прибавилъ Д. А.—для того, чтобы моя канцелярія не знала, что я желалъ васъ видѣть и для чего именно». (Очевидно, что графъ не довѣрялъ вполнѣ даже своей собственной канцеляріи, въ которой служили корреспонденты Каткова и также мало стѣснялись официальной тайной, какъ и изображаемые нынѣ «Русскимъ Вѣстникомъ» корреспонденты Герцена). Далѣе возникъ, не относящійся къ классицизму, разговоръ о предшественникѣ гр. Толстаго. «Время летѣло, а тутъ еще нужно было добиться отъ графа: чего держаться журналистикѣ относительно вводившагося тогда классическаго направленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ? Я обратился къ графу съ слѣдующими словами: «Нравится ли вашему сіятельству, что «Сынъ Отечества», не имѣя ничего противъ классическаго образованія, не раздѣляетъ того мнѣнія, чтобы дѣлать его обязательнымъ для *всѣхъ* учащихся. Въ наши гимназіи поступаютъ дѣти разныхъ небогатыхъ людей, которыя очень часто не имѣютъ возможности окончить свой курсъ, зачастую оставляютъ учебное заведеніе съ третьяго или четвертаго класса и идутъ помогать своимъ родителямъ, или вступаютъ въ службу, чтобы какимъ бы то ни было образомъ добыть себѣ кусокъ хлѣба... и къ чему ему тогда могутъ пригодиться греческій и латинскій языки?.. Не говорю о дѣтяхъ людей достаточныхъ, которыя имѣютъ возможность продолжать курсъ своего ученія и потомъ поступить въ университетъ... Это совсѣмъ другое дѣло».— На это графъ мнѣ отвѣтилъ: «*Я тоже раздѣляю этотъ взглядъ и не имѣю ничего противъ того, чтобы вы печатали въ вашемъ журналѣ статьи въ этомъ духѣ, и если такъ упрямо стою за классическое направленіе, то именно потому, что московскіе классики (Катковъ и Леонтьевъ) не даютъ мнѣ прохода и осаждаютъ*

Digitized by Google

меня безъ милосердія, и я иду по этому теченію, невполнѣ ему сочувствуя»...

Какъ видно изъ подчеркнутой нами цитаты, покойный графъ собственно не былъ такимъ высокопробнымъ классикомъ, какъ его считали въ то время, когда борьба между классиками и реалистами велась въ самой ожесточенной формѣ. Но графъ Толстой *молчалъ*, когда хулители классицизма, въ свою очередь черезчуръ увлекшись партійными счетами, нападали не только на *его* систему ея идейной стороны, но и на *способы примѣненія* ея на практикѣ, ничего общаго не имѣвшіе съ сущностью самой системы и составлявшіе продуктъ проповѣдей гг. Каткова и Леонтьева,—и это молчаніе истолковывалось въ томъ смыслѣ, что покойный графъ и самъ сочувствуетъ упомянутымъ способамъ. Почему молчалъ покойный графъ? это—особый вопросъ. Но другой именитый покойникъ, А. С. Вороновъ (бывшій при гр. Толстомъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія) лично говорилъ нынѣшнему редактору «Наблюдателя», съ которымъ находился въ многолѣтнихъ дружескихъ отношеніяхъ, что молчаніе графа было вынужденное, вслѣдствіе какой-то слишкомъ интимной переписки между нимъ и покойнымъ М. Н. Катковымъ,—переписки, которою московскій публицистъ имѣлъ обыкновеніе угрожать своимъ вліятельнымъ корреспондентамъ въ случаѣ разрыва. По крайней мѣрѣ, онъ не стѣснился однажды напечатать письмо къ нему А. В. Головнина, съ компрометирующей цѣлью... Но это, впрочемъ, теперь безразлично. Достаточно вспомнить, что гг. Катковъ и Леонтьевъ,—какъ это доказалъ А. П. Пятковскій въ вышеупомянутой статьѣ,—«выиграли свою знаменитую кампанію единственно тѣмъ, что они припутывали къ дѣлу все, что могло повредить ихъ противникамъ». Дѣло въ томъ, что гимназическій уставъ 1869 г. вышелъ какъ разъ въ то время, когда русское общество находилось въ самомъ тревожномъ состояніи и чутко внимало каждой печатной строкѣ, въ которой упоминалось, — по выраженію г. Пятковскаго,—«кабалистическое слово: *нигилистъ*». Этимъ словомъ и воспользовался покойный Катковъ въ борьбѣ съ реализмомъ. «Недолго думая,—говоритъ г. Пятковскій,—онъ заподозрилъ всѣхъ реалистовъ въ политической неблагонадежности, въ желаніи водворить нигилизмъ въ Россіи». «У насъ оказалась партія неутомимыхъ, на все готовыхъ противниковъ преобразованія нашей учебной системы,—писалъ г. Катковъ.—Чѣмъ либеральнѣе расположена было верховная власть, чѣмъ доброжелательнѣе къ дѣлу образованія было шедшее сверху направленіе, тѣмъ упорнѣе и изворотливѣе дѣйствовала эта партія. Говорить прямо противъ науки и образованія было несвоевременно, и *противники водворенія ихъ въ русскомъ народѣ* постарались усвоить себѣ другіе пріемы и прикинуться ревнителями наукъ и образованія. Они должны были *принять личину людей прогресса* и *либерализма*. Съ этою цѣлью, они заговорили о какой-то, будто бы новой системѣ образованія, которая нынѣ оспариваетъ первенство у системы классической, будто бы отжившей свой вѣкъ и являющейся анахронизмомъ въ современной Европѣ,

Digitized by Google

печальнымъ остаткомъ средневѣковаго варварства и мрака: *точь въ точь наши доморощенные соціалисты* толковали о правѣ собственности, какъ объ отжившемъ институтѣ, и громили европейскую цивилизацію, какъ хламъ тѣхъ же среднихъ вѣковъ, который нужно истребить огнемъ и мечемъ». «По совершенной неопытности въ педагогическомъ дѣлѣ,—говорилось въ другой статьѣ,—у насъ хотятъ придать реальнымъ школамъ характеръ общеобразовательныхъ заведеній и, *соблазняясь нѣкоторыми фантастическими теоріями, совершенно соотвѣтствующими въ педагогическомъ дѣлѣ разнымъ эксцентрическимъ теоріямъ въ соціальной сферѣ*, стараются поравнять эти мнимо-реальныя и мнимо-общеобразовательныя гимназіи съ гимназіями классическими». «Изъ этихъ инсинуацій—справедливо замѣчаетъ г. Пятковскій—люди недальновидные и довѣрчивые выводили заключеніе, что наши реальныя гимназіи—сущая напасть, а сами реалисты—враги отечества, носящіе либеральную маску, чтобы удобнѣе вредить ему». Къ этой категоріи недальновидныхъ людей, конечно, отнюдь не принадлежалъ покойный Д. А. Толстой. Онъ прекрасно понималъ, что Катковъ, съ ловкостью «военнаго человѣка», пользуется кабалистическими словами: «нигилизмъ» и «соціализмъ» лишь для отвода глазъ, чтобы нанести своимъ противникамъ ударъ, который, по самой сущности своей, долженъ былъ оказаться почти неотразимымъ, и былъ принужденъ сдѣлать—какъ говорятъ нѣмцы—«добрую мину въ злой игрѣ».

Какъ бы то ни было, благодаря вышеуказаннымъ пріемамъ, Каткову удалось исказить весь споръ до такой степени, что научно-педагогическій вопросъ превратился,—по словамъ г. Пятковскаго,—въ какой то procès de tendance. «Заявить себя реалистомъ—значило подвергнуться упреку въ матеріализмѣ, нигилизмѣ и въ измѣнѣ отечеству». Въ этомъ, по нашему мнѣнію, и кроется главная причина, почему графъ Д. А. Толстой, въ душѣ не сочувствуя, по свидѣтельству г. Старчевскаго, тому «классицизму», который такъ односторонне отстаивалъ покойный Катковъ въ компаніи съ г. Леонтьевымъ,—тѣмъ не менѣе, какъ вынужденный союзникъ, для успѣха главнаго дѣла, отмалчивался, когда его упрекали въ педантическомъ проведеніи классической системы. На этотъ разъ онъ имѣлъ слабость, вопреки своему характеру, подчиниться игу посторонняго вліянія.

Было бы, однако, въ высшей степени несправедливо умалять, вслѣдствіе этого, заслуги покойнаго графа по народному образованію вообще, потому что въ дѣйствительности, въ періодъ его управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія, было сдѣлано въ этой области очень много полезнаго. Такъ, при гр. Толстомъ открытъ варшавскій университетъ, исходатайствовано основаніе новаго университета (сибирскаго), въ Петербургѣ и Нѣжинѣ учреждены два историко-филологическихъ института, для спеціальной подготовки учителей гимназій. По женскому образованію—разрѣшены высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ, которымъ выдавалась субсидія отъ министерства; правильно организованы женскія гимназіи, число ихъ увеличено и

Digitized by Google

учебная часть улучшена. По элементарному образованію, реформированы городскія училища, учреждены одноклассныя (въ числѣ 652) и двухклассныя (353) образцовыя школы, открыты учительскіе институты (7), учительскія семинаріи и женскія учительскія школы; значительно увеличенъ правительственный бюджетъ на народныя школы, составлено новое «Положеніе» для школъ, по которому предсѣдательствованіе въ губернскихъ училищныхъ совѣтахъ перешло отъ архіереевъ къ губернскимъ предводителямъ дворянства; правильно организованы школы инородческія (1874 г.) и учреждены учительскія семинаріи для приготовленія учителей изъ инородцевъ. Всѣ улучшенія въ системѣ начальнаго народнаго образованія производились гр. Толстымъ при ближайшемъ сотрудничествѣ А. С. Воронова, выработавшаго, наконецъ, и проэктъ о всеобщемъ *обязательномъ обученіи*, къ которому весьма сочувственно относился покойный графъ. Почему этотъ важный проэктъ не получилъ дальнѣйшаго движенія?—мы не умѣемъ объяснить. Кажется, что со смертью Воронова въ министерствѣ не оказалось достаточно энергическихъ и свѣдущихъ лицъ, чтобы справиться съ этимъ дѣломъ. Вообще же число учебныхъ заведеній, высшихъ и среднихъ, въ управленіе графа Д. А. Толстаго дошло до 620, *т. е. увеличилось втрое* противъ того числа, которое покойный графъ засталъ, вступая въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія. Подобный результатъ, хотя и не можетъ быть названъ блестящимъ самъ по себѣ, но въ связи съ положеніемъ нашихъ финансовъ, при которомъ приходится скупиться расходами на самыя полезныя дѣла, упомянутый результатъ слѣдуетъ признать довольно утѣшительнымъ.

Изъ сказаннаго нами, однако, не слѣдуетъ заключать, что мы признаемъ нынѣ дѣйствующую у насъ систему классическихъ гимназій образцовой, присоединяясь къ тѣмъ, которые утверждаютъ, что если по отношенію къ ней возможны реформы и улучшенія, то лишь въ болѣе строгомъ и методическомъ проведеніи системы, въ ея усиленіи на признанныхъ непреложными началахъ. Мы, напротивъ, глубоко убѣждены, что въ этой системѣ необходимо сдѣлать *весьма существенныя поправки*,—тѣ самыя, на которыя еще въ эпоху борьбы между нашими «классиками» и «реалистами» указывали люди, которые стояли вдали отъ этой партійной борьбы, въ родѣ бывшаго попечителя харьковскаго учебнаго округа, тайн. сов. К. К. Фойгта. «Организація реальныхъ училищъ—заявлялъ въ свое время г. Фойгтъ—*исключающая для оканчивающихъ въ нихъ курсъ возможность поступленія въ университетъ* [1]) и имѣющая задачей приготовле-

[1]) Здѣсь умѣстно будетъ указать, что этимъ *козыремъ*,—то есть лишеніемъ реальныхъ училищъ права подготовки къ университету,—московскіе классики весьма искусно воспользовались для доказательства того факта, что реальное образованіе будто бы не пользуется симпатіями въ нашемъ обществѣ, ибо—говорили московскіе классики—родители повсюду предпочитаютъ отдавать своихъ дѣтей въ классическія гимназіи. При

Digitized by Google

ніе лишь къ другимъ высшимъ спеціальнымъ училищамъ, досель не вызвала къ себѣ никакого сочувствія общества... Причины этого явленія весьма естественны. Какъ извѣстно, вопросъ о поступленіи въ университетъ есть самый близкій для каждаго родителя и каждаго молодаго человѣка, воспитывающагося въ гимназіи, а общество смотритъ на университетское образованіе, какъ на источникъ, изъ котораго почерпаются самыя лучшія умственныя и нравственныя силы для разныхъ отраслей общественной дѣятельности. Къ тому же, центральность пунктовъ, въ которыхъ существуютъ университеты, облегчаетъ къ нимъ доступъ при меньшихъ издержкахъ, между тѣмъ какъ курсъ и направленіе другихъ высшихъ спеціальныхъ заведеній почти незнакомы обществу, а сосредоточеніе этихъ заведеній по преимуществу въ столицахъ дѣлаетъ ихъ мало доступными для жителей отдаленныхъ мѣстностей»... Переходя затѣмъ къ классическимъ гимназіямъ, г. Фойгтъ признавалъ, что «если не исключительное, то, по крайней мѣрѣ, рѣшительное преимущество слѣдуетъ дать гимназіямъ классическимъ съ *однимъ древнимъ языкомъ—латинскимъ*». Для этого г. Фойгтъ приводилъ нѣсколько основаній. Изученіе древнихъ языковъ имѣетъ двѣ цѣли: гимнастику ума и доставленіе учащимся возможности пользоваться богатыми научными матеріалами, заключающимися въ сочиненіяхъ на этихъ языкахъ. Относительно «гимнастики ума», по мнѣнію г. Фойгта, одного латинскаго языка совершенно достаточно, такъ какъ синтаксисъ его представляетъ къ тому гораздо больше данныхъ, нежели синтаксисъ греческаго языка; изученіе же многочисленныхъ формъ этимологическихъ служитъ только къ обогащенію памяти, а не мыслительной способности; притомъ, не должно забывать, что, для укрѣпленія умственныхъ способностей, могучимъ двигателемъ является разумное преподаваніе отечественнаго языка. Относительно же доставленія учащимся возможности пользоваться сочиненіями, писанными на древнихъ языкахъ, преимущество опять таки должно отдать языку латинскому, такъ какъ онъ былъ языкомъ ученыхъ даже до конца прошлаго столѣтія. Примѣръ заграничныхъ гимназій съ двумя классическими языками для насъ не можетъ служить закономъ: не должно забывать, что въ этихъ гимназіяхъ не считаютъ нужнымъ преподавать ни русскаго языка, ни русской исторіи и литературы, тогда какъ мы, по самому ходу нашей цивилизаціи со времени Петра, должны обращать на иностранные языки, литературу и политическую исторію западныхъ народовъ особенное вниманіе. При такомъ необходимомъ присоединеніи къ нашему гимназическому курсу нѣсколькихъ предметовъ сверхъ тѣхъ, которые входятъ въ курсъ иностранныхъ гим-

---

этомъ, однако, ловкіе классики ни единымъ словомъ не обмолвились, что причина, почему родители отдаютъ предпочтеніе классическимъ гимназіямъ передъ реальными, кроется именно въ томъ, что послѣднія не давали своимъ воспитанникамъ права поступленія въ университетъ.

Digitized by Google

назій, мы, желая включить греческій языкъ и не доискиваясь нужнаго для того времени, вынуждены будемъ пожертвовать какимъ либо другимъ предметомъ. «*Этимъ жертвуемымъ предметомъ* — говорилъ г. Фойгтъ — *является одинъ изъ новѣйшихъ языковъ*: учащимся въ классической гимназіи предоставляется на выборъ или французскій, или нѣмецкій языкъ. Но такая жертва, по глубокому моему убѣжденію, слишкомъ чувствительна. Можно съ увѣренностью сказать, что языкъ, который предпочтительно изберутъ ученики, будетъ французскій; языкъ, котораго станутъ избѣгать, будетъ нѣмецкій. На сторонѣ перваго—его легкость и распространенность въ обществѣ; противъ втораго—его трудность. *Такимъ образомъ, введеніе греческаго языка представляется почти равносильнымъ изгнанію нѣмецкаго языка*, и спрашивается теперь: выиграетъ ли наше образованіе, или потеряетъ отъ такого оборота дѣлъ? Отвѣчаю, не обинуясь: потеряетъ. Знанія, пріобрѣтенныя по греческому языку, весьма скоро, безслѣдно испарятся изъ головы учениковъ, по выходѣ ихъ изъ гимназій; незнаніе нѣмецкаго языка отразится на всей будущей ихъ дѣятельности». «Какъ — спрашиваетъ г. Фойгтъ— молодой человѣкъ будетъ заниматься въ университетѣ философіей, филологіей, историческими науками, юридическими, медицинскими и пр., не зная нѣмецкаго языка? Быть можетъ, по части математическихъ наукъ, французскіе ученые имѣютъ преимущества, но и только. Притомъ нѣмецкій языкъ настолько труденъ, что его непремѣнно надобно начинать съ дѣтскаго возраста; въ особенности труденъ языкъ ученый, котораго въ зрѣломъ возрастѣ уже не одолѣешь; съ другой стороны, нѣмецкій языкъ имѣетъ перевѣсъ надъ прочими европейскими языками, потому что на немъ всякое сколько нибудь замѣчательное сочиненіе, французское, англійское и т. д., тотчасъ является въ переводѣ, и нерѣдко въ переводѣ лучшемъ, чѣмъ самый подлинникъ, такъ какъ переводъ снабжается дѣльными замѣчаніями и дополненіями. Всего этого никакъ нельзя сказать о какомъ либо другомъ языкѣ, тѣмъ болѣе о греческомъ». «Итакъ—заявлялъ г. Фойгтъ—*я смѣло утверждаю, что съ постепеннымъ введеніемъ въ наши гимназіи, обязательно, греческаго языка, черезъ нѣсколько поколѣній, общій уровень нашего образованія окажется не возвысившимся, а понизившимся*». Въ виду этого, г. Фойгтъ «*полагалъ бы возможнымъ совсѣмъ выключить греческій языкъ изъ гимназическаго курса*».

Мы привели эту пространную цитату изъ отзыва К. К. Фойгта потому, что этотъ отзывъ, — по справедливому замѣчанію г. Пятковскаго,—«имѣетъ то неоспоримое достоинство, что въ немъ не замѣтно ни канцелярскаго равнодушія къ дѣлу, ни антипедагогическихъ соображеній. Г. Фойгтъ, съ добросовѣстностью человѣка, слѣдящаго за развитіемъ педагогическихъ идей въ западной Европѣ, не могъ не признать, что отсутствіе латинскаго языка въ реальныхъ гимназіяхъ не должно лишать безусловно воспитанниковъ права поступленія въ университетъ: реальное образованіе вовсе не есть низшій сортъ школьнаго образованія, едва терпимый рядомъ съ классицизмомъ; *оно также ведетъ къ*

Digitized by Google

развитію, но только другими путями». Это съ одной стороны. Съ другой стороны, приведя in extenso отзывъ г. Фойгта [1]), мы желали показать, что и въ разгаръ борьбы «московскихъ классиковъ» съ реальнымъ образованіемъ нашлись въ высшей степени компетентные люди, которые смотрѣли на спорный вопросъ совершенно трезво и безъ всякаго предубѣжденія,—ибо г-нъ Фойгтъ, какъ попечитель округа и самъ классикъ по образованію, ужь никоимъ образомъ не могъ быть отнесенъ къ разряду тѣхъ parvenus, надъ которыми г.г. Катковъ и Леонтьевъ неистово издѣвались и глумились съ высоты своего мнимаго величія. Наконецъ, мы думаемъ, что мнѣніе г. Фойгта съ нѣкоторыми поправками не потеряло своей цѣны и въ настоящее время, благо въ печати начинаютъ появляться отзывы компетентныхъ спеціалистовъ, указывающіе на необходимость ввести болѣе раціональный методъ въ изученіе классическихъ языковъ. Даже само министерство народнаго просвѣщенія, какъ говорятъ, изыскиваетъ способы къ улучшенію гимназическаго преподаванія, въ видахъ достиженія дѣйствительныхъ, а не эфемерныхъ успѣховъ по классическимъ языкамъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для поднятія уровня другихъ предметовъ, особенно новыхъ языковъ, естественныхъ наукъ, русской литературы и исторіи.

Отголоски этого вновь нарождающагося движенія въ педагогическомъ мірѣ мы находимъ въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», редактируемомъ Л. Н. Майковымъ, и съ особымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ эту эволюцію въ области нашей общественной мысли. Такъ, недавно въ упомянутомъ «Журналѣ» появилась весьма интересная статья г. Дмитревскаго: «Древніе языки въ нашихъ гимназіяхъ предъ авторитетомъ митрополита Филарета», въ которой авторъ, сравнивая результаты, достигаемые по отношенію къ классическимъ языкамъ нынѣшними гимназіями и прежними семинаріями, справедливо доказываетъ неудовлетворительность первыхъ и необходимость существенныхъ реформъ въ дѣлѣ гимназическаго преподаванія.

Неудовлетворительность успѣховъ гимназистовъ въ классическихъ языкахъ явствуетъ, по словамъ г. Дмитревскаго, изъ того, что «еще недавно министерство народнаго просвѣщенія предложило на обсужденіе педагогическихъ совѣтовъ вопросъ о способахъ поднятія уровня познаній гимназистовъ въ греческомъ языкѣ». Что же касается латинскаго языка, то г. Дмитревскій находитъ, что «хотя отсутствіе какого либо новаго распоряженія по этому предмету заставляетъ полагать, что учебное вѣдомство не имѣетъ причинъ жаловаться на недостаточныя познанія гимназистовъ по латинскому языку», но, тѣмъ не менѣе, «и этотъ предметъ въ гимназіяхъ не достигъ еще той высоты, какая была бы желательна». Причину неудовлетворительности успѣховъ въ классическихъ языкахъ г. Дмитревскій видитъ въ непригодности господствующаго метода ихъ первоначальнаго изученія, называемаго

---

[1]) Всѣ эти цитаты мы заимствуемъ изъ книги А. П. Пятковскаго.

Digitized by Google

«фра́зовой системой». «Не достигая или достигая весьма медленно намѣченныхъ цѣлей при началѣ изученія, *система эта дѣйствуетъ, кромѣ того, притупляющимъ образомъ на умственныя и интеллектуальныя силы людей*, да притомъ совершенно чужда и враждебна какъ духу древнихъ языковъ, такъ и характеру отечественной рѣчи». Ученика душатъ фразами съ формами, чаще всего въ рѣчи употребляющимися, причемъ для систематическаго повторенія склоненій и спряженій нѣтъ времени, а тутъ за правильными формами слѣдуютъ сейчасъ же исключенія въ склоненіяхъ, неправильные глаголы, и въ головѣ ученика накопляется масса неутвержденнаго въ памяти матеріала.

Этотъ «фра́зовый» методъ обученія классическимъ языкамъ дѣйствуетъ, по мнѣнію г. Дмитревскаго, «*не* развивающимъ, а *притупляющимъ* образомъ на умственныя силы учениковъ...» «Фразы, помѣщаемыя въ курсахъ упражненій, большею частью, или безсодержательны, или, по крайней мѣрѣ, малосодержательны, что́ неизбѣжно при искусственности подбора ихъ, приноровленнаго къ извѣстнымъ формамъ и парадигмамъ».

Приведя затѣмъ изъ различныхъ учебниковъ цѣлый рядъ безсмысленныхъ фразъ, которыя ученики гимназіи принуждены зазубривать по цѣлымъ семестрамъ, г. Дмитревскій замѣчаетъ: «всѣ подобныя фразы не будятъ мысли ребенка, не родятъ въ его фантазіи ни свѣтлыхъ образовъ, ни живыхъ картинъ, но первую усыпляютъ, а образы и картины, своимъ неизяществомъ, даже безобразіемъ, убиваютъ фантазію. Даже допустимъ, что фразы будутъ содержательныя и правдивыя, и тогда, при множествѣ и разнообразіи ихъ, онѣ мелькаютъ въ умѣ ученика быстрѣе и неуловимѣе калейдоскопа, не давая мысли и фантазіи на мгновеніе на чемъ нибудь остановиться, размыслить, ввести въ дѣйствіе мыслительный аппаратъ. Умъ ученика, сквозь строй выраженій, фразъ, мыслей, афоризмовъ, изреченій, ничего не видитъ, кромѣ словъ, падежей, родовъ, лицъ и пр. Онъ похожъ на несчастную муху, болѣе и болѣе запутывающуюся въ той убійственной паутинѣ обрывковъ мыслей, чаще нескладицы, которую плетутъ составители разныхъ образцовыхъ учебниковъ». При такомъ методѣ изученія классическихъ языковъ, послѣдніе, по словамъ г. Дмитревскаго, прежде чѣмъ стать школою мысли для гимназиста, пробужденіемъ его интеллектуальныхъ силъ, «прогоняются сквозь строй безконечныхъ фразъ, отдающихъ мертвечиной, и, лишенные жизненныхъ соковъ, приподносятся приступающимъ къ древнимъ языкамъ, какъ выжатый лимонъ. И ученикъ приступаетъ къ чтенію авторовъ, набивъ оскомину на фразахъ, и столько же готовый къ чтенію древнихъ классиковъ, сколько готовъ къ чтенію образцовыхъ писателей человѣкъ, начитавшійся произведеній Никольскаго рынка».

Переходя затѣмъ къ сравненію успѣховъ, получаемыхъ при нынѣ господствующемъ въ гимназіяхъ методѣ преподаванія древнихъ языковъ, съ успѣхами, получавшимися при прежней системѣ преподаванія въ семинаріяхъ, г. Дмитревскій находитъ, что послѣдніе были много выше и что самая система обученія была

Digitized by Google

цѣлесообразнѣе. Фразеологіи тогда не знали и на дѣло смотрѣли проще. Обучали прежде всего склоненіямъ и спряженіямъ, заставляя изучать формы и устно, и письменно, всегда съ русскимъ переводомъ, причемъ матеріаломъ для упражненій служили вокабулы, выучивавшіяся въ достаточномъ количествѣ. Послѣ такой подготовки, переходили прямо къ переводу латинскаго и греческаго текста, «природнаго, литературнаго, а не фразовой стряпни педагоговъ» — по христоматіямъ и новому завѣту. Ученикъ, такимъ образомъ, сразу и непосредственно вводился въ сокровищницу древнихъ языковъ, «не тратя физическихъ и умственныхъ силъ на механическую работу пиленія сѣраго, безсодержательнаго матеріала». Затѣмъ начинались письменныя упражненія съ русскаго на древніе языки и обратно, причемъ, при переводѣ съ русскаго, работа не предоставлялась вполнѣ собственнымъ силамъ учениковъ; имъ указывали всѣ слова, они могли пользоваться и лексикономъ, и грамматикой, и ихъ обязанность заключалась въ томъ, чтобы, не измѣняя порядка данныхъ словъ, построить изъ нихъ предложеніе такъ, какъ они привыкли встрѣчать его въ примитивныхъ латинскихъ и греческихъ текстахъ. Кромѣ того, задавались и письменные переводы съ классическихъ языковъ на русскій, но при этомъ требовались не буквальные переводы, а изложенные правильною рѣчью, по духу и строю русскаго языка.

Авторъ другой статьи, также появившейся въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о преподаваніи греческаго языка въ гимназіяхъ», профессоръ Вейсманъ, подобно г. Дмитревскому, доказываетъ, что нынѣ господствующій методъ обученія древнимъ языкамъ вообще и греческому въ особенности — не достигаетъ цѣли, къ которой слѣдуетъ стремиться, т. е. къ тому, чтобы воспитанники гимназій пріобрѣли посредствомъ изученія древнихъ языковъ одно изъ средствъ къ расширенію литературной начитанности. «Кратчайшій путь—говоритъ проф. Вейсманъ—самый лучшій; такъ и тотъ методъ преподаванія языка самый лучшій, который скорѣе всего ведетъ къ цѣли. По отношенію къ древнимъ языкамъ, тотъ методъ лучше, который ведетъ скорѣе всего къ главной цѣли, то есть, къ чтенію образцовыхъ произведеній древней литературы... Самое понятіе о классическомъ образованіи неразрывно связано съ изученіемъ образцовыхъ произведеній классической литературы и внѣ этого изученія немыслимо. Все, что только хорошаго получаетъ учащійся отъ занятій древними языками, кроется въ авторахъ и ни въ чемъ другомъ. Только чтеніе авторовъ, разумѣется, если оно толково ведется, можетъ пріучить учащагося къ точности въ выраженіи мысли, можетъ дать ему понятіе о художественной сторонѣ изложенія и такимъ образомъ развить его эстетическій вкусъ; наконецъ, только этимъ чтеніемъ учащійся можетъ быть введенъ непосредственно въ древній міръ и непосредственно познакомиться съ тѣми произведеніями классической литературы, которыя имѣли немалое вліяніе на европейское образованіе вообще и на развитіе европейскихъ литературъ

Digitized by Google

въ особенности... Правда, для того чтобы приступить къ чтенію авторовъ, необходимо, предварительно, подготовить учащихся; но этотъ предварительный курсъ долженъ быть какъ можно короче и не затягиваться дольше необходимаго».

О результатахъ, которые получаются при нынѣ существующемъ методѣ обученія греческому языку, проф. Вейсманъ отзывается въ самомъ неблагопріятномъ для этого метода смыслѣ. «Вотъ уже болѣе десяти лѣтъ,—говоритъ онъ,—какъ мнѣ приходится испытывать учениковъ, окончившихъ курсъ гимназіи, или при поступленіи ихъ въ историко-филологическій институтъ, или тотчасъ же послѣ поступленія, въ переводѣ съ русскаго языка на греческій, и я могу сказать только одно, что тѣ переводы, какіе мнѣ приходилось видѣть, за рѣдкими исключеніями, были крайне посредственны. Не говоря уже о складѣ языка, большинство изъ нихъ представляло грубыя ошибки въ этимологіи и обыкновенныхъ правилахъ синтаксиса. Замѣчу, что темы предлагались мною легкія, повѣствовательнаго содержанія, съ назначеніемъ труднѣйшихъ словъ или выраженій. Спрашивается, стоило ли и стóить ли и дальше еще хлопотать о подобныхъ жалкихъ результатахъ по греческому языку?»

Неудовлетворительность нынѣшней системы, по мнѣнію проф. Вейсмана, заключается въ томъ, что въ основаніе ея положено изученіе классическихъ языковъ *не какъ средство къ расширенію умственнаго кругозора воспитанниковъ*, благодаря возможности читать древнихъ писателей въ подлинникѣ, а какъ особое педагогическое средство, будто бы развивающее и изощряющее способности воспитанниковъ *путемъ изученія грамматическихъ тонкостей и непрерывной умственной гимнастики*, при переводахъ съ русскаго языка на классическіе,—вслѣдствіе чего даже въ старшихъ классахъ гимназій главное вниманіе обращается не на пониманіе и истолкованіе древнихъ авторовъ, а на переводы съ русскаго языка на латинскій и греческій. Проф. Вейсманъ настаиваетъ на томъ, чтобы въ старшихъ классахъ то время, которое теперь употребляется на переводы устные и письменные съ русскаго языка на греческій, было посвящено всецѣло на чтеніе авторовъ, «которое несравненно болѣе посодѣйствуетъ развитію ихъ слова и ума, и въ то же время скорѣе научитъ ихъ понимать греческія книги». Переводы же съ русскаго на греческій должны служить только дидактическимъ средствомъ для утвержденія правилъ грамматики въ предварительномъ курсѣ; во всякомъ случаѣ, они «не должны быть цѣлью, къ которой волей-неволей направляются усилія какъ учащихся, такъ и учащихъ», не должны потому, что, какъ показываетъ опытъ, «въ результатѣ, даже и навыка къ передачѣ легкихъ, такъ сказать, прожеванныхъ статей съ русскаго языка на греческій не пріобрѣтается, и авторы не прочитываются въ той мѣрѣ, какъ это желательно... Не забудемъ, что въ нашихъ гимназіяхъ учатъ, кромѣ отечественнаго языка, тремъ чужимъ языкамъ: двумъ древнимъ и одному новѣйшему (обязательно). Вмѣсто того, чтобы научать (гимназистовъ) писать посредственно на всѣхъ этихъ

Digitized by Google

языкахъ, не исключая подчасъ и отечественнаго, не лучше ли научить хорошо писать на отечественномъ и на одномъ какомъ либо изъ чужихъ языковъ».

Итакъ, какъ видно, мнѣнія опытныхъ спеціалистовъ-педагоговъ сходятся въ томъ, что нынѣшняя система изученія классическихъ языковъ не ведетъ къ плодотворнымъ результатамъ, и что ее слѣдуетъ измѣнить въ томъ смыслѣ, чтобы, путемъ изученія классическихъ языковъ, воспитанникамъ гимназій была дана возможность знакомиться съ классическими сочиненіями древняго міра въ подлинникѣ, т. е. что изученіе классическихъ языковъ должно быть лишь *средствомъ* къ достиженію этой послѣдней цѣли, а не считаться самоконечной цѣлью, къ которой должны стремиться наши гимназіи.

Это новое «вѣяніе» въ нашемъ педагогическомъ мірѣ мы привѣтствуемъ отъ всей души, потому что всегда держались того мнѣнія, что нѣтъ ничего болѣе дѣйствительнаго для притупленія учащихся, какъ заставить ихъ погружаться въ грамматическую сушь, съ прибавкой зазубриванія разныхъ безсмысленныхъ фразъ. Но мы позволимъ себѣ идти нѣсколько дальше г.г. Дмитревскаго и Вейсмана. По нашему мнѣнію, вышеприведенный отзывъ бывшаго попечителя харьковскаго учебнаго округа, К. К. Фойгта,— какъ мы уже сказали выше,—не потерялъ и теперь своего raison d'être, и не мѣшало бы подумать о той поправкѣ, которую онъ рекомендовалъ почти 20 лѣтъ тому назадъ, т. е., чтобы сдѣлать обязательнымъ для воспитанниковъ гимназій *съ правомъ поступленія въ университетъ одинъ только латинскій языкъ*, такъ какъ соображенія г. Фойгта въ пользу этой поправки остаются, какъ намъ кажется, неопровержимыми и въ настоящее время. Въ самомъ дѣлѣ, не пора ли намъ обратить теперь побольше вниманія на изученіе *отечественнаго* языка, *отечественной* литературы и *отечественной* исторіи — политической и общественной? У насъ обыкновенно жалуются на равнодушіе читателя—къ серьезнымъ литературнымъ произведеніямъ; обывателей—къ общественнымъ дѣламъ; разныхъ профессіональныхъ дѣятелей—къ спеціальнымъ научнымъ трудамъ, и т. д. Наши доморощенные соціологи и моралисты напрасно доискиваются причины этого неутѣшительнаго явленія. Но не кроется ли отчасти эта причина именно въ системѣ нашего гимназическаго воспитанія? Пускай, въ самомъ дѣлѣ, отвѣтятъ на этотъ вопросъ *наши* соціологи! — Мы позволяемъ себѣ думать, что покойный графъ Д. А. Толстой,— еслибы Богъ продлилъ ему вѣку еще десятокъ лѣтъ, самъ предложилъ бы радикальную реформу нашего гимназическаго воспитанія, которое теперь уже некому было бы гнуть на путь стараго (московскаго) классицизма. Мы это говоримъ потому, что покойный графъ, — по справедливому замѣчанію той же, вышецитированной нами, петербургской газеты,—принадлежалъ къ разряду тѣхъ государственныхъ дѣятелей, «умъ которыхъ, свободный и высоко-образованный, былъ совершенно далекъ отъ тѣхъ презрѣнныхъ вожделѣній мракобѣсія, съ которыми втунѣ обращалось къ нему корыстное невѣжество, спекулирующее на тощіе

Digitized by Google

остатки крѣпостничества. Графъ Толстой былъ слишкомъ умный и просвѣщенный человѣкъ, чтобы преклонять ухо къ подобнымъ нашептываньямъ и заигрываньямъ». Это онъ доказалъ отчасти и во время своего завѣдыванія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, которое онъ принялъ въ свои руки при самыхъ тяжкихъ и ненормальныхъ условіяхъ, послѣ неслыханнаго злодѣянія 1-го марта. Успокоивъ до нѣкоторой степени возмущенные умы и водворивъ въ странѣ тишину и спокойствіе,—безъ которыхъ невозможенъ никакой гражданскій порядокъ, — графъ, какъ извѣстно, задался мыслью предпринять реформу внутренняго мѣстнаго управленія, но не успѣлъ довести ее до конца. При этомъ, сколько попытокъ было со стороны разныхъ мракобѣсовъ склонить покойнаго графа къ полному разрушенію земскихъ учрежденій. Мы, однако, уже имѣли случай показать, что всѣ слухи, которые распространялись въ обществѣ разными недоброжелателями покойнаго графа насчетъ проэкта о земскихъ начальникахъ, были преувеличены, и что въ сущности этотъ институтъ во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ одобренія. Но мало ли было другихъ подобныхъ же случаевъ, о которыхъ говорили въ болѣе интимныхъ кружкахъ, когда графу рекомендовалось принятіе разныхъ репрессивныхъ мѣръ (напр., по отношенію къ печати), которыя, однако, онъ рѣшительно отклонялъ. Объ этомъ, по всей вѣроятности, намъ разскажетъ будущій біографъ покойнаго Дмитрія Андреевича. Мы же никогда не забудемъ, что въ тяжелую годину для нашего журнала покойный министръ внутреннихъ дѣлъ явился до нѣкоторой степени нашимъ заступникомъ и ослабилъ ударъ, намъ предназначавшійся, хотя, разумѣется, во многомъ не раздѣлялъ нашихъ воззрѣній. Миръ праху его!

Преемникомъ графа Д. А. Толстаго на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, какъ извѣстно, назначенъ бывшій главноуправляющій собственной Его Императорскаго Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, статсъ-секретарь Ив. Ник. Дурново. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ,—подобно своему предшественнику,—человѣкъ вполнѣ независимый, «верхними путями» достигшій власти (чрезъ предводительство и губернаторство), минуя низшія бюрократическія ступени; а, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обладаетъ въ высшей степени добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ. Оба эти качества, присущія И. Н. Дурново, безъ сомнѣнія, служатъ ручательствомъ, что его управленіе, съ одной стороны, будетъ отличаться самостоятельностью, нужной для такого отвѣтственнаго поста, какъ должность министра внутреннихъ дѣлъ, которому приходится сталкиваться съ самыми разнообразными теченіями и сильнѣйшими вліяніями; а, съ другой стороны, можно быть увѣреннымъ, что предоставленная ему многообъемлющая власть будетъ значительно смягчена душевной добротою самого министра, умѣющаго относиться съ искреннимъ участіемъ даже къ судьбѣ «малыхъ сихъ». Одинъ очевидецъ, близкій къ нашей редакціи, имѣлъ удовольствіе встрѣтить, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, И. Н. Дурново на экзаменѣ въ здѣшнемъ пріютѣ для арестантскихъ дѣтей-мальчиковъ. «Надо было ви-

Digitized by Google

дѣть—говорилъ онъ намъ—съ какой добросовѣстнѣйшею внимательностью, съ какой сердечной теплотою этотъ «сановникъ» (тогда уже товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ и предсѣдатель совѣта по тюремнымъ дѣламъ) относился къ отвѣтамъ сиротъ-малютокъ, къ ихъ обстановкѣ и образу жизни; какъ радушно предлагалъ заведенію свою поддержку въ высшихъ сферахъ, какъ обласкалъ ближайшее начальство дѣтей». Благодаря ему, этотъ маленькій питомникъ вскорѣ же получилъ утвержденнымъ свой «уставъ», чуть ли не десять лѣтъ почивавшій, въ видѣ проэкта, въ одномъ изъ безчисленныхъ отдѣленій министерства.

Будемъ же надѣяться, что И. Н. Дурново вполнѣ оправдаетъ надежды, возлагаемыя на него и волею монарха, и лучшею частью русскаго общества. Весьма недурно охарактеризовали задачу новаго министра внутреннихъ дѣлъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», отзывъ которыхъ мы и приводимъ. На вопросъ, въ чемъ заключается эта задача, газета именно отвѣчаетъ: «Мы сказали бы, что она заключается въ спокойномъ служеніи общимъ задачамъ, намѣченнымъ нашею правительственною политикою послѣднихъ лѣтъ,—политикою реальныхъ интересовъ и практическихъ рѣшеній, политикою подъема духовныхъ и матеріальныхъ силъ страны. На этой почвѣ твердо сохраняются принципы, но утрачиваютъ свое значеніе тенденціи и направленія. Государственныя мѣры должны разсматриваться *не со стороны консервативной или либеральной тенденціи, а со стороны ихъ полезности и цѣлесообразности.* Если въ самомъ обществѣ и въ органахъ общественнаго мнѣнія притупилась нѣкогда острая борьба тенденцій, *правительству нѣтъ никакого повода вновь обострять ее, становясь подъ какое либо исключительное знамя.* Государственная истина лежитъ не въ консерватизмѣ и не въ либерализмѣ, и даже не посрединѣ между тѣмъ и другимъ; она находится внѣ ихъ. Принципъ сильной, твердой и единой правительственной власти остается незыблемъ, не взирая на то, одобряется ли онъ съ консервативной точки зрѣнія, и порицается ли съ либеральной. А затѣмъ, эта сильная, твердая и единая правительственная власть, *просвѣщенная и благожелательная*, можетъ совершенно спокойно и свободно дѣйствовать заодно съ разумнымъ и трезвымъ общественнымъ мнѣніемъ, не способствуя собственному разслабленію ради призрачнаго популярничанья, и *не встрѣчая надобности прибѣгать, ради своего усиленія, къ подавленію общественной самодѣятельности, свободной гражданской жизни и свободнаго мнѣнія и слова*».

Дай-то Богъ!—скажемъ мы отъ себя,—ибо Россія только того и жаждетъ, чтобы «общественная самодѣятельность», «свободная гражданская жизнь» и «свобода мнѣнія и слова» не были систематически подавляемы во имя какихъ-то призрачныхъ опасеній и запугиваній, и на радость разныхъ монстровъ русской печати, одновременно воюющихъ и со свободомысліемъ, и съ русской грамматикой.

Въ заключеніе, еще два слова о новомъ президентѣ академіи наукъ. Покойный графъ Д. А. Толстой, какъ извѣстно, въ послѣдніе годы своей жизни, послѣ графа Литке, занималъ также

Digitized by Google

постъ президента академіи наукъ. Нынѣ преемникомъ графа Толстаго назначенъ его высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ, извѣстный въ нашей изящной литературѣ своими симпатичными поэтическими произведеніями, преимущественно лирическаго характера, появлявшимися въ печати за подписью: *К. Р.* (Въ нашемъ журналѣ, за 1887 г. № 11, было напечатано граціозное и задушевное стихотвореніе августѣйшаго поэта: «Розы», посвященное памяти И. С. Тургенева и написанное на мотивъ изъ его «Senilia»). Назначеніе на постъ президента академіи наукъ одного изъ членовъ царствующаго дома у насъ представляетъ явленіе совершенно новое. Въ немъ Государь Императоръ явилъ новый знакъ милостиваго вниманія къ русской наукѣ и литературѣ, и надобно надѣяться, что молодой, полный силъ и добрыхъ желаній, президентъ академіи наукъ явится энергическимъ покровителемъ и двигателемъ этого старѣйшаго въ Россіи учено-образовательнаго учрежденія, возникшаго по мысли Петра Великаго, но далеко не выполнившаго тѣхъ высокихъ задачъ, ради которыхъ оно созидалось на русской почвѣ. Достаточно сказать, что наша академія наукъ до сихъ поръ не сдѣлалась «академіею *русскаго* ума и таланта», и Тургеневъ, напримѣръ, чтимый во всѣхъ европейскихъ литературахъ, едва удостоился чести попасть въ «члены-корреспонденты» своей родной академіи, а о другихъ, менѣе крупныхъ дарованіяхъ и говорить уже нечего...

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(фельетонъ «Наблюдателя»).

ДАЧНЫЙ ВОПРОСЪ.

Гдѣ бы лѣто провести намъ?
Вотъ вопросъ, что́ всѣхъ тревожитъ,
И по дачнымъ палестинамъ
Ѣдетъ всякъ,—кто только можетъ,
Побесѣдовавъ съ карманомъ,
Дачнымъ воздухомъ желаннымъ
Наслаждаться невозбранно,
Вплоть до осени туманной.
Въ сéмьяхъ—споры, то и дѣло,
Изъ-за дачнаго вопроса;
Дама каждая бъ хотѣла,
(Сколько бъ то ни обошлися),
Непремѣнно въ *Павловскъ* ѣхать,
Слушать Лаубе съ эстрады,
Отъ восторга ахать, эхать
И показывать наряды...
Взрослымъ юношамъ не спится,
И, въ мечтахъ имъ *Стрѣльна* зрится.
Тамъ пейзажъ зѣло прелестный:
Тамъ купаются дѣвицы
Не въ стѣнахъ купальни тѣсной,
А на возморьѣ, на просторѣ,
На соблазнъ толпы бездѣльной;

Digitized by Google

И, въ кругу домашнихъ споря,
Юный хлыщъ все бредитъ Стрѣльной...
Наши дѣвы обитать бы
Въ Красномъ жаждали безъ мѣры:
Пусть тамъ дачи—не усадьбы,
Но зато тамъ «милитэры!»
А съ военными интрижки
Имъ милѣй запретной книжки...
Не угодно ль эти мнѣнья
Привести вамъ къ соглашенью?
И глава семьи въ смущеньѣ
Все твердитъ, едва не плача:
—«Ну, далась имъ эта дача!..»

Случайный поэтъ.

НА ЛОНѢ ПРИРОДЫ.

Какъ-то въ ясный полдень мая,
По окрестностямъ блуждая
И, затѣмъ, уставъ чертовски,
Забрался я на Крестовскій.
Солнце жжетъ лучами жарко,
Манитъ въ тѣнь прохлада парка,—
Душитъ пыль, ходить нѣтъ мочи;
Я готовъ бы хоть до нóчи
Удалиться въ лѣсъ зеленый,
Ароматомъ напоенный....
Но увидѣлъ предъ собою
Столбъ съ афишею такою,
Что ходить по парку—«*строгій*
Всѣмъ запретъ: ходи дорóгой»!

Digitized by Google

Я усталъ, жарой измученъ.
Какъ оркестръ пожарный звученъ,
Раздается птичекъ хоръ,
Манитъ зелени коверъ.
Такъ въ травѣ бъ и растянулся...
Но на столбъ я оглянулся
И вѣщаетъ столбъ опять,
Въ двѣ строки: «*травы не мять*».

Словно барышня-плутовка,
Колокольчикъ синій милъ—
Изъ травы ко мнѣ головку
Такъ привѣтливо склонилъ,
И какъ будто шепчетъ внятно:
«О, сорви меня! Пріятно
«Жертвой общей быть судьбы:
«Я отдамся безъ борьбы»!
И уже къ стеблю цвѣтка
Протянулася рука...
Но едва на столбъ ближайшій
Я взглянулъ — и въ прахъ мечты
Разлетѣлись: «*Рвать цвѣты*
Воспрещается строжайше».

Такъ привольно, на свободѣ,
Платонически природѣ
Отдаваясь съ упоеньемъ,
Пораженъ я былъ сравненьемъ:
А похожа, вѣдь, чертовски
Наша жизнь на паркъ Крестовскій.
Та же прелесть міроздапья,
Трепетъ счастья, ликованье,
Та же глубь небесъ надъ нами,

Digitized by Google

Не старѣющихъ вѣками,
То жъ полей, лѣсовъ раздолье,
То же общее приволье
Дано божіему люду;
Тѣ же краски, тѣ же тоны—
И вездѣ-то, и повсюду
Тѣ же самыя препоны...

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 6-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

		Стран.
I.	Мертвая зыбь. Романъ К. В. Назарьевой	5
II.	Свѣтъ и тьма. Стихотвореніе Л. И. Пальмина.	56
III.	Вѣкъ эпикурейства. (Черты нравовъ въ Россіи XVIII вѣка). В. О. Михневича	57
IV.	Разсвѣтъ. Стихотвореніе О. В. Чюминой.	76
V.	Золотая радуга. Романъ Давида Мюррея. (*Оконч.*)	77
VI.	На якорѣ. Повѣсть Е. Дубровиной. *(Окончаніе).*	125
VII.	Въ альбомъ знакомой болгаркѣ. Стих. А. В. Круглова	161
VIII.	Разсказы Гюи де-Мопассана. (Переводъ П. Лѣтнева)	162
IX.	М. Е. Салтыковъ. (Опытъ литературной характеристики). В. В. Чуйко	188
X.	Завѣтъ отца. (Изъ Коппе) Стихотвореніе И. М.	213
XI.	«Свѣжо преданіе»... (Изъ воспоминаній о старинномъ военномъ бытѣ). В. Н. Никитина	219
XII.	На тронѣ. Романъ Кларисы Лоде	240

Современное обозрѣніе.

XIII.	Очерки иностранной литературы. В. З.	1
XIV.	Политическая хроника	19
XV.	Новыя книги	34
XVI.	Наши внутреннія дѣла	42
XVII.	Фонографъ (фельетонъ «Наблюдателя»). Стихотворенія: Случайнаго поэта и Л. Балалайкина	60

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„НАРОДНАЯ ШКОЛА"

въ 1889 году.

(XXI ГОДЪ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ, и почетнаго диплома,— отъ комисіи экспертовъ на Славянской педагогической выставкѣ въ Чехіи.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» издается въ 1889-мъ году на прежнихъ основаніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодательство по народному образованію.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторія народнаго сбразованія.** IV) **Критика и библіографія.** V) **Новости и смѣсь.** Этотъ отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ—кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій—систематическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою **«Разныхъ извѣстій»**, любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) **Приложенія** къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и пр.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» выходитъ въ 1889 году, по прежнему, ежемѣсячными книжками отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, **четыре рубля пятьдесятъ коп.** съ пересылкою или доставкою. За границу—**6 руб.** Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», на углу Стремянной и Владимірской ул., д. № 1—6, кв. 14; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, Моховая, противъ Университета, и въ конторѣ г-жи Печковской, Петровскія линіи. Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Желая сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ нашего журнала за 1880, 1881, 1884, 1885 и 1886 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предлагаетъ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 22 р. 50 к. за пять лѣтъ—**по 15 руб. съ пересылкою.**

Редакторъ-Издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ВЪ **1889** ГОДУ (ГОДЪ ВОСЬМОЙ).

Журналъ издается въ 1889 г. подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предварительной цензуры.**

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ. Форматъ и объемъ журнала увеличены до размѣра самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій, подписная же цѣна остается прежнею: **12** р. за годъ безъ доставки; **13** р. съ доставкою въ С.-Петербургѣ; **14** р. съ перес.; **16** р. съ пересылкою за границу.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. № 1—6, кв. 14); **въ Москвѣ:** въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета) и въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи; **въ Варшавѣ**—въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4-хъ часовъ пополудни, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четвергамъ, съ часу до двухъ.

Редакторъ-Издатель **А. П. Пятковскій.**

554.6 11

ТИПОГРАФІЯ С. ДОВРОДѢЕВА, КОВЕНСКІЙ ПЕР., СОБСТВ. ДОМЪ, № 14.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google